

Н.И. Кареев

РЕФОРМАЦИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ в XVI и XVII вв.

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
В НОВОЕ ВРЕМЯ

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

Н. КАРБЕВЪ.

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній).

~~~~~
Томъ II.

РЕФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ XVI И XVII ВВ.

—~~~~~—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

1893.

Н.И. Кареев

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Развитие культурных и социальных
отношений

РЕФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ в XVI и XVII вв.

«Гаудеамус»
Москва, 2015

«Академический проект»
Москва, 2015

УДК 94(100)“05/...”
ББК 63.3(0)4/6
К22

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Кареев Н.И.

К22 История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. — 560 с. — (История Европы: эпохи). ISBN 978-5-8291-1854-9 (Академический проект)
ISBN 978-5-98426-149-4 (Гаудеамус)

В настоящее издание входит капитальный труд известного русского историка и социолога Н.И. Кареева «История Западной Европы в Новое время» (изданный в 1893–1917 гг.), который охватывает значительный период европейской истории, начиная от позднего Средневековья до начала XX в. Эта работа возникла из читанных им общих курсов новой истории, имевших своей целью выяснить значение двух главных переворотов в жизни европейского Запада за последние четыре века, то есть Реформации и Революции, в связи с общим характером новой истории с ее отличием от средневековой. Книга написана на высоком теоретическом уровне с привлечением огромного количества источников. Исторические события освещаются в связи с общим культурным контекстом, что позволяет увидеть некоторые скрытые механизмы-двигатели исторического процесса и проследить их взаимное влияние, обеспечивая необходимую для исторического анализа широту взгляда, проследить процесс становления современного европейца. Книга издается впервые с момента своего выхода в свет.

Данный том посвящен истории Европы в XVI–XVII вв. По словам самого Кареева, это был «особый период, вполне заслуживающий название реформационного, т. к. основным его фактом является религиозная Реформация со всеми непосредственно примыкающими к ней событиями, начиная той попыткой политической и социальной революции, которую сделали в Германии рыцарское и крестьянское сословия, и кончая Вестфальским миром, прекратившим последнюю вооруженную борьбу католицизма с Реформацией, с одной стороны, а с другой — первой английской революцией, бывшей настолько же явлением религиозным, насколько политическим и социальным».

Книга может быть рекомендована как историкам-профессионалам, так и всем, кто интересуется историей Европы.

**УДК 94(100)“05/...”
ББК 63.3(0) 4/6**

ISBN 978-5-8291-1854-9
ISBN 978-5-98426-149-4

© Составление, оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2015
© «Гаудеамус», 2015

ВСТУПЛЕНИЕ

I. Изучение реформационного периода

Разделение новой истории на периоды и подразделение реформационного периода. — Общие сочинения по истории Реформации. — Анализ реформационного движения. — Главные вопросы при изучении Реформации в отдельных странах. — План изложения Реформации. — Немецкая Реформация. — Историография Реформации в отдельных странах Западной Европы. — Общий взгляд на литературу предмета. — Историко-философские точки зрения.

XVI и первая половина XVII в. в истории европейского Запада составляют особый период, вполне заслуживающий название реформационного, т. к. основным его фактом является религиозная реформация со всеми непосредственно примыкающими к ней событиями, начиная той попыткой политической и социальной революции, которую сделали в Германии рыцарское и крестьянское сословия, и кончая Вестфальским миром, прекратившим последнюю вооруженную борьбу католицизма с реформацией, с одной стороны, а с другой — первой английской революцией, бывшей настолько же явлением религиозным, насколько политическим и социальным. Беря круглые числа, мы можем сказать, что реформационный период заключается между 1520 и 1650 гг. (или 1517 и 1648 гг.), охватывая, таким образом, около 130 лет, т. е. почти полтора века, за которыми следует другой период тоже приблизительно в полтора столетия, именно между 1648 и 1789 гг., т. е. вторая половина XVII в. и почти весь XVIII в., — период, характеризующийся господством на материке Европы абсолютной монархии. Наконец, время от 1789 г., т. е. от начала французской революции до наших дней, составляет третий период новой истории, который принято называть у нас (и у немцев) историей новейшей, а у французов *histoire contemporaine* (хотя часто за исходный пункт последней принимается 1815 г.). Конечно, все эти хронологические даты и вся эта периодизация имеют значение более или менее внешнего удобства при изложении событий Нового времени, и ради того же внешнего удобства подлежащий прежде всего нашему рассмотрению реформационный период может быть подразделен на меньшие периоды приблизительно одинаковой же продолжительности, а именно: 1) от начала Рефор-

мации до аугсбургского религиозного мира (1517–1555), когда главная роль в реформационном движении принадлежит Германии и немецкой Швейцарии, распространяется и утверждается главным образом лютеранизм, возникает, кроме того, Англиканская Церковь, реформа получает преимущественно монархический характер, и со стороны католицизма только к концу периода начинается настоящее противодействие протестантизму, который в то же время получает новую форму — кальвинизма; 2) от аугсбургского религиозного мира до издания Нантского эдикта (1555–1598), когда происходит распространение (во Франции, Шотландии, Нидерландах, Польше и т. д.) кальвинизма, вступающего в некоторых странах в борьбу с королевской властью и выставляющего идею народовластия, совершается сильная католическая реакция и происходят религиозные войны; 3) от начала до середины XVII в., когда на континенте Европы происходит религиозно-политическая борьба, известная под названием Тридцатилетней войны (1618–1648), а в Англии борьба между королевской властью и парламентом, завершающаяся первой революцией (1640–1649) и учреждением сектантской (индепендентской) республики. Реформационный период, как одно целое, был предметом нескольких отдельных трудов или самостоятельных частей исторических сочинений большего объема. Таким трудом является курс Гейсера «*Geschichte des Zeitalters der Reformation*», существующий в русском переводе под редакцией В.М. Михайловского и с большим (83 с.) историческим очерком о «предвестниках и предшественниках Реформации в XIV и XV вв.». Книга Гейсера, занимающая в русском переводе более 700 страниц, представляет из себя первую (1868) попытку светского историка (т. е. не историка Церкви¹) дать общую историю реформационного периода в намеченных выше рамках, причем в его изображении этой эпохи преобладает политическая точка зрения (с международными отношениями эпохи) и история тех форм протестантизма, которые получили официальное признание. Гейсер игнорирует социальные отношения и движения эпохи, сектантские учения, развивавшиеся параллельно с правотверным протестантизмом, и всю умственную жизнь этого времени. Другим сводом новейших работ по истории Реформации является труд американского историка Фишера под заглавием «*The Reformation*» (1873), особенно важный по своей библиографии источников и пособий, весьма полной, так что главное значение книги — справочное. Кроме того, Реформация была предметом и историко-философского рассмотрения не только в философиях истории², но и в отдельных сочинениях,

¹ Из историков Церкви см.: *Gieseler* «*Lehrbuch der Kirchengeschichte*», том III с выписками из источников, *Baur* «*Kirchengeschichte*», т. IV, *Hagenbach* «*Reformationsgeschichte*», *Henke* «*Neuere Kirchengeschichte*». Для справок важна «*Real-Encyclopadie für protestantische Theologie*» *Герцога*. См. еще: *Merle d'Aubigné*. «*Histoire de la réformation au XVI siècle*» и *его же*: «*Histoire de la réformation au temps de Calvin*».

² См. ниже.

каковы известные труды: «Философское мировоззрение реформационного времени» (*Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit*, 1847) Морица Карьера, «Рассуждения об эпохе Реформации» (*Betrachtungen über das Zeitalter der Reformation*, 1858) Росмана, «Реформация» (*La réforme*), составляющая VIII том *Etudes sur l'histoire de l'humanité* Лорана, к которому нужно прибавить и следующий том о религиозных войнах (*Les guerres de religion*), «Реформация XVI в. в ее отношении к новому знанию и мышлению» Beard'a, существующая и в немецком переводе (1884). Кроме того, обзоры реформационной истории представляют собой соответственные тома больших всемирных историй Шлоссера, Беккера и Вебера, а также и части больших коллекций Онкена и Флате-Филиппсона¹, в которых изложение Реформации, как таковой, не выделено в самостоятельное целое, не говоря уже об истории Реформации в отдельных странах.

«Реформационное движение, — писали мы в другом месте², — было явлением очень сложным, но все его элементы распределяются по трем главным категориям: у каждой были свои причины, свои движущие силы, своя сфера действия, свои результаты. Прежде всего, Реформация была движением чисто религиозным, крупным событием в истории западного христианства как вероучения и церковной организации. С этой стороны в ее основе лежали верующая совесть, оскорблявшаяся "язычеством" "вавилонской блудницы", и направленная на вопросы веры мысль, не сносившая ига непомерной власти "антихриста", — говоря языком реформаторов и сектаторов о Римской Церкви и папе; заявленными целями Реформации были "возвращение христианства к апостольским временам" посредством "очищения веры от людских выдумок" и "освобождение духа от мертвящей буквы предания". Результаты Реформации в этом отношении — разрушение религиозного единства Западной Европы, образование новых исповеданий и основание новых церквей, развитие мистического и рационалистического сектантства, перерешение догматических, моральных и церковно-практических вопросов, новое направление теологического мышления, развитие новых религиозных принципов, вольномыслие антитринитариев и деистов, учения которых представляли собой выход из исторического христианства в философию «естественной религии», и вместе с тем оживление умирившего католицизма, пересмотр его догматов, починка всей его внутренней организации. Протест, который мы здесь видим, истекает из глубины религиозного чувства и из недр пытли-

¹ В сборнике исторических монографий Онкена история немецкой Реформации обработана Ф.Ф. Бецольдом: «*Geschichte der deutschen Reformation*». В «*Allgemeine Weltgeschichte*» von Th. Flathе, G. Herzberg, F. Justi, J. Pflug-Harttung und M. Philippson истории реформационного периода посвящены VII и первая половина VIII тома, написанные Филиппсоном, как и вся новая история. См. также сборник статей «*Maurenbrecher's Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit*».

² См. мой «Очерк реформационного движения и католической реакции в Польше». М., 1886. С. 34–37.

вой мысли, не удовлетворявшейся традиционным решением религиозных вопросов. Но средневековый католицизм не был вероисповеданием только: как царство от мира сего, он вызывал против себя протесты иного рода из-за чисто светских побуждений, из-за отношений чисто земной жизни человека и общества. Он был целой системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и социальную организацию средневековых католических народов: его универсализм отрицал национальность, его теократическая идея давила государство, его клерикализм, создававший духовенству привилегированное положение в обществе, подчинял его опеке светские сословия, его спиритуалистический догматизм представлял мысли слишком узкую сферу, да и в той не давал ей свободно двигаться. Поэтому против него давно боролись и национальное самосознание, и государственная власть, и светское общество, и усиливавшееся в последнем образование, — боролись не во имя чистоты христианского вероучения, не во имя восстановления Библии, как главного авторитета в делах религии, не во имя требований внутреннего голоса совести, встревоженной «порчей Церкви», и пытливой религиозной мысли, обратившейся к критике того, что перед ее судом оказывалось «людскими выдумками», а просто потому, что система на все налагала гнет и втискивала жизнь в свои рамки, мешая ее свободному развитию. Борьба против Рима, не касавшаяся вопросов царства не от мира сего, — явление довольно раннее в европейской истории: нападения на католицизм как на вероучение и церковь, не согласные с духом христианства, со Священным Писанием, с требованиями верующей совести и мысли, возбужденной религиозными вопросами, — нападение, к которому подавало повод и противоречие между системой в идее и системой на деле, подрывавшее ее былую власть над душами, — объединяло, усиливало, направляло к одной цели элементы светской борьбы с католицизмом во имя прав национальности, прав государства, прав светских сословий, прав образования, прав, в основе которых лежали чисто мирские интересы, и само находило помощь в этой оппозиции Риму — национальной и политической, в этой вражде к духовенству — сословной и интеллектуальной. Гуманизм также заключал в себе идеи, через которые чисто культурно-социальная оппозиция могла бы объединиться, формулировать свои требования, направиться к одной цели, и до известной степени он так действовал, секуляризируя мысль и жизнь западноевропейских обществ, но значение реформации именно в том и заключается, что оппозиция католической культурно-социальной системы во имя чисто человеческих начал интереса и права пошла под знаменем реформированной религии. Наконец, развитие жизни выдвигало у отдельных наций разные другие вопросы политического, социального, экономического свойства, не имевшие сами по себе отношения ни к «порче Церкви», ни к гнету курии и клира; в разных местах Западной Европы велась своя внутренняя борьба и готовились свои домашние столкновения, которые могли, как это и случилось в Испании при Кар-

ле V, разыграться вне всякой связи с Реформацией Церкви и с оппозицией курии и клиру или же соединиться с движением чисто религиозным и с национальным, политическим, сословным и интеллектуально-моральным протестом против папы и католического духовенства, что мы и видим в Германии, где за Реформацию схватились и гуманисты, незадолго перед тем окончившие победоносную кампанию против «обскурантов», и имперские рыцари, недовольные новыми порядками, введенными в конце XV в., и крестьяне, начавшие волноваться еще раньше, и низший слой городского населения, среди которого происходило социальное брожение против богатых, и князья, стремившиеся уничтожить последние признаки власти императора.

Религиозный протест против «порчи Церкви», оппозиция курии к клиру по побуждениям чисто светского характера, местные общественные дела — вот три категории элементов, участвовавших в реформационном движении XVI в. Где происходил религиозный протест, там проявлялась оппозиция против Рима и католического духовенства и дело социально-политической реформы или революции велось под знаменем религии; но местная политическая борьба не вызывала сама по себе религиозной реформации (пример — Испания), как, с другой стороны, борьба против притязаний курии и привилегий клира могла идти под знаменем секуляризирующих мысль и жизнь идей гуманизма в широком смысле этого слова, под влиянием идей античной философии и науки, античной политики и римского права, вроде того, как в Италии подкапывали католицизм сочинения Лоренцо Валлы, объявившего подложность грамоты, на которой средневековые папы основывали свои притязания на светскую власть, или Никколо Макиавелли, видевшего в папстве главную помеху для объединения Италии.

Основные причины реформационного движения XVI в. были далеко неравномерно распределены по разным странам. Не говоря уже о том, что у каждого народа в его внутренней жизни была своя «злота дня», у одного — одна, у другого — другая, у одного — способная уладиться путем мирной реформы, у другого — необходимо вызывавшая революционное столкновение, — отдельные народы были в своих массах и в своих правящих классах не совсем одинаково религиозны в количественном и качественном отношении и различным образом должны были относиться к далекой курии и своему собственному клиру, т. к. и курия, в сущности, вызывала к себе разные чувства, и клир одной страны не был похож на клир другой, и сами нации во всем остальном не вполне походили одна на другую. Одни и остались верны и старой религии, и «святому отцу», и своим духовным пастырям, тогда как другие завели у себя новые веры, отреклись от папы как от «антихриста», возмутились против «волков в овечьей шкуре». Мало того: в одной и той же нации Реформация имела иногда совершенно разный успех у отдельных сословий и начиналась то снизу, от общества, то сверху, от власти, да и тут вопрос о том, пойдет ли правительство за народом или народ за правительством,

решался в общем и в подробностях не везде одинаково. Исследовать с этой точки зрения происхождение реформации в каждой отдельной стране, «анализируя факты, представляемые ее историей, и сравнить результаты исследования, сопоставляя однородные и разнородные факты, — вот, по нашему мнению, единственный путь, чтобы не сделать скороспелых, односторонних или прямо неверных заключений о причинах возникновения реформационного движения вообще или в той или в другой стране в частности».

Общие причины реформационного движения должны быть понятны из того обзора состояния Западной Европы в XIV и XV вв., который дан в первом томе настоящей книги, но затем еще остается целая область истории отдельных стран, в которых эти общие причины комбинировались различным образом. При изучении Реформации в какой-либо отдельной стране нужно иметь в виду следующие четыре общих вопроса, ответы на которые заключают в себе все данные, необходимые для понимания причин и условий, внешнего хода и внутреннего характера, следствий и результатов Реформации в данной стране.

Первый общий вопрос заключает в себе целую категорию вопросов *о состоянии страны* в отношениях религиозном, умственном, национальном, политическом и социальном. Религиозное настроение отдельных стран было далеко неодинаково, и как сам католицизм в лице своих представителей, так и отношение к нему отдельных народов были не одни и те же в разных странах: Испания, только что покончившая вековую борьбу с маврами, была вполне довольна своим католицизмом, сделавшимся ее национальным знаменем, да и сама воинствующая Церковь не подверглась здесь порче в такой степени, как в других местах, а в Германии, наоборот, давно происходило глухое, но глубокое религиозное брожение, которое рано или поздно должно было прорваться наружу. В умственном, да и нравственном отношении опять отдельные народы стояли далеко не на одинаковом уровне: например, итальянская гуманистическая интеллигенция была довольно индифферентна к религии и Церкви, а народная масса суеверна и чувственна, между тем как гуманизм немецкий соединялся с богословскими интересами и реформационными стремлениями, а в народных массах замечалось (в развитии сектантства) известного рода более моральное отношение к религии, чем можно его предполагать в Италии. То же самое и в смысле национальной оппозиции: в Испании католицизм и национальность сделались синонимами, благодаря религиозной и племенной борьбе с маврами, для Италии папство было тоже как бы национальным учреждением, но в Германии беззастенчивое хозяйничанье курии оскорбляло национальное чувство в то же самое время, как и немецкие князья чувствовали всю тяжесть папской опеки, неизвестную, например, во Франции, где государственная власть, сумела оградить себя от вмешательства папы. Далее на историю Реформации оказывали влияние внутренние, чисто политические отношения отдельных стран и прежде всего их

устройство, была ли, например, страна унитарным или федеративным государством: государства первой категории в общем решали у себя вопрос в ту или другую сторону, тогда как в таких федерациях, какими были Германия и Швейцария, отдельные княжества и кантоны по-своему решали вопрос, и политическая раздробленность отражалась на религиозном разъединении, как, в свою очередь, религиозное разъединение способствовало и политическому распадению федеративной страны (Нидерланды). Форма правления, существовавшая в государстве, в общем переносилась и в новое церковное устройство: Реформация, возникшая в Германии или Англии, приняла монархический характер, тогда как цюрихская и женеvская — республиканский.

В связи с этими вопросами стоят вопросы второго рода: *кому принадлежала инициатива реформационного движения и кто им воспользовался?* Реформа могла идти снизу, от народа, или сверху, от власти, могла быть общенародной или сословной, могла содействовать усилению государственной власти или расширению народных прав. В Германии реформа шла снизу и была общенародной, но политическое и социальное движение, совершившееся под религиозным знаменем, было подавлено князьями и все плоды протекших событий выпали на их долю. В Шотландии и Голландии реформа идет тоже снизу, но результаты ее иные. В Дании и Швеции инициатива Реформации принадлежит королевской власти, так же как и в Англии, но в этой последней стране рядом с Реформацией, возникшей по инициативе правительства и содействовавшей его усилению, началась другая Реформация, народная, и столкновение между ними было одной из сторон той революции, которая была в Англии в середине XVII в. и содействовала победе народных прав. Во Франции и Польше ни власть, ни масса населения не приняли участия в движении, которое в обеих странах получает характер сословный, преимущественно дворянский и, хотя в разных степенях, содействует усилению королевской власти в одной стране неудачным своим исходом, а в другой — ослаблению вообще государственного начала.

Третий вопрос — *о моменте, когда происходило движение в той или другой стране*. В этом отношении важно различие между странами ранней Реформации и странами Реформации поздней: в первых все было внове, вторые имели уже многое готовым; движение, совершившееся в первых странах, застало католицизм врасплох, во вторых оно встретило уже сильное противодействие со стороны старой Церкви. В этом отношении важно деление истории XVI в. на первую и вторую половины и составляющие два главных момента.

Четвертый вопрос касается *характера учения, принятого той или другой страной, и учений, параллельно с ними развивавшихся*. Личность главного реформатора — Лютера, Цвингли и Кальвина — играет важную роль, но она не должна совсем заслонять роли ни их помощников — второстепенных реформаторов, ни сектаторов вроде Фомы Мюнцера, Сервета или Социна,

которому удалось организовать в Польше, среди сплошной массы католического (и православного в русских землях) населения и рядом с братьями чешскими (гуситами), лютеранами и кальвинистами, особую антитринитарскую Церковь. Лютеранизм, цвинглианизм и кальвинизм отличались между собой не только по своей способности распространяться вне своей родины (кальвинизм был космополитичнее) и не только по своим политическим принципам, что зависело от момента и среды, в которых возникло то или другое учение, но и с принципиальной стороны, да и здесь опять-таки не только как вероисповедания с догматическими и обрядовыми отличиями, но и по своим отношениям к образованию, морали, индивидуальным правам, социальным и политическим вопросам, и во всех этих отношениях, наконец, особенно любопытна разница между протестантизмом всех оттенков и сектантством, в котором опять-таки можно говорить о большем или меньшем мистицизме и рационализме, демократизме и аристократизме, социальном или политическом характере, а созерцательном или деятельном направлении, когда мы имеем перед собой анабаптистов, антитринитариев (и в их числе — социниан), индепендентов, христианских деистов и т. п.

Первые два вопроса (состояние страны и происхождение реформации) относятся главным образом к тому, что составляет особенности в истории отдельных народов, два другие (момент движения и характер принятых учений) — к тому, в чем отдельные страны могли, наоборот, сходиться между собой, например одновременно принимая одну и ту же форму протестантизма. С той точки зрения, на какой мы стоим в этой книге, общее должно было бы вообще предшествовать частному, и до известной степени в последующем изложении этот принцип будет проводиться, но само происхождение общего не будет для нас вполне ясно, если мы не начнем с истории Реформации в тех странах, где она впервые возникла и организовалась, и с истории происхождения главных ее форм. В этом отношении история лютеранской Реформации в Германии со всеми вызванными ею или стоявшими с ней в связи событиями до аугсбургского религиозного мира, окончившего собой первый период в новой истории немецкого народа, — что совпало с важными переменами и в других странах, — заслуживает особого внимания. Конечно, Реформация только потому и могла стать явлением общеевропейским, что причины ее лежали вне какой-либо отдельной нации, но по многим историческим условиям ее инициатива выпала на долю именно немецкого народа, как происхождение гуманизма — на долю Италии, а революция — на долю Франции. Почему это случилось, мы уже отчасти видели из небольшого сравнения между отдельными нациями, какое было сделано выше. Рассматривая Реформацию в Германии, мы уже по одному этому не должны упускать из виду культурно-социальные условия, породившие это движение среди немецкого народа, но есть и другая причина, заставляющая нас остановиться на Германии в реформационную эпоху подробнее: со времени великого междуцарст-

вия в середине XIII в. до французской революции в конце XVIII в., т. е. в течение целой половины одного тысячелетия в истории Германии не было более решительного момента, как тот, когда в ней происходила Реформация, вызванная всем предыдущим развитием, особенно в XIV и XV вв. и обусловившая собой всю дальнейшую историю страны и народа с Тридцатилетней войной и политическим упадком XVIII в. включительно.

Весьма естественно, что реформационная эпоха в Германии была предметом весьма внимательного изучения со стороны немецких историков. В 1839—1847 гг. вышли в свет шесть томов «Немецкой истории в эпоху Реформации» (*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*) Леопольда Ранке, доведенной до аугсбургского религиозного мира в пяти томах, за которыми следует том с дополнениями и примечаниями. С этого труда, в котором преобладает политическая точка зрения, как и во всех вообще сочинениях Ранке и его школы, собственно говоря, и начинается научная разработка реформационной эпохи в Германии, вместе с трехтомным сочинением Карла Гагена о «литературных и религиозных отношениях в Германии» в тот же период времени (*Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter*), вышедшем в свет в 1841—1844 гг. и важном, между прочим, для истории немецкого гуманизма, равно как с появившейся в те же годы (1841—1842) трехтомной, переведенной на русский «Историей великой крестьянской войны» (*Geschichte des grossen Bauernkrieges*) В. Циммермана, до сих пор имеющей значение лучшей общей истории крестьянского движения в Германии. С сороковых годов нынешнего века, когда общие труды Ранке, Гагена и Циммермана осветили с точек зрения новейшей исторической науки немецкую Реформацию, разработка ее истории продолжалась неустанно в целой массе сочинений, главнейшие из которых будут указаны в своем месте, за последнее же время сделаны были две крупные попытки обозреть немецкую историю за этот период. Одна из них принадлежит католическому писателю Янсону, автору большой «Истории немецкого народа с исхода Средних веков» (*Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters*), сочинению, в котором обращено особое внимание на культурные и социальные отношения, но которому недостает научного объективизма, т. к. все клонится к тому, чтобы выставить процветание Германии до Реформации и упадок после Реформации с отнесением на ее счет всех неблагоприятных перемен. Другим трудом является неоконченное еще сочинение Г. Эгельгаафа «Немецкая история в XVI в. до аугсбургского религиозного мира» (*Deutsche Geschichte im XVI Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden*), остановившееся пока на 1526 г.¹

---

¹ См. также: *Souchay*. Deutschland während der Reformation, а также вышеуказанную книгу *Bezold*'а.

Следуя хронологическому порядку, в каком развивалась и распространялась Реформация, мы должны были бы, прежде всего, указать на сочинения, в которых рассматривается Реформация в Швейцарии, скандинавских странах и Англии, но швейцарская Реформация рассматривается главным образом в биографиях Цвингли и Кальвина, датская и шведская — в общеисторических сочинениях¹, и только для Англии можно указать на специальную литературу, причем отметим русскую книгу г. В. Соколова «Реформация в Англии» (Генрих VIII и Эдуард VI). В английской и немецкой исторической литературе, кроме таких более общих трудов, каковы «History of England from the accession of James II» Маколея (перев. по-русски), в первом томе которой есть очень краткий очерк XVI и XVII вв., и «Английской истории преимущественно в XVI и XVII вв.» (Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert) Л. Ранке, важной главным образом для эпохи Стюартов, есть сочинения, относящиеся к истории Реформации в XVI в.: «История Реформации в Великобритании» (Geschichte der Reformation von Grossbritannien) Г. Вебера, «История Англии от падения Вольсея до смерти Елизаветы» (H. of E. from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth), «История церкви в Англии со времени уничтожения римской власти» (History of the Church of England from the abolition of the roman jurisdiction) Д.К. Ватсона, «История религиозной мысли в Англии с эпохи Реформации» (History of the religions thought in England from the reformation) Гента (Hunt) и популярные лекции (4) Мауренбрехера под заглавием «England im Reformationszeitalter»².

Главный интерес для истории реформационного периода должен сосредоточиваться по отношению к Англии не на XVI, а на XVII в., литературу которого мы укажем в своем месте.

В пятидесятых годах XVI в. происходит весьма быстрое распространение кальвинизма, и с этого главным образом времени начинается история настоящего реформационного движения во Франции, в Шотландии, в Нидерландах и в Польше. История Реформации во Франции, кроме соответственных отделов в общих трудах Сисмонди, Мишле, Анри Мартена, Дареста, а также энциклопедии «La France protestante» Нааг'а, была предметом исследования многих французских и иностранных (по отношению к Франции) ученых, в том числе и русских: проф. И.В. Луцицкого («Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции») и «Католическая лига и кальвинисты во Франции») и г. Клячина («Политические собрания и по-

¹ *Dahlmann. Geschichte von Dänemark. — Munter. Kirchengeschichte von Danemark. — Geijer. Schwedische Geschichte. — Knös. Darstellung der schwedischen Kirchenverfassung.* Сочинения Дальмава и Гейера входят в состав коллекции Геерена и Уккерта. На русском языке см. труд Г.В. Форстена «Борьба из-за господства на Балтийском море».

² Не указываем здесь на общие истории Англии и на такие сочинения, как входящий в Онкеновскую коллекцию труд Филиппсона об эпохе Филиппа II, Елизаветы Английской и Генриха IV. См. также новое сочинение: *Dorean V. Origines du schisme d'Angleterre* F.A. Gasquet and E. Bichop. Edward VI and the book of Common Prayer.

литическая организация кальвинистов во Франции XVI в.)). Главные французские труды суть следующие: «История Реформации, лиги и царствования Генриха IV» (*Histoire de la réforme, de la ligue et du règne de Henri IV*) Капфига, требующая, однако, большой осторожности при пользовании, «История протестантов во Франции» (*H. des protestants en Fr.*) де Фелиса, «История политических собраний реформатов во Франции» (*H. des assemblées politiques des réformés de France*) Анкеза (*Anquez*), «История французской Реформации» (*H. de la réforme française*) Пюо (*Puau*), «История Генриха IV» (*H. de Henri IV*) Пюарсона, «Церковь и государство во Франции при Генрихе IV и Марии Медичи» (*L'église et l'état en France sous le règne de Henri IV et la régence de Marie de Medicis*) Перранса, «Религиозная борьба во Франции в XVI в. (*Les luttes religieuses en France au XVI s.*) виконта де Мо, «Французская Реформация до междоусобных войн» (*La ref. fr. avant les guerres civiles*) г-жи Куанье, «История установления протестантизма во Франции» (*H. de l'établissement du protestantisme en Fr.*) Агессо. Весьма много для истории французского протестантизма сделано было немецкими учеными: кроме охватывающей более продолжительную эпоху и всю политическую жизнь «Французской истории преимущественно в XVI и XVII вв.» (*Französische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert*) Л. Ранке, нужно назвать труды Зольдана (*Geschichte, des Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Karls IX*) и фон Полленца (*Geschichte des französischen Calvinismus*).

История шотландской Реформации, кроме сочинений, посвященных жизни Нокса, рассматривается как в общих историях Шотландии¹, так и в специально посвященных этому предмету трудах². Нидерландская Реформация излагается в общих историях страны³, в сочинениях, рассматривающих историю восстания Нидерландов против Филиппа II, о чем будет идти речь в другом месте, и в особых трудах, посвященных предмету⁴. За последнее время особенно посчастливилось разработке истории Реформации в Польше, о чем можно найти более подробно в моей брошюре «Вопрос о религиозной Реформации XVI в. в Речи Посполитой», короче, в моей книге «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше», так что здесь я отмечу лишь русские труды проф. Н.Н. Любовича («История Реформации в Польше» и «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше») и то, что по этой эпохе дает переведенный по-русски «Очерк истории Польши» (*Dzieje Polski w zarysie*) проф. М. Бобржинского.

¹ *Burton*. The history of Scotland.

² *Rudloff*. Geschichte der Reformation in Schottland.

³ *Wenzelburger*. Geschichte der Niederlande.

⁴ Голландский труд *de Hoop Scheffer*'а, переведенный на нем. язык. Старое сочинение *Brandt*'а (*Hist. abrégée de la reformation des Pays-Bas*).

Кроме указанных стран, Реформация распространилась и в других государствах, каковы Чехия и Венгрия¹. Южнороманские страны были также затронуты реформационным движением XVI в., хотя оно здесь не привилось, а встретило против себя сильный отпор, так что начало так называемой католической реакции было положено именно в Италии, Испании и Португалии. Истории этих любопытных отношений посвящено также несколько трудов, каковы старые, переведенные по-французски и по-немецки сочинения М'Срие «История успехов и подавления Реформации в Италии» (*History of the progress and oppression of the reformation in Italy*) и такая же история Реформации в Испании, «История Реформации в Италии» (*Storia della riforma in Italia*) Комбы, «История испанского протестантизма в XVI в.» (*Geschichte des spanischen Protestantismus im XVI Jahrhundert*) Вилькенса.

Если ко всем указанным историческим трудам по истории Реформации вообще и в отдельных странах прибавить еще сочинения по истории католической реакции, которые будут указаны ниже, сочинения по истории отдельных событий, движений, находящихся в связи с Реформацией, каковы рыцарское и крестьянское восстания в Германии, нидерландская и английская революции и, наконец, Тридцатилетняя война, а также сочинения по истории сект реформационной эпохи, как всех вообще², так и каждой в отдельности (см. ниже), если вспомнить еще о существовании исторических трудов о предшественниках Реформации и об отношении Реформации к гуманизму, то мы получим громадную литературу, которая с разных сторон освещает нам этот важный период в истории Западной Европы. Вся приведенная литература относится главным образом к последним двум третям нынешнего столетия. Действительно, только с тридцатых-сороковых годов начинается настоящее научное отношение к реформационной истории. Конечно, ею занимались и раньше, начиная с современников и ближайшего потомства реформаторов, но долгое время в сочинениях по этой эпохе преобладали церковное содержание и вероисповедная точка зрения: первые труды по истории эпохи рассматривают Реформацию главным образом как крупное событие в истории религии и Церкви, причем защищают то или другое протестантское вероисповедание или, как это сделал, например, в XVII в. Боссюэ в своей «Истории изменений в протестантских церквях» (*Histoire des variations des églises protestantes*), наоборот, католицизм. Только с течением времени и именно только в указанное время выдвинулось вперед политическое значение Реформации, которая и стала изучаться как событие в политической истории и с точки зрения, соответствовавшей новой постановке вопроса о ее историческом значении, хотя,

---

¹ Кроме общих историй *Gindely*. Geschichte der böhmischen Brüder. — *Czerwenka*. Geschichte der evangelischen Kirche in Böhmen. — *Linberberger*. Geschichte des Evangeliums in Ungarn. — *Balogh*. Gesch. der ungar. — protestantischen Kirche.

² *Erbkam*. Geschichte der protestantischen Secten im Zeitalter der Reformation.

например, протестантские симпатии такого объективного историка, как Ранке, едва ли могут подлежать сомнению. Книга Гейсера главным образом и отразила на себе такой политический взгляд на Реформацию. Новые историографические направления — культурное и социальное — завладели также этим предметом, а именно: одно — примкнув к старому церковно-религиозному направлению, только расширив его и лишив вероисповедной окраски, другое — соединившись с политическим взглядом, но углубив его посредством привлечения к исследованию тех социальных, главным образом экономических перемен, которые входили в состав или причин, вызвавших реформационное движение, или следствий, им произведенных. Расширение старого, церковно-религиозного и вероисповедного взгляда в культурно-исторический и научный весьма понятно, раз религия сама входит в число элементов культуры и раз католицизм был не только вероисповеданием, но и целой культурной системой. Весьма естественно было и появление политического взгляда на Реформацию и потому, что политическая ее сторона прямо бросается в глаза, и потому, что область политики всегда находилась в особенной связи с историей, так что для большинства прагматическая история (т. е. история событий) есть по преимуществу история политическая. Открытие у Реформации стороны социальной и особенно стремление к ее изучению с этой стороны относятся к позднему времени, как и вообще установление этой историографической точки зрения¹. С одной стороны, Церковь, отождествившаяся с духовенством и монашеством, была сословием, общественным классом, опиравшимся, между прочим, и на крупное землевладение, и Реформация, уничтожившая сословные привилегии клира и церковное землевладение, должна была поэтому произвести переворот в социально-экономических отношениях, с другой — социальное недовольство, особенно низших слоев народа принимало религиозную окраску, и желание улучшить свою судьбу заставляло народ уходить в секты, бывшие одновременно проповедью не одних религиозных, но и общественных доктрин. Эта точка зрения заслуживает большого внимания, хотя, разумеется, одна она — при всей важности сословных стремлений и междусословных отношений (разумея под сословиями и общественные классы) — не в состоянии объяснить такое сложное явление, как Реформация: социальное направление в изучении Реформации есть желательное и необходимое дополнение, расширяющее прежние постановки вопроса, но оно только утрачивает свою научность, когда суживает исторический взгляд, сводя главные явления реформационной эпохи к одному взаимоотношению общественных классов на почве главным образом экономических интересов.

¹ Социальная точка зрения на религиозные движения устанавливается в брошюре проф. Н.Н. Любовича «Общественная роль религиозных движений». См. также в книге Th. Rogers'a «The economic interpretation of history» главу «The social effect of religious movements».

Нескольких общих замечаний требует и другая сторона дела. Грубо конфессиональная точка зрения первых историков Реформации уступила место более объективной критике, причем главная заслуга исторического выяснения всей эпохи принадлежит, несомненно, писателям протестантским или сочувствующим протестантизму как известной форме религиозного сознания, и, в общем, писатели католического лагеря напрасно стараются поколебать то представление о Реформации, какое образовалось в исторической литературе благодаря некаатолическим писателям, хотя в частных случаях и нужно считаться с вносимыми с их стороны поправками. Протестантское отношение к Реформации — положительное, но на суждение о ней и протестантских историков нередко оказывали влияние предвзятые взгляды. Любопытно только, что тяжба между двумя лагерями перенесена теперь на новую почву: прежде спор шел о том, где, на чьей стороне религиозная истина, тогда как теперь противники стараются доказать, что Реформация содействовала или препятствовала общему культурно-социальному прогрессу, т. е. отыскивается некоторый неконфессиональный историко-философский критерий для решения вопроса о значении Реформации.

С историко-философских точек зрения Реформация и обсуждалась в разных сочинениях, имеющих историко-философский характер, каковы труды Банле, Бидермана, Бокля, Карьера, О. Конта, Диркса, Дрэпера, Гизо, Гереля, Гельвальда, Генне-Ам-Рина, Германа, Кольба, Лорана (*Philosophie de l'histoire*) и др.¹ Все труды в этой области могут быть подведены под категории сочинений теологических, метафизических и позитивных (в контовском смысле слова), и только в историко-философских обзорах последней категории делалась попытка выяснить историческое значение Реформации без отношения к внутренней истинности или ложности протестантизма², но и тут допущено было одностороннее отношение к делу. Переноса на прошлое тот взгляд на положительное знание, с которым в позитивизме соединены надежды касательно будущего, легко было объявить органическим лишь то историческое движение, которое проявилось в развитии науки, долженствующей дать прочные основания для всех областей мысли и жизни, и легко было поставить рядом с ним, как расчищающее путь для этого движения, другое — критическое, разрушавшее то, что не могло быть уничтожено первым по его слабости, но без отрицания чего не могло бы происходить и созидание нового. Рядом с этими двумя движениями — органическим, положительным, созидательным и критическим, отрицательным, разрушительным — поставлено было третье движение — реформационное, и сущность его была определена таким образом, что лишь по видимости оно стало во враждебные отношения к старому порядку вещей, но в действительности оно стремилось

¹ Полные заглавия их сочинений см. в I томе моих «Основных вопросов философии истории».

² Даже Лоран в своих трудах обсуждает католицизм и протестантизм с точки зрения своей личной, чисто деистической религии.

лишь преобразовать старину, сохраняя прежнее содержание под новыми формами. С этой точки зрения первое движение представлено успехами положительной науки, на первых порах в области естествознания и лишь гораздо позднее в сфере человеческих (культурных и социальных) отношений, второе — развитием скептицизма, направленного на вопросы отвлеченной мысли и реальной жизни, третье — возникновением и распространением протестантизма, который, как и католицизм, враждебно отнесся к первым двум движениям или, вернее говоря, ко второму, т. к. первое было еще очень слабо. Принимая далее, что прогрессивность была на стороне критического движения, расчищавшего путь для движения органического, этот взгляд склонен отводить реформационному движению второстепенное место и видеть в нем более реакционное, чем прогрессивное явление. Такова в общих чертах точка зрения, выставленная французским позитивизмом, и она, разумеется, была навеяна многими действительными отношениями реформационной и послереформационной эпох, но ее односторонность заключается прежде всего в том, что тут имеется в виду главным образом одно умственное развитие и лишь по отношению к нему эта точка зрения рекомендует оценивать религиозную Реформацию, сопровождавшуюся падением светской науки и нетерпимостью, причем забываются другие сферы — моральная, социальная и политическая, в которых Реформация играла разную роль, смотря по обстоятельствам места и времени. Во-вторых, с рассматриваемой точки зрения вне реформационного движения в эпоху его господства действительную силу могло иметь только движение критическое, т. к. органическое только что зарождалось и по своей слабости и ограниченности не могло играть общественной роли. Последнее вполне справедливо, но, в таком случае, раз сам взгляд этот признает, что критическое движение должно уступить место органическому, т. е. положительному влиянию и созидательному действию науки как нечто, имевшее лишь временное и переходное значение, он необходимо должен признать весьма естественным, что, имея надобность в положительных воззрениях и стремясь к созданию новых отношений, люди XVI и XVII вв. пошли под знаменем религиозных идей протестантских и сектантских. Религиозная Реформация XVI в., несомненно, затерла светское культурное (между прочим, и научное) движение гуманизма, но гуманистическая мораль, политика и наука не могли сделаться такой же силой в широких кругах общества и, особенно, в народных массах, какую представляли собою в XVI и XVII вв. протестантские и сектантские движения, — не могли быть такой силой и по внутренним своим свойствам, по невыработанности внутреннего содержания, да и по внешней причине, по несоответствию своему с культурным состоянием общества. Во всяком случае, это — историко-философский взгляд, применимый лишь к рассмотрению судеб светского образования, положительной науки и свободного исследования в Новое время, и он, как и всякая исключительная точка зре-

ния, не должен доминировать при рассмотрении столь сложного и разно-стороннего исторического явления, каким была Реформация. Любопытно, однако, что за этот взгляд хватаются или додумываются до него самостоятельно новейшие критики Реформации с католической точки зрения, как это делают, например, Кампшульте в истории Эрфуртского университета в эпоху гуманизма и Реформации, Янсен в своей истории немецкого народа¹ или Шуйский в сочинении «Возрождение и Реформация в Польше» (*Odrodzenie i reformacja w Polsce*), хотя, разумеется, исходный пункт у них совсем иной, чем у позитивистов. Вообще рассматривать реформацию исключительно с точки зрения ее влияния на одно умственное развитие столь же односторонне, как видеть в ней лишь особого рода проявление чисто социального движения на почве экономических интересов: нельзя игнорировать ни той, ни другой стороны, но нельзя вместе с тем только ту или другую из них делать основным принципом для объяснения такого сложного явления.

---

¹ Успех этого сочинения свидетельствуется выходом в свет 15-го издания. Оно с самого начала вызвало большую полемику, но многими своими сторонами повлияло даже на историков противоположного лагеря (например, на Бекольда).

Реформационный период

II. Политическое состояние Германии в начале XVI в.¹

Как следует смотреть на реформационную эпоху в Германии? — Национально-религиозная сторона Реформации. — Отсутствие в Германии определенного государственного устройства. — Попытки политической реформы. — Связь политического вопроса с церковным. — Планы реформы в публицистике. — Брожение среди рыцарства и крестьянства.

В числе вопросов, которые следует ставить при изучении реформационного движения в той или другой отдельной стране, вопрос о внутреннем состоянии страны, как мы видели, занимает первое место, и, указывая на важность этого вопроса, мы коснулись уже некоторых сторон того положения, в каком находилась Германия перед возникновением в ней Реформации. Стоит вообще вспомнить культурно-социальные отношения немецкого народа после великого междоусобицы, упадок императорской власти, сопровождавшийся усилением значения князей и облегчавший вмешательство курии во внутренние дела Германии, ухудшение положения низших классов общества в конце Средних веков, разнообразные выражения народного недовольства, естественно соединявшегося со стремлением к политическому и социальному переустройству, отрицательное отношение к духовенству, имевшее столько разнообразных причин как для целого общества, так и для отдельных его классов, всеобщее желание церковной реформы и рядом с этим существование мистицизма и сектантства, с одной стороны, а с другой — замечательное умственное движение гуманизма, как известно, соединившегося в Германии с интересом к религиозным, богословским и церковным вопросам, — стоит вспомнить все это, чтобы понять возникновение реформационного движения, которое имело одновременными задачами своими и преобразование религии на новых началах, и освобождение немецкой нации и ее государей от римской курии, а отдельных ее сословий от господства клира, и, наконец, государственную и общественную перестройку. Немецкий народ в начале XVI в. находился в состоянии, весьма напоминающем нам теперь то положение, в каком был французский народ перед началом своей Великой революции: и в Германии старое политическое здание пришло в ветхость, и в Германии обсуждался вопрос об общественных преобразованиях, и в Германии делались частные попытки реформы, и подобно тому, как во Франции созвание генеральных штатов 1789 г. было сигналом к перевороту, так у немцев около 1520 г. выступление Лютера сдела-

---

¹ Höfler: Politische Reformbewegung in Deutschland im XV Jahrhundert. — Gothein. Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation. — Ullmann. Kaiser Maximilian I.

лось исходным пунктом общественного движения, глубоко потрясшего нацию, движения с характером, как и французская революция, политико-социальным, хотя и пошедшего под знаменем реформации религиозной. Аналогию представляют и весьма значительное развитие в общих странах в бурные эпохи — двадцатых годов XVI в. в одной и конца XVIII столетия в другой — памфлетной (в широком смысле слова) литературы, в которой заявлялись известного рода общественные требования и предлагались реформы, и образование отдельных политических партий с разными программами, интересами и принципами. Делая это сопоставление между реформационным временем в Германии и революционным во Франции, я имею в виду отметить то важное обстоятельство, что *немецкая Реформация не была явлением исключительно религиозным*, а это тем более необходимо, что по традиции, унаследованной у прежних историков, и теперь нередко смотрят на политическое и общественное движение эпохи как на второстепенное и побочное, которое притом получает значение скорее помехи, созданной для правильного течения религиозной реформы человеческими страстями и интересами, впутавшимися туда, где делалось дело очищения религии от людских нововведений. Рыцарское восстание, крестьянская война, борьба между князьями и императором могут рассматриваться как второстепенные, побочные, ненужные явления только при узкоцерковной точке зрения, с которой вся история этой эпохи сводится к одному преобразованию церкви.

Я не стану много распространяться здесь о том, как чувствовались в Германии «порча церкви» и гнет курии с привилегиями клира: причины Реформации, заключавшиеся в первой и во втором, а также и в социальной оппозиции духовенству, существовали везде, хотя в Германии они действовали сильнее, ибо, с одной стороны, редко где религиозность отличалась таким интимным, моральным характером, как в тогдашнем немецком народе, а с другой — и мало какая другая нация находилась в таком унижении перед римской курией, как немецкая, благодаря тому, что ее политическое бессилие было удобной почвой для развития папских притязаний. Религиозное настроение Германии проявлялось в переводах Библии и развитии церковной песни еще до Лютера, который своим знаменитым переводом и своею богослужебной лирикой затмил более ранние проблески стремления к тому, чтобы читать Св. Писание и молиться на родном языке; обнаруживалось далее это религиозное настроение в образовании мистических кружков, в благочестивых трудах братьев общей жизни, в гуманистических занятиях богословием на новых основах, в существовании скрытых еретиков, в постоянной заботе о церковной реформе, для проведения которой высказывалось желание о новом Вселенском Соборе. И вот *это национальное раздражение против Рима в соединении с неудовлетворенностью религиозно-настроенного народа тем, что ему давала церковь, и объясняют успех протеста Лютера во всех слоях немецкой нации. Уже из*

этого видна двойственность причин Реформации; для многих национальная сторона дела была даже выше религиозной, ибо около 1520 г. многие сторонники Лютера советовали ему отказаться от догматической части своих сочинений и остаться лишь при том, в чем выразились национальные стремления немцев, недовольных вымогательствами курии и ее вмешательством во внутренние дела Германии. Но ведь в то же время из религиозного реформатора некоторые хотели сделать и народного вождя в том чисто светском и, безусловно, внутреннем перевороте, который подготовлялся в Германии независимо от «порчи церкви» и хозяйничанья римской курии в этой стране.

Германия, как одно политическое целое, находилась в эту эпоху в состоянии, так сказать, неустойчивого равновесия, не имея определенного центра тяжести, перестав быть единым государством, но и не превратившись окончательно в простую федерацию, да и давно уже чувствовалась необходимость государственной реформы, которая вывела бы страну из того хаоса, какой представляли из себя ее учреждения. Главный политический вопрос, давным-давно поставленный ходом государственного развития Германии, как известно, был *вопрос о взаимных отношениях императорской и княжеской властей*. Золотая булла Карла IV (1356) узаконила в государстве особое положение семи курфюрстов, на которых переносилась часть императорских прерогатив, и создавала из этих семи князей как бы зерно имперских сеймов, в которых рядом с ними мы видим других князей, в территориальном отношении нередко более могущественных, чем сами курфюрсты, и представителей от городов. Мало-помалу курфюршеские права распространились на других князей, но это усиление их значения не сопровождалось выработкой более определенных форм имперского устройства, так что и имперский сейм имел характер какой-то незаконченности, и взаимные отношения императора, князей и городов не отличались ни устойчивостью, ни последовательностью. Это давало себя знать, например, в образовании частных союзов между отдельными политическими элементами, каковы союзы городов — рейнский, швабский и ганзейский, имевшие целью взаимную защиту и поддержку земского мира, не говоря уже о торговом их значении, в особенности о значении Ганзы, — давало себя знать и в тех столкновениях, которые происходили между городами и князьями. Известна городская война второй половины XIV в., в которой участвовали, с одной стороны, швабский союз, а с другой — князья под предводительством герцога Вюртембергского. Последние вышли победителями из этой борьбы, нанеся поражение не только городам (битва у Деффингена 1388 г.), но и имперскому рыцарству, задумавшему воспользоваться этим междоусобием для своих целей, после чего были запрещены всякие союзы, как городские, так и рыцарские, победе же князей содействовала непрочность тех связей, какие существовали между отдельными городами, находившимися между собою

нередко в соперничестве. Внутреннее неустройство Германии тяжело отзывалось и на ее международном положении. Политическая реформа была настоятельной необходимостью: нужно было что-либо более определенное и прочное — в унитарном или федеративном смысле, все равно, — и это особенно сознается в середине XV в. при Фридрихе III. Инициативу реформы взяли на себя курфюрсты, коллегия которых, благодаря изданной за сто лет перед тем Золотой булле, была единственным сколько-нибудь организованным политическим учреждением, но их попытки, главным образом на сеймах между 1456 и 1476 гг., ни к чему не привели. Помимо того, и в обществе уже создавались планы политической реформы вроде «Реформации короля Сигизмунда», позднее «Реформации Фридриха III» и т. п. Но Фридрих III вовсе не был таким человеком, чтобы можно было ожидать от него умелого и энергического участия в этом деле, а потому все надежды были возложены на его сына Максимилиана, который и был выбран на сейме 1486 г. в «римские короли», т. е. наследником Фридриху III. Царствование Максимилиана I (1493—1519) главным образом и должно быть рассматриваемо с точки зрения надежд, возлагавшихся на этого императора в то время, когда еще его выбирали только в римские короли, но любопытно, что в той реформе, которая была при нем предпринята и проведена, выразилось прямо недоверие к тому, чтобы сама императорская власть была способна дать Германии надлежащее единство. Реформа основывала новый порядок, — впрочем, не утвердившийся в полном своем объеме, — не на расширении власти императора, а на усилении княжеского влияния на государственные дела, а в этом заключалась причина того, что реформа не встретила сочувствия императора. Исключительно занятый своими династическими интересами, создавая обширные политические планы, смотря на империю лишь как на средство, которым следует пользоваться для достижения целей, бывших совершенно чуждыми и имперским чинам, и нации, нуждаясь в денежных средствах, которые зависели главным образом от князей, Максимилиан не мог ставить ребром вопроса о своих отношениях к князьям, не смел противиться их желаниям, но вместе с тем должен был соглашаться на их требования весьма неохотно, без намерения исполнять свои обещания и даже с тайной мыслью мешать тому, что ему казалось невыгодным или даже оскорбительным в предпринятом имперскими чинами деле. Вормсский сейм 1495 г., установивший «общий и вечный земский мир» под страхом имперской опалы и лишения покровительства законов за всякое самоуправство, учредил имперский верховный суд (Reichskammergericht), лишь председатель которого назначался императором, а остальные члены (16) курфюрстами и князьями (14), а также и городами (2), причем империя была разделена на десять округов (Kreise) с определенным контингентом конницы (4 тыс.) и пехоты (20 тыс.) в каждом и двумя окружными старшинами (Kreisobersten) из наиболее могущественных князей для начальствования над окружным войском

с правом приводить в исполнение приговоры верховного суда. Земский мир и окружное устройство еще не противоречили интересам Максимилиана, но он весьма неприязненно относился к верховному суду, которому и создал противовес в Вене в виде Reichshofrath'a для наследственных габсбургских земель, но с особенным нерасположением он отнесся к плану имперских чинов учредить особый правительственный совет, которому принадлежала бы весьма широкая компетенция в охране внутреннего мира и внешней безопасности империи с правом заведывания государственными доходами. Антагонизм между императорской и княжеской властью все более и более обострялся, но Максимилиану *не приходило в голову опереться на те общественные и народные силы, которые были враждебны княжескому порядку и пошли бы за императором в деле политического объединения и сообразных с ним государственных реформ под условием преобразований и в гражданском быту*. Сами по себе изменения, введенные при Максимилиане в устройстве империи, не были настолько серьезны, чтобы ими мог быть решен вековой политический вопрос организации верховной власти в Германии, а тут еще сам император противодействовал всему, что могло внести более определенности, порядка и устойчивости в государственный быт Германии. Когда в 1519 г. в преемники Максимилиану был избран внук его Карл, вопрос о взаимных отношениях между императором как немецким королем и князьями оставался нерешенным, хотя, по-видимому, эти отношения определялись избирательной капитуляцией Карла: этому вопросу пришлось решаться уже позднее в связи с религиозной Реформацией. Одной из причин указываемой связи было то, что кому фактически принадлежала верховная власть в стране, тот и был защитником ее национальных и политических интересов против Рима: перед началом Реформации, особенно с царствования Фридриха III, отличавшегося уступчивостью по отношению к папству, представителями политической оппозиции против папства были именно курфюрсты и вообще князья, хотя Максимилиан сам становился также в ряды недовольных вмешательством курии в немецкие дела. В Германии в начале XVI в. обнаруживалось *стремление не только к политическому объединению, но и к национальному освобождению*, а потому для всей внутренней жизни немецкого народа было важно, кто станет во главе этого национального движения — император или князья, и т. к. национальное движение было соединено с религиозным протестом, то это значило также, какой политики император и князья будут держаться в церковном вопросе, чья политика окажется более национальной и кто из них, защищая народные права против курии, на этом утвердит свое политическое значение, а определяя поэтому и отношение церкви к государству, воспользуется переменной для упрочения своей власти.

Таков был вопрос политический, но он еще усложнялся одним немаловажным обстоятельством: не один император был принципиальным про-

тивником княжеской власти, ибо ею были недовольны и города, и так называемое имперское рыцарство, и крестьянство, а в интеллигентных кругах Германии были люди, мечтавшие о полном внутреннем переустройстве государства, что не только обнаруживалось в публицистике того времени, но проявилось и в двух восстаниях — рыцарском и крестьянском, происшедших в двадцатых годах XVI в. и быстро подавленных князьями. В Германии государственная жизнь сложилась таким образом, что и император, и князья заботились не столько о целом, а об отдельных частях, первый о своих наследственных владениях и вместе с тем о династических интересах, вторые — о расширении своей власти в отдельных землях, но в интеллигентных кругах были люди, патриотически настроенные, возвышавшиеся до понимания интересов немецкого народа как нации и как совокупности единиц, общее благо которых должно быть целью государства, и из среды таких людей выходили планы и проекты реформ, излагавшиеся в тогдашней публицистике. Начало последней восходит еще к середине XV в., когда в Германии под влиянием Базельского собора и толков о реформе Церкви оживился в обществе интерес и к политическим вопросам, тем более что к немцам не могли не проникать и действительно проникали гуситские идеи, игравшие такую роль в чешском движении, которое так близко касалось и Германии. В 1433 г. Николай Кребс (впоследствии кардинал Николай Кузанский) в сочинении «*De concordantia catholica*», описывая внутреннее разложение Германии, ответственными за него считает князей, стремящихся к полной самостоятельности, и предсказывая, что «как князья раздирают империю, так их самих станут раздирать народные силы (*die Gemeinen aus dem Volke*), настаивает на необходимости решительных мер, которыми можно было бы уничтожить зло. За предложениями Кребса идет ряд других планов, существование которых не могло оставаться неизвестным и простому народу: среди последнего также происходит брожение и делается популярной мысль о необходимости государственного переустройства и притом на началах демократических с политическим объединением страны под властью императора. В 1438 г. появилась упомянутая «Реформация императора Сигизмунда» некоего Фридриха Рейзера, в которой говорится о печальном положении страны и высказывается надежда на то, что города произведут ее обновление, т. к. от городского сословия автор ожидал почину во всех реформах. Позднее была в большом ходу «Реформация Фридриха III», написанная, так сказать, специально в интересах крестьянского сословия, подвергавшаяся переделкам сообразно с ходом дел на сеймах конца XV и начала XVI в. Годы, непосредственно предшествовавшие выступлению Лютера в качестве реформатора и избранию на престол Карла V, были временем весьма большого возбуждения, выразившегося в развитии литературы памфлетов и летучих листов, но ни в каких других общественных классах не происходило такого сильного движения, как среди имперского рыцарства и крестьянст-

ва: мы увидим, что еще до начала реформации оба эти сословия вполне были готовы к тому, чтобы произвести переворот вооруженной силой, и только впоследствии составилось такое представление, будто причиной восстаний рыцарского и крестьянского в двадцатых годах XVI в. было выступление Лютера против Католической церкви. Разумеется, между рыцарями и крестьянами не могло быть солидарности, т. к. первые были в числе утеснителей других, и эти последние, восставая против всех своих господ, поднимались и на рыцарское сословие, но и те, и другие сходились в том, что стремились к устранению княжеского произвола и к объединению всех земель под властью единого императора. Неудача реформ, проводившихся на сеймах Максимилиана I, толкала и рыцарство, и крестьянство, и патриотов, мечтавших об обновлении государства, на другой путь. Германии предстояло так или иначе решить свой политический вопрос об отношении между императором и князьями, как раз усложнявшийся еще антагонизмом между отдельными политическими элементами: *в то самое время, как князья были настроены против императора, против них самих готово было восстать имперское рыцарство, города находились с ними в ссоре, а крестьяне начинали бунтовать против своих господ.* От той или другой комбинации этих сил, между которыми должно было произойти столкновение, и от характера идей, господствовавших в разных слоях нации, зависели и исход, и направление того переворота, который и начался вскоре после вступления на престол Карла V. Но, рассматривая это время в Германии, не следует упускать из виду, что в образованных классах тогда было сильно сочувствие к гуманизму.

III. Культурная борьба и Ульрих фон Гуттен

Умственный расцвет Германии в начале XVI в. — Взаимные отношения схоластиков и гуманистов. — Поход Пффефферкорна против еврейских книг. — Рейхлиновский спор. — «Письма темных людей». — Исторический интерес личности Ульриха фон Гуттена. — Его литературная деятельность. — Его отношение к Реформации. — Ульрих фон Гуттен и Лютер.

Общественное брожение, происходившее в Германии перед 1517 г., сопровождалось, как и всегда это бывает, весьма сильным развитием литературной деятельности, которая сама приняла боевой характер. Конец XV и начало XVI в. было для Германии временем умственного расцвета, временем наибольшего процветания гуманизма, выставившего таких деятелей, как Рейхлин, Эразм, Ульрих фон Гуттен. Это были годы, когда рядом со старым религиозным брожением, принимавшим мистический оттенок, выступало и даже выдвигалось на первый план новое гуманистическое движение, принимавшее у младших своих представителей светский характер, когда рядом со старой народной, «грубиянской» сатирой развивается сатира новая, гуманистическая, нашедшая лучшее свое выражение в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского, когда среди образованных людей толки о реформе Церкви, занимавшей Европу более столетия, сопровождались рассуждениями о реформе государства, уже успевшими получить значение не простых теоретических разговоров, т. к. вопрос этот был очередной и на имперских сеймах в царствование Максимилиана. По тому, что происходило в умственной жизни Германии в последние годы этого императора, можно было бы подумать, что общественному движению предстояло совершиться под идейным влиянием гуманизма: то было время быстрого расцвета классических занятий, появления в гуманизме светских стремлений, полного разрыва нового образования со схоластикой, развития гуманистической сатиры и публицистики, соединения всех гуманистов в общем деле — борьбы с представителями старины, появления среди гуманистов человека с широкими политическими планами и необычайной популярности нового умственного направления в образованном обществе. Если в сфере социально-политической мы наблюдаем в это время неустойчивое равновесие, напряженное состояние общественных сил, готовность отдельных сословий ринуться друг на друга, то в области культурной мы обнаруживаем за тот же самый период времени искание новых начал мысли и жизни, сильное умственное напряжение, страстное желание сразиться с представителями старины. Так называемый рейхлиновский спор, получивший широкое общественное значение и взволновавший не только ученые круги, но

и вообще образованное общество в Германии, служит наилучшим свидетельством того, какое возбуждение господствовало в Германии во втором десятилетии XVI в. Под рейхлиновским спором, как известно, подразумевается полемика, которую вели между собой схоластики и гуманисты из-за Рейхлина. Между гуманистами и схоластиками первоначально не было резких столкновений. Представители старого образования только подсмеивались над гуманистами, считая их недалекими людьми, не понимающими, что выгода заключается вовсе не в занятиях такого рода вещами, какими занимались гуманисты, но с течением времени, когда новое образование пустило корни и его представители стали отбивать хлеб у схоластиков, последние начали относиться к ним со злобой. Противники не оставались в долгу и выставляли защитников старины как врагов истинного просвещения, обратив против них свои сатирические стрелы, как мы это видим в произведениях Генриха Бебеля («Батт и Евлог», «Торжество Венеры», «Фацеции») и Эразма, «Похвала глупости» которого была написана около 1510 г. Сначала схоластики не обращали внимания на гуманистические нападки, но один частный случай сделался сигналом к борьбе по всей линии. В 1504 г. в Кельне принял христианство еврей Пфефферкорн, сделавшийся фанатическим врагом своих прежних единоверцев. Он начал даже писать против них брошюры, за что был взят кельнскими богословами, доминиканцами, под особое покровительство: обязанностью ордена было наблюдать за книгами, противными вере, и бороться с ересью, и они сочли своим долгом переводить на латинский язык и издавать антиеврейские пасквилы Пфефферкорна. Последнему между тем пришла в голову мысль уничтожить все зловерные еврейские книги. Он добывает рекомендательные письма к императору Максимилиану и получает из его канцелярии указ, по которому ему давалось право отбирать у евреев и предавать сожжению книги, противные христианству и самому Моисееву закону, но выражения указа были весьма неопределенны, и когда Пфефферкорн обратился к Рейхлину, как к знатоку еврейского языка, за содействием, тот нашел, что смысл императорского повеления недостаточно ясен, и, кроме того, отказался от участия в этом деле, как лично ему несимпатичным. На Пфефферкорна это не произвело никакого действия. Он с помощью духовных лиц и солдат на основании указа стал в разных городах отбирать у евреев их книги, допуская при этом грубое обращение и насилие по отношению к бывшим своим единоверцам, так что даже архиепископ Майнцский, во владениях которого он действовал, вмешался в это дело, негодуя на такое распоряжение непрощенного ревнителя в его епархии. Дело снова дошло до императора, который поручил архиепископу составить комиссию из сведущих лиц для разбора всего дела и опросить университеты и специалистов. Университеты Майнцский и Кельнский, равно как инквизитор (*magister haereticorum*) Гохстратен, кельнский доминиканец, высказались в смысле требований Пфефферкорна, Эрфуртский и Гей-

дельбергский университеты дали ответы довольно неопределенные, но больше против проекта уничтожения еврейских книг; зато Рейхлин в целом мемуаре развил ту мысль, что, во-первых, не уничтожают же сочинений языческих авторов, изучаемых даже в школах, что, во-вторых, евреи граждане, как и остальные жители Германии, а потому должны пользоваться общим со всеми правом, и что, наконец, преследования только еще более укрепят их в вере отцов, — и вместе с этим сделал характеристику отдельных категорий еврейских книг, заметив, что христианам нельзя судить о правильности иудейских верований, т. к. сами они не позволяют евреям судить о христианстве, и что нельзя притом полагаться на показания фанатических и безграмотных выкрестов. Последнее замечание Пфедферкорн принял (и не без основания, по-видимому) на свой счет и написал против ученого гуманиста, не согласившегося с его мнениями, брошюру «Handspiegel», в которой представил Рейхлина невеждой и обвинил его в том, что его подкупили евреи. Рейхлин принес жалобу императору и выступил против Пфедферкорна с брошюрой «Augenspiegel», буквально выругав его довольно непристойно, но его литературный противник нашел защитника в лице Гохстратена. Кельнские богословы стали даже застрашивать Рейхлина, требовать у него покаяния в ересь и печатного опровержения своей брошюры, на что тот не соглашался, хотя в частных письмах и оправдывался перед Гохстратеном. Так начался в 1511 г. рейхлиновский спор. В следующем, 1512 г., кельнские богословы издали против Рейхлина латинскую брошюру, изобразив в оскорбительном для него виде все его поведение в этом деле, а один из их приспешников, получивших гуманистическое образование, на которого гуманисты стали смотреть как на перебежчика из их лагеря, Ортуин Граций написал латинские стихи о том, как по поводу защиты Рейхлином евреев обрадовался ад и опечалились небожители, заплакала сама «Iovis alma parens» (т. е. Св. Дева) и Христос почувствовал боль в своих ранах. В том же году Пфедферкорн написал новую брошюру («Brandspiegel») с предложением старых евреев и евреек выселить на необитаемый остров, а еврейских детей воспитать в христианской вере; тут были и новые нападки на Рейхлина. Тогда последний напечатал брошюру «Defensio contra calumniatores colonienses» (1513) в форме прошения к императору о защите, что не помешало автору выражаться о своих литературных противниках весьма резко, как об ослах и свиньях, невеждах и нахалах, и даже бросить тень на супружескую верность жены Пфедферкорна. Императорская канцелярия издала «silentii mandatum», т. е. запретила продолжать полемику, пока не будет сделано постановление по этому делу компетентными лицами, т. к. университеты продолжали его рассматривать, прихватив, кстати, и «Augenspiegel» Рейхлина. Вопрос взволновал к этому времени всю ученую и образованную Европу: Людовик XII обратился по его поводу к парижским богословам, рекомендуя им не делать поблажки защитнику Талмуда, а его преемник Франциск I прямо стал на сторону схоластиков, равно как и молодой

король испанский Карл I (будущий император Карл V), тогда как Максимилиан поддерживал, наоборот, Рейхлина, нашедшего покровителя и в герцоге Вюртембергском. Дело шло прямо о суде над Рейхлином, сначала бывшим в руках Гохстратена, но потом по распоряжению папы Льва X переданным шпейерскому епископу, который оправдал Рейхлина, между тем как кельнцы, не желая отказываться от своих планов, все-таки стали судить Рейхлина и приговорили его «*Augenspiegel*» к сожжению рукой палача. Обе стороны обратились затем с апелляцией в курию, причем богословы грозили в случае проигрыша своего дела апеллировать Вселенскому собору, но Лев X приказал прекратить дальнейшую полемику и отложил окончательное решение дела.

Известие о предстоявшем Рейхлину суде вызвало среди гуманистов большое к нему сочувствие, выразившееся в адресованных к нему письмах, которые он поспешил обнародовать в виде сборника под заглавием «Письма знаменитых людей» («*Epistolae illustrium virorum*», 1514), а молодой гуманистический поэт Ульрих фон Гуттен издал «Торжество Капниона» (1517), — Капнион было эллинизированное имя Рейхлина, — в котором представил смущение схоластиков и Пффефферкорна вследствие победы ученого гуманиста. Эти издания особенно заинтересовали в деле общество и склонили общественное мнение на сторону Рейхлина, но наиболее сильный удар всей противной партии был нанесен появлением в конце 1515 г. знаменитых «Писем темных людей» («*Epistolae obscurorum virorum*»). Успех книжки был необычайный: в начале 1516 г. понадобилось второе ее издание, и в том же году появилось третье с добавлением новых писем, а в 1517 г. вышла в свет вторая часть, весьма скоро потребовавшая также нового издания.

«*Epistolae obscurorum virorum*» вышли из кружка молодых гуманистов, группировавшихся одно время около эрфуртского университета, а одним из главных сотрудников в этом коллективном предприятии был Иоганн Иегер из Дорнгейма, прозвавший себя Кротом Рубианом, во втором же томе, вероятно, участвовал и Ульрих фон Гуттен. Письма эти, написанные невозможной латынью и наполненные глупостями и непристойностями, были составлены от имени разных «темных», т. е. неизвестных, большей частью вымышленных людей со смешными фамилиями и адресованы к перебежчику Ортуину Грацию, и подделка была произведена так искусно, что многие сторонники схоластиков, — кто был понаивнее и понежежественнее, — сначала радовались тому, как разные доктора и магистры отделали в своих письмах рейхлинистов и самого Рейхлина. Насмешка над схоластиками, а кстати и над монахами, действительно была убийственная: язык, интересы, мнимая ученость и схоластические рассуждения, скандальное поведение представителей старины, все это было зло и остроумно осмеяно в «Письмах», где серьезно решаются, например, вопросы о том, как должен называться будущий доктор богословия — *magister nostrandus* или *noster magistrandus*, рассказывается о попойках и картежной игре со ставками в виде индульгенций или доказывается, что

Пфефферкорн допустил большую ересь, назвав себя в одном сочинении своим против Рейхлина нижайшим членом Церкви, ибо нижайший член есть нога, но нога поддерживает тело, Церковь же поддерживается папой, следовательно, Пфефферкорн приравнивает себя папе, т. е. является антипапой, а это и есть ересь.

Гуманисты с восторгом приветствовали эти «Письма», хотя некоторые были недовольны их чересчур развязным тоном и грубостью выражений, а Лютер так и прямо нашел в них одно балаганное шутовство. В общественном мнении противники гуманистов совершенно погибли, и ни запрещение «Писем» духовной цензурой, ни «*Lamentationes obscurorum virorum*» Ортуина Грация, пытавшегося изобразить все дело так, как будто рейхлинисты потерпели полную неудачу со своей сатирой, ни официальный исход процесса в пользу кельнцев, ни то, что сам автор «Похвалы глупости» заявил о несолидарности своей с дерзкими памфлетистами, ничто не могло ослабить силы того удара, какой был нанесен гуманистами кельнским богословам.

Рейхлиновский спор сплотил гуманистов в одну дружную силу, в оборонительный и наступательный союз против отжившей старины, показал все то значение, какое было на их стороне перед общественным мнением, дал случай нанести ошеломляющий удар противникам нового направления — и все это как раз в то время, когда немецкая нация стремилась к политическим и социальным реформам, а в некоторых общественных слоях происходило сильное брожение прямо революционного характера. Если бы мы захотели указать человека с чуткой и отзывчивой натурой, которого можно было бы назвать выразителем всех тех движений, какие происходили тогда в Германии, касалось ли дело государственных и общественных реформ или культурной борьбы гуманизма, национальной оппозиции Риму или социальной оппозиции клиру, то без всякого колебания должны были бы остановиться на имени гуманиста из имперских рыцарей Ульриха фон Гуттена, о котором есть прекрасная монография Штрауса¹.

Личность Ульриха фон Гуттена — одна из наиболее интересных в эту любопытную эпоху. Чуткий и отзывчивый, отличаясь каким-то вечным беспокойством духа и быстротой решений (*animus irrequietes et versatilis*), страстно относившийся ко всем вопросам своего времени, человек с темпераментом публициста и политического деятеля, гуманист, хорошо владевший мечом, и рыцарь, еще того лучше владевший пером, Ульрих фон Гуттен был как бы создан для того, чтобы сделаться рельефным и всесторонним отражением той социально-политической, национально-религиозной и вместе с тем культурной борьбы, которая велась тогда в Германии, живым воплощением стремлений передовой части немецкого общества, вместе с тем, однако, и опережавшим свою эпоху в качестве светского гуманиста и демократиче-

---

¹ *Strauss. Ulrich von Hutten.*

ского радикала, которому пришлось действовать в годы сильного религиозного возбуждения и среди сословной розни феодального общества. Во всех этих отношениях названная личность и заслуживает внимания.

Ульрих фон Гуттен родился в 1488 г. в семье имперского рыцаря из древнего, но захудалого рода, разделившегося на несколько линий. Отец отдал Ульриха в Фульдский монастырь, где он должен был учиться и впоследствии принять духовный сан, но, когда ему исполнилось семнадцать лет, его сманил оттуда молодой гуманист Иоганн Иегер, или, как он назвал себя, Крот Рубиан, и оба они отправились в Кельнский университет (1505), а оттуда попали в Эрфурт, где Ульрих близко сошелся с жившими там гуманистами и пользовался материальной поддержкой со стороны готского каноника Муциана Руфа, стоявшего во главе гуманистического кружка со светским направлением. Затем началась странническая жизнь молодого Гуттена, наполненная лишениями и приключениями, о которых остался след в его элгиях, озаглавленных «Жалобами» («Querelae») и заключавших в себе обращение к «богам и, в особенности, к знакомому со страданиями Христу». В это время молодой гуманист выступает как поэт, обращает на себя внимание в Вене стихотворением к императору Максимилиану о необходимости войны с Венецией и достигает известности в гуманистических кругах, благодаря своему сочинению «De arte versificandi», выдержавшему несколько изданий и сделавшемуся школьным руководством. Это несколько примирило с Ульрихом его отца, который был страшно на него рассержен за бегство из монастыря, но он все-таки требовал от сына ученого диплома, которого тот не имел, странствуя по университетским городам и занимаясь совсем не тем, что давало право рассчитывать на духовную или чиновничью карьеру. Отец и сын порешили на том, что один даст средства, а другой отправится в Болонью учиться праву, и весной 1512 г. мы видим Гуттена в Италии, где он, однако, не приобрел диплома. В Италии велась война, а Гуттен был не такого нрава, чтобы воздержаться от возможности действовать: его влекло к борьбе, и еще за год перед этим, поссорившись с ректором Венского университета, который запретил студентам слушать его лекции о стихотворном искусстве, он вел себя весьма воинственно, ворвался в квартиру ректора и сильно там набуянил. Занятия Гуттена юриспруденцией в Павии были непродолжительными, да и тут он больше интересовался греческим языком, а потом ему пришлось завербоваться в императорскую армию, хотя он и после этого не переставал, как он сам выражается, служить музам. К этому времени относятся его «Эпиграммы к императору Максимилиану», где, например, император изображен орлом, надменный галл — петухом, а Венеция — лягушкой, и уже слышится сатирическая нота: Италия жалуется Аполлону на то, что на нее напали коварный венецианец, надменный француз и пьяный немец, а Аполлон ей отвечает, что один всегда вероломен, другой всегда нахален, а третий иногда бывает и трезвым, так что ей самой вид-

но, кого выбирать. По возвращении на родину Гуттен получил судебную должность у архиепископа Майнцкого, в честь которого он написал стихотворение, любопытное по высказанным в нем политическим взглядам: рыцарь-гуманист нападает на глупость, невежество и варварство собственного сословия, тем не менее заявляющего притязания на видную политическую роль. Но вскоре одно обстоятельство пробудило в нем сословное чувство: герцог Вюртембергский Ульрих, отличавшийся крайним деспотизмом, убил находившегося у него на службе родственника Ульриха, одного из многочисленных Гуттенов, за то, что тот не хотел уступить ему своей жены (1515). В написанных по этому случаю стихотворениях Ульрих обратился к франконскому рыцарству с воззванием против вюртембергского герцога и написал против него памфлет в форме обвинительного акта, в котором говорит о необходимости избавить страну от угнетающего ее чудовища, а в доказательство жестокости герцога ссылается на бывшее незадолго перед тем восстание вюртембергских крестьян, вызванное притеснениями герцога и подавленное им самым ужасным образом. Во второй «речи», разочаровавшись в имперском правосудии, Гуттен прямо заговорил языком революции: «Подымайтесь, швабы: берите свою свободу, которой вы, конечно, хотите! Ваши предки не терпели над собой королевской власти, и вы не стерпите над собой власти разбойника и убийцы». Свою литературную борьбу против вюртембергского герцога он продолжал и в Италии, куда снова отправился и где пробыл с конца 1515 г. до середины 1517-го.

Вторичное посещение Италии Гуттенем, побывавшим на этот раз и в Риме, интересно в двух отношениях. С одной стороны, он продолжал писать патриотические стихотворения по поводу военных событий, бывших крайне неблагоприятными для Максимилиана, с другой — он пишет резкие вещи против папства и клира в виде, например, стихотворного послания к Кроту Рубиану, состоящего из нескольких эпиграмм. В это время Гуттен окончательно убедился, что из него выйдет «никто» и как бы в ответ на слова отца, выражавшего желание, чтобы он сделался хоть чем-нибудь, написал своего «Никто», где опять досталось от него духовенству. Рейхлиновский спор вовлек и Гуттена в гуманистическую борьбу со схоластиками: в 1517 г. он издал упомянутый «*Triumphus Carnionis*» и участвовал в составлении второй части «Писем темных людей». После этого наступили для него более счастливые годы, когда он, увенчанный лаврами самим Максимилианом, поступил ко двору майнцкого архиепископа. В это именно время завязался спор об индульгенциях между Лютером и Цвингли, и Гуттен так писал об этом своему другу вестфальскому графу фон Нуэнару, которого гуманисты называли *comes de Nova Aquila*: «В Виттенберге явилась пария против папской власти, а другая отстаивает индульгенции. Обеими предводительствуют монахи. Недавно они принялись и за строчение, так что типографщикам будет много работы. Таким образом, надеюсь, они уходят друг друга, и я не так давно сказал одному

монаху, передавшему мне это: жрите друг друга, пусть от вас ничего не останется». Тут же Гуттен выразил пожелание, чтобы «сгибли и вымерли все, препятствующие зарождающемуся просвещению». Вместе с тем он продолжает интересоваться политикой, написав (1518) «Турецкую речь» к германским князьям, где, между прочим, рекомендует им начать войну для предотвращения внутреннего восстания, которое он уже предвидел, а в следующем году (1519) он принял участие в походе на своего давнишнего врага, герцога Вюртембергского. Дело в том, что когда последний схватил имперский город Рейтлинген, против него обращены были силы швабского союза под начальством имперского рыцаря Франца фон Зиккингена, — через три года после того ставшего во главе рыцарского восстания, — и герцог был изгнан из своих владений, после чего Гуттен написал еще одну речь против павшего князя. Это было в год смерти Максимилиана и лейпцигского диспута Лютера с Экком, известие о котором обрадовало Гуттена, писавшего по этому поводу своим друзьям, что богословы не на шутку отделяют друг друга, но в том же 1519 г. он иначе заинтересовался монашеским спором, когда понял, куда ведет протест Лютера: его увлечение религиозным вопросом, имевшее главным образом характер национальной и политической оппозиции против Рима, выразилось в его памфлетах начала двадцатых годов, каковы «Вадиск, или Римская триада» (например, в Риме много трех вещей: попов, потаскух и писцов; в Риме торгуют тремя вещами: Христом, должностями и женщинами и т. п.), «Созерцающие» и др., в которых, между прочим, рассматриваются вопросы о папской власти, о браке духовенства и т. п. В «Вадиске» есть, например, весьма сильное место, где Рим изображается как кладовая награбленного во всем мире добра, а папа, окруженный пожиралами, как червь, подтачивающий это добро и высасывающий кровь из немцев. «Неужели немцы не поднимут оружия? Неужели не пойдут на них с огнем и мечом? Это грабители нашей родины: с жадностью, нахальством и яростью грабят они нацию, стоящую во главе мира, купаются в поте и крови немецкого народа, набивают брюхо и питают похоть свою на счет бедных». Еще раньше нашел он рукопись сочинения Валлы «*De falso credita et ementita donacione Constantini*», которую он и издал с посвящением папе Льву X, заключавшим в себе целое нападение на папство. «Нельзя, — писал он здесь, — найти достаточного порицания для людей, пользовавшихся малейшим предлогом, чтобы награбить денег, торговавших буллами, установивших таксу за отпущение грехов, продававших духовные должности, налагавших подати под разными вымышленными предлогами, людей, которые, поступая таким образом, титуловались святейшими и не терпели, чтобы их задевали хотя бы одним словом. Но если бы кто-либо осмелился сравнить тебя с этими разбойниками, этими чудовищными тиранами, разве не счел бы ты его, великий Лев, своим заклятым врагом?» После того как Гуттен стал открыто на сторону Лютера, ему неудобно уже было оставаться на службе у архиепископа Майнцского. Сделав неудачную попытку

привлечь на сторону Реформации брата Карла V, эрцгерцога Фердинанда, на которого, как и на самого императора, патриоты и сторонники Лютера возлагали неосновательные надежды и к которому Гуттен по этому поводу ездил в Вену, он переехал в замок Эбернбург к Францу фон Зиккингену; с ним он сдружился во время рыцарского похода на герцога Вюртембергского.

Последние четыре года жизни Гуттена (1520—1523) протекли в сильной агитации. Осенью 1520 г. он выпустил четыре воззвания: к императору, к курфюрстам саксонскому и майнцскому, к «немцам всех сословий». Затем он ответил на папскую буллу против Лютера своим ее разбором, а на ее сожжение Лютером написал стихи. Он бросает теперь гуманистическую латынь и пишет по-немецки «Жалобу и увещание против непомерной и нехристианской власти римского папы», с которой начинается новый период его деятельности, характеризующейся, как мы еще увидим, постепенным его переходом на почву политической революции, в которой все более и более сам Гуттен превращается из имперского рыцаря в демократического радикала в совершенно новом духе. Он и Лютера думал тогда превратить в демагога, но между ними скоро последовал разрыв: их сближала общая национальная оппозиция Риму, но это были слишком несходные натуры, люди, желавшие вещей слишком непохожих одна на другую, чтобы им можно было долго идти рука об руку.

Хотя Ульрих фон Гуттен с раннего возраста принимал участие во всех главнейших событиях эпохи, в итальянских войнах, в рейхлиновском споре, в низвержении герцога Вюртембергского, в политическом движении двадцатых годов, хотя в своих сочинениях он отзывался на все вопросы, волновавшие немецкую нацию, он мало мог быть понятен современникам, слишком, как мы еще увидим, зарвавшись вперед и задумав осуществить средневековыми силами такое общество, для создания которого не было необходимых элементов в окружавшей его действительности. В голове Гуттена таились мысли, возникали планы, он стремился вызвать движение и им руководить, направляя его в смысле своих политических планов, тогда как Лютер был более увлечен движением, чем его вызвал. И в то время как Гуттен уже выступал политическим деятелем, Лютер, отличавшийся менее отзывчивой и подвижной натурой, начавший сознательную жизнь аскетом и отчаянным папистом, скрывавшийся в монастырской келье от житейских бурь, с трудом вытащенный на проповедническую и профессорскую кафедру, был только богословом, подвергшим осуждению торг индульгенциями и имевшим в запасе лишь один отвлеченный принцип, учение об оправдании посредством веры, которое, правда, буквально было им выстрадано в монастырской тиши, но не имело непосредственного отношения к тогдашним политическим и культурным зловым дням. И тем не менее Лютер делается сразу центральной личностью этой бурной эпохи: на целую голову выше многих современных деятелей, он все-таки был более под стать среднему немецкому

человеку, более ему понятен, все обратились к нему и поставили его на большую высоту — и князья, которые стали ему покровительствовать, и города, принявшие его учение, и рыцари, предлагавшие ему свою защиту, и гуманисты, вступавшие с ним в союз, и крестьяне, искавшие у него одобрения своих требований, и даже сам император, который в виттенбергском монахе готов был видеть удобное орудие, которым при случае можно было бы пользоваться при сложных политических отношениях к курии. Правда, многие ошиблись, многим пришлось разочароваться в реформаторе и отвернуться от него, но Лютер сыграл свою роль объединителя разных движений, происходивших тогда в Германии. Результаты этого объединения оказались совсем не такими, каких ожидал, каких хотел достигнуть Ульрих фон Гуттен, а в нем ведь также находили свое объединение все главные движения эпохи. Причины успеха, одного, т. е. Лютера, и неуспеха другого, т. е. Гуттена, лежали, конечно, в них самих, но только отчасти: торжество дела Лютера, хотя и далеко неполное, и падение всех надежд и планов Гуттена были результатом того, что религиозно-настроенная и недовольная Римом Германия была более готова к принятию церковной реформы, чем к той политической свободе и тому общественному переустройству, о которых мечтал Ульрих фон Гуттен.

IV. Карл V и его общеевропейская политика¹

Важность того момента, когда Карл V вступил на престол. — Личность Карла V. — Его избрание и условия этого избрания. — Международное положение Карла V и отношение его к Германии. — Внешняя политика Карла V. — Его политические идеи и планы. — Что из всего этого вытекало для истории Реформации в Германии?

В 1517 г. с выходом в свет второй части «Писем темных людей» окончилась победоносная кампания немецких гуманистов против представителей старого образования, а начавшийся спор об индульгенциях открывал собою эпоху религиозной борьбы, во время которой гуманистические интересы мало-помалу заглохли. Конечно, не могло быть простой случайностью то, что тогда весьма резко оборвалось одно движение и в общественном настроении произошел перелом: и гуманизм, и Реформация были лишь внешними формами, в которых проявлялись та оппозиция против устарелых отношений и то искание новых начал, которые характеризуют тогдашнее состояние немецкой нации, но Реформация, выставлявшая новый религиозный принцип против старой Церкви, и более соответствовала религиозному состоянию Германии, и ближе соприкасалась со многими вопросами жизни, чем гуманизм, все-таки остававшийся более литературным, чем общественным явлением. Впрочем, и церковная Реформация, и те политические и социальные вопросы, которые ждали своего разрешения, должны были получить то или другое направление в зависимости от положения, занятого по отношению к ним императором. От Максимилиана ничего уже не ждали, но когда он в 1519 г. умер и в преемники ему был избран его внук Карл V, совсем еще молодой человек, на него стали возлагать все свои надежды и Лютер со своими сторонниками, и Гуттен со многими гуманистами, и все те люди, которые желали обновления Германии. Начиналась национальная борьба с папством, относительно которой сходились почти все общественные элементы Германии, чем и объясняется колоссальный успех Лютера; впереди была реформа Церкви, и все указывало на то, что она будет проведена силами общества и государства, а не папством и не собором; мысль о необходимости политического переустройства страны совершенно созрела и настолько распространилась в обществе и народе, что оставалось, по-видимому, толь-

---

¹ Кроме сочинений по истории Реформации в Германии и устарелого труда Робертсона см. два сочинения Migné: 1) Charles Quint и 2) Rivalité de Charles V et François I. — Pichot. Charles V. — Baumgarten. Geschichte Karls V (новейшее сочинение). — Кудрявцев. Карл V (во II томе «Сочинений»). См. также: Fischer K. Geschichte der auswärtigen Politik und Diplomatie im Reformations-Zeitalter (1485—1556).

ко примкнуть к одной из готовых программ; низвержение герцога Вюртембергского союзом под предводительством Франца фон Зиккингена было как бы прелюдией рыцарского восстания, в то самое время как крестьянские бунты указывали на сильное и повсеместное движение в народных массах — и в такой-то момент на императорский престол вступает молодой человек, едва достигший девятнадцатилетнего возраста (Карл V родился в Генте в 1500), отношение которого и к национальной борьбе с папством, и к внутренней реформе Церкви, и к переустройству государственного и общественного быта Германии, и к силам, вскоре после его вступления на престол бросившимся в революцию, *было в высшей степени важно для всего дальнейшего хода событий и произведенных им изменений в историческом бытии немецкого народа.* При Карле V (1519—1556) именно и произошел тот переворот, который носит название религиозной реформации.

Личный характер Карла V и его роль в общеевропейских событиях первой половины XVI в. весьма много занимали историков. Как по одному, так и по другому вопросу высказано было немало разных взглядов и суждений, но мы, к сожалению, не можем остановиться здесь на Карле V настолько, чтобы дать полный и исчерпывающий обзор его столь богатого событиями царствования и его отношении к разным сторонам современной ему исторической жизни, в центре которой ему пришлось стоять как самому могущественному монарху тогдашней Европы. Во-первых, значительная часть его политической деятельности обусловлена его войнами с Францией и Турцией и его итальянской политикой, но внешние отношения вообще не входят сами по себе в нашу программу. Во-вторых, Карл V соединял на своей голове несколько корон, и его царствование имеет поэтому значение во внутренней истории Испании, Неаполя с Сицилией, Нидерландов и габсбургских наследственных земель Германии, которыми он владел как наследник Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, Максимилиана I и Марии Бургундской¹, а мы заняты теперь историей Германии, на императорский престол которой он был избран в самом начале реформации, вследствие чего он для нас важен не почему иному, как по своему отношению к событиям, совершавшимся внутри Германии в эпоху избрания его на императорский престол и во все его царствование. В-третьих, в самой личности Карла есть много такого, что не имеет прямого и непосредственного отношения к немецкой истории в реформационный период, а историков, например, весьма сильно занимал вопрос о причинах отречения Карла V в конце жизни и от власти, и от мира в уединении

¹ Максимилиан — Мария Фердинанд — Изабелла

испанского монастыря. С другой стороны, конечно, нельзя и не коснуться всего этого, т. к. объяснить отношение Карла V к внутренней истории Германии с начала двадцатых до середины пятидесятых годов XVI в. нет возможности, не имея в виду всей деятельности этого монарха.

У Карла V, как выразился о нем Кудрявцев, было только место рождения, но не было истинного отечества: наследовав столь разнородные и отдаленные одно от другого государства, как Испания и Австрия, Неаполь и Нидерланды, расширив эти владения завоеваниями, он по самому положению своему был, так сказать, государем международным, а императорская корона, доставшаяся ему в 1519 г., придавала власти его, как светского главы западного христианства, универсальный, космополитический характер. Человек с сильной волей, энергичный и деятельный, проникнутый сознанием своего высокого положения, Карл V стремился к усилению своей власти, имея свои политические планы, которые отчасти вытекали из его понятия об императорстве, отчасти были привиты к нему его воспитателями, готовившими из него дипломата и государственного человека, отчасти были навеяны общим направлением деятельности тогдашних государей, особенно итальянских династов, задававших тон своей политической виртуозностью государственным деятелям иных стран. В эти планы Карла V *входило усиление своей власти и в Германии, но это не была главная его задача*, т. к. перед тем отвлеченным целым, так или иначе понимаемые интересы которого главным образом определяли его политику, и перед задачами, вытекавшими для него из обладания Испанией и Нидерландами, его отношения к Германии отступали на задний план, да со своей универсальной точки зрения, не будучи вдобавок немцем, Карл *был и не в состоянии проникнуться национальными интересами немецкого народа*. Мы еще увидим, как при благоприятных обстоятельствах уже в конце своего царствования он сделал решительную попытку утвердить свою власть в Германии, но и тогда *его политические идеи расходились со стремлениями немецких патриотов*: последние мечтали об объединении Германии под императорской властью, но на началах свободы, тогда как Карл был абсолютист, почерпавший политические уроки из Макиавеллиева «Государя» и «Записок» Комина, сподвижника Людовика XI, поклонника удачи, оправдывающей всякие средства. Вся его деятельность, начиная с той поры, когда он еще по молодости не мог быть вполне самостоятельным в своих действиях, свидетельствует о том, что его политической идеей был абсолютизм, практика которого вырабатывалась итальянскими тиранами, а теория формулировалась Комином и Макиавелли. В начале его царствования в Испании правительством было подавлено восстание коммунаров и кортесы лишились своего значения. Нидерланды Карл держал весьма строго, и Гентское восстание 1539 г. было подавлено им с крайней жестокостью. Во Флорентийской республике он посадил в качестве герцога и своего вассала Алексан-

дра Медичи. Весьма естественно, что и в Германии он не мог относиться с симпатией к движениям, которые имели в виду не только политическое объединение страны, но и народные права. Столь же мало был он и таким человеком, в каком нуждались церковные реформаторы: *и по образу мыслей, и по политическому своему положению Карл не мог сочувствовать религиозному движению, остававшимся для него непонятным, и должен был поддерживать Католическую церковь.* Он и по складу своего ума, и по полученному воспитанию был трезвый и холодный политик, так что ему чужды были идеальные порывы религиозной Реформации, и самый католицизм его был, с одной стороны, чисто обрядовым формализмом не без примеси, впрочем, суеверия, с другой — политической системой, вполне соответствовавшей его планам, что не мешало ему приходиться в резкое столкновение с папством — на почве политических отношений, т. к. по самому существу своему обе власти, императорская и папская, неизбежно были обречены на коллизии и т. к. папа в качестве светского государя в Италии играл роль и в международных делах того времени. Самая идея Священной Римской империи, главой которой сделал Карла V выбор германских курфюрстов, *была идея католическая, а религиозная Реформация, да еще с тем национальным характером, какой она получила в Германии, разрушала не только папство, но и империю,* т. е., по крайней мере, в ее католической основе. Сам по себе Карл был человек недюжинный, но в его личном характере неприятно поражают скрытность, черствость, упрямство в мелочах, мнительность, недоверчивость, хотя все это соединялось в нем с неутомимостью в работе, с настойчивостью в достижении своих целей, с предприимчивостью, не знавшей никаких препятствий.

Когда Максимилиан I умер, а наиболее влиятельный из князей курфюрст саксонский Фридрих Мудрый отказался от избрания в императоры, кандидатами на престол выступили главным образом французский король Франциск I и испанский — Карл I, наследник габсбургских владений в Германии. Выбор пал на последнего (28 июня 1519), но нового императора, которому, как мы видели, было лишь 19 лет, связали избирательной капитуляцией (3 июля 1519), определявшей его права и значительно суживавшей границы его власти. Как иностранному государю, ему было вменено в обязанность не приводить в Германию, без согласия государства, иноземных войск, не собирать имперского сейма вне Германии и не требовать к какому-либо суду вне Германии имперские чины, равно как бралось обещание назначать на должности только природных немцев, а в государственных делах употреблять лишь латинский и немецкий языки. Далее, Карл V обязывался защищать Церковь и в то же время уничтожить все, в чем римской курией были нарушены конкордаты немецкой нации. Наконец, в капитуляции были статьи, касавшиеся утверждения княжеских прав, установления имперского правления по назначению курфюрстов и округов, которого так не хотел Максимилиан, и запрета отдельных союзов рыцарей и вассалов.

лов. На престол Германии, таким образом, вступал могущественный монарх, обладавший упомянутыми странами и землями в незадолго перед тем открытом Новом Свете, и уже это одно должно было изменить политические отношения в Германии, но Карл лишь на короткое время приехал в Германию, чтобы условиться на сейме (Вормсском, 1521) относительно подробностей избирательной капитуляции и относительно религиозного вопроса, а затем на долгое время оставил Германию. На Карла V возлагали, как мы видели, свои надежды все желавшие церковной и государственной реформы, но он уехал вскоре после сейма, не оценив общественного движения, предлагавшего ему опору и искавшего у него помощи, и не поняв размеров того дела, которое было связано с именем виттенбергского монаха. *В отсутствие императора началась религиозная Реформация, произошли рыцарское восстание и крестьянская война*, в то самое время, как Карл V воевал с Франциском I. В смысле внутренних потребностей немецкой нации выбор Карла V в императоры был поэтому крайне неудачен: в решительную минуту религиозной, политической и социальной борьбы двадцатых годов XVI в. он отсутствует в Германии, т. к. у него есть интересы более для него важные, чем то, что происходило в Германии, а потом, когда руки у него были развязаны для того, чтобы действовать в Германии, то и силы, на которые он мог бы опереться в двадцатых годах, были сокрушены князьями, в его отсутствие очутившимися господами положения, да и сам он мог действовать только в направлении диаметрально противоположном стремлениям и чаяниям лучшей части немецкой нации, явившись в Германии чуждым ей иностранным деспотом.

В двадцатых годах от немецких дел отвлекла Карла V война с Франциском I. Более двадцати лет продолжались вообще войны императора с французским королем, находящие свое объяснение в международном положении Карла. Будучи соседом Франции по Нидерландам и по Испании, как наследственный их обладатель, сделавшись императором в Германии, которая соприкасалась с той же Францией, он имел слишком много причин для того, чтобы выдвинуть в своей деятельности на первый план отношения к Франции, завоевательные стремления которой в достаточной степени проявились и в отношении Людовика XI к Карлу Смелому, герцогу Бургундскому, прадеду Карла по бабке с отцовской стороны, и особенно в итальянских походах конца XV и начала XVI в. Нидерланды, составлявшие бургундское наследство, искали против Франции союза с Испанией прежде, нежели родился сам Карл от брака сына Марии Бургундской с дочерью арагонского короля и кастильской королевы, да и счеты его с Францией по бургундскому наследству не были еще сведены, т. к. сама Бургундия осталась за французскими королями. Между Испанией и Францией лежало далее королевство Наваррское, которое также должно было сделаться яблоком раздора между обеими странами. Ко всему этому присоединялись итальянские дела, тоже вовлекав-

шие Карла как испанского короля и римского императора в войну с Францией: во-первых, в 1495 г. Неаполь, где давно велась борьба между французской и арагонской партиями, был завоеван французским королем Карлом VIII, а после того, как французов оттуда вытеснили, его преемник Людовик XII и испанский дед Карла V Фердинанд Католик снова овладели Неаполем (1502), чтобы рассориться между собой при разделе добычи, которая досталась окончательно Фердинанду (1504); во-вторых, Людовик XII завладел Миланом (1500), и хотя и отсюда французы были вытеснены так называемой Камбрейской лигой (1512), тем не менее Франциск I снова овладел Миланом (1515), который считался леном Священной Римской империи, да и вообще утверждение Франции в Северной Италии было крайне невыгодно для Карла, т. к. обладание Ломбардией, разъединяя габсбургские владения, создавало Франции доминирующее положение в Италии. С другой стороны, французский король по всей сухопутной границе своего государства соседил с владениями Карла, что было для Франции как бы постоянной угрозой. Наконец, в 1519 г. оба государя встретились на одном и том же пути — к императорской короне.

Этими причинами главным образом и объясняются те четыре войны, которые вел Карл V против Франциска I (1521—1526, 1527—1529, 1536—1538, 1542—1544). Первые две войны пришлось на самое горячее время в Германии. Но Карлу V приходилось воевать не с одной Францией, но и с Турцией, причем он и тут вовлекался в борьбу самыми разнообразными интересами. Во-первых, беспокойное соседство с Испанией бывших в вассальных отношениях к Турции Алжира и Туниса, во-вторых, небезопасность Италии со стороны мусульманской высадки, в-третьих, турецкие нашествия на габсбургские владения в Германии, особенно на Чехию и Венгрию, принадлежавшие его брату Фердинанду, все это в отдельности создавало для него общую задачу борьбы с турецким могуществом, достигшим своего апогея именно в эту эпоху, и отдельными эпизодами этой борьбы являются как сухопутные походы Карла против турок, так и две его морские экспедиции в Тунис (1535) и Алжир (1541), из которых первая, как известно, окончилась весьма удачно. Все эти войны объясняют нам не только отсутствие Карла V в Германии в самые важные моменты ее внутренней жизни, *но и ту уступчивость, какую он обнаруживал по отношению к немецким князьям и реформационному движению*, когда у него бывали связаны руки войной на два фронта при политической солидарности французского короля и турецкого султана.

Понятно, что немецкое движение, размеры которого не могли быть известны, а характер не был вполне ясен самим немцам, в нем участвовавшим, должно было казаться Карлу второстепенным и местным сравнительно с политическими задачами, охватывавшими в его глазах весь западноевропейский мир и его трудные отношения к мусульманскому Востоку,

ибо турецкий вопрос был тогда одним из самых жгучих вопросов политики ввиду грозного положения, занятого турками. Карл V шел совсем по другой дороге, нежели та, на которую вступала Германия, и он не мог отдавать последней предпочтительного интереса и потому, что в ней он не был наследственным государем (хотя и тут он стремился утвердить императорскую корону за своей династией). Объединяя в одной государственной идее Испанию, Италию, Нидерланды и Германию, создавая из них одно политическое целое, *он не видел в реформе Церкви главного своего дела*, хотя и считал ее необходимой, от чего, впрочем, опять-таки было еще далеко, чтобы понимать ее так, как поняли ее Лютер и пошедшие за ним немецкие князья. Его отношение к папам отличалось самостоятельностью, и его армия в 1527 г. даже с боя взяла Рим, но помимо того, что он не был и не мог быть противником самого папства, в папах он искал таких политических союзников, которыми пренебрегать было невозможно и неудобно. Как политик смотрел он и на католицизм и, пожалуй, даже на саму Реформацию, в которой на первых порах видел своего рода средство держать от себя в зависимости папу по отношению к своим итальянским планам, да и религиозный раскол в Германии, разделивший князей на два враждебных лагеря, был для него также не безвыгоден.

Все это необходимо принимать в расчет, обсуждая отношение Карла V к Германии и происходившей в ней Реформации. Немецкие историки XIX в., рассматривающие главные события этой эпохи с той точки зрения, что основной бедой Германии было ее политическое раздробление, только усилившееся в XVI в., и что при Карле V важнейшим делом Германии была церковная реформа Лютера, которой можно было бы воспользоваться для политического объединения немецкого народа, — подвергают резкой критике историческую деятельность Карла V, предъявляя ему такие требования, какие с полным правом могли бы предъявить ему, будь он только немецким королем, воспитанным на германской почве и в национальной атмосфере. Они, конечно, правы, отмечая несоответствие Карла V с задачами, требовавшими настоятельного разрешения в Германии, но ошибаются, когда говорят, что Карл «должен был» पहले всего служить делу немецкой нации, и когда обвиняют его в непонимании духа времени: он действительно совсем был далек от того, чтобы проникнуться стремлениями немецких патриотов, желавших склонить его на сторону политической и церковной реформы, как понимали они сами ту и другую, и в этом смысле он не понимал духа времени, но то, что было духом времени, — слова, которыми слишком злоупотребляют в истории, — для Германии, как она рисуется нам в воззваниях Лютера, Гуттена и других деятелей эпохи, не было всем, чем жила вообще тогдашняя Европа. Мало того, во многих отношениях Карл V, наоборот, слишком был сыном своего века: стоит только вспомнить его стремление к абсолютизму, в чем он сходится вооб-

ше с современными ему государями, его политику, основанную на примерах итальянских тиранов и правил Макиавелли, его войну с турками, бывшую весьма популярной ввиду опасности, какой они грозили, осадив самую Вену (1529); стоит прибавить к этому его политику по отношению к папству, ничем не отличавшуюся от политики других тогдашних государей, настойчивость, с какою он требовал созвания собора для решения религиозного вопроса, чего хотели не только католики, но некоторое время и протестанты, и, наконец, его попытку сороковых годов собственной властью установить известный религиозный порядок, дело, напоминающее королевскую Реформацию в Англии, — стоит все это принять в расчет, чтобы признать и в Карле V человека XVI в., какими были и Гуттен, и Лютер, опять-таки различным образом понимавшие задачи своего времени. Ведь и Гуттен в известном смысле ошибался относительно своей эпохи и своей родины, когда выступал со своими гуманистическими и все-сословными планами в обществе, разделенном на враждовавшие между собой сословия и готовившемся вступить в период теологических споров и религиозных войн. Во всяком случае, однако, в двадцатых годах XVI в. Германии нужен был не такой государь, каким оказался Карл V.

V. Лютер до отпадения его от Церкви¹

Историческая точка зрения на личность и роль Лютера. — Общее объяснение его деятельности. — Его воспитание и поступление в монашество. — Теологическое развитие Лютера. — Спор об индульгенциях. — Отношения Лютера к папе во время этого спора. — Лейпцигский диспут. — Сожжение буллы и революционные воззвания Лютера. — Его надежды на Карла V. — Основной принцип Лютера.

Национальным героем Германии в рассматриваемую эпоху сделался Мартин Лютер (1483—1546), родоначальник реформации и устроитель первой Протестантской церкви, которая и получила его имя. Когда история реформации рассматривалась исключительно с церковной точки зрения и весь смысл движения, происходившего в Германии, представлялся заключенным в преобразовании религии, когда вдобавок история эта писалась преимущественно лютеранами, сочувствовавшими делу виттенбергского реформатора и видевшими во всем остальном то, что этому делу или помогало, или мешало, что или направляло его на настоящую дорогу, или, наоборот, искажало, когда, одним словом, не было и не могло быть по состоянию, в каком находилась историческая наука, более широкого взгляда на немецкую Реформацию — и в ее отношении к национальной жизни Германии, и по ее значению для всей западноевропейской истории, в то время и личность Лютера не могла получить правильного исторического освещения. Да и впоследствии, когда настала пора для более научной и всесторонней оценки Реформации, и характер, и деятельность знаменитого реформатора далеко не всегда изображались с надлежащей критикой: как историки эпохи, так и биографы Лютера нередко не избегали панегирического тона по отношению к его личности и продолжали судить обо всех событиях времени со стороны их влияния на развитие того дела, которое одно только и было дорого Лютеру, как будто только он и верные его последователи глубоко, всесторонне, безошибочно понимали, что нужно было немецкому народу и всему католическому миру для правильного исторического развития. *Оценивая личность и историческую роль Лютера, не нужно забывать, что главная его сила заключалась в чистоте религиозной реформе*, между тем как Германия нуждалась не в одном этом, — и что и в той области, где был он силен, многое подлежит критике, конечно, не с вероисповедных точек зрения, на которые становятся многие историки-нелютеране. В историческом суждении о Лютере нужно при этом

---

¹ *Jürgens. Luther's Leben. Köstlin. M. Luther, sein Leben und seine Schriften. Kolde. M. Luther. Kuhn. Luther, sa vie et son oeuvre. Lang. M. Luther.*

вообще избегать тех крайностей, которые проявляются в диаметрально противоположном, например, отношении историков к одному и тому же основному факту его деятельности, что он удержал ее в пределах одной задачи — именно этой самой религиозной реформы: в то время как одни из них ставят ему в упрек, что он отстранил себя от других совершавшихся в Германии движений, сами игнорируя всю важность одного того дела, которое справедливо прославило его имя, другие ставят ему это же самое в особую заслугу, видя в его поведении доказательство его величия, мудрости, глубокого понимания настоятельных потребностей времени, как будто вне религиозной реформы у тогдашнего времени не было никаких других потребностей. Оставляя в стороне оценку поведения Лютера по отношению к разнообразным задачам, какие ставили своей деятельности его современники, нужно принять факт, благодаря которому Лютер был прославляем лютеранскими церковными историками, порицаем писателями, сочувственно отнесшимися к общественным движениям, в которых Лютер не хотел принять участия, и защищаем другими, наоборот, находившими, что Лютер спас Реформацию от искажения и ею же самой вызванных опасностей, т. е. нужно принять тот факт, что Лютер был исключительно религиозный реформатор, и нужно как объяснить себе причину этого факта, так и понять его значение в истории эпохи. Прежде всего нам нужно познакомиться с внутренним развитием Лютера до того момента, когда он выступил в роли реформатора: это необходимо и потому, что без этого нельзя понять всего его поведения с 1517 г., и потому еще, что *в истории XVI в. большую и притом вполне самостоятельную роль играет религиозный протест, имевший глубокий источник во встревоженной совести*, и что весьма интересно на примере Лютера, монаха и паписта, проследить, как зарождался этот протест в душе отдельного человека. В дальнейшем мы не будем поэтому иметь в виду внешней биографии Лютера, а проследим историю его религиозного настроения.

Когда Лютер вступил в открытую борьбу с Католической церковью (1520), ему было под сорок лет: это был уже человек сложившийся, и все его дальнейшее поведение обуславливалось ранее развившимися задатками. Если определять средневековое мирозерцание как соединение аскетического и теократического идеалов и видеть как бы воплощение католицизма в монашестве и папстве, то Лютер в молодые свои годы будет для нас человеком совершенно средневекового настроения, т. к. это был образцовый монах и отъявленный папист. Если далее смотреть на годы, которые предшествовали выступлению Лютера в роли реформатора как на время, когда в образованных кругах немецкого общества весьма сильно были развиты гуманистические и политические интересы, то Лютер представится нам как бы стоящим в стороне от господствовавших течений своего времени. Впоследствии он вышел из монастыря и отложился от папства, но это стоило ему сильной внутренней борьбы, и от его прошлого в нем все-таки остал-

ся богослов, священник, проповедник, для которого дело религии должно было быть на первом плане; впоследствии он сделался крупным общественным деятелем, но из всего того, что волновало тогдашнюю Германию, кроме вопроса о церковной реформе, ему понятна была и была близка его сердцу лишь национальная оппозиция папству, сливавшаяся в его душе с религиозным протестом. Среди различных сил, боровшихся иногда за преобладание в стране, в союзницы себе он должен был выбрать ту силу, которая могла обеспечить торжество его дела, а т. к. после самоустранения Карла V такой силой были князья, то весьма естественно, что к ним и примкнул Лютер как политический деятель. Вот в немногих словах объяснение его личности и его роли в событиях реформационной эпохи.

Итак, Лютер был в молодости монахом и папистом. Легенда, овладевшая личностью Лютера, приписывала его поступление в монастырь обету, данному им, когда на его глазах умер убитый молнией друг, но если это и было, то разве только в том смысле, что положило конец его колебаниям относительно поступления в монахи, задуманного раньше. Сын бедного ломщика шифера из тюрингенских крестьян¹, маленький Мартин получил дома строгое воспитание, в котором побои были главным педагогическим средством. «Вследствие того, — говорит он сам, — что родители поступали со мной так сурово, я сделался очень робок; их строгость и суровая жизнь, которую я вел с ними, были причиной того, что я впоследствии ушел в монастырь и сделался монахом». В городской школе Мансфельда, куда поместил его отец, обращались с ним не лучше, и в одно после-обед, как он рассказывает сам, его однажды «исполосовали 15 раз». Что касается до нравственного влияния родителей на маленького Лютера, то особенно сильно было влияние матери, представлявшей себе Иисуса Христа строгим судьей, который будет жестоко наказывать за грехи. «Я, — говорил впоследствии Лютер, — постоянно был занят мыслью, сколько мне надо сделать добрых дел, чтобы умиловать Христа, от которого, как от неумолимого судьи, многие, как мне говорила мать, убегали в монастырь». Эта мысль уже занимала его, когда он был только 14-летним мальчиком и перешел в магдебургскую францисканскую школу. В 1497 г. его поразило зрелище ангальтского принца, в припадке меланхолии постриженного отцом в монахи. Лютер видел, как он ходил по городу в одежде кающегося грешника. «Я видел, — рассказывает он, — своими глазами принца Вильгельма Ангальтского, бледного как смерть, изможденного тело свое суровым постом и бдением; он ходил в монашеской шапке, сгибаясь до земли под тяжестью нищенской сумы, и просил милостыню; между тем как впереди его шел здоровый монах, которому в десять раз легче было бы снести его бремя, но благочестивый князь не давал ему этого; кто смотрел на него, невольно приходил в умиление и учился стыдиться светского состо-

---

¹ Лютер родился в Эйслебене.

яния». Уже тогда мальчик дал обет сделаться монахом. В Эйзенахе, куда потом переселился Лютер, он вел жизнь чуть не нищего и ужасно бедствовал; родители не были в состоянии давать ему содержание, и он должен был ходить по городу вместе с другими бедными учениками и петь благочестивые песни, чтобы получать милостыню от сострадательных жителей города. Положение его улучшилось лишь тогда, когда он попал нахлебником в дом вдовы Котта. Восемнадцати лет Лютер поступил (1501) в Эрфуртский университет, но очень мало интересовался процветавшим там гуманизмом. В это время отец Лютера, имевший тогда небольшие средства, помогал сыну, желая, чтобы тот сделался юристом, но право столь же мало занимало Лютера, как и классики, и он интересовался одним лишь каноническим правом, учившем о повиновении папе. «Папу, — говорит сам он, — боготворил я от чистого сердца и глубины души, не ради тучных пребэнд, прелатур и духовных имений, но все, что я делал, то делал от простоты сердца, с усердием искренним, нелицемерным. Я так высоко уважал папу, что был уверен, что, кто отступает от него в малейшей черте закона, тот осужден навек и становится добычей дьявола». Двадцати лет он впервые читал Библию, произведшую на него большое впечатление. Преимущественно заинтересовали его послания апостола Павла, из отцов Церкви сочинения Блаженного Августина, а также он познакомился из мистиков с Таулером, Сузо и Эккартом, рассматривавшими религию как внутренний акт верующей души. Лютер выбрал себе карьеру ученого-теолога. В Эрфурте познакомился он с картезианскими монахами, строгий образ жизни которых произвел на него сильное впечатление, и в 1505 г. он сам поступил в монастырь, думая, что только там можно спастись. Поступление это совершилось, однако, не без борьбы. Он получил тогда степень магистра, и перед ним открывалась лучшая дорога; да и отец, узнав, что сын намеревался сделаться монахом, совершенно с ним рассорился. В монастыре Лютер строго исполнял все обязанности монаха. Но аскетические подвиги не могли переменить его тревожного душевного состояния: он все мучился сознанием своей греховности, постился, молился, не спал по ночам, истязал себя и, чувствуя себя недостойным, подолгу не решался причащаться, словом, во всех отношениях был образцовым католиком. В предисловии к изданию всех своих сочинений он сам писал впоследствии: «Пусть читатель не забывает, что я был монахом и отъявленным папистом, до такой степени проникнутым и поглощенным доктриной папства, что, если бы только мог, готов был бы или сам убивать, или желать казни тех, кто отвергал, хотя на одну йоту, повиновение папе. Защищая папу, я не оставался холодным куском льда, как Экк и ему подобные, которые, право, сделались, как мне казалось, защитниками папы скорее ради своего толстого брюха, чем по убеждению в важности этого предмета. Даже более: мне и до сих пор кажется еще, что они насмеются над папой, как истые эпикурейцы. Я же отдавался доктрине всем сердцем, как человек, который страшно боится дня судного и,

несмотря на то, желает спастись, желает этого с трепетом, проникающим до мозга костей». Все это время Лютера продолжала мучить мысль о греховности, сомнение в возможности собственного спасения наполняло его душу и не давало ему покоя. Ему казалось делом недостойным слагать с себя бремя грехов внешними делами, иногда чисто формального характера, а ветхозаветный Бог гнева и мести внушал ему один страх; изречение: «правосудие Божие есть гнев Божий» его очень смущало, и он думал, что лучше было бы, если бы Бог не открывал Евангелия, ибо кто же может любить Бога гневного и осуждающего. Разрешение своих сомнений Лютер нашел у Блаженного Августина, учившего об оправдании посредством веры и через избрание Божие, если вера эта правая и совершенная, — у мистиков, отдававших внутреннему настроению преимущество перед внешними делами, и в изречении пророка Аввакума: «праведный от веры жив будет», которое он истолковал в том смысле, что праведный есть именно человек, оправданный перед Богом своей верой, и что правда Божия делает блаженными всех верующих в него. Эти мысли, как известно, и сделались исходным пунктом протестантской теологии. Мистически настроенный генеральный викарий августинского ордена, Иоанн Штаупиц, которому Лютер поверил свои сомнения, много содействовал их разрешению в таком смысле. Между тем в 1502 г. в Виттенберге курфюрст саксонский Фридрих Мудрый основал университет, и Штаупиц рекомендовал ему (1509) Лютера на кафедру философии, которую впоследствии, получив степень доктора богословия, он променял на кафедру богословия, — но сначала он долго от этого отказывался. Тот же Штаупиц уговорил его сделаться проповедником, в качестве какового Лютер производил сильное впечатление своим искренним и убежденным словом. Новые занятия оставляли ему мало времени для аскетических подвигов, но он все-таки продолжал им предаваться, занимаясь развитием своего теологического учения среди успехов в публике, ревностно посещавшей его проповеди. В 1510 г. исполнилось давнишнее желание Лютера: по делам ордена или в силу старого обета он отправился в Рим. Этому путешествию впоследствии приписывали большое влияние на изменение его отношения к католицизму, но хотя его и скандализировали многие факты из образа мыслей и образа жизни итальянского духовенства, о чем он сам рассказывал позднее, обличая Римскую Церковь, но его впечатления не были еще обобщены и он приехал в Виттенберг из Италии добрым католиком, хотя и с нерасположением немца к итальянскому духовенству. Возвратившись на родину, он продолжал свои богословские занятия, стал изучать греческий и еврейский языки, и в этом периоде его жизни (1510—1517) мы впервые замечаем влияние на него богословских идей Эразма и некоторое сближение с гуманистами: по крайней мере, во время рейхлиновского спора он выразил Рейхлину свое сочувствие, хотя был очень недоволен «Письмами темных людей».

В 1717 г. в окрестностях Виттенберга явился продавать индульгенции монах Иоанн Тецель, человек крайне наглый, говоривший, что отпущение грехов посредством индульгенций имеет большее значение, чем самое крещение, что всякий, кто купит индульгенцию, будет в лучшем состоянии, нежели был Адам до своего грехопадения, и т. п. Чуткую религиозную совесть Лютера оскорбляло поведение Тецеля, но не так, как оскорбляло оно многих его современников, порицавших нахальство продавцов, суеверную безнравственность покупателей, денежные вымогательства курии с немцев: учение об индульгенциях, в основе которого лежал взгляд на грех как на чисто формальное нарушение закона, формальным же образом и могущее быть заглаженным, стояло в резкой противоположности с той религиозной системой, исходный пункт которой был страданье Лютером в тиши его монастырской кельи и развитие которой было главным предметом его богословских занятий. Весьма естественно, что он выступил с проповедью, в которой осуждал торг индульгенциями, но т. к., несмотря на то, Тецель находил еще многих покупателей своего товара, Лютер обратился с письмом к немецким епископам. От большинства он не получил никакого ответа, и лишь один советовал ему не мешаться в это дело. Тогда осенью того же года (31 окт.) он прибил на дверях церкви Виттенбергского замка свои 95 тезисов, развив в них учение о покаянии, о действии Божьей благодати, об оправдании верой, но, осуждая в них поведение Тецеля, Лютер не думал ни о разрыве с Церковью, ни о порицании ее учений и папы, которых он строго отделяет от «проповедника отпущения». Лютер, конечно, не предвидел, что из этого должно было выйти. «Я был один, — писал он в одном письме, — и неосторожностью вовлечен в это дело; я не только уступал папе во многом, но даже часто сердечно обожал его. Ибо кто я был тогда? Ничтожный монах, походивший скорее на труп, чем на живое существо». Дело просто заключалось в том, что тогда существовал обычай, по которому каждый, защищавший какое-нибудь учение, выставлял изложение его на видном месте и этим вызывал других ученых на диспут, — вот чего, в сущности, желал Лютер, но вышло то, чего он не предвидел: тезисы распространились по всей Германии, их читали и толковали, чем сам Лютер был не особенно доволен. Против него выступил Тецель, и некоторые ученые (Гохстратен в Кельне, Экк в Ингольштадте) доказывали, что учение Лютера о бесполезности добрых дел еретическое. Студенты Виттенбергского университета собрали 800 экземпляров тезисов Тецеля и торжественно сожгли их на костре. Тецель пожаловался папе; Лютер призван был в Рим к ответу, но курфюрст саксонский не хотел его пускать, боясь за судьбу своего любимого проповедника. Сам папа Лев X, впрочем, во всем этом деле видел лишь спор монахов двух разных орденов, и к тому же ему не хотелось сталкиваться враждебно с покровительствовавшим Лютеру князем, самым влиятельным во всей Германии, ибо ему нужны были немецкие деньги на предполагавшуюся

большую войну с турками. От него на сейм в Аугсбург поехал (1518), в качестве легата, ученый кардинал Томас Вио (Каетан), которому, между прочим, и поручено было убедить Лютера прекратить свою полемику. Каетан своего, однако, не добился: денег ему не дали, а разговор с Лютером принял характер богословского диспута, в котором обе стороны горячились и кричали. Еще раньше Лютер написал папе объяснительное письмо, ответом на которое был вызов в Рим, замененный по ходатайству покровителей требованием явиться в Аугсбург, где и произошло объяснение его с Каетаном. Опасаясь чего-либо худого, Лютер ночью бежал из Аугсбурга в Виттенберг и издал «*appellationem a papa male informato ad papam melius informandum*», но когда это обращение осталось без ответа, он апеллировал к Вселенскому собору на папу. Между тем Лев X послал в Саксонию ловкого и вкрадчивого саксонца Мильтица, которому удалось прийти к соглашению с Лютером в двух пунктах: 1) обе стороны должны были перестать проповедовать, писать и рассуждать по спорному вопросу, а 2) Мильтиц должен был передать дело папе, который и назначит ученого епископа для его исследования. Как Лютер все это время относился к папе, можно видеть из следующего его письма: «Святейший отец! Да удостоит Ваше Святейшество обратить свой отеческий слух, как бы слух самого Христа, к Вашей бедной овце и выслушать милостиво ее блеяние. Что делать мне, Отец Святейший! Я не могу переносить Вашего гнева, и я не знаю, как его избежать. У меня требуют отречения. Я поспешил бы это сделать, если бы это повело к предположенной цели. Преследования моих противников распространили далеко мои сочинения, и они слишком глубоко запали в сердца, чтобы их оттуда искоренить. Отречение только еще более нанесло бы ущерба Римской Церкви и в уста всех вложило бы против нее новые обвинения. Святейший Отец! Объявляю пред лицом Бога и всех его творений: я никогда не желал, да и теперь отнюдь не желаю делать покушения насилием или хитростью на власть Римской Церкви и Вашего Святейшества. Я признаю, что ничто ни на небе, ни на земле не может быть поставлено выше этой Церкви, кроме Христа, Господа всех». Во всяком случае, однако, Лютер изъявлял готовность отречься от своего учения, но под условием, чтобы его опровергли, и свое молчание ставил в зависимость от молчания своих противников, отказываясь безусловно подчиниться решению авторитета. Ему, однако, пришлось нарушить данное обещание, виновником чего был профессор Ингольштадтского университета доктор Экк, вызвавший ученых на большой диспут в Лейпциге (1519), а в их числе виттенбергского профессора и Лютерова друга Карльштадта, против которого он написал тезисы, направленные, собственно говоря, против Лютера. На диспут явился и Лютер. Прения происходили в зале Герцогского замка, в которой установлены были две кафедры, и сначала первую неделю (с 28 июня) диспут велся между Экком и Карльштадтом, потом (4 июля) выступил и Лютер, начав с заявления своей покорности папе. «Во имя Господа. Аминь, —

сказал он, — я объявляю, что уважение, которое я питаю к верховному первосвященнику, заставило бы меня не участвовать в этом диспуте, если бы почтенный доктор Экк не увлек меня». Два дня спорили они об оправдании и добрых делах, но никакого соглашения между ними не состоялось. Между прочим, Экк затронул вопрос о папском авторитете, ибо Церковь без главы была бы чудовищем (*nam quod monstrum esset ecclesiam esse acephalam*). Лютер, обращаясь к публике, сказал на это: «Когда господин доктор объявляет необходимость, чтобы Вселенская Церковь имела главу, он делает хорошо. Если есть кто-либо противного мнения, пусть встанет, но меня это не касается». На вопрос Экка, кто же этот глава, если не папа, Лютер отвечал в том смысле, что главой Церкви, хотя и невидимым, нужно считать самого Иисуса Христа и что подлежит еще доказательству древность папства, как установления более раннего, чем первые четыре века. Экк, превосходивший Лютера в познаниях по истории Церкви и каноническому праву, опроверг его, но Лютер стал тогда доказывать, что его противник прав только по отношению к Латинской Церкви, единство для которой вышло из Рима, но что для Востока оно вышло из Иерусалима и что греки не признают папской власти, — как бы тем самым видя в папе только избранника Западной Церкви, а не наместника, поставленного над Церковью самим Богом. Это дало Экку повод сказать: «Я нахожу, что в твоём учении есть сходство с гуситством»: Гуса в Германии ненавидели, и Экк хотел погубить Лютера в глазах собрания, но тот отвечал: «Я не люблю и никогда не полюблю раскола. Так как богемцы сами собой отделяются от нашего единства, они делают дурно, если бы даже божественное право было на стороне их учения: ибо высшее божественное право — любовь и единение духа». Нужно заметить, что с учением Гуса Лютер познакомился еще в Эрфуртском монастыре и тогда еще очень испугался, когда увидел, что его собственные мнения «сходятся во многом с мнениями сожженного еретика, но теперь он нашел возможным заявить, что «между параграфами Яна Гуса и богемцев есть вполне христианские», как, например, «такое утверждение: есть Вселенская Церковь. Или другое: для спасения не нужно верить в главенство Римской Церкви и ее первенство над другими. Виклиф ли это сказал, — прибавил он, — Гус ли — все равно. Это истина». Эти слова произвели сильное волнение в собрании, но это не испугало Лютера, и он продолжал: «Греки никогда не признавали власти папы, но их не объявляли еретиками». Когда Экк сторяча объявил, что «Христианская Церковь и Римская одна и та же» и что греки — еретики, Лютер возразил: «Григорий Назианзен, Василий Великий, Епифаний, Златоуст не верили в верховенство Римской Церкви — так неужели они должны быть признаны еретиками?» Экк думал вывернуться шуткой: «Почтенный отец не понимает кухонного искусства, мешая святых и еретиков греческих, так что запах святости одних заглушает яд других». На его замечание, что первенство папы подтверждено Констанцским собором, Лютер ответил непризнанием безусловной авторитетности соборного реше-

ния. «Почтенный отец, — сказал ему Экк, — если, по-вашему, собор, законно собранный, может погрешать, вы для меня язычник и мытарь». Так окончился Лейпцигский диспут, на котором произошел разрыв Лютера с Церковью. Мысли, высказанные им в пылу спора, уже таились раньше в глубине его души, но он не решался признаться самому себе в том, как далеко разошелся он с Церковью, продолжая уверять себя, что он все еще стоит на церковной почве. Между тем у папы вынудили буллу, которая проклинала и отлучала Лютера от Церкви, но многие князья не хотели обнародовать этой буллы, а Фридрих Мудрый прямо отказался ее принять. Сам Лютер 10 декабря 1520 г. в сопровождении многих профессоров и студентов Виттенбергского университета и жителей города вышел за город и торжественно сжег ее на костре вместе с некоторыми книгами, на которых основывалась папская власть.

Незадолго перед этим (в июне 1520) Лютер издал политическую брошюру, адресованную «Его императорскому величеству и христианскому дворянству немецкой нации», в которой, стоя главным образом на почве национальной оппозиции, он приглашал их освободить Германию от ига, наложенного на нее папством, и заявлял главные принципы, которые потом легли в основу его реформации, т. е. отрицание иерархии и священства, отмену папской власти и церковного землевладения, прекращение celibата духовных лиц и т. д. За этой брошюрой последовала другая (в октябре) — «О вавилонском пленении Церкви», где Церковь представляется как бы в плену у папы и отрицаются католические таинства, за исключением крещения и соединенного с покаянием причащения. «По какому праву, — спрашивает здесь Лютер, — устанавливает папа над нами законы? Кто дал ему власть поработить свободу, сообщенную нам крещением? Я говорю: ни папа, ни епископ, ни какой бы то ни было человек не имеет права установить хотя единую букву над христианином, если не будет на то его собственного согласия, и что делается иначе, делается в тираническом духе». Наконец, в ответ на папское проклятие Лютер выпустил в свет брошюру «Против буллы антихриста»¹. Лютер искал союзников для своего дела и возлагал надежды на вновь избранного императора Карла V, тогда как последний обещал папе за поддержку в Италии против Франции уничтожить ересь в Германии. «Если, — писал Лютер, обращаясь к Карлу, — если дело, которое я защищаю, достойно предстать пред престол небесного Величества, оно не должно быть недостойно занять внимание государя земного. О Карл, государь земных королей! Я бросаюсь с мольбой на колени перед Вашим Светлейшим Величеством и заклинаю Вас принять под покров свой не меня, но самое дело вечной истины, для защиты которой Бог поручил Вам владеть мечом». «Папа, — писал он еще, — видя невозможность подчинить своей воле прежних господ Римской империи, придумал отнять у них их титул и их империи и отдать их

¹ Lemme. Die drei grossen Reformationsschriften Luther's von Jahre, 1520.

нам, немцам. Так и вышло, но мы сделались слугами папскими. Ибо папа овладел Римом и клятвенно принудил императора никогда там не жить, так что император сделался императором римским без Рима. У нас имя, — у папы страна и города. У нас титул и герб империи, — у папы достояние, власть, привилегии и свобода. Будем действовать согласно со своим именем. Римляне хвастаются, что передали нам империю, так возьмем же то, что нам принадлежит. Пусть папа уступит нам Рим и все, чем он завладел в империи. Пусть империя будет тем, чем должна быть империя, и пусть меч государей не склоняется более пред лицемерными притязаниями папы».

Так совершилось отпадение Лютера от Католической Церкви. Аскет, папист и теолог, он только постепенно, с великой внутренней борьбой отложился от старой Церкви, и исходным пунктом его протеста был принцип религиозный, богословское учение, которое он выносил в душе своей, вовсе не думая, что оно приведет его к восстанию против папской власти и церковных установлений и сделает из него религиозного реформатора, народного вождя в национальной борьбе с римской курией и сообщника светской власти в ее старых счетах с властью духовной. Заявления, сделанные Лютером на Лейпцигском диспуте и в трех названных сочинениях, были логическим результатом переворота, совершившегося в его душе, и мы не ошибемся, если скажем, что в это время, как и позднее на Вормском сейме (1521) он выступал *как представитель религиозного индивидуализма*: он учил, что оправдывает человека перед Богом только его личная вера; он соглашался изменить свой взгляд только под условием такого доказательства, которое, опровергая его мнения, было бы лично для него убедительно; он отрицал за кем бы то ни было право установить хотя бы одну только букву над совестью христианина. Логическим выводом отсюда должно было быть отвержение всего внешнего в деле веры, всего покоящегося на каком-либо другом авторитете, кроме Св. Писания, заключающем в себе божественное откровение, которому должна подчиниться верующая совесть, наконец, отвержение какой бы то ни было духовной власти, ибо каждый христианин, по мнению Лютера, был и священник. Мы увидим, что Лютер не удержался на этой точке зрения: старые привычки теолога и паписта с течением времени должны были взять свое; крайние религиозные учения, основывавшиеся на аналогичном же принципе, заставили Лютера позднее отказаться от последовательного его применения; интересы начатой им реформы Церкви наводили его на мысль о необходимости союза со светской властью, и Лютер, как устроитель новой Церкви (после 1522), является перед нами совсем другим, чем Лютер 1517—1521 гг.

VI. Эпоха Вормсского сейма¹

Впечатление, произведенное делом Лютера в Германии. — Новые памфлеты Гуттена. — Отношение Лютера к Гуттену. — Отношение Карла к делу Лютера. — Продолжение Лютеровой полемики с папой. — Стойкость Лютера. — Вормсский сейм. — Вормсский эдикт. — Лютер в Вартбурге. — Распространение идей Лютера.

Девяносто пять тезисов сразу сделали имя Лютера необыкновенно популярным в Германии. До 1517 г. он был известен только в более тесном кругу своих виттенбергских почитателей, к которым принадлежал и сам курфюрст, его государь, и известность эта основывалась исключительно на его успешной деятельности проповедника. Лютер обладал счастливым даром убеждения, и искренность его обращения к слушателям, горячность, с какой он излагал им религиозное учение, убедительность его аргументов, привлекали на его проповеди всегда большую толпу, теснившуюся у его кафедры и слушавшую его с напряженным вниманием, так что он скоро сделался любимцем виттенбергских граждан и самого курфюрста. Девяносто пять тезисов появились как раз в то время, когда еще не успело улечься общественное возбуждение, произведенное гуманистической борьбой с кельнскими богословами и их сторонниками, когда общество было под свежим впечатлением «Писем темных людей». Мы уже видели, что тезисы Лютера сразу обратили на себя внимание, и в образованных кругах стали с большим интересом следить за полемикой между Лютером и его противниками, т. к. и предмет ее был всем доступен и касался основных вопросов веры. У Лютера явились и сторонники, взявшие на себя его защиту. Таков был, например, виттенбергский же профессор, человек схоластического образования Карлыштадт, диспутировавший с Экком в Лейпциге; таков был гуманист Филипп Меланхтон (собственно Шварцерт, род. в 1497), родственник и ученик Рейхлина, впоследствии помощник Лютера². Лейпцигский диспут сразу поднял Лютера на большую высоту в общественном мнении, а папская булла 1520 г. и страстные воззвания самого Лютера, выпущенные в том же самом году, делали его живым воплощением той давнишней национальной и религиозной оппозиции Риму, без которой не могла бы произойти и сама Реформация. Эти годы замечательны еще тем, что тогда происходило *сближение между будущим реформатором, с одной стороны, и гуманистами и политиками — с другой*, сближение временное, не имевшее под собой прочной почвы, но весьма характерное для той поры, какую пережива-

¹ Для истории общественного возбуждения в Германии около 1521 г. см.: *Baur August. Deutschland in den Jahren 1517—1525 betrachtet im Lichte gleichzeitiger auonymer und pseudonymer deutscher Volks- und Flugschriften.*

² *Schmidt.* Melanchthon.

ла Германия перед самым началом революционного движения 1522—1525 гг. В этом отношении особенно любопытно поведение Ульриха фон Гуттена, гуманиста и публициста, видевшего сначала в виттенбергских спорах монашескую грызню и возлагавшего надежду на то, что монахи во взаимной вражде уничтожат одни других. Смелость, с какой Лютер выступил против папства, привлекла на его сторону Ульриха фон Гуттена, который в годы Лейпцигского диспута и сожжения буллы участвовал в походе против Вюртембергского герцога, а потом жил у Франца фон Зиккингена, равным образом ставшего на сторону Лютера. Мы уже упоминали о памфлетах Гуттена 1520—1521 гг., о его «Жалобе и увещании против непомерной и нехристианской власти римского папы». «Прежде, — говорит он в этом памфлете, — я писал по-латыни, которая не всякому знакома; теперь я зываю к отечеству, к немецкой нации на ее языке отмстить за эти дела» (*zu bringen diesen Dingen Rach*). Подобно Лютеру, который, как мы видели, обращался к императору и христианскому дворянству немецкой нации, и Гуттен зывает к государям и правящим классам. «Надеюсь, — говорит он, — это сделают многие рыцари, многие графы и дворяне и многие граждане, также слишком тяготящиеся этими делами в своих городах, чтобы мой призыв остался тщетным. Вперед, с нами Бог! Кто захочет остаться позади в таком деле. Я отважился — таков мой лозунг!» В другом памфлете («Оправдание») он писал, что всегда обращался к императору и государям с увещанием вступить в дело, провести реформу, необходимость которой очевидна, ибо, доказывает он, должно опасаться, что если власти не вступятся, а бесчинства куртизанов и бездушных духовных лиц дойдут до крайности, то грубая толпа и бессмысленная чернь (*gemeiner Hauf und das unsinnige Volk*) восстанет и без смысла сокрушит все. Впоследствии Гуттен сам приглашал эту толпу и этот народ к действию, но пока он стоял на той же точке зрения, что и Лютер, когда он в послании к немецкому дворянству говорил, что когда реформы требуют светские государи, то Церковь отвечает, будто светская власть не должна мешаться в церковные дела, и выражал желание, чтобы Карл V занялся реформой. Только неудачный исход Вормсского сейма заставил Гуттена отказаться от надежды на проведение реформы сверху. В ту же зиму 1520/1521 г. Гуттен написал латинский диалог «Булла и буллоубийца», в котором он драматически изображает борьбу буллы со свободой, влагая в уста последней такие слова: «На помощь, сограждане! Защитите угнетенную свободу! Неужели никто не решится вступить за меня? Неужели здесь нет никого истинно свободного, никого стремящегося к добру, никого любящего право и справедливость, ненавидящего обман и преступление?» И Гуттен говорит от себя, что «чей бы ни был этот клич, он должен вступить, раз он слышит призыв. Посмотрю, — продолжает он, — что там делается. Вижу, дело идет о свободе. Надо бежать. Что тут такое? Кто кличет? Свобода! Свободу угнетают; Гуттен! Это я, я зову!» В двух других диалогах («Предостерегатели») Гуттен выводит в одном Лютера,

в другом Зиккингена разговаривающими с людьми, которые хоть и порицают злоупотребления Римской Церкви, но еще более порицают восстание против нее. Собеседник указывает Зиккингену, что все поднимавшиеся против Церкви кончались дурно. «А чех Жижка? — спрашивает рыцарь. — Он оставил после себя славу, что освободил свое отечество от ига, выгнал из всей Богемии недостойных тварей, ленивых попов и бесполезных монахов, имущества их частью возвратил наследникам жертвователей, частью обратил на пользу общественную и т. д.». На панегирик Жижке собеседник замечает, что Зиккинген, по-видимому, не прочь сам подражать Жижке, и получает ответ, что, «конечно, не прочь, если добром не удастся сладить»¹. Памфлет этот писался, когда ход дел на Вормском сейме не внушал нетерпеливому Гуттену особого доверия. Во время этого сейма, открывшегося 28 января 1521 г., Гуттен особенно волновался, издав, например, еще две инвективы против бывших на сейме папских легатов, но Лютера смущало поведение его защитника, и он писал своему другу Спалатину, духовнику и старшему секретарю Фридриха Мудрого (бывшему одним из историков Реформации): «Ты видишь, к чему стремится Гуттен, но я не хочу, чтобы Евангелие отстаивали насилием и убийством; в этом смысле я и писал ему. Словом побежден мир, словом сохранялась Церковь, словом же она и восстановится». Лютеру было также очень неприятно, когда под конец сейма в Вормсе было прибито воззвание четырехсот рыцарей, соединившихся за Лютера, причем он говорил, что тут действует хитрость его врагов, желающих его погубить, приписывая ему мятежные связи.

Менее нежели через два месяца после сожжения буллы собрался в Вормсе сейм, на котором в первый раз присутствовал новый император. Лев X был, как это открылось в начале царствования Карла, против его избрания, и еще весной 1520 г. поверенный императора Мануэль писал ему: «Ваше величество должны поехать в Германию и там оказать некоторую благосклонность некоему Мартину Лютеру, который находится при саксонском дворе и предметом своей проповеди внушает опасения римской курии». Но позднее, как было уже сказано, между Карлом V и папой состоялась сделка: Лев X должен был помогать императору против Франции, Карл же обязывался содействовать уничтожению ереси в Германии. Между тем борьба Лютера с папой продолжалась; и Лев X подтвердил проклятие Лютера новой буллой, которую последний после издал со своими комментариями, могущими служить образчиком его полемики. «Лев, епископ, гласила булла (епископ, как волк, бывает пастухом, прибавляет Лютер, ибо епископ должен поучать по закону спасения, а не изрыгать проклятий), *Servus servorum Dei* (вечером, когда мы пьяны, а утром мы прозываемся *Leo, dominus omnium dominorum*). Римские епископы, наши предшественники, имели обычай в этот праздник (чистый четверг) употреблять оружие правосудия (которое, по-твоему, — отлучение

¹ Ulrich von Hutten's ausgewählte Gespräche und Briefe, übersetzt von d-r O. Stäckel.

и анафема, а по апостолу Павлу — терпение, кротость и милосердие). По праву и обязанностям апостольским и для поддержания чистоты христианской веры (т. е. светских владений папы) и единства ее, состоящего в единении членов с главой Христом и его заместителем (мало одного Христа — другой нужен еще), чтобы сохранить святое общение верных, мы следуем древнему обычаю, и мы отлучаем и проклинаем во имя Всемогущего Бога Отца (о котором сказано: Бог не посылал Своего Сына в мир, дабы судить мир) и Сына и Святого Духа и по власти апостолов Петра и Павла и нашей собственной (и я тут тоже, говорит волк пожирающий, будто могущество Бога без него слишком слабо). Мы проклинаем всех еретиков (ибо они хотели обладать Св. Писанием и требовали, чтобы папа был воздержан и проповедовал слово Божие)... и Мартина Лютера, недавно осужденного нами за подобную ересь, и всех его приверженцев и всех, кто бы они ни были, которые окажут ему какое-либо расположение (благодарю тебя, любезный первосвященник, за то, что ты меня осуждаешь со всеми этими христианами; для меня это честь, что имя мое провозглашено в Риме в праздник так торжественно и теперь обходит весь мир с именем всех этих смиренных исповедников Христа)». Лютер делался все смелее и смелее, но многие его сторонники, когда он был призван молодым императором и чинами империи на сейм, советовали ему ограничиться оппозицией против светской власти папы, не касаясь религии, и думали, что Лютер отречется от своих мнений. Но Лютер отвечал следующим образом Спалатину, ведущему с ним от имени Карла и Фридриха Мудрого переговоры о том, чтобы он отрекся от сочинения своего «Вавилонское пленение Церкви»: «Ожидайте от меня всего, но только не побега и не отречения. Я не убегу и не отрекусь от своего сочинения и от моего учения, которое буду признавать до последнего дня, хотя и уверен, что собаки не успокоятся, пока не покончат со мной». Когда Лютер отправился на Вормсский сейм, то ему устраивали на дороге торжественные встречи, особенно в Эрфурте: собирался народ, и Лютер проповедовал. Друзья, опасаясь, чтобы ему не приключилась в Вормсе какая-либо беда, советовали ему не ехать туда, но он отвечал: «Если бы на дороге к Вормсу стояли костры и их огонь доходил до неба, и если бы в Вормсе было столько чертей, сколько черепиц на крышах домов, то я и тогда бы поехал». Карлу, действительно, предлагали не исполнять данного Лютеру охранной его грамотой обещания не причинять ему зла, но Карл не соглашался на это. — Время Вормсского сейма было самым блестящим моментом в жизни Лютера. Он не был еще основателем новой Церкви, а отстаивал просто право человеческой личности, свободу совести, и его истинное величие на этом сейме заключалось в том, что он торжественно, пред лицом всего света заявлял, что в жизни человека есть сторона, в которую не может вмешиваться никакая посторонняя сила.

В Вормсе собралось много народа. По улицам не было почти прохода. Лютер пошел в ратушу, где происходили заседания, садами и дворами, а сол-

даты должны были силой расталкивать толпящийся народ. Сначала (17 апреля) Лютер смутился было перед блестящим собранием и говорил нерешительно. Ему представили собственные его книги, спрашивая, признает ли он их за свои. Оправившись от смущения, он отвечал, что от своих книг догматического содержания он не может отказаться, т. к. не находит в них ничего дурного, и самая булла папы находит в них много хорошего; что отречься от книг, в которых он восставал против злоупотреблений духовенства, значило бы с его стороны предать Германию грабежу, что, наконец, он не может отказаться от своих полемических сочинений, ибо это значило бы предоставить торжество своим врагам. Затем Лютер начал говорить против непогрешимости папы и соборов, но его прервали такими словами: «Ты не ответил на сделанный тебе вопрос. Ты здесь не для того, чтобы подвергать сомнению то, что было решено соборами. У тебя требуют прямого и ясного ответа, хочешь ли ты или нет отказаться?» И на это Лютер сказал: «Так как Ваше Светлейшее Величество и ваши высокие власти требуете от меня простого, точного и ясного ответа, то я его вам дам без сучка и задоринки (*dabo illud, neque dentatum, neque cornutum*). Вот он: я не могу подчинить своей веры ни папе, ни соборам, ибо ясно как день, что они часто впадали в заблуждения и даже в противоречия с самими собой. Значит, если меня не убедят свидетельствами из Писания или очевидными доводами разума, если меня не убедят теми самыми местами, которые я привел, и если таким образом мою совесть не свяжут Словом Божиим, я не могу и не хочу отказываться ни от чего, ибо не подобает христианину говорить против своей совести». И затем, обращаясь к собранию, он произнес: «*Hier stehe ich. Ich kann nicht anders. Gott helfe mir. Amen*»¹. Этот твердый ответ произвел впечатление на собрание, но только не на холодного Карла V, сказавшего, что его «этот монах не увлек бы в ересь». Во время речи Лютера слышались громкие одобрения. Ландграф Филипп Гессенский пришел к нему потом на квартиру и сказал: «Если ты считаешь, что дело твое Божие, стой твердо на своем». Имперские чины и общественное мнение были на стороне Лютера, и ввиду этого Карл должен был его отпустить и дать ему приказ возвратиться домой. На возвратном пути устраивались Лютеру многочисленные овации, а сам он написал записку к другу своему Луке Кранаху, в которой высказал свой взгляд на то, что случилось на Вормском сейме: «Слуга твой, любезный кум, Лука; я думал, что его величество соберет в Вормсе человек пятьдесят докторов, чтобы убедить, как следует, монаха. Совсем нет. Твои эти книги? — Да. — Отказываешься ты от них? — Нет. — Так убирайся. — Вот и вся история»... Около того же времени он написал к Карлу V письмо, в котором проводил границу между повиновением Богу и повиновением государю. Мало-помалу разъехались и князья, особенно расположенные к Лютеру, и никто не ожидал каких бы то ни было

---

¹ «На этом стою. Я не могу иначе. Бог да поможет мне. Аминь» (нем.). — Прим. ред.

новых постановлений по его делу, как вдруг император предложил оставшимся еще князьям написанный папским нунцием Александром эдикт, помеченный еще 8 мая (хотя тогда было уже 25-е число), дававший Лютеру двадцатидневный срок для отречения и в случае его отказа налагавший на него опалу вместе с его последователями, друзьями и покровителями, сочинения же его обрекались на сожжение. 26 мая эдикт этот был подписан Карлом. Еще ранее того покровитель Лютера Фридрих Мудрый, понимая, что жизнь реформатора находилась в опасности, задумал укрыть его на время. Когда Лютер возвращался из Вормса, его схватили люди курфюрста, отвезли его в Вартбург. Разнесся слух, что Лютера похитили враги его, а он между тем проживал в Вартбургском замке под именем рыцаря Георга. Здесь начал он свой перевод Библии на немецкий язык, но это дело не было совершенной новостью в Германии, т. к. переводы Библии, хотя и уступавшие Лютерову по своим достоинствам, существовали уже раньше и были весьма распространены в народе. Предприятие Лютера, оконченное только через двенадцать лет, имело большое значение для развития немецкого литературного языка, не говоря о значении его для религиозной Реформации, т. к. Библия стала теперь доступной для всех в прекрасном переводе. Лютер начал тогда же переводить на немецкий язык и еврейские псалмы, чем сильно двинул вперед развитие богослужебной лирики. Между тем религиозное движение, возбужденное проповедью и сочинениями Лютера, не только не улеглось, но даже стало принимать все более широкие размеры. Сторонники Лютера издавали полемические сочинения против его врагов; рыцари собирались для защиты дела оппозиции Риму; в городах происходили демонстрации в честь Лютера; князья уже начинали понимать, какие выгоды для усиления своей власти могут извлечь из борьбы с курией; многие духовные лица читали сочинения Лютера, «ohne Verdruss», как выразился о себе базельский епископ, а другой говорил даже: «Мы все лютеране», указывая этим на сходство собственных воззрений с учением Лютера. Но собственно для большинства немцев весь вопрос заключался в определении отношений нации к Риму, для Лютера же — в догматах веры, в силу чего Лютер и многие его приверженцы понимали дело Реформации неодинаково. Основной чертой характера Лютера был своего рода консерватизм, благодаря которому он отделился от Церкви медленно и постепенно, но его приверженцы были решительнее, и они сразу порывали с Католической Церковью. Лютер пробыл в Вартбурге до весны 1522 г., а в его отсутствие в Виттенберге и других местах началось насильственное ниспровержение католицизма, заставившее его выступить уже умерителем начатой без него Реформации.

VII. Начало религиозной Реформации¹

Что такое начало Реформации? — Умеренность и консерватизм Лютера. — Его боязнь рационализма. — Его авторитарный характер. — Происхождение разлада среди реформаторов. — Отношение гуманистов к Реформации. — Разные виды Реформации в XVI в. — Карльштадт и иконоборчество. — Цвиккауские пророки. — Выступление Фомы Мюнцера. — Подавление виттенбергских смут и их значение. — Зарождение антитринитаризма.

Когда желают приурочить начало Реформации к какому-либо событию, то указывают или на прибитие Лютером девяноста пяти тезисов к церковным дверям в Виттенберге (1517), или на его отторжение от Католической Церкви на Лейпцигском диспуте (1519), или на сожжение им папской буллы (1520), но, собственно говоря, ни в одном из этих событий, в которых действовал притом главным образом один Лютер, не было еще Реформации в смысле преобразования самой Церкви, отпадения от нее какой-либо части верующих и принятия ими новых религиозных начал, которые были бы введены и во внешние отношения церковной жизни. Это были все индивидуальные акты Лютера, правда, обратившие на себя внимание общества, встреченные последним сочувственно, нашедшие в нем поддержку, — без чего и сам Лютер не решился бы на свою борьбу с папой, не говоря уже о том, что при другом отношении к нему народа и властей ему и не дали бы зайти так далеко, — но от этого общественного внимания, сочувствия, поддержки было еще далеко до того, чтобы в церковную жизнь хотя бы одного Виттенберга *были введены новые формы, которыми отменялись бы учреждения католицизма, чем именно и была религиозная Реформация, не ограничивавшаяся одним заявлением новых принципов, но проводившая их в церковную жизнь.* Начало такому движению положил не сам Лютер: не он первый начал переменять старые порядки на новые, и во многих отношениях ему пришлось идти даже не впереди церковных преобразований, а сдерживать других более рьяных новаторов. Реформация в смысле внешних изменений, принимавшихся народом и даже прямо им производившихся, началась в то время, когда Лютер находился в Вартбургском замке, невольно возвратившись после политической борьбы

---

¹ *Th. Kolde.* Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation. Указываем здесь литературу по анабаптизму и антитринитаризму, имея в виду не одни двадцатые годы XVI в. и не одну религиозную сторону движения. *Михайлов А.* Революционный анабаптизм. — *Будрин.* Антитринитарии XVI в. — *Keller L.* Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster und Ein Apostel der Wiedertäufer. — *Hast.* Geschichte der Wiedertäufer. — *Hase.* Das Reich der Wiedertäufer. — *Cornelius.* Geschichte des münsterischen Aufbruchs. — *Trechsel.* Die protestantischen Antitrinitarier vor Faustus Socin. Соч. *Erbkam*'а по истории сектанства вообще было указано; необходимые дополнения будут сделаны.

1520 г. к своим теологическим занятиям. Когда до него дошла весть о том, что делается в Виттенберге, где происходило насильственное ниспровержение католицизма, принявшее вид иконоборчества, Лютер писал виттенбергским радикалам (в декабре 1521), что они не должны были «пускать в ход кулаки» и что он не может быть на стороне таких деятелей: «Без меня вы начали это дело, смотрите же, чтобы без меня его и кончить», — и ему казалось, что это дьявол поднял смуту, чтобы «посрамить новое учение». Лютер, сам говоривший в 1520 г. революционным языком и демонстративно при народе сжигавший папскую буллу, лишь временно увлекся в этом направлении и, будучи вообще врагом насилия, уже во время Вормсского сейма не одобрял затей Ульриха фон Гуттена: *смуты лишь компрометировали то дело, которое он считал главным*, и он опасался, что они только отвратят от него власти, на поддержку которых он рассчитывал.

С другой стороны, приняв, что существо религии заключается не во внешних формах, а в вере, во внутреннем настроении, он не придавал значения этим формам и по отношению к ним (по крайней мере, в начале двадцатых годов) стоял на той точке зрения, что почитание или уничтожение икон, соблюдение или непризнание постов, поступление в монахи или выход из монастыря и т. п. сами по себе безразличны, и что нельзя, не нарушая свободы, ни принуждать ко всему этому, ни все это запрещать, между тем как виттенбергские радикалы с большой ревностью истребляли все, что напоминало католицизм. К этому *присоединялся у Лютера и известный консерватизм*, который усиливался по мере того, как Реформация принимала все более и более революционный характер. Он не сразу отпал от Католической Церкви, и самое его отпадение совершалось не только медленно, но и постепенно, да и впоследствии он оставался верным многому такому, что гораздо ранее его было оставлено его приверженцами. Католики впоследствии обвиняли Лютера в том, будто он затеял Реформацию, чтобы иметь право бросить монастырь и жениться, но он и не первым вышел из монахов, и не первым из священников вступил в брак. Из августинского монастыря ушел первым Цвиллинг, увлекший за собой других монахов, Лютер же по возвращении из Вартбурга не покидал монастыря и монашеского одеяния до 1524 г., хотя догмат об оправдании одной верой заключал в себе отрицание монашества. Когда он узнал о первых браках священников (Фельдкирхена и Зейдлера), он одобрил это, но заметил, что ему, однако, не навязжут жены (*«at mihi non obtrudent uxorem»*), сам же хоть и женился потом, но только в 1525 г. Уничтожение католической мессы, причащение под обоими видами (Карльштадтом на Рождество 1521), отрицание пресуществления в таинстве евхаристии — и это все началось без него, а когда он сам принял участие в реформе и сделался ее руководителем, то в этом деле придерживался более консервативного принципа — не отвергать ничего такого, что с полной очевидностью не противоречит Священному Писанию, тогда как другие реформаторы именно го-

ворили о необходимости уничтожения всего, на что нет прямых указаний в Священном Писании. В этом смысле он не пошел за теми толкователями евхаристии, которые, отрицая пресуществление, не признавали в таинстве действительного присутствия (*praesentia realis*) Христа, утверждавшегося Лютером. «Я скован, — говорил он, — текст слишком силен, я не могу отказаться от него, ничто не вырвет его из моего ума». Между прочим, и в этом вопросе, возбужденном виттенбергскими богословами, да и во многих других Лютер боялся впасть в рационализм, и если на Вормском сейме он ставил доводы разума на одну доску со Священным Писанием, говоря, что он отречется от своего учения лишь убежденный Священным Писанием или очевидными доказательствами разума («*nisi scripturae sacrae testimoniis vel evidenti ratione convictus fuero*» и на вопрос: «*num hoc vis te non cessurum nisi convictum sacra scriptura?*» такой ответ: «*plane aut evidentissimis rationibus*»), то позднее его пугал рационализм, в котором он обвинял, например, Эразма и Цвингли, и о разуме он рассуждал в духе старых традиций, в которых он был воспитан: «Что, по-видимому, несообразнее с разумом, как божественность Иисуса Христа? Можно ли понять воплощение Бога в утробе Девы? Можно ли понять, каким образом Бог, присутствующий в хлебе и вине, делается снадьем верующих? Вся религия — безумие для разума! Разум — блудница дьявола. Он только богохульствует и порицает дела Божии. Он ничего не понимает о Боге. Нужно его убить, нужно закрыть глаза, заткнуть уши, все чувства и верить!» Уже раньше Лютер ожидал содействия реформе со стороны светской власти, но виттенбергские беспорядки, а за ними рыцарское и крестьянское восстания еще более его убедили, что дело это должно принадлежать не «господину Всем» (*dominus Omnes*), а светской власти, *откуда и объясняется его союз с князьями, вытекавший из задачи Лютера реформировать церковную жизнь, охранив ее от опасностей, которые порождались самой Реформацией, — и из сильного в нем принципа авторитета*, не только привитого к нему католическим воспитанием, но основывавшегося на собственном его характере: Лютер был из тех властных натур, которые нередко восстают против чужой власти лишь для того, чтобы перенести ее на себя. В одной из проповедей своих в Виттенберге по случаю происшедших там во время его вартбургского заключения беспорядков он говорил так: «Уничтожение мессы согласно с Писанием — это совершенно верно, но какой порядок, какое приличие соблюли вы? Нужно было вознести горячие молитвы, нужно было обратиться к властям; тогда все увидали бы, что это дело от Бога». Когда был возбужден впоследствии вопрос об избрании прихожанами своих пасторов (что допущено было, например, Филиппом Гессенским), Лютер, сам стоявший сначала за тот же самый принцип, переменил свой взгляд и решил, что назначение новых духовных лиц должно принадлежать светским властям. В 1526 г. он так писал об этом курфюрсту саксонскому: «Среди людей замечается столько неблагодарности к слову

Божью, что, если бы я мог так сделать по чистой совести, я оставил бы их жить без пастырей, как свиней, но мы не можем так поступать. Так как папский порядок отменен, все учреждения делаются вашим достоянием как верховного главы. Ваше дело всем этим управлять; никто другой об этом не заботится, не может и не должен заботиться». Таким образом, Лютер признал за князьями права, принадлежавшие прежде папе. Для того чтобы были сохранены известные принципы при устройстве Церкви, Лютер потребовал церковной ревизии. Курфюрст саксонский назначил для этого отдельную комиссию, инструкцию же для нее написал Меланхтон. Инструкция эта весьма интересна заявлением того принципа, что нужно как можно более оставлять из старых церемоний, ибо всякие новшества причиняют только вред (*obsecro, quantum ex veteribus caeremoniis retineri potest, retineas. Omnis novitas nocet in vulgo*). Осмотр реформированных церквей был произведен Лютером, Меланхтоном и другими лицами, и он еще более утвердил Лютера в его консерватизме. Тогда же он написал свои два катехизиса, по которым должны были учить народ вере всегда в одних и тех же выражениях: законоучители подвергались испытанию в знании катехизиса и не смели от него уклоняться, преподавая народу закон Божий. Я позволил себе забежать несколько вперед, чтобы сопоставить некоторые факты, рисующие нам Лютера, как реформатора. Враг насилия и лишнего новаторства, человек, придававший главное значение внутреннему содержанию религии и сравнительно индифферентно относившийся к внешним ее формам, деятель, в котором и личный характер, и привычки, привитые воспитанием, и боязнь за взятое на себя дело укрепляли известного рода консерватизм и поддерживали мысль о необходимости прочного авторитета, глубоко верующий богослов, бывший противником разума, раз последний сталкивался с религией, естественно и необходимо должен был разойтись с людьми, быстро переходившими от слова к делу, сразу хотевшими полного переворота во всех внешних отношениях, в этих отношениях полагавшими все то зло, которое нужно было искоренить, не дорожившими традициями и требовавшими безусловной свободы, хотя бы ее приходилось вводить насилием, и Лютер действительно разошелся с людьми, которые сначала считали его своим и думали, что идут с ним по одному пути, разошелся, хотя эти люди нередко делали только логические выводы из собственных его воззрений или применяли к жизни его слова. На Лютера не могло не подействовать зрелище того, что он считал искажением своего дела, и это должно было направить его деятельность в такую сторону, чтобы не дать начавшейся Реформации идти далее того, перед чем он останавливался сам, и лишить ее врагов всякого повода колоть ему глаза указанием на то, что вышло из его проповеди: он должен был выступить против новаторов, но начавшаяся полемика только разжигала страсти и развивала в Лютере нетерпимость, ту нетерпимость, которая была присуща его властной натуре, привита ему воспитанием в принципах средневекового католицизма, а потом укреплена его

успехом, как самого популярного человека в Германии и официально признанного руководителя Реформации. С другой стороны, недавние сторонники Лютера стали обвинять его в измене общему делу, в неспособности иметь истинную веру, в том, что он исторгнул Церковь из рук папы, дабы предать ее светским князьям, наконец, в личной тирании, не лучше папской. Лютер разошелся с политическими деятелями вроде Гуттена, ибо ограничивал свою задачу одной церковной реформой, и то же заставило его выступить против других реформаторов, которые соединяли религиозные преобразования с общественными, но, помимо этого, и самая церковная реформа могла пониматься различно, к чему присоединились еще богословские споры догматического характера, дававшие повод к взаимным обвинениям разного рода.

Вообще эта эпоха внесла много чисто личной борьбы в то напряженное общественное движение, которое тогда происходило в Германии. Малодушное отношение Рейхлина к делу Лютера сильно вооружило против него Гуттена. Эразм, которого враги Лютера считали главным его вдохновителем, дошел до весьма острой полемики с реформатором и также должен был оправдываться от обвинений в измене, указывая на то, что он и не приставал к Лютеру. По поводу тех же отношений у Эразма произошла серьезная размолвка и с Гуттеном. Да и вообще гуманисты весьма различным образом отнеслись к религиозному движению, или став (да и то различным образом) на его сторону, как это сделали Гуттен и Меланхтон, помощник Лютера в богословских занятиях, или оставшись (и опять-таки по весьма разным побуждениям) в лоне старой Церкви и даже сделавшись ее защитниками, как Экк или сам Эразм, вступивший с Лютером, впрочем, в более отвлеченную и философскую полемику, или, наконец, заняв нейтральное положение и с грустью смотря на начало «железного века», о котором говорил, например, поэт Эобан Гесс, один из видных приверженцев эрфуртского гуманистического кружка, светский поэт, на которого неприятно действовала враждебная науке мистическая проповедь. Одним словом, в эту горячую пору столкнулись между собой весьма различные умственные течения, противоположностям которых до того времени не было поводов проявиться с такой силой, и каждое направление, более или менее сильное в одном отношении, оказывалось, наоборот, слабым в других. Рассматривая Лютера среди этих взаимно сталкивавшихся идей и стремлений, вовсе не следует делать из них только фон, на котором рельефнее выступала бы фигура реформатора как единственного человека, знавшего и понимавшего, что было нужно, не следует изображать его хотя бы и действительно крупную фигуру как гиганта среди пигмеев, как генерала лубочных картинок, окруженного маленькими, шаблонными и взятыми под один мазок краски солдатами.

Между тем многие историки говорят о виттенбергских радикалах и цвиккауских пророках, выступивших на сцену во время пребывания Лютера в Вартбурге лишь для того, чтобы в более выгодном свете представить самого Лютера при сравнении с ними, хотя он и не проиграл бы ничего при

более внимательном к ним отношении, как натура более уравновешенная, рассудительная, трезвая и по другим своим качествам более созданная для всего того, где требовалось руководить другими, организовать чужие силы, господствовать над обществом и устанавливать прочные порядки. Привычка, унаследованная от старых историков, смотреть на Реформацию главным образом как на движение, имевшее своей задачей создать то, чем сделалась основанная Лютером новая Церковь, сказала на многих авторах, лишь мимоходом останавливающихся на внелютеранских религиозных движениях: например, в этом отношении особенно характерен Гейсер, книга которого — все-таки один из лучших общих обзоров реформационной эпохи. Протестантское происхождение исторических взглядов на Реформацию до сих пор сказывается на том, что положительным ее явлением признается лишь ортодоксальный протестантизм, по отношению к которому сектантство выставляется как явление отрицательное, как искажение Реформации, а возрождение католицизма, происшедшее в середине XVI в., как только католическая реакция, тогда как с точки зрения более общей в XVI в. было три реформации — протестантская, сектантская и католическая, и если вполне правильно говорить о католической реакции против антикатолических движений, то столь же правильно говорить о протестантской реакции против сектантства и о сектантской реакции против светской культуры, проявившейся в гуманизме. Как бы там ни было, *лютеранская Реформация одновременно началась и в смысле преобразования старой Церкви на новых принципах, и в смысле подавления других новых принципов в пользу начал, взятых у старой же Церкви*, а роль Лютера в этом отношении напоминает нам поведение других крупных исторических деятелей, бывших и возбудителями, и умерителями движения, каковы, например, Кромвель в первой английской революции и Мирабо в революции французской.

Лютер не был единственным религиозным реформатором: одновременно с ним выступили и другие, и, например, цюрихский реформатор Ульрих Цвингли, ровесник Лютера (род. 1484), проповедовал аналогичное его воззрениям учение еще в 1516 г., т. е., как сам он пояснял, еще в то время, когда самое имя Лютера было неизвестным в его краю, заимствуя свое учение прямо из слова Божия (eo scilicet tempore, quum Lutheri nomen in nostris regionibus inauditum adhuc erat, doctrinam Christi non a Luthero, sed ex verbo Dei didici); были и другие реформаторы, заявившие себя позже, вроде базельского Эколампация. Но настоящим месторождением реформационного движения сделался Виттенберг, где у Лютера было много друзей, помощников, сторонников и почитателей и среди них пылкий и увлекающийся Карлштадт, схоластический профессор, ставший искренним последователем Лютера, диспутировавший в 1519 г. с Экком. В 1521 г. мы видим Карлштадта¹, уже

---

¹ Jäger. Andreas Bodenstein von Karlstadt.

тогда стоявшего на той точке зрения, с которой отрицалось все прямо не предписываемое Библией, во главе бурного религиозного движения, овладевшего жителями Виттенберга и получившего иконоборческий характер. Иконоборчество проявлялось не раз в реформационную эпоху и не в одной Германии, т. к. почитание икон и все, что в храмах должно было служить украшением и содействовать пышности богослужения: священнические облачения, свечи, церемонии, — все это объявлялось идолопоклонством, — черта, которую мы позднее встречаем, например, в религиозно-народных движениях в Шотландии и Нидерландах, когда там утверждался кальвинизм. Виттенбергская народная Реформация сделалась прямо целой церковной революцией: вся внешность католического культа уничтожалась насильственным образом, и в этой разрушительной деятельности действительно было как бы только отрицание старого, расчищавшее почву для созидания нового, хотя и не на тех принципах, которые были положены в основу реформы Лютера. К иконоборчеству присоединилась проповедь религиозных начал, в которых индивидуалистические стремления самого Лютера, насколько они были присущи его протесту, получали дальнейшее развитие. В небольшом саксонском городке Цвикау, находящемся в Рудных горах, возникло именно особое движение, источники которого доселе не вполне ясны. В городке было много рудокопов, суконщиков и иного рабочего люда; среди них происходило, как и во многих местностях Германии, демократическое движение, и, быть может, продажа индульгенций, посредством которых богатые могли откупиться от грехов, наводила их на мысли, неблагоприятные для Церкви, но вероятно и то, что движение было богемского, т. е. чешского, гуситского происхождения. Суконщик Николай Шторх называется как один из первых цвикауских пророков: это был человек, знавший хорошо Священное Писание и находившийся под наитием Св. Духа, как думали его приверженцы под сильным впечатлением его красноречивой проповеди. К нему примкнул Макс Штюбнер, учившийся в Виттенбергском университете, поклонник Лютера, но пошедший потом своей дорогой. Проповедники имели успех, и образовалась секта, назвавшаяся впоследствии баптистами, избранным народом, новым Израилем; т. к. они требовали, чтобы младенцев не крестили, а крестили только взрослых, и многие из них вследствие этого перекрещивались, то их и называли перекрещенцами, анабаптистами. Секта эта получила мистический характер: основываясь на Новом Завете и принимая Ветхий лишь в виде дополнения к Новому, насколько этот последний ему не противоречил, они противопоставляли этому внешнему откровению, которое «Бог прямо дал бы с неба, если бы хотел только в нем одном открыть свою волю», — откровение внутреннее, совершающееся в душе свыше озаренных лиц, и переносили на себя обещание «Деяний апостолов», где ап. Петр ссылается на предсказанное пророком Иоилем. «И будет в последние дни, — говорит Бог, — излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут проро-

чувствовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать»¹. Эту черту — мистическую веру во внутреннее откровение и пророческий дар — мы встречаем и у других сектантов, между прочим, среди английских индепендентов XVII в., как это мы еще увидим: в этом выразился широкий религиозный индивидуализм, делавший каждого единственным судьей своей совести и мешавший анабаптизму сложиться в твердо установленную и прочно организованную религиозную систему, в чем немецких анабаптистов XVI в. опять-таки напоминают английские индепенденты следующего столетия. Уже в XVI в. анабаптисты дробились на четыре десятка сект, признававших необходимость возвращения к Церкви апостольских времен, веры в милосердие Божие, послушания заповедям Божиим и добрых дел, без которых вера мертва, и учивших, что воля человеческая свободна и что потому каждый может верить и думать, как хочет, — два пункта, в которых они расходились с Лютером, который развил учение о том, что оправдывает человека только вера и что вера дается в силу действия на человека благодати, зависящей всецело от божественного предопределения, которое в свою очередь устраняет возможность свободной воли (*liberum arbitrium*), делает необходимым лишь *servum arbitrium*². В 1521 г. Шторх и его единомышленники подверглись преследованию: некоторых из них посадили в тюрьму, а затем их изгнали из Цвикау, но это только содействовало распространению их учения, т. к. изгнанники стали проповедовать его в других местах. Одним из таких проповедников был Фома Мюнцер³, главный герой анабаптизма в середине двадцатых годов. В 1521 г. ему было уже около 30 лет (род. 1490), но он еще за несколько лет перед тем был агитатором, устроив заговор против магдебургского архиепископа Эрнста II, скончавшегося в 1513 г., когда он сам был еще совершенным юношей. Мюнцер был человек непоседливый, постоянно менявший место жительства и род занятий. Достигнув в 1515 г. степени *magistri artium* и бакалавра теологии, он жил в разных местах, пока в 1520 г. не получил место проповедника в одной из цвикауских церквей; здесь он сразу обратил на себя внимание местных жителей, особенно простого народа и преимущественно своими резкими нападками на монахов. С последними у него дело дошло до ожесточенного спора, по поводу которого он обращался к Лютеру за советом. Затем у него произошло все в том же 1520 г. столкновение с проповедником, пользовавшимся благосклонностью местной аристократии, Иоанном Виденауером: в это время обнаружился демократический характер социальных воз-

¹ Деян. ап., II, 17—18. Прор. Иоилы, II, 28—29.

² Учение это было изложено Меланктоном в «*Loci communes theologici*». По этому поводу Лютер полемизировал с Эразмом, а дальнейшим развитием учения о спасающей вере, действии благодати и предопределении была доктрина Кальвина.

³ *Seidemann. Thomas Münzer.*

зрений Мюнцера, за что он был отставлен от своей должности городскими властями. Сблизившись с Николаем Шторхом и суконщиками, Мюнцер вместе с другими агитаторами был изгнан из города, когда в Цвикау начались опасные волнения, уже совсем проникнутый идеями не только церковной Реформации, но и полного общественного переустройства, в религиозном же вопросе стоя на точке зрения внутреннего откровения и уверенный в собственном своем пророческом предызбрании. Цвикауские пророки явились в Виттенберге, где проповедь их со значительным социальным оттенком произвела сильное впечатление среди антикатолического движения, руководимого Карльштадтом, который сам до известной степени подпал под влияние Мюнцера. Движение приняло крайне фанатический характер, и рядом с католической внешностью стали преследоваться светская наука, признанная за излишнее и мертвое дело, общественные удовольствия, богатство, раздел которого между бедными стал требоваться во имя Евангелия. Власти, образованные люди и имущие классы растерялись. Меланхтон колебался, спрашивая себя, не исходит ли дух пророков действительно от Бога, а Фридрих Мудрый говорил, что он не может понять этого великого вопроса, будучи светским человеком, но что скорее он готов был бы взять в руку посох и удалиться, чем сознательно противиться воле Божией.

Лютер жил, как было сказано, в Вартбурге, когда все это произошло в Виттенберге. Несмотря на папское проклятие и имперскую опалу, он решил ехать в Виттенберг и в ответ на предостережения курфюрста относительно неприязни к нему герцога Саксонского Георга писал ему, что будь в Лейпциге (резиденции герцога) дела в том же положении, как и в Виттенберге, он и туда поехал бы, «хотя бы там девять дней шел дождь из герцогов Георгов и каждый был бы в девять раз свирепее этого»: так сильно задело Лютера виттенбергские беспорядки. Целую неделю проповедовал он против Карльштадта и цвикауских пророков, и авторитет его был так велик, что ему удалось успокоить город, конечно, при содействии власти и университета, который, например, запретил одну книгу Карльштадта. И в этом деле Лютер проявил большой героизм, тем более что, уезжая в Виттенберг, он смело писал самому курфюрсту, что не считает его курфюршескую милость человеком, который мог бы защищать или спасать его. Это показывает, что Лютер не из малодушия и трусости отказывался от движения с политическим и социальным характером: это было дело его убеждения, но и цвикауские пророки были также люди убеждения, а в 1522 г. они убедились именно в том, что им нечего было рассчитывать на Лютера и на властей, — к которым цвикауские пророки тоже обращались с воззваниями о реформе Церкви в своем духе, — и они донесли свою проповедь к давно уже волновавшимся крестьянам, у которых и имели большой успех.

Виттенбергские беспорядки 1521—1522 гг. и были началом реформационного движения в народных массах, движения, подготовлявшегося уже

ранее, преимущественно в крестьянских бунтах, которые давно происходили то здесь, то там. Само событие это было возможно только при том возбуждении, какое господствовало во всех слоях немецкого народа, и не будь Лютера с его религиозной реформой, общие условия времени и без него породили бы те смуты, которые произошли во всей Германии в следующие за началом Реформации годы: в немецком народе *существовали все данные для возникновения сектантства с мистическим и социальным характером*, и анабаптизм, соединивший в двадцатых годах под своим знаменем значительную часть восставших крестьян, а в тридцатых собравший в Мюнстер массу недовольных существовавшими порядками для основания в этом городе «Нового сионского царства», был не искажением Реформации Лютера, а совершенно самостоятельным явлением, выросшим на одной почве с лютеранизмом, хотя, так сказать, и питавшимся из нее другими соками, нежели те, которые дали вырасти и укрепнуть Реформации Лютера.

В начале двадцатых годов XVI в., таким образом, стояли друг против друга два взаимно враждебные направления, одинаково объявившие войну католицизму: библейская Реформация, породившая то, что позднее получило название протестантизма, и мистическое сектантство. В то же время проявилось впервые, хотя и в слабой степени, религиозное вольномыслие, которому суждено было играть равным образом немалую роль в культурной истории Запада. Нам еще подробнее придется говорить о Михаиле Сервете (1509—1556) и Фаусте Социне (1539—1604), двух наиболее крупных антитринитариях XVI в., называемых таким именем, как люди, отрицавшие троичность Божества и божественность Иисуса Христа, но тут уместно упомянуть, что ранний антитринитаризм зародился в анабаптизме. Некоторые сектанты в своей критике «человеческих измышлений» в религии пошли далее Лютера и других реформаторов и стали нападать на основные догматы христианства, приложив рационалистические толкования к учению о Св. Троице и ее второй ипостаси. В конце двадцатых годов в Вюртемберге был казнен Конрадин Бассен за отрицание богочеловечества Христа. Около того же времени в самом Виттенберге явился проповедник Иоанн Кампан, вмешавшийся сначала в спор Лютера с Цвингли о таинстве причащения и начавший вскоре говорить против догмата о троичности Божества. Жизнь Кампана была полна приключений: ему пришлось сидеть в тюрьме, спастись бегством, ездить на разные съезды, вызывая богословов на диспут. Его учение, которое он огласил в печати («Восстановление и исправление божественного и Священного Писания», 1532), весьма характерно для раннего антитринитаризма. В Священном Писании, говорил он, сказано, что Бог сотворил человека по образу своему («сотворим человека по образу нашему и по подобию») и прибавлено: «мужа и жену сотворил их», т. е. создал не просто человека, а человека-супружество, два лица в одном человеке. Адам и Ева — один человек, созданный по образу и подобию Божию, значит, и в Боге два лица, хотя Бог и один;

и Христос сказал поэтому: «Аз и Отец едина есма». Дух же Св., учил Кампан, не есть особое лицо Бога: это общая природа, общая сущность Отца и Сына и проявление обоих в человеке. Затем равенство Сына с Отцом он отрицал: Сын рожден, сотворен и создан из существа Отца, он его служитель, посланник и вестник. Кампан, выступивший и как общественный агитатор, был, наконец, посажен в темницу, где и умер. В Страсбурге такая же судьба постигла Мельхиора Гофмана, которому анабаптисты предложили устроить здесь «новое царство Христово». И он отрицал божественность Иисуса Христа и искупительное значение его крестной смерти. Антитринитарии Лютером были осуждены. В диспуты с ними он сначала не вступал, не опровергал их учение богословской полемикой, а только указывал на них светской власти, как на людей опасных. Лишь успех позднейшего антитринитария Сервета заставил его приняться и за богословскую полемику. — Нужно прибавить, что и в Швейцарии анабаптистское движение породило отдельные случаи антитринитаризма. Один из первых последователей Цвингли, Людвиг Гетцер, очень скоро перешел на сторону анабаптистов и должен был покинуть Цюрих, но потом снова перешел ненадолго на сторону Цвингли: встреча с анабаптистом Иоанном Денком, человеком не без значительного образования, снова возвратила его секте. Гетцер и Денк вместе странствовали, распространяя свое учение; вместе же они исполнили перевод еврейских пророческих книг. Денк умер в 1528 г., а Гетцер через год был обезглавлен в Констанце за нецеломудренную жизнь. По учению Денка существует два откровения, причем внешнее откровение, т. е. Св. Писание, имеет второстепенное значение; Христос не искупитель, а только пример, которому мы должны следовать. Затем у него мы встречаемся прямо с пантеистическими взглядами. Гетцер был также антитринитарием, и свои воззрения на этот предмет он так формулировал в одном стихотворении:

«Ich bin allein der einig Gott;
Der one gehylft alle Dinge beschaffen hat.
Fragst du, wie viel meiner sey?
Ich bin's allein, meiner sind mit Drey».

VIII. Рыцарское восстание

Как следует смотреть на социально-политическое движение 1522—1525 гг.? — Взаимные отношения рыцарского восстания и Крестьянской войны. — Pamфлеты и поведение Гуттена после Вормсского сейма. — Причины рыцарского восстания. — Франц фон Зиккинген. — Рыцарский союз 1522 г. — Планы Зиккингена. — Нападение на Трир. — Победа князей над рыцарями. — Общий взгляд на рыцарское движение.

Современникам Лютера весьма естественно было поставить в причинную связь его отпадение от Церкви и проповедь новых религиозных начал, с одной стороны, и те смуты, которые произошли в Германии в годы, следующие за Вормским сеймом, — с другой. Враги и противники Лютера не по одним только полемическим побуждениям утверждали, что волнения и восстания были произведены дерзкими воззваниями и поступками виттенбергского «еретика», да и сам он и сторонники его готовы были признавать в том, что вокруг них происходило и чего они равным образом не одобряли, лишь искаженное продолжение того, что было начато самим Лютером, т. е. ту же Реформацию Церкви, только вышедшую из своих границ и тем самым начавшую вредить правому делу. И когда новые историки говорят о том, что Лютер спас Реформацию от опасности, которая ей грозила от нее самой, и спас тем, что указал ей на ее настоящие границы, и здесь слышится отголосок мнения, по которому ход истории в эту эпоху сводится к следующему: порча Церкви вызвала необходимость реформы; явился Лютер и показал, как нужно провести реформу; его мысль многие не поняли и вооружились против него, а другие поняли не так, как следует, и вышли из границ, намеченных реформатором, пожелав идти дальше его в делах церковных и, кроме того, применить новые начала к общественной жизни; это была их ошибка, и Лютер возвратил реформу на ее настоящую дорогу. Такой взгляд обнаруживается даже теперь, когда нам совершенно ясно, что рыцарское и крестьянское движения имели свои самостоятельные причины вне церковной реформы.

Исследуя крупные исторические движения, наука должна обращать особое внимание на те социальные силы, которые принимают в движении наибольшее участие: рыцарское и крестьянское восстания в Германии, совершившись одно отдельно от другого, показывают нам ясно, что помимо тех причин, которые заставляли все общественные классы объединиться под знаменем религиозной Реформации, хотя ее окончательная формула не была еще найдена, у отдельных социальных элементов существовали свои особые причины для того, чтобы принять участие в движении и выставить свои собственные программы. У нации, как целого, всегда есть свои традиции и интересы, но в то же время нация разделяется на отдельные обще-

ственные слои со своими собственными преданиями и стремлениями, а потому одно и то же национальное движение не одинаково и в количественном, и в качественном отношении захватывает отдельные сословия и классы, так что под движением общим, имеющим характер не суммы частных движений, а нераздельного движения целой нации, совершаются еще движения частные, нередко противоположные одно другому и потому неспособные слиться вместе. В национальной оппозиции Риму все были более или менее солидарны между собой; социальная оппозиция светского общества клиру равным образом объединяла в одном стремлении все сословия, хотя в силу неодинаковости причин недовольства духовенством в отдельных классах общества последние могли и ожидать от Реформации не одного того же, когда дело шло о преобразованиях, касавшихся духовного сословия и его положения в обществе. Но на этом дело не кончалось, и т. к. помимо «порчи Церкви» немецкий народ тяготился и своими политическими порядками, то должно было произойти политическое движение, подготовлявшееся задолго до выступления Лютера. Тут опять были стороны дела, которые можно рассматривать как характеризующие движения в целом, и стороны, наоборот, отражавшие на себе недовольство тех или других общественных классов, даже не бывших способными действовать сообща. Общим стремлением всех политически-недовольных было, как мы видели, преобразовать государство на началах объединения под одной властью с ослаблением значения князей, но затем программы расходились и *восстания рыцарей и крестьян совершились отдельно одно от другого*, побитые, каждое отдельно же, князьями, первое, приводя меткое замечание одного историка, как восстание офицеров, у которых не было солдат, другое — как восстание рядовых, не имевших офицеров. Последнее явление не было случайностью, ибо не могло быть солидарного действия двух сословий, между которыми существовал резкий антагонизм. Причины Крестьянской войны лежали в юридических и экономических отношениях сельского населения и землевладельческого класса, т. е. и князей, и клира, и рыцарей: господа угнетали земледельцев, и последние во время своего восстания не делали различия между духовными и светскими, крупными и мелкими владельцами. Лишь отдельные личности стремились объединить оба сословия, — даже все общественные классы, т. е. включая сюда и города, — в одном совокупном действии, придать движению более широкий характер, лишить отдельные восстания односторонне-сословной краски и сгладить классовый антагонизм. Таким лицом в рыцарском движении был Ульрих фон Гуттен, в крестьянском — Вендель Гиплер, о котором речь еще впереди, но их программы более широкого и общего характера далеко не были приняты всеми в том или другом сословии, а к этому присоединилось еще то, что и среди крестьянства не было единства действия, так что, например, требования крестьян, при-

нявших программу с лютеранской окраской, были совершенно иными, нежели у той части восставших, которая находилась под влиянием анабаптистов. Одним словом, *общественное движение с самого начала пошло вразброд, тогда как князья, против которых оно совершалось, действовали солидарно*, оставшись в Германии единственно высшей властью в отсутствие молодого императора, который в это время вел свою первую войну с французским королем.

Надежды, возлагавшиеся на Карла V патриотами, исчезли после Вормского сейма, и мы уже видели, что Ульрих фон Гуттен в одном из своих памфлетов 1521 г. влагает Францу фон Зиккингену в уста слова, что он-де не прочь пойти по стопам Жижки, если добром не удастся устроить дело: этот памфлет кончается заявлением Зиккингена, что он предпримет что-нибудь решительное и что у него есть и помощник недурной — Гуттен. Вскоре Гуттен написал еще один памфлет под названием «Разбойники», любопытный по сделанной в нем характеристике внутреннего состояния Германии. В памфлете этом Зиккинген и сам Гуттен ведут разговор с приказчиком банкирского дома Фуггеров, обозвавшим рыцарей разбойниками, что дает повод Зиккингену распределить всех разбойников, существующих в Германии, на четыре класса, причем грабители на больших дорогах признаются им еще не за самых важных: важнее их купцы, а самые скверные из них — Фуггеры, потом идут юристы и, наконец, самые худшие — духовные. Против этих-то худших разбойников Зиккинген считает нужным действовать, но удерживает пылкого Гуттена, желающего не откладывать дела: старший рыцарь замечает, что ждать долго не придется, ибо Лютер и Гуттен уже достаточно взбудоражили Германию, и рыцари протягивают бюргеру руку. В «Новой песне» Гуттен приглашает идти за собой и рыцаря, и ландскнехта, а по окончании Вормского сейма он сделал даже попытку вооруженного нападения на папского нунция Алеандра, когда тот ехал из Вормса, что было только началом целого ряда подобных подвигов против духовных проезжих, которых Гуттен по-рыцарски грабил на дорогах, — черта сословных нравов, оставшаяся в гуманисте. В то же время он продолжает писать свои зажигательные памфлеты, стремясь объединить в борьбе с духовенством и князьями уже все сословия. Прежде всего, в «Плаче о свободе немецких городов» он выдвигает идею союза «бедного дворянства» с городами: царство тиранов одинаково давит дворян и города; эти тираны одни выдвинулись вперед, «пожирают бедное дворянство и ежедневно ищут путей и способов, чтоб ни один город не оставался свободным (dass je bei Freiheit bleib kein Stadt)», т. к. они только о том и думают, чтобы отнять немецкую свободу; отсюда вывод — необходимость соединиться городам с дворянством, ибо, прибавляет Гуттен, «нет никакого иного лекарства, которое освободило бы нас от нашего недуга». Тогда же, в 1522 г., Гуттен написал и своего «Neu Karsthans», воспользовавшись кличкой, данной мужику. В этом стихотворном диалоге Карстганс, крепост-

ной духовенства, жалуется на претерпеваемые им притеснения и грозит припомнить все обиды, когда дело дойдет до расчета, которого и ждать крестьяне не стали бы, был бы у них только вождь. Собеседником его Гуттен выводит Зиккингена, который соглашается с неизбежностью восстания, но выражает опасение, что народ не сумеет отличить правого от виноватого. Карстганс ему на это возражает, что крестьяне собираются пригласить его в свои вожди, но Зиккинген отвечает, что не может сказать, принял ли бы он на себя начальство, прибавив, впрочем, что согласен с мыслью о необходимости союза между рыцарями и крестьянами. Таким образом, в идее Гуттена союз дворянства с городами дополнялся союзом рыцарей с крестьянами, но демократический радикализм Гуттена совершенно не подходил к тогдашнему немецкому обществу, в котором дворянство, бюргерство и крестьянство слишком резко отделялись одно от другого. Гуттену не пришлось, однако, участвовать в восстании Зиккингена, начавшемся еще в 1522 г., по причинам, мало выясненным (по-видимому, по болезни), но вскоре после того, как над Зиккингеном разразилась катастрофа, Гуттен, изгнанный из Базеля (здесь у него вышла целая история с Эразмом, с которым он вступил в полемику), вынужденный бежать из Мюльгаузена и нашедший, наконец, приют в Цюрихе, где он сошелся с Цвингли, написал против князей, победивших Зиккингена, страстный памфлет («Против тиранов»), бывший его лебединой песней, т. к. он скончался в одном году с Зиккингеном, отразив в своей бурной жизни все движения эпохи, в том числе и рыцарское, с которым так тесно и неразрывно связано имя Зиккингена¹.

Чего же хотел Зиккинген и восставшие под его начальством рыцари?

Общие причины рыцарского восстания заключались в недовольстве сословия, начавшего борьбу, своим положением. По мере возвышения княжеской власти мелкие феодальные элементы утрачивали свои права и имперскому рыцарству приходилось опасаться, чтобы не попасть в полную зависимость от князей, как это случилось с земским дворянством отдельных княжеств. Таких рыцарей, которые еще стояли в непосредственных отношениях к императору, т. е. не были княжескими подданными, было особенно много на западе Германии, и они-то явились противниками развития земского верховенства князей. Между тем и последние имели поводы быть недовольными рыцарством, т. к. от этого сословия, отличавшегося большим своеволием, очень терпел тот самый земский мир, о котором особенно заботились в Германии в эту эпоху: учреждения 1495 г., имевшие целью охрану земского мира, были не особенно приятны рыцарям, тем более что князья делали главными блюстителями нового порядка. Между прочим, князья видели, что если каждый имперский рыцарь сам по себе не представлял большой опасности, то нельзя было так смотреть на рыцарские союзы: мы знаем, что запре-

---

¹ Ullmann. Franz von Sickingen.

шение последних было даже одним из условий, предъявленных Карлу V избирательной капитуляцией. Во всем этом рыцари видели умаление своих прав и очень волновались; притом же и экономическое положение сословия было не блестящее: его представители вели хозяйство плохо; их земли дробились вследствие естественного размножения членов сословия и обесценивались благодаря тому, что промышленность и торговля давали лучшие доходы, чем сельское хозяйство, да и прежние крестьянские повинности в эпоху общего подъема цен не могли соответствовать возрастающим потребностям, тем более что рыцарство, в образе жизни мало чем отличавшееся прежде от наиболее зажиточных крестьян, теперь начало гнаться за богатым бюргерством, за князьями, при дворах у которых многие рыцари состояли на службе, но к роскоши которых большей частью относились с завистью. Возникал своего рода дворянский пролетариат, и многие члены сословия предпочитали разбой работе, бывшей ниже их благородного достоинства, но ни к кому не относились они с такою неприязнью, никого с таким сознанием своего права они не считали возможным грабить, как богатых монахов и вообще духовных: в этом отношении даже Ульрих фон Гуттен не составлял исключения из общего правила. Антагонизм между дворянством и духовенством — явление довольно обычное в конце Средних веков и в реформационную эпоху: отношение имперского рыцарства к духовенству было лишь частным случаем этого более общего явления. Итак, *князья и духовные были главными врагами рыцарства, и духовные князья — более чем кто бы то ни было между теми и другими*: запрещение рыцарских союзов условиями избрания Карла V, хотя оно касалось прямо только княжеских рыцарей, и начало национального движения против католицизма должны были произвести весьма сильное брожение среди сословия, многие члены которого только что участвовали в походе под начальством Франца фон Зиккингена против «тирана», герцога Ульриха Вюртембергского (1519).

Франц фон Зиккинген предводительствовал восстанием 1522 г. Этот рыцарь, с которым Гуттен сблизился во время только что упомянутого похода, не принадлежал к числу людей, получивших систематическое образование, но это был человек бывалый, энергичный, храбрый, весьма влиятельный среди членов своего сословия и вместе с этим человек, несомненно, одаренный всеми главными способностями организатора. Ему не могли быть близки культурные и общественные интересы, заставлявшие Гуттена бросаться в литературную, религиозную и общественную борьбу, т. к. Гуттен, по собственным его словам («Оправдание»), «получил такой нрав от Бога, что ему и с большей болью и глубже, чем другим, проникало в душу общее страдание», но он разделял все воззрения и стремления своего сословия, среди которого еще до 1522 г. занимал выдающееся положение. Зиккинген был солдат, участвовавший во многих войнах, и рыцарство охотно становилось под его знамена, под которые охотно же шли и простые ландскнехты, и всякого

звания люди. Переходная эпоха от Средних веков к Новому времени в истории военного быта характеризуется падением старых феодальных ополчений и лишь первыми шагами в образовании постоянных армий, но главным образом кондотьерством, которое получило особое развитие в Италии. В Германии старые вассальные дружины пришли в упадок, а постоянного имперского войска не образовалось, т. к. князья этому противились, опасаясь усиления императора, между тем потребность в войске была, и этим создавались условия, благоприятные для развития кондотьерства: припомним в эпоху Тридцатилетней войны роль Валленштейна. Франц фон Зиккинген был чем-то средним между средневековым рыцарем и кондотьером вроде Валленштейна, явившегося на историческую сцену столетие спустя и тоже в смутную эпоху, которая тогда переживалась Германией. Зиккинген смотрел еще на себя как на слугу империи и служил Максимилиану I в его войнах, что, однако, не мешало ему служить и Франциску I, золото которого он, однако, отверг, когда тот, ставя свою кандидатуру на императорский престол, хотел расположить влиятельного рыцаря в свою пользу. Другими рыцарскими чертами были у Зиккингена ненависть к князьям, духовным и горожанам и привычка по собственному произволу прибегать к мечу для защиты правого дела или того, что он признавал таковым, хотя подобный рыцарский самосуд считался простым разбойничеством и со стороны князей, и со стороны горожан, да и сам Зиккинген действительно не забывал о своих интересах, когда выступал в роли карателя виновных. Нам не раз уж приходилось видеть, что Ульрих фон Гуттен прочил Зиккингена в вожди восстания, которому он все более и более придавал в своих памфлетах характер общенародного дела, советуя соединиться вместе рыцарям, городам и крестьянству.

Летом 1522 г. Франц фон Зиккинген устраивает рыцарский съезд в Ландау, где заключается съехавшимися союз (der Ritterschaft brüderliche Vereinigung), условия которого остаются не вполне ясными, несмотря на существование союзного документа (Bundesbrief), равно как неясны и побудительные причины того, что именно в это время Зиккинген пригласил рыцарей на собрание. Если только не было тайных статей договора, имевшего целью обеспечение сословных прав, союз вовсе не был направлен против князей: по крайней мере, обязываясь не воевать друг с другом (прекратить Fehde), а по всем недоразумениям обращаться к суду, союзники делали исключение для княжеских рыцарей на случай войны между их князьями, т. к. тогда рыцарям последних участвовать в войне не возбранялось под условием щадить имущества противной стороны и по окончании войны возобновлять союз. Затем был устроен комитет, в состав которого входили Зиккинген и 12 рыцарей, так сказать, для ведения дел союза: во всех важных случаях они должны были обращаться по месту жительства к ближайшим рыцарям и спрашивать их совета. Раз в году предполагались общие съезды с обязательством являться на них всем участникам союза и с подчинением

отсутствующих принятым решениям. Если поставить вопрос, против кого, видимо, был направлен союз, то придется указать на прелатов, т. к. только их не допускали рыцари в члены союза, открыв доступ в него и князьям, если они пожелали бы к нему примкнуть (а также и городам). Есть, однако, указание на то, что в существе дела союз не особенно благоволил к княжеской власти: союзники не должны были обращаться ни к княжеским судам, ни к Имперскому Верховному суду, члены которого назначались князьями, но обязывались под страхом удаления из союза обращаться к своему третейскому разбирательству без всякой апелляции в имперский суд.

Союз заключался на шесть лет, срок слишком малый для крупного предприятия и слишком длинный для достижения какой-либо временной цели. Были ли при этом тайные статьи, принимаемые некоторыми историками (например, Янсенем) на основании ходивших тогда слухов и в виду того, что поход на трирского архиепископа начался очень скоро после съезда в Ландау (в одном и том же месяце, августе), или следует тут различать, как делает Ульман, планы рыцарей от планов самого Зиккингена, что весьма вероятно, несомненно одно то, что за съездом в Ландау весьма быстро начался поход, в котором, однако, участвовали далеко не все те рыцари, которые приезжали в Ландау и договаривались между собой. Нужно еще заметить, что формальное заключение союза должно было наступить через десять недель и что Зиккинген перед походом не созывал нового собрания. Что касается до самой цели нападения на трирского архиепископа, то и тут многое остается неясным: враги Зиккингена обвиняли его в стремлении создать себе самостоятельное княжество на границах Германии и Франции, а то, что приписывает ему Гуттен в своих памфлетах, в большинстве случаев выражает собственные желания Гуттена, и только, пожалуй, заявление Зиккингена, что он намерен идти по стопам Жижки, отобравшего у монахов и духовных земли, заслуживает внимания. Затем известно, что с архиепископом-курфюрстом у Зиккингена были личные счеты и что еще в 1521 г. он начал вербовать войско, выставляя предлогом войну императора с французским королем. Нападение свое на архиепископа Зиккинген мотивировал своим желанием открыть Слово Божие двери, крепко запертые архиепископом, во владениях которого действительно началось религиозное брожение, соединившееся и с выражениями неудовольствия на его правление. Зиккинген даже называл в воззвании свое ополчение рыцарями креста против врагов Евангелия. Начав поход с небольшими силами (maximū с 15 тысячами, из которых 10 тысяч было пехоты), он, по-видимому, рассчитывал, что к главному отряду постепенно присоединятся другие рыцари, что подданные архиепископа окажут ему поддержку, что курфюрст будет застигнут врасплох, а соседи ему не помогут, т. к. курфюрст Пфальцкий был в хороших отношениях с Зиккингеном и последний надеялся на его нейтралитет, Майнцкий архиепископ был товарищ ненадежный, а Кельнский (Герман фон Вид) — кабинетный теолог, сов-

сем не интересовавшийся мирскими делами. Быть может, захват трирского архиепископства должен был быть лишь началом более крупного переворота, но Зиккинген ошибся в расчетах и должен был встретиться с союзом князей, встревоженных предприятием, тем более что на его вождя они уже давно косились, т. к. не в первый раз он начинал враждебные действия не только против имперских городов, но и против князей, в числе которых был ландграф Филипп Гессенский, подвергавшийся раньше нападению с его стороны: уже по поводу этого его поступка Трирский архиепископ предостерегал других князей против Зиккингена. На первых порах он имел успех, объявляя, что он идет на «врага Бога, императорского величества и порядка империи» и что поход совершается «во имя императора», но осторожный архиепископ, знавший своего противника и ожидавший беды от съезда в Ландау, приготовился заранее к обороне. Осада Трира не удалась, особенно когда курфюрст Пфальцский и Филипп Гессенский пришли на помощь к архиепископу, и предводителю рыцарей пришлось из наступления перейти в оборонительное положение, имея опорными пунктами сначала два замка Эбернбург и Ландштуль, а потом только один Ландштуль, который он должен был, наконец, сдать князьям, сам будучи смертельно раненным, после чего он и скончался в присутствии князей-победителей (май 1523).

Победа была полная, и ею князья воспользовались, чтобы сломить рыцарей и уничтожить их союзы. Среди восставших популярна была мысль о восстановлении старины, когда Германия была едина под властью императора, окруженного рыцарством, и князья еще не поднимались так высоко, но император в это время отсутствовал в Германии, князья оказались солидарными, а союзников у рыцарей не нашлось, хотя не только Ульрих фон Гуттен мечтал о более широком союзе (да и то прийдя к этой мысли не сразу), но даже и Зиккингену приписывали намерение соединиться с крестьянами: по крайней мере, враги его, чтобы сделать его более ненавистным в глазах князей, представляли дело таким образом, и сам он говорил в том же смысле, хотя, быть может, больше имея в виду запугать противников. Более дальновидные люди не верили, однако, этим рассказам, и герцог Георг Саксонский резонно говорил, что «башмак (крестьянский символ) направлен против низшего дворянства (*widder den gemeinen Adel*), ибо, где власть в руках крестьян, там и дворянство и всякое начальство утеснены» (*wo die bawern regieren, dasselben ist der Adel und alle Herrschaft vordruckt*). Так и случилось, ибо восставшие крестьяне прямо хотели уничтожить имперское рыцарство. Против князей Зиккинген мог бы скорее рассчитывать на города, которым *de jure* позволялось примкнуть к союзу, тем более что ввиду угрожавших Германии переворотов в марте 1522 г. был назначен в Шпейере съезд представителей от городов, куда было даже отправлено посольство, но города не доверяли ни рыцарям, ни Зиккингену, который делал нападения и на них. Замечательно, что рыцарское восстание было подавлено частным кня-

жеским союзом, а не тем имперским правлением (Reichsregiment), которое было организовано по капитуляции на Вормсском сейме.

Хотя некоторые подробности рыцарского движения спорны, тем не менее общий характер его ясен, будем ли мы ставить в причинную связь рыцарский союз 1522 г. и поход на Трирского архиепископа или станем рассматривать оба явления как независимые одно от другого следствия общей причины. *Движение это, во-первых, было чисто сословное*, хотя в нем и рождалась мысль о необходимости союза с другими общественными силами, — мысль, впрочем, не имевшая глубоких корней и, кроме того, едва ли бывшая осуществимой при тогдашней сословной розни. Как сословное движение рыцарское восстание *было, с одной стороны, попыткой феодальной реакции против княжеского монархизма, с другой — проявлением антагонизма между дворянством и духовенством*, соединенного со стремлением к секуляризации церковных имуществ в пользу светского сословия. Далее, это восстание нужно поставить в связь вообще с беспокойным нравом рыцарства, ведшего полуразбойничий образ жизни, и с аналогичными прецедентами вроде нападения того же Зиккингена на других князей, так что, *конечно, не Реформация вызвала войну 1522–1523 гг.* Положительные планы Зиккингена нам неизвестны, да и едва ли у рыцарей была определенная и выработанная политическая программа, хотя два пункта ее намечались — государственное объединение на развалинах княжеской тирании и уничтожение силы духовенства посредством отобрания у него поземельной собственности, так что недаром Зиккинген «во имя императора» ополчился в защиту Реформации: благодаря последнему обстоятельству, *рыцарское восстание было первым крупным общественным движением, пошедшим под знаменем Реформации* и в нем особенно любопытно *соединение феодальной реакции с новыми началами*, явление, которое мы наблюдаем сорока годами позже во Франции, где религиозное движение покрывало собой сословные стремления дворянства и феодальная реакция шла даже рука об руку с идеей народовластия, развивавшейся кальвинистами и по существу своему демократической. Впрочем, в рыцарском движении 1522 г. религиозный элемент сам по себе был еще слаб: сильнее выступает он в Крестьянской войне, но зато в истории этой войны, помимо, с одной стороны, чисто сословных требований и помимо сектантских мечтаний о царстве нового Сиона, с другой — мы встречаемся и с более общей политической программой, в сравнении с которой рыцарское восстание носит на себе черты чисто стихийного движения.

IX. Происхождение Крестьянской войны¹

Установление точки зрения на Крестьянскую войну 1524–1525 гг. — Причины народного недовольства. — Отсутствие юридической защиты. — Свидетельства о возбуждении среди крестьян задолго до войны. — Агитация среди крестьян и попытки восстания. — Проповедь религиозной Реформации в деревнях. — Желание крестьян дать религиозную санкцию своим требованиям. — Общий вывод относительно происхождения Крестьянской войны.

Великая Крестьянская война 1524–1525 гг. представляет собой явление в высшей степени сложное. Охватив весьма значительную часть Германии, движение это разбивалось на несколько местных движений, отличавшихся одно от другого по характеру и по тем требованиям, которые заявляли крестьяне. Стоит только произвести одну небольшую работу, чтобы убедиться в этом, стоит именно из подчас утомительных по своему однообразию подробностей об утеснениях крестьян, о местных бунтах и стычках крестьян с их господами, наполняющих «Историю Великой Крестьянской войны» Циммермана, выделить приводимые этим историком жалобы и требования крестьян, чтобы увидеть, что движение не было везде однородным, не говоря уже о том, какую трудную задачу представляет из себя — следить за судьбами отдельных банд восставших крестьян, не имевших общего начальства и действовавших независимо одна от другой. Но дело усложняется еще тем, что к общему восстанию крестьян, имевшему свои причины в юридических и экономических отношениях сельского быта, примешивались посторонние чисто крестьянскому в сословном смысле движению элементы религиозные

---

¹ По истории Крестьянской войны в Германии существует довольно значительная литература, из которой, кроме переведенной и по-русски книги Циммермана (см. выше) и др. сочинений, касающихся эпохи, укажем: *Wachsmuth. Der deutsche Bauernkrieg.* — Dietrich. *Der Bauernkrieg.* — Weil. *Der Bauernkrieg.* — Engels. *Der deutsche Bauernkrieg* (написано с точки зрения «экономического материализма»). — Jörg. *Deutschland in der Revolutionsperiode (1521–1526 гг.).* — Hartfelder. *Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südpfalzdeutschland.* — Merx O. Th. Münzer und Heinrich Pfeifer — *Elben. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524.* — Falkenheimer W. Philipp der Grossmüthige im Bauernkriege. Большая часть этих сочинений посвящена описанию внешнего хода войны и отдельных ее событий; в особенности последнее относится к работам, касающимся войны в отдельных местностях, но положение крестьян перед восстанием, частные причины всего движения и его программы все еще мало исследованы. О двенадцати статьях см. небольшое исследование А. Stern'a Ueber die zwölf Artikel der Bauern und einige andere Aktenstücke aus der Bewegung von 1525. Общие историки, к сожалению, отводят нередко весьма мало места этому движению: у Nitzsch'a в «Истории немецкого народа» на его историю приходится полторы страницы (с конца 411-й по начало 413-й третьего тома) и Bruno Gebhardt'a в «Руководстве немецкой истории» три с небольшим страницы (т. II, с. 22–25), у Philippson'a в «Истории Нового времени» три с половиной страницы, из которых на двух есть рисунки. Зато Эгельгаф посвящает Крестьянской войне целую сотню страниц.

и политические, первые в двух главных своих формах — зарождавшегося лютеранизма и одновременно с ним возникшего анабаптизма, вторые в форме целой программы переустройства Германии на новых началах, так что, *вызванная главным образом неблагоприятными для крестьянства переменами в сельском быту, эта война имела более непосредственное отношение и к религиозной Реформации, и к тем планам о политическом преобразовании*, которые существовали среди лиц, принадлежавших к высшим сословиям и видевших в крестьянском движении средство для проведения общей государственной реформы. Все это необходимо иметь в виду главным образом по той причине, что относительно Крестьянской войны существуют неверные представления, донельзя упрощающие дело: с одной именно стороны, возмущение крестьян нередко представляется как порождение самой религиозной Реформации, в котором, с другой стороны, однако, последняя была искажена вследствие крайне анархического характера, какой она получила в грубой и невежественной среде. Что Крестьянская война не была вызвана религиозной Реформацией, а имела свои особые причины чисто социального свойства, это явствует из того, что *крестьянские бунты и заговоры и вообще брожение среди сельского населения были весьма часты и сильны задолго до начала собственно религиозного движения*, которое только усилило это брожение, дав ему идейное знамя, и если вместе с тем в войне действительно было много такого, что имело чисто разрушительный характер, и чего, например, как мы знаем, опасался Ульрих фон Гуттен, приписавший такое же опасение и Францу фон Зиккингену, то крайние воззрения, возбуждавшие страсти на дело разрушения во имя неопределенного мистического идеала Царства Божьего на земле, господствовали только в одной части крестьян, тогда как другая часть или предъявляла такие требования, известной разумности которых не отвергал сам Лютер, не сочувствовавший лишь тому, что крестьяне добиваются их осуществлению посредством силы, или шла за более интеллигентными вождями, выработавшими определенный план переустройства империи на началах, сравниваемых некоторыми историками с принципами 1789 г., так что *видеть в Крестьянской войне лишь анархическое искажение Реформации, выведенной из своих настоящих границ, и с этой стороны не приходится*.

Задачей нашей не будет излагать события, происходившие в Германии в это смутное время: нам нужно лишь остановиться на некоторых важных пунктах, характеризующих движение, а такими можно считать, во-первых, причины народного недовольства, во-вторых, попытки восстания, делавшиеся раньше общего взрыва, в-третьих, обстоятельства, при которых началась война, далее, программу, наиболее выражавшую чисто крестьянские желания («12 статей»), потом политические планы более общего свойства, которые думали провести люди образованного круга, опираясь на крестьян, затем участие в движении анабаптистов и, наконец, подавление восстания, имевшее столь печальное влияние на дальнейшую судьбу сельского населения.

К XVI в. в положении немецкого крестьянства произошла перемена к худшему благодаря многим причинам, из которых главными были следующие. Землевладельческое сословие, в зависимости от которого находилось крестьянство, усилило в XV в. свои поборы с живших на его землях крестьян, стало отбирать у крестьян общинные земли и лишать их права пользования разными угодьями, бывшими в их распоряжении, лесами, правом охоты и рыбной ловли: все это объясняется, во-первых, тем, что дворянство начало изменять образ жизни в смысле большей роскоши, в которой оно подражало богатым горожанам, и потому стало нуждаться в больших доходах, а во-вторых, переменой во взглядах на юридические отношения, существовавшие между помещиками и крестьянами. Дело в том, что в XV в. в Германии происходила рецепция римского права, и те самые юристы, которые в политическом отношении переносили на князей принцип абсолютизма, в социальном отношении оказались помощниками феодальных господ, толкуя разные формы крестьянской зависимости от землевладельцев в смысле римского рабства и уча, что земля принадлежит господам на правах полной собственности, а крестьяне являются только пользователями своих участков. В народное судопроизводство на сельских сходах, которые были даже у крепостной части крестьянства, стали вноситься ограничения в пользу помещичьего суда. В числе лиц, против которых восставали народ и его защитники в XVI в., были поэтому и юристы. Неблагоприятный для сельского населения поворот в юридических отношениях сопровождался и экономическими изменениями, внесенными в крестьянскую жизнь новые неблагоприятные условия. После открытия Америки в Европу сразу нахлынула масса благородных металлов; ценность денег, благодаря этому, значительно понизилась, что не могло не отразиться на всем экономическом быту и вследствие соответственного вздорожания всех предметов было только лишним побуждением для господ к тому, чтобы увеличить свои поборы и обеспечить за собой возможность и впредь извлекать больше доходов с крестьян расширением своих прав над сельским населением. Сравнивая степень зажиточности и свободы немецких крестьян в XV и XVI вв., мы должны признать, что в обоих отношениях положение сельской массы в Германии ухудшилось. Правда, после 1525 г. это ухудшение было результатом как самого восстания, сопровождавшегося истреблением громадного числа крестьян и разорением множества сел и деревень, так и неудачного для крестьян исхода войны, позволившего победителям наложить на усмирённых поселян более тяжелое иго, но уже самая война 1524—1525 гг. была вызвана желанием народной массы прекратить все то, что делало ее положение худшим, чем оно было раньше, так что *главной причиной войны было именно недовольство народа ухудшением своей судьбы*, и только тенденциозные историки католического лагеря могут утверждать, будто лишь гибельная Крестьянская война, якобы порожденная своевольной Реформацией Церкви, произвела то понижение народного благосостояния, которое несом-

неннейшим образом наблюдается в Германии к середине XVI в. О неблагоприятных изменениях в общих условиях крестьянского быта свидетельствуют нам жалобы, с которыми крестьяне с XV в. обращаются к императору, к юридическим факультетам, к Швабскому союзу и т. д., или, не доверяя судам, где дела решались односторонне и пристрастно в пользу помещиков, или даже и не имея права пользоваться судебной защитой. По общему принципу крепостной крестьянин не мог чинить исков против своего господина, Имперский Верховный суд и совсем не рассматривал никаких крестьянских дел. Вопрос о том, кому же и куда должны были жаловаться крестьяне, разрешен был в смысле неблагоприятном для крестьян на сейме 1500 г., где было принято, что крестьяне могут жаловаться вообще лишь на чужих господ. Таким образом, имперское законодательство приняло характер крайне невыгодный для земледельческого класса, а ландтаги, не допуская крестьянского представительства, равным образом ничего не предпринимали для крестьян, не говоря уже о том, что земские налоги, которые шли в княжескую казну с крестьян, значительно также возрастали, т. к. все сословия готовы были свалить на сельское население податную тяготу, крестьяне же в сеймах не участвовали. В 1514 г. волновавшиеся в Вюртемберге крестьяне требовали отправлять на сейм своих депутатов. «Сейм, — говорили они, — только тогда может помочь нам, если в нем будут участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и горожане не станут заботиться о нас». На сейм в Штутгарт в этом году приехали сельские депутаты, но вскоре сейм был перенесен в Тюбинген, где уже без крестьян сделано было постановление, запрещающее крестьянам на будущее время посылать депутатов на ландтаги. Когда в 1525 г. вюртембергским инсургентам предложили отдать спорные вопросы на решение ландтага, крестьянский вождь Матерн Фейербахер запальчиво отвечал: «Мы самым положительным образом отказываемся от ландтага; сеймов было много, а какая от них польза? Всякий раз, возвращаясь на родину, на вопрос о том, что дал сейм, только и можешь ответить, что ничего не знаешь, кроме одного, — нужно тотчас же заплатить деньги». Крестьяне, бывшие с Фейербахером, и от себя заявили: «Мы не хотим ландтага, потому что, если он будет созван, мы ни до чего не договоримся, кроме нового налога».

Есть свидетельства о том, что более дальновидные люди задолго пророчили о том, что крестьяне находятся в возбужденном состоянии, грозящем смутами. Еще в середине XV в. один кардинал (Юлиан) писал папе Евгению IV: «Эти злоупотребления и беспорядки возбуждают народную ненависть против всего духовенства, и если их не уничтожить, то надо опасаться, чтобы народ не поступил с духовенством по примеру гуситов. Уже явно слышатся угрозы в этом духе. Все умы с напряжением ждут, что будет сделано, и дело, по-видимому, кончится очень трагически. Яд, который они носят против нас в своих сердцах, обнаруживается явно. Вскоре они будут думать, что в угоду Богу надо обращаться с духовенством как с людьми, равно нена-

вистными и Богу, и людям». В более близкое к войне время, именно в начале XVI в., императорский тайный секретарь Грунбек в своем «Зерцале всех зол, имеющих вскоре постигнуть все сословия» (1508) писал, что если на духовенство обрушатся разные беды, то «светские владетели вовсе не должны этому радоваться, потому что при всяком несчастье, упавшем на духовное сословие, почти все обломки посыплются на светское; если духовенству первому суждено выпить чашу испытания, то светские господа должны будут все-таки проглотить со дна ее всю горечь осадка». В 1492 г. швабские земские чины официально свидетельствовали следующее: «Дела в Швабии таковы, что подданные не будут платить новых налогов, потому что и без того до крайности обременены податями и оброками; дворянство не может принуждать их к новым платежам, не подвергая себя опасности лишиться всех своих ежегодных доходов, оброков и податей. В Швабии многие крестьяне свободны, и притом существует древний обычай, по которому власти не могут взыскивать с подданных ничего, сверх обыкновенных доходов, пошлин и оброков. Если бы, невзирая на это, чины вздумали требовать новых налогов, то подданные свергли бы власть и искали бы защиты у других». Мы видели, что и Ульрих фон Гуттен предостерегал относительно возможности большого восстания.

Впрочем, и странно было бы, если бы не было делаемо таких заявлений, т. к. с конца XV в. тянется длинный ряд крестьянских восстаний и беспорядков. В отдельных местностях Зальцбургской области и Верхней Каринтии последние были в 1462 и 1478 гг. В 1491 г. происходило восстание нидерландских крестьян, получивших название сырников, т. к. на их знамени был изображен зеленый сыр с ячменным хлебом. Одновременно с этим было возмущение крестьян Кемптенского аббатства, а вскоре затем в разных местностях Германии народ стал подниматься под знаменем «Башмака» (Bundschuh), который даже сделался символом крестьянского восстания. Когда впервые мужицкий башмак с ремнями, привязывавшими его к ноге, получил такое значение, неизвестно, но уже в 1492 г. в нем видели знамя народного бунта, а в 1493 г. оно собрало около себя тайное общество в Эльзасе. В 1499 г. во время так называемой Швейцарской или Швабской войны, когда швейцарцы появились в Гегау, местные крестьяне стали переходить на их сторону и успели разрушить немало дворянских замков. В 1502 г. образовался «Башмак» в Швейцарской области, именно в Брухрайне, откуда заговор распространился вниз по течению Рейна, по Майну и Неккару, а в следующем году проник в Вюртемберг, где получил название «Бедного Конрада». В 1512 г. «Башмак» возрождается в Брейсгау, в деревне Леген (Lehen) около Фрейбурга, а в 1514 г. «Бедный Конрад» в Вюртемберге поднимает целое восстание, участники которого были потом жестоко наказаны. В то же время происходят восстания в Ортенау, в Венгрии, в Каринтии и Виндской мархии. В 1520 г. в Эйзаке в Троицын день собралось около 800 тирольцев: они напали на Бриксен, резиденцию епископа, осадили город и разграбили дома духовных лиц.

Достаточно этих примеров, чтобы видеть, как часты задолго до войны 1524—1525 гг. были крестьянские бунты. Дело не обходилось без агитаторов, о которых сохранились более или менее определенные известия, свидетельствующие нам и о том, что дело не обходилось без тайных обществ и заговоров. В 1476 г. в Вюрцбургской области Ганс Бегейм из Никласгаузена проповедовал о новом царстве Господнем, в котором не будет ни папы, ни господ, а все будут братья, сами каждый для себя зарабатывающие хлеб, и в данном случае весьма заметно гуситское влияние. В тайных обществах конца XV и начала XVI в. деятельное участие принимал Иосс Фриц из Унтергрумбаха, основатель легенского «Башмака». В феврале 1514 г., когда в Вюртемберге начиналось волнение «Бедного Конрада», гохбергский окружный правитель Людвиг Горнек фон Горнберг писал совету города Фрейбурга в Брейсгау: «Я имею достоверные сведения, что снова существуют происки или практика восстановить "Башмак". Злоумышленники расхаживают и разъезжают под видом священников и богомольцев. Иногда также расписывают они себе лицо язвами, передеваются скоморохами и нищенствующими монахами. Поэтому рекомендую городу зорко наблюдать за этими столь зловредными происками, дабы предупредить их последствия». В 1524 г. епископу Бамбергскому и Нюрнбергскому совету доносили, что «какие-то таинственные и неизвестные люди» бродят по монастырским имениям и волнуют народ, уговаривая его не платить десятину. Что касается до тайных обществ и заговоров, то известия о них переплетаются с известиями о местных волнениях, и при этом видно, что в политических союзах, которые тогда устраивались, участвовали люди и из других сословий, а не одни крестьяне, что они формулировали свои требования в программах, напоминающих позднейшие «Двенадцать статей», и что в пользу своих требований еще до Реформации ссылались на Св. Писание. Эльзасский союз в 1493 г., о котором было упомянуто, имел целью произвести религиозную и политическую реформу, ограничив права духовенства, отменив церковный суд и тайную исповедь как главное основание власти клира, учредив общинное самоуправление с народным судом и правом податного самообложения. Чтобы расположить простой народ к этим преобразованиям, члены союза, не принадлежавшие к крестьянскому сословию, предполагали отменить разные повинности, пошлыны и т. п. и установить юбилейные годы с прекращением всех долговых обязательств. Брухрайнский союз в Унтергрумбахе, образовавшийся около 1502 г., поставил себе задачей добиться уничтожения крепостничества и отмены всех властей, кроме императорской, а также десятин, оброков, налогов и повинностей, платимых князьям, дворянам и духовенству, и вместе с этим добиться раздачи народу монастырских и церковных имуществ, а также того, чтобы охота, рыбная ловля, луга и леса были доступны всем. На гартматтском совещании легенского «Башмака» в 1512 г. заговорщиками приняты были среди других и следующие постановления: 1) отменяются все власти, кроме Бога,

императора и папы; 2) все будут судиться местным судом, а духовный суд будет вести только духовные дела; 3) уничтожаются все феодальные оброки и объявляются недействительными все векселя и заемные письма; 4) относительно процентов, которые составляют менее двадцатой части капитала, будет поступлено сообразно с божественным правом; 5) птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лес и сенокос будут свободны; бедные и богатые будут пользоваться сообща; 6) священники не могут иметь более одного прихода (это требование встречается и в Эльзасском союзе); 7) число монастырей будет ограничено, и лишнее имущество у них будет отобрано в военную кассу общества; 8) прекращаются все несправедливые налоги и пошлины; 9) будет учрежден вечный мир для всего христианства; 10) вступающим в общество должно гарантировать жизнь и имущество, а противящихся этому наказывать. Вюртембергское общество «Бедного Конрада» изложило свои общие планы в двух статьях. В первой выражалось намерение освободить крестьян и горожан от ига князей, епископов, прелатов, рыцарей и граждан имперских городов, уничтожить все налоги, подати и повинности и жить свободно. Во второй статье, между прочим, говорилось об отобрании у монастырей и богатых землевладельцев излишка имущества, чтобы улучшить быт крестьян. Таким образом, тайные общества, заговоры имели более или менее выработанные программы, да и вообще это было время разных политических программ, из которых особого внимания заслуживают «Реформация Фридриха III» и тридцать статей, приложенных к «Новому Карстгансу» Гутена. Иногда требования, заносившиеся в программы, прямо составлялись со слов крестьян. Например, в июне 1514 г. была сходка соседних жителей в Бюле в Ортенау, на которой один из местных агитаторов Гутель-Бастиан велел им рассказывать свои жалобы. Желания крестьян были следующие: они хотели иметь право гонять, стрелять, ловить и всячески убивать дичь, если она вредит их виноградникам, и оставлять ее себе или дарить фохту, по произволу, не подвергаясь наказанию; они желали далее отмены нового закона о наследстве, по которому супруги не могли наследовать друг другу, уменьшения новых податей и пошлин, уничтожения долговых обязательств, в которых проценты сравнивались с капиталом, и т. п.

В свою очередь дворянство предвидело опасность общего взрыва и со своей стороны кое-где готовилось к отпору. После подавления «Бедного Конрада» швабское дворянство на одном из своих съездов заключило союз, акт которого гласил следующее: «Мы будем всячески поддерживать друг друга против всех покушений простого народа, т. к. в настоящее время бунты и возмущения подданных и бедных людей, которые поднимают "Башмак" и заключают незаконные союзы против своих законных, естественных властей и господ, — осмеливаются на попытки сбросить с себя власть высших классов, подавить и истребить дворянство и все высшие сословия, так что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось испытать того

же, что уже потерпели князья, города и духовенство». Брожение действительно принимало весьма опасный характер, и в том же 1514 г., когда было подавлено вюртембергское восстание, местное правительство в грамотах, разосланных в имперские города, приглашая не терпеть у себя беглецов, так характеризовало стремления бунтовщиков: они «все равно ненавидят, губят и оскорбляют святую веру и Христианскую Церковь, презирают власти и знатных людей, нарушают мир, преданы ереси, скрывают в себе зловерное стремление кошунствовать над св. верой и христианством, презирать и истреблять империю, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, заражать духом мятежа города и деревни, уничтожать все обязанности и оподлить все».

Вот на какую почву в начале двадцатых годов XVI в. стали падать семена новых религиозных учений, распространявшихся устно и письменно монахами, которые покидали свои монастыри, сектантами, которых изгоняли из городов, разносчиками произведений печати, число каковых произведений сильно возросло в последние годы перед началом войны¹: проповедь новых идей объединяла отдельные движения, ставила их под защиту религии, вселяла в крестьян фанатическую уверенность в своей правоте, но были случаи, когда в войне 1524—1525 гг. участвовали крестьяне, остававшиеся католиками. Например, волновавшиеся крестьяне графа Фюрстенберга отвечали присланным их успокаивать, что они «не следуют евангелическому учению и собрались вовсе не для слушания проповедей». Клетгауские крестьяне разуварили цюрихцев, что причина беспорядков не в религии, а в политике. Вюртембергские инсургенты, находясь в Вунненштейне, каждый день просили священника служить обедню в церкви Св. Михаила, а их предводитель Матерн Фейербахер до конца жизни оставался католиком. Если вообще еще в те же годы и утвердилось воззрение, по которому все движение нужно было объяснять проповедью лютеранских или анабаптистских принципов, то другие современники смотрели на дело иначе и отделяли одно движение от другого. Послание одного имперского города, не расположенного к крестьянам, городу Ульму прямо указывает на то, что «настоящее восстание подданных против властей происходит главным образом вследствие мнимых тяжестей — подушной, барщины, повинностей и небольших десятин». По словам Вейсенгорнской хроники, первые предприятия крестьян «были направлены против начальства, которое их обременяло службой, оброками, и крепостным состоянием и от которого они хотели освободиться». Притом ссылки на Священное Писание делались и раньше начала Реформации, когда крестьяне или их радетели хотели дать религиозное освящение своим требованиям. Летучие листки, распространявшиеся в народе, зывали к «христианской

¹ В 1513 г. 35 произведений на немецком языке, в 1517 г. — 37, в 1518 г. — 71, в 1519 г. — 111, в 1520 г. — 208, в 1521 г. — 211, в 1522 г. — 347, в 1523 г. — 498.

свободе»¹ или указывали на волю Божью, которая не может быть несправедлива. «Откуда, — читаем мы в одном летучем листке, — откуда они взяли, что Бог дал им право требовать от нас барщины? В хорошую погоду мы трудимся для них, а в дурную дождь губит в поле все, что мы вырастим для себя своим кровавым потом. Справедливый Бог не мог допустить такого ужасного вавилонского пленения!.. А попробуй-ка не послушаться их: они поступят с тобой как с изменником: начнется вешанье, резанье, четвертование, — убьют, как бешеную собаку. В какой главе вычитали они, что Бог дал им подобную власть? Какая тут воля Божья? Они слуги дьявола, и сатана начальник их. Богу будет приятно, когда вытурят этого Моавы и Бегемота». Летучие листки и брошюры, распространявшиеся в народе, равным образом обращали на себя внимание властей и господ. Еще в 1522 г. баварский канцлер Леонгард Экк писал своему герцогу: «Подумайте, ваша милость, о тревоге, которая теперь повсеместна. Для народа издали книжку, в которой уговаривают его сбросить иго князей и дворянства, которым он подчиняется из страха их тирании, и уверяют его, что этим он сделает прекрасное дело».

Народное недовольство, имевшее свои причины, и политическая агитация, давно уже делавшая свое дело, и вызвали Великую Крестьянскую войну, которая сразу втянула в себя все родственные элементы и парализовала враждебные, а санкцию всему движению давала евангелическая и мистическая Реформация, у которых вожжи движения заимствовали свои принципы.

---

¹ Это выражение было в ходу в Средние века.

Х. Крестьянская война и ее программы

Районы Крестьянской войны и главные ее вожди. — Поведение восставших. — Отношение к крестьянам Лютера. — Поведение городов. — Подавление крестьянского восстания. — Причины и результаты поражения крестьян. — Необходимость рассмотрения программ движения. — Двенадцать статей. — Вендель Гиплер. — Гейльброннская программа.

В 1523 г. было подавлено рыцарское движение, в 1524-м началась Крестьянская война, принявшая, впрочем, грандиозные размеры только в следующем году. Летом 1524 г. первые восстания происходили на верхнем Рейне, но мало-помалу они распространились и на другие части Германии, кроме северной, и в 1525 г. почти вся страна была охвачена пожаром войны, за исключением северных частей. Все те местности, где поднялись крестьяне, можно разделить на три района, смотря по тому, какие были главные вожди и основные требования восставших. В юго-западном углу Германии действовал в качестве вождя Ганс Мюллер из Бульгенбаха, и из этого района вышла распространившаяся по всей Германии программа «Двенадцати статей», бывшая наиболее крестьянской по своему содержанию, а потому и получившая особое значение в эту бурную эпоху. Сначала она объединяла требования всех крестьян, и ее распространению много содействовали вестники, разносившие ее по Германии. Второй район был тот, где особую силу имела политическая программа, составленная бывшим гогенлоэским канцлером Венделем Гиплером, а охватывал он Франконию от Ротенбурга и Бенсгейма до Вюрцбурга и Таубера, где действовали такие неудачные вожди, как Метцлер и рыцарь Гец фон Берлихинген, который, подобно Зиккингену, имел свои собственные планы и примкнул к восстанию лишь для того, чтобы осуществить их при помощи крестьян. Далее к северу до Тюрингии и Саксонии агитация шла главным образом со стороны анабаптистов, стремившихся к совершенному переустройству общественного быта, а главным деятелем явился здесь уже известный нам Фома Мюнцер. В общем ходе войны мы замечаем известную постепенность: и поведение крестьян, и их требования делались более и более насильственными и крайними по мере того, как они встречали сопротивление, разгоралось самое восстание и усилилась анабаптистская проповедь. Сначала большинство крестьян ограничивались демонстрациями, которые должны были подкрепить их требования, обращались к Лютеру со своими «двенадцатью статьями», но не нашли у него большого сочувствия; предлагали дворянам третейское разбирательство и полюбовные сделки, на что получали иногда согласие и тогда

расходились, а в числе разных мнений о том, как уладить дело, заслуживает внимания мысль о том, что дворяне за свои уступки должны были получить вознаграждение из секуляризованных земель духовенства, так что общее стремление светских сословий к отобранию церковной собственности проявилось и здесь. Когда крестьяне и их вожди увидели, что из такого образа действия ничего не выходит, ранней весной 1525 г. вспыхнуло повсеместное восстание, охватившее указанные выше районы, и начался настоящий террор, посредством которого восставшие думали добиться исполнения своих требований и принудить примкнуть к общему возмущению деревни, которые ранее не принимали в нем участия. Например, лимбургские инсургенты писали крестьянам в Оттендорфе такого рода приглашение: «Предписываем вам евангельскую и братскую любовь и просим вас немедленно явиться к нам и вступить в наши священные полчища для завоевания евангельской любви и братства. Если вы это сделаете, то доставите нам великую радость; если же нет, то вам придется тогда плохо». Таким же языком говорили крестьяне и с дворянами, которых равным образом приглашали присоединиться к братству, грозя в противном случае заставить силой это сделать и лишиться покровительства законов. «Таким образом, — говорит один современник (Себастиан Франк), — вовлечено было в восстание очень много честных и благородных людей». На первых порах крестьянам не было оказано большого сопротивления, а где оно являлось, там восставшие побеждали, заставляя прелатов, дворян и города принимать их условия, бывшие весьма различными. Ганс Мюллер, например, обращался с дворянами и духовными сравнительно умеренно, в духе «двенадцати статей», но Фома Мюнцер совсем не одобрял мирных сделок, которые заключали швабские и отчасти франконские крестьяне с господами, находя, как мы еще увидим, что последних нужно истреблять, как язычников, и добиваться прав с оружием в руках. Во всяком случае, некоторые прелаты и князья обещали крестьянам облегчение их участи.

По мере того как возрастала жестокость, какую проявляли крестьяне во время восстания, отношение других слоев населения к их делу становилось все более и более враждебным, и в данном случае выразителем общественного мнения явился Лютер. Когда крестьяне обратились к нему с «двенадцатью статьями», прося подтвердить их своим авторитетом, он только обвинял их в том, что они слишком плотски понимают Евангелие, не восставая против их требований по существу. «Христианин должен сто раз предпочесть смерть, чем хоть бы малейшим образом принять участие в восстании крестьян», — говорил Лютер. Однако уже в начале крестьянского движения Лютер открыто выражал мысль, что оно было вызвано притеснениями со стороны помещиков. Он советовал владельцам относиться снисходительно к своим подвластным и писал им следующее: «Это вы — причина бунта; это ваши нападки на Евангелие, ваше виновное угнетение бедных членов Церкви довело народ до отчаяния. Это не крестьяне, любезные господа, подня-

лись против вас, это сам Бог становится против вас. Крестьяне только оружие, которое он употребляет для вашего унижения... Любезные господа, ради любви к Богу умерьте свое негодование, ведите себя благоразумно с этим народом, как с пьяными и заблудившимися людьми. Кротостью утешьте эти волнения, дабы из них не возникло пожара, который охватит всю Германию. Между их двенадцатью статьями есть хорошие и справедливые». Но когда восстание приняло ужасающие размеры, Лютер стал советовать рыцарям убивать крестьян, как бешеных собак. Он сам отправлялся в некоторые местности, где волновались крестьяне, и проповедовал безусловное повиновение властям. «Христос показал, — говорил он, — какое главное право христианина. Это право терпеть. Крест! Крест! Вот где право Христова ученика. Каково бы ни было право крестьян, они виновны тем, что его требуют; они должны страдать и молчать, если хотят быть христианами: христианин должен позволить обокрасть, ободрать, убить себя, ибо он мученик на земле». Мнение Лютера, написавшего по случаю крестьянского восстания специальные брошюры (главным образом «Wider die räuberischen und mörderischen Bauern»), весьма много содействовало тому, что города, где его голос был весьма авторитетен, в общем, не примкнули к движению. Между тем в городах равным образом происходило довольно значительное социальное брожение, проявившееся, например, в Виттенберге в 1521—1522 гг., а позднее с особой силой во время анабаптистской попытки основать царство Нового Сиона в Мюнстере, но в общем это брожение не было так сильно, как в деревнях, и большинство их населения составляло партию порядка; притом еще многие имперские города имели вне своих стен более или менее обширные территории, на которых жили зависевшие от них крестьяне. Появление крестьянских банд, плохо снабженных провиантом и потому предававшихся грабежу, также не могло быть приятно горожанам. Тем не менее некоторые города должны были примкнуть к движению (особенно многие мелкие города), иногда волей-неволей снабжая восставших оружием или провиантом (Ульм, Нюрнберг), иногда захваченные врасплох соседними крестьянами, иногда сами добиваясь прав (Майнц), а такие города, как Мюльгаузен или Гейльбронн, получили даже особое значение, один — как резиденция Фомы Мюнцера, другой — как центр движения, где возникла одна из наиболее замечательных программ. Но все это были исключения, подобные тем, какие можно указать и по отношению к рыцарству, отдельные члены которого принимали участие в восстании, или вынужденные к тому силою, или имея для этого личные, своекорыстные побуждения, вообще же городское и сельское населения были так же разъединены, как и рыцарство с крестьянством, да и силы самого восставшего сословия не были объединены, не говоря уже о том, что плохо дисциплинированным, дурно вооруженным и почти совсем неорганизованным крестьянам трудно было тягаться с княжескими войсками

и рыцарями. Понятно, что если менее значительное по своим размерам восстание Зиккингена принудило князей соединиться, то они никак уж не могли сидеть сложа руки, когда поднялись крестьяне и начали разорять и жечь замки, грабить и убивать духовных и дворян, что заставило отвернуться от крестьян все те общественные элементы, которые ранее сочувствовали движению. Фридрих Мудрый, как раз скончавшийся в это время, говорил даже, что не знает, долго ли продержится его власть, а его преемник Иоанн Фридрих вместе с другими князьями, Филиппом Гессенским и саксонскими герцогами Георгом и Генрихом и т. д. нанес поражение при Франкенгаузене (май 1525) ополчению Фомы Мюнцера, который и был здесь взят в плен (а потом казнен). В Вюртемберге крестьянское восстание было подавлено полководцем Швабского союза Трухзесом фон Вальдбургом, а также курфюрстами пфальцским и трирским. В других местах с крестьянами управлялись и с меньшими силами, причем вообще за совершенные жестокости победители мстили, сжигая и разоряя целые деревни. Например, умирняя крестьян в Верхней Швабии, Трухзес с таким рвением жег и грабил, что Швабский союз послал ему напомнить, что союз вовсе не имеет в виду разорения страны. Трухзес не унялся: он отвечал на письмо, что если господа советники хотят учить его вести войну, то пусть сами идут на поле битвы, ибо он охотно поменяется с ними ролями и займет их место на перине. Или вот еще характерный случай. Когда одна крестьянская банда была побеждена, победители решали вопрос о наказании. Один дворянин, у которого бунтовщики убили сына и опустошили имение, предлагал, чтобы каждый дворянин своим копьём заколол по девяти мужиков; другой говорил, что лучше загнать всех в пруд и там их потопить, но тогда третий заметил, что хотя «эта презренная толпа и заслуживает смерти, но если все умрут, кто же будет служить и обрабатывать земли»: лучше наказать денежным штрафом. Только такое соображение еще и удерживало несколько дворян, особенно когда им приходилось иметь дело с собственными крестьянами, щадить которых было в их же интересе. Но и без того было казнено крестьян страшное количество: одних предавали разным мучениям (например, ослепляли и отпускали на все четыре стороны), других казнили смертью (вешая, например, целыми партиями по дорогам). Восстание только ухудшило положение крестьян, и лишь в виде исключения можно указать на факты некоторых, да и то очень незначительных уступок крестьянам после прекращения смуты (в Тироле, Бадене, Гессене), тогда как вообще права крестьян были уменьшены, а лежащие на них тягости были увеличены.

В немецком крестьянском движении, как и во многих других подобных, было слишком много стихийного; многие шли в него, не зная, куда идут, с какими силами, чего можно и чего нельзя достигнуть, не рассчитывая, что может выйти из такого или иного образа действия, и увлекаясь только страстным чувством своим против высших сословий, слепо веря своим вож-

дям, которые сами были между собой часто не в ладах или стояли по способностям ниже своей задачи, т. к. попадали в предводители восстания случайно, иногда даже по принуждению или по корыстным соображениям, да и невозможно было им, как мы сказали, противостоять вооруженной и организованной силе князей и городов. Общие политические и социальные следствия этого восстания и его поражения были печальные. *Победители, — а ими были князья и дворяне, — менее чем когда бы то ни было склонны были пользоваться умеренно своей властью, а дворянство с особой силой стало налегать на получение доходов с земли с помощью крепостного труда бесправного крестьянства*, оставив, правда, не отстроенными разрушенные замки и отстав от прежнего военного быта.

Но если в крестьянском движении и было много стихийного и оно не достигло своей цели, то для полного понимания его причин и стремлений, а также предположений участвовавших в нем некрестьянских элементов, большое значение имеют выставленные тогда программы. Уже давно у крестьян, да и в других сословиях был обычай выражать свои желания в форме статей или параграфов, которые часто получали разные редакции, переделывались, изменялись и т. д. Во время Крестьянской войны таких «статей», составлявшихся в отдельных местностях, было великое множество, но все они были, так сказать, обобщены в знаменитых «двенадцати статьях», сделавшихся самой общей и вместе с тем самой популярной программой крестьянского движения. Вопросы о том, из каких более ранних статей они составились, кто был составителем главной и наиболее распространенной редакции, каким изменениям она сама подвергалась и т. п., нас здесь не касаются по крайней своей специальности, и нужно только отметить, что автором их не был Фома Мюнцер, как это принималось раньше, ибо его программа была совсем иная. «Двенадцать статей» заслуживают особого внимания с нашей стороны по следующим причинам: во-первых, это по содержанию своему чисто крестьянский манифест, т. к. в нем мы встречаемся с требованиями, которые касаются главным образом крестьянского быта, и из этой программы мы знакомимся с главными причинами народного недовольства; во-вторых, «12 статей» отличаются умеренностью требований, уважением к чужому праву и стремлением установить порядок жизни на основании взаимного соглашения заинтересованных; наконец, составители статей проникнуты были желанием основать свои домогательства на Священном Писании без малейшей примеси какого-либо другого религиозного авторитета. В первом отношении статьи отличаются от гейльброннской программы, которая ставила вопрос о преобразованиях гораздо шире, в двух других — от анабаптистской программы, соединявшей в себе проповедь насильственной революции с пророческим энтузиазмом. В «Двенадцати статьях» сам Лютер находил много верного; они принимались некоторыми духовными и светскими властями, да притом они и не заключали в себе ничего неосуществимого. Стоит,

в самом деле, только познакомиться с этими статьями¹. «Истинные и справедливые статьи всего крестьянского сословия и всех захребетников, обиженных своими духовными и светскими властями», как явствует из вступления, были составлены, чтобы снять с крестьян обвинения в том, будто они хотят только бесчинствовать, и чтобы «оправдать с христианской точки зрения неповиновение и даже открытое восстание крестьян», сняв и клевету со слова Божьего, будто бы повинного в бунте. Не Евангелие виновато в мятежах и волнениях, а забвение Евангелия, крестьяне же хотят, наоборот, жить по слову Божьему, вовсе не желая насилия и бунта. «Если Бог внял молениям сынов Израилевых, взывавших к нему о помощи, и освободил их от руки Фараона, то разве он не может и теперь спасти своих людей? Да, он пошлет им свое спасение и пошлет немедленно (2 Моис., 3, 14; Лук., 18, 8). Итак, сказано далее, христианин, читай внимательно эти статьи и глубже обсуди их».

1. «Во-первых, мы покорнейше просим и единодушно желаем, чтобы... всякий приход сам выбирал своего священника (1 Тимоф., 3) и чтобы прихожане имели право смещать его, если он поступает не по закону (Тит., 1). Выбранный пастырь должен нам проповедовать Евангелие ясно и разумно, без всяких своих прибавлений, мудрствований и пропусков» (Деян. апост., 14).

2. «Несмотря на то что справедливая десятина, установленная в Ветхом Завете, была отменена в Новом, мы все-таки охотно будем выплачивать ее зерном, но только там, где это нужно. Поэтому мы жертвуем ее Богу в пользу ее служителей (Евр. Пс. 109)... Остаток должен быть поделен между бедными прихожанами той же деревни, по мере их нужд и по усмотрению прихода (5 Моис. 25, 1. Тимоф. 10 и Коринф. 9), а все, что затем останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастья или войны; из этого-то избытка и следует удовлетворять общественным нуждам, не обременяя бедного населения налогами... Кроме того, мы не хотим платить ни духовным, ни светским лицам никакой малой десятины, т. к. Бог предоставил скотину в полное распоряжение человека (1 Моис. 1)».

3. «До сих пор было в обыкновении считать нас чужой собственностью, но это противно Священному Писанию, потому что Христос своей божественной кровью всех нас искупил и всем нам даровал спасение (Ис. 53, I Петр. 1, 1, Коринф. 7, Римл. 13), начиная от последнего пастуха до могущественного монарха. Вот почему Священное Писание говорит, что мы свободны, — и мы хотим быть на самом деле свободными (Премудр. 6, I Петр. 2)... Мы не думаем сопротивляться выбранным и установленным правителям, потому что закон Божий (Деян. апост. 5) запрещает нам это. Итак, мы не нарушаем покорности, потому и вы должны со своей стороны поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами».

---

¹ Приводим их в сокращенном изложении. Полный русский перевод у Циммермана, II, 88—95. Там же см. и другие подобные программы.

4. «До сих пор велось обыкновение, что ни один бедный человек не имел права ни охотиться на птиц, ни ловить рыб в господских владениях. Это кажется нам совершенно несправедливым, несогласным с братской любовью и словом Божиим... Поэтому мы желаем, чтобы всякий владеющий рекой или озером представил достаточные письменные доказательства своего права владения, и тогда пусть его владеет, мы не станем употреблять против него насилия: надобно поступать со всяким по правилам христианской любви и братства. Тот же, кто не представит удовлетворительных доказательств своего первовладения, пусть отступится от захваченного в пользу общины».

5. «Мы считаем себя также обиженными и в отношении владения лесом: наши господа присвоили себе все леса, и если бедный человек нуждается в дереве, он принужден платить за него вдвое дороже, чем действительно оно стоит. По нашему мнению, леса, на владение которыми духовные и светские господа не могут представить доказательств, должны быть отданы в распоряжение общины; каждый, в случае нужды, может получать от общины бесплатно дрова и лес, даже и для столярного производства, разумеется, только с ведома лиц, выбранных общиной, в видах предупреждения истребления лесов».

6. «Мы считаем себя горько обиженными тяжелой службой, которая с каждым днем становится все невыносимее и невыносимее. Мы желаем, чтобы на это было обращено внимание и чтобы нас не обременяли так жестоко; пусть нас заставляют служить так, как служили наши отцы, согласно с Божеским писанием (Рим. 10)».

7. «Мы не хотим больше и слышать о поборах и несправедливостях господ: всякий должен неприкосновенно пользоваться своими правами, как они определены в условиях между господином и крестьянином. Господин не должен более мучить и прижимать крестьянина, не должен требовать от него ни службы, и ничего другого даром (Лук. 3, Фесс. 6), так, чтобы крестьянин мог свободно и спокойно распоряжаться своим имуществом. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянин должен служить охотно и покорно, впрочем, за известное вознаграждение и только в определенное время, для устранения всяких потерь и убытков».

8. «Многие из нас, имеющих собственность,отягчены высоким податным окладом, которого не могут выносить их имущества; отсюда крестьянам часто приходится терять свое достояние. Мы желаем, чтобы господа послали для оценки таких имуществ честных людей и взимали бы оброк, смотря по их стоимости. Крестьянин не должен работать без выгоды для себя, потому что всякий работник достоин своей платы (Матф. 10)».

9. «Мы чувствуем себя глубоко обиженными той безбожной несправедливостью, с которой постоянно увеличивают наши наказания; очень часто нас наказывают несоразмерно с виной по злобе, а иногда ради пристрастного снисхождения к другим. Мы желаем, чтобы нас наказывали согласно

с древним писаным законом, соразмерно с виной, а не пристрастно (Ис. 10, Эфес. 6, Лук. 3, Иерем. 16)».

10. «Мы считаем себя и тем еще обиженными, что некоторые лица присвоили себе пашни и луга, принадлежащее общинам. Если эти земли приобретены в собственность нечестным путем, то мы опять отберем их в пользу наших общин; но если за них заплачены следуемые деньги, то мы вступим в дружеское и братское соглашение с их владельцами, смотря по важности дела.

11. «Мы хотим совершенного отменения обычая, называемого по-смертным отобранием; мы не можем допустить и терпеть, чтобы у вдов и сирот, вопреки чести и Божьей воле, так бессовестно отнималась собственность, как это случается во многих местах под разными видами».

«*Заключение.* Если одна или несколько из наших статей не согласны со словом Божиим, то мы от них отступимся, как только это нам докажут по Писанию. И если даже какая-нибудь из наших статей будет признана достойной внимания и названа справедливой, а впоследствии окажется неправильной, то мы немедленно от нее откажемся, как от мертвого и недействительного члена. Если даже многие статьи будут найдены противными Богу и вредными для ближнего, то мы всех их возьмем назад и будем молить Господа, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению, потому что этот разум исходит только от Бога, а не от кого другого. Благодать Господа нашего Иисуса Христа буди со всеми нами».

Кроме «двенадцати статей» и других аналогичных крестьянских программ, была еще одна программа, заслуживающая внимания по своему более широкому характеру. Известно, что в Германии издавна уже чувствовалась необходимость политического переустройства и что в этом смысле создавались разные планы. В двадцатых годах XVI в. у некоторых деятелей *явилась мысль провести политическую реформу, опираясь на крестьян*, желавших улучшения своей судьбы, и в таком же смысле под конец своей жизни высказывался Ульрих фон Гуттен. Во время Крестьянской войны во главе кружка лиц, думавших об этом, стал Вендель Гиплер, пробывший 25 лет в должности канцлера при дворе гогенлоэских графов, оставивший эту должность в 1515 г. и принявший за политическую агитацию. Он хорошо знал бедственное положение народа, хотел ему помочь и нередко выступал в качестве защитника гогенлоэских крестьян против их владельцев. Подобно другим патриотам того времени, он задумал основать тайный союз, чтобы провести реформу, и ему удалось из разных общественных элементов составить нечто вроде клуба, где сосредоточены были все нити заговора. Он не принимал сам участия в Крестьянской войне, но внимательно следил за ее ходом. Подобно тому как Гуттен, по крайней мере, в конце своей деятельности, а особенно один из вождей крестьянства, Флориан Гейер, приходили к мысли устроить такой порядок, при котором не существовало бы сословий, а были бы лишь одни равноправные свободные люди и одна власть — императора, так и Вендель Гиплер

отчасти думал о том же самом, не считая, однако, возможным совсем уничтожить сословный строй. Он хотел главным образом освободить крестьян из-под власти дворян, вознаградив последних из церковных имуществ. Затем он находил необходимым смягчить требования 12 статей, и с этой целью была составлена в Гейльбронне комиссия из гейльсбергского советника Ганса Берлина, самого Венделя Гиплера и Геца фон Берлихингена, которая решила отменить статьи 6, 7, 8 и 10, обещав рассмотреть их при общем государственном преобразовании, какое имелось в виду. Кроме того, была сделана характерная прибавка к этой программе в виде объяснения к ней, по крайней мере, как думал автор прибавки. Было именно прибавлено пять параграфов.

1. «Никто не имеет права грабить без особого на то разрешения; также подговаривать кого-либо вступать в шайку запрещается под страхом смертной казни».

2. «До имеющих совершиться государственных реформ все пошлины, подати и долги должны быть выплачиваемы без всяких отговорок».

3. «Все недвижимые имущества, принадлежащие светским и духовным властям, остаются неприкосновенными, светские же имения, принадлежавшие до этого времени духовенству, секвеструются».

4. «Никто не должен оскорблять друг друга из собственных выгод, кто бы он ни был, но каждый должен подчиняться местному суду».

5. «Каждый подданный в городах и деревнях должен повиноваться властям; в противном случае он должен быть выдан властям главного войска для казни».

Вместе с этим у Венделя Гиплера была мысль привлечь к делу реформы князей, дворянство и города и примирить их с совершившейся революцией при помощи общего государственного преобразования, а именно таким образом, чтобы все, которые потерпели бы убытки от освобождения крестьян, вознаградили бы себя из конфискованных владений духовенства, составлявших около половины всей поземельной собственности в Германии. Сама же программа, выработанная в Гейльбронне, состояла из 14 статей следующего содержания:

1. «Все духовные высшего и низшего звания и состояния будут подвергнуты реформе и получают достаточное вспоможение; их имения обращаются в общую пользу».

2. «Все светские владетели будут поставлены в такие условия, что не будут в состоянии лишать простых людей свободы» (т. е. будет уничтожено крепостное состояние).

3. «Все города и общины преобразовываются по божескому и естественному праву; все старые и новые человеческие выдумки должны быть отброшены. Все поземельные оброки отменяются».

4. «Никакой доктор римского права не может быть допущен в суд или княжеский совет».

5. «Никакое духовное лицо не может быть допущено в государственный совет или в советники князей или общин; никто из них не может занимать светской должности». (Этим гейльброннская программа хотела совершенно отделить церковную область от политической, и духовные лица должны были лишиться власти не только как князья, но и как сановники государства.)

6. «Все светские законы государства отменяются, а вводится закон бо-жеский. В государстве учреждаются 64 свободных суда с депутатами всех сословий и крестьян в том числе, 16 земских, 4 надворных и 1 Имперский Верховный суд германской нации тоже с выборными от сословий, причем у народа в каждом суде должно быть 4 лишних голоса».

7. «Все таможенные пошлины и поборы прекращаются, кроме пода-тей, необходимых для мостов, дорог и плотин».

8. «Все дороги объявляются вольными, все пошлины отменяются». (С расширением княжеской власти переезды из одной местности в другую делались более затруднительными из-за пошлин, которые налагались под видом содержания мостов, дорог и проч.)

9. «Все налоги отменяются, исключая имперского, взносимого раз в 10 лет».

10. «Единство монеты для всей германской нации».

11. «Единство меры и веса везде».

12. «Ограничение процентов больших банкирских домов».

13. «Освобождение дворянства от всяких ленных обязательств по отношению к какому бы то ни было духовному лицу».

14. «Отмена всяких союзов князей, владетелей и городов; везде только защита и закон императора».

Это была весьма широкая программа, составители которой думали примирить с новым государственным и общественным порядками и князей, и города, и дворянство и упрочить победу нового устройства, более выгодного для народа, путем секуляризации церковных имуществ с отдачей их всем тем лицам, которые понесли бы материальные убытки при изменениях в юридическом и экономическом быту крестьянства, но программа эта требовала, во-первых, сочувствия со стороны императора, во-вторых, большей солидарности между отдельными общественными элементами. Между тем не было ни того, ни другого, а ее связь с крестьянским восстанием, принявшим характер жестокой расправы с властями и господами положительно, ее компрометировала в глазах князей, да они и не должны были сочувственно относиться к умалению своей власти, без какого не могло бы осуществиться новое имперское устройство. Что программа Венделя Гиплера не была делом только тесного кружка, лишь в 1525 г. пришедшего к мыслям, изложенным в 14 статьях, доказательством этому может служить сходство этой программы с тем, что мы находим в более ранних политических памфлетах вроде «Реформации Фридриха III».

XI. Сектантство и социальные движения¹

Религиозное сектантство и социальные движения. — Разные стороны анабаптизма. — Социальные стремления анабаптистов. — Их проповедничество в народе. — Роль Фомы Мюнцера в Крестьянской войне. — Сектантское движение во второй половине двадцатых и в первой половине тридцатых годов. — Мюнстерское восстание. — Судьба анабаптизма. — Демократическое движение в городах.

«Двенадцать статей» и гейльброннский проект с аналогичными им программами, требовавшими улучшения крестьянского быта и реформ более общего характера, существенным образом отличаются от тех революционных прокламаций, которые в эпоху Крестьянской войны составлялись и распространялись анабаптистами, стремившимися к полному ниспровержению существующего социального строя для замены его совершенно новым, идеальным обществом. Дело в том, что сам анабаптизм заключал в себе не только особенные религиозные учения, но и целое социальное мирозерцание, представляя собой один из известных истории случаев, когда *мистическое сектантство теснейшим образом соединяется с проповедью социальной революции*: такое явление в XV в. мы наблюдаем, например, в крайних гуситских сектах, игравших роль в чешской истории за сто лет до Реформации в Германии, а спустя с небольшим сто лет, в середине XVII в., и в английском индепендентстве мы встречаемся с новым случаем подобного же соединения религиозного мистицизма со стремлением к социальному перевороту, хотя обыкновенно бурный, агрессивный период сектантства бывает непродолжителен, и для того, чтобы оно могло получить значение крупной по своим размерам исторической силы, не всегда существуют такие благоприятные условия, какие нашел немецкий анабаптизм XVI в. в происходившей тогда социальной борьбе и в вызывавшем ее народном недовольстве. Если в религиозном отношении и чешские, и немецкие, и английские секты указанных веков отличаются сильным развитием индивидуализма, отрицая всякий церковный авторитет и становясь иногда на точку зрения внутреннего откровения, то в отношении социальном характерная их черта — господство эгалитарных стремлений, в силу которых отвергался весь исторически сложившийся порядок вещей с общественным неравенством и неравномерным распределением собственности. Крайний индивидуализм, — когда он не ограничивался одной религиозной сферой, а переносился и в мир социальных отношений, — дохо-

¹ Указания на литературу см. в главах VII и IX, а кроме того: *Stern. Die Socialisten der Reformationszeit*. Социальная сторона сектантских доктрин рассматривается в некоторых историях коммунизма и социализма, но кратко и общо.

дил до совершенного анархизма, в некоторых случаях весьма рельефно выступавшего в этом сектантском движении, а эгалитарные стремления приводили к нападениям на частную собственность и не только к отвлеченному учению об общении имуществ, но и к практическому коммунизму. Ортодоксальная Реформация XVI в. ограничивала свою задачу областью одной религии, сектантство ставило своей целью перестроить самое общество на новых началах, которые заимствовались им из религиозной сферы, и если отрешиться от мистической окраски, какую приняли социальные воззрения анабаптизма, последний в этой своей стороне может рассматриваться как чисто социальное учение, в котором преобладающее значение принадлежит принципам личной свободы и общественного равенства, чем и определяется (по крайней мере, в одном отношении) историческое значение анабаптизма.

В общественных движениях Нового времени идеи свободы и равенства играли важную роль, когда в области фактических отношений, с одной стороны, всякого рода гнет и несправедливость вызывали против себя оппозицию, нередко принимавшую характер совершенно стихийного взрыва народных страстей, наблюдаемого, например, в немецкой Крестьянской войне, и когда, с другой стороны, в области идей возникали доктрины, которые, исходя из религиозных или философских соображений, ставили своей задачей оправдать и даже вызвать оппозиционное движение в народе или выяснить чисто теоретическим образом, какие неотъемлемые права принадлежат личности в обществе и на каких принципах должно покоиться правильное людское общежитие. И свобода, и равенство могут быть понимаемы весьма различно, ибо понятия эти касаются разных отношений, существующих в человеческом обществе, и в каждом из таких отношений степень или мера свободы и равенства бывает также различная. Анабаптизм принадлежал к числу тех учений, в которых для индивидуума требовалась неограниченная свобода, а для общества — абсолютное равенство: первое требование приводило прямо к воззрениям чисто анархического характера, второе — к теоретическому коммунизму. В этом отношении как анабаптизм XVI в., так и другие секты, заключавшие в себе социальные учения, должны рассматриваться не только в истории религиозных движений, но и в истории движений чисто социальных, т. к. без всяких натяжек историк может применять к этим сектам понятия современных социализма, коммунизма, анархизма, в которых мы имеем дело с теми же доктринами и стремлениями, что и в религиозном сектантстве реформационной эпохи, только в более законченном виде и без религиозной окраски. Индивидуалистические эгалитарные стремления получали в сектантстве религиозную санкцию, не только оправдывавшую, но и усиливавшую эти стремления, ибо они рассматривались как законные, как согласные с волей самого Бога, открывающего эту свою волю в писании и в духе. Со своей проповедью общественного равенства анабаптисты пошли в народ, уже давно тяготившийся своим положением и начинавший восставать против наложенного на него

гнета, и проповедь эта должна была иметь успех, т. к. в ней заключалось обещание для народа лучшей доли и притом обещание во имя самого слова Божьего: и проповедники, и народная масса были убеждены в том, что наступают совершенно новые времена, что вся жизнь должна перестроиться на новых началах и что начала эти суть настоящие заповеди Божьи.

Вопрос об отношении анабаптизма к религиозной Реформации имеет свой особый интерес, здесь же мы ограничимся лишь рассмотрением его отношения к социальной борьбе, которая происходила тогда в Германии. Вообще необходимо различать эти две стороны в истории немецкого сектантства XVI в., да и других аналогичных движений, чтобы понять сущность этого исторического явления. В анабаптизме сливались воедино религиозные и социальные элементы: их можно отделять одни от других, рассматривая его как одно из видных явлений реформационной эпохи, но было бы ошибочно усматривать в одной из этих сторон основу, а в другой только придаток, которым можно и пренебречь. Если, например, историки социальных учений и движений склонны в религиозных воззрениях анабаптистов видеть лишь внешнюю форму, в которой проявилось истинное внутреннее содержание сектантства, то, наоборот, историки религиозной Реформации готовы считать социальные стремления сектантства лишь за некоторое добавление к его религиозному миросозерцанию. Научному историческому взгляду на анабаптизм много мешали не только конфессиональные точки зрения католиков и протестантов, смотревших на него, одни — как на пагубное заблуждение, другие — как на ненужный и вредный нарост на благодетельной Реформации, но и другие попытки выяснения его сущности, принимавшие в расчет только одну культурную сторону сектантства как известной религиозной формы и не обращавшие достаточного внимания на то, что столь же важна в нем и сторона социальная. Соединение нравственно-религиозных и социально-политических воззрений в анабаптизме было так тесно, что в сравнение с ним не может идти даже сам средневековый католицизм, который был не только вероисповедной формой, но и целым культурно-социальным миросозерцанием. Последовательные сектанты допускали на земле лишь такие общественные порядки, которые, по их представлению, были бы полным осуществлением на земле царства Божьего. Средневековый католицизм тоже исходил из той идеи, что задача Церкви заключается в водворении среди людей Божьего царства, но, думая осуществить его принципы путем аскетической морали и теократической политики, представители этой системы оставляли существовать вне монашества и церковной иерархии исторически сложившийся общественный и государственный строй, отдельные стороны которого сильно, однако, противоречили идеалу Божьего царства, — оставляли неприкосновенными и крепостную зависимость крестьян, и неравенство сословий, и крупное землевладение, и связанную с ним феодальную власть, мало того что не становились в оппозицию этим мирским

порядкам, но сами ими пользовались, будучи наиболее привилегированным сословием, владея крепостными крестьянами, расширяя площадь своих земель, имея, наконец, в своих руках власть, покоившуюся на чисто материальной основе землевладения. Другое дело — сектанты, не мирившиеся с какими бы то ни было формами общественного неравенства и зависимости человека от человека, находя их противными божественному откровению и ища в последнем оправдания своим эгалитарным и индивидуалистическим стремлениям.

В короткое время, в течение которого анабаптизм играл роль исторического фактора, в нем проявилось несколько не вполне сходных между собой направлений, и он пережил не один фазис. Индивидуалистическая подкладка этого религиозного движения препятствовала тому, чтобы анабаптизм получил какую-либо прочную организацию. Распространившись весьма быстро по Германии, Швейцарии и Голландии, он не мог перерасти мелких религиозных общин, в которых все было различно — и вероучение, и поведение, да и попытки объединить все эти общины в одном исповедании не делалось. Тем не менее, кроме перекрещенства, бывшего общим явлением во всех сектах, существовали некоторые признаки, отличавшие всех анабаптистов, и многие из них были именно не столько религиозного, сколько социального характера, за что предрасполагающие власти всегда готовы были видеть бунтовщиков в этих сектантах даже тогда, когда последние настроены были мирно: анабаптисты отвергали именно присягу, военную службу, суды, повиновение правительству, которое не было христианским в их смысле. По учению, например, Фомы Мюнцера, перекрещенцы были святы и не нуждались в подчинении каким-либо законам, а раз свободные не должны повиноваться никаким людям, на них не лежит никаких служебных обязательств по отношению к кому бы то ни было, никаких повинностей, пошлин, десятин и т. п. Далее, он утверждал, что все люди — братья и сестры по духу, что у перерожденных святых не может быть частной собственности, т. к. имущество должно быть общим достоянием всех связанных между собой узами человеческого братства. Отвергая существующий государственный и общественный строй, одни из сектантов ограничивались пассивным сопротивлением тому, что считали безбожным, но другие не могли удержаться на этой точке зрения, тем более что многие прямо требовали насильственного ниспровержения всех отвергавшихся ими порядков, находя, что «вера без дел мертва». Мало-помалу анабаптизм принял характер проповеди, главным содержанием которой была кровавая революция, истребление огнем и мечом нечестивых и подготовка этим путем окончательного торжества святых на земле. Преследования, которым подвергались сектанты, убеждали их в том, что наступили последние времена перед вторым пришествием Христовым и что претерпевший до конца спасется. В период, наступивший после подавления крестьянского восста-

ния, в особом ходу была мысль о последних временах, соединенная с чаянием апокалипсического тысячелетнего царства святых, напоминающим нам хилиастические ожидания, бывшие столь распространенными в первые века христианства.

Анабаптистская проповедь производила сильное впечатление на народные массы, и без того уже сильно возбужденные. Многие сектанты надевали на себя особое платье и начинали вести необычный образ жизни, как будто стремясь восстановить строгость древнего аскетизма. Без посоха и сумы, следуя евангельскому предписанию, переходили они из города в город, из села в село, нередко возвещая свое учение с крыш домов, опять-таки буквально поняв текст писания; со многими во время проповеди делались от сильного возбуждения конвульсии и обмороки, действовавшие на слушателей; между сектантами сильно была распространена вера в сверхъестественные откровения, пророчества и видения и, глубоко убежденные в их истинности, они общались ту же уверенность и другим. Впоследствии преследования и казни, которым стали подвергать сектантов как бунтовщиков против установленных властей и законов, окружали их ореолом мученичества за правду, а таковой казалось и по содержанию своему их социальное учение угнетенному и начавшему бунтовать народу. Если такие идеалисты, каким, несомненно, был Фома Мюнцер и другие главари анабаптистов, оставались на высоте идеи, не заботясь даже о выработке более определенного плана новых общественных порядков, а уповая только на то, что всемогущий Бог даже совершит чудо для доставления победы правому делу и устроит человеческую жизнь как ей следует быть по его святой воле, то толпа, увлекавшаяся учениями анабаптистских проповедников, принимала возвещавшуюся ими свободу в смысле полного своеволия, а общность имущества — в смысле присвоения чужой собственности, допуская при этом насилия и жестокости, которые, впрочем, оправдывались самим Мюнцером, видевшим в огне и мече средство наказания нечестивых. Крайний, непримиримый и особенно кровавый характер Крестьянская война и приняла в тех местностях, где распространились анабаптистские идеи и во главе восставших действовал Фома Мюнцер.

Нам уже известно, что Мюнцер в весьма раннем возрасте начал свою революционную деятельность, которую продолжал в начале двадцатых годов в Цвиккау, примкнув к тамошним пророкам, и в Виттенберге, где его появление совпало с происходившими среди городского населения беспорядками. Изгнанный сначала из Цвиккау вместе с другими агитаторами, он отправился в Прагу, но и отсюда он был удален властями, испугавшимися его агитации. Здесь именно он обратился к возлюбленным чешским братьям со страстной прокламацией, характерной по своему пророческому тону, которым вообще отличаются писания Мюнцера. «Я, — говорит он в этом своем манифесте, — я хочу огласить вместе с великим поборником Христа Иоанном Гусом своды храма новым гимном... Долго голодали и жаждали люди

святой справедливости, и сбылось на них пророчество Иереми: “Дети про-
сили хлеба и никто не дал им его”... Полный скорби и сострадания, я опла-
киваю гибель истинной Церкви Божией; среди развалин ее христианский
мир не видит, что его объемлет египетский мрак. Когда народ перестал изби-
рать проповедников, начался обман; с тех пор учение Церкви и порядок пе-
рестали быть в Германии гласом Божиим... Но возрадуйтесь! Вскоды ваших
нив побелели и готовы к жатве. Небо наняло меня в поденщики по грошу
в день, и я точу мой серп, чтобы жать колосья. Голос мой возвестит высшую
истину, уста мои проклянут безбожников; я пришел в ваши благословенные
пределы, о любезные чешские братья, чтобы обличить и истребить этих без-
божников. Не мешайте, но помогите мне! Я обещаю вам великую славу
и честь; здесь начнется новая апостольская Церковь и изыдет отсюда во все
страны света. Церковь будет молиться не немому, а живому, глаголющему
Богу. Если я солгу в живом слове Божиим, которое ныне исходит из уст моих,
то готов понести бремя Иереми и предаться мукам здешней и вечной жиз-
ни». Вынужденный оставить Чехию, Мюнцер и появился на время в Виттен-
берге, где произошло его сближение с Карльштадтом, вскоре после чего они
оба стали полемизировать с Лютером и реформировать богослужение, Карль-
штадт — в Орламюнде, Мюнцер — в Алештедте, получив в этом тюринген-
ском городке место священника. Когда Лютер пригласил его в Виттенберг для
объяснения с собой, он к нему не поехал, а Фридрих Мудрый, на которого
Лютер думал действовать, чтобы тот изгнал Мюнцера, не хотел его удалить
из Альштедта, не выслушав его предварительно сам. В 1524 г. курфюрст с бра-
том своим приехал в альштедский замок и пригласил Мюнцера произнести
проповедь. Темой для последней Мюнцер выбрал текст: «не мир я пришел
принести, но меч» (Матф., X, 34), а содержанием ее было доказательство того,
что правители должны устранить зловредных людей, препятствующих пропове-
ди Евангелия, и что если они этого не сделают, Бог отнимет у них меч. «Вся-
кое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают», и Христос,
сказавший это, не отменил заповеди, данной Моисею, не щадить идолопо-
клонников, разрушать их алтари, жечь их идолов, дабы Господь не прогневал-
ся на народ свой. «Люди, любящие спокойствие, — говорил он еще, — отвер-
гают эту мысль, но я воистину знаю, что Дух Божий открывает теперь многим
благочестивым людям превосходную неодолимую будущую реформацию,
и она должна быть совершена наперекор всем сопротивляющимся». Это
было время, когда Мюнцер думал еще принимать в свой союз для «осущест-
вления царства Божьего в свободе, равенстве и чистоте» — правителей и го-
спод, но скоро курфюрст велел ему покинуть Альштедт за разрушение одной
капеллы с чудотворным образом Богородицы. Мюнцер отправился тогда
в Мюльгаузен, откуда ему также пришлось удалиться: в этом городе произо-
шел демократический переворот, во главе которого стоял бывший монах
Генрих Пфейфер, но т. к. новаторы не ладили между собой, старый поря-

док был восстановлен городским патрициатом, и в числе агитаторов, изгнанных из города, был и Мюнцер. То же случилось с ним и в Нюрнберге, где он напечатал резкий ответ на обвинения Лютера с нападками на князей и господ, обирающих и притесняющих народ. Наконец, из Базеля, где ему оказал покровительство местный реформатор Эколампадий, когда по соседству началось крестьянское восстание, он отправился опять в Мюльгаузен, чтобы и там поднять народ. Когда он возвратился в этот город, последний снова был уже в руках низшего класса жителей и соседних сельчан, предводимых Пфейфером. Мюльгаузен сделался даже главной квартирой тех крестьян, которые стали под предводительство Мюнцера. Отсюда вышел один из его кровавых манифестов, в котором он вооружался против каких бы то ни было сделок между крестьянами и их господами. «Не склоняйтесь, — писал он, — если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут дружески молить, стонать, плакать перед вами, — плакать, как дети, — не жалейте их. Сам Бог приказал так через Моисея. Нам он открыл то же... Пусть ваши мечи не охлаждаются от крови. Выковывывайте их на наковальне Немврода: пусть падет его башня. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха; вам нельзя говорить о Боге, пока они управляют вами. Итак, за дело, пока еще не ушло время! Не ваша идет война, а Господня! Не за себя вы боретесь» и т. д. В Мюльгаузене было учреждено новое демократическое правление («вечный совет»), следовавшее указаниям Мюнцера, и в город стало стекаться множество народа, чтобы вести отсюда истребительную войну с представителями власти и богатства. Прокламации Мюнцера к окрестному населению не оставались напрасными: они действовали на страсти; насилия, убийства и грабежи казались восставшему народу заветами самого Бога против безбожников, тем более что Мюнцером приводились в этом смысле тексты из Писания, и он ссылаясь, кроме того, как и другие анабаптисты, на непосредственные откровения, которые ему были свыше. У Франкенгаузена, где на крестьян, предводимых Мюнцером, напали князья, произошла трагическая развязка: нестройная толпа, которую ее вождь сумел нафанатизировать, но не сумел и не смог приготовить к победе, была перебита, сам он был взят в плен, подвергнут допросу, жестокой пытке и, наконец, казни. На допросе он говорил, что в самой ранней юности на него действовал дух, который требовал от него принесения жертв для освобождения народа от угнетений, и указывал на самих князей как на тиранов, врагов Евангелия и христианской свободы. Своей он признал так называемую программу Шварцвальдского евангелического братства, отличавшуюся от остальных тем, что ею признавалось только одно существование, именно то, которое должны были вести одинаково все люди: кто не хотел вступить в братство подвергался мирскому отлучению, состоявшему в том, что с таким человеком запрещалось всякое общение. Поэтому объявлялись отлученными в этой программе замки, монастыри и плебании (священниче-

ские дома), т. к. в них-де выросли измена, насилие и несправедливость, а господа, монахи и священники принимались в общение только под условием жизни в обыкновенных домах и отказа от своих имений.

Уже до Крестьянской войны анабаптизм не был местным явлением, распространившись почти по всем немецким землям. Преследования, которым стала подвергаться сама принадлежность к анабаптизму, особенно после того, как его революционный характер проявился в Крестьянской войне, только содействовали распространению сектантских учений: изгоняемые из одних мест, проповедники анабаптизма шли в другие и приобретали новых последователей главным образом среди низших классов населения, которых привлекала к себе социальная сторона сектантства, хотя в числе его сторонников можно указать и несколько людей с образованием, и даже ученых. Гонения на перекрещенцев были особенно сильны во второй половине двадцатых годов, когда против них принимались меры и в Германии, и в Швейцарии, — в княжествах и кантонах, принявших Реформацию Лютера и Цвингли, равно как и в тех, которые остались верными Католической Церкви и в которых не делали никакого различия между нововеерами, не останавливаясь перед сожжением на костре всех, кого можно было признать зараженными ересью. Во время пыток и казней анабаптисты обнаруживали большую стойкость, напоминающую древних мучеников и удивлявшую современников. Лютер даже склонялся к объяснению упорства каким-то особым сатанинским внушением, хотя такую же стойкость проявляли и собственные его последователи там, где и их подвергали гонениям. Сами сектанты нередко подкрепляли себя примерами христианского мученичества: преследования их закаляли, придавали всему их нравственному облику характер некоторой суровости, развивали в них нервное возбуждение, делавшее из них визионеров и пророков, гнавшее их на апостольскую проповедь, заставлявшее их ожидать скорого наступления тысячелетнего царства Христа со святыми на земле. Хилиастические чаяния, с которыми были соединены представления об общественном устройстве на новых началах, сделались особенно напряженными около 1530 г., когда явилось несколько пророков, предсказывавших скорую кончину мира: в гонениях они видели ясные признаки наступления последних времен и предсказывали быстрое пришествие такого часа, когда праведные восторжествуют и накажут грешников. Некий Ганс Гут предрекал светопреставление и Страшный суд на Пасху 1528 г. В следующем году скорняк Августин Бадер в Аугсбурге говорил о восстании, после которого начнется тысячелетнее царство с сыном его во главе. Но особенно сильное впечатление произвел на анабаптистов Мельхиор Гофман, еще в 1526 г. предсказывавший Страшный суд на 1533 г. и в 1530 г. примкнувший к страсбургским анабаптистам. В Страсбурге под его влиянием произошло сильное брожение; власти посадили в тюрьму этого «Илию» «нового Иерусалима», и Гофман только благодарил Господа за то, что приближа-

ется час, т. к. и в своем заключении он видел один из признаков скорого пришествия Христова. Гофман был и проповедником анабаптизма в Нидерландах, где уже раньше были сектанты, и он потому нашел много последователей своему учению: среди них в то время, когда сам Гофман сидел в страсбургской тюрьме, особенно выдвинулся гарлемский булочник Ян Матисен, назвавший себя Енохом и выславший двенадцать апостолов на проповедь совершенно революционного характера, в числе же этих миссионеров был молодой красавец и оратор Ян Боккельсон или Боккольд, лейденский уроженец, успевший переменить несколько профессий, прежде чем сделаться проповедником анабаптизма. Эти миссионеры явились в Мюнстер, где давно уже шла религиозная и социально-политическая борьба, подобная той, какая велась тогда во многих местностях Германии.

Еще в 1525 г. под влиянием примера, поданного крестьянами, мюнстерские ремесленники выступали с целым рядом требований, имея против себя епископа, духовенство и зажиточных граждан, а через несколько лет демократическое движение возобновилось, когда сначала в окрестностях города, а потом и в нем самом стал действовать лютеранский проповедник Ротман, которому покровительствовали местные гильдии и влиятельный торговец сукном Книппердолинг. Ротман стал во главе народного движения, результатом которого было введение в большей части городских церквей евангелического богослужения. К этому движению примкнул городской совет, и епископу оставалось только согласиться на уступки: в 1533 г. он должен был отдать приходские церкви евангеликам, оставив за собой и капитулом только собор и монастырские церкви. Вскоре, однако, в реформационной партии произошел раздор вследствие появления в городе анабаптизма, на сторону которого склонился сам Ротман: городские власти задумали запретить это учение, но Ротман воспротивился такому распоряжению и поднял против совета ремесленников, и вот в это-то время (1534) явились в Мюнстер сначала Ян Боккольд, а потом и сам Матисен, объявивший, что Господь сделает из этого города Новый Иерусалим, а вместе с ними и за ними пришли целые толпы анабаптистов, к которым примкнуло большинство местных простолюдинов. Благодаря оказанной им здесь терпимости они стали стекаться сюда со всех сторон в большом количестве. Результатом всего этого было то, что сектанты завладели городом, выбрав в городской совет своих единомышленников и назначив Книппердолинга бургомистром, и начали устраивать в Мюнстере царство Христово. Произошло фанатическое истребление икон, органов, церковных украшений и всего, что только можно было подвести под понятие идолопоклонства, истребление всех книг, кроме Библии, истребление предметов роскоши и всего, что напоминало общественное неравенство, а жители города, не принадлежавшие еще к анабаптизму, насильно перекрещивались или в случае отказа это сделать изгонялись из своих домов и из самого Мюнстера, причем их имущество объявлялось общей собствен-

ностью святых и заведование им поручалось особым дяконам. Но «избранному народу Божию», каким считали себя сектанты, завладевшие Мюнстером, предстояло еще защищать свое царство от «язычников и безбожников», т. е. от епископа, дворян и изгнанных граждан, взявшихся за оружие и осадивших город: мюнстерские святые кликнули клич, и на призыв к помощи потянулись в осажденный Мюнстер новые толпы сектантов, которым на первых порах, пока не все пути в город были отрезаны, и удавалось проникать в его стены. Между тем внутри города деятельно готовились к борьбе под начальством вождя-пророка Матисена. Когда он был убит в одной слишком смелой вылазке, Ян Боккольд или, как его обыкновенно называют, Иоанн Лейденский объявил, что по бывшему ему откровению он назначен свыше в преемники убитому пророку, и признанный в этом сани, стал организовывать в Мюнстере теократическое правление, руководствуясь собственными фантазиями и указаниями, почерпнутыми из Ветхого Завета. Сначала он установил для «нового Израиля» двенадцать старейшин по числу колен Израилевых, сделав из них военачальников, правителей и судей, но вскоре, когда один фанатик объявил, что имел откровение, возвестившее ему, что Ян Боккольд должен сделаться царем нового Сиона и покорить все царства земные, преемник Матисена стал именоваться «Иоанном, Божьей милостью царем нового Израиля», назначил на высшие должности Ротмана и Книппердолинга, устроил целый придворный штат и завел гарем. Еще ранее этого он имел откровение, что в новом Иерусалиме, как и в древнем, должно быть дозволено многоженство для размножения племени святых, а Ротман доказывал в проповедях истинность этого принципа: теперь пророк довел число своих жен до шестнадцати. Облеченный в пышную одежду с короной на голове и сидя на «престоле Давидовом», царь сектантского Сиона сам судил и правил своим народом с крайней жестокостью. Уже до принятия им царского сана против него составилась заговор, в котором участвовали двести человек, желавшие его арестовать вместе с его приверженцами и восстановить в Мюнстере лютеранизм, но они потерпели поражение и были безжалостно умерщвлены. Впоследствии, когда в Мюнстере обнаружился крайний недостаток съестных припасов, началось из него дезертирство, и, собственно говоря, таким перебежчикам обязано было епископское войско взятием города. Анабаптисты защищались весьма отважно, долгое время рассчитывая на помощь своих единоверцев, которые действительно сильно волновались по всей Германии, верили, что в Мюнстере начинается царство Божье, и собирались оказать помощь осажденному городу. После того как было отбито под начальством самого Иоанна Лейденского нападение епископских ландскнехтов и вследствие этой неудачи осада затянулась, сейм 1535 г. послал на подмогу епископу имперское войско, которое отрезало подвоз провианта в Мюнстер и этим приблизило катастрофу: князьям и имперским городам нужно было оказать содействие мюнстерскому епископу, ибо начинали опасаться повторения

1525 г. ввиду того, что снова подняли голову радикальные партии, снова зашевелились крестьяне. Измена двух перебежчиков, — число которых вообще увеличилось вследствие недостатка в съестных припасах, — открыла неприятелю доступ в город в ночь на 24 июня 1535 г. Мюнстер был взят с боя; отчаянно защищавшиеся анабаптисты перебиты или казнены, другие изгнаны из города или оштрафованы; Боккольд и Книппердолинг подвергнуты страшным пыткам и замучены до смерти; город лишился своего самоуправления, и выборы в городской совет были поставлены под власть капитула и соседних дворян, а его жителей должна была держать в повиновении построенная в нем цитадель, где был поставлен гарнизон; наконец, восстанавливался в Мюнстере католицизм и евангелическое богослужение строго запрещалось.

Анабаптизм был раздавлен, хотя и после катастрофы 1535 г. оставались еще верующие в то, что скоро должно наступить тысячелетнее царство Божие на земле, в котором избранные будут блаженствовать. Но агрессивный период сектантства окончился с падением «нового Сиона»: преследуемые властями, анабаптисты уходили из отечества в другие страны, удалялись с континента в Англию, даже позволяли себя убивать, не оказывая сопротивления, как это случилось в Зальцбурге. Уже ранее между ними было распространено убеждение в греховности войны и в неопозволительности избранныкам Божиим носить оружие; непротивление злу сделалось теперь основой анабаптистской этики, и на этом-то начале построил свое учение обновитель анабаптизма Менно Симонс, по имени которого до сих пор называются меннонитами мирные и трудолюбивые сектанты в Германии и Нидерландах (баптисты в Англии и Америке), отличающиеся моральным ригоризмом своих родоначальников XVI в., но совершенно порвавшие с традициями социальной революции, что, однако, не спасало и их от гонений. В общем, социально-революционным характером отличалось немецкое сектантство реформационной эпохи лишь в течение каких-либо десяти-пятнадцати лет, но некоторые черты того царства Божьего на земле, о котором мечтали анабаптисты двадцатых и тридцатых годов XVI в., сохранились в образе жизни и устройстве меннонитских общин.

Два раза начиналась в Германии XVI в. социальная революция и оба раза — и в середине двадцатых, и в середине тридцатых годов — под знаменем анабаптизма; в первом случае она имела характер крестьянский, во втором — городской, но подобно тому, как крестьянское восстание происходило и независимо от сектантской пропаганды, так и демократическое движение в городах не всегда соединялось с принятием анабаптизма, как в Страсбурге или Мюнстере. В громадном большинстве случаев городской патрициат был на стороне католицизма, а простонародье сочувствовало Реформации, и где оно получало участие во власти, там вводило лютеранство, как это бывало в некоторых городах северной Германии. Выдающимся примером демократического движения среди горожан без какой бы то

ни было сектантской окраски может служить то, что происходило одновременно с мюнстерскими событиями в ганзейском и лютеранском городе Любеке. В 1530 г. здесь произошла политическая реформа в демократическом духе, и одним из ее деятелей был знаменитый Юрген Вулленвебер, впоследствии бургомистр: в городской совет, состоявший прежде из одних знатных граждан, были назначены новые члены из простолюдинов, и совет этот должен был контролироваться избираемым гражданами комитетом, а в 1533 г. Вулленвебер настоял на отмене пожизненности звания членов совета, которые теперь должны были выбираться лишь на два года. У Вулленвебера, сделавшегося любекским бургомистром, были широкие политические планы — подчинения родному городу скандинавских государств, в которых ему нужно было поддержать реформационное и демократическое движение, а это требовало соединения с другими городами, но исполнение смелого замысла было им не под силу. Попытка окончилась неудачей, и в Любеке по определению Имперского Верховного суда в 1535 г. было восстановлено старое устройство. Павшего бургомистра, которого враги взяли в плен, обвиняли потом в намерении пойти по стопам мюнстерских анабаптистов, и он был казнен, несмотря на то что в этом обвинении не было ни малейшей доли правды¹.

---

¹ Waitz. Lübeck unter Jürgen Wullenweber und die europäische Politik. *Форстен* в соч.

XII. Немецкие князья и лютеранская Реформация

Причины союза Лютера с князьями и его отказа от первоначальных принципов. — Немецкие князья и церковная Реформация. — Роль Фридриха Мудрого в начале Реформации. — Отношение князей к Реформации в начале двадцатых годов XVI в. — Реакция и раскол в Германии после рыцарского и крестьянского восстаний. — Карл V и Шпейерский сейм 1526 г. — Введение новых церковных порядков. — Секуляризация церковной собственности. — Нетерпимость Лютера. — Его отношение к Цвингли. — Реакционные явления в лютеранстве. — Внутреннее состояние Германии около 1530 г.

Революционные движения, совершавшиеся под знаменем религиозных идей, и возникновение сектантства, разрывавшего всякую связь с теологическими и церковными традициями религии, не могли не отразиться на характере той Реформации, которой суждено было прославить имя Лютера и утвердиться в целой половине Германии в качестве официально признанного вероисповедания. Мы видели, что Лютер ограничивал свою задачу реформой одной Церкви и что в его прошлом были своего рода задатки того, чтобы реформа эта отличалась некоторым консерватизмом: политические смуты, отождествлявшиеся с делом религиозной Реформации, в его глазах только компрометировали это дело, причиняли ему вред, и такое же искажение дорогой ему церковной реформы видел он в сектантстве, уходившем в своем очищении веры от человеческих измышлений гораздо далее, нежели он сам мог идти. Ища прочной власти, которая могла бы ему помочь выполнить свою задачу, *он должен был заключить союз с князьями, но союз этот не мог быть чем-либо иным, как подчинением Церкви государству*, представлявшим сам по себе большую выгоду для князей. Последние положительно выигрывали от Реформации, как понимал ее Лютер, и в те самые годы, когда князья побеждали восставших рыцарей и крестьян, уже намечался княжеский характер лютеранской Реформации: князья освобождались от власти папы, секуляризировали церковную собственность, подчиняли себе местное духовенство, превратившееся в их чиновников, вступали во многие права, которые прежде принадлежали Церкви, а довершением всего было знаменитое «*cujus regio, ejus religio*»¹, в силу которого страна должна была следовать религии своего государя. *Если инициатива реформационного движения в Германии вышла снизу, из народа, то воспользовались результатами этого движения носители государственной власти над отдельными территориями, на какие разделялась Германия.*

---

¹ Чья власть, того и религия (лат.). — Прим. ред.

С другой стороны, проводя церковную реформу при помощи князей, Лютер *отступил от многих начал своего первоначального религиозного протеста*, и в этом заключается другая особенность произведенных им преобразований в вероучении и церковной жизни, получивших официальное признание и в силу этого начавших поддерживаться внешним авторитетом гражданской и духовной власти, хотя это совсем уже не совпадало с индивидуалистическим исходным пунктом религиозного мирозерцания Лютера. Когда у нас шла речь о начале Реформации, были отмечены и то отношение, в какое стал Лютер к князьям, и то, в чем он счел нужным отказаться от своих первоначальных точек зрения, но тогда имелась в виду более психология самого реформатора, чем характер его реформы: рассмотрим теперь этот последний, не забывая той роли (хоть и чисто отрицательной), какую в истории лютеранской Реформации играли и политические события эпохи, и появление других видов религиозного протеста.

В истории Реформации наблюдается одно общее явление — *зависимость принятого тем или другим государством церковного устройства от политической формы этого государства*: объясняется это явление тем, что принятие или неприятие Реформации зависело от государственной власти, которая могла быть монархической или республиканской, и весьма естественно, что политическая форма отражалась поэтому на том устройстве, какое получала реформированная Церковь. *Мысль о праве государственной власти вмешиваться в церковные дела существовала уже ранее*, чем приступили к проведению религиозной реформы в разных государствах XVI в., и нет ничего удивительного в том, что к власти обратились реформаторы, как к той силе, которая своим содействием только и могла дать установиться новому порядку вещей. Со своей стороны, у государей могли быть положительные интересы, помимо религиозного убеждения, стать на сторону Реформации: политическая оппозиция против курии, секуляризационные стремления, желание расширения своей власти, все это могущественно должно было влечь государей к церковным преобразованиям, сулившим им освобождение от папской власти, переход в их руки собственности духовенства и монашества, подчинение им клира, хотя, как мы еще увидим, существовали и другие мотивы, которые, опять-таки помимо религиозного убеждения, должны были, наоборот, удерживать их в лоне старой Церкви. Для немецких князей, давно уже стоявших в резкой оппозиции против папства, реформационное движение, охватившее нацию, было весьма выгодно, не говоря уже о том, что и на них действовала новая проповедь сама по себе, и только революционные движения, соединившиеся с национальным стремлением к религиозной Реформации, в значительной мере стали удерживать многих князей от перехода на сторону новой веры, чем до известной степени и объясняется раскол, внесенный Реформацией в жизнь Германии, распавшейся на две части — католическую и евангелическую. Там, где князья примкнули к движению, они

извлекли из него для себя большие выгоды, и в данном отношении велико было содействие, оказанное им Лютером, который в них, — да и в имперских городах еще, игравших все-таки второстепенную роль, — нашел единственную силу, способную поддержать необходимый порядок и утвердить господство реформированной религии. Но не менее естественным было и то, что покровители Реформации сделались ее опекунами и господами вновь основанных церквей: они подавили общественные элементы, бросившиеся в социально-политическую революцию, как позднее с успехом отразили попытку императора поставить в Германии выше всего свой закон и, сделавшись господами положения в делах светских, не могли устоять перед соблазном занять такую же позицию и по отношению к делам духовным, тем более что нужно было кому-нибудь устроить новые церковные порядки, а кто занимался этим делом, тот естественно и необходимо вносил в него свои стремления и интересы, и тем более еще, что самый авторитетный богослов Реформации приглашал князей взять в свои руки заведование внешним порядком новой церковной жизни.

Мы уже знаем, что Реформация в смысле отмены католических учреждений и церковных нововведений началась в Виттенберге без Лютера, находившегося в Вартбургском замке в то время, как его последователи вроде Карлштадта и городское население приступили к делу замены старых порядков новыми. Покровитель Лютера Фридрих Мудрый не только не стеснял свободы религиозного мнения, но даже защищал отщепенцев, разрывавших связь со старой Церковью, стараясь только успокоить возникшие в городе споры и волнения. Мало того, курфюрст созвал съезд депутатов от августинских монастырей саксонской провинции, объявивший необязательность монашеских обетов. Благодаря такому отношению Фридриха Мудрого к начинавшемуся движению в Виттенберге могла свободно начаться и анабаптистская проповедь, т. к. курфюрст вообще крайне затруднялся принять какое-либо решение в религиозных делах, говоря, что, как светский человек, он не может судить, верны ли или ошибочны мнения и действия, в защиту которых приводились тексты из Св. Писания, да и сторонники Лютера, например, Меланхтон, просили его не стеснять свободной проповеди слова Божия. Сам Лютер в начале виттенбергских беспорядков советовал Фридриху не принимать крутых мер, указывая на то, что кто хочет иметь слово Божье, не должен бояться споров и тревог. Да и в проповедях своих против новаторов, как было уже сказано, он порицал только совершенные ими насилия, доказывая, что не нужно из свободы делать обязанность, что никого не следует принуждать силой, ибо вера должна быть добровольная, принятая без принуждения. Фридрих Мудрый явился защитником Реформации и относительно имперского правления, действовавшего в отсутствие Карла V в Германии. Это учреждение, состоявшее из курфюрстов и уполномоченных от отдельных округов Германии, пригласило саксонских епископов принять меры против

виттенбергских беспорядков, но в скором времени, когда Лютер успокоил виттенбергские смуты, курфюрсту удалось склонить имперское правление к тому, чтобы Вормсский эдикт был оставлен без последствий и Лютеру была оказана защита, т. к., в общем, само это правление относилось благосклонно к Реформации, надеясь посредством нее освободить Германию от папских поборов. В 1523 г. новому папе (Адриану VI) со стороны имперского правления и собравшегося в Нюрнберге сейма было прямо отказано в приведении в исполнение церковного отлучения и государственной опалы, тяготевших над Лютером, и выставлен целый ряд жалоб (*centum gravamina*) против курии с требованием наискорейшей отмены злоупотреблений и созвания Вселенского собора для реформы Церкви. Папскому легату не удалось даже достигнуть того, чтобы запрещена была в самом Нюрнберге во время заседаний сейма лютеранская проповедь, а уполномоченный курфюрста Саксонского при сейме указывал при этом на то, что Лютером нужно дорожить как более умеренным новатором, сдерживающим крайних реформаторов, и что удаление его со сцены было бы равносильно приглашению, обращенному к радикалам. Таким образом, уже в 1523 г. *власти смотрели на Лютера как на умирителя Реформации*, как на человека, необходимого для того, чтобы не дать людям более крайнего образа мыслей взять в свои руки дело, в котором были заинтересованы, кроме народа, и самые власти. В это время начала уже распространяться Реформация, вводившаяся Лютером в Виттенберге, благодаря тому что у него явилось множество сподвижников в лице бывших монахов и оставивших Католическую Церковь священников и благодаря тому, что не только городская власть и светские князья, но даже иногда и князья духовные не стесняли проповедников и не противились нововведениям, а затем и сами начинали вводить у себя виттенбергские церковные порядки, т. е. главным образом богослужение на народном языке, заменившее католическую мессу. Одним из первых князей, введших у себя реформу, был ландграф Гессенский Филипп Великодушный.

Дальнейшее развитие церковной Реформации, вызвавшей к себе с самого начала сочувствие народа и властей, совершалось под влиянием того впечатления, какое и на князей, и на Лютера произвели революционные движения рыцарей и крестьян. *Результатом рыцарского восстания и Крестьянской войны была реакция*, отразившаяся и на политических, и на религиозных делах. Уже предприятие Зиккингена встревожило многих, увидевших в нем как бы порождение религиозной Реформации, и все те, кому были выгодны старые порядки, указывали на опасность, какую в политическом отношении представляет собой новая проповедь, а Крестьянская война с распространением анабаптизма, принявшего характер социально-революционной пропаганды, еще более отвращали от Реформации, которой было приписано и это движение, всех опасавшихся за общественное спокойствие и существующий политический и социальный строй, и как нельзя

более было на руку всем, имевшим интерес защищать старые церковные учреждения. Рыцарей и крестьян победили князья, которые уже после поражения Зиккингена жаловались на слабость и бездействие имперского правления, и в 1524 г. личный его состав был изменен сообразно с желанием партии, образовавшейся против Реформации. Затем на сейме 1524 г. мы уже не видим того единодушия, которым отличалось собрание имперских чинов предыдущего года: среди них образовалась партия, прямо заявлявшая, что не нужно никаких перемен, что все должно остаться по-старому, и присланный на сейм сменившим на папском престоле Адриана VI Климентом VII (из фамилии Медичи) искусный дипломат Лоренцо Кампеджи ловко воспользовался реакционным настроением, чтобы содействовать возникавшему между князьями разрыву. *В этой реакции, которую искусно стала эксплуатировать в свою пользу курия, и заключается объяснение того, что не все земли Германии приняли Реформацию.* Когда на Нюрнбергском сейме 1524 г. Кампеджи потребовал исполнения Вормсского эдикта, ему в этом было сначала отказано, но потом было решено, что эдикт этот будет исполняться «по мере возможности», чем, в сущности, предоставлялось усмотрению отдельных чинов империи, т. е. князей и автономных городов — исполнять или не исполнять эдикт, хотя в то же время сейм еще брал под свое покровительство Реформацию, объявив свободную проповедь Евангелия до решения религиозного вопроса на Вселенском соборе. Между тем уже раньше, под влиянием рыцарской смуты, евангелические проповедники были изгнаны из Австрии, Баварии, Тироля, Майнцского курфюршества: теперь курия воспользовалась настроением местных государей, чтобы отвратить их окончательно от национально-политической оппозиции папству, сделав им разные уступки, указывающие нам на то, что особенно могло интересовать князей в Реформации. Именно князья Австрии, Баварии и некоторых других земель получали от самого папы то, что другие приобрели благодаря Реформации: согласившись на ограничение своего произвола и своих поборов и на некоторые другие уступки, Климент VII расширял власть князей над местным духовенством, отдавал им часть церковных имуществ и доходов, а за это князья обязывались преследовать лютеранство в своих владениях. Такое соглашение курии с южными немецкими князьями было оформлено на Регенсбургском съезде в июне 1524 г., и в Австрии, Баварии, Зальцбурге начались гонения на приверженцев Реформации, которых стали не только изгонять, но сажать в тюрьмы и даже предавать казни, в то самое время, как, наоборот, другие князья принимали один за другим новое учение. Крестьянская война только поддержала реакцию и еще более содействовала религиозному расколу, т. к. Реформация для многих сделалась синонимом народных смут, грозящих опасностью государственному строю и правильному гражданскому порядку, и это заставляло власти во многих местностях стать на защиту католицизма, тогда как и в землях, уже принявших Реформацию,

происходила реакция, направлявшаяся главным образом против анабаптизма. Лютер, сам говоривший в 1520—1521 гг. революционным языком не только по отношению к папе, но и по отношению к светским властям, а в начале крестьянского восстания обвинявший князей и господ в том, что их угнетения подняли народ, к концу восстания с яростью громил мятежных крестьян, приглашая колоть их, бить, убивать как изменников властям, грабителей и людей, которые, прикрывая свои дела Евангелием, служат, в сущности, черту. Принцип безусловного повиновения властям, от которого он сам был раньше очень далек, делается одной из любимых тем, которые он развивал в это время в своих поучениях. Расправа с мятежными крестьянами, соединившая в общем деле католических и евангелических князей, вполне соответствовала тому отношению, в какое стал к восстанию Лютер, отвечавший впоследствии на упреки в жестокости, что мятежнику не разумом нужно отвечать, а кулаком, да так, чтоб кровь из носа потекла, и что «кто не хочет добром слушать слова Божия, должен слушать палача с топором». Таким образом, реакция, вызванная смутами первой половины двадцатых годов, оказала свое влияние не только в том отношении, что заставила многих отшатнуться от Реформации, но и в том, что среди самих ее сторонников явилось недоверчивое и даже враждебное отношение к народному движению. После 1525 г. и получают поэтому дальнейшее развитие как распадение Германии на два лагеря, так и реакционное настроение среди не одних католиков, но и среди сторонников Реформации. Вслед за подавлением великого мятежа лютеранство стало с особенной жестокостью преследоваться во владениях вюрцбургского и бамбергского епископов, в Франконии и Швабии, в габсбургских землях, где евангелических проповедников вешали и жгли. Герцог Саксонский Георг равным образом предавал казни проповедников нового учения и даже хлопотал о заключении между северногерманскими князьями для подавления Реформации — союза, подобного регенсбургскому соглашению южнонемецких правителей. Курфюрст Саксонский Иоанн, сменивший Фридриха Мудрого, и его зять Филипп Гессенский, однако, остались верными Реформации, да и вообще то обстоятельство, что ни рыцарская, ни крестьянская смута не коснулась Северной Германии, было весьма благоприятно для лютеранской Реформации. Названные князья даже заключили между собою союз осенью 1625 г., пригласив к участию в нем других князей, но вообще решено было подвергнуть рассмотрению религиозные дела на Шпейерском сейме следующего года.

В первой половине двадцатых годов император Карл V вел свою войну с Франциском I и отсутствовал в Германии: без него началась Реформация, произошли оба восстания, усмирённые князьями. Но в 1525 г. французский король был побежден и взят в плен в битве при Павии, а в начале января следующего года между ним и Карлом V состоялся в Мадриде мир, по которому Франциск I отказывался от всех своих притязаний на итальянские владения

и уступал императору все земли бургундского наследства, и оба государя обязывались действовать сообща против турок и еретиков, покинувших лоно Св. Церкви. У Карла V теперь руки были развязаны для того, чтобы действовать в Германии, а к этому его приглашали, между прочим, некоторые духовные князья, встревоженные проектами отнять земли у всех духовных владельцев. Прежде всего Карл V отправил к некоторым князьям декларацию о необходимости подавления ереси и заключения Католического союза, но и евангелические князья собирались отстаивать себя, примкнув к Саксонско-гессенскому союзу (в Тюргау и Магдебурге в первой половине 1526), несмотря на то что Лютер порицал намерение сопротивляться императору и защищать силой всемогущее Слово Божие. В то самое время, однако, когда в мае 1526 г. собрался Имперский сейм в Шпейере, Франциск I и Климент VII заключили союз против Карла V, что расстраивало все его политические планы и снова создавало благоприятное для Реформации положение в Германии. На Шпейерском сейме комиссары императора и католические князья требовали исполнения Вормского эдикта, налагавшего на Лютера и его сторонников имперскую опалу, но они не были достаточно сильны, чтобы на этом настоять, да и обстоятельства быстро изменились, когда императору пришлось начать войну с папой. К концу сейма из Испании было получено императорское повеление, отменявшее Вормский эдикт и возвещавшее, что решение религиозных споров будет предоставлено Вселенскому собору. 27 августа сейм постановил, что в религиозном вопросе каждый имперский чин будет до разрешения спора на Вселенском соборе действовать так, как сочтет это нужным, чтобы быть правым перед Богом и императорским величеством. Это сеймовое постановление было в высшей степени важно: *им впервые устанавливался принцип, по которому вероисповеданием князя определялось вероисповедание страны*, принцип, выраженный впоследствии в знаменитой формуле: «*cuius regio, ejus religio*», т. е. чья страна, того и вера, причем одинаковое право с князьями получали и правительства имперских городов и даже имперские рыцари. Своим постановлением 27 августа 1526 г. Немецкий Имперский сейм предоставлял светским властям, хотя и временно только, решать религиозный вопрос по собственному усмотрению, чем *Церковь ставилась как бы в зависимость от государства и государственной власти давалось право производить церковные преобразования*. Таким образом, в 1526 г. в Шпейере князья, только что победившие рыцарей и крестьян, получили новое расширение своей власти, делавшее их независимыми от центрального правительства в одном из самых существенных вопросов, какие только подлежали тогда решению, и *способствовавшее усилению политического раздробления Германии*. Для лютеранства такое решение было выгодно: сейм дал ему возможность консолидироваться под покровительством князей, которые теперь по праву могли так или иначе решать в своих владениях религиозный вопрос, но эта выгода относилась лишь к утверждению

и распространению лютеранизма, отнюдь не к внутреннему его развитию, ибо шпейерский принцип давал территориальным властям право принуждения своих подданных, раз каждый имперский чин мог действовать в религиозном вопросе так, как считал это совместным со своими обязанностями по отношению к Богу и императору, совсем не обязанный принимать в расчет желания своих подданных.

Собственно говоря, только после Шпейерского сейма 1526 г. стала вводиться в княжествах и имперских городах, принявших Реформацию¹, новая церковная организация. Ранее всего приступил к этому делу Филипп Гессенский, пригласивший на совещание о введении нового устройства Церкви земское духовенство, дворянство и горожан, но выработанные на этом совещании (в Гомберге в 1526) правила были впоследствии заменены составленными по образцу виттенбергских. Гомбергский сейм думал дать Церкви демократическое устройство: отдельные религиозные общины с внутренним самоуправлением и выборными представителями должны были высылать духовных и светских депутатов на ежегодные синоды, которым подлежало решение спорных дел, и, кроме того, учреждался особый комитет, члены которого назначались бы ландграфом и дворянством для заведования текущими делами между собраниями синодов и для того, чтобы руководить совещаниями последних. Не так представлял себе правильное церковное устройство Лютер, который сам незадолго перед тем (1523) писал еще пражским уtrakвистам, что они имеют право сами выбирать себе епископов и пастырей: к 1526 г. у него окончательно сложилось то убеждение, что епископская власть в Церкви должна быть передана государям. Мы видели выше, как у него сложился такой взгляд, естественно и необходимо вытекавший из того отношения, в какое поставили его к светской власти его заботы о церковной реформе и его недоверие к общественным силам, особенно после сильно его потрясшей Крестьянской войны. Лютеранские князья сделались верховными правителями (*summi episcopi*) церквей в своих землях, поручив надзор за церковной жизнью суперинтендентам, а с середины тридцатых годов учредив консистории с административной и судебной властью над духовенством. Введение нового богослужения и церковного устройства сопровождалось секуляризацией собственности церквей и монастырей. Лютер хлопотал о том, чтобы хотя бы часть доходов с секуляризованных имений шла на содержание храмов и священников, школ и учителей, а также бедных, но лишь в отдельных случаях эти доходы получали такое назначение, да и то не везде, ибо в большинстве случаев *бывшие духовные имения обращались князьями в личную пользу или раздавались приближенным*, — явление, с которым мы встречаемся в истории Реформации и вне Германии. Католические князья следовали примеру лютеранских и равным образом

¹ Саксония (курфюршество), Гессен, Ангальт, Франкония, Люненбург, В. Фрисландия, Шлезвиг-Гольштейн, Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Страсбург и др.

производили у себя конфискации церковных имений, что дало повод Лютеру шутить над их лютеранским усердием, превосходившим усердие самих лютеран.

Отдача реформированной Церкви во власть князей далеко не соответствовала той религиозной свободе, защитником которой был Лютер в первые годы второго десятилетия XVI в. Реформатор не удержался на высоте своего принципа, и мы вообще знаем, какие были причины этого явления, о котором нам придется говорить еще и в другом месте. Его отношение к Карльштадту и Фоме Мюнцеру указывало уже на то, что реформатор не проявит особой терпимости к религиозному с ним разномыслию. Одновременно с лютеранством стала распространяться в юго-западной Германии возникшая в Цюрихе Реформация Ульриха Цвингли. Цвингли несогласно с Лютером учил о причастии, отвергнув принятое виттенбергским реформатором «действительное присутствие Христа» в евхаристии и признав в ней только символ, т. к., по его толкованию, слово — «есть» в тексте: «сие есть тело мое» и «сия есть кровь моя» равносильно выражению — «обозначает, знаменует». Между Лютером и Цвингли с их сторонниками произошла по этому поводу полемика, в которой на дружелюбные объяснения цюрихского реформатора Лютер отвечал весьма запальчиво. В 1529 г., что мы еще увидим, протестантам, как стали с этого года называться последователи нового учения, грозила опасность со стороны католиков, заставившая курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского заключить тайное соглашение с Нюрнбергом, Ульмом и Страсбургом для взаимной защиты, но когда Лютер и Меланхтон узнали об этом союзе, то настояли, чтобы курфюрст отказался от единения с городами Ульмом и Страсбургом, принявшими цвинглианское учение о евхаристии. Он даже одобрил, что Шпейерский сейм 1529 г., дав терпимость лютеранству, исключил из этого постановления цвинглианцев, — и советовал курфюрсту держаться по отношению к ним сеймового постановления. С большим трудом только удалось Филиппу Гессенскому, дорожившему союзом с швейцарцами, устроить между Лютером и Цвингли диспут в Марбурге. Уже раньше на попытки страсбургских богословов Вуцера и Капитона смягчить вражду Лютера против Цвингли он отвечал, что между Христом и Велиалом не может быть общения, да и теперь, уступая желанию ландграфа, он поехал в Марбург, заявив, что не сделает ни малейшей уступки. На диспуте реформаторы и их сторонники пришли к соглашению по всем основным пунктам догматического характера, за исключением именно вопроса о евхаристии. Лютер написал на столе греческое слово *ἐστί* («есть») и постоянно на него указывал, требуя буквального его понимания и этим главным образом опровергая Цвингли. Цюрихский реформатор тем не менее предложил Лютеру примирение. «Будем, — сказал он, — исповедовать наше единение во всех отношениях, где оно существует, а что касается до других сторон, то будем помнить, что мы — братья. Никогда, — прибавил он, — не будет мира

между церквами, если при полном сохранении великого учения об оправдании посредством веры нельзя различаться по второстепенным пунктам». Лютер не принял протянутой ему руки и на выраженное его противником желание быть единомышленными отвечал: «Ваш дух не тот, что наш». Филипп Гессенский, все время хлопотавший о соглашении обеих сторон, стал убеждать Лютера не отказывать в братской любви швейцарским реформаторам. «Я не отказываю им в той любви, какую христианин обязан иметь к врагам», — сказал на это Лютер¹.

В Марбурге все-таки обеими сторонами подписано некоторое соглашение, касавшееся 14 пунктов и заключавшее в себе указание на то, в чем обе стороны не согласны и в чем согласны относительно евхаристии. Цвингли придавал этому акту большое значение, говоря, что Лютер тем самым отрезал себе путь возвращения к папизму, на которое он считал его еще способным. Среди лютеранских богословов были действительно такие, которые были готовы на уступки католицизму. «Аугсбургское исповедание», отредактированное главным образом Меланхтоном для представления Карлу V (в 1530), излагало евангелическое учение так, что особенно подчеркивалось все, в чем оно было сходно с католическим и чем, наоборот, отличалось от цвинглианского, и Лютер находил, что в этом исповедании сделано уступок более, чем следовало бы делать. Равным образом, когда Карл V устроил комитет из князей, юристов и богословов обеих партий, католической и евангелической, для выработки соглашения, протестантские богословы выказали большую уступчивость, согласившись даже признавать папскую власть под условием свободы евангелического учения, так что дело принимало характер подчинения лютеран старой Церкви, если бы только с ее стороны сделаны были кое-какие уступки. Но на последние не соглашались католики, Лютер же был принципиально против этих переговоров, так что едва ли были справедливы предположения Цвингли относительно возможности возвращения самого Лютера к католицизму. Но тут была и верная мысль: в глазах реформатора, более последовательно проводившего в своем вероучении и церковном устройстве новые религиозные принципы, лютеранство должно было само казаться возвращением к католицизму. Сам Лютер делался все более и более нетерпимым, искореняя, где это от него зависело, несогласные с его учением мнения: цвинглианство он называл нечестивым, его последователей, как и анабаптистов, — детьми сатаны.

Таким образом, уже во второй половине двадцатых годов XVI в. почти выяснился характер лютеранской Реформации. Господами положения были князья, и Реформация приняла чисто княжеский характер. Но весь религиозный вопрос не был еще решен, т. к., хотя князья и после того продолжали переходить на сторону нового учения, многие оставались еще в лоне старой

---

¹ *Erichson. Das Marburgér Religionsgespräch.*

Церкви, а к этому присоединялась еще конкуренция, какую делало лютеранству учение Цвингли, чем дело Реформации только более усложнялось: Германия разделилась на два лагеря, и в одном из этих лагерей был еще свой раскол. Существовал, помимо этого, и политический вопрос: наступило время, когда Карлу V представилась возможность вмешаться в германские дела, а это вмешательство не могло не затронуть основного внутреннего вопроса Германии — отношения между императором и князьями. Этот вопрос главным образом и решается в следующую четверть века (1530—1555) в связи с дальнейшим ходом религиозной Реформации. Около 1530 г. немецкая история той эпохи вступает в новый фазис: общественные и народные движения предыдущих лет уступают место борьбе между государственными властями, и в то же самое время религиозная Реформация из живого национального дела превращается в дело князей, на долю которых выпадают главные выгоды церковных преобразований. Этими двумя чертами и характеризуется следующий период, к истории которого мы теперь и перейдем.

XIII. Князья и император¹

Соображения немецких историков об исходе реформационного движения в Германии. — Поведение Карла V. — Борьба между императором и князьями. — Война Карла V с Франциском I и папой. — Шнейерский сейм 1529 г. — Значение «протестации» и вопрос о сопротивлении. — Аугсбургский сейм и «исповедание». — Шмалькальденский союз. — Распространение протестантизма в тридцатых и начале сороковых годов. — Шмалькальденская война и победа Карла V. — Аугсбургский интерим. — Борьба князей с Карлом. — Пассауский договор и аугсбургский религиозный мир. — Политические итоги немецкой Реформации.

Реформация в Германии началась снизу, но главные от нее выгоды достались князьям. Немецкие историки, оценивающие Реформацию с точки зрения политических интересов своей родины, нередко указывают на то, что Реформация могла бы получить иной исход, если бы осуществились лучшие стремления вождей общественного движения, закончившегося катастрофой 1525 г. В частности, они указывают на то, что если бы в 1524 г. была осуществлена «умеренная и справедливая» программа «Двенадцати статей», то Германия избежала бы многих бедствий и нация не испытала бы дурных последствий, какие обыкновенно влечет за собой неудавшаяся революция. С такой точки зрения особенно выдвигается вперед гейльброннский проект переустройства Германии в политическом отношении: в этом проекте видят «удивительное сходство» с программой 1789 г. и думают, что если бы план нового политического строя, принятый на Гейльброннском съезде восставших крестьян, был осуществлен, то Германия достигла бы и государственного единства, и общественной свободы, которым, наоборот, был нанесен удар тем исходом, какой имела Реформация. Не всегда с достаточной подробностью разбирая вопрос о том, насколько Германия, — где еще силен был партикуляризм земель и сословий и не существовало общественных элементов, которые могли бы сделаться опорой политической свободы во всей стра-

---

¹ Отдельные моменты истории Германии в эпоху Реформации стали предметом большой литературы. Кроме сочинений, называвшихся раньше, см.: *Redlich*. Der Reichstag von Nürnberg von 1522—1523. — *Richter*. Der Reichstag zu Nürnberg, 1524. — *Friedensburg*. Der Reichstag zu Speier, 1526. — *Ney*. Geschichte des Reichstags zu Speier im Jahre 1529. — *Heyd*. Herzog U. von Württemberg. — *Wille J.* Philipp von Hessen und die Restitution Ulrichs von Württemberg. — *Moses*. Die Religionsverhandlungen auf dem Reichstage zu Regensburg, 1541. — *Varrentrapp*. Hermann von Wied und sein Reformationsversuch. — *Maurenbrecher W.* Karl V und die deutschen Protestanten, 1545—1555. — *Langenn*. Moritz, Herzog und Kurfürst von Sachsen. — *Heister*. Die Gefangenschaft Philipps des Grossmütigen. — *Beutel*. Ueber den Ursprung des Augsburger Interims. Один этот список, в который не вошли указания на статьи в Hist. Zeitschrift, Hist. Taschenbuch и др. изд. и на местные истории, может служить свидетельством разработанности этой эпохи в немецкой исторической литературе.

не, — была готова «к тому, чтобы получить государственное единство и превратиться в свободную страну, не всегда даже ставя вопрос о том, насколько осуществимые вообще политические программы вождей общественного движения были выполнимы именно при тогдашних условиях, в каких приходилось развиваться немецкому народу, хотя бы некоторые из этих условий и могли быть устранены, национальные немецкие историки, сетующие на то, что Реформация не дала иных результатов, каких от нее ожидали лучшие люди эпохи, пытаются в том или другом единичном факте или в двух-трех таких фактах искать причину неудачи, но в каждом таком их объяснении есть лишь известная доля истины. Весьма трудно в истории судить о том, что было бы, если бы не было того-то и того-то, но этот прием помогает анализировать сложные причины сложных событий и с большей или меньшей вероятностью определять значение каждой отдельной причины. Само собой разумеется, что здесь мы не можем входить в подробный анализ причин неудачи общественного движения в Германии в начале реформационного периода и разбирать вопрос о шансах, какие имело бы то или другое из существовавших тогда направлений при легком изменении условий, зависившем иногда непосредственно от поведения отдельных личностей, но на некоторых соображениях историков следует остановиться. В том, что общественное движение в Германии понесло поражение, историки, сочувствующие Лютеру, обвиняют, между прочим, те крайние и неумеренные требования, с какими выступил Фома Мюнцер, и в этом есть доля правды, поскольку характер, который Мюнцер придал восстанию, отвратил от последнего многих раньше ему сочувствовавших, хотя для князей и господ и «двенадцать статей» казались достаточно крайними, да и вина за жестокости, совершенные в Крестьянскую войну, не может целиком падать на одну анабаптистскую программу. Гораздо более истины заключают в себе указания на поведение Лютера, ставимое ему одними историками в заслугу, другими в укор. Когда Лютер, говорит, например, Гейсер, отрекся от всякого участия в восстании и затем произнес против него свое резкое осуждение, тогда и все немецкое среднее сословие, великий ратный стан его партии, обратилось против этого движения, что в принципе и решило его участь. Оставляя в стороне долю преувеличения, заключающуюся в этих словах, нельзя не согласиться с тем, что авторитет и веское влияние Лютера действительно играли роль в этом деле, и, например, Циммерман прямо ставит в вину Лютеру, что он помешал движению 1524—1525 гг. принести свои хорошие результаты, но мы уже видели, что в данном случае историческая наука должна не столько оправдывать или осуждать исторического деятеля, сколько объяснять его поведение, и что Лютер именно так, а не иначе только и мог отнестись к политическим вопросам своего времени, как отнесся к ним в действительности.

То же самое рассуждение мы должны применить и к оценке роли Карла V в истории немецкой Реформации. Мы выше рассматривали вопрос,

чем в его положении и при его характере должны были определяться его отношения к Германии и к религиозной Реформации, и при этом обратили внимание на те обстоятельства, которые держали его далеко от Германии, когда в ней происходили известные события двадцатых годов XVI в. Поведение Карла V в событиях реформационной эпохи не раз было предметом критики, и, между прочим, с точки зрения немецких национальных интересов, государственных и церковных, ему ставилось в вину, что он не стал во главе охватившего Германию в начале его царствования политического и религиозного движения. Действительно, если бы немецким императором в эту эпоху был другой человек, которому были бы понятны стремления немецкой нации, и если бы такой государь сумел отрешиться от традиционного смешения власти германского национального короля с властью императора универсальной католической империи, да не был вдобавок проникнут идеями и стремлениями абсолютизма, недоверчиво относившегося к общественным движениям и народным силам, он мог бы воспользоваться стремлениями, проявившимися в немецкой нации в начале XVI в., чтобы освободить Германию от римской курии, дать ей политическое единство и удовлетворить при этом народным желаниям. Говорят, что кардинал Гранвелла советовал Карлу V войти в соглашение с партией, которая желала государственного переустройства Германии, но у императора были тогда другие дела и задачи, отвлекавшие его в иную сторону. Нельзя, однако, отрицать у Карла V существования мысли об объединении Германии и о борьбе с папством, но первое стояло у него далеко не на главном плане и представлялось ему как только могло представляться абсолютисту, образовавшему свои политические взгляды в школе макиавеллизма, отношения же его к папству определялись не интересами его подданных, а его собственными властолюбивыми стремлениями и перипетиями его международной политики.

Как бы там ни было, во время решительных событий, происходивших в Германии, Карл V отсутствовал, и, пользуясь этими событиями, князья сделали в короткое время большой шаг вперед в утверждении и развитии своей власти. Когда император наконец получил возможность приехать в Германию, положение вещей было в ней совершенно иное сравнительно с тем, какое он оставил, уезжая из страны после Вормсского сейма. *Если Реформацией, начавшейся в Германии снизу, воспользовались князья и, наоборот, совсем не воспользовался император, которому не могло быть приятно развитие княжеской власти, то при существовании в стране антиреформационной партии и при антиреформационном настроении императора было еще вопросом, удержат ли князья занятую позицию и удержится ли сама Реформация.* Таков был главный смысл событий, происходивших в Германии в тот период, когда Карл V мог более решительно действовать в Германии, и в связи с религиозными отношениями между двумя лагерями, на какие распались князья,

должен был решаться старый политический вопрос о взаимных отношениях между князьями и императором. Возможные союзники последнего, рыцари и крестьяне, понесли поражение, а ненациональная и деспотическая политика Карла в конце концов возбудила против него народное чувство, и в решительную минуту князья выступили против него как защитники национальной свободы против иностранного деспота, что привело их к новой победе, на этот раз к победе над представителем государственного единства Германии.

Подробное изложение событий, общий смысл которых только что указан, не входит в наш план: мы остановимся только на главных и существенных моментах. Победа Карла V над Франциском I (1525) и Мадридский мир (1526) должны были встревожить папу Климента VII, которого не примиряло с этими событиями взаимное обещание императора и короля содействовать друг другу в искоренении ереси: Климент VII из фамилии, обладавшей в Италии одним из лучших княжеств, и сам, как папа, владевший большой итальянской областью, следовал политике своих предшественников, для которых интересы Церкви, как их понимали средневековые папы, отодвигались на задний план сравнительно с интересами чисто светского характера. С другой стороны, и Франциск I не мог примириться ни со своим поражением при Павии, ни с условиями Мадридского мира, подписанными им в плену. Весной 1526 г. между папой и французским королем в Коньяке была заключена лига против императора и началась новая война, а менее чем через год после заключения лиги армия Карла V, в которой были немецкие ландскнехты, предводимые Георгом Фрундсбергом, взяла приступом и разграбила Рим (в мае 1527). Война окончилась в 1529 г. миром с папой (Барселонским в июне) и с Францией (Камбрейским в июле), по которым Карл V делал обоим противникам уступки, несмотря на свой перевес, и возобновлялся прежний союз против еретиков. Теперь Карл мог явиться в Германию, явиться сюда победителем, успех которого должен был содействовать авторитетности его требований. Еще до окончательного примирения императора с противниками, его вице-канцлер ездил по князьям и объявлял, что ересь должна быть подавлена, обещая покорным императорское благоволение и грозя всякому, кто откажется от повиновения. В феврале 1529 г. был собран в Шпейере сейм, на котором от имени императора сделано было предложение восстановить Вормсский эдикт, мотивом же выставлялось то, что решение 1526 г., отдавшее церковные дела на волю каждого отдельного имперского чина, подало повод к возникновению разных ужасных сект. Сеймовая комиссия, состоявшая в большинстве из католиков, выработала на основе этого предложения проект решения, которым не дозволялось князьям и городам, принявшим Вормсский эдикт, отступать от него, а где нельзя было без новых смут его исполнять, там запрещались дальнейшие новшества и должна была быть дозволена католическая месса для желающих, затем запрещалось отнимать у духовных

власть и доходы и объявлялось, что анабаптисты и секты, отвергающие таинство евхаристии, не должны быть терпимы; за нарушение прав Католической Церкви налагалось наказание, как за мятеж. Сравнивая настроение имперских чинов по отношению к Реформации на сеймах 1523, 1526 и 1529 гг., мы замечаем все более и более реакционное настроение большинства, которое теперь и выразило свое согласие подчиниться Вормсскому эдикту на условиях, выработанных комиссией, но меньшинство составило протест против этого постановления, исходя из того принципа, что в делах веры не может быть решения по большинству и меньшинству, а только по внушению собственной совести, но в то же время требуя, чтобы осталось в силе постановление 1526 г., которым религиозные дела отдавались на совесть не каждого отдельного лица, а только имперских чинов, получавших право реформировать или не реформировать Церковь в своих владениях. В этом заключалось одно из противоречий немецкой Реформации: *она провозглашала принцип свободы совести, но применяла его лишь к властям*, лишая подданных этой свободы. Протест был подписан пятью князьями (между другими курфюрстом Саксонским и ландграфом Гессенским) и уполномоченными 14 имперских городов, которые все и получили название протестантов, распространившееся впоследствии на всех оставивших Католическую Церковь. Несомненно, это было актом неповиновения императору: князья и имперские города сами становились в положение подданных и заявляли, что во всем остальном они готовы повиноваться императору, но только не в таких вещах, которые касаются славы Божией и спасения души. Таким образом, здесь заявлялся принцип невмешательства государственной власти в дела совести, но заявлялся он как раз теми самыми князьями, которые, будучи государями в своих владениях, делали в них и верховными устроителями церковных дел. Иоанн Саксонский и Филипп Гессенский вошли в особое соглашение с тремя протестантскими городами, в числе которых два было цвинглианских (Страсбург и Ульм), но Лютер, как было уже сказано, отклонил своего курфюрста от этого союза: между самими протестантами начинались религиозные распри, сильно озабочивавшие Филиппа Гессенского¹.

Между императором и частью князей начинался серьезный раздор на религиозной почве, хотя в политическом отношении имперские чины проявили большую солидарность в защите страны от турок, сделавших в том же 1529 г. страшное нападение на Вену, когда султан Солиман во главе войска в 250 г. задумал совершить новые завоевания и двинулся на христианский Запад: католические и протестантские князья (и между последними особенно Филипп Гессенский) спасли Вену от осады. Карл V отнесся с сильным раздражением к шпейерской протестации и потребовал от подписавшихся под ней подчинения воле сейма под страхом наказания. В протестантах боролись еще

---

¹ В 1529 г. после Шпейерского сейма был и Марбургский диспут.

противоположные чувства, которые определялись ими как обязанности по отношению к Богу и по отношению к императору, а голос Лютера склонял их к непротивлению: в правах императора он видел продолжение неограниченной власти римских цезарей и ветхозаветных царей; он содействовал тому, чтобы в освобождении Вены приняли участие и протестанты; ему представлялось даже, что сам Карл должен считать его сторонником своей власти и защитником порядка по той роли, какую он играл в протестантских княжествах. Одним словом, на сопротивление императору он смотрел теми же глазами, какими глядел за несколько лет перед тем на затеи Ульриха фон Гуттена и на крестьянское восстание. Другие понимали дело иначе, говоря, что угнетаемый имеет право обороны и что власть, данная от Бога, перестает быть законной, раз она восстает против Бога или нарушает условия, на каких был избран ее носитель, — мысль, сделавшаяся весьма популярной в следующем периоде реформационной эпохи и уже в других странах, где сторонниками ее стали не князья, как в Германии, а высшие общественные классы и даже народные массы. Тем не менее в связи с протестацией 1529 г. *ставился вопрос о праве с оружием в руках отстаивать свободу совести*, хотя и в данном случае, и здесь это право принималось только по отношению к имперским чинам, которые не признали бы такого же права за собственными подданными. По этому вопросу у немецких протестантов, среди которых был и религиозный раскол (лютеранство и цвинглианство), не было тогда единогласного решения.

В 1530 г. Карл V после долговременного отсутствия приехал в Германию, назначив собрание имперского сейма в Аугсбурге. Сейм этот отличался особенным блеском, пышностью и торжественностью: император, вообще не любивший церемоний, на этот раз хотел явить себя перед собравшимися имперскими чинами и народом во всем своем величии. Победитель папы и французского короля, владыка мира, только что коронованный императорской короной (Климентом VII в Болонье в том же 1530), защитник Церкви, с главой которой у него состоялось соглашение, он думал теперь, что ему и в Германии легко будет установить тот порядок, какой ему хотелось. Но на требование, предъявленное им протестантам, покориться его воле он получил отказ, мотивированный тем, что в делах совести не имеет силы никакое императорское повеление. Начитанный в Св. Писании и отцах Церкви, Филипп Гессенский стал доказывать ему истинность евангелического учения, но когда Карл прервал его, старый маркграф Георг Ансбахский бросился перед ним на колена и решительно заявил, что он скорее готов сложить голову, чем отступить от слова Божия. «Любезный князь, — возразил ему Карл на ломаном нижненемецком наречии, — голову не надо прочь, голову не надо прочь» (l^öwer Först, net Kop ab.). Когда Карл V выразил желание, чтобы князья присутствовали на процессии Божия тела, протестанты не явились, и даже лютеранское богослужение стало отправляться в Аугсбурге в помещениях князей и богатых патрициев. Между тем по желанию Карла иметь письменное изло-

жение мнений членов сейма по религиозному вопросу составлена была — издавна, впрочем, вырабатывавшаяся и окончательно отредактированная Меланхтоном — «апология», главной целью которой было оправдать евангелическое учение от обвинения в ереси. Документ этот, получивший название аугсбургского исповедания (*Augsburger Confession, confessio augustana*) как изложение лютеранского учения, был подписан всеми лютеранскими князьями и представителями двух имперских городов. С противной стороны по желанию императора последовало опровержение (*confutatio*), составленное 19 католическими богословами, но несколько измененное потом по требованию императора, который и приказал, чтобы курфюрст саксонский со своими товарищами и богословами присоединился к этому акту. В поведении Карла V на Аугсбургском сейме мы уже встречаемся с некоторыми чертами, указывавшими на то, что и себе (хотя бы и вместе с сеймом) император приписывал право решения религиозного вопроса, кроме того, что светское государственное учреждение делало постановления церковного характера. Видя, что папа не хочет созывать собора, Карл решился кончить дело о Реформации сам, устроив уже раньше нами упоминавшийся комитет для выработки соглашения между католиками и лютеранами, но из этой попытки ничего не вышло и дело отлагалось до созвания Вселенского собора. В конце концов Карл, понимавший невозможность решительных мер ввиду недоверчивого и даже враждебного отношения католических князей (особенно Баварии) к габсбургской политике¹, предложил сейму отсрочить дело до весны следующего года (именно до 15 апреля): этим постановлением князьям давалось время одуматься, а затем они должны были воссоединиться с Католической Церковью под страхом насильственного подавления их «ереси». Протестантские чины (в том числе и лютеранские и цвинглианские города) протестовали против такого решения, в силу которого они должны были восстановить в своих владениях старые церковные порядки и признавать папскую власть до решения религиозного вопроса на Вселенском соборе. Ответом на угрозы императора и католиков было заключение в самом конце 1530 г. и начале 1531 г. в Шмалькальдене союза протестантских князей и городов, во главе которых стали курфюрст саксонский и ландграф гессенский: целью союза была взаимная оборона от нападения. Лютер и богословы, учившие о непротивлении, должны были сдаться перед доводами юристов, доказывавших, что император Германии, выбираемый наследственными князьями, не имеет прав неограниченного императора Древнего Рима, ибо власть ему дается договором, за нарушение которого ему можно оказывать сопротивление. Отмечаем это юридическое толкование не только потому, что

---

¹ Баварский герцог Вильгельм интриговал против Габсбургов, желая сам быть выбранным в короли, что заставило Карла V поспешить с избранием своего брата Фердинанда, состоявшимся в январе 1531 г. при протесте не только протестантов, но и Баварии: Фердинанд должен был управлять Германией в отсутствие императора.

им оправдывалось не допускавшееся Лютером сопротивление, но и потому, что с той же самой идеей мы встречаемся в истории реформационного движения и в других странах с перенесением права сопротивления незаконным требованиям высшей власти с местных правительств на весь народ в лице его сословных представителей: одинаковые обстоятельства порождали одинаковые доктрины, применение которых разнообразилось в зависимости от местных условий.

Аугсбургские угрозы не были приведены в исполнение весной 1531 г.: с одной стороны, образовался вооруженный союз против решения сейма, с другой — Карл опасался Франции и Турции и не доверял католической Баварии, протестовавшей против избрания его брата в короли, да и других католических князей, недовольных преобладанием Австрии. Для ведения войны с турками, угрожавшими габсбургским землям, нужно было примириться с протестантами: Карл V вступил в переговоры со шмалькальденцами через пфальцкого и майнцкого курфюрстов к великой радости Лютера, советовавшего своему курфюрсту согласиться на требование католиков, чтобы свобода протестантского исповедания была признана только за членами Шмалькальденского союза и их подданными и чтобы союз отказался от покровительства своим единоверцам вне союза¹, тогда как Филипп Гессенский стоял на противоположной точке зрения. Летом 1532 г. состоялось в Нюрнберге соглашение такого содержания: князья и города, принявшие уже аугсбургское (отнюдь не цвинглианское) исповедание, оставались при нем, но отказывались от защиты его последователей в других владениях, и такое положение дел должно было продолжаться до решения религиозных споров собором, а если он не будет созван, то, по крайней мере, имперским сеймом. Постановлением нюрнбергского религиозного мира, заключенного уполномоченными императора и Шмалькальденского союза, были недовольны обе стороны, но общее положение дел отсрочивало столкновение враждебных сил, тем более что и Карл V снова был отвлечен от внутренних дел Германии своей сложной внешней политикой. Огражденная нюрнбергским трактатом Реформация могла спокойно утверждаться и даже распространяться на новые земли, хотя по смыслу соглашения 1532 г. должен был поддерживаться *status quo ante*. В 1534 г. введена была Реформация в Вюртенберге. Это княжество после изгнания из него жестокого герцога Ульриха находилось под габсбургским правлением, занятое войском императора, но это правление было такого рода, что население ста-

---

¹ Характерно рассуждение Лютера, сводящееся к следующему: не нужно делать другим того, чего не хочешь получать от других, и если ни один протестантский правитель не желает, чтобы другие князья принуждали его позволять подданным старую веру, то не нужно принуждать князей противной стороны, чтобы они позволяли своим подданным новое богослужение, да и императора с другими князьями нельзя принудить распространить на других личную привилегию, даруемую членам Шмалькальденского союза.

ло желать возвращения своего прежнего князя, особенно ввиду прекрасных душевных качеств его наследника Христофора, принявшего притом Реформацию, к которой в стране было большое тяготение. Ульрих, бывший раньше готовым соединиться с мятежными крестьянами, лишь бы при их помощи вернуться в свою родовую землю, обнаруживал склонность к тому, чтобы допустить Реформацию в Вюртенберге, если бы это ему помогло вернуться к власти. В Шмалькальденском союзе явилась мысль реставрировать Ульриха в Вюртемберге и ввести там протестантизм, и хотя курфюрст Саксонский (Иоанн Фридрих, сын Иоанна, умершего в 1532 г.), равно как и Лютер, были против этого, Филипп Гессенский взял дело на свой страх при денежной помощи со стороны Франции и протестантских князей и городов. Но это был только самый рельефный случай введения Реформации в новом княжестве, т. к. тут отнято было Вюртембергское герцогство не только у Католической Церкви, но и у императора и его брата Фердинанда, оставшегося без союзников: Реформация распространялась еще и в других местностях. Тогда главные католические князья с королем Фердинандом заключили свой союз в Нюрнберге (1538), не имевший, впрочем, большого значения, т. к. внешними обстоятельствами Карл V вынуждался делать протестантам все новые и новые уступки, а Нюрнбергский союз был плохо организован. В 1539 г. Реформация сделала еще важные приобретения, когда умер саксонский герцог Георг, а его преемник Генрих, поддерживаемый Шмалькальденским союзом, ввел Реформацию и в альбертинской Саксонии при содействии светских сословий ландтага, и когда Иоахим II, курфюрст Бранденбургский, уступая народному желанию, ввел и у себя лютеранизм с некоторыми особенностями, отличавшими местную Реформацию от бывшей общераспространенной в других княжествах. В 1542 г. Шмалькальденский союз напал на брауншвейгского герцога, который должен был бежать из своих владений, и здесь курфюрст Саксонский и Филипп Гессенский ввели также протестантизм. Лютеранская пропаганда действовала успешно и в католических землях, приобретая множество последователей, в то время как даже и некоторые духовные владельцы стали принимать протестантизм. Все это должно было сильно тревожить Карла V, занятого тогда войной с Францией и турками, но особенно сильно на него должно было подействовать то, что один из духовных курфюрстов, Герман фон Вид, архиепископ Кельнский, также надумал ввести в своих владениях Реформацию, испросив на это согласие светских чинов местной сейма и поручив составление проекта Реформации Меланхтону и Буцеру (1543). «Примеры введения протестантизма духовными владельцами были и раньше, причем последние, как и Герман фон Вид, опирались на постановление 1526 г., да и соблазн был большой — секуляризовать духовное владение и сделаться наследственным князем по примеру гроссмейстера Тевтонского ордена Альбрехта Бранденбургского, секуляризировавшего орденские владения и превратившегося в наследственного герцога Прусского, хотя

и в ленной зависимости от Польши (1525), а в Германии было много духовных княжеств, сохранение которых за католицизмом было весьма важно для старой Церкви. В это время три курфюршества из семи (Саксония, Бранденбург и Пфальц) были уже протестантскими, и присоединение к Реформации четвертого дало бы в курфюршеской коллегии большинство протестантам, что грозило интересам габсбургской династии, за которую Карл V стремился утвердить Германию. Император поспешил заключить мир с Франциском I (в Крепи в 1544), на весьма умеренных условиях, несмотря на военные успехи, и оба государя решили общими силами противиться распространению ереси и всячески ее подавлять. В 1545 г. при посредстве Франции был заключен мир и с турками. Опять у Карла V руки были развязаны, и он мог не опасаться, что шмалькальденцы не станут ему помогать против турок или что вступят в союз с Францией.

В 1545 г. по настоянию Карла V папа Павел III созвал собор в Триденте, но протестанты отказались на него ехать. В 1546 г., в год смерти Лютера, началась война между императором и Шмалькальденским союзом, которой предшествовало подавление кельнской Реформации. Шмалькальденский союз оказался недостаточно дружным и энергичным, и в нем даже происходили ссоры князей с городами; с его стороны ничего не было предпринято для того, чтобы помешать Карлу V стянуть в Германию иностранные войска, на что он и права не имел по избирательной капитуляции 1519 г. От Шмалькальденского союза отделился, далее, герцог Саксонский Мориц¹, преемник Генриха, введшего Реформацию в альбертинской Саксонии: молодой и честолюбивый князь, женатый на дочери Филиппа Гессенского, живший не в ладах с курфюрстом Саксонским Иоанном Фридрихом соединился с Карлом V, имея виды на то, чтобы при его помощи расширить свои владения путем присоединения к ним некоторых епископств, которые-де все равно были бы захвачены Иоанном Фридрихом или вообще не удержатся за Католической Церковью. У Морица не было религиозного убеждения, которыми отличались его родственники, курфюрст и ландграф, и он даже объяснял Карлу V, что Реформация в его владениях введена не по его вине: это был типичный представитель нового поколения князей одной политической школы с Карлом V, человек, у которого было очень мало общего со старыми князьями, лояльно относившимися к своим имперским обязанностям и искренне убежденными в истинности своих верований. Кроме того, Морицу Карл V обещал сан курфюрста. — Военные действия со стороны императора были весьма успешны: одни за другими города и целые области должны были подчиняться его испанскому войску; в 1547 г. в битве при Мюльберге был взят в плен Иоанн Фридрих Саксонский, у которого император отнял сан и «конфисковал» владения, передав первый и часть вторых Морицу

---

¹ Мориц родился в 1521 г.

(другую часть получил Фердинанд); Филипп Гессенский был заманен к Карлу и схвачен, чтобы разделить вместе с курфюрстом Саксонским тюремное заключение, в котором обоих пленников содержали весьма дурно.

Шмалькальденская война кончилась полной победой императора, но это была победа иностранного государя, завоевывавшего Германию иноземным войском. Теперь Карл V мог диктовать свою волю. На сейме 1547—1548 гг. он провел ряд постановлений, которыми обеспечивалось наследственное господство габсбургского дома над Нидерландами как частью империи, причислялись к нарушениям земского мира покушения на церковную собственность, преобразовывался рейхскаммергерихт с переходом к императору права замещать его должности, учреждалась имперская военная казна, которая давала императору средства для содержания войска, готового подавлять всякое восстание. Хотя в начале Шмалькальденской войны и было объявлено, что она ведется против политических мятежников, Карл V задумал потребовать от Германии подчинения его воле и в религиозном вопросе. Таков был именно смысл Аугсбургского интерима 1548 г., временных правил для примирения лютеран с Римской Церковью, выработанных по поручению императора богословами и заключавших в себе смесь католических и протестантских воззрений, а потому не удовлетворявших ни той, ни другой стороны, но сейм был вынужден принять интерим. За несколько лет перед тем другой государь (Генрих VIII в Англии) столь же произвольно распоряжался совестью своих подданных, не удовлетворив своей королевской Реформацией ни протестантов, ни католиков, императорская же Реформация после тридцати лет, проведенных Германией в религиозном движении, имела еще менее шансов на то, чтобы быть принятой, чем упомянутая Реформация королевская. Карлу V пришлось поэтому силой принуждать к принятию интерима, хотя возможным это оказалось только по отношению к южногерманским городам, где прямо испанские отряды производили экзекуцию, тогда как на севере интерим встретил отпор, особенно в Магдебурге. От католиков еще не требовалось его признание, но из протестантских князей его обнародовали только немногие, не встретив повиновения со стороны подданных, да и сам Мориц Саксонский ограничился одним лишь наружным подчинением. Германия снова заволновалась, особенно негодя на саксонского «Иуду-предателя», и князьям *выпало на долю, а в их числе и Морицу, выступить в роли защитников немецкой свободы* от испанского деспота. У немцев явились и союзники: папа, боявшийся усиления императорской власти, утверждения Карла V в Италии и планов его насчет собора, к которому папы относились с недоверием, особенно после Аугсбургского интерима и после того, как император протестовал против перенесения собора из Тридента в Болонью; затем французский король Генрих II, унаследовавший политику своего отца; наконец, Мориц, который был недоволен Карлом V за его поведение по отношению к Филиппу Гес-

сенскому и чувствовал себя крайне неловко, т. к. все его называли изменником. Самовольная расправа Карла V с двумя популярными князьями, лишенными сана и владений, содержавшимися в тюрьме как самые последние воры, и то, что Карл V не остановился даже перед произнесением смертного приговора над Иоанном Фридрихом, задевало всех князей, и в чувстве негодования на императора и испанцев нация была солидарна с князьями: с народом церемонились также очень мало. Испанцы притом поговаривали, что для Германии лучше иметь одного господина, чем столько тиранов, и что принц Филипп (сын Карла) так и сделает, когда займет престол. Тогда Мориц повернул фронт. Ему поручена была осада Магдебурга, но он все затягивал, приберегая свои силы для другой борьбы, вошел сначала в соглашение с маркграфом Бранденбургским, а потом и с другими князьями относительно общих действий в интересах религии и свободы и для освобождения заключенных в тюрьму князей. К союзу примкнула и Франция, давшая денежные субсидии за право занять, хоть и в ленной зависимости от империи, те города последней, где не говорят по-немецки, как то: Камбрэ, Мец, Туль и Верден (1551). Между тем Карл V отклонял все обращавшиеся к нему просьбы отпустить пленных князей и не верил слухам о замыслах «пьяных немцев». В 1552 г. князья обнародовали манифест, в котором говорилось, что они взялись за оружие для освобождения Германии от скотского рабства. Быстрым движением Морица на Тироль беспомощный император, находившийся в Иннсбруке, едва, да и то с великим трудом, спасся бегством. Ему оставалось только поручить своему брату договориться с князьями: Пассауским соглашением 1552 г. было постановлено, что имперские чины, держащиеся аугсбургского исповедания, будут пользоваться свободой до восстановления религиозного единства Германии Вселенским или Национальным собором, совещанием богословов или сеймом, затем отменялся интерим и восстанавливались права тех, на кого Карл наложил опалу во время Шмалькальденской войны. Заставить, однако, императора принять это решение католических и протестантских князей было трудно, несмотря на то что он был побежден. Только в 1555 г. решился великий вопрос Аугсбургским религиозным миром, и в том же году Карл передал своему сыну Филиппу управление Нидерландами, а затем и испанские и итальянские области, чтобы в 1556 г. оставить и имперские дела и отречься от власти для жизни в монастырском уединении¹.

Аугсбургский сейм прекратил религиозную борьбу в Германии и *санкционировал все главные приобретения князей за реформационный период*. Главные постановления этого мира были следующие. Имперские чины, т. е. князья и вольные города, державшиеся аугсбургского исповедания, ограждались от какого бы то ни было притеснения за свою веру, но цвинглиан-

---

¹ Карл V умер в 1558 г. В Германии императором выбрали Фердинанда I.

цы и кальвинисты, сильно заставлявшие говорить о себе в то время, исключались из этого правила. Далее утверждался принцип: «*cujus regio, ejus religio*», в силу которого подданные должны были следовать вере своего правительства, хотя в пользу протестантских подданных в духовных княжествах сделана была оговорка, а другой оговоркой (*reservatum ecclesiasticum*) постановлялось, что если бы епископ задумал перейти в протестантизм, то ему уж нельзя было бы секуляризировать свой лен. Впрочем, обе эти оговорки не были утверждены формальным образом.

Каковы же были политические итоги немецкой Реформации? Их можно выразить в следующих немногих словах. *Реформация содействовала дальнейшему раздроблению Германии, начавшемуся гораздо ранее*, ибо разделила страну на два враждебные вероисповедания, лишь одну ее половину совершенно освободила от Рима, ослабила власть императора, *усилив, наоборот, власть князей*, которые, сокрушив рыцарей и крестьян и победив императора, стали в более или вполне независимое положение по отношению к папе, подчинили себе местное духовенство, секуляризировали церковную собственность и сделались господами в религиозных делах своих княжеств. Дальнейшая внутренняя история Германии заключается в том, что *княжеская власть освобождается от тех ограничений, какие на нее налагались сверху — имперскими учреждениями, и снизу — собраниями земских чинов*: в обоих отношениях они достигают многого во время Тридцатилетней войны и в силу постановлений Вестфальского мира, но и война эта, и мир находятся уже в тесной связи с историей взаимных отношений католицизма и протестантизма.

О культурных результатах Реформации речь будет идти особо.

XIV. Цвинглианская Реформация¹

Германская и швейцарская Реформация. — Политическое состояние и политические вопросы в Швейцарии. — Связь политической реформы с религиозной. — Социальное брожение в Швейцарии. — Общие явления в немецкой и швейцарской истории. — Жизнь и личность Цвингли в сравнении его с Лютером. — Начало евангельской проповеди Цвингли и цюрихской Реформации. — Принятие цвинглианства другими городами и религиозная война. — Сравнение лютеранства и цвинглианства с культурной и политической точек зрения.

Одновременно с Лютером в качестве религиозных реформаторов выступило много других богословов, более или менее отличавшихся друг от друга в подробностях нового учения, но они или примыкали к виттенбергскому реформатору, сделавшись его сторонниками и помощниками, или содействовали лютеранской Реформации, подготавливая для нее почву, бессильные по разным причинам создать такие формы протестантизма, которые могли бы идти в сравнение с лютеранизмом, тем более что и последний не был делом одного Лютера, сумевшего сделаться руководителем целого ряда других деятелей. Одной только форме евангелического учения суждено было с самого начала вступить в соперничество с лютеранизмом: это было цвинглианство, возникшее в двадцатых же годах XVI в. в Цюрихе, принятое некоторыми швейцарскими кантонами и распространившееся в немецких имперских городах. Этой форме не удалось получить в Германии такого же значения, какое выпало на долю аугсбургского исповедания, принятого князьями, но она заняла самостоятельное место в истории религиозных преобразований — и в смысле вероучения, и в смысле церковного устройства. Сравнивая швейцарскую Реформацию с немецкой, мы убеждаемся в том, какое важное значение в деле реформы принадлежало и общим условиям, в каких находилась страна, где возникало движение, и вместе с тем личности реформатора. *Преобладавшей политической формой в германских землях была княжеская монархия, тогда как швейцарские кантоны² были республиками, и это различие*

---

¹ Швейцарская (немецкая) Реформация рассматривается нередко в сочинениях, посвященных Реформации в Германии по связи, которая существовала между обеими странами одного и того же языка и культуры, а кроме того, в общих историях Швейцарии или историях отдельных городов (например, *Bluntschli. Geschichte der Republik Zürich*), особенно же в биографиях Цвингли, принадлежащих многим авторам, из которых назовем *Hoffinger'a*, *Sigwart'a*, *Roeder'a*, *Spörri*, *Mörikofer'a* (лучшая), и в других биографиях (*Herzog. Das Leben Oecolampads und die Reformation zu Basel*). Кроме того, см.: *Escher. Die Glaubensspateien in der Eidgenossenschaft. — Baur A. Zwinglis Theologie, ihr Werden und ihr System. — Usteri. Zwingli und Erasmus. —* О сектантском движении в Швейцарии те же сочинения, которые названы в главах VII и XI.

² Равно как и немецкие имперские города.

отразилось на том направлении, какое приняли две параллельные реформации. Это с одной стороны, а с другой — *в сравнении с Лютером, теологом и мистиком, Цвингли был более гуманист и рационалист*, что опять-таки сказалось на противоположности двух форм протестантизма, получивших свои названия от имен этих реформаторов. Еще более мы убеждаемся в важности индивидуального элемента в истории Реформации, когда знакомимся далее с третьей формой протестантизма, связанной с именем женевского реформатора Кальвина: *созданная им Церковь, как и цвинглианская, получила республиканское устройство, но в вероучении Кальвин занял совершенно особое положение*. Наконец, важен вопрос о моменте, в который возникла та или другая форма. Лютер и Цвингли начали реформировать Церковь одновременно, именно в двадцатых годах, а с проповедью новых религиозных принципов независимо друг от друга выступили и раньше того, именно еще около 1517 г., тогда как Кальвин явился в роли реформатора к концу тридцатых годов; какое это имело значение, мы увидим после.

Итак, говоря о первом периоде швейцарской Реформации, мы должны иметь в виду состояние страны и личность реформатора.

Как и Немецкая империя, Швейцарский союз был федерацией отдельных земель: как Германия по Аугсбургскому миру 1555 г. разделилась официально на католическую и евангелическую, так и Швейцария еще раньше этого (1531) подобным же образом распалась на два исповедания, и это распадение было признано союзом. То есть в обеих странах религиозный вопрос решался в ту или другую сторону каждым княжеством, каждым кантоном отдельно с тем лишь различием, что — помимо, конечно, народного движения — в одном случае действовала княжеская санкция или инициатива, в другом — республиканская. Параллельно с делом церковной реформы и под ее знаменем в Германии решались чисто политические и социальные вопросы, поставленные самой жизнью. То же было и в Швейцарии; только общественные вопросы здесь были иные. Швейцарский союз, возникший в конце XIII (1291) и начале XIV в. и в этом же столетии сделавшийся фактически независимым, складывался постепенно, но так, что первоначальные кантоны (Швиц, Ури, Унтервальден), а за ними и те, которые были старейшими членами союза (Цуг, Берн, Люцерн, Гларус), пользовались некоторыми привилегиями сравнительно с присоединившимися впоследствии, к каковым принадлежал Цюрих. Устройство Швейцарии вообще было весьма пестрое: кроме кантонов, с не совсем равными правами в союзе, существовали еще союзные земли, не пользовавшиеся правами кантонов, и ландфогтства, находившиеся в управлении последних. Весьма естественно, что политическое неравенство отдельных частей Швейцарского союза вызывало взаимное неудовольствие, а запутанность отношений — споры. Другим вопросом было наемничество. В первые два века своей истории швейцарцам приходилось с оружием в руках отбиваться от покушений на их

свободу сначала Габсбургов, потом бургундских герцогов, и только в 1499 г. по Базельскому миру отбилась Швейцария от империи, лишь номинально составляя ее часть после этого. Почти непрерывные войны развили в народе храбрость и воинственный дух, так что европейские государи стали искать союза со Швейцарией для того, чтобы иметь наемные швейцарские дружины в своих войсках: переход от Средних веков к Новому времени характеризуется вообще развитием кондотьерства и наемничества, и швейцарские дружины играли поэтому большую роль в войнах той эпохи. В этом для страны было большое зло, т. к. наемничество вносило деморализацию и в правящие классы, и в народную массу: патрициат, в руках которого была власть, пользовался пенсиями и подарками государей, искавших союза со Швейцарией, и торговал кровью своих сограждан, а также разделялся на враждебные партии, благодаря интригам иностранных правительств, в наемниках же, шедших служить чужим государям, развивалась страсть к легкой наживе, грабежу, пренебрежение к труду, да и не было никакой гарантии против того, чтобы им не случилось сражаться в противных армиях. В 1512 г. будущий швейцарский реформатор в качестве полкового священника сопровождал в Италию гларусское ополчение и искренне еще восторгался подвигами своих соотечественников, бывших на службе у папы, но во время второго похода (1515) он был свидетелем того, как в битве при Мариньяно часть прекрасного швейцарского войска была подкуплена французами и оставила другую часть в виду неприятеля, которому затем легко было одержать полную победу над этой последней. К вопросам о политическом устройстве страны и о том зле, какое было соединено с наемничеством, прибавлялся еще социальный антагонизм между полноправными гражданами и бесправной частью населения страны, между фамилиями, обогащавшимися на счет наемничества и теснившими бедняков, и этими самыми бедняками, что и в Швейцарии создавало благоприятную почву для распространения анабаптизма.

Таким образом, и в Швейцарии в то время, когда одни и те же условия церковной жизни, что и в Германии, вызывали здесь необходимость реформы и порождали религиозное движение, которое, как и там, приняло двоякий — евангелический и мистический — характер, рядом с возникавшими отсюда вопросами требовали разрешения и вопросы социально-политические. *Обе реформы, церковная и политическая, объединились* таким образом, что на сторону той и другой стали общественные элементы, желавшие перемен, а именно младшие кантоны и демократия, тогда как старые кантоны (Швиц, Ури, Унтервальден, Цуг, Люцерн с Фрейбургом и Валлисом) и патрицианские олигархии стали на защиту старой Церкви. Это тесное соединение двух реформаций проявилось и в том, что не по примеру Лютера Цвингли выступил сразу в роли и церковного, и государственного реформатора. В политическом отношении он, правда, потерпел неудачу, но его замыслы указывают в нем человека, который опережал свое время. По

отношению ко всему Швейцарскому союзу он находил именно крайне несправедливым, чтобы старые кантоны, маленькие и невежественные, имели в общем сейме такое же значение, как большие, могущественные и образованные города, и хотел уничтожить неестественное преобладание первых, освободив от их власти ландфогтства и дав большим кантонам соответственное их территориям, материальному благосостоянию и большей культурности положение. То, к чему стремился Цвингли в этом отношении, осуществилось лишь в XIX в., в современной представительной-демократической федерации, а в XVI в. его планы разбились о сопротивление старых кантонов, о соперничество между большими кантонами, вроде Цюриха и Берна, об общую неподготовленность и даже враждебность к его широким планам, затрагивавшим массу консервативных интересов. Счастливее он был только в своей борьбе с наемничеством. Самое его выступление на поприще общественной деятельности имело свое начало в том чувстве, с каким он стал относиться к этому злу швейцарской жизни, и можно даже сказать, что он начал свою общественную деятельность в качестве не столько церковного, сколько общественного реформатора. В своих политических и социальных воззрениях с Лютером он сходил лишь в том отношении, что анабаптизм — и не в одной религиозной своей стороне только — встретил отпор и у него, т. к. он был реформатор политический, реформатор с широкими и смелыми планами, но в нем не было стремления к социальному переустройству, проявившегося одновременно и в Германии, и в Швейцарии в двадцатых годах и подавленного властями в обеих же странах. Брожение с социальным характером под религиозным знаменем, действительно, возникло и в Швейцарии, где, как было сказано, анабаптизм нашел приверженцев. Главами этой секты в Цюрихе сделались Конрад Гребель и Феликс Манц, ставшие к Цвингли в такое же отношение, в каком находился к Лютеру Фома Мюнцер, обвинявшие Цвингли в том, что он слишком тянет на сторону властей и имущих классов, и проповедовавшие, например, что апостолы не были ростовщиками и сборщиками податей, что начальства и войска не нужно, что земные блага должны братски делиться и т. п. Цвингли выступил против анабаптистов с опровержениями, а цюрихские власти начали их преследовать, между прочим, изгоняя их из города, а это способствовало появлению анабаптизма в других местах. Между тем Великая Крестьянская война в Германии, происходившая по соседству со Швейцарией, отразилась и на сельском населении последней, так что в некоторых ее фогтствах крестьяне по образцу «двенадцати статей» формулировали свои требования в 27 статьях, выражая в них желания свои об отмене крепостничества, барщинных повинностей, десятины, об установлении права прихожан выбирать и смещать своих духовных пастырей, о свободном пользовании земельными, лесными и водными угодьями. Крестьянам в Швейцарии были сделаны некоторые уступки, и местным анабаптистам не пришлось сыграть в здешнем

социальном движении той роли, какая выпала на долю Фомы Мюнцера в Германии. В этом сектантском движении, развившемся и в Швейцарии, мы видим повторение тех же явлений, с какими встречаемся и в Германии, или, говоря точнее, сектантство и здесь и там проявилось одновременно и в одинаковых формах. Между прочим, — на что было уже указано, — первые зародыши антитринитаризма возникают параллельно и здесь и там. При всем различии между Германией и Швейцарией в политическом отношении, в социальном строе обеих стран было много общего, да и культурное их состояние, в сущности, было одно и то же, благодаря постоянным сношениям между людьми одной и той же национальности и благодаря умственной связи между деятелями сначала гуманизма, а потом Реформации обеих стран.

Изучая цвинглианскую Реформацию, можно относиться к ней с двоякой точки зрения, т. е. или имея в виду историю самой Швейцарии, в которой Реформации этой принадлежало важное значение, или, наоборот, общую историю Реформации, получившую в этой стране особое направление. По общему характеру настоящего труда мы должны стоять на второй точке зрения, т. е. интересоваться не столько швейцарской историей в эпоху Реформации, сколько швейцарской формой протестантизма как общеевропейского явления, и если от этого принципа пришлось отступить, более подробно излагая историю Германии в первой половине XVI в., то лишь потому, что историю немецкой Реформации естественнее всего было выбрать для более обстоятельного изображения, на частном примере одной страны, и того, как произошла Реформация, и того, как она совершалась в связи с данными культурно-социальными условиями, тем более еще, что в судьбах немецкого народа, т. е. одной из самых больших западноевропейских наций, события первой половины XVI в. имели решающее значение. Ограничившись общими указаниями на пункты различия и сходства между политическими и социальными вопросами, решавшимися в Германии и Швейцарии, мы можем остановить наше внимание на *особом характере Реформации, вышедшей из Цюриха, принимая в расчет, что объяснения особенностей нужно искать в личности реформатора и в окружающих его политических условиях*, уже нами указанных в общих чертах.

Лютер и Цвингли во многих отношениях были полной противоположностью. Будучи ровесниками¹ и происходя оба из крестьян, они с ранних лет были поставлены в неодинаковые условия жизни: один рос в бедности и под суровым родительским режимом, отчасти содействовавшим его позднейшему поступлению в монастырь, тогда как отец Цвингли был зажиточный и весьма уважаемый своими однодеревенцами сельский староста, в доме которого рядом с лучшими сторонами патриархальности господствовало мягкое отношение к младшим членам семьи. Воспитание привило Лю-

---

¹ Лютер родился в 1483 г., Цвингли — в 1484 г. (в Вильдгаузе).

теру аскетический пессимизм, направлявший его к мистической религиозности, которая сама создавалась из двух настроений — чувства своей греховности и страха перед неумолимо-судящим и гневно-карающим Богом, тогда как более светлое мирозерцание Цвингли, вынесенное им из детских впечатлений и воспоминаний, соединилось в нем с гуманистическим образованием. У маленького Ульриха был дядя священник, взявший на себя воспитание племянника. Переходя из школы в школу¹, где Цвингли своим мягким нравом снискивал расположение товарищей и наставников, он под руководством бернского гуманиста Вельфлина (Лупулуса) полюбил древних классиков, которых впоследствии усердно читал, с отвращением относясь к схоластике, как это случалось обыкновенно с изучавшими античных авторов, так что, по-видимому, из него, в 1506 г. уже магистра словесных наук, должен был бы выйти не богослов, а гуманист. Лютер читал схоластиков, мистиков, отцов Церкви. Цвингли, в 1506 г. сделавшийся приходским священником в Гларусе, где и прожил потом десять лет, увлекался Цицероном, Сенекой, Саллюстием, Платоном, Лукианом, Гомером, Пиндаром, учился по-гречески, чтобы в подлиннике читать Новый Завет, переписывался с гуманистами (между прочим, с Эразмом), устроил в Гларусе латинскую школу и сам в ней преподавал. Лютер держал себя далеко от гуманистического движения, тогда как на Цвингли даже Эразм смотрел, как на будущую гуманистическую гордость Швейцарии; подобно немецким гуманистам и молодой гларусский священник соединял с классическими занятиями и богословские, но в новом духе свободного отношения к церковной традиции, которая имела такую силу над Лютером, и в духе применения гуманистических методов к толкованию Св. Писания. Конечно, Цвингли был не единственный реформатор с гуманистическим образованием (вспомним Меланхтона), но редко у кого так сильно заметны его следы на вероучении, ибо, во всяком случае, в этом отношении Цвингли был противоположностью аскету и мистiku Лютеру. У Цвингли вообще весьма рано стало складываться самостоятельное религиозное мирозерцание. Около 1505 г. он слушал в Базеле Фому Виттенбаха, одного из предшественников в Реформации, публично говорившего, что отпущение грехов не может быть куплено у Церкви, что Христос искупил грехи всех людей, что благодать сообщается только верой в Христа, а в Гларусе он читал Виклифа и Гуса, «т. к. и среди сорных трав попадаются питательные растения», и изучал сочинения Пико делла Мирандолы. У него в сознательном возрасте, таким образом, не было времени безусловной веры в католические учения, и ему не стоило такой борьбы, как Лютеру, отделение от Церкви. Его никогда не ужасало сходство его воззрений с учениями еретиков; он знал, что он делал, когда выступил со своей проповедью; его Реформация с самого начала была

---

¹ Базель, Берн, Венский и Базельский университеты.

более решительной. И исходный пункт реформы у обоих был не одинаковый. Лютер, отрешившийся от мира монах, теолог, занятый вопросом о том, как оправдаться перед Богом, стоял в стороне от политических и общественных вопросов своего времени, и отправной точкой его Реформации был отвлеченный религиозный принцип, заявляя который в своих 95 тезисах, он еще не предвидел, куда его приведет сделанный им шаг. Другое дело Цвингли: он не удалялся от света, не переставал быть гражданином своей родины, принимать участие в ее делах, и практический вопрос о наемничестве был первый вопрос, который заставил его высказаться самостоятельно и выступить на общественное поприще. Его живое отношение к современности выскзалось сатирико-аллегорической поэмой «Лабиринт» с характером политического памфлета и в «Сказке о быке и некоторых животных, излагающей ход дел», в этих двух произведениях гларусского периода его жизни. Дважды в это время полковым священником участвовал он в походах швейцарского войска в Италии и после известного события 1515 г. стал в своих проповедях нападать на наемничество и иностранные пенсии, что уже тогда вооружило против него гларусские аристократические фамилии. Таким образом, его деятельность с самого начала приняла практическое направление, и он не побоялся вступить в борьбу с правящим общественным классом. Если Лютер, привыкший к строгой дисциплине дома и в монастыре, и впоследствии явился сторонником принципов власти, непротивления, то у Цвингли более обнаруживалось склонности к свободе, как в отношении религиозном, так и в политическом.

В 1516 г. мы видим Цвингли приходским священником в местечке Эйнзидельне, где существовал бенедиктинский монастырь с чудотворной иконой Божией Матери, привлекавшей массу богомольцев, тем более что по данной монастырю привилегии посещавшие святое место получали отпущение грехов. Здесь впервые и раздалась евангельская проповедь Цвингли, который стал говорить собиравшимся на его поучения слушателям, что не пилигримства и не другие дела формальной набожности, а единственно искреннее покаяние и чистота жизни дают отпущение грехов. Весть об этом дошла до курии, и папский легат старался задобрить Цвингли, обещая ему почести и доходы, если он станет учить согласно с установившимися взглядами, но Цвингли не согласился на это и уже во время своего пребывания в Эйнзидельне высказывался в смысле необходимости уничтожения церковных злоупотреблений: об этом он сделал несколько негласных представлений кардиналам, епископам и прелатам, говоря, что иначе злоупотребления рушатся сами собой, но с великим потрясением, и убеждал одного кардинала, чтобы он повлиял на папу, хотя и не скрывал от него, что, по его мнению, папство не имеет основания в Священном Писании. Впоследствии он говорил, что никогда ничего не предпринимал тайком и по-воровски. На том основании, что Цвингли независимо от Лютера и ранее Лютера проповедовал евангельское

учение, некоторые приписывают ему приоритет в деле Реформации, и, например, Э. Зеворт в своей «Истории нового времени» начинает изложение Реформации не с Лютера, а с Цвингли. Что касается до заявления религиозных принципов, которые получили дальнейшее развитие в протестантизме, то ни Лютер, ни Цвингли не высказали их первыми, т. к. это были идеи, высказывавшиеся многими религиозными мыслителями, которые и стали называться впоследствии предшественниками Реформации, да и сам Цвингли, возражая врагам, называвшим его лютеранином, указывал на то, что воззрения Лютера не были для него новостью, т. к. то же самое он уже слышал от своего дорогого учителя Виттенбаха. За то Лютер раньше по времени порвал с Католическою Церковью — на Лейпцигском диспуте, на Вормском сейме, сжигая папскую буллу, в то время когда Цвингли еще открыто не выходил из католицизма и, несмотря на свою неприятную для представителей старой Церкви проповедь, не только не подвергался проклятию и отлучению, но даже был предметом заискиваний. Наконец, если за начало Реформации считать прямо церковные преобразования, которые принимались уже не отдельными личностями, то и Лютер, и Цвингли были предупреждены в этом отношении виттенбергскими новаторами 1521—1522 гг. Во всяком случае, *одновременное появление нескольких проповедников, противопоставивших чистое Евангелие учениям и учреждениям Римской Церкви, и успех, встреченный ими в народе, указывает на то, как велика была потребность в религиозной реформе.* Но потребность эта могла удовлетворяться различным образом, и здесь уже действовали личные качества людей, взявших на себя удовлетворение народной потребности. Цвингли гораздо лучше, чем Лютер, сознавал последнюю: немецкий реформатор не думал об общем преобразовании Церкви, когда публиковал свои 95 тезисов, восставая в них лишь против одного из ее злоупотреблений, и его отторжение от католицизма скорее в силу обстоятельств произошло в то время, когда у него не было еще определенного плана богослужебных преобразований и нового церковного устройства; всем этим он отличался от швейцарского реформатора, который прежде, чем отделиться от старой Церкви, выработал широкий реформационный план, а прежде чем приступить к выработке этого плана, уже указывал на необходимость общего преобразования, предупреждая, кого следовало, что в противном случае злоупотребления разрушатся сами собою.

В 1518 г. Цвингли, имя которого стало уже известным во всей Швейцарии, был приглашен священником в городской собор Цюриха и 1 января 1519 г., в день своего рождения, произнес первую свою проповедь, в которой сказал, что в изложении учения Христова будет руководствоваться духом Св. Писания, а не человеческими авторитетами. В том же году городской совет, по просьбе Цвингли, не допустил в Цюрих торговца индульгенциями Самсона, т. к. соборная Церковь города пользовалась привилегией не разрешать продажи индульгенций, а Констанцкий епископ даже похвалил Цвин-

гли, «отогнавшего чужого волка от своего стада», и курия, нуждавшаяся в наемниках, ссориться с Цюрихом не хотела, считая даже нужным задабривать влиятельного проповедника. Кроме всего этого, в своих проповедях Цвингли касался политических и общественных вопросов, порицая с нравственно-религиозной точки зрения раздор своекорыстных партий, службу наемников у иностранных государей, пороки отдельных общественных классов; особенно много ратовал он против наемничества, когда в Италии вспыхнула новая война и иностранные агенты и вербовщики явились в Швейцарию нанимать военные отряды, так что его деятельность в этом направлении создавала ему массу врагов, называвших его швейцарским Лютером. Курия оставляла, однако, смелого проповедника в покое, и то противоречие с самим собой, в каком тут находилось папство, как нельзя лучше выразилось в том факте, что папе, как итальянскому государю, Цюрих оказывал помощь в то самое время, как его городской совет предписывал священникам объяснять народу Новый Завет согласно с духом Божиим и Св. Писанием, подготавливая этим введение реформы. В 1522 г. начались в Цюрихе под влиянием проповеди Цвингли первые нарушения поста, что вызвало протест Констанцкого епископа и целую полемику, и в том же году Цвингли опубликовал подписанное им и другими священниками послание к епископу о необходимости брака для духовных лиц (другое такое же послание было обращено к швейцарскому союзу). Наконец, городской совет дозволил устройство публичного диспута, на котором Цвингли брался доказать, основываясь на Св. Писании, правильность своего учения: этим Цвингли отдавал решение религиозного вопроса светской власти в лице городского совета, бывшего республиканским правительством Цюриха. 67 тезисов, в которых было изложено учение реформатора, были целой программой, в которой выразились все особенности цвинглианской Реформации. В то время как Лютер вообще отвергал только то, что, по его мнению, противоречило Св. Писанию, оставляя все другие учения и учреждения католицизма, Цвингли отвергал из них все те, которые признавались им не основывающимися прямо на Св. Писании. С этой точки зрения им и формулировалась целая богословская система, какой еще не было в то время ни у Лютера, ни у его последователей. Евангелие имеет значение и без подтверждения Церковью (тез. 1). Христос единственный путеводитель к спасению (13) и единый и вечный первосвященник, а выдающие себя за таковых (т. е. папы) посягают на честь и власть Христа (17). Христос есть вечная искупительная жертва, а потому месса есть не жертва, а только память о жертве (18). Он единственный посредник между людьми и Богом, — тезис (19), которым отвергалось заступничество святых. Бог один прощает грехи и только ради Иисуса Христа Своего Сына, а потому приписывающие эту власть людям посягают на достоинство Божие (50 и 51). Другими тезисами отвергались монашество и внешние признаки духовного сана (26 и 27), безбрачие духовенства (28), чистилище (57) и др.

учения и установления, не основывавшиеся на Св. Писании. В этих же 67 тезисах давалось понятие о Церкви. Христос глава верующих, которые суть его члены, и они-то составляют Церковь, или общину святых (7). Отдельный человек не может наложить на другого отлучения, а только Церковь, т. е. совокупность всех лиц, между которыми живет наказуемый, вместе с их священником (31). Духовная власть не имеет никакого основания в учении Христа (34). О цвинглианском церковном устройстве на основании этих принципов будет сказано ниже, а пока отметим еще и политические тезисы Цвингли: светская власть подтверждается учением Христа (вторая часть 34-го тезиса), и ей христиане обязаны повиноваться (37), если она не предписывает чего-либо противного Богу (38), но с Божией помощью ее следует смещать, если она поступает противозаконно. На диспуте (29 января 1523) реформатору возражал генеральный викарий Констанцкого епископа, указывавший на некомпетентность такого собрания (цюрихских властей и граждан под председательством бургомистра) решать вопросы веры; возражали и некоторые другие лица, но Цвингли вышел победителем, и городской совет принял его сторону, предписав городским и сельским священникам проповедовать лишь евангельское учение. Этим постановлением цюрихская община верующих, представляемая городским советом, как своей светской властью, отлагалась от Констанцкого епископа и вступала в права, принадлежавшие прежде Церкви. Как в Германии, так и здесь государственная власть решала религиозный вопрос. Следующие годы прошли в проведении реформы: в богослужение был введен немецкий язык¹; само богослужение было упрощено, образа, мощи, алтари, свечи, органы вынесены из храмов (Лютер оставил больше обрядностей в культе, допустил украшение церкви религиозными картинами и придал особенно важное значение музыке); священники поженились (в их числе и Цвингли), монастыри опустели, церковные имущества были секуляризованы и т. д. В 1525 г. реформа в Цюрихе была завершена, оказав благотворное влияние и на вопрос об иностранных пенсиях, от которых клятвенно отказались на будущее время власти и духовенство кантона.

Цюрихская Реформация распространилась и в другие кантоны, а первые попытки сейма подавить религиозные нововведения в Цюрихе ни к чему не привели. Мы уже видели, как дело церковной реформы сплелось с политическим вопросом о правах кантонов, и знаем, что у Цвингли явился план преобразования союза, но это относится уже специально к истории Швейцарии. Цвинглианство было принято Берном (1528), Базелем (1529), Сен-Галленом, Шафгаузен (1529); Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн остались за католицизмом. В католических кантонах началось преследование реформатов, в евангелических подавляли сопротивление католиков. Обе стороны искали союзников за границей: в 1529 г. старые кантоны за-

---

¹ Цвингли также перевел Библию на немецкий язык.

ключили союз с Габсбургами, лотарингским и савойским герцогами, реформированные — с некоторыми имперскими городами и с Филиппом Гессенским, — *первый пример международных договоров, в основу которых были положены вероисповедные отношения*, хотя у Цвингли и Филиппа Гессенского был более широкий план — образовать против Карла V коалицию, в которую вошли бы и католические Франция с Венецией. Цвингли видел необходимость вооруженной борьбы и говорил, что нужно пустить в дело кулак и бить, если не хочешь быть битым. Дело, однако, не дошло на этот раз до настоящей войны, и в 1529 же году между враждебными сторонами был заключен (в Каппеле) Земский мир на таких условиях. Так как слово Божие и вера не такие вещи, к которым можно принуждать, то они должны были быть предоставлены свободному усмотрению кантонов, а во владениях, находившихся под общим союзным управлением, каждая община большинством голосов должна была решать вопрос о своем вероисповедании, но реформатская проповедь в католических кантонах не допускалась. Каппельский мир был не прочен, и в 1531 г. произошла война, в которой цюрихцы были побеждены в сражении при Каппеле, где пал и сам Цвингли. По первому миру католические кантоны вынуждены были отказаться от иностранных союзов и заплатить военные издержки; теперь этому условию должны были подчиниться реформированные, но постановление о вере сохраняло свою силу, т. е. *решение религиозного вопроса и в Швейцарии предоставлялось территориальным властям*, как это было и в Германии по принципу «*cujus regio, ejus religio*», с тем лишь различием, что здесь вопрос этот *de jure* решался не князьями, а целой политической общиной, что придавало и церковной организации цвинглианства республиканский характер в отличие от лютеранского монархизма.

Лютер пережил Цвингли на целые пятнадцать лет, и последний не успел придать своей системе более законченный вид: основанная им реформатская Церковь перестала быть местным швейцарским (и только отчасти германским) явлением и получила значение универсальное, более важное, чем лютеранизм, благодаря другому деятелю — Кальвину, явившемуся в роли великого организатора протестантизма и завершителя того дела, которое начал Цвингли. Но помимо того, что им положено было начало церковному устройству, основанному на политическом принципе его республиканской родины, сам он и по складу своего ума и характера, и по своему миросозерцанию и гуманистическому образованию вносил в дело Реформации более широкие начала, чем Лютер. Последний был человеком прошедшего, когда-то монахом и папистом, Цвингли опережал свое время, опережал как гуманист и как политический реформатор, стремления которого осуществились только в середине истекающего столетия. И в догматах, и в культе, и в церковном устройстве Лютер и Цвингли не сошлись между собою, и различия между обеими формами протестантизма имеют для нас особую важность,

поскольку в них заключаются те или другие культурные и политические принципы. С этой точки зрения мы должны познакомиться с несколькими чертами учения Цвингли и созданной им церковной организации, имея в виду соответственные стороны лютеранства.

Уже было говорено, что цвинглианская Реформация получила более радикальный характер, чем Реформация лютеранская: один реформатор уничтожал все, что не основывается на Св. Писании, другой, более консервативный, сохранял все, что не противоречит Св. Писанию. Это выразилось и в культе, который в цвинглианстве проще, чем в лютеранстве, и в догматической стороне. В последнем отношении Цвингли свободнее Лютера толковал Св. Писание, применяя к этому делу приемы, бывшие в ходу в гуманистической науке, и давая более широкое право человеческому разуму, чем допускал это Лютер: разный взгляд их на евхаристию, которая для немецкого реформатора была таинством (хотя и без пресуществления), для швейцарского — только символической трапезой любви в воспоминание искупительной жертвы Христа, указывает именно на ту глубокую разницу, какая существовала между ними как теологами, и если на Марбургском диспуте о евхаристии Лютер сказал, что дух Цвингли не его дух, то под этим он, очевидно, разумел именно различие между их способами понимания религиозных предметов и толкования слова Божьего. Лютер отчаивался в спасении Цвингли и ставил ему в грех его рационализм. Цвингли действительно стоял на более рационалистической точке зрения, чем Лютер, и в этом сказалось его гуманистическое образование. Меланхтон упрекал Цвингли в отрицании догмата о первородном грехе, и в его взгляде на этот предмет, действительно, скорее можно видеть следы его занятия Платоном, чем желание оставаться верным традиции. Для Цвингли первородный грех был причиной не порчи человеческой природы, а только склонности людей к греху, объясняющейся из соединения души с телом. В этом отношении Цвингли нам напоминает Эразма. Отсюда у швейцарского реформатора человек отвечает лично за себя, за свои сознательные поступки, а не за прирожденную греховность. Чисто гуманистический характер представляет из себя и одно место из его «Изложения христианской веры» («*Christianae fidei expositio*»), написанного в 1531 г. Цвингли разделял учение об оправдании верой, но говорил, что если, по ап. Павлу, без веры нельзя угодить Богу, то относится это лишь к знающим Евангелие и тем не менее в него не верующим: он не хочет допустить, чтобы одинаково осуждены были и те, которые его лишены не по своей вине, одним словом, чтобы целые народы были отвергнуты лишь за то, что они не могли слышать слова Божия; заметив далее, что было бы дерзостью ставить границы божественному милосердию, он продолжает: «Вы должны надеяться видеть собрание всех святых, мужественных и добродетельных людей, какие только были от создания мира. Там увидите вы обоих Адамов, искупленного и Искупителя; вы увидите там Авеля, Ноя и всех свя-

тых Ветхого и Нового Завета; вы увидите Геркулеса, Тезея, Сократа, Аристиды, Нуму, Камилла, Катонов, Сципионов... Наконец, не будет ни одного хорошего человека, ни одного святого существа, ни одной блаженной души, которых вы не увидели бы там с Богом». Настроение, подсказавшее такие слова, далекое от настроения Лютера, сомневавшегося в спасении самого Цвингли, было той терпимостью, которой швейцарский реформатор так выгодно отличается от немецкого. Лютеранская Реформация заботилась более о единстве Церкви, чем о свободе совести, но Цвингли, как мы это и видели во время его диспута с Лютером в Марбурге, не относился враждебно к разнообразию верований и гораздо более, чем кто-либо из других протестантов, заботился о свободе совести. *Вообще у него резче, чем у Лютера, проведен принцип религиозного индивидуализма*, принцип личной свободы в делах веры, и особенный шаг назад в этом отношении был сделан их женеvским продолжателем Кальвином.

Другая сторона цвинглианства, заслуживающая внимания, — это *церковное устройство*, в основу которого положен принцип *общинного самоуправления*, в отличие от Лютеранской Церкви, подчинившейся княжеским консисториям и канцеляриям. В данном отношении Цвингли не только переносил на церковную общину устройство общины гражданской, членом которой сам был, но и стремился основать ее на Св. Писании как восстановление первоначальной формы церковной жизни: для него Церковь — общество верующих, не имеющее особого духовного начальства, и права, принадлежавшие в католицизме папе и иерархии, переносились у него не на князей, а на всю общину, которой дается даже право смещения существующей в ней (выборной) светской власти, если она требует чего-либо противного Богу. Дальнейшее развитие получил такой взгляд на Церковь и такое отношение к светской власти в кальвинизме, сделавшемся в политическом отношении проповедью народовластия. Сам Цвингли в 1528 г. учредил синод в виде периодических собраний духовенства, на которые допускались и депутаты от приходов или общин с правом жаловаться синоду на учение или поведение своих пастырей. Подобные собрания, — где решались разные вопросы церковной жизни, подвергались испытанию и назначались новые проповедники и т. п., — установились и в других евангелических городах, и даже образовались союзные евангелические съезды, т. к. мало-помалу вошло в обычай решать общие вопросы совещаниями лучших богословов и проповедников. Это синодально-представительное управление было отлично от консисториально-бюрократического, установившегося в лютеранских княжествах Германии. Но и здесь светская власть, в лице городских советов вводившая Реформацию, получила известные права в религиозных делах, хотя Цвингли и отвергал в своих 67 тезисах всякое духовное начальство, а с другой стороны, религиозная свобода признавалась не за отдельным лицом, а за целой общиной, и в этом отношении *цвинглианская Реформация фактически передавала ре-*

спубликанскому государству те права над отдельной личностью, которые лютеранство переносило на государства монархические (княжества): цюрихские власти, например, не только вводили своим авторитетом цвинглианское вероучение и богослужение, но и запрещали проповедовать против пунктов, принятых на новом религиозном диспуте (осенью 1523); между прочим, они вооружились против анабаптистской проповеди и стали изгнанием, тюремным заключением и даже казнями преследовать сектантов. И здесь таким образом признано было право государства вмешиваться в религиозные дела и отдельная личность в религиозном отношении должна была подчиняться своей общине, несмотря на более либеральные принципы самого Цвингли. Впрочем, и реформатор содействовал этому со своей стороны, установив в Цюрихе строгий надзор над нравственностью граждан: с 1525 г. городской совет издал ряд суровых законодательных мер в духе усиления моральной дисциплины и неукоснительного исполнения (под угрозой штрафов и других наказаний) требований реформированной религии. Цвингли, сильно озабоченный подъемом народной нравственности, сам составлял проекты этих мер, имевших иногда чисто полицейский характер, и то же самое делалось в других евангелических городах (например, в Базеле под влиянием Эколампация), где местные власти только расширяли и на религиозную жизнь тот контроль, который был в их руках по отношению к поведению граждан; с особенной же силой полицейский надзор за исполнением религиозных обязанностей развился в Женеве при Кальвине. Такого строгого контроля церковной власти за нравственностью граждан не было в лютеранизме, который зато более следил за тем, чтобы все придерживались известных догматических формул: мы еще увидим, что лютеране не прекращали своей теологической полемики; возобновив ее впоследствии против кальвинизма.

XV. Происхождение кальвинизма¹

Исторический момент возникновения кальвинизма и общее значение последнего в религиозной и политической истории Запада. — Романское происхождение кальвинизма. — Женевская история. — Превращение Женевы при Кальвине. — Биография Кальвина до 1536 г. — Его участие во французском реформационном движении. — Institutio religionis christianae. — Религиозное учение Кальвина. — Женевская Реформация. — Изгнание Кальвина. — Его господствующее положение в Женеве с 1541 по 1564 г.

Объясняя различия, установившиеся между отдельными формами протестантизма из культурно-социальных условий, в которых возникали эти формы, и из индивидуальных особенностей реформаторов, мы должны применить ту же самую точку зрения и к истории происхождения кальвинизма, во многих отношениях продолжавшего собой цвинглианство и отличного от него не в меньшей же мере. Возникновение его в республиканской Женеве сближало его с цвинглианством, но сам Кальвин, духом которого в сильной степени проникнута созданная им форма протестантизма, был не похож ни на Лютера, ни на Цвингли, и, наконец, нужно еще принять в расчет одно условие, отличавшее историю кальвинизма от истории лютеранства и цвинглианства: я говорю именно об историческом моменте появления и развития этой новой формы протестантизма.

Кальвин, родившийся в 1509 г., принадлежал совсем к другому поколению, чем Лютер и Цвингли, которые были на целую четверть века старше его: он был еще мальчиком, когда началась Реформация; Цвингли уже не было в живых, когда совершилось обращение Кальвина в протестантизм (1532); Лютер уже кончал свою деятельность, когда Кальвин только что ее начинал, ибо лишь десять лет отделяют появление в свет главного сочинения Кальвина, в котором он изложил свою систему (*Institutio religionis christianae*, 1536), от смерти немецкого реформатора. Новому реформатору приходилось действовать уже при изменившихся обстоятельствах, и это необходимо принимать в расчет при рассмотрении созданной им формы протестантизма. Реформация Лютера и Цвингли заключала в себе элементы национальной оппозиции немецкого народа в Германии и Швейцарии против Рима, но ко времени появления Кальвина как реформатора *протестантизм уже не был исключительно национально-немецким явлением*, ибо в кон-

---

¹ *Georg Weber*. Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich. — *Roger*. Histoire du peuple de Genève depuis la réforme. — *Kampschulte*. Iohann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf (лучшее, но не оконченное сочинение). Кроме того, есть биография Кальвина, написанная *Paul Henry*, *Stählin*’ом и др. О Безе см. соч. *Baum*’а. Для истории Реформации в Женеве до Кальвина *Pietschker*. Die lutherische Reformation in Genf.

це двадцатых и начале тридцатых годов XVI в. Реформация произошла в Швеции, Дании и Англии и начались уже индивидуальные отпадения от старой Церкви и в других странах, так что *протестантизм делался уже явлением общеевропейским*, что требовало и создания для него более универсальной формы, отрешив его от национальной окраски, какую он имел в лютеранстве и цвинглианстве, мало распространявшихся вне стран своего происхождения: *кальвинизм и явился в качестве такой универсальной формы*. С другой стороны, в Германии и Швейцарии реформационное движение потерпело во многих отношениях неудачу, т. к. далеко не оправдались все те надежды, какие на него возлагались, не все княжества в одной стране и кантоны в другой приняли протестантизм, и это ослабляло движение, которое поэтому теряло свою прежнюю силу, особенно после того, как в Германии лютеранство связало свое дело с делом князей. Но в то самое время, как *реформационный пыл начинал ослабевать*, развивалось движение противоположное: *возникла и усиливалась католическая реакция*, особенно в сороковых годах, когда был основан орден иезуитов (1540), реорганизованы цензура и инквизиция, созван Тридентский собор (1545), произведший впоследствии реформу Католической Церкви в антипротестантском духе. Для борьбы с католической реакцией протестантизму нужно было, так сказать, обновиться, противопоставить законченной системе католицизма такую же законченную систему со своей стороны и организовать. Кальвин со своей сильной логикой, твердым характером, организаторским талантом был как бы нарочно создан для той деятельности, которая требовалась тогдашними обстоятельствами, хотя ему уже легче было, как и всякому другому в его время, выполнить выпавшую на его долю задачу. Лютеру и Цвингли предстояло только пробивать брешь в твердыню католицизма, во многих отношениях действовать ощупью, в пылу спора увлекаться и заходить далее того, что позволяли им (особенно Лютеру) их принципы, наскоро решать многие вопросы и колебаться при этом, недоумевая, как поступить в том или другом случае. Иное дело — положение Кальвина: ему приходилось действовать уже на почве, расчищенной его предшественниками, иметь готовые решения многих вопросов в духе нового учения, действовать не наспех и не под влиянием не терпящих отлагательства обстоятельств, и ему уже можно было с большим успехом систематизировать новое учение, — работа, которой занялись старшие реформаторы только позднее, тогда как Кальвин с нее-то начинает: например, между аугсбургским исповеданием (1530) и «Наставлением христианской религии» Кальвина (1536) проходит только шесть лет. И Кальвин был особенно подготовлен к этой работе. Если Лютер был мистик, Цвингли — гуманист, то Кальвин был юрист, т. к. в молодых годах прилежно изучал римское право (в Орлеане и Бурже) с его ясными определениями, с его логическими умозаключениями, с его стройной системой, на которых и воспитался ум будущего реформатора. С другой стороны, в этом изучении он приобре-

тал и практические знания, пригодившиеся ему впоследствии, т. к. Кальвину суждено было, как и Цвингли, сделаться политическим организатором в той самой Женеве, которая, благодаря ему, сделалась центром протестантизма, «протестантским Римом». *Кальвинизм и был силен логичностью и систематичностью своего вероучения и своей организацией.* Но и это еще не все, что только объясняется в этой форме протестантизма историческим моментом. В середине XVI в. кальвинизм распространяется во многих странах, правительства которых остаются католическими и начинают сильно преследовать протестантов, выступающих на путь оппозиции в защиту своего вероисповедания, но эта оппозиция соединяется с оппозицией чисто политической, принципы которой заимствуются опять-таки из той же Женевы. Кальвину пришлось действовать в этом городе вскоре того, как он отстоял свою независимость, и *его Реформация прониклась республиканским духом.* Женевский реформатор развил далее и церковное устройство, и политические принципы Цвингли, а исторический момент как нельзя более благоприятствовал тому, чтобы эти принципы получили распространение: во Франции, в Шотландии, в Нидерландах происходила борьба протестантских подданных с католическими правительствами, борьба не только религиозная, но и политическая, и те самые начала, которые при Цвингли не выходили за тесные пределы швейцарской жизни, при Кальвине стали играть роль в разных странах Запада. Если оставить в стороне маленькие швейцарские кантоны и немецкие имперские города, принявшие цвинглианство, *Реформация первой половины XVI в. получает характер по преимуществу монархический* (немецкие княжества, герцогство Прусское, скандинавские королевства, Англия), тогда как *кальвинизм соответствует той эпохе, когда происходило политическое движение против королевского абсолютизма.*

Подобно тому как, рассматривая цвинглианскую Реформацию, мы остановились на швейцарской истории и на деятельности Цвингли лишь настолько, насколько это было нужно для понимания той особой формы протестантизма, какую представляет из себя цюрихская Реформация, так и в истории возникновения кальвинизма мы лишь вскользь коснемся женевской истории, а в личности Кальвина обратим главное внимание на то, что отразилось на общем характере созданной им Церкви.

Жан Кальвин (собственно Calvin) был француз, родом из города Нойона в Пикардии, и на его Реформацию, получившую универсальный характер, иногда смотрят как на чисто французскую, но Кальвину суждено было действовать не на родине, а в политически чуждом Франции городе, государстве с французской, правда, национальностью, но принадлежавшем первоначально империи и лежавшем на границе разных национальностей, так что и реформатор, попавший на чужбину, и город, где ему пришлось действовать, как бы находясь на перекрестке, в котором сходились дороги соседних наций, были предназначены к тому, чтобы созданная в Женеве Кальвином

форма протестантизма получила универсальный характер. Во всяком случае, однако, *кальвинизм по происхождению своему был Реформацией романского племени*, как лютеранство и цвинглианство — Реформацией племени германского (а гуситство — славянского), но особенно настаивать на этом обстоятельстве нечего — ввиду, во-первых, трудности выделения черт национального или племенного характера, во-вторых, ввиду того, что кальвинизм не только не сделался религией романских наций, но не удержался в самой Франции, а в-третьих, и потому, что последователей он нашел и среди германских народов, и у славян (Польша), и у венгров, так что ему особенно приличествует предикат универсальности. В дело, начатое германским гением, сделан был вклад гением романской расы, и, быть может, благодаря этому с особенной силой обобщилось то, что первоначально не отличалось такою универсальностью.

Женева была городом, в котором существовали три власти. Входя в состав Священной Римской империи, Женева находилась в зависимости от герцогов савойских как императорских наместников, но непосредственным государем был епископ, избиравшийся капитулом и отправлявший свои обязанности совокупно с особым советом, но рядом с этими двумя властями существовало и общинное самоуправление, общее собрание граждан (*conseil général*) два раза в году, четыре выборных (на год) синдика с широкой судебной властью в делах уголовных, «малый совет», заведовавший городскими делами, и особый совет, контролировавший его действия. Епископ устанавливал налоги, имел право чеканить монету, заведовал судом в гражданских делах, пользовался правом помилования, а на герцоге Савойском лежала обязанность защиты города. Одним словом, устройство было сложное, запутанное, дававшее повод к столкновениям между властями и образованию партий. Столкновения бывали между герцогом и епископом, и ими пользовалась община для получения новых привилегий; герцог ссорил епископа с общиной, чтобы путем посредничества между ними достигнуть господства и над епископом, и над городом. Герцог Карл III в начале двадцатых годов XVI в. задумал превратить Женеву в свою столицу, но встретил оппозицию со стороны партии гугенотов¹, против которой образовалась другая партия, стоявшая за герцога и епископа. В 1526 г. при помощи Берна и Фрейбурга одолела республиканская партия, и с обоими этими городами Женева вступила в союз как раз в то время, когда Берн ввел у себя Реформацию. Женевцы были во вражде и с епископом, державшим сторону герцога и уехавшим из города; архиепископ Вьеннский, в состав митрополии которого входила женевская епархия, наложил на Женеву интердикт. Это содействовало отторжению города от католицизма, которое и произошло в начале тридцатых годов, бу-

¹ Это название производят от имени одного из вождей или видят в Huguenots испорченное немецкое Eidgenossen (швейцарцы). К числу патриотов принадлежал и знаменитый Бонивар («Шильонский замок»).

дучи в сущности одним из многочисленных в эту эпоху случаев религиозной Реформации в отдельных городах. Эта Реформация сопровождалась и революцией: за освобождением от Савойского герцога последовала и отмена светской власти епископа, так что город сделался настоящей республикой. В Женеве явились реформаторы: Фарель родом из Дофинэ, страстный проповедник нового учения, Фроман, бывший тоже французом, Вире и др. — и происходили долго религиозные и гражданские смуты, причем брала перевес то одна партия, то другая, прежде нежели городские власти под напором народного движения, принявшего иконоборческий характер, не объявили епископу об отмене его власти и не прекратили католического богослужения, а у не желавших подчиниться этим переменам отнимались гражданские права (1535). Вместе с этим Женеве приходилось отстаивать свою независимость и извне; здесь для нее была особенно важна помощь Берна, с которым был заключен «вечный союз» (1537), поставивший Женеву в тесную связь с Швейцарией. Внутри, однако, все было в хаотическом состоянии. Фарель, игравший в религиозном движении главную роль, оказался плохим организатором, а Вире и Фроман оставили Женеву, никем не замененные, если не считать разных посредственностей. Городские власти считали себя преемниками епископа не только в светских, но и в религиозных делах, которых не понимали, а в городе и вне города многие оставались католиками. Предыдущая борьба партий оставляла по себе еще печальные следы, особенно в области нравов, которые и раньше не могли быть названы образцовыми. Женева была городом богатым и просвещенным, но среди ее населения была и страсть к легкой наживе, и погоня за удовольствиями, и другие обратные стороны жизни такого рода городов, к каким принадлежала Женева. В 1536 г. в нее прибыл Кальвин и прожил здесь с небольшим перерывом вплоть до самой смерти своей в 1564 г., сделавшись ее законодателем вроде спартанского Ликурга, ее диктатором в делах светских, а в религиозных — «женевским папой». При Кальвине город стал неузнаваем, благодаря той монастырской или казарменной дисциплине, которой он подчинил его население; Женева превратилась в «протестантский Рим», в главный оплот Реформации, в школу, где религиозные и политические деятели других стран набирались идей и закаляли себя в фанатическом стоицизме. Это превращение веселого, разгульного города, любившего празднества, театральные представления, картежную игру, кутежи, в центр ригористической формы протестантизма, напоминающее то, что сделал из гуманистической Флоренции средневековой аскет Савонарола, представляет собой один из любопытнейших эпизодов реформационной эпохи, свидетельствуя, кроме того, о том, что *реформационному движению присущи были в сильной степени моральные мотивы*. Если вообще оно выставило массу людей убежденных (с развитым чувством долга, строгих к самим себе и другим, стойких), то с особенной наглядностью мы наблюдаем такие характеры в истории

кальвинизма во всех почти странах вообще, где только он пустил корни, особенно же на примере Женевы при Кальвине и на его собственном примере, так что и с этой стороны его личность заслуживает внимания.

В 1536 г., когда Кальвин приехал в Женеву, ему было 27 лет. По происхождению он был сын чиновника, готовившего его сначала к духовному сану, но потом думавшего сделать из него юриста. У отца Кальвина были аристократические связи, и одно время мальчик учился с детьми одного дворянского семейства, близкое знакомство с которым сообщило ему, кроме утонченности обращения, и аристократические симпатии. Кроме того, благодаря своим связям, отец Кальвина добыл для него, когда он был еще мальчиком, доходную пребенду, как будущему священнику. Учился Кальвин прекрасно и в парижских школах, куда его отправил отец в 1523 г., а потом и в Орлеане, и Бурже, где он изучал право, но его школьные товарищи относились к нему с неприязнью и прозвали его «винительным падежом» (*accusativus*) за его угрюмый характер и наставительный тон, с «каким он обращался к ним по поводу их увлечений. В Бурже, кроме права, Кальвин предавался и классическим занятиям в духе тогдашнего гуманизма: было даже время, когда самолюбивого молодого человека, сделавшегося рано серьезным ученым, привлекала к этим занятиям слава Рейхлина и Эразма, но движение, возбужденное Лютером и Цвингли, интерес к нему во Франции, где также происходила борьба религиозных мнений и читались сочинения немецких реформаторов, первоначальное предназначение самого Кальвина к духовному званию и советы одного из его наставников заставили его обратиться к теологии. Сначала Реформация была ему мало симпатичной, тем более что хаос мнений и учений, какой она из себя представляла, должен был отталкивать от себя ум Кальвина, искавший определенности и порядка, но мало-помалу он усваивает основной догмат Лютера об оправдании посредством веры, и, наконец, в нем совершается религиозный переворот, когда он достигает двадцатитрехлетнего возраста (1532). Около этого времени он издал с посвящением Франциску I ученый комментарий к рассуждению Сенеки о кротости (*De clementia*), в котором убеждал короля быть кротким к последователям нового вероучения и уверял этого монарха, стремившегося к абсолютизму, что лучшая опора трона не войско и не деньги, а любовь подданных. Среди парижских приверженцев нового учения Кальвин сделался скоро, несмотря на свою молодость, своего рода центром, проповедуя учение об оправдании верой, обличая порчу Церкви и ободряя сидевших в тюрьме сторонников реформами своими письмами, доставлявшимися к заключенным с большим искусством. Неосторожность, с которой он вел свою пропаганду, навлекла на него преследование, от которого оставалось одно — спастись бегством в южную Францию, где Кальвин жил одно время под чужим именем, продолжая проповедь нового учения и задумывая уже его письменное изложение. В 1534 г. он отказывается от своей пребенды, не считая возможным более пользоваться церковным доходом, но уступает ее в другие руки за из-

вестное вознаграждение, что особенно ставят ему в вину католические писатели. Покровительство Маргариты Наваррской, сестры короля, обнаружившей склонность к Реформации, доставило ему возможность вернуться в Париж, где образовалась небольшая протестантская община. В этом году французские последователи нового учения, — среди которых оказались и сектанты, что вносило внутренний раздор в только что возникавшую Церковь, — стали выступать весьма смело со своими антикатолическими стремлениями, прибегая даже к враждебным действиям против старой Церкви и распространяя свои обличения в прокламациях (откуда выражение: «l'année des placards»), по ночам вывешивавшихся на дверях и воротах церквей, монастырей, Сорбонны и Лувра. В январе следующего года даже устроена была люстрация Парижа: король в торжественной процессии отправился к архиепископскому дворцу, было затем богослужение, и, наконец, последовало королевское объявление, что более он не будет допускать оскорбления Бога и примет самые строгие меры против еретиков, и тут же произошло сожжение на кострах нескольких новобранцев. Кальвин должен был теперь бежать из отечества; он нашел себе приют в Базеле, где и поселился под чужим именем. Тревожная жизнь не мешала ему работать. Еще до своего бегства он написал сочинение («Психопаннихия») против анабаптистов, учивших о посмертном состоянии сна, в котором находятся души до Страшного суда, а в Базеле принимал участие в переводе Св. Писания на французский язык, предпринятом его единоверцами. Весной 1536 г. он напечатал в Базеле свою «Institutio religionis christianae», впоследствии перерабатывавшуюся для новых изданий и издававшуюся на двух языках — латинском и французском¹. Это было *важнейшее произведение протестантской богословской литературы в XVI в.*, ибо до появления этого труда не существовало такого цельного, стройного, полного, ясного и точного изложения протестантского учения: это были все такие качества, соединения которых не представляли собой ни «Locī communes theologicī» Меланхтона, ни «Commentarius de vera et falsa religion» Цвингли, вышедшие в свет пятнадцатью и десятью годами раньше. Первоначальная цель сочинения была апологетическая: Франциск I, желавший союза с протестантскими князьями Германии для борьбы с Карлом V, представлял преследования, которым протестанты подвергались во Франции, как государственную самооборону против политически опасных и преследовавшихся самими немецкими князьями анабаптистов, но Кальвин взял на себя задачу опровергнуть это, соединив ее исполнение с ранее еще задуманным изложением нового учения, которое он взялся выставить как чистое христианство первых веков, не искаженное человеческими измышлениями. В учении Кальвина поражает строгая определенностью и беспощадной логично-

¹ Вопрос о том, на каком языке был написан текст, возбудил большие споры. Несомненно, что французское издание (Institution de la religion chrétienne) играло большую роль в разработке французской прозы.

стью в развитии основных принципов — без колебаний, непоследовательностей, противоречий, какие встречались в учении его предшественников. Бог раз навсегда открыл свою волю в Св. Писании, — этим было определено отношение Кальвина ко всем другим возможным источникам религиозной истины, к церковному преданию, к учению Отцов Церкви, с которыми он иногда полемизирует, к человеческому разуму, объявленному не имеющим цены («лучше невежество верующего, чем дерзость мудрствующего»), да и сектантское внутреннее откровение встречало в этом тезисе религиозное опровержение. С волей Божьей, выраженной в Св. Писании, должна была далее сообразоваться вся жизнь, не только религия и мораль, но и политика, не говоря уж о церковном устройстве, которое должно было основываться на Евангелии же. Догматика Кальвина — последовательное проведение одного принципа. Ее исходный пункт — Лютерово учение об оправдании верой с тем развитием, какое оно получило у него самого и у Меланхтона: к спасению ведут не внешние дела, но вера в Христово искупление, которая дается человеку Божьей благодатью. Кальвин развил далее догмат о предопределении: если спасает человека вера, а она дается человеку Божьей благодатью и потому человек собственными силами спастись не может, то спасение его или не спасение зависит исключительно от Бога, ибо если бы здесь действовала свободная воля человека (отвергавшаяся и Лютером), то решение Божие зависело бы от человеческой воли, а это противоречило бы Божию всемогуществу, вследствие чего предопределение не может быть истолковано в смысле простого предвидения того, как будет вести себя человек. Признавая вполне первородный грех, Кальвин учил, что Бог для прославления своего милосердия предопределяет одних к вечному блаженству, других для прославления своей справедливости — к вечной гибели: одни — избранные (*electi*), другие — отверженные (*damnati*); истинно верующими могут быть только «избранные», другие «осуждены» еще ранее того, как они совершили что-либо хорошее или дурное, и Бог сам ожесточает их. Воля Божья непреложна: раз записанный в книгу жизни из нее более не вычеркивается; Божья благодать им не утрачивается даже когда он впадает в заблуждение, тогда как отверженный есть сосуд гнева Божьего и не может спастись никакими заслугами. Этот беспощадный догмат Кальвин положил в основу всего своего учения. Сам он не раз «содрогался» при мысли о таком Боге, но т. к. человек не может знать, к чему он предопределен неисповедимым Промыслом, то он должен отгонять от себя, как искушение, сомнение в своем спасении и заботиться о том, чтобы быть достойным избрания, если оно ему уготовано, следуя пути, указанному законом Божиим. Это был исходный пункт ригористической морали кальвинизма. Учение о Церкви стоит в связи с тем же догматом: истинная Церковь есть совокупность избранных, и вне ее нет спасения, но т. к. никто не знает своей конечной судьбы, то все на земле должны принадлежать к видимой Церкви, которая должна заботиться о том,

чтобы ее члены были достойны спасения и поддерживать среди них мораль строгой дисциплиной и карами за отступления от ее предписаний. В основу церковного устройства полагались — демократический принцип равенства всех членов Церкви и республиканский принцип управления ее выборными властями, но с весьма широкими полномочиями по отношению к ее членам, и это было логично: перед Богом все равны, и никто не может решить, кто избран, кто отвергнут, и раз Церковь есть община, она должна была пользоваться самоуправлением, а невозможность спасения вне Церкви давала ей безусловный авторитет над отдельными членами и сообщала право выборным ее представителям следить за моральной их жизнью. Религиозный демократизм Кальвина, требовавшийся теологической логикой, даже противоречил его политическому аристократизму, как противоречила введенная им в Женеве теократия принципу независимости Церкви от государства, логически вытекавшему из тех же идей. Впрочем, о политических идеях Кальвина речь будет идти особо: заметим только, что в последней части его знаменитой книги есть особый отдел «*De politica administratione*». Не менее замечательно, что Кальвин связал с основным своим принципом и главные догматы. Например, в споре о евхаристии, разделявшем лютеран и цвинглиан на две враждебные стороны, он занял самостоятельное положение, среднее между мистицизмом Лютера и рационализмом Цвингли, объявив, что верующие воспринимают духовно, но действительно тело Христово и получая благодать лишь в случае своего предызбрания к спасению.

Послав свою книгу французскому королю с посвящением, в котором делались возражения на обвинения католиков, Кальвин прожил некоторое время при герцогском дворе в Ферраре, где ему оказывала расположение склонная к протестантизму герцогиня Рената, родом французская принцесса (дочь Людовика XII), но возвращаясь в том же году в Базель, он по дороге приехал в Женеву, и Фарель стал убеждать его остаться здесь жить. Сначала Кальвин не соглашался, т. к. предпочитал кабинетную деятельность ученого и литературную пропаганду протестантизма тревогам, соединенным с ролью общественного деятеля и борьбой на арене политической жизни. Фарель тогда «именем Бога возвестил» ему, что на него «падет проклятие Божье, если он откажется помочь в деле Господа и возлюбить себя больше, нежели Христа». Кальвин остался и вместе с Фарелем ввел в Женеве новое церковное устройство при содействии городского совета и общего собрания граждан, хотя реформаторам пришлось встретиться с оппозицией. Два нидерландских анабаптиста думали возбудить народное сопротивление, но были изгнаны под страхом смертной казни. С другой стороны, поднялась оппозиция людей, отторгшихся от католицизма во имя личной свободы, которая им стеснялась: они видели с неудовольствием установление еще более сурового режима и негодовали на Фареля, Кальвина и других чужеземцев. Правительство требовало от граждан присяги новой формуле веры, но мно-

гие отказывались присягать, усматривая в этом требовании новое порабощение; им стали грозить изгнанием, но угрозу трудно было привести в исполнение, ибо число сопротивлявшихся было слишком велико. Партия противников новой Церкви стала искать помощи у Берна, который, уже ранее, будучи недоволен тем, что Женева ему не подчинялась, теперь негодовал на отступления женецев от швейцарских религиозных порядков. В феврале 1538 г. выборы в городской совет дали перевес оппозиции. Новое правительство приказало причащать на Пасху по бернскому обычаю, но Фарель, Кальвин (обозвавший новый совет «чертовой коллегией») и их приверженцы отказались повиноваться; им запретили проповедовать, они не послушались, и Фарель с Кальвином отказались дать причастие своей пастве, как недостойным; синдики созывают тогда народное собрание, и неуступчивые проповедники изгоняются из Женевы. Кальвин поселился в Страсбурге, где сделался проповедником общины французских эмигрантов, читал публичные лекции, занимался богословием. Благодаря ему французская протестантская община получила такое образцовое устройство, что ей удивлялись местные немецкие проповедники. Кальвин (принявший страсбургское гражданство и женившийся на вдове одного обращенного им анабаптиста) сошелся с немецкими богословами (между прочим, с Меланхтоном), сильно хлопотал об устройстве соглашения между всеми протестантами, чтобы иметь перевес над католиками, и готов был на некоторые уступки, но надеждам его не суждено было осуществиться. Притом его тянуло в Женеvu, мысль о возвращении в которую его не покидала с самого начала. В Женеве между тем продолжалась религиозная и политическая борьба, принявшая характер настоящей анархии и грозившая внешними опасностями, так что сам народ, изгнавший Кальвина, пожелал его возвращения. Начались переписка и переговоры о возвращении и его условиях, и реформатор, наконец, возвращается (1541), после того как город соглашается восстановить введенные при нем порядки: изгнанный незадолго перед тем реформатор встречается с торжеством, как победитель, и с этого самого момента до смерти своей (1564), т. е. в течение более двадцати лет, господствует в Женеве. Перед своим возвращением Кальвин еще раз прославился на весь протестантский мир по следующему случаю. В Лионе с папского одобрения шли совещания прелатов и изгнанных из Женеvy католиков о способах возвращения этого города к католицизму. Кардиналу Садолету (еп. Карпентра), когда-то секретарю Льва X, человеку гуманистического образования, благородного характера и большой терпимости, было поручено составить воззвание к женеvцам, и прелат с великим мастерством справился со своей задачей: его послание произвело впечатление, католики подняли голову. Кальвин в шесть дней написал ответ Садолету, считающийся одним из самых блестящих произведений теологической полемики XVI в.: он читался с восторгом не только в Женеве, но и во всей протестантской Европе, заслужив даже похвалу Лютера,

относившегося вообще не особенно дружелюбно к Кальвину. С самого начала сороковых годов, когда Кальвин сделался властелином Женевы, все более и более возрастает его авторитет среди протестантов всей Европы, и город, в котором он владычествовал, превратился в убежище протестантов, гонимых на родине и притом не в одной Франции, в школу, где можно было получить высшее богословское образование в протестантском духе. Наплыв иностранцев, благоговевших перед реформатором, был так велик, что они одни составляли значительную силу, на которую он мог опереться для того, чтобы сломить всякую оппозицию. С усилением религиозных преследований во Франции увеличивалось число бежавших оттуда эмигрантов: Кальвин сам их звал в Женеву, добивался для них прав гражданства (например, в 1555 г. в один день было принято триста новых граждан), оказывал им покровительство, и из этих-то людей выходили главнейшие агенты его диктатуры.

Познакомимся теперь ближе с самым духом женеvской Реформации ввиду ее важности для истории протестантского движения вообще во второй половине XVI в.

XVI. Характер и историческое значение кальвинизма

Положение Женевы в протестантском мире. — Международная роль Кальвина. — Противоположность и сходство между кальвинизмом и католицизмом. — Контроль духовенства над обществом. — Моральный ригоризм и оппозиция ему. — Отрицание индивидуальной свободы. — Сервет, его учение и процесс в Женеве. — Беза.

Как ни интересен сам по себе пример, представляемый женевской диктатурой Кальвина, но его историческое значение было бы не больше того, какое имеет временная диктатура Савонаролы во Флоренции за полвека до Кальвина, если бы Женева не сделалась «протестантским Римом», а Кальвин не стал бы «женевским папой». Как ни важны в истории возникновения и развития кальвинизма местные женевские отношения и роль самого Кальвина в истории этих отношений, с той точки зрения, на которую становимся мы, рассматривая реформационную эпоху, для нас гораздо большее значение должны иметь не внутренние дела Женевы, а ее положение в протестантском мире, не то, что сделано было Кальвином в Женеве, а то, что было им совершено на более широкой арене европейской истории: местные дела и местное значение Кальвина могут с этой точки зрения представлять лишь тот интерес, что способны в том или ином отношении иллюстрировать главный предмет. *Превращение Женевы в духовный центр протестантизма, а Кальвина в его духовного вождя*, — вот главный факт, заслуживающий нашего внимания.

Небольшая городская республика на границе католических стран, где происходила сильная католическая реакция, держалась независимо по отношению к могущественным государствам, соперничество между которыми было, впрочем, лучшей гарантией ее политической свободы: религиозные выходцы из разных стран находили в ней свой приют; из нее выходили страстные и стойкие проповедники протестантизма; отсюда же посылались поощрения — сопротивляться силой католическим государям. Уже в начале сороковых годов Меланхтон думал, что в случае завоевания Германии турками Женева будет главным оплотом Реформации. Пока жив был Лютер, т. е. до 1546 г., первенство в протестантском мире принадлежало Виттенбергу, но после его смерти самым влиятельным авторитетом для протестантов был Кальвин, и на место Виттенберга заступила Женева. Этот город стоит главной школой протестантизма: хотя только к концу своей жизни (1559) Кальвин добился учреждения в Женеве высшего учебного заведения (Академии) для того, чтобы в нем могли получать богословское образование будущие проповедники, но это не мешало самому ему и прежде этого читать лекции, на которые стекались сотни слушателей, приезжавших часто из отдаленных стран; и проповеди его имели то же самое значение. Самая жизнь в городе, где царствовала весьма

суровая церковная дисциплина, была своего рода школой. С другой стороны, женевские типографии работали на все страны, где нельзя было печатать протестантские книги, но где были охотники их читать. Главное значение Женева имела, конечно, для соседней Франции: наибольшее число селившихся здесь эмигрантов были французы, во Францию устремлялось отсюда наибольшее количество неустрашимых проповедников и вывозилось или выносилось множество протестантских книг, да и самого Кальвина с этой страной связывали национальные симпатии: своими письмами к французским единоверцам он укреплял их в вере во времена гонений и посылал к ним своих учеников. В середине XVI в. реформационное движение в разных странах приняло кальвинистическое направление, и всегда устанавливаются связи с Женевой новых протестантских церквей. На противоположных краях католического мира, в Польше с Литвой и в Шотландии действуют последователи кальвинизма, ученики реформатора: Ян Лаский и Джон Нокс (Кнох). В сношениях с Кальвином находятся влиятельные лица не одного французского протестантизма, и не из одной Франции обращаются к нему за разрешением богословских вопросов. Когда в Англии происходила Реформация, Кальвин писал письма юному королю Эдуарду VI, его воспитателю и правителю государства герцогу Сомерсету и архиепископу Кранмеру, и как шотландские, так и английские изгнанники находят приют в Женеве, чтобы потом проповедовать кальвинизм на родине. Думая действовать на государей, Кальвин писал им письма, посвящал им свои сочинения (королям датскому, шведскому, польскому и др.), убеждал польского короля Сигизмунда II Августа произвести Реформацию в своем государстве. Если вновь образовывавшиеся протестантские церкви обращались к нему за советами и указаниями, решениями, за проповедниками и организаторами, то и среди прежних протестантов его голос был весьма авторитетен, особенно в Швейцарии, где он достиг общего соглашения, а в 1556 г. он даже ездил во Франкфурт, чтобы положить конец тамошним церковным распрям. Одних писем Кальвина осталось около 4 тысяч.

Для папы и императора, для клира и вообще католиков Кальвин и его Женева сделались самым ненавистным еретиком и гнездом ереси. Со своей стороны, кальвинизм был настоящей противоположностью католицизму: одновременно — католицизм на Тридентском соборе (1545—1563) и протестантизм в Женеве — получают характер двух непримиримых систем, ибо если на Соборе, как мы увидим, религиозные вопросы, требовавшие решения, получали его в смысле диаметрально противоположном протестантским учениям, то и кальвинизм бы религиозной системой, в которой догматические принципы протестантизма были развиты с наибольшей последовательностью. Кальвинисты относились весьма резко к католическим догматам, к папству, к внешней стороне культа, в которой видели идолопоклонство: чувственному, эстетическому характеру католического богослужения Кальвин противопоставлял голые стены храмов без всяких украшений и изыска-

жений, молитвенные собрания с длинными проповедями, простое и прозаичное богослужение без всякой пышности; им отменены были все праздники, кроме воскресенья, которое должно было почитаться, как иудейская суббота; на богослужебную музыку он смотрел как на поблажку человеческой слабости. Кальвинисты унаследовали от него непримиримую ненависть ко всему, в чем видели суеверие и идолослужение. Но была и другая сторона дела, были и пункты схождения между кальвинизмом и католицизмом — именно в общекультурном и в социальном отношениях. Здесь схождение было даже так велико, что в некоторых из этих отношений кальвинизм может рассматриваться как сколок со средневекового католицизма, усугубление его принципов. Стоит припомнить, каковы были тенденции средневекового католицизма по отношению к государству и светскому обществу, по отношению к отдельной личности, ее внутренней и внешней свободе для того, чтобы узнать в кальвинизме как бы новое издание тех же стремлений. Своим более универсальным характером сравнительно с более национальным духом лютеранства и цвинглианства кальвинизм напоминает католический космополитизм: в насмешливом сравнении Женевы с Римом и Кальвина с папой была и более серьезная мысль. Если Лютер (да и Цвингли фактически) подчинял Церковь государству, то в Женеве устанавливалось такое тесное между ними единение, что Церковь грозила поглотить государство, и теократический принцип католицизма возрождался здесь в новой форме. Новое духовенство получило право руководить всей жизнью светских людей, что было возобновлением старых отношений между клиром и мирянами. Отдельный человек должен был подчиняться строгой дисциплине: нравственный ригоризм женевской жизни был недалек от средневекового аскетизма, хотя исходные пункты обоих были разные, и Женева при Кальвине сделалась как бы одним большим монастырем: известно остроумное замечание Вольтера, что Кальвин открыл двери монастырей не для того, чтобы выпустить оттуда монахов, а чтобы загнать туда всех людей. Наконец, совершенно в духе средневекового католицизма Кальвин отрицал свободу человеческого разума, утверждая, что невежество верующего выше дерзости мудрствующего. Таким образом, основные черты католицизма с его теократическими и клерикальными тенденциями в области социально-политической и с отрицанием индивидуальных потребностей и стремлений в сфере моральной и интеллектуальной возрождались с новой силой, и благодаря этому в середине XVI в. в Западной Европе произошло столкновение между двумя религиозными системами, одинаково стремившимися к господству над личностью и обществом.

Эти черты схождения между кальвинизмом и католицизмом мимоходом стоит отмечать, рассматривая первый из них.

«Единоспасающая» (опять пункт схождения с католицизмом) Церковь Кальвина, по его учению, должна была иметь устройство, предписанное апостолами и существовавшее в первые века христианства. Верховную власть в ней он отда-

вал собранию верующих и, следовательно, ему самому давал право назначать особых людей для совершения богослужения и охраны чистоты веры и нравов, с тем чтобы община поручила свою власть собранию выборных проповедников и мирян (пресвитерий или консистория). Право быть избранным в служители слова Божия ограничивалось требованием известного испытания в способности занимать эту должность, а светские старейшины должны были братья из правительственных советов. Таким образом, у Кальвина, как и у Цвингли, Церковь получала республиканское устройство. Церковные власти, установленные в Женеве, были: 1) проповедники (или пасторы), которым, как служителям (министрам) Слова Божия, принадлежало первенство в церковном управлении и действительное право избрания в этот сан, т. к. общине в данном отношении принадлежало только принципиальное и формальное право; потом 2) учителя (доктора), так сказать, эксперты по богословским вопросам; далее 3) старейшины (сеньоры) из мирян, избиравшиеся из членов одного из правительственных советов по соглашению с проповедниками для административной деятельности, и, наконец, 4) дьяконы, заведовавшие делами благотворения. Пресвитерий (консистория) состоял именно из проповедников и мирян, представляя из себя аристократическую коллегия, надзиравшую за правоверием членов общины, за исполнением ими религиозных обязанностей, т. е. за посещением богослужения и проповеди, причащением и т. д., за домашней жизнью, за всем поведением граждан. Это же учреждение судило провинившихся в первой и последней инстанции, т. е. без апелляции, а в числе наказаний накладывало штрафы, шедшие в пользу судей в виде жалованья. Проповедник, доказавший чистоту своей веры и своей жизни, а также способность поучать народ, через рукоположение (без значения таинства) становился избранным, хотя и совету, и народу давалось право его отвергнуть, если были на то основания, а чтобы такие проповедники могли быть независимы, Кальвин настаивал на необходимости хорошего их обеспечения, высказываясь даже в смысле возвращения духовным пастырям секуляризованной церковной собственности. Кальвин реорганизовал и государственное устройство Женевы в аристократическом духе, отодвинув на задний план общее собрание граждан и сосредоточив всю власть в малом совете из 25 членов, бывших чуть не поголовно его приверженцами. В каких же отношениях находились между собой Церковь и государство? Кальвин представлял их себе как две стороны одной и той же вещи, одинаково необходимые для блага людей, а в практической жизни стоял за слияние Церкви и государства, при котором, однако, перевес был на стороне первой, так что *в его политике был весьма сильный теократический элемент*. Отводя светской власти принадлежащую ей сферу, Кальвин отрицает за ней всякое право над совестью и делами религии (в противность Лютеру), но в то же время обязывает государство всеми способами, какие находятся в его распоряжении, содействовать Церкви, подчиняясь ее руководству и наказывая идолопоклонство и богохульство. И в теории, и на практике Церковь Кальвина господствовала над государством.

Этому соответствовала и та роль, какую играли в жизни светского общества проповедники и старейшины, равно как образованная из них консистория. Церковная организация Кальвина допускала к управлению светский элемент в лице старейшин, и это даже было приманкой для мирян, желавших играть роль в церковной жизни (например, в Польше, где кальвинизм принимали паны и богатая шляхта), но в сущности старейшины были только орудиями духовной власти, сосредоточенной в руках проповедников. Последние притом имели право кооптации, а принося присягу в соблюдении своих обязанностей, обещали подчиняться и законам государства лишь с оговоркой, касавшейся необходимости совпадения этих законов с их обязанностями по отношению к Богу; им вменялось в обязанность не только отправлять богослужение и поучать народ, но и блюсти за религиозной и моральной жизнью всего народа; они составляли особую коллегия (конгрегацию), которая каждую неделю собиралась на заседания, имея во главе своей самого Кальвина, и здесь нередко намечались, обсуждались и вырабатывались для внесения в городской совет проекты мер чисто гражданского характера; по соглашению с проповедниками избирались старейшины, судившие вместе с ними (собственно с особой делегацией) религиозные и нравственные проступки; в качестве членов консистории они имели право домашнего обыска, и в их распоряжении был тайный надзор за гражданами. Одним словом, *все, что только мог бы придумать клерикализм, было дано кальвинистическому духовенству.*

Мы уже видели, с какой точки зрения Кальвин требовал самого крайнего морального ригоризма от членов Церкви: его церковное устройство заимствовало из католицизма все, что только могло поддерживать дисциплину — конфирмации, эпитемии, отлучения и т. п. В суровом реформаторе *была даже аскетическая черта*, ибо он смотрел на землю, как на юдоль печали и плача. Исходя из тех же начал, что и Цвингли, но усугубив их действие, Кальвин ввел в Женеве самую строгую цензуру нравов и целую систему контроля над исполнением строгих предписаний властей относительно религиозного и морального поведения. Индивидуальная свобода приносилась в жертву чисто монастырскому порядку жизни. Человек, по Кальвину, есть существо, имеющее наклонность от природы к злу и неповиновению, а потому его нужно держать в строгости, — задача, которую он возлагал на светскую власть, говоря, что наказывать без послабления и жалости она должна не одни преступления уголовного характера, но и оскорбления, наносимые Богу, и разные виды безнравственности. Наказания, налагавшиеся на виновных, были смертная казнь, штрафы, изгнания, и т. к. консистория имела право предавать светской власти людей, провинившихся в сфере ее компетенции, то *de facto* и ей принадлежало право наказывать не одними церковными карами. Граждане Женевы обязаны были неукоснительно бывать в Церкви и непременно в своей, приходской. Если кто-либо, заболев, три дня находился в постели, то должен был позвать пастора и причаститься. Окрестных поселян за исполнение католических обрядов сажали

в тюрьму. В 9 часов вечера женеvский житель должен был быть дома. Время от времени производились домашние обыски и отбирались запрещенные книги и др. предметы, за которые можно было и ответить. Посещение трактира без нужды влекло за собою штраф. Театры и балы изгонялись. Наказывались отлучениями от Церкви, денежными штрафами, тюрьмой, выставкой у позорного столба и т. п. незначительные проступки против благопристойности, приличия, нравственности. Оскорбление Бога было слишком растяжимое понятие для того, чтобы под него можно было подвести массу самых разных поступков.

Этот режим проводился Кальвином при помощи настоящих шпионов и при поддержке, какую ему оказывали эмигранты. Но проводился он не без оппозиции со стороны людей, которые не могли примириться с крайним стеснением индивидуальной свободы. Почти всю жизнь реформатору пришлось вести с ними борьбу, но особенно она была сильна во второй половине сороковых и первой половине пятидесятих годов. Кальвин хотел заклеить их названием либертинов, т. е. распутников (*libertins*), а их оппозицию — именем защиты распутства, хотя они только защищали права личности против церковного деспотизма, который вмешивался в частную жизнь, а кроме того, с этой оппозицией соединялся патриотический протест против слишком большого значения, какое имели до фанатизма преданные Кальвину французские выходцы. На улицах происходили схватки, делались попытки восстания, из которых последняя была подавлена в 1555 г., составлялись заговоры на жизнь Кальвина, были в ходу замыслы его снова изгнать: враги Кальвина сами подвергались за это казни и изгнанию. Реформатор смешивал всех своих оппонентов с действительно существовавшей сектой духовных либертинов (*libertins spirituels*), против которых он написал особое сочинение¹, но ему самому могло действительно казаться либертинажем малейшее отклонение от строгой моральной дисциплины.

Понятно, что свободного исследования кальвинизм не допускал, и *догматизм, характеризующий требования, которые предъявлялись человеческому уму средневековым католицизмом, был одной из характерных черт системы Кальвина*. Мы знаем, как он относится к дерзости мудрствующего разума. Просвещение, развитию которого он содействовал в Женеве, было исключительно религиозное; светские науки находились не в таком почете; чтение легких литературных произведений (например, рыцарских романов) запрещалось. В 1547 г. был предан пыткам, а потом смертной казни некто Грюэ, у которого при обыске нашли собственноручные записки, в которых отвергалось бессмертие души, Кальвин назывался метящим в папы шарлатаном и говорилось, что наказания должны налагаться лишь за государственные и уголовные преступления. Отклонений от своей догмы Кальвин не допускал и всячески преследовал не-

¹ Это было соединение пантеизма с крайней чувственностью во имя того принципа, что все свято, все божественно.

согласных: *его нетерпимость опять напоминает католицизм*, от которого кальвинизм унаследовал столько черт, имеющих значение политическое и культурное. Гуманистически образованный Кастеллион, один из преданных Реформации деятелей этой эпохи, понимал не так, как Кальвин, кое-какие места в Св. Писании, и женеvский реформатор говорил, что скорее готов был бы сделаться папистом, чем Кастеллионом; последний был даже изгнан из Женевы и поселился в Базеле, откуда продолжал полемизировать с Кальвином. Были и другие случаи подобного рода, но самым громким делом было сожжение в Женеве живым на костре знаменитого антитринитария первой половины XVI в. — Михаила Сервета¹.

Мы знаем, что антитринитаризм зародился в умах некоторых сектантов еще в двадцатых годах XVI в.², и увидим после, что в истории антитринитаризма важное значение получили около середины XVI в. итальянские вольнодумцы, из которых некоторые спасались от преследования на родине в Швейцарию, а потом в Польшу. Одновременно с Кальвином явился и первый систематизатор антитринитаризма, Михаил Сервет, человек недоужинного ума, громадной учености и стойкого характера, соединявший в себе мистицизм в духе цвиккауских пророков с рационализмом итальянских мыслителей XVI в. и потому в истории антитринитаризма являющийся представителем эпохи переходной между сектантством мистическим и рационалистическим.

Михаил Сервет (Мигель Серведо), родившийся в одном году с Кальвином, был родом испанец. Его готовили к духовному званию и рано начали учить. Блестящие способности доставили Сервету, когда он был еще 15 лет, место секретаря у духовника Карла V, что дало ему возможность попутешествовать и по Италии, и по Германии. Живя в разных местах, он изучал право и медицину, в которых достиг больших знаний, математику и географию, но преимущественно занимался религиозными вопросами, изучая сочинения реформаторов, а также отцов Церкви, особенно тех, которые жили до Никейского собора. Ему хотелось восстановить христианство в первоначальной апостольской чистоте. Особенно казалось ему сомнительным церковное учение о троичности Божества. Плодом этих его занятий было сочинение, вышедшее в 1531 г. под заглавием «*De trinitatis erroribus*». Издать его во Франции, где жил в это время Сервет, было невозможно, и он сделал это в Германии. Здесь он жил, между прочим, в Базеле, где Эколампаций тщетно старался склонить его на сторону правоверия. В названном сочинении говорилось, что Иисус Христос — простой человек и что слово «дух» употребляется в Св. Писании в различных смыслах, а христиане назывались тритеистами, т. е. трех-

¹ О Сервете см. соч. *Будрина*, указанное в примеч. к гл. VII. Особенно см. исследования *Tollin'a* Lehrsystem M. Servets и *его же* Charakterbild M. Servets. Кроме того, *Willis R. Servetum and Calvin*, а также голландское соч. *van der Lindet*. Сервет был замечательный натуралист, первый до Везалия и Гарвея знавший о деятельности легких и ее влиянии на кровообращение.

² См. выше.

божниками. Книга быстро разошлась, но ее стали сжигать как в католических, так и в протестантских странах. Сам автор должен был бежать из Германии и жить во Франции под вымышленным именем, занимаясь медицинской практикой. Эколампадий просил Сервета переработать свой труд, изменив его взгляды. Сервет это сделать обещал, но взглядов не изменил, начав их излагать еще последовательнее. В 1532 г. вышли его «Два диалога о Троице», где сильно заметен пророческий дух. Сервет смотрит здесь на себя как на пророка и выражает уверенность в том, что другие реформаторы будут ему повиноваться. Это время Сервет жил во Франции, в Париже и Вьенне, занимаясь медициной, географией, астрономией и изучением Библии. После издания «Двух диалогов» Сервет начал писать главное свое сочинение «Восстановление христианства» («Christianismi restitutio»), обширный труд в 700 страниц, который выпустил в свет в 1553 г. В нем он уже весьма резко нападает на реформаторов, которых щадил в прежних сочинениях, думая этим склонить на свою сторону, а на себя смотрит как на обетованного утешителя. Сущность учения, которое он развивает в этой книге, такова: Бог един и сам в себе непознаваем, будучи доступен познанию лишь посредственно, в двух модусах: в модусе самовозвещения, в Слове и в модусе самосообщения, в Духе. Слово и Дух не ипостаси, не лица Божества. Слово (λόγος) есть Божественный разум, который воплотился в Иисусе Христе. Дух есть душа мира: соединившись с тварным дыханием жизни, он составил душу Иисуса Христа. Христианская вера есть упование, что человек Иисус Христос есть сын Божий, умерший и воскресший ради нашего спасения. На крещение и причастие Сервет смотрит с особой, мистической точки зрения: чрез крещение сообщается дух Христов; чрез причастие — тело. Это — новое рождение и новое питание, и внутренний человек чрез эти таинства делается состоящим из тех же элементов, из которых состоит преображенное тело и дух Христа. Крещение, по мнению Сервета, можно совершать только над взрослыми. К Римской Церкви Сервет, подобно Кальвину, относится с крайней враждебностью: называет ее Вавилоном, Содомом, идолопоклонством; католических священников — преемниками жрецов Марса, Изиды и Юноны. Против протестантов он тоже полемизирует, доказывая необходимость добрых дел, молитвы и аскетизма, а не одной только веры. В своем сочинении обращается он, между прочим, с такой молитвой к Иисусу Христу: «Иисусе Христе, сын Божий, открой себя рабу Твоему, ниспошли мне дух Твой благой и слово Твое, направь ум мой и перо мое, да возведу славу Божественности Твоей и истинную веру в Тебя. Сие есть дело Твое, говорить о котором меня побуждает какое-то божественное вдохновение: Ты сам учил, что не нужно скрывать светильника под сосудом, и, если я не стану проповедовать Евангелие, я совершу беззаконие. К себе он применял апокалипсические пророчества и видел в своей книге знамение против царства антихриста, которому скоро придет конец. Сочинение это не было еще напечатано, когда Сервет по поводу его вступил

в переписку с Кальвином, которому предложил несколько богословских вопросов и послал рукопись книги. Кальвин был страшно возмущен ее содержанием и писал Вире (одному из своих сподвижников), что если бы Сервет попал в Женеву, то живым оттуда не ушел бы. Между обоими теологами возгорелась полемика в письмах, в которой Кальвин отвечал Сервету весьма запальчиво. Между тем последний, живя тогда в Вьенне медицинской практикой, отпечатал свою книгу в большом числе экземпляров, не выставив на ней, впрочем, ни своего имени, ни названия типографии, предчувствуя уже, что эта книга будет ему стоить жизни. Вьеннский архиепископ притянул Сервета к суду по подозрению в авторстве, но Сервету удалось снять с себя подозрение, и т. к. улики не было налицо, то он был отпущен и остался жить в Вьенне под своим вымышленным именем (Михаила Виллануевы). Но Кальвин через третье лицо сообщил католическому духовному суду письма Сервета, доказывавшие его авторство. Ученому вьеннскому врачу пришлось бежать из города. Суд приговорил его самого к сожжению (*in effigie*), равно как и его книгу. Сервет поехал в Неаполь, где было много испанцев и где он думал жить впредь медицинской практикой. Дорогой он остановился в Женеве, был узан и арестован по доносу самого Кальвина, находившегося тогда в борьбе с либертинами и боявшегося, что Сервет может с ними соединиться. Начался процесс, в котором Кальвин выступил в качестве обвинителя и следователя, но допрос нередко превращался в теологический диспут. Кальвин указывал на связь учения Сервета с политически опасным анабаптизмом, и это обвинение особенно повредило Сервету в глазах городского совета. В процессе этом столкнулись две диаметрально противоположные точки зрения: Сервет отстаивал свободу совести и указывал на примере древней Церкви, которая только отлучала и изгоняла еретиков, Кальвин — на примеры византийских императоров, которые казнили еретиков смертью. Скоро в Вьенне узнали, что Сервет арестован в Женеве, и потребовали его выдачи, но городской совет Женевы, побуждаемый Кальвином и с согласия других швейцарских кантонов, решил предать еретика казни посредством сожжения: не хотели даже уступить его католическому епископу, который предал бы его такой же казни. Но Кальвин в данном случае действовал с одобрения других выдающихся реформаторов и с согласия швейцарских кантонов, принявших его учение. Фарель, не живший в Женеве, нарочно даже приехал на казнь Сервета; Меланхтон также оправдывал сожжение богохульника. *Казнь Сервета яснее всего доказывает, с какой полнотой и силой возродились в кальвинизме, бывшем столь радикальной формой протестантизма, культурные принципы средневекового католицизма.*

Историческое значение кальвинизма заключается, таким образом, в его появлении в эпоху ослабления других форм протестантизма и усиления католической реакции, в его универсализме, в систематизации протестантизма как вероучения, в новой организации, какую получал протестантизм в его церковных учреждениях, в ригоризме и стоицизме, в которых воспитывались его по-

следователи, но вместе с тем и в фанатизме, характеризующем самого Кальвина и его последователей. Женевский загал направлялся не на одну религию, но и на политику, ибо *Кальвин положил начало политическому учению, получившему религиозную санкцию и сделавшемуся своего рода догматом веры в политических движениях второй половины XVI в. (и в XVII в. в Англии)*. Кальвин насчитывал три государственные формы: монархию, аристократию и демократию. Первая («la seigneurie et domination d'un seul homme»¹), по его словам, влечет за собой общее рабство («une servitude commune de tous»), а последняя — анархию. Лучшей формой он признавал аристократию («la plus passable et la plus sûre est que plusieurs gouvernent s'aidans les uns aux autres»²), полагая, что власть должна принадлежать людям, выдающимся своими добродетелями, знаниями, опытностью, подобно тому, как Бог приказал Моисею выбрать семьдесят мужей для управления Израилем. Отдавая светским властям безусловное право над подданными и требуя от последних безусловного повиновения, ибо и дурные правители поставляются Богом иногда в наказание народу по свидетельству Св. Писания, — он делал, однако, исключение для тех случаев, когда за народную свободу заступаются собранные государственные чины, поставленные по воле Божьей именно для того, чтобы охранять интересы народа, и когда государь требует что-либо противное велениям Божьим. Эти две оговорки должны были получить особое значение в эпоху, когда, с одной стороны, шла борьба между королевской властью и сословно-представительными учреждениями, и когда католические государи преследовали протестантских подданных: кальвинизм давал религиозную санкцию политической оппозиции. Еще при жизни Кальвина и вскоре после его смерти в отдельных странах — во Франции, в Шотландии, в Нидерландах — начиналась борьба подданных с государями, как нельзя более соответствовавшая этим оговоркам, и борьба эта сопровождалась дальнейшим развитием политических идей Кальвина.

По смерти Кальвина руководящее значение в его Церкви долгое время принадлежало его ученику Теодору де Безу (de Bèze), более известному по своему латинизированному имени Безы: происходя из знатной бургундской фамилии (род. 1519), получив блестящее юридическое и классическое образование, он отказался от богатств и почестей и вместе со своей невестой уехал в 1548 г. в Женеву, сделался преданнейшим учеником Кальвина (защищая, например, и сожжение Сервета), был одно время профессором в Лозанне, потом в Женеве, где и занял место Кальвина после его смерти, сделавшись в глазах кальвинистов патриархом Реформации (умер в 1605 г., достигнув чуть не девяностолетнего возраста). Особенно сильно было его влияние на французские дела в эпоху религиозных войн.

¹ «Представляющая собой господство одного человека» (*Кальвин Жан*. Наставление в христианской вере. Книга IV. Глава XX. Пер. с фр. А.Д. Бакулова). — *Прим. ред.*

² «Самой терпимой и безопасной формой начальствования будет правление нескольких людей, способных помочь друг другу» (Там же). — *Прим. ред.*

XVII. Монархические реформации первой половины XVI в.¹

Прием, положенный в основу дальнейшего изложения. — Вопрос об отношении королей к Реформации. — Различие между первой и второй половиной XVI в. — Франциск I и Сигизмунд Старый. — Секуляризация Пруссии. — Реформация в Дании и Швеции. — Христиан II. — Фридрих I и утверждение Реформации в Дании. — Густав Ваза и шведская Реформация. — Вестеросский сейм и его последствия. — Важность истории английской Реформации. — Ее причины. — Генрих VIII. — Уничтожение папского главенства и установление королевской супрематии. — Реформация Генриха VIII и Эдуарда VI. — Англиканская Церковь. — Мысль королевской Реформации в Польше.

В предыдущем мы познакомились с историей Реформации в Германии и Швейцарии в связи с религиозными и социально-политическими движениями в этих странах и возникновением трех форм ортодоксального протестантизма, указав на пункты сходства и пункты различия Реформации в обеих странах и в трех главных ее проявлениях². Познакомившись, таким образом, с происхождением протестантизма и с тем, как совершалось реформационное движение в монархических и республиканских государствах Германии (княжествах и имперских городах) и Швейцарии (в канонах), мы можем теперь переменить порядок изложения и, рассматривая Реформацию и протестантизм как явления общеевропейские, применить к дальнейшему ее изучению прием сравнения сходств и различий между Реформацией в отдельных странах, принимая в расчет те вопросы, которые необходимо ставить, исследуя ее историю в каждой стране и исходя из той идеи, что на Западную Европу можно смотреть как на одно целое, в истории которого наблюдаются некоторые общие явления (каковым и была Реформация), допускающие местные видоизменения в зависимости от исторических условий отдельных стран. Реформация могла начаться или сверху, по инициативе правительства, или снизу, по инициативе народа и даже против правительства: в общем, первый период реформационной истории характеризуется (кроме Швейцарии) правительст-

---

¹ Здесь речь идет главным образом о Реформации в скандинавских государствах и в Англии, литература по которой указана выше. В указанном там труде *Г. В. Форстена* см. перечень трудов по скандинавской истории этой эпохи, в числе которых есть посвященные и Реформации, но большей частью по-датски или по-шведски. По-немецки *Weidling*. Schwedische Geschichte im Zeitalter der Reformation. Из многотомного труда *Fryxell*'я (*Berättelser ur svenska historien*) часть труда, относящегося к правлению Густава Вазы, переведена по-немецки Экендалем (*Fryxell*. Gustav Wasas Leben). Для времени Эдуарда VI и Марии в Англии см. соч. *Tytler*'а *England under the reigns of Edward VI and Mary*.

² Реформация в Германии — гл. V—XIII, Реформация в Швейцарии — гл. XIV—XVI. Собственно для религиозной истории по германской Реформации см. главы V, VI, VII, XI, XII.

венными реформациями, усиливающими монархическую власть, второй — реформациями народными, получающими в политическом отношении характер оппозиции против королевской власти, и в этом главным образом состоит связь религиозной Реформации с политическими вопросами XVI в. С другой стороны, мы видели, что в церковной Реформации XVI в. главное значение принадлежит внецерковным сферам и что между ними весьма важное место занимает светская власть. Так как главной политической формой Западной Европы была в ту эпоху монархия (сословная), стремившаяся к абсолютизму, то весьма естественно поставить вопрос, как отнеслись европейские короли к Реформации, дававшей им, как мы это видели на примере немецких князей, возможность освободиться от папы, подчинить себе местное духовенство, секуляризировать церковные имущества и даже сделаться господами над совестью своих подданных. Церковь давно стесняла свободу государства; папа и клир давно вызывали против себя оппозицию и абсолютистические стремления королей; мысль о секуляризации церковной собственности равным образом давно не была новой; а зарождавшийся абсолютизм расширял сферу ведения государственной власти на все проявления общественной жизни: Реформация для государей была удобным случаем осуществления старинных стремлений. Но у этого была и другая сторона: Церковь слишком спрослась с государством; католические порядки могли представлять для королей и свои выгодные стороны; новые учения заключали в себе зародыши политических смут и несогласных с королевскими понятиями воззрений и т. д., так что в иных отношениях для государей было выгоднее поддерживать католицизм. Отсюда двойственность отношения королей к Реформации, та самая двойственность, которую мы видели уже в Германии, где князья разделились на два лагеря, одни приняли протестантизм, другие остались католиками. И у тех, и у других существовали при этом свои политические мотивы, но несомненен и элемент религиозного убеждения в ложности католицизма или, наоборот, в заблуждении протестантизма, — элемент убеждения, вообще играющий весьма и весьма важную роль в истории этого движения и притом не у одних реформаторов, теологов и фанатических проповедников. Хотя, однако, искренний протестантизм таких немецких князей, каковы саксонские курфюрсты этой эпохи, или католическая нетерпимость, например Георга Саксонского, не подлежат сомнению, но и у католика Карла V, и у протестанта Морица Саксонского политические соображения доминировали над религиозными, да и вообще католические государи первой половины XVI в. в сравнении со своими преемниками второй половины производят впечатление более политиков, чем фанатиков, и, объясняя их отношения к Реформации, приходится иметь в виду не столько их убеждения, сколько интересы. Перед началом реформационного движения элемент религиозного убеждения в смысле исторического фактора был вообще слаб, совершалась секуляризация жизни индивидуума и государства, проявившаяся в гуманистической морали и науке

и в светском характере теоретической и практической политики, и в общем духе такой эпохи была воспитана большая часть монархов первой половины XVI в. Иное дело — вторая половина, эпоха, когда столкнулись между собой два фанатизма, фанатизм кальвинистов и фанатизм католической реакции, и когда трудно было и отвлеченному мыслителю, и практическому деятелю соблюдать нейтралитет между Женовой и Римом, хотя и тогда политические интересы, даже у таких фанатиков, как Филипп II, король испанский, не могли стушеваться перед требованиями католической реакции. Тем более политические мотивы должны были быть сильны до наступления эпохи крайнего фанатизма. Сам Карл V, враг протестантизма, относился к нему неприязненно более с политической, чем с религиозной точки зрения, делая, — когда требовали обстоятельства, — уступки, собственной властью решая религиозные вопросы¹, находясь с курией в антагонизме, настаивая на Вселенском соборе, которому думал предписывать примирительную программу. И часть немецких князей была отвращена от Реформации, с одной стороны, боязнь государственных смут, с другой — уступками, какие их власти сделало папство, на что мы также уже указывали.

Но то же, что случилось с немецкими князьями, могло повториться и с другими государями. Так оно и было. Устраняя элемент религиозного убеждения, можно указать на королей, которым незачем было стремиться к Реформации, тем более что и смут они боялись, и на таких, которые, наоборот, видели в Реформации ее выгодные стороны и сами ее вводили.

Первое можно сказать о королях французском и польском. Франциск I (1515—1547) и Сигизмунд I Старый (1506—1548), два современника, царствовавшие в первой половине XVI в., находились в таком положении, что им не было надобности бросаться в Реформацию, т. к. отношения их к папству были удовлетворительны. По Болонскому конкордату со Львом X (1516) французский король получил право замещения всех высших церковных должностей в государстве, что вполне отдавало в его руки местное духовенство, а сам он уступал папе уничтоженные раньше доходы с Галликанской Церкви, шедшие в папскую казну. Польский король имел те же права гораздо ранее и за более дешевую цену, ибо Польше удалось выхлопотать себе право не платить многих поборов в Рим, а немногие спорные пункты были благополучно разрешены конкордатом с Климентом VII (1525). Таким образом, оба государя были достаточно независимы от папы и имели обширную власть над национальным духовенством. С другой стороны, оба видели в Реформации опасное движение, грозящее государственной смутой. Франциск I отнесся сначала к Реформации индифферентно, но в 1525 г. папа Климент VII убедил его, что протестанты — бунтовщики против власти. Беспорядки, произведенные протестантами в 1535 г., заставили его при-

---

¹ Аугсбургский интерим.

нять самые крутые меры, а в эдикте 1543 г. реформаты названы «возмутителями и нарушителями общественного спокойствия, бунтовщиками против короля и правосудия, заговорщиками против государственного благодеяния, зависящего по преимуществу от сохранения чистоты католической религии». В это время уже был принцип: «Un roi, une loi, une foi» (один король, один закон, одна вера), и Франциск I весьма естественно находил, что «все эти секты служат не столько назиданию душ, сколько потрясению государств»: пример Германии был перед глазами. На ту же политическую точку зрения еще ранее стал Сигизмунд Старый, которому даже пришлось подавить силой восстание в Данциге, получившее реформационный характер. На нововерие он смотрел такими глазами: «перестали платить десятину духовенству, чего доброго — перестанут платить подати государству». Его эдикты против «лютеровой ереси» полны соображениями подобного рода. Эдикты 1520 и 1522 гг., запрещавшие ввоз сочинений Лютера, указывают на их опасность для существующего порядка вещей и спокойствия государства (*contra mores et instituta patrum... ac in perturbationem communis status*): «Что останется в жизни твердого и прочного, коль скоро каждому будет дозволено по собственному разумению и произволу судить и рядить о вещах божественных и даже человеческих» (*tam de divinis, quam etiam humanis rebus*)? Грозный эдикт 1523 г. против ввоза, распространения и чтения Лютеровых книг (угроза костром) говорит: все это ведет только к смуте и происходит от неповиновения власти, «которая должна охранять единство и спокойствие у подданных ей народов, а это возможно лишь при том условии, если божеские человеческие учреждения, утвержденные долговременным обычаем и всеобщим одобрением, будут охраняться и поддерживаться, мятежные же люди, желающие быть умнее, чем нужно, — наказываться». Другой эдикт того же года указывает на то, что «после нападения на религию захотят все мутить, а это, как свидетельствуют многие примеры, приводит к бунтам и к гибели государств». Подавляя протестантизм в собственных владениях, и Франциск I, и Сигизмунд I помогали Реформации вне своих государств. Французский король вступал в союз с немецкими протестантскими князьями против Карла V, и не без французских денег произошла реституция герцога Вюртембергского, сопровождавшаяся введением лютеранства в его княжестве. Когда в 1546 г. папа Павел III склонял Сигизмунда I к вмешательству в Шмалькальденскую войну, король запретил своим подданным принимать в ней участие на том основании, что он, король, связан одинаковыми узами с обеими враждующими сторонами, т. е. с католическим императором и протестантскими князьями. Но самый замечательный факт в истории отношений Сигизмунда к Реформации — его согласие на секуляризацию Пруссии. Гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский задумал, оставив духовное звание, превратить страну в светское наследственное герцогство в ленной зависимости от Польши. Владения

ордена находились под властью папы, но Сигизмунд не обратил внимания на права Церкви и на то, что Альбрехт был клятвopеступник, вероотступник и святотатец, — и торжественным актом принятия присяги от нового герцога, приехавшего лично в Краков, санкционировал превращение духовно-орденского владения в светское герцогство Пруссию (1525).

Секуляризация Пруссии имеет и другое значение: владения Тевтонского ордена были первой страной вне тогдашней Германии (исключая Швейцарию), где произведена была Реформация, не говоря уже о политической стороне этого факта, которой здесь не место касаться¹. Новый герцог утвердил прежние права своих подданных, а Прусский сейм признал Краковский договор, что было одним из первых случаев участия сословно-представительного собрания в Реформации. Этим открывался доступ лютеранству на побережье Балтийского моря, что дополнялось принятием вскоре затем Реформации в Дании и Швеции, первых не немецких стран, в которых была введена новая (Лютеранская) Церковь.

Царствовавшие в это время короли датский и шведский находились в положении иного рода, чем короли французский и польский: им прямо было выгодно ввести у себя Реформацию. В 1397 г. состоялось политическое объединение скандинавских государств, известное под названием Кальмарской унии. Первенство в союзе принадлежало Дании, чем были недовольны шведы, и в начале XVI в. уния распалась, когда датский король Христиан II (1513—1523) возбудил против себя революцию сначала в Швеции, а потом и в самой Дании: оба государства разделились, причем в Швеции королем сделался вождь восстания Густав Ваза (1523—1560), а в Дании — дядя Христиана II, герцог Голштинский и Шлезвигский Фридрих I (1523—1533).

В Дании королевская власть ограничивалась капитуляциями (Handfeste), которыми определялись права королей. Во-первых, государь не мог предпринять ничего важного без согласия государственного совета; во-вторых, подтверждались весьма обширные права духовенства и дворянства. Уже Христиан II, вообще стремившийся к усилению своей власти и с неудовольствием поэтому смотревший на самостоятельность и могущество Церкви в Дании, задумал воспользоваться Реформацией в интересах королевской власти. Находясь в родстве с курфюрстом саксонским и найдя сочувствие в кружке лиц, ставших на сторону Лютера, он отправил ректора одной копенгагенской школы в Виттенберг, где тот должен был выбрать проповедника для Дании, и скоро прибыли в Копенгаген два немца (Мартин Рейнгардт и Матвей Габлер), начавшие сеять в Дании семена нового учения. Христиан II, кроме того, издал указ, запрещающий обращать внимание на папскую буллу против Лютера (1520), и пригласил к себе Карлыштадта, приехавшего

¹ Этим создана была Пруссия, позднее соединившаяся с Бранденбургом. Впоследствии по стопам Альбрехта Бранденбургского пошли гроссмейстер Меченосцев Плеттенберг (в Лифляндии) и Кеттелер (в Курляндии).

вследствие этого (но на короткое время) в Копенгаген. Таким образом, Христиан II был одним из первых монархов, понявших, какие выгоды может представлять Реформация для усиления королевской власти, но не ему пришлось довести это дело в Дании до конца. Своим стремлением утвердить авторитет свой в Швеции, опираясь на соперничество между духовенством и дворянством в этой стране, и особенно известной «стокгольмской бойней» 1520 г. (казнями знатнейших лиц из духовенства, дворян и горожан) он вызвал в Швеции целую национальную революцию, окончившуюся возведением на престол Густава Адольфа. Но и в Дании дворянство было против него возбуждено, равно как и духовенство, его реформами, имевшими целью ослабление их привилегий, и он был лишен престола, переданного его дяде Фридриху. Шлезвиг-Голштинский герцог, делаясь королем Дании (1523), обязался в своем «Handfeste» не допускать в церквях лютеранских проповедников и подвергать подобных лиц наказанию, но, в сущности, датское духовенство уже мечтало о создании датской национально-католической Церкви на тех же приблизительно основаниях, какие были у Церкви Галликанской. Дворянство, однако, не желало усиления клира, а в народе, благодаря соседству и политической связи с герцогством Шлезвиг-Голштинским, уже весьма популярными делались лютеранские проповедники. Между тем король и не думал исполнять своего обещания. «Сказать с уверенностью что-либо, — говорит проф. Форстен, — о религиозном настроении Фридриха I нельзя; мы знаем, что Фридрих с большим сочувствием относился к новому учению, но трудно сказать, что именно в этом учении, догматы или политическая сторона, обращали на себя его внимание»¹. Как бы там ни было, уже в 1526 г. король возбудил против себя неудовольствие духовенства несоблюдением постов и выдачей своей дочери замуж за герцога Прусского, только что переменившего веру и секуляризовавшего владения Тевтонского ордена. На сейме в Одензе (1526—1527) король сделал сначала следующее предложение: требовать утверждения в духовном сане и пожалования прелатурами не у папы, а у архиепископа Дании и отчислять в государственную казну деньги, высылавшиеся в римскую курию. Дворянство к этому прибавило требование не отдавать впредь земли под залог или в пользование церквям и монастырям. Епископы, со своей стороны, желали, чтобы им дано было право наказывать отступавших от католических догматов, но король отказал им в этом, заявив, что «вера свободна», что «король не может заставить кого бы то ни было верить так или иначе», что «ему принадлежит власть над жизнью и имуществом, но не над душой: поэтому пусть каждый живет свободно и исповедует религию, какую желает». Сейм издал формальный эдикт о терпимости лютеранства, а король начал назначать на епископские должности угодных ему лиц, действуя как глава

---

¹ Форстен Г. Борьба из-за господства на Балтийском море. С. 306.

Церкви, т. к. король же и утверждал епископа в его сане. В 1529 г. протестантизм утвердился в самой столице. Король сумел воспользоваться настроением партий, чтобы сделаться господином положения, стал отдавать в ленное владение дворянам монастыри, изгоняя насильно монахов, но в то же время не давал большой воли новым проповедникам, опасаясь соединявшегося с Реформацией движения в низших классах населения, продолжавших лнуть к Христиану II. Так подготовлено было полное введение Реформации в Дании, относящееся уже ко времени, наступившему после смерти Фридриха I. Католики хотели возвести на престол старшего сына короля (Иоанна), протестанты — младшего, который после борьбы сделался королем под именем Христиана III (1534—1559): в его царствование рядом мер, не останавливавшихся перед насилием, и утвердилось Реформация в Дании, где бывшее могущество и владения духовенства поделили между собой королевская власть и светская аристократия.

То же самое, в одно и то же время и таким же образом в общих чертах произошло и в Швеции. К началу XVI в. здесь власть была в руках дворянства и духовенства, которому принадлежало более половины поземельной собственности. Густав Ваза был возведен на престол народным движением, и дворянство только против собственной воли согласилось на его избрание. У нового короля не было никаких почти средств, а между тем расходы были велики, нужно было уплатить большой долг Любеку за помощь в войне, да и юг Швеции был еще в руках датчан: вот у Густава Вазы и явились те же мысли, что и у Фридриха Датского. «Без сомнения, — замечает уже цитированный историк, — в первое время практические выгоды, обуславливаемые Реформацией, пленяли Густава гораздо более, чем внутреннее содержание его учения, и как постепенно образовался в нем ярый реформатор (каким он сделался впоследствии), проследить трудно»¹, но нельзя думать, чтобы действовали на него одни денежные расчеты. Во всяком случае, в основе его поведения лежала государственная мысль — сокрушить политическую силу духовенства и обогатиться его имуществами, хотя бы и пришлось при этом поделиться ими со светской аристократией, но и так еще, чтобы не возбудить против себя других общественных классов, особенно крестьян, на которых он опирался в начале своей политической карьеры. Лютеранство уже проникало в Швецию, и среди шведов уже явились его проповедники, каковы были Олай и Лаврентий. Петерсены и Лаврентий Андерсон (Andreae), которым Густав Ваза стал оказывать покровительство, хотя католики и обращали его внимание на то, что новое учение принимало демократический характер: принадлежность известных имуществ Церкви не в смысле иерархии, а в смысле общины верующих (*communio bonorum ecclesiae*) могла быть понята в смысле раздела их между членами общины

---

¹ Форстен. С. 311.

(*divisio bonorum inter membra ecclesiae*). Тем не менее Густав, думавший, конечно, не о такой секуляризации имуществ духовенства, не только покровительствовал новой проповеди, но и начал, помимо папы, одной собственной властью назначать на епископские места, поручил шведским реформаторам сделать перевод Библии, в 1527 г. созвал знаменитый сейм в Вестеросе, на который были призваны представители крестьян и горожан, и решил поставить на этом сейме вопрос об отношении между Церковью и государством, что называется, ребром.

На сейме король потребовал увеличения своих средств и, встретив несочувствие, объявил, что отрекается от престола. Между сословиями начались распри, и дело кончилось тем, что они убедили короля отказаться от своего намерения в столь затруднительную минуту, какую тогда переживала Швеция, и согласились на все угодные ему нововведения, пожертвовав ему духовенством. Сеймовый «рецесс» состоял из четырех статей; в первой предлагались меры к усмирению восстаний и открытию заговоров общими силами всех сословий; второй вменялось епископам помогать королю деньгами и передать ему свои замки и крепости, отдавалось в королевское распоряжение все церковное имущество, какое остается за вознаграждением духовных лиц, над монастырями ставился королевский чиновник, бравший в казну излишек доходов с их имений и определявший число монашествующих лиц; третьей дворяне вознаграждались за военные издержки церковными и монастырскими ленами, отошедшими от них к духовенству и монашеству после 1454 г.; четвертой решено было не поднимать более вопроса о религиозных спорах. Густав Ваза, поделившийся с дворянством имуществами Церкви, в 1528 г. короновался, а сеймы 1545 и 1544 гг. сделали его власть наследственной. Сначала король довольствовался частью доходов с церковных земель, но потом он наложил на них более тяжелую руку, начав вместе с тем назначать священников помимо епископов, запретил последним (1533) производить какие бы то ни было реформы в Церкви без его согласия, ввел новую систему церковного устройства, учредив (1539) должность королевского ординатора и суперинтендента над шведской Церковью с правом назначать и сменять духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, не исключая епископств. (Должность епископов была сохранена, но власть их была ограничена консисториями; епископы остались и членами сейма.) До Реформации шведское духовенство (включая и финляндское) получало 170 тыс. марок, после принятия страной лютеранства — около 25 тыс., так что доходы его уменьшились в семь раз. Реформация вводилась в Швеции мирными средствами, и никто за веру казнен не был; даже очень редко подвергали удалению от должностей. Только тяжелые налоги возбудили народное недовольство, которым воспользовались некоторые духовные лица и дворяне, чтобы поднять мятеж, но он был подавлен, равно как и восстание далекарлийских крестьян, оказавших сопротивление продаже церковных колоко-

лов. Таким образом, и в Швеции Реформация была произведена королевской властью, которая должна была, однако, поделиться частью церковных имуществ со светской аристократией.

За примером Дании и Швеции последовала Англия. История Реформации в Англии представляет особый интерес. Во-первых, в Англии образовалась особая Протестантская Церковь, чисто национально-государственная, известная под названием англиканской или епископальной, представляющая собой нечто среднее между католицизмом и евангелическими церквями, возникшими на континенте. Во-вторых, Церковь эта, возникавшая по королевской воле и сохранившая в полной силе епископат, получила монархический и аристократический характер, сделавшись в Англии фактором усиления королевской власти. В-третьих, рядом с королевской Реформацией в Англии произошла Реформация народная, результатом которой был пуританизм, бывший местной разновидностью кальвинизма и развивший из себя сектантство. В-четвертых, между этими двумя реформациями началась борьба, соединившаяся с борьбой между королевской властью и парламентом, т. к. пуритане в политическом отношении явились защитниками принципа свободы и в XVII в. выделили даже республиканскую партию индипендентов. Наконец, секуляризация церковной собственности, произведенная в Англии, в значительной степени содействовала социальному перевороту, который происходил в стране с конца Средних веков. Здесь мы соответственно с задачей этой главы ограничимся только историей возникновения королевской Реформации в Англии, заметив вообще, что лишь в XVII в. достигает в этой стране наибольшей силы Реформация народная. План, размеры настоящей книги не позволяют нам вообще более подробно остановиться на истории английской Реформации в XVI в., которая была тогда более делом правительства, нежели общественных и народных сил, тем более что ввиду особого интереса английской истории XVII в., когда в стране произошли политические события первостепенной важности, нам придется заняться более этим веком.

В Англии были весьма сильны национально-политическая оппозиция против Рима и социальная оппозиция светских классов общества против духовенства. На русском языке относящиеся сюда факты в достаточном количестве собраны и надлежащим образом освещены в книге проф. В.А. Сололова «Реформация в Англии» (Генрих VIII и Эдуард VI), почти целая треть которой¹ посвящена подготовке Реформации до Генриха VIII. Существование этих причин необходимо иметь в виду, дабы английская Реформация не могла казаться только делом личного произвола деспотического короля, — произвола слишком бросающегося в глаза при поверхностном знакомстве с фактами. Мы знаем, что в числе причин реформационного движения одни были светские (национальные, политические и социальные), другие — ре-

---

¹ 162 страницы из 537. Кроме того, см. второй том «Истории английского народа» *Грина*.

лигиозные (моральные и интеллектуальные): настоящее религиозное движение в Англии началось гораздо позднее отторжения страны от Римской Церкви, так что последний факт имел подкладку более политическую, чем религиозную. Благодаря усиленно королевской власти в Англии с вступлением на престол династии Тюдоров (1485), в политике решающий голос принадлежал королю, чем и объясняется отпадение Англии от Рима по воле короля при поддержке послушного ему парламента, бывшего, кроме того, выразителем национально-политической оппозиции Риму и социальной оппозиции духовенству. Генрих VIII (1509—1547) в два разных периода своего царствования держал себя различным образом по отношению к Католической Церкви; в первый период его отношение к Реформации было то же, что и у современных ему французского и польского королей, с большей только ревностью к защите католицизма, ибо, между прочим, он писал письма немецким князьям, убеждая их, что лютеранская ересь опасна не только для Церкви, но и для государства, и у себя сдерживал парламентскую оппозицию против Церкви, вытекавшую из побуждений мирского характера; наоборот, во второй период он идет по стопам Фридриха Датского и Густава Шведского, да и немецких протестантских князей, не только не сдерживая парламент, но и прямо пользуясь его настроением, чтобы утвердить над Церковью в Англии свою власть вместо папской. Произошла такая перемена следующим образом.

Генрих VIII при жизни своего старшего брата Артура, на вдове которого, Екатерине Арагонской, женился, готовился своим отцом к духовному сану, чтобы стать со временем архиепископом Кентерберийским, а потому учился теологии, занятия которой не оставлял и впоследствии, сделавшись наследником престола и, наконец, королем. В 1521 г. он даже написал против Лютера «Защиту семи таинств» (*«Assertio septem sacramentorum»*), где, между прочим, доказывал божественное установление папской власти, за что Лютер обрушился на английского короля с неприличной бранью, вообще бывшей в ходу в то время в качестве одного из полемических приемов, папа же Лев X дал королю-богослову титул «защитника веры» (*defensor fidei*) и написал ему письмо, в котором льстиво объявил, что его сочинение написано под наитием Св. Духа. Генрих VIII сделался отчаянным врагом Реформации, преследуя всех, кто сколько-нибудь впадал в ересь: в Англии был строгий закон *de haeretico comburendo*, изданный еще в эпоху подавления движения, вызванного Виклифом, и закон этот строго применялся еще в начале царствования Генриха VIII, когда имя Лютера было неизвестно: например, в 1511 г. в одном кентском церковном округе было сожжено пять еретиков, а остальные, арестованные вместе с ними, спаслись от смерти раскаянием. Впрочем, и впоследствии, когда Англия отделилась от католицизма, религиозные преследования не прекращались — одинаково и против католиков, и против настоящих протестантов. Причина перемены в отношении Генриха к католицизму заключалась в размолвке этого своенравного и своевольного короля с папой по

поводу бракоразводного дела, затеянного первым, но встретившего несочувственный прием у другого. Известно, что Генрих VIII, с разрешения папы Юлия II женившийся на вдове своего брата, Екатерине Арагонской, тетке императора Карла V, захотел с ней развестись, чтобы жениться на ее красивой фрейлине Анне Болейн, что папа Климент VII, не желая отменить диспенса Юлия II и обидеть императора, но в то же время, не желая вооружить против себя и короля Англии, тянул дело целые годы, и что это заставило Генриха для оказания давления на папу заручиться письменными мнениями разных университетов в свою пользу¹. Оставалось после этого еще одно средство добиться папского согласия — отправить в Рим адрес от имени всей английской нации, подписанный семидесятью духовными и светскими лордами и одиннадцатью членами палаты общин, в котором, между прочим, указывалось на необходимость второго брака короля, т. к. от первого не было наследника мужского пола (была только дочь Мария, впоследствии королева), — и в котором заключалась угроза в случае отказа решить дело иным образом. Одновременно с этим (1530) конвокация (собрание английского духовенства) постановляет, что брак Генриха с Екатериной незаконен и что диспенс Юлия II не имеет силы. В 1531 г. это дело передается парламенту с мнениями заграничных университетов и более чем ста трактатами ученых в пользу развода и выставляется на вид, что папа отказом своим вредит интересам английской нации. Тогда Генрих VIII еще не предвидел, куда заведет его борьба с папой: вызвав острую национально-политическую оппозицию против папства, он силой вещей был доведен до разрыва с Римом. Король получил развод от конвокации и архиепископа Кентерберийского (хотя папа ответил на брак Генриха с Анной отлучением), но вместе с тем Англия освободилась от гнета курии, т. е. раньше достигла того, благодаря личному делу своего короля, чего достигла бы позднее, когда и в ней к старой национально-политической оппозиции присоединился бы и протест религиозный. Отторжение Англии от Рима не сопровождалось какой-либо ясной идеей о реформе Церкви: в стране не нашлось человека, который мог бы играть роль Лютера, Цвингли или Кальвина. Правда, были люди, помогавшие Генриху VIII в его церковной политике, каковы Фома Кромвель и Кранмер, заменившие для короля его прежнего фаворита кардинала Вольсея, один в качестве канцлера, другой — в качестве архиепископа Кентерберийского, но они лишены были творческой идеи и вместе с другими своими сторонниками не составляли кружка лиц, который ясно сознавал бы цели и средства религиозной реформы, и сам король сначала думал только ограничить папскую власть в юридическом и финансовом отношении. Первые попытки в этом отношении были сделаны в 21-й год (1529—1530) царствования Генриха VIII, когда парламентским статутом запрещено

¹ Эта романическая и дипломатическая история рассказывается обыкновенно очень подробно при изложении истории английской Реформации. Из особых сочинений см. *Friedmann, Anne Boleyn*. — *Осокин Н.А.* Процесс Екатерины Арагонской по новым документам.

было духовным лицам приобретать папские диспенсации и лицензии относительно соединения нескольких бенефиций в одних руках и жительства не на месте своего служения. Статут 23-го года уничтожил аннаты и объявил, что в случае папского интердикта никто не смеет приводить его в исполнение. Парламент 1532—1533 г. заявил в одном из своих статутах, что Англия — самостоятельное королевство, что король — верховный ее глава в делах светских и что для религиозных дел ей достаточно собственного духовенства, а посему Риму нечего вмешиваться в дела Англии: кто стал бы обращаться в Рим и исполнять папские приказания, подлежал бы наказанию. Парламент 25-го года постановил, что противящийся папе не должен считаться еретиком, отменил все апелляции к папе и уничтожил всякое его влияние на назначение архиепископов и епископов в Англии. Так развивалось законодательство, ограничивавшее права папы, а рядом с ним шли одно за другим ограничения поборов курии, причем делались заявления, что король и его подданные остаются верными и смиренными чадами Св. Церкви. Наконец, в исходе 1533 г. был поставлен в королевском совете вопрос о самом папстве, который обсуждался здесь не с догматической или канонической точки зрения, а на основании соображений политического свойства. Спрошенные (1534) по этому вопросу Оксфордский и Кембриджский университеты ответили, что по Св. Писанию римский епископ в Англии не имеет никакой особенной власти сравнительно с другими иностранными епископами. Церковные собрания Кентерберийского и Йоркского округов составили постановления в том же смысле, и такие же заявления сделали отдельные епископы, капитулы, деканы, приоры и т. п. Королевские прокламации объявили это во всеобщее сведение и для исполнения, а в 1536 г. парламентом уже запрещалось под страхом наказания защищать папскую юрисдикцию в Англии и постановлялось в этом смысле требование присяги от всех духовных и от светских чиновников. Вместо молитвы за папу было введено прошение: «*Ab episcopi romani tyrannide libera nos, Domine!*»¹ С другой стороны, уже в 1531 г. Генрих VIII потребовал от духовенства, чтобы его признали «единственным покровителем и верховным главой (*supremum caput*) Церкви и клира в Англии». Конвокация Кентерберийского округа была смущена и лишь после долгих колебаний согласилась признать короля протектором, господином *et quantum per Christi legem licet etiam supremum caput ipsius*² (т. е. Церкви). С этой оговоркой приняла новый королевский титул и Йоркская конвокация, заявив сначала, что в светских делах король и без того глава, в духовных же — главенство его противно Католической Церкви. В 1534 г., наконец, парламент особым актом о верховенстве (*act of supremacy*) объявил, что король, а в нем и его преемники, есть единственный верховный на земле глава Англиканской Церкви и должен

¹ «Избави нас, Господи, от тирании римского епископа!» (лат.). — *Прим. ред.*

² «И поскольку он поставлен Христом, то также может [быть признан] верховным главой ее». — *Прим. ред.*

пользоваться вместе со своей короной и всеми титулами, почестями, достоинствами, привилегиями, юрисдикцией и доходами, свойственными и принадлежащими верховному главе Церкви, и что ему с его наследниками предоставляется право и власть производить время от времени визитации, реформировать, исправлять, укрощать и подавлять все те заблуждения, ереси, злоупотребления и беспорядки, которые того требуют. Особым распоряжением 1535 г. предписывалось в каждый воскресный и праздничный день проповедовать народу и учить в школах, что король есть глава Церкви в Англии, и в этом же смысле статутом 1536 г. была установлена присяга духовенства и светских чиновников. Таким образом, в Англии Реформация началась схизмой, ибо на первых порах, кроме перемены главы Церкви, все остальное — догматы, обряды, церковное устройство — продолжали быть католическими. Но перед королем-богословом, признанным главой Церкви, теперь открывалась возможность самому реформировать религию и произвести секуляризацию монастырской собственности. Переворот усиливал власть короля, а услужливые богословы и Св. Писанием, и творениями Св. Отцов, и историей, и ссылками на законы доказывали, что верховенство в Англиканской Церкви должно было принадлежать королю. Так, епископ Герефордский Фокс написал: «*De vera differentia regiae potestatis et ecclesiasticae*», Гардинер — «*De vera obedientia*» и т. п.

Главные факты английской политической и социальной истории XVI в. будут отмечены в связи с историей великой борьбы, происходившей в XVII в. между королевской властью и парламентом, и тогда же будет выяснена политическая и социальная сторона Реформации в Англии, здесь же нас должно интересовать только происхождение Англиканской Церкви.

Генрих VIII сделался наследником папской власти в Англии. Эта власть была не только политическая, обладая многими правами, обозначавшимися общим понятием юрисдикции, но и религиозная: уже в конвокациях тридцатых годов высказывалось недоумение по поводу притязания короля сделаться главой Церкви, и духовенство соглашалось на это лишь с оговорками, ограничивавшими это главенство делами светскими. Король шел, однако, далее, но вопрос о том, как светская власть может распоряжаться в чисто духовных делах и в каких отношениях, будучи чуждой благодати священства, должна она стоять к подчиненной ей иерархии, наделал немало хлопот королевским сторонникам, как только точнее нужно было определить церковное верховенство короля. Своим главенством Генрих VIII хотел пользоваться весьма широко, и вот в Англии происходят, по воле короля и главы Церкви, с согласия послушного парламента, секуляризация монастырской собственности и церковная Реформация. Первая *произвела целый переворот в поземельных и социальных отношениях Англии*, но Генрих VIII не удержал всей конфискованной собственности в своих руках, раздав значительную ее часть новому дворянству, что создало на будущее время целый класс защитников происшедшей в Англии церковной перемены. Главным помощником короля в этом деле был его

канцлер и «генеральный викарий» по церковным делам, «молот монахов», Фома Кромвель, человек деспотического нрава и сторонник Макиавелли в политике. Генрих VIII в эту эпоху сам, как известно, обнаружил много произвола и жестокости, между прочим, казнив новую свою жену Анну, вступив после смерти третьей жены, леди Сеймур, в брак с Анной Клевской и разведясь с ней, женившись потом на Екатерине Говард и казнив ее, как и Анну Болейн (только шестая жена, Екатерина Парр, пережила мужа). Деспотизм, соединенный с религиозным террором, проявился и в Реформации, произведенной Генрихом. Казнили всех, не хотевших признать законность развода и второго брака или церковное верховенство короля. За непризнание противности Св. Писанию первого брака короля был казнен восьмидесятилетний епископ Рочестерский Фишер (1535), а за ним Томас Морус, отказавшийся принять королевскую супрематию; потом казнили и других ослушников короля. Когда Генрих VIII умирал, в Англии был настоящий церковный хаос, ибо новый глава Церкви внес в решение вопросов веры свой личный каприз. Раз Англия отторглась от Рима на том основании, что Св. Писание имеет более важное значение, чем папа, нужно было применить этот принцип и к другим сторонам церковной жизни. Архиепископ Кранмер, сочувствовавший лютеранству, хотел произвести в Англиканской Церкви изменения в этом духе, но ни король, ни высшее духовенство не обнаруживали к тому склонности, и архиепископ встретил сопротивление в конвокации. Сам король-богослов вмешался в это дело, и в его царствование издано было четыре распоряжения о том, во что должны веровать его подданные: это были десять статей 1536 г., «Наставление христианина», или епископская книга того же года, шесть статей 1539 г. и «Необходимое учение и наставление христианина», или королевская книга 1544 г., все с католической окраской, ибо, например, шесть статей содержали в себе: 1) учение о пресуществлении, 2) о причащении под одним видом, 3) о безбрачии духовенства, 4) об обязательности обетов целомудрия, 5) о действительности частных месс и 6) о необходимости тайной исповеди. Около времени издания этих статей Генрих, по политическим соображениям, вступил в переговоры с немецкими протестантами, и в Лондон в 1538 и 1539 гг. явилось из Германии посольство, переговаривавшееся с Кранмером и другими теологами относительно общего вероучения, но аугсбургское исповедание не было принято. При всем своем тяготении и к католическим догматам и обрядам Генрих VIII не был постоянен в своих решениях, и послушный парламент скреплял его изменчивые постановления: сам король находился то под влиянием противников папства (Кромвеля, Кранмера), то, наоборот, под влиянием тайных папистов (еп. Винчестерского Гардинера, кардинала Реджинальда Поля), сообразно с чем менялись его взгляды, и при такой политике одинаково гибли и приверженцы старой Церкви, и искренние протестанты. В общем, до падения Кромвеля (казненного в 1540 г.) королевская политика имела более антикатолический характер, но «статьи» 1539 г. уже особенно

утверждали католические понятия и учреждения и даже монашеские обеты — после уничтожения монастырей. «Шесть статей» вводились с такой жестокостью, что их прозвали «кровавыми». Когда Генрих VIII умер (1547) Англиканская Церковь по вероучению была еще католической, чем отталкивала от себя протестантов, хотя и не признавала власти папы, что вооружало против нее искренних католиков. Наследовал Генриху VIII его сын (от Анны Сеймур) малолетний Эдуард VI (1547—1553), за которого правил сначала лорд-протектор, дядя его Сомерсет, у которого отнял власть герцог Нортумберланд. Регенты эти, поставленные в необходимость вмешиваться в церковные дела, обращались за советами и содействием к Кранмеру, более не таившему своей склонности к протестантизму, да и молодой король, обнаруживавший хорошие способности и раннее умственное развитие (он умер 16 лет), был на стороне Реформации, не желая, однако, как и Кранмер, никаких насилий. В его царствование и была устроена Англиканская Церковь, существующая с легкими изменениями и доселе в том виде, какой получила около 1550 г. Верховенство короля было сохранено, но «шесть статей» отменены, а заменены новыми «статьями веры» (articles of faith 1552), к которым нужно еще прибавить утвержденный парламентом «общий служебник» (common prayer book). При Кранмере догматическое учение Англиканской Церкви приближалось к лютеранскому, и только при Елизавете в нем сделаны были изменения в кальвинистическом смысле, но *общий характер Англиканской Церкви носит на себе следы компромисса между католицизмом и протестантизмом*: она сохранила епископат, семь таинств, пышный культ, но в то же время отвергла папство, истолковала в протестантском духе многие вопросы веры и ввела народный язык в богослужении. Утверждение этой правительственной Реформации принадлежит царствованию королевы Елизаветы (дочери Анны Болейн) в 1558—1603 гг., но перед этим сделана была попытка католической реакции при ее сестре Марии (дочери Екатерины Арагонской), которая царствовала с 1553 по 1558 г.¹

Таковы были три (датская, шведская и английская) монархические реформации. Прежде нежели мы перейдем к народным реформациям второй половины XVI в., упомянем, что среди польских протестантов в царствование Сигизмунда II Августа (1548—1572), когда реформационное движение в Польше достигло наибольшей силы, была в ходу мысль — убедить этого короля последовать примеру Генриха VIII, и были моменты, когда эта мысль была довольно близка к осуществлению, будь только Сигизмунд Август другим человеком².

---

¹ Герцог Нортумберланд уговорил молодого короля назначить своей преемницей внучку младшей сестры Генриха VIII Иоанну Грей, бывшую замужем за его сыном, но Иоанна Грей была низвергнута Марией.

² См. мой «Очерк реформационного движения в Польше», с. 106—111 и 113—121.

XVIII. Народные реформации второй половины XVI в.¹

Правительственные и народные реформации. — Национальные движения. — Секуляризационные стремления и дворянство. — Распространение кальвинизма в середине XVI в. — Сравнение разных стран, где во второй половине XVI в. было реформационное движение. — Эпоха распространения кальвинизма. — Общие замечания о Реформации в Польше, Франции, Нидерландах. — История шотландской Реформации. — Мария Стюарт и новая революция.

В Германии, где народное религиозное движение предшествовало принятию нового учения князьями, Реформацией, шедшей снизу, воспользовались князья; в Дании, Швеции и Англии самая инициатива Реформации принадлежала государям, но при этом они опирались на известные общественные элементы и на сословно-представительные учреждения, пользуясь или той оппозицией, которая существовала в нации против Рима, или тем антагонизмом, какой существовал у светских сословий, особенно у дворянства с духовенством. Государи были представителями политической оппозиции против Рима, но кроме нее существовали еще оппозиция национальная и социальная: первая заключалась в недовольстве целых наций Римом, вторая — в недовольстве светского общества духовенством. Этих факторов, как особенно показывает история Англии, было совершенно достаточно, чтобы без религиозной реформы поставить целые народы с их правителями в новые отношения к Риму, и на таких примерах, как отторжение от католицизма Англии и скандинавских государств, лучше всего познаются те светские причины, которые в XVI в. содействовали религиозной Реформации. В названных странах преобразования в Церкви последовали за изменениями в политическом положении Церкви, и особенно в последнем отношении важен пример Англии, где отторжение от Рима прямо предшествовало реформе Церкви королевской властью, а эта реформа предшествовала чисто народной Реформации. Но если без национального и общественного содействия Реформация была прямо немыслима, то понятно, что реформационные движения могли начаться и действительно начинались и снизу, увлекая за собой государственную власть или сталкиваясь с ней, была ли она католическая или протестантская, если только народная Реформация была от-

---

¹ Для Реформации в Шотландии, кроме общих сочинений, см.: *Lorimer. Precursors of Knox. — M'Crie. Life of John Knox. — Brandes. John Knox.* — Имеющая романический характер история Марии Стюарт вызвала целую литературу, о которой см. заметку проф. *В.П. Бузескула* на с. 132—133 второго тома «Лекций по всемирной истории» *Петрова*. Монография *Минье* о Марии Стюарт переведена по-русски; кроме того, по-русски есть о ней еще книжка *Г.Е. Афанасьева*.

лично от правительственной. Последний случай мы наблюдаем в Германии, где народная Реформация, когда она получала сектантский характер, подавлялась Реформацией правительственной, которая была лютеранской. Такое же явление и притом в более развитой форме мы встречаем в Англии, где столкнулись между собой королевский англиканизм с народным пуританизмом. Особую категорию случаев мы наблюдаем, наконец, в тех странах, где подданные (или часть подданных) делаются протестантами, а правительства остаются католическими, как это было в немецких католических княжествах, в габсбургских владениях с Чехией и Венгрией, во Франции и Польше, в Шотландии и Нидерландах. Целые народы и отдельные сословия или другие части народов могли принимать участие в движении без своих правительств и даже вопреки их воле.

Что было обще государям и народам и отдельным сословиям, включая сюда и духовенство, в истории реформационного периода, так это *национальный принцип, который сближал государей и их подданных, а иногда светских людей и духовных лиц* в одном общем деле. Национальный характер реформационного движения не подлежит сомнению вообще, но особенно любопытно то, что духовенство в эту эпоху само участвует в движении, помимо религиозных мотивов, заставлявших многих духовных лиц принимать новое учение. В этом отношении особенно любопытны *факты, указывающие на стремление католического духовенства к национальной независимости от Рима* на началах Галликанской Церкви. Такое стремление мы замечаем, например, в Дании, о чем было уже сказано в своем месте, а в Польше при Сигизмунде II Августе мысль о «костеле народов» была в ходу высших представителей клира с примасом королевства, архиепископом Гнезненским Яковом Уханским во главе, что возбуждало опасения в Риме, несмотря на то что Яков Уханский и другие епископы были во вражде с протестантами. Та сравнительная легкость, с какой английский клир променял папу как главу Церкви на короля, свидетельствует вообще о разложении католицизма в этой стране, указывает, между прочим, и на то, что английское духовенство было более национальным, чем римским. Вообще национальный характер Реформации явствует еще из переводов Библии на народные языки¹ и из введения его в богослужение.

Но одним из реформационных факторов были еще нерасположение к духовенству светских сословий и *секуляризационные стремления эпохи, особенно сильные, кроме тогдашних правительств, у дворянства*. Предводитель рыцарского восстания Франц фон Зиккинген думал наложить руку на церковные владения. Польская шляхта указывала на церковные земли как на фонд, которым должно располагать государство, и, принимая протестантизм, сама производила в малых размерах секуляризацию в своих имениях,

---

¹ К указанным раньше переводам прибавим английский, сделанный *Тиндалем* (1538).

завладевая имуществом приходских церквей и заставляя крестьян выплачивать себе десятину. В более широких размерах делали то же самое немецкие князья — между прочим, по примеру Альбрехта Бранденбургского — и духовные, что вызвало известный *Reservatum ecclesiasticum* 1555 г., — но мы знаем, что немецкие князья делились секуляризованными землями с дворянством. В обоих скандинавских государствах произошло то же самое. Наконец и в Англии секуляризованная монастырская собственность не удержалась в королевских руках, разойдясь по рукам нового дворянства и создав целый класс собственников, которые материально были заинтересованы поддерживать установленную королевской властью Церковь. Одним словом, в той или другой форме *везде, где государственная власть производила секуляризацию церковных имений, она делилась ими с дворянством.*

Но объяснять Реформацию одними национально-политическими и социально-экономическими причинами, как мы знаем, нельзя: она все-таки, прежде всего, явление религиозное, и элемент чувства и убеждения играет в ней первенствующую роль. Как двадцатые и тридцатые годы XVI в. были эпохой религиозного движения под лютеранским, цвинглианским и анабаптистским знаменем, так в середине XVI в. распространяется кальвинизм, выставивший энергичных религиозных бойцов и одушевивший массы непоколебимым фанатизмом, принявшим, как мы видели, и политический характер. В двух странах, где государственная власть осталась строго католической и преследовала протестантов, именно *в Шотландии и Нидерландах, кальвинистическая Реформация, отличавшаяся религиозным фанатизмом, сопровождалась политическими революциями и приняла общенародный характер.* В двух странах, наоборот, этой Реформации не удалось сделаться национальной, именно *во Франции и в Польше, где протестантизм получил более сословный характер,* преимущественно дворянский и отчасти городской, т. к. государственная власть и народная масса остались в них католическими, но в одной, т. е. во Франции, протестантизм отличался и большим религиозным фанатизмом, чем в Польше, где последнего почти не было, как это выяснено проф. Любовичем в его трудах по истории Реформации и католической реакции в Польше, и вместе с этим была та разница между французским и польским дворянством, что у первого на главном плане стояла политическая оппозиция королю, тогда как у польской шляхты — социальный антагонизм по отношению к духовенству, как это несколько лет тому назад выяснили труды польских историков. Наконец, сильное религиозное движение, по существу кальвинистическое, но на демократической подкладке произошло и в Англии, где ему особенно пришлось играть видную политическую роль. Я нарочно сопоставляю Шотландию с Нидерландами и Францию с Польшей: в первых двух странах одинаково победила Реформация (за исключением одной части Нидерландов, т. е. Бельгии), но эта победа была куплена ценой гражданских смут, причем в обеих странах

произошли революции, к которым были приложены кальвинистические политические принципы. Эти же принципы действовали и во Франции в эпоху религиозных войн, имевших также свою политическую сторону, что позволяет нам сближать Францию с Шотландией, Нидерландами да и с Англией, поскольку везде мы встречаем факт борьбы подданных и представительных учреждений (в Англии в XVII в.) с королями, но в том отношении Франция и Польша могут быть поставлены рядом, что в обоих государствах короли и народная масса остаются католическими, в обоих протестантизм (кальвинизм, а в Польше, кроме того, исповедание чешских братьев, лютеранство — в городах, и антитринитаризм) принимается главным образом частью дворян и горожан, играет роль лишь некоторое время, но потом сходит со сцены, с тем лишь различием, что католическая реакция во Франции никогда не была так сильна, как в Польше, хотя в обеих странах в XVII в. у протестантов были отняты права, — и с тем еще различием, что из реформационной эпохи Франция вышла с сильной королевской властью, а Польша — шляхетской республикой с расслабленным правительством¹.

Гранью между двумя эпохами — королевской и народной — в истории Реформации вне Германии и Швейцарии может служить тот самый 1555 г., который имеет столь важное значение (Аугсбургский религиозный мир) в истории немецкой Реформации, также получившей монархический характер: к этому времени протестантизм утвердился в Дании и Швеции и выяснился к концу царствования Эдуарда VI характер Англиканской Церкви. С другой стороны, около того же времени кальвинизм делает громадные успехи в Польше, Франции и Шотландии и со вступлением на престол Филиппа II начинается новая эпоха в истории Нидерландов. Для того чтобы убедиться в праве смотреть на *вторую половину пятидесятих годов XVI в. как на эпоху сильного распространения кальвинизма*, сопоставим даты и факты.

В Польше настоящее реформационное движение среди шляхты началось только около 1550 г., и лишь в пятидесятих годах на сеймах организуется протестантская партия, но долгое время шляхта колеблется, к какому исповеданию ей примкнуть, не сочувствуя лютеранизму, как исповеданию немецкому и, кроме того, за его монархический характер, и мало, сравнительно, симпатизируя более демократическому учению братьев чешских (гуситов), нашедших, однако, все-таки последователей. *Кальвинизм пришелся как нельзя более к стремлениям польской шляхты*: его аристократическо-республиканский характер и допущение им светского элемента в виде старейшин (сеньоров) к церковному управлению снискали ему особенное расположение шляхты, которая в это время господствовала на сеймах и, подчинив себе крестьян и горожан, стремилась не только сокрушить мощь

---

¹ См. мой «Исторический очерк Польского сейма».

клира, но и вполне подчинить себе приходских священников. Кальвин еще в самом начале царствования Сигизмунда Августа (которому он посвятил в 1549 г. толкование на «Послание к евреям») обратил внимание на Польшу, вступив в переписку с выдающимися в ней лицами, между которыми в середине пятидесятих годов была даже мысль пригласить в Польшу самого Кальвина. На польских протестантских съездах этого времени все еще было, однако, вопросом, какое исповедание принять. В качестве устроителя Церкви в Польшу давно уже (с 1552) звали поляка-кальвиниста Яна Лаского, одного из заметных на Западе реформаторов, жившего долго за границей: он был устроителем Реформации в Фрисландии, помогал Кранмеру в Лондоне, где был одно время предстоятелем протестантской общины иностранцев, и хлопотал в Германии об унии между лютеранством и реформатством; его звали к себе Густав Ваза и Альбрехт Прусский, и к последнему он лишь потому не поехал, что тот не согласился на его требования — независимости Церкви от государства и уничтожения некоторых лютеранских обрядов. В 1554 г. Лаский обратился к польскому королю, сенату и шляхте с приглашением произвести Реформацию и вскоре затем сам явился в Польшу, где и сделался (1556—1560) организатором Кальвинистической Церкви («гельветического исповедания»); но вскоре после его смерти среди польских кальвинистов начался антитринитарский раскол, да кальвинизму и не удалось вытеснить ни лютеранства (в городах), ни учения чешских братьев. *Принятие кальвинизма частью польской шляхты произошло, таким образом, во второй половине пятидесятих годов*, когда на сеймах шла ожесточенная борьба между духовенством и шляхтой из-за церковных судов, канонического («иноземного») права, десятины и т. п., которым шляхта не хотела подчиняться. Но присущей кальвинизму религиозной ревности не было в Польше: здесь не без влияния со стороны итальянского гуманизма развился религиозный рационализм, выразившийся в антитринитарском сектантстве, которое само, не по примеру анабаптизма, имело аристократический оттенок, не будучи связано со стремлением к общественному переустройству.

Та же вторая половина пятидесятих годов была временем значительного усиления кальвинизма и во Франции. В 1555 г. здесь существовала едва ли не одна только правильно организованная протестантская община, а в 1559 г. их было около двух тысяч и впервые собрался в Париже (тайный) синод «гугенотов», как стали называть во Франции последователей кальвинизма. Это был год смерти Генриха II, после чего королевская власть перешла к его сыновьям Франциску II (1559—1560) и Карлу IX (1560—1574), а за молодостью одного и несовершеннолетием другого — к временщикам и опекунам: к этому времени готовы были элементы для образования протестантской партии, к которой примкнули принцы крови (Бурбоны), дворяне и горожане, недовольные усилением королевской власти (что в русской литературе разъясне-

но в трудах проф. И. В. Лучицкого «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» и «Католическая лига и кальвинисты во Франции»). Благодаря связи религии с политикой здесь нашли ход и дальнейшее развитие политические идеи Кальвина.

Несколько позднее, именно во второй половине шестидесятых годов, произошел взрыв народной Реформации и вместе с ним политическая революция в Нидерландах, где религиозные и политические идеи кальвинизма равным образом играли весьма большую роль, но уже около того времени, когда Карл V передал власть Филиппу II (1555), число последователей Реформации в Нидерландах было так велико, что одних выселившихся новобранцев было около десяти тысяч.

Так как к истории религиозно-политических движений во Франции и Нидерландах мы еще должны будем возвратиться, то здесь мы рассмотрим лишь *кальвинистическую Реформацию в Шотландии, начало которой также относится к 1555—1559 гг.* и которая имеет весьма тесную связь с утверждением Реформации и в Англии в обеих ее формах — англиканской и пуританской.

Королевская власть в Шотландии в Средние века была очень слаба: с одной стороны, феодальная аристократия отличалась здесь особым духом независимости, с другой — чувством свободы проникнут был и простой народ. Династия Стюартов, царствовавшая в Шотландии, была в постоянной борьбе с подданными, восстававшими против своих королей, которые, стремясь возвысить собственную власть, равным образом готовы были не останавливаться ни перед какими средствами. *Шотландские революции реформационного периода были лишь продолжением тех восстаний, какие и раньше бывали в стране, но с распространением в ней кальвинизма борьба шотландцев с королевской властью получила религиозный характер войны избранного народа божьего с идолопоклонническими государями и сопровождалась усвоением с континента кальвинистических политических идей.*

Когда умер в 1542 г. король Иаков V, у него была только едва лишь появившаяся на свет дочь Мария, и регентшей сделалась ее мать Мария из известной французской фамилии Гизов. Маленькая Мария Стюарт воспитывалась во Франции, где вышла замуж за дофина, впоследствии (1559—1560) короля, Франциска II, но овдовев в конце 1560 г., летом следующего года она прибыла в свое королевство совсем еще молодой женщиной, не достигшей двадцатилетнего возраста, когда в Шотландии уже совершился протестантский переворот. Еще при жизни ее отца из Германии и Англии стало проникать реформационное учение к шотландцам, но его последователей начали тогда же преследовать и казнить, так что оставаться в Шотландии представляло для них большую опасность: в числе бежавших были историк и поэт Джордж Бьюканан (Buchanan) и профессор богословия Джон Нокс (Knox). Между тем в регентство Марии Гиз в Шотландии происходили смуты и была

война с Англией, заставлявшая правительство призывать к себе на помощь французское войско, которым после отражения английского нашествия оно пользовалось уже в иных целях. По политическим соображениям королева-мать, однако, перестала стеснять протестантов, и даже многие английские протестанты в эпоху реакции, происшедшей в Англии при Марии Тюдор (1553—1558), нашли приют в Шотландии. В это-то время и выступил на сцену организатор кальвинистического движения в стране Джон Нокс. Во время одной схватки в Шотландии он попал в плен к французскому отряду, и французское правительство продержало его полтора года на каторге в окопах (на галерах), но потом он уехал в Англию, где Кранмер дал ему должность священника. Воцарение Марии Тюдор заставило его переселиться в Женеву, где он сошелся с Кальвином и усвоил его церковные воззрения: в Ноксе был весьма силен демократизм, а Кальвин, хотя и сторонник аристократии, проповедовал самоуправление церковных общин, члены которых равны между собой, да и большая последовательность религиозной системы Кальвина привлекала Нокса на свою сторону, так что кальвинизм в сравнении с Англиканской Церковью гораздо более соответствовал его стремлениям и воззрениям, т. к. он отличался той же последовательностью, какая характеризует Кальвина, и, подобно ему, относился с некоторой даже враждебностью к эстетической стороне религии, сохранившейся в англиканском богослужении. Нокс — вообще одна из крупных личностей протестантизма. Это была натура, родственная Кальвину, фанатическая, строгая в моральном отношении, в основе своей честолубивая, но соединявшая последнее свое свойство с теократическим рвением ветхозаветного пророка и с любовью к свободе, отличавшей шотландскую нацию. Неограниченная власть где бы то ни было — в Церкви ли, в государстве ли, все равно — была противна всему существу Нокса, и он думал, что если государи и высшие классы не хотят исполнять священной своей обязанности — уничтожить суеверие в идолослужении, то обязанность эта переходит к общине. Право общины определять религиозный культ по собственному воззрению он устанавливал не теоретически только. В 1554 г. его пригласили в проповедники общины английских протестантов в Франкфурте, сблизившейся с кальвинистами, но новые эмигранты были недовольны этим, и Нокс опять уехал в Женеву со многими последователями, утверждавшими, что каждая община по своему может устраивать свое богослужение. Приехав в 1555 г. в Шотландию, он нашел уже немало последователей Реформации среди дворян и в народе и сам стал проповедовать новое учение, а главное — организовать его последователей для общей церковной жизни и для борьбы, придав созданной им Церкви характер самой ожесточенной ненависти к римскому «идолослужению», самого ревностного исполнения воли Божьей, самого энергичного протеста против безнравственности двора и клира, которую он обличал с силой ветхозаветного пророка. Потом он опять уехал в Женеву, откуда письмами продолжал

руководить своими единоверцами. В конце 1557 г. несколько протестантских вельмож (в их числе побочный брат королевы, впоследствии граф Муррей) заключили «ковенант», обязавшись отречься «от сонмища Антихриста с мерзостным суеверием его и идолослужением», дабы установить евангельскую общину Иисуса Христа, причем у них с религиозным мотивом соединялся и политический — недовольство регентшей, которая посредством брака своей дочери с французским дофином хотела как бы слить Шотландию и Францию воедино и, следуя французской политике, начала опять притеснять протестантов, из которых один был даже сожжен. К ковенанту стали присоединяться массы, и тогда «лорды конгрегации», как назывались инициаторы движения, представили правительнице и парламенту петиции, в которых требовали восстановления «божественной формы первоначальной Церкви», богослужения на родном языке по англиканскому «общему служебнику», и права приходам выбирать священников, дворянству епархий — епископов. Парламент на это не согласился, регентша же, хлопотавшая по смерти Марии Тюдор о возведении своей дочери Марии Стюарт, происходившей по женской линии от Генриха VII, на английский престол вместо Елизаветы, которую папа объявил незаконнорожденной, соединилась со сторонниками католической реакции на континенте для подавления «ереси» и в Шотландии: тогда протестанты обратились за помощью к новой английской королеве, Елизавете. Все это было в 1559 г. Нокс снова возвратился в Шотландию. Началась бурная народная Реформация с иконоборческим характером, с разрушением монастырей и аббатств, началась и война «Христовой конгрегации» с шотландскими и французскими солдатами регентши, война, в которую вмешалась Франция, чтобы, овладев Шотландией, идти на Англию и низвергнуть там Елизавету в пользу Марии Шотландской, сделавшейся в том же самом году и королевой французской, но это заставило английскую королеву оказать помощь ковенантерам, к которым присоединились и некоторые шотландские католики, боясь господства французов. «Лорды и общины шотландской Церкви» решились тогда отнять власть у регентши, и Нокс составил мемуар, в котором доказывал цитатами из Ветхого Завета, что низлагать идолопоклоннических правителей — дело, угодное Господу. Было организовано вместе с тем временное правительство, одним из членов которого сделался Нокс (1559). В следующем, однако, году (1560) враждующие партии при уступчивости, обнаруженной со стороны Франции, и при вмешательстве Англии примирились: по Эдинбургскому договору французские войска были выведены из Шотландии, и в отсутствие королевы, оставшейся еще во Франции, собравшийся без нее парламент (или, вернее, конвент), в котором по личному праву мог заседать каждый дворянин, — состоя в громадном большинстве из реформатов, ввел в Шотландии кальвинизм и произвел секуляризацию церковной собственности, которую, однако, не отдал на содержание духовенства, школ и благотворительных заведений, а рас-

пределил большей частью между дворянством. Мария отказалась утвердить это решение, и ее дяди Гизы, управлявшие Францией при Франциске II, уже думали о насильственном подавлении происшедшего в Шотландии переворота, но смерть Франциска II отняла у них власть. Таким образом, в Шотландии введена была Пресвитерианская Церковь, управлявшаяся пресвитериями, причем, однако, священники были лишены материальной обеспеченности, благодаря жадности, с какой дворянство расхищало церковную и монастырскую собственность. В шотландском кальвинизме возродился суровый характер и ригористическая дисциплина женеvской школы.

Рассказ о Марии Стюарт и ее трагической судьбе не входит в план нашего изложения, и мы упоминаем о ней, чтобы, напомним известные факты ее истории, указать на новую революцию в Шотландии. Католичка и, в сущности, по воспитанию своему французка, Мария попала в невозможное положение, приехав на родину вскоре после совершения переворота. Нокс и другие деятели Реформации не только обличали ее «идолослужение» и молились в церквях о ее освобождении из «плена Сатаны», но и мешали ей пользоваться католическим богослужением. Вышедши в 1565 г. замуж за лорда Дарнлея и родив от него сына Иакова, она разошлась с мужем, и скоро он погиб во время взрыва дома, в котором жил, после чего она вышла замуж за лорда Ботвеля, которого прямо обвиняли в убийстве Дарнлея. Произошло новое восстание, результатом которого было низложение Марии Стюарт и возведение на престол ее малолетнего сына Иакова VI. Сама Мария должна была бежать в Англию (1568) к своей сопернице Елизавете, которая задержала ее в плену. В этом восстании политические страсти соединились с религиозными: пока правила Мария, строгие законы против католиков не исполнялись и Нокс даже жаловался на увеличение идолослужения; в перевороте 1567 г. он принял деятельное участие; регент Муррей (брат королевы) созвал парламент, которым законно утверждалось в Шотландии бывшее прежде только фактическим господство Пресвитерианской Церкви и возобновлялись законы против католиков; воспитание маленького короля было отдано горячему кальвинисту Бьюканану, страстному противнику идолопоклоннической Марии Стюарт, оставившему после себя шотландскую историю (*Reum scoticarum historiam*) и важное политическое сочинение в кальвинистическом духе, о котором сказано будет после, когда речь будет идти о тогдашней политической литературе.

Кальвинизм проник и в Англию, где его последователи, гонимые светской властью и официальной Церковью, получили название пуритан, т. е. «очищали» свою Церковь от остатков католицизма, сохранившихся в англиканизме.

XIX. Столкновение двух реформаций в Англии¹

Особенность истории Реформации в Англии и ее важность. — Католическая реакция в Англии при Марии Тюдор. — Значение этой реакции. — Разделение англичан на сторонников установленной Церкви и на пуритан. — Воспитание Елизаветы и ее отношение к религии. — Причины утверждения англиканизма в Англии. — Англиканская Церковь. — Общий ее характер и причины пуританской оппозиции. — Индивидуализм и государственность в Реформации. — Преследования неконформистов при Елизавете. — Пуритане и броунисты. — Противоположность англиканизма и индепендентства.

На общем фоне религиозной Реформации XVI в. ее история в отдельных странах имеет свои особенности, и нередко эти особенности получают резко индивидуальный характер. Реформация сверху, принимавшая монархический характер, и Реформация снизу, получавшая характер оппозиции против королевской власти, представляют из себя явления, повторяющиеся в истории разных стран, но в одной только Англии мы наблюдаем своеобразное явление возникновения двух отдельных одна от другой реформаций, из которых ни одной не удастся одолеть другую, и борьба которых играет важную роль как в религиозной, так и в политической истории страны. Королевские реформации первой половины XVI в. вместе с княжескими реформациями в Германии в политическом отношении усиливали монархическую власть, т. е. действовали в том же направлении, как и другие исторические факторы, благодаря которым происходило почти повсеместное усиление в Западной Европе государственной власти. Иное мы видим в кальвинистическом движении второй половины XVI в., которое и в Шотландии, и во Франции, и в Нидерландах соединилось с борьбой сословий против начинавшего развиваться абсолютизма. В Англии как раз наблюдается совместное существование этих двух направлений: в первой половине века, в одно время с Реформацией в немецких княжествах, в Дании, в Швеции, совершается королевская Реформация с резко выраженным характером правительственного происхождения, когда в народе не было еще настоящего религиозного движения, и результатом ее является англиканизм; зато во второй половине века, когда кальвинизм делал свои успехи в странах, соседних с Англией, в Шотландии, во Франции, в Нидерландах, вступая при этом на

---

¹ Для эпохи Елизаветы Английской см.: Соколов В. Елизавета Тюдор. — *Philippson. Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV.* — *Wright. Elizabeth and her times.* — *Wiesener. La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre.* — *Beesly Edw. Spencer. Queen Elisabeth.* — Сочинения по истории пуританизма и индепендентства будут названы при указании на литературу по истории английской революции.

путь политической оппозиции, и Англию не миновало его влияние, результатом чего было появление в этой стране пуританизма. Подобно тому как в Шотландии, во Франции, в Нидерландах во второй половине XVI в. столкнулись между собой, с одной стороны, католические правительства, с другой — реформированные подданные, так и в Англии произошло столкновение между двумя реформациями, между Реформацией правительственной и Реформацией народной, столкновение, получившее, однако, особенно острый и притом прямо политический характер лишь в XVII в. *В этом возникновении двух реформаций в Англии и в долговременной их борьбе и заключается особенность ее истории*, придающая последней своеобразный характер. Оставляя пока в стороне политическую сторону вопроса, мы рассмотрим, как утвердился в Англии англиканизм, как возникло пуританское движение и в какие отношения стали эти две вероисповедные формы именно как религиозные системы, т. к. все это характерно не только для истории Англии, но и для других стран, поскольку мы наблюдаем здесь отношение государственной Церкви к иноверию и обратное отношение иноверия к государственной Церкви.

Окончательное торжество Церкви, основанной в Англии при Генрихе VIII и Эдуарде VI, относится к царствованию Елизаветы, т. е. ко второй половине реформационного века (1558—1603), но перед ее вступлением на престол этой Церкви пришлось выдержать серьезное испытание при королеве Марии Католической, царствовавшей, правда, недолго, всего пять лет (1553—1558), но успевшей начать реставрацию католицизма, которая даже дала королеве прозвание Кровавой за ту жестокость, какую проявила тогдашняя католическая реакция против протестантов. Дочь Екатерины Арагонской видела в протестантизме не только ересь, но и враждебную силу, наделавшую много зла и ее матери, и ей самой, а Англия, страдавшая от религиозного террора ее отца, не успела еще привыкнуть к Церкви ее брата, оставаясь еще почти католической, что для планов королевы было только благоприятно. Мария воспользовалась своим титулом «главы Церкви», чтобы, опираясь на дававшееся им верховенство, восстановить католицизм, и действительно приступила к его реставрации, начав заменять епископов, назначенных Кранмером, католиками и пустив в ход другие подобные меры. Выборы в парламент, и без того довольно благоприятные королеве, совершались под давлением правительства; оппозиционные кандидаты были устранимы тем, что их предавали суду, а из верхней палаты были удалены те епископы, которые отличались преданностью Реформации. Билль, объявлявший брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской законным, был принят парламентом без сопротивления. Затем сильное католическое большинство приняло предложение уничтожить церковные преобразования, введенные Кранмером при Эдуарде VI, как то: причащение под обоими видами, дозволение священникам жениться, богослужение по новому служебнику, устра-

нение икон и мощей как предметов поклонения, — и конвокация прославляла за это новую «Девору» и «Юдифь». С другой стороны, своим браком (1554) с сыном Карла V, Филиппом, Мария теснее сближалась с католиками на континенте и вскоре после свадьбы в качестве главы Церкви назначила комиссию из католиков для искоренения ереси, уничтожения всех нововведений, какие были сделаны по смерти ее отца, восстановления старого культа и отнятия должностей у женатых священников; комиссия эта до истечения года со дня смерти Эдуарда успела сделать свое дело. Затем после переговоров с папой, которого убеждали не настаивать на возвращении конфискованных церковных имуществ, Мария провела в парламенте и другое дело: папская власть над Англией была восстановлена, но при этом владельцам бывших монастырских имений было гарантировано спокойное ими обладание, без чего парламент, как это было ясно самой королеве, не согласился бы признать папскую власть, потому что в парламенте было много лиц, попользовавшихся при секуляризации, и они боялись, что восстановление папской юрисдикции повлечет за собой и возвращение монастырям их имений. Так как затем были восстановлены старые законы против еретиков, то началась репрессия протестантизма и посредством казней, но в Англии уже было много искренних протестантов, которые или упорно отказывались отречься от своей веры, или бежали на континент, в Германию и в Швейцарию, и основывали там свои общины, в то время как в самой Англии сжигали одного «еретика» за другим, разыскивали виновных в ереси и держали массу шпионов, помогавших церковным судам. Среди погибших были Роджерс, сотрудник Тиндаля по переводу Библии, Кранмер и другие деятели предыдущего периода. Твердость мучеников за веру производила впечатление на народ, а эмигранты с континента наводняли Англию летучими листками, в которых королева предавалась проклятию, как новая «Иезавель»; самым беспощадным из таких памфлетов был написанный в Женеве Ноксом «Трубный глас против чудовищного правления женщины»: эти произведения читались в народе, сея в нем первые семена будущего пуританизма. Марии уже противопоставляли ее сестру, дочь Генриха VIII от Анны Болейн, Елизавету, так что фанатики советовали королеве казнить ее, как еретичку, для чего за поводом дело не остановилось бы, ибо имя Елизаветы часто повторялось при открытии заговоров против Марии. Не одно возобновление религиозного террора Генриха VIII было причиной народного неудовольствия: когда королева только объявила о намерении своем вступить в брак с Филиппом, многие стали опасаться уничтожения в Англии ее внутренней свободы, ее парламента, даже внешней ее независимости по отношению к Испанской монархии, и еще до бракосочетания своего с Филиппом Мария должна была подавить разные восстания, что повлекло за собой несколько казней. Далее, в конце 1555 г. королева настояла в парламенте на том, чтобы (как того требовал и папа Павел IV) была возвращена Церкви хоть та часть церковных иму-

ществ, которая оставалась еще за короной, но состоявшееся в этом смысле незначительным большинством голосов постановление парламента поселило тревогу в владельцах секуляризованной монастырской собственности. Наконец, внешняя политика Марии, бывшая вполне испанской по защищаемым ею интересам, лишила Англию в войне с Францией Кале, которым первая владела со времен Столетней войны. Не встретив поддержки в парламенте, правительство стало налагать произвольные подати, а когда их кто-либо отказывался платить и суд становился на сторону сопротивлявшегося, правительство нападало на независимых судей.

Реакция при Марии Кровавой показала, как, в сущности, было непрочно церковное здание, выстроенное ее отцом и братом: в короткое время и с согласия парламента все новшества были отменены и католицизм был восстановлен со строгими законами против еретиков. Но в нации были элементы, которые не мирились с этой реставрацией: то были владельцы секуляризованной собственности и протестанты, одни бывшие сторонниками англиканизма, поскольку он представлял известные выгоды, другие — последователями зарождавшегося пуританизма, убежденными в идолопоклонстве Католической Церкви. С другой стороны, *эта реакция, связав дело католицизма с внутренней тиранией и национальной внешней политикой, отвратила англичан от католицизма*, и преемнице Марии было легко произвести реставрацию англиканизма, удовлетворявшего своим национальным характером и некоторыми выгодными своими сторонами одних людей, тогда как, наоборот, другие не могли примириться ни с королевской властью в делах веры, ни с остатками римских «суеверий» и «идолослужения», сохранившимися в Англиканской Церкви, заботясь не столько об удобствах и выгодах, сколько о религиозной истине, и, быть может, разделение английской нации во второй половине XVI в. на сторонников установленной Церкви и на пуритан есть одна из лучших иллюстраций того, что в деле принятия реформы одними руководили более или менее сторонние внутреннему существу религии соображения, другими — искавшие религиозной истины, хотя сторонние соображения должны были бы отвращать от такого искания. Англиканская Церковь, при создании которой Генрихом VIII и Эдуардом VI, равно как и при ее реставрации Елизаветой, не действовал никакой самостоятельный религиозный принцип, а действовали мотивы нерелигиозного свойства, что и отразилось на характере компромисса между католицизмом и протестантизмом, отличающем англиканизм, — эта Церковь при известных условиях могла сделаться национальной, т. е. найти поддержку в народе, утвердиться в его жизни, как Церковь государственная, но она не была достаточно реформированной, чтобы удовлетворить настоящих протестантов, не была проникнута настолько, как кальвинизм, внутренней религиозностью, чтобы действовать на ум и чувство отдельного человека, — словом, она была создана более для удовлетворения известных потребностей госу-

дарства, чем для удовлетворения духовных запросов индивидуума. Государственные соображения принимались в расчет и при организации других протестантских церквей и, нужно заметить, сильно принимались в расчет, раз Реформация вводилась законной или революционной государственной властью, но нигде так мало не действовал фактор религиозного убеждения и чувства, как при учреждении и возобновлении и Англиканской Церкви. Между тем Англия, как мы сказали, тоже была задета религиозным движением века, и, конечно, для всех, кого в Англии не удовлетворял более католицизм, предстояло выбирать между англиканизмом и пуританизмом, между Церковью, в основание которой были положены известные интересы, удобства, выгоды, задние мысли, и Церковью, которая с необыкновенной последовательностью развивала в своем учении и осуществляла в своем устройстве слово Божье, как его понимали реформаторы XVI в. Уже при Генрихе VIII обнаруживалось различие между королевской Реформацией и теми стремлениями, которые заставляли отдельных лиц делаться протестантами, но, собственно говоря, противоположность между Реформацией, произведенной в интересах государства, и Реформацией, имевшей свое происхождение в религиозных потребностях индивидуума, обнаружилась вполне при Елизавете, когда, как было сказано, *с одной стороны, утвердился англиканизм, окончательно приняв характер государственной Церкви, а с другой — распространился пуританизм, отвечавший на запросы индивидуального религиозного сознания.*

При Марии Тюдор на Елизавету протестанты смотрели как на свою единую веру, католики — как на самую зловредную еретичку, и положение ее при сестре было не только трудное, но и весьма опасное, хотя по желанию Марии Елизавета отсеклась от протестантизма, посещала католическую мессу и держала себя в высшей степени осторожно по отношению к возникшей против Марии оппозиции, возлагавшей на нее все свои надежды, как на наследницу бездетной сестры и даже возможную ее заместительницу еще при ее жизни: принцессу после открытия одного заговора подвергали даже допросу и посадили в Тоуэр, причем у Марии требовали казни еретички сторонники католической реакции, поддерживаемые в этом отношении советами Карла V. Глава католиков, канцлер-епископ Гардинер говорил, что секиру нужно положить к самому корню дерева ереси, т. е. бесполезно только обрывать ее листья и обрубать ветви. Между прочим, у Елизаветы нашелся защитник в лице мужа Марии, который не желал, чтобы вследствие бездетности его жены после ее смерти престол достался шотландской королеве Марии Стюарт, т. е. это обозначало бы переход Англии под французское влияние: Филипп, сам сделавшийся во время царствования своей жены испанским королем, подумывал даже о браке с Елизаветой в случае кончины Марии, и его вмешательству Елизавета была обязана тем, что была возвращена ко двору из Вудстокского замка, куда ее перевели из государственной тюрьмы

мы; но и после этого, живя главным образом в уединении Гетфильдского замка, принцесса находилась под сильным надзором, постоянно подозреваемая и постоянно сама опасавшаяся за свою судьбу при той ненависти, какую к ней питала католическая партия, окружавшая ее сестру. В годы царствования Марии Елизавета, получившая, как известно, блестящее классическое образование, читавшая, переводившая и даже комментировавшая греческих и латинских авторов, познакомившаяся со Св. Писанием (с Новым Заветом в подлиннике), с Отцами Церкви и сочинением Меланхтона «*Loci communes theologici*», прошла еще суровую жизненную школу, приобрела сдержанность, расчетливость в поступках, умение притворяться и со всеми, с кем было нужно, ладить. Таково было ее отношение и к религиозному вопросу, отношение, в котором на первом плане стояли политические соображения, а не убеждение в том, что или протестантизм — ересь, или католицизм — суеверие и идолослужение. Получив протестантское воспитание и тем возбуждая большие надежды в английских протестантах, которые после ее воцарения стали возвращаться на родину из Франкфурта, Цюриха и Женевы, где они спасались от реакции, бывшей в царствование ее сестры, Елизавета прикидывалась ревностной католичкой, когда на престоле была ее сестра, и даже высказывала неудовольствие по поводу того, что ее обращению плохо верили, а перед смертью Марии даже успокаивала ее относительно будущего Католической Церкви в Англии. По-видимому, она оставалась верной ей и по своем вступлении на престол, даже короновалась с соблюдением католического ритуала, да и впоследствии возбуждала неудовольствие протестантов своей, как им казалось, приверженностью к католицизму: когда в Англии была восстановлена Церковь ее брата и с собственного же согласия королевы алтари при богослужении были заменены простыми столами, в придворной Церкви была сохранена вся католическая обстановка; кроме того, королева оставалась всегда противницей женатого клира. В сущности, Елизавета не была в душе ни католичкой, ни протестанткой и не хотела видеть в Англии ни папизма, ни пуританизма. Это не значило, что у нее не было никакой религии: она оставалась христианской, но в глубине души своей не придавала большого значения вероисповедным отличиям, не понимала ни фанатизма религиозных преследователей, ни фанатизма гонимых за веру и даже мечтала — в эпоху страшной католической реакции на континенте — об образовании международного невероисповедного союза, который должен был бы отказаться от вмешательства в дела веры. В этом отношении королева, из протестантки сделавшаяся католичкой, а из католички опять протестанткой, довольно хорошо характеризовала и *религиозное настроение большинства английской нации, беспрекословно подчинявшегося переменам, какие были производимы в течение тридцатых, сороковых и пятидесятих годов XVI в. ее королями и королевами*. Сравнительно с Шотландией и государствами континента, «веселая Англия» королевы Бетси была мало задета рели-

гиозным движением; в ее культуре чувствовался более дух Возрождения, чем дух Реформации, и о величайшем писателе Елизаветина века в Англии, Шекспире, трудно решить, кем он был в глубине души — католиком или протестантом. При таком настроении королевы и большинства нации религиозный вопрос должен был решаться на основании соображений, посторонних религии, взятой самой в себе. Так оно и вышло, и *Церковь Эдуарда VI, бывшая результатом компромисса между католическими и протестантскими тенденциями и соображений политического свойства, как нельзя более годилась для того, чтобы сделаться учреждением государственным и национальным*. Со строго католической точки зрения Елизавета не была законно-рожденной, так что при ее вступлении на престол со стороны папы сделан был протест. Католические епископы не хотели ее короновать, и лишь одного из них убедили совершить над ней обряд. Еще раньше, на похоронах Марии, епископ Винчестерский сказал в своей надгробной речи, что покойная королева оставила наследницу, которой нужно повиноваться, ибо «живая собака все-таки предпочтительнее мертвого льва». Шотландская королева и жена французского дофина Мария Стюарт предъявила притязание на английский престол, как правнука Генриха VII, и к своим титулам присоединила титул королевы Англии и Ирландии. Внутри страны образовались католические заговоры. Одним словом, католическая реакция на континенте была против Елизаветы, и против нее была партия английских католиков. Политический расчет заставил Елизавету стать на сторону протестантизма, но, не будучи католичкой, она не была сторонницей и пуританского духа и чувствовала склонность к богослужебной эстетике, к иконам, к разукрашенным алтарям, к торжественным обрядам и процессиям, к церковной музыке, равно как и к некоторым католическим догматам, да и сама она не раз уверяла католических посланников, что она верует совершенно так же, как их государи. Будучи в действительности довольно религиозной, Елизавета, с одной стороны, вообще не была исключительной, относясь к вероисповедным различиям с известной широтой взгляда, но с другой стороны, несомненно, шла на сделки со своей совестью, на компромиссы с политическими обстоятельствами.

Дав во время коронации (1559) клятву охранять Католическую Церковь, Елизавета не исполнила этой клятвы, если только не разумела под этим именем Церковь Англиканскую, которая тоже именовалась Католической. В первый же парламент, собранный при ней, правительством внесено было предложение восстановить Англиканскую Церковь. Лорды и общины объявили королеву рожденной от законного брака и возвратили короне все права, которые Мария уступила папе и иерархии, но Елизавета отказалась от титула «глава Церкви», как от титула иерархического, но заменив его равносильным титулом «верховной правительницы церковных и светских дел». Для заведования первыми установилась верховная комиссия, лишавшаяся, однако, права объявлять ересь учение, не противоречащее Св. Писанию

и первым четырем вселенским соборам. Лица, занимавшие церковные и гражданские должности, должны были присягать на верность новому закону. Католическое богослужение заменялось англиканским по исправленному Всеобщему служебнику (*Common prayer book*). Католические епископы стояли за сохранение папской власти и римского культа, но сама королева заявила им, что она и дом ее «(я и дом мой) будут служить Господу» (Иис. Нав., XXIV, 15), а не папе. Большинство епископов отказали в присяге, королева у пятнадцати из них отняла должности, некоторых отдала под надзор и даже подвергла тюремному заключению, как поступила она и с другими лицами (например, профессорами университетов и прелатами), отказавшимися признать ее супрематию. Затем назначены были королевой новые епископы, секуляризованы монастыри, восстановленные при Марии, и введены 42 «статьи веры», утвержденные парламентом при Эдуарде VI, пока в новую сессию парламента не было внесено исправленной и принятой конвокацией редакции этих статей (39 статей), которая и была утверждена парламентом с объявлением, что отступление от них есть ересь и должно подвергаться наказанию.

Англиканская Церковь вообще сохраняла название католической (вселенской) в том смысле, что видимые национальные церкви суть части невидимой Церкви, вселенской. Каждая национальная Церковь имеет видимого главу в лице государя, но невидимый глава Церкви Вселенской есть Христос: папа узурпировал права государей и присвоил себе божественное достоинство. Благодаря соединению Церкви и государства под одним главенством, государство делается христианским, и все подданные должны принадлежать к этому единению, противящиеся же этому, как больные члены тела, отсекаются. Национальная Церковь свята, ибо имеет божественное происхождение чрез преемство епископов как правителей Церкви от апостолов, получивших от Христа Дух Святой, переданный ими посредством рукоположения епископам: последние имеют поэтому сообщаемые Св. Духом силы и благодати и передают их священникам и мирянам. В учении о епископском преемстве и благодатном характере иерархии Англиканская Церковь стоит ближе к католицизму и существенно отличается от лютеранства и реформатства. Соединив вместе с тем в учении о таинствах католический взгляд на спасающую силу Церкви (но без исключительной в этом отношении силы таинств) с протестантским догматом об оправдании верой, и здесь англиканизм занял среднее положение. Далее, в этой Церкви решения духовных соборов (конвокаций) могли получать силу только по утверждении их парламентом (т. е. королем, лордами и общинами), в котором епископы сохранили свои места среди лордов, но не в качестве духовных сановников, а как распорядители имений, которыми были дотированы их кафедры. Формально епископа выбирал капитул, но на основании королевской грамоты, в которой прописывалось имя кандидата. Высшее духовенство было подчинено королевской власти, низшее — высшему, церковный суд — королю и тайному совету. За

общиной никаких прав не признавалось в назначении священников. «39 статей» были составлены в протестантском духе, «служебник» — скорее в католическом, т. к. культ был в большинстве случаев лишь переделкой католической мессы и других служб.

Таков был в общих чертах характер Англиканской Церкви. Рассматривая ее, нужно иметь в виду следующие ее особенности, объясняющие нам, почему против нее должна была возникнуть пуританская оппозиция.

Во-первых, как не раз было уже говорено, *Англиканская Церковь была результатом компромисса между католицизмом и протестантизмом*, взяв многое из последнего, но сохранив католические понятия видимого главы Церкви (с перенесением церковного главенства на светского государя), облагодатствованной иерархии в лице епископов и т. п., равно как многие подробности культа. В этих отношениях Англиканская Церковь была совершенной противоположностью кальвинизму вообще, как господствовавшему тогда виду Реформации, а в частности утвердившейся в соседней с Англией Шотландии Церкви Пресвитерианской: одна была Церковь монархически-аристократическая, другая — республиканско-демократическая, признавая самоуправление религиозной общины и отвергая епископат. Англиканский культ в сравнении с шотландским был тоже мало очищен от католических примесей.

Во-вторых, народное реформационное движение в Англии принимало индивидуалистический характер, что и выразилось с наибольшей силой в индипендентстве XVII в., которое зародилось, однако, во второй половине царствования Елизаветы, а между тем *англиканизм во имя своего чисто государственного характера требовал единообразия церковной жизни в стране*. «39 статей» сделались обязательным символом веры; культ должен был происходить по установленному служебнику, получившему даже название «Книги общей молитвы» (Common prayer book); особым «актом об единообразии» (act of uniformity) требовалась внешняя «сообразность» (conformity) всех с установленными порядками, хотя мнениям и представлялась свобода, не могшая быть действительной, раз например, религиозное мнение католика или пуританина именно в том и состояло, что «сообразоваться» с англиканизмом противно воле божьей и голосу совести. Характерно, что все, не желавшие признать того, что требовалось этим актом, были названы «нонконформистами».

В-третьих, *Англиканская Церковь вводилась не только королевской властью, но и парламентом*, который еще при Генрихе VIII, Эдуарде VI и Марии Католической санкционировал религиозные перемены, тогда как среди английских протестантов уже зарождалось направление, признававшее право на церковное самоуправление не за целой страной, а за отдельными общинами.

Впрочем, во всех почти этих отношениях Англиканская Церковь мало чем отличалась от других протестантских церквей: если не *de jure*, то *de facto*

главами местных церквей были и лютеранские государи, духовенство же в них, как в Англии, получало бюрократический характер; проводя реформу, и они опирались на сеймы, а в реформатских городских республиках и в Шотландии протестантизм тоже вводился советами и парламентом; наконец, аналогию с актом единообразия представляют собой все вообще вводящиеся князьями, королями, сеймами, городскими советами религиозные новшества. Другими словами, *была ли Реформация королевской или народной, монархической или республиканской, она принимала государственный характер и требовала себе подчинения от индивидуума*. В Англии, благодаря особенному происхождению ее новой Церкви, эта общая черта Реформации выразилась только рельефнее, чем в других странах, так что Англиканская Церковь может служить образцом Реформации, в которой первая роль принадлежала государству. Но Реформация имела свой первый источник в потребностях индивидуального духа, и в этом смысле *государственному протестантизму какого бы то ни было происхождения мы имеем право противопоставлять протестантизм индивидуальный*, представителем которого был еще Лютер, прежде чем сделался организатором государственных церквей в германских княжествах и который проявился с наибольшей силой в анабаптизме первой половины XVI в. *Подавление анабаптистского индивидуализма государственным протестантизмом было в сущности тем же, чем сделалось позднее подавление пуританизма англиканизмом*. История английской двойной Реформации тем и любопытна, что здесь *развились противоположности королевской и народной Реформации, государственного и индивидуального протестантизма* и пришли между собой в столкновение, осложнившее собой в XVII в. политическое *столкновение между королевской властью и парламентом*, аналогию которому представляют собой во второй половине XVI в. шотландская и нидерландская революции и попытка ограничения королевской власти во Франции путем восстановления генеральных штатов.

Аналогии с континентом и должны нам помочь понять религиозную историю Англии при Елизавете. Отношение королевы, обнаруживавшей известную широту религиозных воззрений, во всяком случае, чуждой фанатизма и способной на компромиссы, к иноверию не соответствовало тому, как она сама относилась к установленной Церкви, и в ее царствование происходили преследования нонконформистов, т. е. и папистов, и пуритан, причем были отдельные случаи применения даже смертной казни. Сотрудники королевы Елизаветы объясняли такое ее поведение политическими мотивами, т. к. католики и пуритане, которых она гнала, были ее политическими врагами, что же касается до совести подданных, то королева, по их объяснению, вовсе не имела намерения ее насилловать. При всем интересе, какой представляет собой психологическая сторона вопроса, т. е. объяснение поведения Елизаветы ее личным характером в связи, конечно, с обсто-

ятельствами ее царствования, нужно помнить, что самое положение ее, как высшей церковной власти в стране, при существовании акта о единообразии заставляло ее поддерживать установленную Церковь и смотреть на всех неконформистов как на ослушников государственного закона: это было тоже своего рода «*cuius regio, ejus religio*». Собственно говоря, только паписты являлись настоящими политическими врагами Елизаветы, составляли против нее заговоры, находились в сношениях с внешними врагами Англии, что и составляло политический мотив борьбы против последователей религии, исповедание которой одно должно было, по-видимому, делать человека склонным к государственной измене, как это и думали тогда очень и очень многие англичане, приученные католической реакцией смотреть на принадлежность к установленной Церкви как на доказательство патриотизма, но пуритане и выделившиеся из их среды сектанты заговоров не составляли, убивать королеву не думали, с иностранными врагами государства не сносились, и тем не менее они также подвергались преследованиям, которые уже не могли оправдываться ссылкой на политическую необходимость: пуританская оппозиция, которой в XVII в. суждено было сделаться политической, при Елизавете сохраняла чисто религиозный характер, но в глазах королевы это не мешало пуританам быть все-таки ослушниками ее воли, мятежными подданными, не хотящими повиноваться законам государства, которые заключались в парламентских статутах. Многие пуритане не были даже враждебны подчиненно Церкви короне, хлопоча только об очищении культа и уменьшения формализма, введенного официальным служебником, и именно лишь преследования, которым их стали подвергать, сделали их оппозицию более принципиальной. На пуритан, конечно, должно было действовать и то, что происходило в Шотландии, во Франции, в Нидерландах, где их единовольцы добивались прав; особенно, конечно, шотландский пресвитерианизм был образцом, которому стали подражать и английские кальвинисты, вводя у себя и его республиканское церковное устройство, и его упрощенное богослужение, и его суровую моральную дисциплину и научившись у кальвинистов других стран стойкости в отстаивании своих религиозных убеждений. Когда обстоятельства заставили Елизавету сделаться заступницей кальвинистов на континенте, их английские единовольцы возносили о ней пламенные молитвы к Богу, даже сидя в тюрьмах за свой религиозный «неконформизм», а один пуританин, которому отрубили в виде наказания руку, взял в другую руку шляпу и, махая ею, закричал: «Боже, храни королеву!»

Во второй половине царствования Елизаветы среди пуритан возникло новое направление, получившее особое значение только в XVII в. под названием индепендентства. Это была секта, приверженцы которой назывались первоначально броунистами по имени основателя секты Броуна. Ее приверженцы, исходя из того принципа, что каждое отдельное лицо имеет право на религиозную свободу и что такой же свободой должна пользоваться

ся каждая конгрегация, состоящая из лиц одних и тех же религиозных воззрений, отвергали зависимость религиозных общин от каких бы то ни было светских или духовных властей, вследствие чего не признавали не только власти королевской и епископской в делах веры, но и власти национального синода Церкви Пресвитерианской. Республиканские и демократические принципы были последовательно проведены в церковной жизни броунистов: их общины были вполне независимы от какой бы то ни было духовной власти, откуда позднейшее название индепендентов, т. е. независимых (рядом с папизмом, епископальной Церковью и пресвитерианизмом); в каждой общине господствовало полное равенство; общие дела решались большинством голосов; общины сами выбирали своих проповедников, не требуя от них специальной подготовки, но и смещая их, когда были ими недовольны. Взаимные отношения общин были также основаны на началах равенства, ибо ни одна другой не подчинялась: когда, например, какая-либо конгрегация делалась слишком многочисленной и ее члены не в состоянии были собираться в одном помещении для общего богослужения, — для которого, нужно заметить, не полагалось никаких определенных форм, — то она разделялась на две части, совершенно независимые одна от другой. Единственным наказанием, которому мог подвергнуться член общины, было его исключение из ее состава, и равным образом, если одна конгрегация замечала, что члены другой ведут непохвальный образ жизни или отступают от самых оснований христианской веры, то имела право делать внушения и исключать их из истинного христианского общества.

Англиканизм и броунизм были две противоположности, на которых с особой наглядностью мы наблюдаем раздельное действие политических (в широком смысле слова) и религиозных причин Реформации XVI в., противоположности, в данном случае совпавшие с противоположностями Реформации правительственной и народной, государственной и индивидуалистической. В сравнении с этой последней противоположностью само пресвитерианство, сохранившее все основные черты кальвинизма, было чем-то средним, промежуточным, во многих отношениях более близким к англиканизму, но преследования, которым подвергались все пуритане, сблизжали пресвитериан и индепендентов, последние же были подвергнуты страшному гонению при самом своем появлении в Англии, т. е. с начала восьмидесятых годов, ибо уже в 1583 г. было казнено два приверженца этой секты. В XVII в. эта противоположность, имевшая сначала главнейшим образом религиозный и церковный характер, перешла на политическую почву, когда представители Англиканской Церкви сделались защитниками прерогативы короля, а индепенденты — защитниками прав народа.

XX. Принципы протестантизма¹

Итоги Реформации. — Протестантизм и его принципы. — Католицизм, гуманизм, протестантизм. — Принцип свободы совести. — Свобода мысли и рационализм в Реформации. — Социнианизм в Польше. — Протестантское государство. — Социальные и политические вопросы. — Политическое учение лютеран. — Политическая литература у кальвинистов. — Влияние Реформации на оживление католицизма.

Рассмотрение Реформации в собственном смысле нами окончено: мы познакомились с разными видами Реформации и наметили ее историю в разных странах, и нам предстоит теперь поставить вопрос об общих ее результатах, как прежде мы ставили вопрос о ее причинах. На одних ее результатах, каковым, например, является распадение католического единства Западной Европы и появление новых церквей, останавливаться не стоит, т. к. они очевидны сами собой; о других, каковы освобождение протестантских государей от папской власти, подчинение им местного духовенства, обогащение их от секуляризации церковных имуществ, которыми они делились большей частью с дворянством и т. п., о чем удобнее говорить по отношению к истории отдельных стран, распространяться я также не стану, ибо факты, относящиеся к этой категории, были уже указаны и сопоставлены, и недостаток места не позволяет нам к ним возвращаться; наконец, для каждой страны в отдельности, сообразно с местными условиями, Реформация имела далеко не одинаковое значение, и в этом отношении замечания относительно отдельных стран, сравнения между ними, которые делались (и отчасти еще будут делаться), дадут все необходимое для подведения итогов под реформационной историей и с этой стороны. Но есть некоторая такая еще область, по отношению к которой недостаточно ограничиться итогами Реформации указанных трех категорий²: это область общих принципов, действующих в культурной

---

¹ Настоящая глава представляет собой отчасти вывод из всего предыдущего и в этом смысле имеет философский характер. Многие из затронутых здесь культурных явлений, кроме общих сочинений, рассматриваются в историях религии, философии и политических учений. По последним см. вообще: *Блюнчли*. История общего государственного права и политики (*Bluntschli. Gesch. des allgemeinen Staatsrechts und der Politique*). *Franck*. Réformateurs et publicistes de l'Europe. *Janet P.* Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. *Чичерин*. История политических учений (для рассматриваемой эпохи, т. I). *Маассен*. Девять глав о свободной Церкви и о свободе совести. — Для социнианизма см. мой «Очерк реформационного движения в Польше», а также книги проф. *Любовича*, где рассказана история выделения польских антитринитариев из Кальвинской церкви (до Социна). Специально этот предмет в книгах: *Fock*. Der Socinianismus. *Trechsel*. Die protestantischen Antitrinitarier. *Будрин*. Антитринитарии XVI в. (Теология социниан). *Левцкий*. Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси.

² Категории результатов Реформации составлены применительно к категориям причин, о чем выше.

и социальной (в широком смысле) истории. *Реформация была движением культурно-социальным: какие же принципы внесла она в историю индивидуального и общественного развития на Западе* независимо от непосредственных религиозных и светских причин, вызвавших церковные преобразования и разные исторические движения, которые с ней соединились?

Каждое крупное историческое движение имеет свои принципы: иногда они прямо и ясно формулируются участниками или свидетелями движения, иногда составляют подкладку фактов последнего — и именно в мотивах отдельных действий, в настроениях действующих лиц, в том значении, какое факты получают при научной переработке. Реформация была одним из таких явлений: масса фактов, составляющих ее историю, объединяется своей однородностью, и в ней мы должны искать некоторую совокупность принципов, собственно и образующих понятие протестантизма, взятого с культурной и социальной или политической стороны. Каждый принцип есть известная идея, но ее нельзя рассматривать отвлеченно, как таковую, ибо: 1) она играет роль исторического фактора, определяя мысль, чувство и волю деятелей движения, ставя цели их деятельности, придавая ей характер и направление, причем 2) такая идея всегда существует рядом с другими идеями, родственными ей или враждебными, и с иными факторами (например, интересами), вступая с ними во взаимодействие и испытывая при этом разные изменения, а потому, наконец, 3) не все деятели данной эпохи суть представители одних и тех же идей, будучи же их представителями, не всегда делают из них логические выводы и бывают последовательны в их применении, хотя данный принцип сам прививает к обществу известные привычки, страсти, интересы и овладевает людьми. Реформационное движение было движением идейным, и принципы протестантизма оказали гораздо более заметное влияние на тогдашнюю историю, чем принципы гуманизма: протестантизм не оставался мыслью и словом, а переходил в дело, вместе с чем под его знамя становились другие исторические факторы, т. к. он овладевал умом, чувством и волей людей и перевоспитывал их, насколько вообще новое направление бывает способно сразу изменять старые мирозерцания, настроения и привычки, именно перевоспитывал только до известной степени. Рассматривая протестантизм не с точки зрения абсолютных идей, а с исторической точки зрения, т. е. с относительной, мы должны поставить вопрос, насколько принципы протестантизма соответствовали культурно-социальному состоянию, чтобы быть принятыми, и насколько принятое могло осуществиться, а вместе с этим должны брать свой предмет в сравнении с другими принципиальными явлениями того же порядка, с католицизмом, который сам обновился под влиянием Реформации, и с гуманизмом, уже раньше проявившимся в разных сферах умственной деятельности общества. Чтобы во всем объеме и во всей полноте решить эти вопросы, нужно было бы отдельное сочинение, но иногда бывает важно дать вопросу известную постановку, даже и не решая

его вполне. Еще одно общее замечание. Современный историк отдален от событий реформационной эпохи на целые века: ему виден процесс Реформации от начала до конца, он обобщает представляемые им явления, сводит в формулы свои обобщения, анализирует взаимные отношения культурных направлений и социальных сил, т. е. для него Реформация есть предмет созерцания и исследования, и он может в более беспримесном виде схватить основные принципы движения. В ином положении были деятели эпохи: они стояли в середине событий, часто не знали сами, что создают и что разрушают, к чему приведут те или другие их поступки, — и могли формулировать принципы движения лишь в частных положениях, разрозненными одни от других, с большими непоследовательностями, из которых самая главная была та, что *начатая во имя индивидуалистического принципа свободы совести, Реформация в наибольшем количестве своих проявлений была отрицанием этого принципа.*

По вопросу о взаимных отношениях католицизма, гуманизма и протестантизма ограничимся немногими замечаниями.

Исходные пункты протестантизма находились в полной противоположности с католицизмом, хотя принципы первого и не были целиком введены в жизнь, дав только начало новому движению: здесь были одни против других принципы авторитета и индивидуальной свободы, внешней набожности и внутренней религиозности, традиционной неподвижности и движения вперед. Так дело представляется с отвлеченной точки зрения, но в действительности Реформация слишком часто была только переменной формы, а не принципа: мы видели, например, что кальвинизм во многих отношениях был сколком с католицизма. Да и в самом деле, вообще Реформация заменяла один церковный авторитет в делах веры другим или авторитетом светской власти, устанавливала известные для всех обязательные внешние формы, хотя бы и не в смысле обрядности, и внося новые начала в церковную жизнь, делалась по отношению к ним силой консервативной, не очень-то допуская дальнейшее движение вперед. Таким образом, *вопреки основным принципам протестантизма, Реформация в действительности сохраняла католические культурно-социальные традиции.* Протестантизм, взятый с принципиальной своей стороны, был религиозным индивидуализмом и в то же время попыткой освободить государство от церковной опеки. Последнее удалось в большей степени, чем проведение индивидуалистического принципа: государство не только освобождалось от церковной опеки, но само подчиняло себе Церковь и даже становилось на место Церкви по отношению к своим подданным, вопреки индивидуалистическому принципу Реформации. Своим индивидуализмом и освобождением государства от теократической опеки *протестантизм сходится с гуманизмом эпохи Возрождения, в котором сильны были индивидуалистические и секуляризационные стремления.* Общим у Ренессанса и Реформации было именно стремление личности создать

собственный взгляд на мир, соединявшееся с критическим отношением к традиционным авторитетам и с развитием рационализма и индивидуалистического мистицизма; освобождение жизни от аскетических требований с реабилитацией инстинктов человеческой природы, выразившееся в отрицании монашества и целибата духовенства; эманципация государства, секуляризация церковной собственности и т. д. Но сходясь между собой в одном, *протестантизм и гуманизм расходились один с другим, будучи одним явлением преимущественно светской культуры, другой — культуры религиозной*: гуманисты исходили из идеи земного благополучия личности, реформаторы — из идеи загробного спасения; в своих стремлениях первые опирались на классиков, вторые — на Св. Писание и Отцов Церкви; одни радовались возрождению античной образованности, другие стремились вернуть Церковь к первым векам христианства; в одном направлении индивидуализм принимал характер рационалистический, в другом — мистический. Где сильно было светское Возрождение, там не было Реформации и, наоборот, где реформационное движение широко охватывало нацию и глубоко в нее проникало, там гуманизму наносился удар. Оба направления, конечно, сближались: немецкий гуманизм, отличный от итальянского, индифферентного к религии, соединялся с богословскими занятиями, и несколько его представителей стали деятелями Реформации, что и последней придавало (у Цвингли, у Меланхтона и др.) менее фанатический характер; сближение мы замечаем между Реформацией и гуманизмом и в рационалистическом сектантстве, о котором будет еще идти речь. Но иногда оба движения расходились до резкой противоположности: немецкое мистическое сектантство, сам кальвинизм, равным образом индепендентство отличались пренебрежением и прямой иногда враждебностью к светской науке и литературе. *Реформация даже прямо заявляла себя реакцией против светского направления жизни*, которое она обвиняла в язычестве. Реформаторы упрекали папство в том, что оно омирщилось; Лютер говорил, что без Реформации весь мир сделался бы эпикурейским; суровое сектантство самим реформаторам казалось возрождением монашеского аскетизма. Особенно характером реакции против развития светской культуры отличался кальвинизм, бывший во многих отношениях как бы усугублением католицизма, слив государство с Церковью, поставив общество под надзор духовенства, подчинив его ригористической дисциплине, объявив войну мудрствующему разуму: в кальвинизме прямо развились принципы, противоположные гуманистическим индивидуализму и секуляризации мысли и жизни. Одним словом, протестантизм, как и всякое другое историческое явление, как все живое и жизненное, заключал в себе противоречия и непоследовательности, но общим своим религиозным характером он более подходил к тогдашнему культурному состоянию Европы, чем светский гуманизм. *Последний возродился только в «просвещении» XVIII в., но восприняв в себя многие элементы, бывшие насле-*

дием протестантизма, поскольку в них обоих лежали зародыши индивидуализма и секуляризации, затаившиеся, однако, другими присущими им принципами. Например, индифферентный или слишком рассудочно относившийся к религии гуманизм *оказался неспособным предъявить миру индивидуалистический принцип свободы совести*, рожденный, хотя и с великими муками, Реформацией, которая, в свою очередь, *оказалась неспособной понять свободу мысли*, возникшую в гуманистическом движении: только позднее совершился синтез этих наследий протестантизма и гуманизма. С другой стороны, в своей политической литературе, как известно, *гуманизм не развивал идеи политической свободы*, которую защищали в своих сочинениях раньше кальвинисты, а позднее индипенденты, но *протестантские политические писатели не могли отрешить государственную жизнь от конфессиональной окраски*, что, наоборот, делали гуманисты: и опять лишь позднее произошло слияние политических воззрений Реформации и Возрождения. *Религиозная и политическая свобода новой Европы обязана своим происхождением преимущественно протестантизму; свободная мысль и светский характер культуры ведут начало от гуманизма*. Обновленный католицизм оказался по существу своему принципиальным противником свободы совести и свободы мысли, но входил в сделки с политической свободой и со светской культурой, когда считал это нужным для восстановления своей власти над миром, тогда как у протестантов, защищавших политическую свободу, последняя была чем-то вроде религиозного догмата, а у представителей светского образования последнее самоцелью, а не средством. Сопоставляя эти культурно-социальные принципы протестантизма, гуманизма и нового католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двух первых, несмотря на все их недостатки по отношению даже к требованиям их времени, и общий регрессивный характер католической реакции, которая, однако, сама была порождена Реформацией.

Рассмотрим же судьбу идей свободы совести, свободы мысли, свободы светского государства и политической свободы в истории Реформации.

Первое: *протестантизм породил принцип свободы совести, хотя Реформация его и не осуществила*. Исходным пунктом Реформации был религиозный протест, имевший в своей основе нравственное убеждение: все отделившиеся от Католической Церкви во имя своего религиозного убеждения встречали против себя Католическую Церковь и часто государственную власть, но мужественно и нередко претерпевая мученичество, отстаивали свою веру, свободу своей совести, которая прямо была возведена в принцип религиозной жизни анабаптистами и индипендентами. В большинстве случаев, однако, принцип этот страдал и искажался. Мы видели, например, как отступил от него сам Лютер, да и вообще весьма часто гонимые прибегали к принципу в видах самообороны, не имея достаточно терпимости, чтобы не делаться гонителями других, когда представлялась к тому возможность, и ду-

мая, что, как обладатели истины, они могут принуждать к ней других. Ставя Реформацию под покровительство светской власти, они передавали государству права старой Церкви над индивидуальной совестью. С другой стороны, завоевывая религиозную свободу, нововеры весьма часто завоевывали ее только для себя. Немецкие князья, протестовавшие на Шпейерском сейме, ссылаясь на тот принцип, что дела веры не могут решаться большинством, сами пользовались правом по-своему решать, какой веры должны быть их подданные. Польская шляхта, добившаяся самой широкой религиозной свободы, не обращала никакого внимания на своих хлопов-католиков, превращая приходские церкви в протестантские¹; мы увидим еще, что по религиозным эдиктам во Франции дворянство получало более широкую религиозную свободу, чем горожане. Одним словом, *свобода совести была привилегией лишь известных лиц и состояний*, а не общим правом. Отстаивая далее свою веру, протестанты ссылались не на индивидуальное свое право, как это делал Лютер на Вормсском сейме, но главным образом на тот принцип, что нужно более повиноваться Богу, чем людям, но этим же повиновением Богу оправдывалось и нетерпимое их отношение к иноверию, в котором они видели оскорбление Божества. Только позднее среди индипендентов утвердился принцип, по которому Христос, искупив всех людей своей божественной кровью, сделался единственным господином над совестью людей. Реформаторы даже признавали за государством право наказывать еретиков, которое сама власть считала своим и потому, что видела в отступлении от господствующего вероисповедания послушание ее велениям. Правда, на первых порах отношение к несогласным в вере приводило реформаторов в смущение, и, например, Лютер не мог же ссылаться на те же принципы, во имя которых Церковь его самого объявила еретиком, и останавливался перед мыслью о казни еретиков, хотя и подводил ересь под понятие богохульства, наказуемого гражданскими законами, но больше напирая на политическую неблагонадежность анабаптизма. Такое отношение даже Меланхтон, однако, находил «глупо мягким», а Кальвин не отступил перед сожжением Сервета, заслужив одобрение других реформаторов и вызвав в защиту права государства казнить еретиков особое сочинение Безы². Только позднее индипенденты развили учение о невмешательстве государства в религиозные дела и исходя не из индифферентной терпимости, а из идеи свободы совести. У протестан-

¹ С «*cujus regio, ejus religio*» я сравнивал раньше (Очерк реф. движ. в Польше, с. 173) четвертый пункт Варшавской генеральной конфедерации, дававший пану полную власть над хлопом, *tam in spiritualibus, quam in saecularibus*, принимая, что здесь пропущено «*gebus*», как это толковали и другие историки. Но, кажется, нужно вместо «*gebus*» подразумевать «*bonis*» (т. е. и в духовных, и в светских имениях), как это предлагает проф. *Закржевский* в своей рецензии на вторую книгу проф. *Любовича*. Это, однако, не изменяет существа отношений между протестантскими панам и католическими крестьянами, которые фактически были именно таковы, каковыми они мною представлены.

² De haereticis a civili magistratu puniendis.

тов не было взаимной терпимости: лютеране и реформаты враждовали одни с другими. Особенно нетерпимость развилась в кальвинизме и вообще во второй половине XVI в. Вот один пример: когда Ян Лаский должен был со многими кальвинистами удалиться из Лондона в царствование Марии Кровавой, эмигрантам, как кальвинистам, не позволяли остановиться в лютеранских городах Копенгагене, Роштоке, Любеке, Гамбурге, и лишь в Эмдене после долгих скитаний несчастные беглецы могли высадиться. Религиозный индифферентизм гуманистов, конечно, соединялся с терпимостью к иноверию, но в нем не было уважения к свободе религиозной совести, и с этой точки зрения, на которую становилась, например, и Елизавета Английская, могло оправдываться насилие над чужой верой во имя политической необходимости. В протестантизме воззвания к свободе совести у гонимых соединялись с нетерпимостью у власть имущих, в гуманизме — широкая терпимость с непониманием настоящей свободы совести: нужно было соединение свободы совести с терпимостью с устранением нетерпимости и неуважения к чужой совести, чтобы мог возникнуть чистый принцип религиозной свободы.

Второе: *Реформация неприязненно отнеслась к свободе мысли, хотя и содействовала ее развитию.* Мы знаем, например, как враждебно говорили о деятельности разума Лютер и Кальвин, но и вообще в Реформации теологический авторитет ставился выше деятельности человеческой мысли, и обвинение в рационализме было одним из наиболее сильных в глазах реформаторов. Не предвидя того, к чему поведут заявления о свободе совести и правах разума, Лютер на Вормсском сейме отстаивал и первую, и вторые, но когда на основании тех же принципов стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антитринитарии, Лютер отшатнулся от начал, приводивших к таким результатам. То же самое, в сущности, было и с другими протестантами, когда перед боязнью ереси они забывали права чужой совести и отрицали права собственного разума. Между тем самый протест против требования Католической Церкви верить, не рассуждая, заключал в себе признание известных прав за индивидуальным пониманием, и являлось в высшей степени нелогичным признавать свободу исследования, а за его результаты наказывать. Элемент научного исследования между тем был внесен в теологические занятия еще гуманистами, которые с интересом к классическим авторам соединяли интерес к Св. Писанию и Отцам Церкви, между ними особенно Эразмом, прилагавшим гуманистические методы к богословию, и для самого Лютера изучение Библии при помощи новых приемов было целым рядом научных открытий. Поэтому, несмотря на общий принцип подчинения авторитету писания, самое его толкование требовало деятельности разума, и рационализм, к которому большинство протестантов и сектантов относилось враждебно, тем не менее проникал в дело церковной реформы. Свободомыслие итальянских гуманистов редко направлялось на религию, но, стремясь освободить разум от теологической опеки, гуманисты даже изобрели

уловку, утверждая, что истинное в философии может быть ложным в теологии и наоборот. В XVI в. мысль направилась на решение религиозных вопросов, а мистическая идея о внутреннем откровении, как мы увидим, была лишь предшественницей того позднейшего учения, по которому Божество открывается человеку в разуме и в котором сам разум поэтому рассматривался как источник религиозной истины. Мы еще познакомимся с тем, как английское сектантство в соединении с другими культурными факторами в исходе XVII в. привело к «христианскому деизму», объявившему себя «естественной религией», или верой «свободных мыслителей», но уже в антитринитаризме анабаптистского происхождения и в серветизме¹ первой половины XVI в. мы наблюдаем сильную примесь религиозного рационализма, особенно же он развился в антитринитаризме второй половины XVI в., который нашел приют в Польше благодаря установившейся там религиозной свободе среди шляхты. Это явление заслуживает того, чтобы на нем остановиться. В середине XVI в. в Швейцарии было несколько антитринитариев из итальянских беглецов, каковы Камилло Ренато, Франческо Негри, Пьетро-Паоло Верджеро, Бернардино Оккино², Лелио Социни, Маттео Грибальдо, Джорджо Бьяндрата (Бландрата), Джентиле (Гентилий), Паоло Альчиати (Альциат) и некоторых из этих проповедников мы встречаем потом в Польше. Все они находились еще под влиянием анабаптизма, и только в Польше, особенно под влиянием Фавста Социна антитринитаризм порвал связь с анабаптизмом, сделавшись совершенно рационалистической религией. Общая история антитринитаризма собственно в Польше не входит в план настоящей главы, а потому мы рассмотрим лишь утвердившуюся здесь форму антитринитаризма, известную под названием социнианизма. Но прежде несколько слов о самом основателе Антитринитарской Церкви в Польше, который организовал силы тамошних унитариев, отделившихся от кальвинизма еще в начале шестидесятых годов XVI в. Фавст Социн родился в Сиене в 1539 г. и получил сначала довольно поверхностное гуманистическое образование, т. к. предназначался к занятию правом. Обладая острым умом, живя в эпоху религиозных споров, находясь под влиянием своего дяди, Лелия Социна, он предался разрешению богословских вопросов. Ему, между прочим, достались бумаги его дяди, когда тот умер, и чтение их немало содействовало развитию в Фавсте Социне антитринитарских идей. Живя некоторое время при дворе тосканского великого герцога Франческо Медичи, он усвоил самые утонченные манеры придворного быта, сделавшиеся впоследствии одной из приманок, которые снискали ему расположение польской шляхты, когда он приехал в Речь Посполитую. Первое его сочинение «Объяснение первой части первой главы Евангелия от Иоанна», написанное по-латыни, появилось в 1562 г., но, боясь инквизиции, он переселился в Базель и там уже занялся изданием своих новых трактатов «Об Иисусе

¹ Т. е. учении Сервета.

² См. о нем монографию Benrath'a.

Христе Исккупителе» и «О состоянии первого человека до грехопадения», доказывая в последнем сочинении, что Адам уже создан был смертным, а вовсе не сделался таковым вследствие грехопадения. В Польшу Социн приехал только в 1579 г., поставив себе задачей объединить всех польских антитринитариев. Достигнуть этого было довольно трудно, потому что часть сектантов была анабаптистской, а Социн не хотел перекрещиваться для вступления в их общество. Тем не менее своим влиянием на умы, своей терпимостью к противоположным мнениям, он сумел преодолеть препятствия, тем более что сектантам необходимо было сплотиться в виду двойной опасности — от католиков и от протестантов, которые, например, прямо исключили антитринитариев из Сандомирского соглашения 1570 г., которым хотели обеспечить религиозный мир. Деятельность Социна в Польше была кипучая: составление сочинений экзегетического и дидактического содержания, обширная переписка с единомышленниками, разъезды по стране, во время которых он подвергался опасностям вследствие уже сильной в это время католической реакции, — все это служило целям антитринитарской пропаганды. От начавшегося фанатизма католиков ему пришлось немало терпеть: например, в 1598 г. краковские студенты напали на его жилище, разграбили его бумаги и книги и сожгли их на площади при криках собравшейся толпы, грозя сжечь его самого, если он не отречется от своей ереси. Он не отрекся, и его собрались потопить в Висле. Уже двигалось к реке шествие, но, к счастью для Социна, в окно своего дома увидел толпу один профессор: он спас Социна и дал ему возможность бежать из Кракова. До самой смерти, в 1604 г., преследуемый, он, однако, продолжал свое дело, и значение его в Реформации его последователи определили двустилием:

Пал Вавилон высокий: Лютер разрушил в нем крышу;
Стены Кальвин, но Социн сокрушил и основы¹.

Социн завершил развитие антитринитаризма в Польше, уложив его в систему, которая была представлена в так называемом Раковском катехизисе, изданном по-польски в 1605 г. и по-немецки в 1608 г. и имевшем дальнейшие издания уже по изгнании социнских из Польши, причем позднейшие издания очень интересны заявлениями о необходимости полной религиозной свободы и об изменчивости вероучения сообразно с движением времени. Социнианство объединил большое количество польских сектантов, и к нему же пристали многие антитринитарии, бежавшие в Польшу от преследований на родине. Центром социнианства сделалось местечко Раков. Оно было основано в 1569 г. неким Сенинским, сын которого принял учение Социна и превратил Раков в столицу своих единомышленников. Раков действительно стал

---

¹ «O Alta ruit Babylon: destruxit tecta Lutherus, Muros Calvinus, sed fundamenta Socinus».

«сарматскими Афинами»: здесь была высшая школа с тысячьо учениками в лучшее ее время, а среди них были и католики, и протестанты, и шляхтичи, и не шляхтичи; здесь существовала типография, выпускавшая социнские издания; здесь же собирались ежегодные синоды социниан, решавшие не только религиозные дела, но и светские, т. к. последователи учения только в крайних случаях прибегали не к своему суду. Но это процветание было недолгое: вслед за тем, как нафанатизированная иезуитами толпа рассеяла люблинскую антитринитарскую общину (1627), и для Ракова пришла очередь, когда он достался католическому шляхтичу, превратившему «сарматские Афины» в жалкую деревню. В Литве центром антитринитаризма был Несвиж. Здесь, между прочим, это движение коснулось отчасти и православно-го населения Речи Посполитой.

Если антитринитарское движение зародилось в немецких землях, в анабаптистском, мистическом сектантстве, то не эта его форма пришлось по характеру полякам. Недаром главными деятелями сектантского движения в Польше были итальянцы, уже раньше влиявшие на Речь Посполитую своей культурой: поляки издавна были предрасположены к принятию итальянских идей, в которых скептическая и рационалистическая мысль получала широкое применение. Немецкая Реформация со своим сектантством имела совсем иной психологический источник, чем социнанизм, распространившийся в Польше. Еще до появления Лютера отдельные лица выставили тезис «об оправдании посредством веры», сделавшийся исходным пунктом и краеугольным камнем лютеранской, цвинглианской и кальвиновской теологии. Вопрос о том, как спастись от первородного греха, был мучением всей жизни Лютера до той поры, когда он узнал, что «праведный от веры жив будет». С другой стороны, мистицизм в Германии давно уже развивался и действовал на умы, подготавливая их к сектантству, в котором явилось учение о «внутреннем откровении», о непосредственном божественном действии на душу человека, стоящем выше буквы «внешнего откровения». Между «оправданием» посредством внутреннего акта веры по действию на душу благодати и «божественным озарением» существует глубокая связь, ибо они выросли на одной и той же психологической почве религиозного настроения духа. Иное дело в Италии: и там в эпоху Возрождения занимались религиозными вопросами, но более с философской стороны, нередко без специально-христианского оттенка, и холодный анализ разума не допускал никакого мистического озарения. Лютер не сомневался в бессмертии души: его мучил вопрос о том, как оправдаться перед Богом. В Италии между тем вопрос о бессмертии в загробной жизни давным-давно дебатировался (вспомним одного Помпонацци, современника папы Льва X), и он-то, а не «оправдание», сделался исходным пунктом всей социнской теологии. Мы упомянули, что в сочинении «О состоянии первого человека до грехопадения» Фавст Социн отверг церковное учение о том, что Адам был создан бессмертным, и стал

учить, что все люди рождаются смертными. Как Лютер утверждал, что «оправдывает» человека вера во Христа, так Социн говорил, что эта вера делает человека бессмертным: не из христианского чувства греховности, не из боязни перед страшными последствиями первородного греха вытекла вся его догма; это чувство и самое понятие о первородном грехе имели мало силы над умом итальянца, в котором зародилось сомнение в том, действительно ли человек по природе своей бессмертен после грехопадения. Социн ответил на этот вопрос отрицательно и чисто рационалистическим путем, вопреки вековому учению исторического христианства, создал свою доктрину. По его представлению, «христианская религия есть путь, свыше открытый для достижения вечной жизни». Человек смертен по природе, а вследствие грехопадения уничтожается и в загробной жизни: цель христианства — избавить его от этой второй смерти. Признавая Св. Писание единственным авторитетом, Социн мог толковать его очень широко, говоря о необходимости различать в нем существенное и несущественное, буквальное и иносказательное, откуда критический рационализм всей системы¹, порвавшей с действительным, историческим христианством. Поэтому сочинения Социна и его последователей отвергают догмат о троичности Божества, не находя его буквально сформулированным в Св. Писании и не соглашаясь с ним по чисто рационалистическим соображениям. С тем же чисто диалектическим творчеством собственной мысли Социн учил, что целью пришествия Христова было сообщение человеку бессмертия в загробной жизни, как произвольного дара Божьего. Это наделение человека новым качеством произошло через воскресение Иисуса Христа. «Оно, — говорил Социн, — гарантия нашего воскресения». Но чтобы это утверждение имело смысл, Социну нужно было признание Искупителя за простого человека: не отличайся Христос от остальных смертных, в его воскресении не было бы этой гарантии. С другой стороны, с рационалистической точки зрения Социн не мог понять ни воплощения Божества, ни неслиянного и нераздельного соединения двух естеств в Богочеловеке. Тем не менее социнские видели в Иисусе Христе более чем простого человека, признавали сверхъестественное его рождение, полную его святость и совершенную безгреховность, а также сообщенное ему Богом за «послушание даже до смерти» могущество и требовали божеского поклонения Христу. Более крайние унитарии² шли дальше, не видя в Христе ничего, кроме простого человека. Крестная смерть для них была не искупительной жертвой, а простым переходным моментом к воскресению, в котором заключается гарантия воскресения всех людей. С этой же точки зрения в таинстве причащения они видели простой символ, а крещение считали за излишнее для спасения.

¹ В издании Раковского катехизиса 1684 г. читаем: «Ne quid statuatur, quod ipsi sanae rationi repugnet seu contradictionem involvet» («Не вводить ничего, что было бы противно разуму» (лат.). — Прим. ред.).

² Антитринитарских сект было несколько.

Третье: в Реформации мы наблюдаем стремление изменить старые отношения между Церковью и государством, причем Церковь или подчинялась государству (лютеранизм, англиканство) или сливалась с ним воедино, но в обоих случаях так, что и государство имело конфессиональный характер, и Церковь делалась учреждением государственным. И освобождением государства от Церкви с подчинением последней первому и сообщением ей характера национально-политического учреждения нарушались принципы католического теократизма и универсализма (лучше всего сохранявшихся, однако, в кальвинизме), но связь между Церковью и государством порывалась только в сектантстве, особенно в английском индипендентстве, вырабатывавшем те отношения между религией и политикой, какие утвердились в североамериканских колониях, будущих Североамериканских Штатах. В общем Реформация не изменила существа старых связей, а в XVIII в. даже среди католических государей было сильно стремление сделать из Церкви государственное учреждение, из духовенства чиновничество (реформы «просвященного абсолютизма», французская «*constitution civile du clergé*», позднее наполеоновский конкордат): только взаимные отношения изменились, ибо в общем Реформация дала государству преобладание и даже господство над Церковью, сделав из самой религии дело государства (*cuius regio, eius religio*).

Четвертое: *Реформация оказала большое влияние на постановку и решение социальных и политических вопросов в духе принципов равенства и свободы, хотя она же содействовала и противоположным общественным тенденциям.* Мы знаем, что мистический анабаптизм в Германии, в Швейцарии, в Нидерландах был и проповедью — социального равенства; но, например, рационалистический антитринитаризм в Польше был характера аристократического, и многие польские сектанты шляхетского звания даже защищали право истинных христиан иметь «подданных» или рабов, ссылаясь на Ветхий Завет, а сам Социн осторожно не затрагивал этого вопроса. Все в данном случае зависело от среды, в которой развивалось сектантство. То же самое можно сказать о политических учениях протестантов: лютеранство и англиканизм отличались монархическим характером, цвинглианство и кальвинизм — республиканским. Часто говорят, будто протестантизм всегда стоял на стороне свободы, а католицизм на стороне власти, но это неверно, ибо роли католиков и протестантов менялись, смотря по обстоятельствам, и те же самые принципы, которыми кальвинисты оправдывали свое восстание против «нечестивых» королей, были в ходу и у католиков, что особенно наблюдается в иезуитской политической литературе и во время французских религиозных войн. Но что особенно важно для понимания дальнейшего политического развития Западной Европы, так это *развитие в кальвинизме идеи народовластия, которая не чужда была легистам, защищавшим государство от папской власти, некоторым*

гуманистам, хотя большинство их стояло за принципат, и позднее иезуитам, бывшим готовыми усваивать все, что можно было употребить на пользу Церкви. Несмотря на то что не кальвинисты были изобретателями этой идеи и что не одни они развивали ее в XVI в., никогда ранее она не получала одновременно такого теоретического обоснования и такого практического влияния, как с XVI в., и ни для кого не имела такого религиозного значения, как для кальвинистов, потому что они верили в ее истинность, тогда как иезуиты, становясь на ту же точку зрения, видели только одну ее выгоду при известных обстоятельствах.

Лютер во имя свободы сопротивлялся и духовной, и светской власти, — последней на Вормсском сейме, но вообще он отстаивал только внутреннюю свободу, а не внешнюю, говоря, например, по поводу крестьянского восстания, что Евангелие освобождает душу, не касаясь внешних сторон жизни; организуя же свою Церковь, он не удержался и на этой точке зрения, подчинив внутреннюю свободу церковному авторитету, а Церковь — князьям. Он допускал вообще лишь одно пассивное сопротивление, исходя из той идеи, что обязанность христианина — терпеть. Государство, по его мнению, имело даже право вмешиваться в дела веры в случаях проповеди возмутительных учений, учений несогласных с ясными текстами Св. Писания, в случае раздоров по поводу догматов, беря на себя обязанность решать, что согласно со словом Божиим и что нет. Пересмотром всех главных политических вопросов с точки зрения новых начал занимался также и Меланхтон в «*Loci communes theologici*»¹ и в «*Epitome philosophiae moralis*», где он развил следующие положения: власть происходит от Бога; Новый Завет не устанавливает никакого определенного государственного устройства, но требует вообще повиновения властям предержащим; государство есть хранилище законов и охрана религии; государям принадлежит право преобразования (*jus reformandi*, о котором Меланхтон написал особую статью) Церкви; нечестивым повелениям светской власти повиноваться не следует. Последняя оговорка устраняла безусловность повиновения, но то, что было нечестиво для подданного, могло казаться именно благочестивым для правителя, которому Меланхтон давал право преследовать богохульство, последнее же правитель мог усматривать как раз в том, что для подданных казалось настоящим пониманием Писания.

Лютеранизм допускал только пассивное сопротивление. Мы видели, что под известными условиями Кальвин шел далее, допуская именно активное сопротивление и даже его требуя в некоторых случаях, хотя и не со стороны отдельной личности, а со стороны государственных чинов королевства, да и вообще своим республиканским церковным строем и представлением Церкви большей независимости от государства кальвинизм

---

¹ Отдел этого труда, озаглавленный: «*De magistratibus civilibus et dignitate rerum politicarum*».

был более благоприятен, чем лютеранство, для политической свободы. Случилось к тому же еще и так, что кальвинизм распространялся среди подданных католических (следовательно, «нечестивых») королей и что стремление последних к абсолютизму вызывало в отдельных сословиях политическую оппозицию, которая и соединялась с религиозной: мы это видели на примере Шотландии, увидим еще на примерах Франции и Нидерландов, а в XVII в. и Англии, где роль католицизма играл в данном случае англиканизм. Политическая борьба в названных странах и сопровождалась появлением политических сочинений в оппозиционном духе. Первым из них по времени (1573) был труд Франциска Готмана (Fr. Hotman¹), под заглавием «Franco-Gallia», где сделана была попытка доказать историей, будто во Франции королевская власть всегда была ограничена правами народа, причем, ссылаясь на Полибия и Цицерона, автор приводит ту мысль, что лучший образ правления смешанный из монархии, аристократии и демократии, среди которых вторая имеет значение посредствующего звена между первой и последней. Книга содержит в себе и теоретические доводы в пользу того, что люди должны управляться разумом, собранным от многих. Нужно, однако, заметить, что аналогичные воззрения на французскую монархию, как на ограниченную народными правами, высказывал и епископ Клавдий Сейсель (Claude de Seyssel), на книгу которого («La grande monarchie de France») Готман делает ссылки. Через несколько лет после «Франко-Галлии» (1580) вышла в свет «Тяжба против тиранов» («Vindiciae contra tyrannos») Губерта Лангэ (Languet): здесь автор прямо вооружается против Макиавелли, который учит королей приобретать самыми незаконными средствами тираническую власть, и выдвигает на первый план теорию договора между правителем и народом. Теории этой принадлежало весьма важное значение в политической истории Запада, и первым своим развитием она обязана кальвинизму (в XVII в. индипендентству). По учению Лангэ государственная власть возникает из народного избрания, в доказательство чего он ссылался на Библию (избрание Саула): короли суть исполнители воли Бога (его вассалы), но избираются они народом. По природе люди свободолюбивы, не терпят (*impatientes*) рабства, а власть устанавливают для собственной пользы: цель верховной власти (*imperii*) — польза народа, и само достоинство короля есть не льгота, не привилегия, а обязанность, призвание (*non vacatio, sed vocatio*). Поэтому правитель должен подчиняться законам, изменение же старых законов, установление новых и контроль за их исполнением принадлежит народу, под которым Лангэ разумеет, однако, не весь народ, бывший для него «зверем» (*bellua*), а высшие сословия в лице их представителей. Народ в этом значении слова у него имеет более власти, чем король, ибо первый есть хозяин корабля, а второй только кормчий: Лангэ смо-

---

¹ *Daresté E. Étude sur François Hotman.*

тит на короля, нарушающего законы, как на тирана по своему поведению (*tyrannus exercitio*), хотя бы он не был незаконно захватившим власть деспотом (*tyrannus absque titulo*); как Ланге, так и другие кальвинистические писатели, рисуя такого «тирана», брали черты из знакомой им политической действительности. Тиран отделяется от неприятных ему сановников, придумывая, будто против него составляются заговоры, преследует справедливых и серьезных людей, избегает собрания государственных чинов (сеймов или штатов), держит наемные войска и шпионов, истощает имущества подданных: заимствуя многое у античных авторов, особенно у Аристотеля, Ланге (подобно другим кальвинистическим писателям) имел в виду и тактику тогдашнего абсолютизма, и Макиавеллево возвеличение князя с тираническим характером. Отношения короля и народа Ланге понимает в смысле взаимного договора и говорит, что неисполнение первым законов освобождает второй от присяги. Уча об активном сопротивлении, Ланге обставлял последнее известными оговорками, чего не было у иезуитов, оправдывавших даже цареубийство (*regicidium*) частным лицом, когда дело шло о короле-еретике. Он говорил, что к отказу в повиновении нельзя прибегать по поводу всех проступков короля и что нужно думать о том, как бы лекарство не стало хуже болезни, рекомендуя поэтому, прежде всего, обратиться к поступающему незаконно правителю с увещанием и ограничивая право вооруженного восстания инициативой оптиматов, «товарищей» народного опекуна: отдельное лицо не может иметь этого права, а потому ему остается только удалиться из страны, если государь, например, заставляет его принять другую веру. Весь народ равным образом должен покорно терпеть, если за него не вступятся оптиматы и если только правитель есть не деспот, превысивший законные права, а тиран, незаконно захвативший власть. Под это понятие оптиматов, которые не только имеют право, но и обязаны оказывать вооруженное сопротивление тирании, подводятся у Ланге и большая часть (*plures*) властей, и высшие сословия в лице своих представителей, и даже отдельные сановники. Сочинение Ланге было после труда Марсилия Падуанского первым систематическим трактатом, написанным в духе народовластия, а его главная особенность — идея договора между правителем и народом. Около того же времени (в 1578) Стефан де ла Боэси (*de la Boetie*), талантливый шестнадцатилетний юноша, написал страстный памфлет под заглавием «Против одного, или Речь о добровольном рабстве» (*Contr' un ou de la servitude volontaire*), написанный в защиту политической свободы. Готман, Ланге, Боэси были французы, но и в других странах появлялись подобные же трактаты. Из них особенно замечательно сочинение уже известного нам шотландского ученого и поэта, противника Марии Стюарт и воспитателя ее сына Иакова (VI по Шотландии), Бьюкенена «О праве королевской власти у шотландцев» (*De jure regni apud Scotos*). Подобно французским кальвинистическим трактатам, написанным в эпоху вооруженной борьбы

гугенотов с королевской властью, и трактат Бьюкенена был написан в оправдание политической революции, которую кальвинисты произвели в Шотландии. И у шотландского автора мы находим определение короля как не господина, а стража общества (*custos societatis*), и учение о том, что закон выше короля (*lex regepotentior est*); и он делает характеристику тирана, пользуясь классическими писателями и современными примерами среди католических государей; и он понимает отношения между королем и народом в смысле договора, а в коронации (*inauguratio*) наследственных королей видит как бы народное избрание. На Бьюкенене, получившем классическое образование, сильно сказались и политическая идея гуманизма, что можно видеть, между прочим, из учения о тираноубийстве, которое было в ходу в Италии эпохи Возрождения, — черта, отличающая его от Ланге и других кальвинистов. Достоин внимания и то, что Бьюкенен, в противоположность Макиавелли с его пессимистическим взглядом на человеческую природу, приписывает душе человека нечто высокое и благородное (*sublime quoddam et generosum insitum*), в силу чего он повинуетя охотно только тому, кто с хорошими следствиями (*utiliter*) пользуется властью. Это «*sublime quoddam et generosum*» было результатом религиозного воодушевления, да и сам вопрос о незаконном правлении и сопротивлении ему возникал главным образом на почве религиозных отношений эпохи. Так это, кроме Франции и Шотландии, случилось и в Нидерландах, где религиозный фанатизм и абсолютизм Филиппа II вызвали целую революцию. Один из ее деятелей, Филипп Марникс де Сент-Альдегонд, обыкновенно рассматривается как деятель практический, как один из вождей нидерландской революции, — с которой мы еще познакомимся, — но он был еще и политический писатель, стоявший на той же самой точке зрения, которая была общей у Ланге и Бьюкенена¹.

Если гуманистические свободная мысль и светская культура были затерты религиозным движением Реформации, относившимся иногда с фанатической нетерпимостью к разуму и к светской науке и литературе, то свобода религиозная и политическая, находившаяся в большем и меньшем пренебрежении у гуманистов, была сильно выдвинута передовыми протестантами, хотя настоящее ее развитие совершается только в английском индипендентстве XVII в., через которое главным образом протестантские начала и переходят в «просвещение» XVIII в. Нужно, однако, заметить, что во второй половине XVI в. большой религиозной свободой пользовалась сначала Польша, а потом Голландия, т. е. та часть Нидерландов, которая освободилась от испанского ига.

Мы рассмотрели все главные проявления Реформации, протестантизма и сектантства в XVI в., но к числу результатов Реформации нужно еще отнести оживление самого католицизма, следствием которого была так на-

¹ В русской литературе есть восполняющая этот пробел книга Н. Н. Любовича «Марникс де С. Альдегонд как политический писатель».

зываемая католическая реакция, направившаяся, собственно говоря, против Реформации, но губительно подействовавшая и на светское Возрождение. Хотя на эту реакцию и позволительно смотреть как на особый вид Реформации¹ рядом с Реформацией протестантской и сектантской, но с общей точки зрения это было явление, явно стремившееся возратить культурно-социальную жизнь Европы к средневековым началам. Так как далее, с середины XVI в., когда эта реакция организовалась, начались страшные религиозные войны, посредством которых католицизм хотел восторжествовать, войны, окончившиеся лишь в середине XVII в., то мы и можем выделить рассмотрение всех этих фактов в особый отдел «католической реакции», — как первой сильной преграды, поставленной со стороны католицизма культурно-социальному развитию на основании принципов Ренессанса и Реформации. Последние две открывали новые пути; реакция, наоборот, была явлением регрессивным, и в качестве такового, т. е. как движение, не вырабатывавшее новых начал, она и не заслуживает столь подробного рассмотрения, как Реформация.

---

¹ Ср.: *Maurenbrecher. Geschichte der katholischen Reformation.*

Эпоха католической реакции

XXI. Общий взгляд на католическую реакцию¹

Общие соображения о реакциях вообще и о католической реакции в частности. — Силы католического мира и их состояние. — Дезорганизация католицизма. — Причины реакционного настроения в обществе. — Сущность той реакции, которая началась в сороковых годах XVI в. — Характер нового католицизма. — Тридентский собор. — Инквизиция и цензура. — Реакция в Италии. — Политическая история реакции. — Католическая реакция и политический абсолютизм.

Реформация вызвала католическую реакцию. Это явление относится к числу тех весьма часто повторяющихся в истории случаев, которые многими писателями возводятся в закон истории, хотя до сих пор в очень мало еще разработанной теории исторического процесса нет ни одной попытки осветить с общеполитической точки зрения постоянно наблюдаемую в историю смену развития новых культурно-социальных явлений диаметрально противоположной тенденцией возвращения назад. Реакции, стремящиеся задержать новые движения или совсем их прекратить в истории случаются весьма часто, но большей частью они касаются отдельных сторон культурно-социальной жизни и иногда даже не носят названия реакций. Та реакция, о которой теперь будет идти речь, представляет собой явление не только весьма заметное, но даже до известной степени охватывавшее всю историческую жизнь европейского Запада в известную эпоху. Таких общих реакций новая история знает только две. Одной из них именно и была та, которую называют католической, и сущность ее заключается в следующем: средневековый католицизм находился сам в разложении, а против него, так сказать, извне возникли светская оппозиция и религиозный протест, нашедшие свое выражение в Возрождении и Реформации, но последняя оказала влияние на расшатанный католицизм, заставив его реформироваться и вызвав его на борьбу с протестантизмом, которая направилась против всего того и в гума-

---

¹ По истории католической реакции вообще см.: *Maurenbrecher*. Geschichte der katholischen Reformation. — *Philippson*. Les origines du catholicisme moderne. La contre-révolution religieuse. *Его же* соч. о Филиппе II, Генрихе IV и Елизавете в Allgemeine Weltgeschichte Онкена. Сюда же относятся некоторые труды по истории Реформации вообще и в частности по истории подавления протестантизма в Италии и Испании (названы выше). Важны также труды по истории папства: *Ранке*. Римские папы, их Церковь и государство в XVI и XVII вв. (*Ranke*. Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat). *Brosch*. Geschichte des Kirchenstaats (в собрании *Теедена, Уккерта и Лизебрехта*). Об отдельных папах соч. *Höfler*'а (Адриан VI), *Lorentz*'а (Сикст V), *Hübner*'а (тоже). В новой литературе по истории Тридентского собора см. кроме изданий документального материала соч. *Sickel*'а (Zur Gesch. d. C. von Trient), *Maynier* (Étude historique sur le Concile de Trente) и др. По инквизиции *Liorente*. Histoire critique de l'inquisition d'Espagne.

низме, что противоречило традициям средневекового католицизма: это была реакция Средних веков против Нового времени. В борьбе с католической реакцией шло вообще все дальнейшее культурно-социальное развитие, переработавшее прогрессивные начала гуманизма и протестантизма в так называемое «просвещение» XVIII в., которое в свою очередь оказало большое влияние на общественные преобразования XVIII в., преобразования сверху, путем власти («просвещенный абсолютизм») и преобразования снизу, путем свободы (французская революция): это новое движение окончилось новой бурной эпохой, за которой наступила эпоха реакции, направившейся против революции, против просвещенного абсолютизма, против просвещения XVIII в., а затем совершенно логически против Реформации и против Ренессанса. Одним словом, в истории Западной Европы, взятой в целом, за движениями, обозначаемыми названиями Возрождения и Реформации, наступила эпоха католической реакции, ослабление которой знаменуется новыми движениями вперед, «просвещением», просвещенным абсолютизмом, революцией 1789 г., возникающими как бы для того, чтобы снова склониться перед реакцией. Собственно говоря, это два параллельных течения в истории Европы, в которых действуют силы инноваторские и силы консервативные, всегда существующие в обществе, но не всегда находящиеся в одних и тех же взаимных отношениях: разложение всякой культурно-социальной системы характеризуется, с одной стороны, выступлением сил, стремящихся внести в жизнь новые начала, с другой — полной дезорганизацией сил консервативных, что прекрасно иллюстрируется успехами гуманистического и реформационного движений при совершенном внутреннем расстройстве католицизма; тогда-то и наступает движение вперед, успехи которого заставляют, однако, сплотиться силы консервативные в то самое время, как часть общества, сначала сочувствовавшая переменам, отвращается от них, когда они принимают неожиданный или нежелательный для нее характер, а другая часть того же общества разочаровывается в движении, когда оно не исполняет всех возлагавшихся на него надежд и упований, и напуганные с обманувшимися или примыкают к реакции, или, по крайней мере, отступаясь от движения, тем самым его ослабляют. Таким образом, происходит историческая эволюция, возникающая из действия сил движущих и сил задерживающих и слагаясь из отдельных моментов, когда то одни силы, то другие берут перевес. Поэтому и в эпохи движения вперед задерживающие силы не бездействуют совершенно, и когда наступает настоящая реакция, она оказывается уже имеющей корни и значительную подготовку в периоде движения, а с другой стороны, и в эпохи реакций действуют не одни задерживающие силы, т. к. силы движущие, хотя и ослабленные, продолжают действовать, и если их работа не имеет успеха в данное время, то ею все-таки подготавливается будущее наступление новой эпохи движения.

Эти общие соображения¹ были необходимы для того, чтобы установить ту точку зрения, с которой мы должны смотреть на эпоху католической реакции, начинаемую обыкновенно (и совершенно правильно) с сороковых годов XVI в., и на самую реакцию как на выступление консервативных сил католицизма, имеющее известный успех не только благодаря внутреннему их оживлению и лучшей организации, но и благодаря тому, что одна часть общества была напугана реформацией, другая в ней разочаровалась, а иногда и благодаря тому, что само реформационное движение не имело большой силы в стране².

К сороковым годам XVI в., когда началось возрождение католицизма, едва только возникала еще кальвинистическая организация протестантизма, сильное распространение которого относится уже к следующим десятилетиям, когда организовались силы самого католицизма. К этому времени целые еще страны не были совсем или особенно серьезно затронуты реформационным движением, да и там, где оно произошло, оно не одержало полной победы: Германия и Швейцария, бывшие родиной протестантизма, оставались каждая наполовину верными католицизму; в скандинавских государствах лютеранство утвердилось не сразу; английская Реформация была делом правительства, а народ оставался еще католическим. И позднее в Нидерландах только часть провинций отторглась от Католической Церкви, во Франции и Польше лишь дворяне и горожане главным образом (да и то далеко не все) принимали протестантизм, а в Шотландии и Англии, отпавших окончательно от католицизма в 1559 г., продолжали еще существовать католические партии, не говоря уже о том, что народонаселение Ирландии осталось верным старой Церкви, т. е. новая вера шла из ненавистой ему Англии. Наконец, южно-романские страны, т. е. Италия, Испания и Португалия почти не были затронуты реформационным движением. В Италии, где образованное общество воспитывалось под влиянием более или менее индифферентного к религии гуманизма, а народ был предан католицизму, не желая ничего другого, кроме того, что ему давала старая Церковь, существовали лишь отдельные кружки среди интеллигенции, состоявшие из последователей лютеранства и цвинглианства, да среди высших сановников Церкви было несколько лиц, желавших реформы Церкви на основании Св. Писания, но против протестантов и либеральных прелатов были приняты меры, и Реформация в Италии прибавила только новые жертвы к мартирологу протестантизма³. В Испании католицизм и национальный патриотизм сро-

¹ Теории исторических движений (акций) и реакций мы думаем посвятить часть IV тома «Основных вопросов философии истории», а в четвертом томе настоящего труда представить историю реакции, наступившей в 1815 г.

² Как это было в Польше, о чем см. труды проф. Любовича.

³ Erdmann. Die Reformation und ihre Märtyrer in Italien. Cantù. Glieretici d'Italia. Comba. Storia della ritorma in Italia.

слись между собой в одно фанатическое чувство, благодаря вековой борьбе с маврами, и Испания с родственной ей Португалией сделались главным оплотом католической реакции.

Таковы были силы католического мира, но *в нем господствовала деморализация и дезорганизация*. То, что называли порчей Церкви, было одной из причин реформационного движения, которое питалось потом справедливыми нареканиями на безнравственность духовенства и его нерадение к исполнению своих обязанностей, — факт настолько известный, что исторические учебники даже выдвигают его на первый план, когда заводят речь о причинах Реформации, хотя это неверно, ибо, если где уж должно было по этой причине возникнуть реформационное движение, так в Италии, тогда как там оно столь же мало проявилось, как и в Испании, где, наоборот, клир отличался более моральным характером. Во всяком случае, пока своим поведением духовенство давало повод протестантам нападать на Церковь, у Реформации было одним шансом больше, а значение этого шанса увеличивалось благодаря тому, что в противодействии протестантизму деморализованный клир мог отстаивать только свои светские интересы, почти совсем не заботясь об интересах самой религии и Церкви. Мало того: среди него могли быть случаи отпадения от католицизма ради чисто мирских стремлений, вроде секуляризации. Конечно, было и среди духовных лиц много таких, которые душою были преданы католицизму, свято хранили его традиции и ревностно исполняли то, что составляло их обязанности, но не они задавали тон общей политике Церкви и оставались дезорганизованными, раз сами папы реформационной эпохи продолжали чисто мирскую политику своих дореформационных предшественников: в самом деле, до сороковых годов XVI в. папы руководствовались по-прежнему более политическими, чем церковными интересами; помня Констанцский и Базельский соборы, желавшие ограничить папскую власть, не хотели созывать Вселенский собор, которого требовали не только протестанты (в начале), но и католики, видевшие необходимость реформы; в эпоху созванного наконец Тридентского собора (1545—1563) колебались еще между прежним направлением, приводившим их в столкновение из-за итальянских дел с католическими государями, и новым направлением, которое, наоборот, требовало союза с последними в интересах Церкви. Вместе с папством находилось в упадке и монашество, а старые органы борьбы с «ересью» ввиду того, что на ее стороне были новое образование, многие государи, целые народы, — и не годились уже для успешной борьбы вследствие деморализации и невежества, обнаружившегося с особой силой во время знаменитого рейхлиновского спора. Наконец, Церковь давно нуждалась в реформе, которая была тем настоятельнее теперь, что многих толкало в протестантизм видимое нежелание духовной власти произвести самые необходимые преобразования и что развивавшемуся и систематизировавшемуся протестантизму нужно было

противопоставить твердое католическое учение, само находившееся в неудовлетворительном состоянии благодаря существованию нерешенных высшим авторитетом спорных пунктов.

Все это, вместе взятое, позволяло протестантизму развиваться и распространяться без всяких почти препятствий со стороны Церкви, если не считать отлучений, проклятий и обращений к светской власти. По тем же причинам и *реакционное настроение, существовавшее у многих в светском обществе, сравнительно мало приносило выгоды Церкви*, а оно, несомненно, было: революционный характер движения напугал многих немецких князей и отвратил их от Реформации, да и другие государи смотрели на нее с той точки зрения, что она опасна в политическом отношении; демократические и коммунистические учения, выступившие под религиозным знаменем, были часто причиной реакционного настроения в правящих и имущих классах, и наоборот, как это случилось, например, в Англии, переход монастырской собственности к светским владельцам, начавшим заводить в новых своих владениях невыгодные для народа порядки, вызывал среди поселян демократическое движение в пользу католицизма; самые неудачи Реформации, в Германии, например, не приведшей ни к полному национальному освобождению от курии, ни к большему политическому единству, ни к лучшим государственным и общественным порядкам, охлаждали прежнее к ней рвение и заставляли менее враждебно смотреть на католицизм; реформационное разноречие, богословские споры, появление крайних сект смущали многих католиков, не желавших поэтому покидать Церковь с прочно установленными учениями ради хаоса новых верований, отвращавшего от себя первоначально самого Кальвина, тогда как в Лютере анабаптизм прямо породил реакционное настроение; наконец, насилия, которые господствующий протестантизм позволял себе над религиозной совестью католиков, — а эти насилия в той или другой форме бывали везде, особенно же там, где новый культ вводился без пропаганды соответственных идей в народе, как в Ирландии или в имениях польской протестантской шляхты, — насилия эти прямо вызывали оппозицию, которая даже при своей пассивности должна была составлять один из элементов реакции, раз последняя получила бы организацию.

Реформация застала старую Церковь совершенно врасплох, и *организация католической реакции против Реформации сразу возникнуть не могла*, тем более что ее инициаторам пришлось еще бороться со всем, что составляло причины деморализации и дезорганизации клира, да и сами эти инициаторы явились не тотчас же, а когда Реформация приняла уже весьма внушительные размеры. Для того чтобы воспользоваться реакционным настроением разных общественных элементов, усилить это настроение, сплотить склонные к нему социальные силы, направить их к одной цели, Католической Церкви нужно было самой подвергнуться некоторой починке, дисциплинировать клир, заставить папство отказаться от чересчур светской политики,

создать новые средства для борьбы, вступить в более тесный союз с католическими государями, противопоставить «еретической» Реформации свою легальную Реформацию. Все это мало-помалу и произошло, начавшись в сороковых годах XVI в., когда *на помощь реакции был основан новый орден иезуитов, ставших главными деятелями ее (1540), учреждено было верховное инквизиционное судилище в Риме (1542), одновременно организована строгая книжная цензура и созван Тридентский собор (1545)*, позднее и произведший католическую Реформацию. Католицизм организовался для борьбы как раз в то время, когда протестантизм развился в направлениях, враждебных одно другому, вступившихся между собой в борьбу и не поддававшихся попыткам примирения и соединения, благодаря исключительности официальных церквей и теологической нетерпимости: во второй половине XVI в. в Германии боролись между собой лютеранство и реформатство (раньше цвинглианство, позднее кальвинизм), в Польше — лютеранство, гуситство (исповедание чешских братьев), кальвинизм и антитринитаризм (социнианизм), в Англии — англиканизм и пуританизм и т. п. Это несогласие между собой нововеров было также на руку католической реакции.

Протестантская и сектантская Реформация заставила старую Церковь произвести Реформацию в самой себе, *но католицизм нового времени, который был моложе и протестантизма, и сектантства XVI в., значительно отличался от католицизма дореформационного*. Перед началом Реформации католицизм был чем-то окоченевшим в официальном формализме, теперь он получил жизнь и движение. «Это не была Церковь XIV и XV вв., которая не могла ни жить, ни умереть, а деятельная система, приспособляющаяся к обстоятельствам, заискивающая у королей и народов, всех заманивающая, кого — деспотизмом и тиранией, кого — снисходительной терпимостью и свободой; это не бессильное учреждение, которое ищет помощи извне, не имея внутренней силы, — всюду обращается с просьбой о реформе и излечении, не обнаруживая искреннего желания исправиться и обновиться, а стройная организация, которая пользуется в обществе, ею же перевоспитанном, большим авторитетом и, умея фанатизировать массы, руководить ими в борьбе с протестантизмом. Педагогика и дипломатия были двумя великими орудиями, которыми действовала эта Церковь: моделировать личность на свой фасон и суметь заставить ее служить чужим целям так, чтобы она сама этого не замечала, — были два искусства, особенно отличающие деятельность главных представителей возродившегося католицизма. Одной прежней церковной кафедры и громов папского отлучения было мало для власти над новым обществом: его нужно было еще так воспитать, чтобы оно не шло слушать других проповедников, кроме католических, чтобы оно не оставалось равнодушным к отлучению; нужно было еще эксплуатировать человеческие слабости, чтобы был интерес оставаться католиком и служить Римской Церкви, и нужно было оказывать человеку по-

блажки, когда в этом была какая-либо выгода. Эта новая политика имела и новый орган — орган иезуитов»¹. Вот почему мы должны будем остановиться более подробно на иезуитов и иезуитизме, ограничившись лишь беглым очерком других факторов возрождения и реакций католицизма.

Начало реакции относится к понтификату Павла III (1534–1549 гг.), в первые годы которого сделались кардиналами благочестивые, склонные к реформе Церкви и думавшие почти одинаково с Лютером об оправдании посредством веры Контарини и Садолет, находившийся в переписке с реформаторами (например, с Меланктоном), и др., но также и Караффа, отличавшийся благочестием и сознанием необходимости преобразований в Церкви, но не разделявший склонности к усвоению указанного протестантского догмата. В курии возникла даже мысль о возможности примирения с протестантами при помощи кое-каких уступок и была организована особая комиссия для составления проекта преобразований (*consilium de emendanda ecclesia*), обнародованного потом, в 1538 г.: в нем совершенно прямо указывалось на то, что упадок Церкви был причиной отпадения от нее протестантов. Примирительные попытки ни к чему не привели, и одним из стойких сторонников неуступчивости был упомянутый кардинал Караффа. Между тем Павел III, чтобы предупредить Карла V, который желал в это время соглашения с лютеранами, созвал собор в Триенте или по латинскому произношению Триденте (1542), но он вскоре был отсрочен (1543) и открыт только в 1545 г. Не рассказывая истории этого собора, продолжавшегося с большими перерывами до 1563 г.² и переносившегося в Болонью, мы ограничимся одним выяснением общего его значения. Идея соборной реформы Церкви была вообще популярна в первой половине XVI в., но это была идея старая, во имя которой в первой половине XV в. созывались соборы в Пизе, Констанце и Базеле, окончившиеся, правда, неудачей. Воспоминание об этих соборах было крайне неприятно для папства реформационной эпохи, ибо созывались они в силу той идеи, что Вселенский собор выше папы и что причина порчи Церкви заключается в неограниченности папской власти, не говоря уже, что в требовании Карла V созвать собор папы видели опасность и в ином отношении, ибо собор мог бы сделаться орудием в руках властолюбивого императора. Значение Тридентского собора заключается, прежде всего, в том, что на нем возобладало направление строго папистское — и в смысле папского главенства в Церкви, и в смысле господства Церкви над государством, т. е. направление, которое было диаметрально противоположно и прежней соборной идее XIV–XV вв., и государствен-

¹ Очерк реформационного движения и католической реакции в Польше, с. 154–155. В 1540 г. в Италии вышло сочинение в протестантском духе «О благоденствии Христа» («*Del beneficio del Cristo*»).

² Всех съездов собора было три: 1545–1547, 1551–1552 и самый главный с начала 1562 по конец 1563 г.

ным стремлениям эпохи, а также, разумеется, и протестантизму; произошло это благодаря тому, что большинство на соборе было итальянское, что нации, на нем присутствовавшие, имели неодинаковые интересы и что в конце его заседаний уже действовала главная сила возрождавшегося католицизма — иезуиты. С другой стороны, здесь была пересмотрена вся церковная догматика, решены спорные ее вопросы и все учения Церкви уложены в систему, но так, что везде преобладала тенденция — как можно резче противопоставить католическое учение протестантскому, между тем как Карл V предлагал, наоборот, такую программу, которая сглаживала различия между обоими вероисповеданиями. Строго реакционный характер Тридентский собор получил, однако, не сразу, и в первое время на нем преобладали даже иные течения, вместе с чем обнаружились все те внутренние несогласия, какие были в лоне самой Церкви: догматические определения, которыми занялся собор, вызвали споры разных схоластических школ, а с ними и антагонизм монашеских орденов, державшихся разных направлений; между епископами и генералами монашеских орденов равным образом происходили несогласия из-за монахов, не хотевших подчиняться епархиальной власти; расходились далее интересы отдельных наций, интересы духовной и светской власти, интересы епископата и папы. Но к концу заседаний все было решено при сильном влиянии иезуитов к наибольшей выгоде для папства и католических традиций. Настоящим папой реставрации католицизма был кардинал Караффа, сидевший на престоле Св. Петра под именем Павла IV, от 1555—1559 гг., восстановитель инквизиции и организатор цензуры, пытавшийся даже взять дело реформы в свои руки помимо собора, который и не заседал, пока Павел IV был папой. Собор возобновился и окончился уже при его преемнике Пии IV, когда старые тенденции окончательно возобладали и собор имел уже строго католический, резко антипротестантский характер. Своими постановлениями он не только определил, во что должны были верить католики, но и принял целый ряд мер для того, чтобы сделать духовенство более образованным, нравственным, дисциплинированным, преданным интересам Церкви, устранив из церковной жизни все, что подавало повод к особому соблазну даже среди католиков, например торг индульгенциями. После этого Католическая Церковь получила характер неподвижности в противоположность протестантизму, в котором продолжалось внутреннее развитие, и три века, до Ватиканского собора 1869—1870 гг., провозгласившего догмат папской непогрешимости, более не созывалось в Католической Церкви общего собора. Задачей католицизма, кроме борьбы с протестантизмом, сделалось теперь поддерживать систему, созданную Тридентским собором, преследуя, даже среди строго верных Церкви богословов, малейшее отступление от раз навсегда утвержденных понятий, но эта неизменность могла быть только результатом искусно направленной к тому деятельности, сочета-

ния репрессивных мер, каковыми были преследования мнений, книг и людей цензурой и занесением вредных произведений в особый список запрещенных книг (*Index librorum prohibitorum* 1559), а также приговорами инквизиционного трибунала, — с мерами педагогическими и дипломатическими, в которых особыми мастерами были иезуиты.

В 1564 г. Пий IV утвердил тридентские постановления, заявив, что право их толкования принадлежит исключительно папе, под угрозой церковного наказания всякому, кто вздумал бы создавать к ним собственные комментарии. Постановления эти встретили, однако, протесты со стороны императора Фердинанда I, испанского короля Филиппа II и французского правительства, принявших их только с оговорками, главным образом ввиду заявлений о папском полновластии над государством и ввиду их противоречий с местными законами. Духовенство равным образом не везде дружелюбно к ним относилось и даже их оспаривало, как это случилось, например, в Польше, где высший клир принял их лишь через тринадцать лет (1577) после того, как дал на них свое согласие король Сигизмунд Август (1564). Главными деятелями в проведении тридентских реформ в жизнь отдельных стран были опять-таки иезуиты¹. Со стороны протестантов Тридентский собор был встречен полемикой, начатой еще в первые годы его заседаний Кальвином (*Acta synodi tridentinae cum antidoto*, 1547) и продолжавшейся еще после его закрытия (*Examen concilii tridentini* лютеранского богослова Хемница и др.).

Тридентский собор возродил Католическую Церковь, но на основании возвращения к старым началам. Еще раньше, чем составлены были его постановления и стали входить в жизнь в католических странах, папство уже начало беспощадную реакцию в Италии. Главным ее орудием был «*sanctum officium*», как официально называлась инквизиция, имевшая свою верховную конгрегацию, организованную по образу испанской инквизиции с неограниченной властью в делах веры. Во главе этого страшного учреждения стал Караффа, разославший шпионов по всей Италии, т. к. отдельные итальянские правительства приняли инквизицию, не везде даже подчинив ее своему надзору (1542). В 1543 г. без одобрения *sancti officii* запрещено было печатать книги, а позднее был составлен *index librorum prohibitorum*, в который попали не только протестантские сочинения, но и все книги, не подходившие к духу строгого католицизма. Начались розыски, гонения, от которых одни спасались бегством, чтобы не попасть в тюрьму или на костер, тогда как другие спешили подчиняться Церкви, но и при всем том было совершено много казней. В этих гонениях нанесен был удар не только религиозному разномыслию, но и светскому гуманизму, нанесен был страшный удар всей итальянской культуре. В итальянском обществе не было ни большого религиозного энтузиазма, при котором могло бы проявиться не

¹ По окончании собора папа Пий IV обнародовал еще «Тридентское исповедание веры» (*Confessio fidei tridentinae*).

одно мученичество за веру, но и борьба за свободу совести, — ни свободного общественного духа, давно подавленного деспотизмом князей и усыпленного льстивой придворной литературой, настолько вообще отсутствовавшего в стране, что фанатическая реакция не вызвала против себя и политического движения. Мало того, итальянцы продолжали гордиться тем, что клир всех стран подчиняется итальянскому владыке, живущему в Риме, и видели в могущественном папстве даже условие, необходимое для того, чтобы их отечество было политически независимо и могущественно. Мало-помалу Италия из передовой страны, в которой ранее, чем где-либо, проявились первые признаки наступления нового времени, сделалась одной из тех стран, где господствовал безраздельно нетерпимый католицизм, убивавший всякое живое культурное и общественное движение, уничтожавший результаты, которые были уже произведены такими историческими движениями, как Возрождение и Реформация, приводивший целые нации к умственному застою, к политической неподвижности, стремившийся вернуть историческую жизнь на всем Западе к средневековым мирозерцанию и быту, насколько на них покоились господство папства, духовенства и монашества. Но Италия — в том-то и дело — не была единственной страной, которой овладела реакция: последняя охватила еще государства Пиренейского полуострова, католические земли Германии, Польшу, присоединив к главному своему церковному центру — Риму — три центра политических: Мадрид на юго-западе, Вену в центре и Варшаву на северо-востоке католического мира.

Католическая реакция имеет длинную и сложную историю, но сущность этой истории всегда и везде была одна и та же. В культурно-социальном отношении это была история теологического и клерикального подавления независимой мысли и общественной свободы, подавления, в котором с представителями возрожденного и воинствующего католицизма соперничали иногда, но далеко не с такой ревностью и таким успехом, представители протестантской нетерпимости и протестантского ригоризма, не говоря уже о том, что у Реформации была масса положительных сторон, которых был лишен иезуитский католицизм XVI в. У католической реакции была и своя политическая история, сводившаяся к подчинению внутренней и внешней политики целых государств реакционному направлению, к образованию из них большого международного союза, к возбуждению в его членах вражды против протестантских стран, даже к вмешательству во внутренние дела этих последних. Главными политическими силами реакции были с середины XVI в. Испания Филиппа II (1555—1598) и его преемников, с последней четверти того же века — Австрия, которая особую роль играет в первой половине XVII в. (Тридцатилетняя война), наконец, с исхода XVI столетия — Польша, сделавшаяся операционным базисом Католической Церкви и против православия. Из этих трех государств два принадлежали Габсбургам, Испания — старшей линии, которая вела свое происхождение

от Филиппа II, сына Карла V, Австрия — младшей линии, происходившей от брата Карла V и его преемника на императорском престоле (1556–1564) Фердинанда I: Габсбурги и стали главными представителями католической реакции и в эпоху религиозных войн второй половины XVI в., когда на первом плане стояла Испания, и в первой половине XVII в., когда велась громадная общеевропейская война, известная под названием тридцатилетней, когда австрийские Габсбурги стремились к тому, чтобы поднять свое значение в Германии и в Европе в союзе с католической реакцией. Последняя делала попытки завладеть и Францией, но соперничество французских королей с Габсбургами, ставшими во главе реакционной международной политики, уже одно было препятствием к тому, чтобы эта страна могла вообще находиться в одном лагере с Испанией и Австрией. Тем не менее от традиционной политики соперничества с Габсбургами и здесь бывали временные отступления, да и внутри страны общеевропейская реакция имела силу, именно в эпоху религиозных войн второй половины XVI в. и сто лет спустя, во времена отмены Нантского эдикта (1685), которым обеспечивались религиозные права французских протестантов. Уже Франциск I, все свое царствование боровшийся с Карлом V, начинает прибегать к протестантским союзам (с немецкими князьями); той же политики держится Генрих II; в конце XVI и начале XVII в. ее прямо возводит в систему Генрих IV, и ее же в первой половине XVII столетия придерживается в царствование Людовика XIII знаменитый кардинал Ришелье, благодаря которому Франция приняла участие в Тридцатилетней войне не на стороне католиков. Не нужно, далее, забывать, что католическая реакция началась как раз в то время, когда возникло и стало распространяться реформационное движение в странах, которые до того времени лишь слабо им были затронуты, в Шотландии, во Франции, в Нидерландах: движение это не могло уже совершаться вне всяких международных осложнений, и политический интерес заставлял сближаться между собой единоверные государства. В Шотландии, когда там совершалась Реформация, боролись между собой французское и английское влияния; во внутренние дела Франции в эпоху религиозных войн вмешалась Испания; Реформация в Нидерландах была в то же время восстанием против Испании, в котором оказались заинтересованными и французские протестанты, и английское правительство. Как Испания во второй половине XVI в. была главной силой католического лагеря, так Англия при Елизавете играла роль защитницы протестантизма на континенте, вследствие чего на эту страну были направлены особенные усилия католической реакции и Филиппа II. Реакция делает некоторые успехи и в Швеции; между прочим, один из внуков Густава Вазы (Сигизмунд III, избранный на польский престол, еще будучи шведским королевичем) принимает католицизм и мечтает о его реставрации в стране, опираясь на Польшу, уже перешедшую при нем в реакционный лагерь. До усиления реакции в середине XVI в. религиозные междоусобия не получали международного

характера: например, и в тех смутах, которые происходили в Германии в первой половине XVI в., иностранное вмешательство было едва заметно, но новые смуты в той же Германии в первой половине XVII в. повели к большой международной войне, в которой приняли участие главные силы католического мира, с одной стороны, а в качестве защитников протестантизма выступили, между прочим, и Дания и Швеция. Наконец, при Кромвеле Англия еще раз играла роль защитницы протестантизма. Хотя после Вестфальского мира религиозные войны кончаются, но и в эпоху Людовика XIV противоположность католической и протестантской политики выразилась в той оппозиции, какую делала Франция Голландия, особенно когда во Франции начали преследовать протестантов, а в Англии Иаков II Стюарт замыслил реставрацию католицизма.

В этой политической борьбе католицизма с протестантизмом до некоторой степени мы *наблюдаем и борьбу абсолютизма с политической свободой* не только в отдельных странах, в Шотландии, Франции и Нидерландах, но и на более широкой арене общеевропейской политики: с середины XVI в. до середины XVII в. католические габсбургские государства, а во второй половине XVII в. реакционная Франция Людовика XIV, с одной стороны, с другой же — Англия и Голландия, в которых протестантизм и политическая свобода стали как бы нераздельными, могут быть рассматриваемы как представительницы католического абсолютизма и протестантской свободы, хотя, конечно, обобщать эти факты не следует, т. к. абсолютизм был силен и в немецких протестантских княжествах, а в Польше эпоха католической реакции была временем и наибольшего, хотя и в высшей степени уродливого развития политической свободы. Впрочем, и случайного ничего в указанном явлении не было: католическая реакция и политический абсолютизм, так сказать, заключили между собой союз в виду выгод, какие из него вытекали для государственной власти и для Церкви, а в Голландии XVI в., равно как и в Англии XVII в., политическая свобода вышла победительницей из борьбы с абсолютизмом при сильном содействии передового протестантизма, выставившего уже известные нам политические теории.

XXII. Орден иезуитов¹

Общее значение иезуитов. — Разложение монашества. — Новые монашеские ордена. — Отличие от них иезуитов. — Игнатий Лойола. — Основание Societatis Iesu. — Распространение ордена. — Его внутреннее устройство и орденская дисциплина. — Деятельность иезуитов. — Иезуитская педагогика, мораль и политика.

Орден иезуитов играет слишком видную роль в истории реставрации католицизма и его реакции против всех новых культурно-социальных явлений, чтобы на нем не остановиться подробнее, тем более что, возникнув в южнороманских странах, он приобрел весьма скоро общеевропейское значение, как организованная сила католической реакции. Общий дух этого ордена в высшей степени характеристичен для возродившегося католицизма, а его деятельность постоянно замечается и в деле Реформации самой Католической Церкви, произведенной на Тридентском соборе, и в перевоспитании светского общества в строго католическом духе, и в той внутренней и внешней политике западных государств, которая имела отношение к борьбе католицизма с протестантизмом, начиная от Аугсбургского религиозного мира (1555) и кончая миром Вестфальским (1648), не упоминая уже о временах и более поздних.

Иезуиты не были единственным новым орденом, основанным в эту эпоху для надобностей Католической Церкви, т. к. старые ордена не соответствовали новым задачам, какие ставило Церкви распространение протестантизма. Вообще католицизм не раз прибегал к созданию новых монашеских орденов или реформировал старые, когда представлялась необходимость какой-либо борьбы; например, в XIII в. в эпоху альбигойства и вальденства были созданы нищенствующее ордена доминиканцев и францисканцев.

---

¹ О Лойоле и иезуитах см.: *Genelli*. Das Leben des heil. Ignaz von Loyola. — *Baumgarten*. Ignatius von Loyola. — *Gothein*. Ignatius von Loyola. — *Druffel*. I. v. L. an der römischen Kurie. — *Cretineau-Joly*. Histoire de la compagnie de Jésus. — *Huber*. Das Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte charakterisirt. — *Sugenheim*. Geschichte der Jesuiten in Deutschland. — *Lang*. Geschichte der Jesuiten in Bayern. — *Krasicki*. De Societatis Iesu in Polonia primordiis. — *Moraczewski*. Jesuici w Polsce. — Известно, что иезуиты имели отношение и к русской истории, о чем см. сочинения *Морошкина*, гр. *Д. Толстого* (Le catholicisme romain en Russie), *Морошкина* (Иезуиты в России), проф. *Любовича* (брошюра об иезуитах в Западной России), а также ряд работ *Pierling'a*, касающихся Рима, иезуитов и России в XVI в. (Rome et Moscou. — Un nonce de pape en Moscovie. — Le Saint siège, la Pologne et Moscou и др.). Об иезуитской педагогике и политических учениях вообще см. в сочинениях по истории воспитания и обучения и политических теорий, но есть несколько и особых работ, каковы: *Baumgarten*. Das Schulwesen der Jesuiten. — *Muczkowski*. Szkoły jezuitckie. Нужно заметить, что многие сочинения о иезуитах написаны в иезуитском или правоверно-католическом духе, что обязывает к величайшей осторожности при пользовании ими.

Старые ордена часто, однако, приходили в упадок, ибо общая порча Церкви касалась и их. Доминиканский орден, славившийся своей ученостью, отстал от просвещения своего века, и победа гуманистов над его представителями в знаменитом рейхлиновском споре указывала на то, что не этому ордену было бороться с новыми, враждебными Церкви движениями. Другие ордена состояли из невежественных монахов, своей алчностью и часто зазорным поведением возбуждавших против себя насмешки, негодование и ненависть, так что оппозиция против католицизма даже приняла преимущественно антимонашеский характер: гуманисты были принципиальными противниками аскетизма и врагами схоластического характера монашеской учености; моралисты и публицисты эпохи преследовали монахов сатирой и обличениями, и в том же смысле действовали предшественники Реформации; народ, наконец, был недоволен праздностью и алчностью монахов, а монастырское землевладение уже обращало на себя взоры дворянства и правительств как возможная добыча. Не надо забывать и того, что из монашества подчас возникала и оппозиция против папства, как это было, например, в XIV в., когда с развращенной курией вступили в борьбу минориты. Сама Реформация в лице Лютера вышла из августинского монастыря, который быстро опустел после первых протестов Лютера, а примеру августинских монахов в Виттенберге последовали и монахи других орденов. Где не сами они уходили, там их выгоняли насильно, когда началась секуляризация монастырской собственности; да и вообще Реформация отвергала монашество. Новые воззрения на монашеские обеты стали проникать и в католическую среду, и все это вносило еще большее разложение и расстройство в жизнь монастырей. Но в католических нациях были элементы, не тронутые ни гуманизмом, ни Реформацией, да и в самих монастырях не было недостатка в людях, верных обетам аскетизма и преданных интересам Церкви. Реформация во многих из них даже оживила католические чувства, а Церковь не могла отказаться ни от принципов аскетизма, ни от той помощи, какую оказывали ей разные ордена, и вот результатом этого было преобразование старых и основание новых орденов, так что *Реформация, наносившая удар монашеству там, где она утвердилась, содействовала, наоборот, его возрождению в странах, ее не принявших*. В 1528—1529 гг. часть францисканского ордена получила новое устройство и сделалась известной под названием капуцинов (от капюшона остроконечной формы), и хотя последние пришли было в столкновение с курией, тем не менее на них было возложено проповедовать простонародью, от которого они не отличались ничем — ни своей неопрятностью, ни грубостью понятий, ни резкостью и часто неприличностью выражений; из Италии капуцины распространились по Франции, Испании, Германии, Швейцарии. Около 1540 г. возникли и другие ордена. Не перечисляя их всех, отметим урсулинок, взявших на себя воспитание детей в строгом католицизме (учр. 1538 г., утверж. 1544 г.); театинцев, учрежденных для воспитания бу-

душих священников в строгих нравах, орден, к которому принадлежал кардинал Караффа (папа Павел IV); ораторийцев или тринитариев (братство Св. Троицы) — для поддержания благочестия в духовенстве. Упомянем еще вообще, что разные другие религиозные братства и общины брали на себя заботы о бедных и больных, поддержку в простом народе нравственности, обучение детей и т. п., так что монашество, позабывшее было материальные и духовные нужды народа, которым оно служило в более старые времена, опять стало брать на себя труды по общественной благотворительности, народному образованию и моральному воспитанию масс, что весьма сильно содействовало возрождению католицизма и развитию аскетических стремлений в самой Церкви. Вся история второй половины XVI в. и следующего столетия наполнена примерами появления новых братств и общин с благочестивыми целями или отдельных личностей, прославившихся святостью жизни и подвигами благотворения вроде итальянца Карла Борromeя (1538—1584), савойца Франсуа де Саля (1567—1622), француза Викентия де Поля (Saint Vincent de Paul, 1576—1566) или испанца Иосифа Каласансе (1556—1648), основателя ордена пиаров (*fratres scholarum piarum*), поставивших своей задачей бесплатное обучение детей¹.

Все это была, однако, реставрация средневековой старины: *совершенно новые явления мы встречаем только в ордене иезуитов*. Хотя многие из орденов, возникших в XVI в., имели своей задачей поддерживать католицизм против разрушительного действия Реформации, тем не менее ни один не делал из этого такой своей задачи, как иезуиты: все остальные ордена были учреждаемы со специальными целями или проповеди простонародью, или образования духовенства, или обучения детей и т. п., тогда как деятельность иезуитов отличалась крайним разнообразием, имела характер универсальный. С другой стороны, многие другие братства имели чисто местный характер, утвердившись главным образом в одной какой-либо стране, между тем как иезуиты распространились по всем европейским государствам, покрыв сетью своих учреждений всю Западную Европу и даже начав играть важную роль в странах внеевропейских — в роли миссионеров и колонизаторов. Но что особенно важно, *средневековый аскетизм в ордене иезуитов был, так сказать, заменен дипломатическим искусством Нового времени*, ибо благодаря этому возрожденный католицизм и получил совершенно новый характер. Основателями и первыми членами ордена были испанцы (с португальцами) и итальянцы: можно сказать, что до фанатизма преданная Католической Церкви Испания поставила ордену его цель служить этой Церкви, тогда как Италия, в которой папство давно сделалось мирским по своему

¹ См. старое соч. *Helyot. Histoire des ordres monastiques* (1718), а также биографии отдельных деятелей вроде основателя ораторийцев Филиппа Нери (*Copecelatro. The life of St. Philipp Neri*), Викентия де Поля (*Loth. St. Vincent de Paul. Feillrt. La misère an temps de la Fronde et S. V. de Paul*) и т. п.

характеру учреждением и где особое развитие получили не стеснявшаяся средствами политика («макиавеллизм»), тонкое дипломатическое искусство, индифферентная к истине софистика, — создала систему средств, которыми орден достигал своих целей. Всякими, дозволенными и недозволенными, средствами иезуиты содействовали внутреннему возрождению в католицизме его средневековых начал, закрепляли связи между католиками разных стран и Св. Престолом, содействовали организации сил католицизма для борьбы с ересью, возвращали в лоно Церкви отпавших ее членов, вознаграждали убыли католицизма новыми приобретениями, направив свою деятельность и на православный Восток¹, и на внеевропейские страны, причем иезуиты занимали самые разнообразные положения в Церкви, государстве и обществе, выступая, например, в роли духовников и советников государей, политических и дипломатических агентов, исповедников и проповедников в католическом обществе, воспитателей и наставников юношества и организаторов, начальников, учителей публичных школ, ученых и писателей, благотворителей и христианских миссионеров в других частях света, — т. к. среди членов ордена находилось место для людей разных способностей, настроений и характеров, деятельность их разнообразилась до бесконечности в зависимости от личных качеств самих деятелей и тех людей, с кем приходилось иметь дело, от самого свойства той или другой политической, педагогической, литературной или иной какой-либо задачи, от той, наконец, культурно-социальной среды, в какой приходилось действовать. И вместе с тем орден имел организацию, в которой были соединены принципы католической иерархии с такими началами, на каких обыкновенно бывают основаны военная дисциплина и бюрократическая тайна или весь строй и все поведение тайных обществ.

Основателем ордена был испанский дворянин Игнатий (Иниго) Лойола (род. 1491), скончавшийся (1556) в должности первого «генерала» ордена, но настоящим его организатором, без которого орден, быть может, и не получил бы такого значения, был преемник Лойолы Диего Лайнез (ум. 1565), один из видных деятелей Тридентского собора, при котором (1558) иезуиты окончательно приняли написанный Лойолой устав (*Constitutiones*) с объяснениями (*declarationes*) нового своего начальника и членам ордена разрешено было вести светский образ жизни.

Лойола в ранней юности был пажем при дворе Фердинанда Католика, но праздная жизнь придворного кавалера ему надоела, и стремление к подвигам и приключениям, воспитывавшееся в то время между прочим и чтением рыцарских романов, увлекло его в военную службу. Тридцати лет от роду он участвовал в войне Карла V с Франциском I, во время которой однажды ядро раздробило его правую ногу. Пришлось подвергнуться мучительной операции, после которой Лойола остался все-таки хромым, а чтение во

¹ Иезуиты в русских землях Польско-Литовского государства и их попытки, направленные на тогдашнюю Москву.

время болезни житий святых направило его страстную и деятельную натуру к новой цели — служить Св. Церкви в качестве духовного рыцаря, т. к. святые подвижники, жизнеописания которых он читал, увлекли его воображение и своим героизмом, и своей славой. Это было, однако, религиозное настроение, весьма отличное от того, которое несколько раньше сделало Лютера монахом: если, между прочим, немецкий реформатор, идя в монастырь, заботился, прежде всего, о своем личном спасении, то целью стремлений Лойолы было служение Церкви, как он только и мог его, конечно, понимать при своем строго католическом воспитании и рыцарском настроении, нисколько не сомневаясь в том, что это богоугодное дело доставит ему небесную славу. Указанный переворот в жизни Лойолы произошел в том самом году (1522), когда в Германии уже начиналось реформационное движение, и весьма естественно, что для рыцаря католицизма борьба с ересью должна была впоследствии сделаться одной из главных задач. Случилось это, впрочем, не сразу. Сначала Лойола отправился в Монсеррат, где был чудотворный образ Богоматери, повесил при этой иконе свой меч и с посохом в руках простоял целую ночь у нее на страже, подобно тому, как это делали романические рыцари, оказывая тем почет дамам своего сердца. Затем он задумал идти на богомолье в Святую землю в подражание прежним паломникам и крестоносцам, но это ему удалось не тотчас же, по причине заразной болезни, свирепствовавшей на Востоке. На некоторое время он поступил в один доминиканский монастырь, где удручал свою плоть аскетическими подвигами, — по преданию, жил даже в какой-то пещере, — и до такой степени расстроил свое здоровье, что его стали посещать галлюцинации религиозного характера: ему являлись Христос, Св. Дева; он видел отверстые небеса и мучения грешников в аду. В 1523 г. он, питаясь подаяниями, добрался наконец до Иерусалима с планом обращения турок в христианство: это было временем развития турецкого могущества, сильно грозившего христианству, и немудрено, что у Лойолы явилась мысль соединить паломничество в Палестину с миссионерством среди магометан. План был совершенно фантастический, тем более что Лойола не знал по-турецки, не был знаком с учением Магомета, да и в христианском богословии оказался весьма слаб, а потому он в Палестине и не внушил доверия к себе францисканцам, к которым он явился, но которые постарались его выпроводить на родину. Лойола понял тогда необходимость образования и стал учиться в разных испанских школах грамматике, философии, богословию, навлекая на себя своим странным поведением подозрение инквизиции, два раза подвергавшей его даже заключению и допросу и чуть было не приговорившей его к сожжению. Тридцати семи лет от роду Лойола отправился в Париж, чтобы закончить в этом городе образование, продолжая жить в крайней нищете и питаться милостыней. Здесь он сблизился с савойцем Лефевром, испанцами Франциском Ксавьером, Алонзо Сальмероном, Диего Лайнезом

и Николаем Бобадильей, а также с португальцем Симоном Родригесом, которых и склонил к мысли об основании ордена для обращения в лоно истинной Церкви неверных и еретиков, ибо протестанты в это время (1534) уже заставляли сильно о себе говорить; к этому маленькому обществу, большинство которого были испанцы да один португалец, скоро (1537) присоединилось по одному французу (Жан Кодюр), женеvcу (Ле Же) и нидерландцу (Паскаль Бруэ), так что с самого начала намечался уже интернациональный характер будущего ордена. Сделанная затем Лойолой новая попытка отправиться в Турцию не удалась: по случаю войны сам он и сопровождавшие его товарищи застряли в Венеции, где народ начал смотреть на них как на святых, а подозрительные власти — как на людей опасных, ибо они, действительно, совершали здесь полные самоотвержения подвиги, посвятив себя уходу за больными, которые страдали самыми отвратительными болезнями, экзальтацией же своей Лойола и ранее уже обращал на себя внимание подозрительной испанской инквизиции, так что в случившихся в Венеции с маленькой компанией неприятностях не было ничего удивительного. Еще ранее члены будущего ордена дали торжественный обет в случае неудачи миссионерства в Палестине отдать себя в полное распоряжение папы и в 1538 г. привели в исполнение этот обет, когда для них вполне выяснилось, что наилучшим образом они могли бы служить Церкви, борясь с протестантизмом, и когда мысль об основании Иисусовой дружины (*phalanx Jesu*, позднее *societas Jesu*) достаточно созрела, чтобы осуществиться. Тогдашний папа, Павел III, долго колебался, находя странности в поведении Лойолы, не соглашаясь с некоторыми пунктами проектированного устава, отговариваемый, наконец, представителями других орденов, вообще ревниво относившихся друг к другу и не благоволивших к основанию новых, хотя будущие иезуиты, живя в Риме, своим аскетизмом, проповедничеством, делами благотворения из собираемой милостыни успели уже настолько прославиться, что португальский король просил у Лойолы миссионеров для Индии, и в Португалию на этот зов отправились Ксавьер и Родригес. Только осенью 1540 г. Павел III буллой «*Regimini militantis*» утвердил орден, первым пожизненным генералом которого вскоре был избран сам Лойола, еще до основания ордена, как и товарищи его, принявший сан священника: в конце концов папа увидел в намерении Лойолы перст Божий («*digitus Dei hic est*»).

Так как члены «*Societatis Jesu*» отдавали себя в безусловное распоряжение папы, как наместника самого Бога на земле, то на новый орден посыпались вскоре всякие блага и привилегии. В 1540 г. число членов «Общества Иисуса» было ограничено шестьюдесятью, но в 1543 г. ему дано было право иметь неограниченное число членов. Далее, в сороковых же годах, при Павле III, члены ордена получили право повсеместной, на улицах и в церквях, проповеди и повсеместного исполнения церковных треб (исповеди и причащения), а также право отпущения грехов в некоторых таких случаях, ко-

торые были папскими (*causae papales*), и были освобождены от подчинения епископам, а генерал иезуитов был объявлен подвластным помимо каких бы то ни было инстанций самому папе. Далее, при том же папе началось освобождение членов ордена от некоторых монашеских обетов и обязанностей, продолжавшееся и при преемниках Павла III. Сначала именно им было дозволено не собираться на те церковные службы («часы»), которые священник может прочесть в своей комнате; потом были установлены в ордене духовные и светские коадьюторы, т. е. такие члены, которые, вступая в орден, не давали бесповоротного обета ему служить. Папа Юлий III сделал исключение из обязанности соблюдать обет нестяжания для тех членов, от которых польза Церкви требовала жизни среди богатых людей, и разрешил учреждениям ордена владеть недвижимой собственностью, сохраняя, тем не менее, привилегии нищенствующих орденов (1550), а потом освободил высших его сановников от обета безусловно повиноваться приказаниям, касавшимся миссионерства (1555). Наконец, уже по смерти Лойолы иезуиты, как они стали называться около этого времени, были освобождены от монастырской жизни, и Общество перестало быть обыкновенным монашеским орденом, получив характер небывалого еще в Католической Церкви учреждения — обширной международной духовно-политической корпорации, со своеобразными устройством и дисциплиной, приемами и целями деятельности, моральными и политическими учениями.

Орден иезуитов распространил свои учреждения и набирал себе членов в разных странах Европы весьма быстро. Вот некоторые цифры, которые свидетельствуют о том, как он возрастал в течение двух веков своего существования до уничтожения его во второй половине XVIII столетия. Число его членов, равнявшееся только одной тысяче в год смерти Лойолы, доходило в начале Тридцатилетней войны, т. е. через две трети века до тридцати тысяч, т. е. средним числом каждые десять лет число его членов увеличивалось на две тысячи, а около 1750 г., когда на орден начались гонения, в нем насчитывалось уже двадцать две тысячи членов. В 1574 г. иезуиты обладали 125 учебными заведениями, в 1608 г. — 306, в 1616 г. — 372, в 1681 г. — 578, т. е. в сто сорок лет со времени основания ордена в нем средним числом прибавлялось по четыре новых учебных заведения. Ранее всего иезуиты утвердились в Италии, благодаря покровительству пап, и в Португалии, а также и в Испании, несмотря на то что ни Карл V, ни даже Филипп II сначала особенно дружелюбно к ним не относились. На Италию и Пиренейский полуостров приходилось и наибольшее количество первоначальных «провинций» ордена, которых на общее число 12 (вскоре 14) было в Италии 3, а в государствах Пиренейского полуострова 7 (в 1556), тогда как особая польская провинция образовалась только в 1574 г., разделилась же на польскую и литовскую лишь в 1608 г. В 1626 г. число провинций ордена доходило уже до 39 (с 16 тыс. членами). Вне Италии, Португалии и Испании иезуиты имели большой успех

в католических странах Германии, где они утвердились довольно рано, особенно в Баварии и Австрии: Бобадилья и Ле Же в конце сороковых годов XVI в. действовали в Баварии; здесь иезуиты завладели Ингольштадтским университетом, а в начале пятидесятых годов они основались и в Вене, начав оказывать сильное влияние на тамошний университет. Из немецких иезуитских школ вышли многие деятели Тридцатилетней войны. Около того же времени и все еще при жизни основателя своего ордена иезуиты делают попытку утвердиться во Франции, но встречают отпор со стороны высшего духовенства, парламента и Сорбонны: высший клир все еще был проникнут идеями галликанизма, тогда как иезуиты стояли на ультрамонтанской точке зрения; парламент усматривал политическую опасность со стороны этого ордена; Сорбонна находила его излишним и даже вредным для монашества в виду того, что иезуитам дозволено было вести светский образ жизни. Лишь при Карле IX они основали весьма быстро прославившийся, как хорошая школа, *collège de Clermont*, в эпоху же религиозных войн были желанными союзниками для фанатических католиков. В конце XVI в. политические покушения (на жизнь Генриха IV) привели было к временному удалению иезуитов из Франции, но в начале XVII в. они были возвращены, т. к. Генрих IV думал воспользоваться их услугами в политических интересах Франции и даже сделал одного иезуита своим духовником. Первая мысль о приглашении иезуитов в Польшу для воспитания молодежи была высказана еще на Варшавском синоде 1561 г., но тогда на нее возражали в том смысле, что в стране найдутся и свои наставники. Впервые призвал их сюда вармийский (Ermland) епископ (позднее кардинал) Гозий¹, один из видных представителей католической реакции, которого за его деятельность на Тридентском соборе протестанты прозвали «богом папистов» и который внушал Сигизмунду Августу крайне реакционные меры против еретиков: еще на соборе он вошел в сношения с Лайнезом по поводу приглашения иезуитов в Польшу, и в 1564 г. прибыла первая их партия в Вармийскую епархию, а в следующем году в Брунсберге была открыта иезуитская коллегия. После этого и в чисто польских епархиях (вармийская была населена немцами и не подчинялась архиепископу гнезненскому, который был примасом Польши) стали основываться иезуиты и прежде всего в соседней епархии Плоцкой, где епископ Носковский (1566) основал иезуитскую школу (в Пултуске). Как известно, Стефан Баторий и Сигизмунд III оказывали им покровительство. Не довольствуясь деятельностью в католических странах, иезуиты направили ее и на иноверные земли. В Дуэ, Реймсе и Риме существовали иезуитские школы для молодых англичан католического вероисповедания, а в восьмидесятих годах в самой Англии проживало около трехсот тайных иезуитов. В семидесятих годах иезуиты проникли в Швецию ко двору Иоанна III, и из них осо-

¹ Об этой интересной личности существует специальная литература, в которой отметим русское сочинение проф. Жуковича «Кардинал Гозий и польская Церковь его времени».

бенно прославился Антонио Поссевино, имя которого упоминается и в русской истории. Известны также иезуитские покушения на православие и в польско-литовской Речи Посполитой, и в Московском государстве. В начале XVII в. орден утвердился (правда, ненадолго) даже в Турции (иезуитская коллегия в Галате). Мы не говорим уже о миссионерской деятельности иезуитов во внеевропейских странах (в Ост-Индии и Японии, где действовал Ксавьер, в Китае, в Абиссинии, в Мексике и Южной Америке, где они даже основали в начале XVII в. целое государство — Парагвай в зависимости от испанского короля, поработив туземное население). Все эти «провинции» с их разнообразными учреждениями и многочисленными членами были тесно связаны между собой весьма искусной организацией, в которой царствовала строжайшая дисциплина.

Во главе ордена был поставлен пожизненный генерал, живший в Риме, где под влиянием иезуитов существовали разные учреждения, между которыми особенно были важны национальные коллегии (*collegia nationalia*) для подготовки католических миссионеров в протестантских землях, отданные в начале XVII в. в заведование особой конгрегации распространения веры (*congregatio de propaganda fide*), — и где уже раньше было учреждено высшее инквизиционное судилище (*congregatio sancti officii*). Таким образом, орден иезуитов со своим генералом в Риме входил в состав центральных учреждений католицизма, возникших для борьбы с протестантизмом. Самый орден был основан на началах строгой централизации, т. к. генералу вручалась безусловная власть над отдельными его членами, хотя весь орден и считался выше самого генерала, при котором начальники провинций (провинциалы) назначали даже особого адмонитора для контроля его действий и четырех (или шести) ассистентов, как совещательную коллегия. Таким образом, сам генерал был ограничен в своих действиях необходимостью сообразоваться с приставленными к нему лицами, а общее собрание, или генеральная конгрегация ордена, в которой принимали участие только высшие чины ордена и которой принадлежала законодательная власть, в случае важных проступков имела право и сместить генерала. Во главе отдельных провинций, число которых, как мы видели, увеличивалось с течением времени, стояли провинциалы, назначавшиеся генералом обыкновенно на три года точно так же, как и другие начальствующие лица, стоявшие во главе отдельных учреждений (ректоры, супериоры); все они были обязаны посылать генералу ежемесячные или триместриальные отчеты. Под управлением генерала, провинциалов и низших властей находилось целое иерархически расчлененное общество, и для достижения высших положений нужно было обыкновенно пройти длинную школу, так сказать, дрессировки в послушании ордену. Молодые люди отбывали сначала новициат в особых общежитиях, где изучался их характер и сами они приучались жить только интересами ордена, отрываясь от всех мирских воспоминаний

и связей, так что, например, для них даже родители становились «бывшими родителями». По окончании искуса эти послушники делались коадьюторами, служа ордену часто в роли прислуги или простых рабочих (светские коадьюторы), но настоящей дальнейшей ступенью в иезуитской иерархии были схоластики («школьники»), занимавшиеся сначала сами изучением разных наук, а потом и обучением им других: вступление в схоластики сопровождалось обетами монашества, а между 20 и 25 годами схоластики обыкновенно делались духовными коадьюторами ордена, которым уже вообще поручались разные должности. Следующую ступень составляли священники, в свою очередь разделявшиеся на две категории: трехобетных и четырехобетных профессов (*professi trium votorum* и *professi quatuor votorum*), из которых первые давали обыкновенные обеты монашества, вторые присоединяли к ним еще обет отправляться по приказанию папы беспрекословно куда бы то ни было; они-то и составляли зерно Общества (*congregatio professa*) и из них же выбирались начальники провинций и отдельных более важных учреждений. Кроме пяти чинов, составлявших весь орден (послушники, схоластики, коадьюторы и профессы обеих категорий), у него были еще внешние члены, или так называемые аффилированные, с которыми не нужно смешивать еще настоящих, но тайных иезуитов, скрывавших свою принадлежность к ордену. Аффилированными к ордену лицами могли быть и духовные, и светские люди: между первыми встречались прелаты, между вторыми — даже государи, как, например, в эпоху Тридцатилетней войны оба царствовавшие тогда императора (Фердинанды II и III). Для членов ордена существовали свои общежития с особыми начальниками: послушнические дома, коллегии, дома профессов, и все эти учреждения находились под постоянным и бдительным надзором. Члены ордена имели свое особое платье, не походившее на монашеское, бывшее скорее костюмом светских ученых, — черный кафтан, плащ и шляпу с загнутыми полями. Кроме того, орденские правила определяли и мелочи поведения — как ходить, как разговаривать, какое выражение лица принимать, как вести себя дома и в общественных местах и т. п. Внешность вообще играла большую роль у иезуитов: они предпочитали вербовать в свой орден обладателей приятной наружности, учили утонченным манерам, искательным и вкрадчивым приемам обращения, располагающей интонации голоса, ибо все это были средства уловлять людей в сети ордена. Ради этого аскетический идеал измождавшего свое тело, сурового по своей внешности монаха был не в расчетах иезуитов. «Хотя, — говорилось в их правилах, — слишком большая забота о жизненных потребностях и достойна порицания, но отнюдь не стоит пренебрегать здоровьем и силой, предназначенными на пользу служения Богу... Следует избегать обременительной работы: она, утомляя тело, вредно действует и на дух. Непомерные умерщвления плоти, бдения, лишения, труды, очищения покаянием и т. д. могут дурно

влиять на существо человека. Кто пользуется наилучшим положением в этом мире, тот полезнейший член Общества».

При своем устройстве иезуиты не могли принимать в орден первого встречного. Они изучали жизнь каждого, желавшего присоединиться к ним; изучали качества его и требовали от него полной откровенности. Такой искус продолжался довольно долго, и лишь по истечении известного срока мог быть принят в орден тот, кто оказывался годным для этого (в «неофиты» можно было поступать 14 лет от роду) и особенно обещал отличаться безусловным повиновением, одной из главнейших обязанностей иезуита. Вот что говорит сам Лойола о послушании членов своего ордена: «Пусть другие религиозные братства превосходят нас воздержанием, бдением и лишениями в пище и одежде; по безусловному повиновению и отрешению от собственной воли и суждений братья нашего ордена далеко оставят других за собой... Вы обязаны, — говорил он еще, — слепо стремиться волей вашей к цели, выставленной вам высшими, и допустить склонить вас без всякого сопротивления по примеру Авраама, решившегося безусловно принести сына своего в жертву. Несовершенное повиновение имеет к собственному несчастью два глаза, совершенное же — слепо, но в этой-то слепоте и заключается мудрость его и достоинство»... «Следует повиноваться слепо, — развивал ту же мысль Родригес, — т. е. не доискиваться, почему нам дается известное приказание, а исполнять потому только, что этого требует высший, и долг повиновения предписывает такое отношение к делу». Одному неофиту Лойола сказал: «*Volo et nolo non habitant in hac domo*»¹. Такие же предписания мы находим и в уставе ордена: «Каждый должен быть убежден, что с теми, которым суждено жить и выносить все беспрекословно, высшие над нами распоряжаются как с трупами. Да ведает каждый, что желающий пребывать в повиновении должен уподобиться посоху в руках высших, управляющих им под руководством божественного Провидения или явиться трупом, которому можно придать любое направление». Выражение «*perinde ac cadaver*»² — обозначало безусловное повиновение. Для того чтобы никто не уклонялся от общей дисциплины и исполнения своих обязанностей, введено было тайное наблюдение за всеми, и члены ордена обязаны были доносить на своих товарищей своим начальникам, почему между отдельными иезуитами существовало постоянное недоверие. Вот что говорит об этом иезуит Мариана (1535–1624), автор книги «О недостатках Общества Иисуса»: «Устав утвержден на цензуре и доносе, отчего желчь разливается по всему телу и производит повсеместную желтуху. Никто не смеет доверять собрату из боязни, чтобы тот его не выдал или не стал помогать на чужой счет милости начальника или генерала». Поэтому вся жизнь иезуита подчинена была строгой дисциплине. Иезуит должен был отказаться от своих

¹ «Желать или не желать [чего-либо] не допускается в нашем кругу» (лат.). — Прим. ред.

² Точно труп (лат.). — Прим. ред.

родственников; все письма, которые он получал, живя в общежитии, просматривались старшими; ему запрещалось читать без особого дозволения книги, выходить одному на улицу, замыкать что-либо под замок. Цели и деятельность ордена известны были только старшим, и лишь один генерал мог знать все, хотя и за ним шпионили. Свидетель, относящийся к середине XVII в., т. е. ко времени полного расцвета ордена, вот что говорит о том, какие сведения сосредотачивались в руках генерала ордена: «Никакой монарх в свете не может иметь таких сведений, как генерал иезуитов. Число ежегодных официальных донесений простирается до 1584, не считая частных сообщений и рапортов ректоров об учителях коллегий. Ежемесячные отчеты 37 провинциалов к концу года возвышались до цифры 444; от начальников коллегий получалось 2448 отчетов; от начальников резиденций — 1360; каждые три месяца 59 начальников новициата доставляли более 236 отчетов; наконец, по крайней мере, два раза в год 1048 консультаторов присылали 2096 рапортов». При этом соблюдалась самая строгая тайна и употреблялись иногда особые шифры.

Для исполнения всех тех обязанностей, какие орден налагал на своих членов, нужны были разные характеры, разные способности, и иезуиты в этом отношении каждому своему сочлену находили подходящее место. Поэтому в ордене встречались люди самых противоположных качеств: фанатики, готовые мучить других и сами идти на мучения, и расчетливые политики, добряки, служившие орудием в чужих руках, и бессердечные эгоисты, не останавливавшиеся ни перед какими средствами, и т. п. Разнообразная деятельность ордена, члены которого занимались самыми неодинаковыми профессиями, требовала и соответственных тому людей, но, кроме того, иезуиты должны были приспосабливаться и сами к обстоятельствам. Мы увидим еще, что на принципе приспособления к обстоятельствам были основаны и мораль, и политика иезуитов, но та же черта проходит через всю их деятельность вообще: в качестве духовников это были самые покладистые люди, облегчавшие людям возможность грешить, не тревожа своей совести, что особенно было важно по отношению к государям, делавшим иезуитов своими духовными отцами; в качестве педагогов они подлаживались к воспитанникам и, подметив их слабые стороны, эксплуатировали их в целях ордена. Где важны были благочестие и благотворительность, там иезуиты отличались этими качествами; где дорожили образованием, они устраивали школы и давали бесплатное обучение; на ученых людей они действовали своей эрудицией, своими литературными трудами, на народные массы — особой пышностью богослужения, внешней занимательностью проповеди, в которую вставлялись смешные анекдоты, остроты, шутки и т. п.; среди язычников они приспосабливались к их верованиям и обычаям, делая уступки их суевериям, позволяя соблюдение языческих обрядов, скрывая подробности христианского учения, когда замечали, что последние их шокировали, одним

словом, довольствуясь нередко чисто внешним присоединением их к христианству. Все это и многие другие факты той же категории относятся к *основному принципу деятельности иезуитов — не становиться в слишком резкую оппозицию к мнениям и привычкам того общества, на которое нужно было действовать*, напротив, приспосабливаться, прилаживаться к нему, когда нужно, потакать ему, поощрять даже его дурные наклонности, ибо и это могло быть направлено А. М. D. G. (*ad majorem Dei gloriam*¹, таков был девиз ордена).

Главными средствами, которыми действовали иезуиты, были педагогика и дипломатия, имевшие свои особые руководящие начала главным образом в моральных и политических воззрениях ордена. Иезуиты основали громадное количество школ, с которыми часто не могли соперничать школы протестантские по собственному сознанию самих протестантов. Хорошие организаторы, иезуиты явились в этой роли и по отношению к школьному делу, установив в нем образцовые внешние порядки, лучшие методы обучения, приспособив к возрасту учеников бывшее тогда в ходу классическое образование, так что в иезуитские школы поступали даже дети протестантов, родители которых видели все преимущества новых школ, и сам знаменитый Бэкон Веруламский находил, что лучшей системы образования юношества, как та, которая была в иезуитских классах, не могло существовать. Иезуиты, действительно, прилагали большое старание к развитию школьного дела в духе той «*ratio studiorum*»², которая была интегральной частью их «конституции». Но вся их система была простой дрессировкой ума без сообщения ему способности к самостоятельному развитию: ученики иезуитов выучивались не только читать, но и говорить, писать, сочинять стихи по-латыни, приобретали массу бессвязных знаний в виде хронологических дат, знаменитых изречений, анекдотов, знакомились с философией и богословием по средневековым методам и воззрениям, но настоящей науки, не испорченной очищениями *ad usum scholarum*³, в этой системе не было, а рука об руку с этим шло воспитание в духе безусловного повиновения, нерассуждения, соперничества между товарищами, взаимного шпионства, доносов и потакания нравственным недостаткам, когда это было удобно или выгодно для воспитателей, ордена или Церкви. Одним словом, это была система, которой калечились и ум, и нравственное чувство подрастающих поколений, ибо и в школу иезуитами вносились те же приемы, с какими они действовали в жизни, являясь при дворах государей духовниками, советниками, посланниками, интригуя при высокопоставленных лицах и вождях политических партий, сея раздоры между нациями, исповеданиями, классами общества, между государями и их подданными и т. п., ибо и педагогика, и политическая

¹ К вящей славе Божией (лат.). — Прим. ред.

² Порядок (план) занятий (лат.). — Прим. ред.

³ Для пользования в школах (лат.). — Прим. ред.

деятельность иезуитов имели одни и те же руководящие начала в том, что всем следует пользоваться, ничем не нужно пренебрегать, что только может служить «к вящей славе Божией», под которой разумелись интересы католицизма, сосредоточенные в интересах папства.

Иезуитская мораль совершенно убивала личное начало в жизни человека. Лойолой был составлен особый план «духовных упражнений» (*exercitia spiritualia*), посредством которых человек должен был доводить себя путем искусственной экзальтации до состояния, когда можно было вкушать высшее блаженство, отказываясь от собственных суждений, от собственной воли, сознавая себя лишь служебной частью целого. Слепое повиновение равным образом могло осуществляться лишь при полном отречении человека от своего Я: младший должен был, как мы видели, стать как бы трупом, которому старший придает какое угодно положение. Индивидуальная совесть вынуждалась, так сказать, молчать *перед* коллективной совестью целого ордена, ибо требование послушания не знало никаких ограничений. Прежнее иерархическое повиновение «даже до смерти» имело свои пределы в тех случаях, когда старшие стали бы приказывать младшим совершение каких-либо поступков, имеющих значение смертных грехов, но у иезуитов начальник брал на себя полную моральную ответственность за все поступки подчиненных, совершенные по его приказанию, т. к. у подчиненных не могло быть ни своего суждения, ни своей воли, ни, следовательно, своей совести, раз предполагалось, что то или другое совершается *ad maiorem Dei gloriam*. Отсюда было недалеко до разрешения грешить с принятием греха на себя и до знаменитого оправдания средств целью («цель оправдывает средства»), которое не было специальным иезуитским изобретением, но входило в их нравственный кодекс, хотя бы без такой откровенной формулировки. Не меньшую знаменитость, чем это «правило», получила так называемая «*reservatio mentalis*»¹, разрешавшая говорить неправду под тем условием, чтобы правду держать в уме (откуда и самое название *reservatio mentalis*) или же думать при этом о чем-либо постороннем, а также суживать смысл даваемого обещания, приносимой присяги, ставить их исполнение в зависимость от умалчиваемых условий. Тем же духом проникнута и иезуитская теория, известная под названием пробабилизма: грешит человек лишь тогда, когда сознательно совершает заведомый грех, но если относительно поступка существует лишь вероятность греха, то совершать его можно даже вопреки голосу совести. Иезуиты, учившие в своих школах искусству защищать диаметрально противоположные тезисы, в качестве духовников создали целую казуистическую теорию, которой оправдывались разные грехи, и в духе этой теории писались руководства для исповедников. *Самое существо морали убивалось грубым утилитаризмом иезуитской этики*, тем более что и голос совести должен был молчать перед

---

¹ Мысленная оговорка (лат.). — Прим. ред.

мнением какого-либо авторитета или повелением папы, хотя бы он предписывал грех и осуждал добродетель. Эта легкая, покладистая и выгодная мораль была весьма сильным орудием в руках иезуитов. В богословском споре об оправдании они стали на точку зрения, совершенно противоположную протестантской, признав свободную волю и собственные усилия человека в деле спасения, ибо естественная свобода ведет к греху, отпускаемому лишь Церковью, а при спасении собственными заслугами нужно духовное руководство со стороны той же Церкви: и то, и другое было выгодно ордену.

Иезуиты не оставили без своего внимания и области теоретической политики, к которой относится несколько написанных ими трактатов, сделавшихся в свое время знаменитыми. Цельной системы они не выработали, ибо *их политические теории обуславливались не какими-либо определенными принципами, а обстоятельствами места и времени*. В этом отношении весьма любопытен пример польских иезуитов. Члены ордена явились в Польшу со строго монархическими принципами, в духе которых учили и проповедовали, за что и пользовались, например, покровительством Стефана Батория. Так продолжалось до первого десятилетия XVII в., когда одновременно против Сигизмунда III и против иезуитов произошло в известной части шляхты значительное движение: тогда иезуиты перевернули фронт, сделались защитниками шляхетской «золотой вольности», которую, как они старались убедить шляхту, лучше всего можно было охранить только в союзе с самым строгим католицизмом. Знаменитый Петр Скарга еще около 1600 г. развивал в своих «сеймовых проповедях» (*kazania sejmowe*) идеал католической монархии, но вскоре после того, как обнаружили бессилие королевской власти и неудовольствие шляхты на иезуитов, делая новое издание этих проповедей, последние прямо выкидывают из них места, проникнутые идеей монархизма. Принципиально иезуиты были сторонниками папского главенства и в мирских делах, хотя и не все отваживались по соображениям дипломатического свойства заявлять об этом открыто и резко и смягчали это учение указанием на то, что сама религиозная власть пап косвенно подчиняет их ведению и дела политические. Из иезуитских политических писателей следует, как наиболее замечательных выразителей тенденций ордена, назвать живших в одно и то же время Беллярмина (1542—1621), Суареса (1548—1617) и Мариану (1536—1624). Беллярмин (вернее, Беллярмино), уроженец Тосканы, достигший сана кардинала и сам чуть не сделавшийся папой, был одним из видных полемистов против протестантов и защитником средневековых учений, вознося религиозную власть папы на такую высоту, что воля папы делалась главным критерием истины, т. е., по его словам, безусловно хорошо все, что ни повелевается папой, и безусловно греховно все папой запрещаемое. (Тем не менее папа Сикст V, 1585—1590, был недоволен его учением о том, что у папы нет прямой, т. е. непосредственной власти в делах гражданских, а есть только власть косвенная.) Суа-

рес в этом отношении шел далее и без оговорок, какие делал Беллярмин, утверждал, что папе принадлежит власть низлагать еретических королей и разрешать их подданных от присяги, за что трактат, в котором проводилось такое учение, был сожжен, между прочим, в Париже. Но особенно любопытно то, что иезуиты, подобно кальвинистам, явились защитниками идеи народовластия. В сочинении Беллярмина «Рассуждения о спорных вопросах христианской веры против еретиков нашего времени» (1586) есть особый трактат о римском первосвященнике, где развивается мысль такого рода: духовная власть основана Богом непосредственно, светская — чрез посредство естественного закона, по которому она принадлежит народу, облекающему ею, по своему усмотрению, те или другие лица. Эта теория, принятая еще Тридентским собором ради принижения светской власти, как происходящей от людей, перед властью духовной, имеющей божественное происхождение, была вообще официальным учением иезуитов, но дальнейшие из нее выводы могли быть различные. Беллярмин, например, все-таки лучшей формой правления считает монархию, подчиняя ее косвенно (*indirecte*) папе, власть которого он защищал в других своих сочинениях. Суарес стоял на той же точке зрения, только более открыто выставляя папский авторитет в светских делах: и по его учению, Бог силой естественного закона связал существо общественной власти с собранием людей, предоставив человеческому усмотрению ее формы: народ по собственному изволению переносит власть на те или другие лица, откуда происходят разные формы правления с лучшей между ними — монархией, которая у Суареса, однако, подчиняется папству. Но иезуиты, подобно кальвинистам, должны были поставить вопрос о праве не повиноваться нечестивым правителям и сопротивляться тиранам, раз папа мог низлагать еретических государей и разрешать их подданных от присяги: мало-помалу и среди католиков стала развиваться мысль, особенно популярная во Франции в эпоху религиозных войн, по которой верховная власть неотъемлемо принадлежит народу, имеющему потому право сменять королей, — учение, соединявшееся с призывами к цареубийству, каковое и было совершено над Генрихами III и IV. На ту же точку зрения, на какой стояли фанатики католицизма во Франции в своих проповедях и памфлетах, стал испанский иезуит Мариана, автор, между прочим, уже упоминавшейся книги «О недостатках Общества Иисуса». Около 1600 г. он издал трактат под заглавием «*De rege et regis institutione*». В нем смешаны воедино самые преувеличенные представления о королевской власти с крайними выводами из теории народовластия; в силу последних Мариана допускает низложение королей народным восстанием, а в случае невозможности это сделать позволяет прямо цареубийство, прославляя в своей книге всех известных истории убийц-тиранов до Жака Клемана, умертвившего Генриха III включительно. Двойственный характер этой одобренной орденном книги, благоприятной для абсолютизма верных католицизму королей

и революционной по отношению к государям, которые были неудобны иезуитам, явствует из того, что она была посвящена испанскому королю (Филиппу III) и напечатана с одобрением королевской цензуры, во Франции же почитателями книги были враги Генриха IV, по убиении которого многие стали даже говорить, будто книгу написал протестант, чтобы тем повредить ордену, и тогдашний генерал ордена запретил оправдывать цареубийство: Мариана по этому пункту в сущности разделял воззрения многих членов своего ордена, которые прославляли или возбуждали политических убийц и покусителей второй половины XVI и начала XVII в. Рассматривая разные формы правления, Мариана отдает предпочтение монархии. Если, говорит он, между прочим, нет правления, которое было бы хуже тирании, то это есть лишь доказательство превосходства монархии, т. к. извращение одних самых лучших вещей создает другие самые худшие. Изобразив (по Аристотелю) тиранию, ученый иезуит ставит вопрос о позволительности тираноубийства и, рассмотрев доводы pro и contra, соглашается с богословами и философами, утверждающими, что похитителя власти может убивать всякий. В согласии с некоторыми кальвинистическими писателями, Мариана находит также, что законного короля, злоупотребляющего своей властью, нужно прежде увещевать; лишь в случае безуспешности увещаний Мариана разрешает убийство, причем пускается в рассуждения о том, можно ли для этого прибегать к отраве ядом. Любопытно и то, что в эпоху, когда кальвинисты в Шотландии, Франции, Нидерландах, а потом и английские пуритане ставили вопрос, имевший тогда не один теоретический интерес, — вопрос о взаимных отношениях между королевской властью и государственными чинами, и Мариана его касается, но делает различие между странами, где установлены власти, ограничивающие правителя, и такими, где король собственной властью издает законы, к исполнению которых никто и не может его принудить. Демократические воззрения, защищаемые Марианой в применении к странам первой категории, не прилагались им к родной Испании, да иначе и трудно было бы посвятить книгу абсолютному испанскому королю. Сам демократизм иезуитских учений, в сущности, скрывал за собой теократические тенденции. И замечательно, что иезуиты одинаково пользовались почетом и влиянием и при дворах абсолютных монархов, и в домах анархической польской шляхты, ибо они эксплуатировали всякий политический порядок в интересах своего ордена.

XXIII. Культурные следствия реакции

Средневековый католицизм и иезуиты. — Католическая реакция и общественная деморализация. — Оппозиция янсенизма. — Иезуиты и дух Нового времени. — Оппозиция иезуитизму и борьба с ним протестантизма. — Культурное влияние католицизма и протестантизма в Новое время. — Сохранение церковного землевладения и монашества. — Более высокий культурный уровень протестантизма. — Примеры католической реакции в Италии и Польше.

Католическая реакция, воплощением духа которой сделался иезуитизм, была попыткой восстановления средневекового католицизма, его господства над личностью и обществом. Все, что характеризует культурные и политические отношения средневековой Церкви, является столь же характеристичным и для католицизма Нового времени, хотя история внесла в него и совершенно новые черты — главным образом в системе средств, которыми он достигал своих целей. Универсализм, отрицавший самостоятельность национального начала, теократический дух, требовавший от государственной власти подчинения папству, клерикальное стремление поставить светское общество под опеку духовенства, — все это характеризует и иезуитскую политику совершенно так же, как и средневековый католицизм в его отношениях к отдельным нациям, государствам и сословиям; что же касается до отдельной личности, то идеалом иезуитов было такое же ее подчинение принятым Церковью учениям с подавлением индивидуальной свободы в области мысли, какого требовала и добивалась старая Церковь в Средние века. В одном лишь отношении иезуитизм отступал от прежней традиции: восстанавливая существенные ее элементы, каковы только что указанные антинациональный космополитизм, стремление папства и духовенства господствовать над государственной властью и светским обществом с теологическим догматизмом, которым проникнута была католическая культура, *иезуитизм в области морали отступал от средневековых воззрений*. Последние, как известно, заключались в аскетическом взгляде на жизнь с вытекавшими из него требованиями, и иезуиты своеобразно подчинились духу Нового времени, которое было, в общем, неблагоприятно для аскетизма, хотя бы он и возрождался не только в отдельных личностях, напоминавших средневековых подвижников, но и в целых новых орденах, и хотя сам орден иезуитов выработался из аскетического братства. С двух совершенно различных точек зрения монашество было отвергнуто и гуманизмом, и протестантизмом, одним — как противное человеческой природе, другим — как не имеющее основания в Св. Писании: иезуиты в принципе не отрицали аскетизма; требовали его от неофитов, видя в нем воспитательное средство; предоставляли желающему предаваться подвигам благочестия, — но весь орден не был мо-

нашеским в строгом смысле, и, как мы видели, удручение плоти считалось в нем не только излишним, но даже и могущим приносить только вред в деле служения Церкви. Вот почему в самом католическом мире высказывалось мнение, что иезуиты погубят монашество. Но особенно новая тактика отличается от старой тем оппортунизмом, представителями которого явились иезуиты, создавая легкую мораль, чтобы при ее помощи заманивать в свои сети лиц разных званий и сословий, хотя по всем казуистическим учениям, формальному взгляду на грех и «благочестивым обманам» (*piae fraudes*)¹, к которым иезуиты прибегали, они имели предшественников в Средних веках. Во всяком случае, *в нравственном отношении иезуитизм воскрешал не строгую этику средневекового аскетизма, а ту порчу Церкви, против которой раздался моральный протест лучших людей эпохи* и которой, собственно говоря, нечего было и воскрешать, т. к. в безнравственных своих проявлениях иезуитизм был непосредственным порождением деморализации, характеризующей католическое духовенство в эпоху перехода от Средних веков к Новому времени. Искание новой морали гуманистами, как ни бесплодно оно было подчас, моральный дух, проникающий собой протестантизм, были явлениями, указывавшими на то, что Ренессанс и Реформация заключали в себе элементы нравственного возрождения, тогда как реакция, поскольку ее представителями были иезуиты, готова была достигать своих целей, принося им в жертву общественную нравственность. И действительно, иезуиты — везде, где они забирали в свои руки воспитание и духовное руководство нации, — *вносили деморализацию в общество, особенно в высшие его сферы, правящие классы и интеллигентные слои*, возбуждая таким характером своей деятельности моральный протест со стороны лучших представителей самого католицизма. В этом отношении особенно замечательно возникновение особого антииезуитского направления в католицизме в XVII в., когда орден Лойолы, окончательно превратившись в политическое учреждение с богатыми поземельными владениями и большими денежными капиталами, которые он приумножал промышленными, торговыми и банкирскими предприятиями, вполне развил свои учения о пробабиллизме, мысленных оговорках и т. п.: это оппозиционное иезуитизму направление получило название янсенизма по имени Корнелия Янсена (Янсена), бывшего сначала профессором в Лувене, потом ипрским епископом, в каковой должности он и умер (1638). Янсений написал книгу под заглавием «Августин», в которой противопоставил учению иезуитов строгую этику блаженного Августина, вдохновлявшего и реформаторов, Лютера и особенно Кальвина, вследствие чего сам янсенизм получил характер католического пуританизма: существовало даже известное сходство между янсенизмом и протестантизмом в вопросе об оправдании, т. к. Янсений был противником формалистики, которую поддерживали иезуиты, учив-

¹ Казуистику разрабатывали еще в XV в. доминиканцы, основавшие и теорию пробабиллизма.

шие, что человек спасается собственными заслугами и, между прочим, делами внешнего благочестия, — и выдвигал на первый план благодать Божью, веру и внутреннее душевное расположение. По смерти Янсения его друзья напечатали этот труд (1640), наиболее же видными представителями его учения сделались его друг, аббат Сен-Сиранского монастыря (во Франции) Дювержье де Горанн (Duvergier de Hauranne) и некто Антуан Арно, сильно содействовавшие распространению янсенизма во Франции, где у него образовался особый центр (парижский женский монастырь Пор-Рояль) и нашлось много замечательных сторонников; к числу последних принадлежали такие люди, как Паскаль и Расин. Известно, что Паскаль в своих остроумных «Провинциальных письмах» (Lettres provinciales, 1656), выходявших сначала брошюрками, а потом выпущенных отдельной книгой, разоблачил иезуитскую безнравственность. Папство осудило это движение, правительство Людовика XIV его преследовало, но янсенисты тем не менее продолжали существовать, не переставая бороться с иезуитами и изобличать их безнравственность. Такими же врагами иезуитизма, какими во Франции были янсенисты, сделались в Польше пиары (fratres scholarum piarum), основывавшие школы, в которых они держались принципов, противоположных иезуитской морали¹.

Оппозиция многих католиков против иезуитизма вытекала не из одних моральных побуждений, да и не одному протестантизму, против которого орден направлял преимущественно свою деятельность, нужно было отстаивать себя в борьбе с иезуитами. Католическая реакция, главными вождями которой они были, *имела вообще более широкое значение, чем противодействие Реформации: это была реакция против всего духа Нового времени*, поскольку он воплощался не только в протестантизме, но и в гуманизме, не только в стремлениях индивидуума, но и в стремлениях государства. Свобода совести и свобода мысли, светская культура и светское государство имели в иезуитах принципиальных противников, а потому иезуиты сделались главными врагами религиозной терпимости, свободного исследования, общественной самостоятельности, независимой от церковных интересов политики, разжигая фанатизм правителей и народных масс против всяких уступок «еретикам», забирая в свои руки школы, общественное просвещение, научные занятия, — в которых они достигли громадных успехов в смысле эрудиции, — поддерживая интересы консервативных элементов общества, подчиняя себе правителей государств и пользуясь всеми культурными средствами и направлениями, всеми социальными силами и течениями, чтобы задержать, остановить, повернуть назад историческое движение. Поэтому в свою очередь все новое и жизненное стояло в оппозиции к иезуитизму, и когда в XVIII в. окрепли светская культура («просвещение») и светское государство («просвещенный абсолю-

¹ О янсенизме см.: *Sainte-Beuve. Histoire de Port-Royal. — Reuchlin. Gesch. von Port. — Royal. Der Kampf des reform. und des jesuit. Katholicismus unter XIII und L. XIV.* Янсенисты играли роль и в политической истории Франции, о чем в своем месте.

тизм») Нового времени, борьба с иезуитизмом приняла в самих католических странах острый характер, и дело дошло до того, что в конце пятидесятих и начале шестидесятих годов XVIII в. иезуиты подверглись изгнанию из отдельных государств, в начале же следующего затем десятилетия орден был уничтожен самим папой по настоянию католических дворов. Реакция против идей и общего направления политики XVIII в., наступившая после падения империи Наполеона и принявшая не только феодально-абсолютистический характер в отношении социальном и политическом, но и клерикальный в отношении культурном, была как нельзя более благоприятна для восстановления ордена, который и в XIX в. начал играть ту же роль реакционного фактора, какая ему принадлежала раньше. Рассматривая в целом все фазисы католической реакции против Возрождения, Реформации, Просвещения XVIII в., просвещенного абсолютизма, французской революции и всюду обнаруживая деятельность Общества Иисуса, знакомясь с той враждой, какую орден встречал по отношению к себе со стороны защитников интересов отдельных национальностей, государств, социальных классов, интересов народного просвещения и общественной морали, мы не можем придавать исключительного значения одной той полемике, которую вели против иезуитов протестанты, тем более что по самому существу враждующих сторон как представительниц двух противоположных религиозных систем, полемика эта должна была принимать преимущественно богословский характер, усложняя теологическими спорами с католиками те религиозные распри, которые велись между самими протестантами, и тем более что и последние обнаруживали весьма часто догматическую нетерпимость и клерикальные тенденции, имевшие в протестантских странах почти столь же пагубные культурные следствия, как и католическая реакция. Нужно было бы проследить историю богословских споров в Германии второй половины XVI в., распри в ней лютеран и кальвинистов, религиозных преследований в протестантских княжествах¹, чтобы убедиться в том, как все это задерживало в Германии общественное развитие, столь блестящим образом обнаружившееся в начале XVI в.; или нужно было бы познакомиться с фактами культурной отсталости в пресви-

---

¹ Для этой эпохи в Германии см. вообще: *Ranke*. Zur deutschen Gesch. vom Religionsfrieden bis zum dreiszigjähr. Krieg. — *Ritter*. Deutsche Gesch. im Zeitalter der Gegenreformation und des dreiszigjähr. Krieges. — *Janssen*. Geschichte des deutschen Volkes. — *Bucholtz*. Gesch. der Regierung Ferdinands I. — *Maurenbrecher*. Maximilian II und die deutsche Reformation — *Reitzes*. Zur Geschichte der religiösen Wandlung Maximilians II. — *Gindely*. Rudolf II und seine Zeit. — *Hepp*. Gesch. des deutschen Protestantismus и *его же* Die Restauration des Katholicismus in Fulda, auf dem Eichsfelde und in Würzburg. — *Löwe*. Die Stellung Ferdinands II zum Trienter Konzil. — *Sugenheim*. Bayerns Kirchen- und Volkszustände im XVI Jahrhundert. — *Wimmer*. Die religiösen Zustände in Bayern um die Mitte des XVI Jahrhunderts. — *Callinich*. Kampf und Untergang des Melancthonismus in Sachsen. — *Göschel*. Die Concordienformel nach Geschichte, Lehre und Bedeutung. — *Frank*. Die Theologie der Concordienformel. — Дальнейшая литература по истории Германии (с конца XVI в.) при изложении Тридцатилетней войны.

терианской Шотландии¹, чтобы прийти к тому заключению, что и протестантизм мог в культурном отношении мало чем отличаться от реакционного католицизма. Тем не менее *сравнение в культурном отношении стран, подпавших католической реакции, с теми, в которых утвердился протестантизм, показывает, что отрицательные стороны последнего все-таки не имели такого губительного влияния, как католическая реакция*, и это до известной степени позволяет нам обобщить относящиеся сюда явления, чтобы в наиболее верных своим принципам проявлениях протестантизма видеть элементы и факторы культурного прогресса, а в стремлениях католицизма — элементы и факторы регресса, присоединив сюда еще наблюдение над связью католицизма с абсолютизмом, протестантизма со свободой. Конечно, эти обобщения, как на то и было указано, не могут претендовать на безусловную верность, ибо из общих правил есть исключения, но исключения эти объясняются и тем, что не в одном протестантизме заключались прогрессивные силы новой истории, да и в нем самом были регрессивные стороны, и еще тем, что жизненные условия отдельных стран могли парализовать то хорошее или дурное, что приносили в них с собой общеевропейские исторические течения. Поэтому для сравнения культурного значения католицизма и протестантизма удобнее брать не отделенные одна от другой страны, каковы, например, католическая Испания и протестантская Голландия, но католические и протестантские части одних и тех же государств или одни и те же государства в разные эпохи. Историки, например, давно уже выставляли на вид, что в протестантских частях Германии обнаруживалось гораздо более умственной жизни и движения вперед, чем в католических, и что с усилением в Германии католической реакции и иезуитского влияния (с последней четверти XVII в.), произошло в ней и общее культурное понижение. Такое же наблюдение делается над католическими и протестантскими кантонами Швейцарии. Еще резче бросается в глаза разница между двумя частями Нидерландов, из которых одна осталась католической и подчинилась реакционному направлению Испании (Бельгия), а другая сделалась протестантской и отвоевала свою свободу (Голландия): одна из этих частей отстала от другой в культурном отношении весьма значительно и до времен французской революции была страной клерикального консерватизма, — сильного в ней и до сих пор, — тогда как в другой в XVII в. процветали промышленная и умственная деятельность, и сама она сделалась одной из передовых стран в Европе. Стоит также сравнить Польшу XVI в., когда в ней сильно было влияние гуманизма и развивалось реформационное движение, с Польшей XVII и XVIII вв., Польшей эпохи иезуитов, католической реакции, преследования диссидентов, умственного застоя, общественной деморализации и политической

---

¹ Факты собраны в известной «Истории цивилизации в Англии» Бокля (*Buckle. History of civilization in England*)

анархии¹. Во Франции в эпоху Нантского эдикта (1598–1685) протестантская часть населения славилась особенно трудолюбием и духом предприимчивости.

Впрочем, для таких контрастов можно указать и на общие причины, так или иначе связанные с Реформацией. Уничтожив церковное землевладение и праздное монашество, Реформация возвратила гражданскому обороту громадное количество земель, подлежащих «мертвой руке», создала класс новых собственников на этих землях, отдала обществу массу рабочих рук и избавила его от монашеского паразитизма. *Католические страны в XVI–XVIII вв. продолжали испытывать на себе все неудобные стороны церковного землевладения и многочисленного монашества*, отмененных в протестантских странах Реформацией, но сохранившихся в католических до эпохи «просвещенного абсолютизма» и французской революции. Мало того: реакция в некоторых странах (например, в Испании, в Неаполе) сопровождалась увеличением церковных владений, числа духовных и монахов, равно как и количества праздников, отнимавших от рабочего времени множество дней в году. Все это не могло не отражаться невыгодно на экономической жизни католических стран, где, кроме того, и дух населения, опекаемого священниками и монахами, не мог проявить такой энергии, какой отличался более свободный, менее стесняемый и менее обираемый протестант. Конечно, повторяем, если и нельзя в одном католицизме видеть причину культурной отсталости, чему, например, противоречит Франция, а в одном протестантизме — причину прогресса, если даже признать, что скорее, наоборот, нередко большая культурность страны содействовала принятию ею протестантизма и что верными католицизму оставались страны более отсталые, — хотя утвердительно нельзя говорить ни того, ни другого (культурная Италия и «варварская» Шотландия) или нельзя утверждать без важных оговорок, — многое заставляет признать, что *протестантизм соответствовал более высокому культурному уровню*, как религия и как вообще историческое явление. В религии это был протест против господства внешнего над внутренним, формы над содержанием, чувственного над духовным, обрядности над моралью, протест против массы суеверий, заслонявших высокое учение христианства, против порчи клира. Что касается до культурной стороны, Реформация была одним из проявлений того индивидуализма, того личного начала, которое нужно считать главным фактором исторического процесса. Как ни страдал протестантизм противоречиями, он, в сравнении с духом католической реакции, воплотившимся в иезуитизме,

---

¹ История католической реакции в Польше разработана мало. Главные указания на литературу см. в моем «Очерке реформационного движения в Польше» и в «Истории Польши» Бобржинского. Хотя проф. Любович своей книгой «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше» и доказал весьма убедительно, что реакция началась в Польше из недр самого общества до появления в стране иезуитов, тем не менее настоящими вождями реакции в Польше все-таки были иезуиты.

был явлением неизмеримо более прогрессивным, особенно если мы возьмем его в основных его принципах, а не в неполных, непоследовательных и противоречивых его применениях. «Как-никак, — сказано у нас в другом месте, при сравнении Реформации и реакции в Польше, — протестантизм выводил личность на новую дорогу, воспитывал ее к самоопределению и самостоятельности; иезуитизм убивал личность, дрессируя ее для служения целям, ей посторонним. Протестантизм был продуктом пробудившейся совести, иезуитизм заглушал ее голос своими казуистическими успокоениями. Протестантизм оживлял деятельность мысли, иезуитизм зарывал ее в ворох мертвой учености. Протестантизм оживлял чувство национального и политического патриотизма, иезуитизм не знал родины и не научал ее любить». Южнороманские страны, католическая Германия с Австрией и Баварией во главе, Польша — вот страны, в которых иезуиты одержали полную победу, откуда делались попытки католической реакции в Нидерландах, Англии с Шотландией, во Франции, в протестантской Германии, в Швеции и где вместе с тем совершался упадок культуры. Последний замечался и во Франции, когда она изменяла веяниям Нового времени, чтобы подчиняться духу реакции, как это было в эпоху религиозных войн во второй половине XVI в. и в эпоху отмены Нантского эдикта во второй половине XVII столетия.

Лишенная политического единства, раздробленная на мелкие владения, находившиеся большей частью под властью деспотических государей, входя некоторыми своими частями в состав Испанской монархии и вообще находясь под сильным ее влиянием, Италия, которая раньше не выработала у себя духа общественной свободы, весьма быстро испытала на себе всю тяжесть католической реакции. С 1550 г. начались в папской области казни «еретиков» при помощи костра, виселицы и плахи, и параллельно с этим римская инквизиция действовала в других частях Италии. Напрасно, например, неаполитанцы выхлопотали у Филиппа II освобождение от испанской инквизиции: ее с успехом заменила инквизиция римская. В Милане равным образом Филипп II должен был отказаться от введения испанской инквизиции, но отсутствие последней нисколько не мешало тому, чтобы и здесь без всякой пощады гнали еретиков. Одно время некоторой свободой в религиозном отношении пользовалась Венеция, где было довольно значительное число протестантов и бойко шла торговля протестантскими книгами: например, в период с 1543 по 1549 г. было продано здесь сорок тысяч протестантского сочинения «*Del beneficio del Cristo*», но около 1560 г. и тут еретиков стали топить по ночам в лагунах. В Ферраре протестантам покровительствовала герцогиня Рената, но папское брѐве потребовало у ее мужа искоренения ереси, и начались преследования протестантов. Папы второй половины XVI в., отказавшись от исключительно светской политики своих предшественников, давали тон этой реакции, особенно после Тридентского собора: таковы были Пий V, Григорий XIII, современник Варфоломеевской ночи (1572–1585), Сикст V, Кли-

мент VIII (ум. 1605). Вместе с этим изменилось отношение Рима и к классическому Возрождению, для которого он был одним из главных центров. Несколько долее поддерживались гуманистические занятия при других дворах, но Возрождение вообще везде уступало место реакции, одним из признаков которой был «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо (1544–1595), старавшийся внушить уважение к средневековым традициям¹, а одной из наиболее выдающихся жертв — Джордано Бруно, сожженный на костре в Риме в 1600 г. Пример Джордано Бруно², философа-пантеиста и ученого, жившего во второй половине XVI в. и погибшего на костре, весьма характерен для этой эпохи. В Италии его времени гуманистическая философия, возобновлявшая идеи Платона и Аристотеля, уже уступала место возрожденной иезуитами схоластике, и Бруно был последним представителем свободной философской мысли в Италии. Восприняв в себе все культурные элементы гуманистической эпохи и став в самое резкое отношение к реакции, господствовавшей на его родине, он покинул ее, чтобы в протестантской Европе иметь более свободы, и он ошибся в своих расчетах: ему везде жилось тяжело, всюду его гнали и католики, и протестанты, и он возвратился в Италию лишь для того, чтобы в Венеции быть схваченным инквизицией и выданным в Рим, где его предали казни как атеиста и нарушителя монастырских обетов (в молодости Бруно был доминиканцем). Фанатики хотели даже совершенно истребить память о нем и его сочинениях и до известной степени достигли этого, т. к. позднее пришлось почти совсем вновь открывать этого философа. До какой степени была вообще беспощадна итальянская реакция по отношению к книгам, ей не нравившимся, можно видеть из того, что из громадного количества экземпляров протестантского сочинения «*Del beneficio del Cristo*», бывших в обращении в XVI в., к нашему столетию уцелело так мало, что одному историку литературы лишь с большим трудом удалось отыскать себе один его экземпляр. Такая же судьба, как Бруно, чуть было не постигла и знаменитого Галилео Галилея (1564–1642), учение которого о вращении Земли вокруг Солнца инквизиция объявила ересью, а учение о вращении ее вокруг своей оси — ложным и опасным, хотя и не еретическим: великого ученого привлекли к суду инквизиции, заставили отречься от своего учения и до конца жизни держали под надзором³.

О католической реакции в Испании и Германии придется еще упомянуть в другой связи. Что касается до Польши, то католическая реакция в этой стране, подчинявшейся в XVI в. и влиянию гуманизма, и влиянию Реформации, достойна внимания как один из наиболее рельефных примеров того, как иезуиты овладевали целым обществом, в котором были задатки развития в ином духе. В эпоху религиозных войн и сильного фанатизма,

¹ *Cecchi*. T. Tasso e la vita italiana nel secolo XVI.

² *Berti*. Vita di Giordano Bruno.

³ *Gebler*. Galileo Galilei und die römische Curie. — *Reusch*. Der Prozess Galileis.

как католического, так и протестантского, Польша представляла из себя страну, в которой, хотя и для одного сословия, существовала столь широкая религиозная свобода, что нигде не терпевшийся и всюду преследовавшийся антитринитаризм имел возможность в ней одной организовать в целую Церковь. В Риме одно время даже отчаивались относительно возможности удержать Польшу в лоне Католической Церкви, и иезуитам, начавшим действовать в этой стране лишь по прошествии четверти века со времени основания их ордена, в некоторых отношениях представлялась задача не совсем легкая. Не то было трудным, что нужно было искоренять «ересь»: протестанты не составляли большинства нации, были разделены в вероисповедном отношении на четыре лагеря, не отличались особой энергией и не проявляли, в общем, никакого фанатизма, с которым приходилось бы считаться. Если шляхтич битьем гнал народ в реформированную им Церковь, то это происходило не из фанатизма, а потому, что он считал себя собственником костела и мог делать с ним что хотел, смотря и на холопов как на людей, отданных ему в полную власть. На эти массы, бывшие лишь немymi свидетелями «профанации» церквей, на шляхетское разноречие, на властолюбие шляхты иезуиту можно было даже очень удобно опереться, только стоило немножко разнудать в массе сидевшего в ней зверя, дискредитировать Реформацию именно ее разноречием и втереться в доверие шляхты, лстя ее слишком бросавшимся в глаза инстинктам. И опять не то было трудно, что приходилось действовать в стране, где правительство давало молчаливое и даже не молчаливое согласие на религиозную свободу: правительства меняются, а законы — дело рук человеческих. Самое трудное, по-видимому, представлял из себя весь дух молодого польского общества, индифферентизм и склонность к вольномыслию и в его католических членах, антипатия к клерикализму, а что еще важнее — общее настроение польского духовенства, более заботившегося о своих десятинах и местах в сенате, чем о вере, более ревностно хлопотавшего о национальном соборе, чем о борьбе с «ересью», сопротивлявшегося тридентским постановлениям и готового вступать в компромиссы с нововеерами, если дело только не касалось доходов и власти. Предстояло переделать старых католиков в католиков нового образца, созданного совокупными усилиями ордена и Тридентского собора, а для этого нужно было воспитать подрастающие поколения в ином духе, чем воспитывались их отцы, и найти другие средства, чтобы подействовать на тех, кого воспитывать было слишком поздно, — одним словом, предстояло направить на светское общество и на духовенство орудия педагогики и дипломатии, а у иезуитов обе системы были уже готовы: они явились в Польшу опытными воспитателями и искусными мастерами политических дел. Сделать светский культурный класс и духовенство другими, чем они были, когда нужно, нафанатизировать уличную толпу, — потом уже легко было нетерпимость в мыслях и поступках перевести в законодательство и,

опираясь на двойную силу общества и государства, нанести удар тем еретикам, которых нельзя было пронять ни увещанием, ни проповедью, ни лестью, ни обещаниями, ни страхом перед разнузданной толпой. Начать иезуитам предстояло с высшего духовенства, затронув его интересы и показав ему, что лучше всего оно обережется под защитой папского Рима, — и с детей, воспитав их так, чтобы они не были похожи на своих отцов: иезуитам с их покровителями удалось и организовать католическую партию с епископами, которой раньше не существовало, и создать новое поколение добрых католиков, готовых не останавливаться и пред прямыми насилиями над «синагогами сатаны» и «еретиками». Понятное дело, что при всем этом везде и во всем нужно было мешать предприятиям нововеров и более всего препятствовать им формальным законом закрепить фактически установившуюся в Речи Посполитой религиозную свободу.

Успех реформационного движения в Польше при Сигизмунде Августе вообще обуславливался в значительной мере слабостью оказанного со стороны духовенства отпора. Польский епископат середины XVI в. был более или менее тронут реформационными стремлениями и вольномысленным духом, а потому в нем не было убеждения в истинности и правоте защищаемого им дела, когда приходилось *ex officio* выступать в роли судей и карателей. Чуть не всех епископов современники самих подозревали в еретичестве. Примас Яков Уханский обвинялся в тайном лютеранстве, да и на самом деле он вел себя не так, чтобы не вызывать подозрений, имея в голове собственный план реформы Церкви посредством Национального собора. Епископы готовы были идти на прямые компромиссы с протестантами. Например, на сейме 1556 г. они предложили шляхте содержать при своих домах протестантских проповедников, но только утвержденных самими епископами! На сейме 1565 г. Уханский серьезно советовал своим товарищам идти на уступки требованиям шляхты, чтобы путем компромисса сохранить часть своих прав и привилегий. Со стороны светского общества энергичного противодействия против протестантизма не было: крестьянская масса была пассивна; горожане в большинстве случаев были недовольны появлением ереси, но сидели смирно; органы администрации не хотели приводить в исполнение приговоров церковного суда, когда таковые еще постановлялись и исполнение их поручалось именно светским властям. Что касается до шляхты, то и католическая ее часть во многом действовала заодно с протестантами и помогала им или, по крайней мере, не препятствовала деятельно сопротивляться духовенству при защите религиозной свободы.

Иезуиты в Речи Посполитой начали свою деятельность с педагогики. В XVI в. Краковская академия и подведомственные ей школы сильно поотстали от подобных учреждений на Западе, и шляхта не раз жаловалась на духовенство, что оно плохо учит, а между тем стремление к образованию составляло одну из самых почтенных черт тогдашнего польского общества.

Что касается до школ протестантских, то большей частью это были элементарные училища с вероисповедным характером. За Вармийской, а потом Плоцкой епархией в деле открытия иезуитских коллегий последовали и другие епархии, и даже сами протестанты стали отдавать в эти коллегии своих детей. Впоследствии только одни социиниане могли своей Раковской академией и другими подобными учреждениями соперничать с иезуитами на педагогическом поприще. Иезуиты подметили в обществе некоторые признаки возможной реакции и их эксплуатировали, особенно в той части шляхты, которую начинал пугать антитринитаризм. Действительно, во второй половине шестидесятых годов были даже случаи возвращения в католицизм «по причине разнообразия сект и проклятий, которые они одна на другую налагают». Случалось и так, что паны и шляхтичи прогоняли из своих имений протестантских проповедников и водворяли в «профанированных» костелах католических капланов. Со времени введения иезуитов такие обращения делаются чаще и систематичнее. Понятно, что кто проходил новую школу, был уже иным человеком, иезуиты уже прямо подстрекали своих учеников ко всяким насилиям над диссидентами. На жалобы познанских протестантов, у которых школьники поджигали церкви, иезуиты отвечали, что их ученики заслуживают всякой похвалы за ревность к вере, а один такой пожар в Познани, произведенный школьниками, их воспитатели комментировали даже особой защитительной брошюрой. Кроме школы, иезуиты действовали проповедью, публичными диспутами (часто поддельными), печатной пропагандой (первое польское иезуитское сочинение: *Postylla catoliczna* Буйка 1575 г.) и т. п. До иезуитов вся почти польская печать была в руках нововеров: до 1564 г. протестантских сочинений было больше, чем католических, последних до 1750 г. можно насчитать два-три десятка только, а в 1572 г. протестантских типографий было больше, чем католических. В первой четверти XVII в. с иезуитами в развитии литературной деятельности могли потягаться разве одни социиниане, вообще немало потрудившиеся на этом поприще. Но в польском шляхетском обществе долго еще было уважение к свободе совести, по крайней мере, членов своего сословия. Варфоломеевская ночь чуть было не оттолкнула поляков от Франции и вызвала против нее ряд памфлетов. Знаменитый впоследствии Ян Замойский, которому «лучше было не родиться, чем не быть католиком», и который «готов был отдать полжизни, чтобы видеть католиками других», и тот был за свободу в делах веры и соглашался «скорее умереть, чем потерпеть, чтобы один хоть поляк насильно был вынужден принять католицизм». В 1573 г. шляхта даже заключила Генеральную Варшавскую конфедерацию, содержащую в себе, во избежание какого-либо междоусобия по причине несогласия в религии, торжественное и клятвенное объявление подписавшихся, что они будут соблюдать религиозный мир, не будут друг друга преследовать, а также не станут помогать в этом никакой власти или ее органам и даже будут защи-

щать преследуемых за веру. И первый иезуитский покровитель из польских королей, Стефан Баторий, не был королем, какой был бы желательным крайним представителям католической реакции: он был против насильственного искоренения «ереси», которого добивались иезуиты, т. к. видел в католицизме одно из своих политических средств. Говорят, что когда ему советовали сделать так, чтобы в Польше был один закон, одна религия, он отвечал, что его дело царствовать над народами, а не над религиозными убеждениями: *rex sum populorum, non conscientiarum*. Дав присягу в соблюдении Варшавской Религиозной конфедерации, он старался и на деле оградить протестантов от начинавшихся насилий, хотя и косо смотрел на дальнейшие успехи протестантизма в Польше. Тем не менее его царствование (1575—1586) было временем, когда в Польше окончательно консолидировался иезуитский католицизм. В Пиотркове в 1577 г. собралось польское духовенство и приняло тридентские постановления, которых тринадцать лет не хотело принять. Это был отказ польского клира от идеи национальной Церкви, это было объявление, что протестантизму уже уступок делаться не будет. В последнем смысле Пиотровский синод протестовал против Варшавской конфедерации и предавал проклятию лиц, признающих религиозную свободу. Все, что только могло поддержать в Польше политическое значение и моральный авторитет клира, было одобрено, принято, утверждено на синоде 1577 г.: для Речи Посполитой он был тем же, чем Тридентский собор для остальной Европы. С другой стороны, иезуиты продолжали воспитывать польское юношество в духе повиновения Католической Церкви. Сами разноверцы начинали уже бояться усиления «неизвестной доселе секты иезуитов», исподтишка и исподволь опутывавшей польское общество. Понятно, что «Общество Иисуса» не могло оставить в покое и самого Стефана Батория: ему твердили, что иезуиты воспитывают молодежь в духе преданности монархии и порядку, в духе легальности, и знаменитый проповедник Петр Скарга, уже иезуит из поляков, подобно некоторым другим, выступающим около этого времени на сцену, в своих проповедях отстаивал идею прочной королевской власти и громил земских послов, проводивших теорию шляхетской вольности. Иезуиты льстили стремлениям Стефана Батория, и он изливал на них свои милости, основывая новые коллегии, превращая Виленскую коллегию в академию и т. п. Сигизмунд III (1587—1632), сам воспитанник иезуитов (знаменитого Поссевино) и во внутренней, и во внешней политике стоял в рядах католической реакции, окружив себя иезуитами, перенеся столицу в правоверную Варшаву, сделав из нее такую же опору католицизма, какой на другом конце Европы был Мадрид. В начале XVII в. реакция была в полном разгаре: в городах у диссидентов отбирали или разрушали церкви, лишали разноверцев должностей, наносили им публичные оскорбления, и в то время, как все уменьшалось число протестантов от переходов в католицизм, среди католиков развивалась нетерпимость и т. д. В 1617 г. в Кракове вводится Index

librorum prohibitorum; в 1618 г. устанавливается строгая цензура. Особенно много потерпели в эту эпоху антитринитариин, отвергнутые другими диссидентами и изгнанные наконец из пределов государства, чем создавался опасный прецедент и для прочих разноверцев. Это было «начало конца», конца печального для польских протестантов, которые, не помешав удару, нанесенному одной «ереси», укрепляли руку, имевшую поразить и другие, и лишали себя союзников в борьбе с иезуитизмом. С одной стороны, антитринитариин подвергались нападениям, с другой — делались попытки законодательным путем уничтожить эту форму иноверия в Польше. В 1627 г., например, насилие нафанатизированной толпы положило конец существованию люблинской социнианской общины; в 1638 г. социнианская столица, Раков, лишилась своей Церкви, школы и типографии; в 1656 г. три тысячи крестьян напали на Сандеч, где разграбили и сожгли дома социниан и многих предали смерти; подобные явления были в Чаркове и других местах. На сеймах 1632 и 1648 гг. католики уже прямо заявляли, что готовы жить в мире со всеми диссидентами, но только не с теми, которые заблуждаются относительно Св. Троицы, и требовали исключить их из пользования веротерпимостью: их и официально в 1648 г. не хотят называть диссидентами, как это делалось раньше, а — прямо еретиками. В 1647 г. сейм приговорил к сожжению социнианскую книгу «Confessio fidei christianae» Шлихтинга, самого же автора, успевшего бежать за границу, — к бесчестию и конфискации; особый сеймовый декрет под страхом такого же названия запрещал печатать и распространять социнианские книги. На сейме 1658 г. духовенство потребовало применения к еретикам, «отнимающим у Сына Божьего предвечность», которые «начали распространяться с недавнего времени» (*non a longis temporibus*, — это после столетней давности!), — старого статута Ягеллы 1424 г., изгонявшего из страны гуситов. Сеймовая конституция 1658 г. под страхом смертной казни запрещала исповедание и распространение «ереси», а упорным, которые не желали бы перейти в католицизм, давала трехлетний срок для распродажи своих имений и выселения из пределов государства. Сейм 1659 г. сократил на год прежний трехлетний срок. Этого добились иезуиты, зорко следившие вместе с тем, чтобы социниане отнюдь за это время не производили «оказательства» своей ереси: кого казнили, кого грабили и убивали, кто бежал за границу (бежали преимущественно в Голландию). На чужбине ученые социниане писали свои апологии и мартирологи, предостерегая поляков от испанской инквизиции и австрийского деспотизма. Впоследствии идеи польских социниан были отчасти усвоены английскими деистами и немецкими рационалистами, но большинство изгнанных и бежавших из Польши сектантов денационализировалось весьма быстро и примкнуло к протестантизму. А в Польше и остальным диссидентам пришлось плохо. Сейм 1669 г. под страхом смертной казни или изгнания запретил отпадение от католицизма и постановил, что только католик может быть польским королем. Через двадцать лет после этого один

случай показал, в каком положении была тогда в Польше умственная свобода. Литовский шляхтич Казимир Лешинский, читая «Естественное богословие» Генриха Альстеда, нашел, что его доказательства бытия Божьего составлены весьма неумело и скорее могут достигнуть противоположной цели, — и в насмешку над неостроумным автором приписал на поле книги: «Ergo non est Deus»¹. На него донесли как на безбожника, и познанский епископ привлек его к суду. Ни шляхетская вольность, ни заступничество короля Яна Собесского, ни покорное подчинение подсудимого епископам его не спасли: сейм приговорил его к казни, экстирпации языка и сожжению. Антидиссидентские постановления следовали одно за другим, все более и более ограничивая права некаатоликов: при переходе в XVIII в. реакция была совершенной победительницей. В 1696 г. в *pacta conventa* Августа II вносится запрещение вводить в сенат и принимать на важные должности вообще некаатоликов. В 1616 г. шляхте запрещается строить протестантские церкви в своих имениях, а во время домашнего богослужения не дозволялись ни пение, ни проповедь. Исключались из этого правила посланники иноземных государей, но на богослужении в их жилищах посторонние лица не имели права присутствовать. Конституцией 1717 г. у протестантской шляхты отнято было право заседать в посольской избе, комиссиях и трибуналах и составлять конфедерации для своих религиозных целей. Единственный протестантский член сейма 1717 г. Пиотровский был исключен из числа земских послов по настоянию одного постороннего сейму каноника (*Ancuta*), автора вышедшей через год книжки «Полное право католической религии в королевстве Польском и великом княжестве Литовском».

Но известно, что умственная жизнь и светская литература сильно пали в Польше XVII в., сравнительно с XVI столетием. На Речь Посполитую в эпоху католической реакции мы имеем право вообще смотреть как на одно из лучших доказательств того, как губительно отзывалась эта реакция на всех проявлениях исторической жизни в странах, имевших несчастье подчиниться в умственном отношении иезуитам. Только новые культурные веяния XVIII в. стали выводить Польшу из застоя, созданного в ней реакцией.

---

¹ «Следовательно, Бога нет» (*лат.*). — *Прим. ред.*

XXIV. Католическая политика, Филипп II и Елизавета Английская¹

Общий взгляд на эпоху международной борьбы между католицизмом и протестантизмом. — Смысл этой борьбы в культурной истории Европы. — Габсбурги и Франция. — Католическая политика и роль в ней Испании. — Отношение между папством, иезуитами и Филиппом II. — Испанский католицизм. — Силы Испании. — Испанская инквизиция. — Личный характер Филиппа II. — Филипп II и Англия. — Отношения между Англией, Шотландией, Францией и Испанией при Елизавете и Филиппе II. — Казнь Марии Стюарт и Непобедимая армада. — Неудачи Филиппа II в конце его царствования. — Упадок Испании.

Католическая реакция действовала не только литературной полемикой с протестантами или теми педагогическими и дипломатическими средствами, какими так хорошо в ее целях пользовались иезуиты; не только жгла людей и книги в отдельных католических странах и добивалась в них издания законов, которыми запрещалось самое существование «еретиков», но располагала еще силами католических государств и международных союзов, заключавшихся последними для вооруженной борьбы с протестантизмом во всей Европе. За непродолжительными и имевшими местный характер религиозными междоусобиями в Швейцарии и Германии² в первой половине XVI в. *наступает эпоха страшных религиозных войн, получивших международный характер, эпоха, охватывающая собой целое столетие* (считая от начала Шмалькальденской войны в 1546 г. до Вестфальского мира в 1648 г.) и распадающаяся на «век» Филиппа II Испанского, главного деятеля международной реакции во второй половине XVI столетия, и на времена Тридцатилетней войны в первой половине XVII в. Едва окончилась Шмалькальденская война и заключен был Аугсбургский религиозный мир, признавший за лютеранизмом право на существование в Германии (1555), едва окончилась со смертью Марии Тюдор (1558), второй жены Филиппа II, католическая реакция в Англии и в этой стране стал утверждаться англика-

---

¹ *Прескотт*. История царствования Филиппа II. — *Prescott*. History of the reign of Philipp II. — *Ranke*. Die Osmanen und die spanische Monarchie im XVI und XVII Jahrhundert. — *Philippson*. Westeuropa im Zeitalter von Philipp II. — *Forneron*. Histoire de Philippe II. — *Morel-Fatio*. L'Espagne au XVI et au XVII siècles. — Соч. по истории Реформации в Испании указаны выше, но, кроме того, есть испанские сочинения; в протестантском духе: *Adolfo de Castro*. Historia de los protestantes espanoles (есть нем. перевод) и в католико-клерикальном: *Menendez-Pelayo*. H. de los heterodoxos espanoles. Кроме того, см. ниже сочинения по истории нидерландской революции, а также указанные выше соч. по истории Англии при Елизавете. Укажем, наконец, на *Guerres de religion Лорана*.

² Шмалькальденская война.

низм, едва религиозно-политическая революция (1559) ввела кальвинизм в Шотландии, королева которой, Мария Стюарт, осталась, однако, католичкой, как начинаются религиозные войны во Франции и восстание Нидерландов против Филиппа II, сопровождающееся введением Реформации. Католики отдельных стран протягивают друг другу руку, возлагая свои надежды и в Шотландии, и в Англии, и во Франции на могущественную Испанию, а ее католический король становится во главе международной реакции, пользуясь не только собственными средствами, какие доставляла ему громадная монархия, по и поддержкой католических партий в отдельных странах и как нравственной, так и денежной помощью папского престола, на котором сидели теперь фанатики реакции. Конечно, это заставляло и протестантов разных государств сближаться между собой: кальвинисты в Шотландии, во Франции, в Нидерландах, как и английские протестанты, считали свое дело общим, да и современница Филиппа II на английском престоле, королева Елизавета, которую папа объявил незаконнорожденной, права которой на корону оспаривали в пользу Марии Стюарт и против которой составлялись католические заговоры в самой Англии, была вынуждена оказывать содействие протестантам в Шотландии, в Нидерландах, во Франции. Реакционным попыткам Филиппа II был дан отпор. В 1588 г. потерпела крушение его Непобедимая армада, посланная на завоевание Англии; в 1589 г. во Франции вступил на престол Генрих IV, умиротворивший страну после внутренней смуты и в одном и том же году (1598) давший свободу вероисповедания протестантам и заключивший мир с Испанией, вмешавшейся в религиозную войну во Франции; наконец, Нидерланды успешно вели борьбу с Филиппом II и уже после его смерти принудили его преемника заключить перемирие. Но едва окончились эти войны, раздиравшие крайний запад Европы, как в другой ее части начала готовиться новая религиозная борьба. Генрих IV, еще в восьмидесятых годах XVI в. предлагавший Елизавете Английской устройство общего протестантского союза, мечтал о нем и в конце своей жизни, обратив теперь взоры на Германию, где раздоры между католиками и протестантами грозили уже междоусобием, и только насильственная смерть от руки католического фанатика (1610) положили конец его планам относительно новой борьбы. В это время только что (1609) в силу перемирия, заключенного на двенадцать лет, прекратилась война между католической Испанией и протестантской Голландией, чтобы в скором времени возобновиться опять, а в Германии уже заключались протестантская уния (1608) и католическая лига (1609), которым через десять лет после того пришлось вступить между собой в вооруженную борьбу в те самые годы, как начались опять вооруженные действия между Испанией и Голландией, во Франции гугеноты произвели новое восстание, а на северо-востоке шла война между протестантской Швецией и католической Польшей, король которой католик Сигизмунд III из шведской династии Ваза, но лишившийся

шведской короны, оспаривал последнюю у своих дяди Карла IX и двоюродного брата Густава Адольфа, будущего героя Тридцатилетней войны, мечтая сам о католической реакции в Швеции и находясь в союзе с Австрией.

Таким образом, *в международной политике второй половины XVI и в первой половине XVII в. мы видим разделение европейских государств на два вероисповедных лагеря*. Из них и большей сплоченностью и более агрессивным характером отличался лагерь католический, во главе которого стояли Габсбурги, сначала испанские (во времена Филиппа II), потом австрийские (в Тридцатилетней войне). Если бы Филиппу II удалось сломить сопротивление Нидерландов, приобрести Францию для своего дома, а Англию с Шотландией превратить в одну католическую Британию, — а таковы были его планы, — если бы осуществились стремления императоров Фердинанда II и Фердинанда III в эпоху Тридцатилетней войны, и если бы Сигизмунд III справился со Швецией и с Москвой и употребил часть тех сил, какие действовали в России в так называемое Смутное время, для борьбы на западе Европы в интересах католицизма, — победа реакции была бы полной, но у протестантизма явились защитники в лице таких государей и политических деятелей, каковы Елизавета Английская, Вильгельм Оранский, Генрих IV Французский, Густав Адольф Шведский, (как позднее Кромвель, Вильгельм III), и в лице целых народов, *национальной независимости которых грозила католическая реакция*. Действительно, борьба принимала такой характер, что и Шотландии в царствование Марии Стюарт, и Англии при Елизавете, и Нидерландам, и Швеции при Карле IX и Густаве Адольфе приходилось отстаивать свою независимость вместе со своей религией, тогда как *в католическом лагере господствовали стремления к политической гегемонии над Европой*, бывшие у Габсбургов наследием идей средневековой империи, на восстановление которой столько было положено труда Карлом V. Таким образом, католицизм, соединявшийся в таких странах, каковы были габсбургские владения (Испания и Австрия) с подавлением духовной и политической свободы, стремился в международной политике к подавлению национальной независимости, тогда как протестантизм, содействуя в таких государствах, как Голландия и Англия, культурному развитию и политической свободе, связывал свое дело с делом национальной независимости. Вот почему можно сказать, что с точки зрения современного историка, изучающего общую эволюцию культурно-социальных направлений, *международная борьба между католицизмом и протестантизмом была борьбой между культурной реакцией, абсолютизмом и порабощением национальностей, с одной стороны, и культурным развитием, политической свободой и национальной независимостью — с другой*. Конечно, при более детальном изучении всех войн той эпохи и даже при поверхностном знакомстве с каждой из них в отдельности мы обнаруживаем и иные причины их происхождения, из которых некоторые сами по себе могли действовать сильнее, чем религиозный

интерес, но все эти причины (династические, национальные, политические и т. п.) не имели такой принципиальной связи между собой, какую обнаруживали на протяжении столетия и в разных странах все эти попытки искоренения протестантизма.

Мы уже говорили, что главными деятелями международной реакции были испанские и австрийские Габсбурги, наследовавшие от Карла V его обширные владения, его стремления к гегемонии в Европе, его политическую связь с католицизмом, но вместе с тем и соперничество с Францией. Это *династическое соперничество Габсбургов с Валуа, а впоследствии и с Бурбонами, выразившееся в первой половине XVI в. в войнах Карла V и Франциска I, было фактором, усложнявшим международные отношения католицизма и протестантизма.* Габсбурги и Франция находились в противоположных лагерях, когда во Франции политические соображения брали перевес над интересами католицизма, ибо габсбургское могущество грозило политическому равновесию: с Франциска I и Генриха II, которые вступали в сношения с протестантскими князьями Германии против Карла V, до открытого участия Франции в Тридцатилетней войне в союзе с протестантами против католиков, т. е. в течение целого века мы наблюдаем антигабсбургскую тенденцию французской политики, по необходимости делавшуюся протестантской, за исключением моментов господства во Франции реакционного направления, и, конечно, для Испании было особенно важно поддержать во Франции католическую реакцию, чем и объясняется ее вмешательство во внутренние смуты, которые происходили в этой стране. Своей антигабсбургской политикой Франция одна из первых эмансипировала международные отношения от вероисповедного характера, который им навязывала борьба католицизма с протестантизмом, но отдельные факты такого рода представляет нам и политика самого Филиппа II, ибо и он, например, противодействовал французскому католическому влиянию в Шотландии, когда последняя делалась протестантской, что равным образом указывает на безусловность политических комбинаций, основанных на вероисповедных началах.

На службе у католической реакции обессилели себя все державы, которые действовали в ее интересах на поприще международной политики. Ранее всего это почувствовала на себе Испанская монархия при Филиппе II, обширные предприятия которого, связанные с задачами католической реакции в разных странах, в соединении с внутренним духовным и политическим гнетом, привели государство к упадку, в каком оно находилось после блестящей эпохи XVI в. Во время Тридцатилетней войны точно так же нанесла и себе, и всей Германии удар Австрия, как в XVIII в. погубила себя и Польша своей связью с католической реакцией. После Тридцатилетней войны, во второй половине XVII в. наследие габсбургской политики переходит к Франции, которая с крайним абсолютизмом и католической реакцией внутри соединяет тогда стремление к европейской гегемонии, повторяя через век то,

что делала Испания при Филиппе II, с меньшим только фанатизмом. Таким образом, *католическая политика представляла из себя целую систему подавления всякой свободы*, политической, религиозной, национальной, и на службе у этой политики были в разное время разные государства, тогда как *протестантизм при столкновении с этой системой защищал свободу*, как это случилось и во второй половине XVII в., когда против Людовика XIV боролась протестантская Голландия, а потом и Англия, утвердившая и внутри себя своей второй революцией и политическую свободу, и свободу религиозную. Мы сделали бы, однако, ошибку, если бы приписали возникновение этой системы второй половине XVI в. вообще и Филиппу II в частности: настоящим ее родоначальником был Карл V с его представлением государства как абсолютной монархии, опирающейся на Католическую Церковь и не знающей национальных различий, а элементами, из которых складывалось такое представление, были и политическое учение Макиавелли, столь популярное у государей XVI в., и религиозно-политический деспотизм с инквизицией, в роли государственного орудия, установившийся в Испании еще при деде и бабке Карла V, и средневековая идея космополитической Священной Римской империи. Филипп II только продолжал действовать в духе своего отца, с большим, пожалуй, фанатизмом и в более определенных видах католической реакции, которая едва только начиналась при его отце. Вообще во второй половине XVI в. католическая политика становится более фанатичной, а наступление католической реакции делает ее вероисповедный характер интенсивнее, создав для нее в то же время целый класс новых деятелей, новую организацию, орден иезуитов, которые работали за одно и в пользу католических государств, и в пользу папства, и в пользу собственного ордена, поставившего своей задачей господствовать и над государством, и над Церковью.

Как мы уже видели, папство изменило свою политику и искало союза с католическими государями. Во второй половине XVI в. наиболее желанным союзником был для них именно испанский король, хотя ему и приходилось ссориться с ними, т. к. Филипп II не любил чужого, даже папского вмешательства во внутренние дела Испании, а, например, Пий V (1566—1572) своей буллой *In coena Domini*, подвергавшей анафеме нарушителей папских прав, вызвал против себя протест всех католических государей. Тот же Пий V одобрял, однако, меры Филиппа II в Нидерландах, а Григорий XIII помогал ему деньгами в войне с Англией и Нидерландами, что делал и Григорий XIV, употребив на это большие денежные средства, собранные его предшественником Сикстом V. Безусловное подчинение папства политике Филиппа II началось еще при Пии IV, и те же папы, которые помогали деньгами испанскому королю, посылали их и католической партии во Франции в период религиозных войн. Впрочем, в курии существовала, кроме испанской, и французская партия, а избранный ею Климент VIII даже искал себе опоры во враге Филиппа II, Генрихе IV, когда последний принял католицизм, и общей поли-

тикой папства было поддерживать равновесие между католическими державами, так что им было крайне неприятно соперничество между Испанией и Францией, мешавшее совокупному действию обеих держав в борьбе с протестантами, несмотря на то что это же соперничество охраняло курию от порабощения Испанией. Иезуиты также оказывали большую помощь Филиппу II, несмотря на то что он сначала относился к ним недружелюбно. При их именно помощи он овладел Португалией (1580), где они были весьма сильны; они содействовали ему в его попытках овладеть Францией и были ревностными его помощниками в подавлении Нидерландов и борьбе с Англией, и, между прочим, они сильно способствовали искоренению протестантизма и поддержке католицизма в той части Нидерландов, которая осталась верной Габсбургам, учредив в ней несколько своих коллегий. Первые генералы ордена были притом испанцы; когда в генералы были выбраны сначала один нидерландец (Меркуриан), потом итальянец (неаполитанец) Клавдий Аквавива (1582—1615), испанские иезуиты были этим очень недовольны, и на их сторону против деспотического генерала стал Филипп II с доминиканской инквизицией, имея на своей стороне и папу Климента VIII, хотя дело кончилось тем, что и Аквавива, одолевший оппозицию, перешел от испанского союза к дружбе с Францией. Таким образом, и курия, и иезуиты, сильно помогавшие Филиппу II, лишь в конце его царствования охладели к чисто испанским интересам, успев, однако, поддержать реакционный характер его политики.

В общей истории Европы на долю отдельных народов выпадала далеко не одинаковая роль. В той реакционно-католической политике, общий очерк которой нам нужно было предпослать более подробному рассмотрению религиозных войн, Испания во второй половине XVI в. при Филиппе II представляет из себя первенствующую державу. Можно сказать, что испанский народ и только что названный его король были созданы для того, чтобы играть эту реакционную роль. Испания XVI столетия в культурном отношении жила еще совершенно в Средних веках: католицизм господствовал здесь совершенно так же, как в остальной Европе разве в эпоху Крестовых походов. Дело в том, что испанская нация в течение целых семи веков боролась с мусульманами, отвоевывая у них каждую пядь земли, в течение семи веков вела Крестовые походы, совершенно отождествив свое национальное существование с принадлежностью к Католической Церкви, и сама Церковь продолжала здесь быть воинствующей, делая одно дело с нацией, религиозный энтузиазм которой доходил до настоящего фанатизма. Эта-то нация и дала Европе орден иезуитов, дала Филиппа II. В XVI в. католический фанатизм соединился с крайним деспотизмом в политическом отношении. Деспотизму этому начало было положено Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, при которых в конце XV в. одним из могущественнейших орудий для подавления свободы сделалась знаменитая испанская инквизиция, послужившая в сороковых годах XVI в. образцом для организации

центрального инквизиционного судилища и в Риме: это учреждение было не только судом по делам ереси, но и по делам политического характера, орудием утверждавшегося абсолютизма. Далее Карл V особенно хлопотал о водворении абсолютизма в Испании, оставив без изменения те политические формы, какие нашел в Нидерландах и в Германии, но он не был еще так тесно связан с испанским народом, как его сын, который почти с самого начала своего царствования (1559) не покидал Испании, бывшей притом его родиной. Карл V передал Филиппу II власть вполне упроченной, и он уже мог пользоваться самым широким произволом, опираясь на инквизицию. Духовенство в испанских владениях было ему подчинено, но он хотел еще владычествовать над самим папством, которому стремился поработить всю Европу, так что фанатизм, проявленный им во всей его политике, отнюдь не доводил его до каких бы то ни было уступок папам, а упомянутая выше булла *In coena Domini* была им запрещена во всех испанских владениях, несмотря на то что со стороны папы по его адресу делались даже угрозы. Фанатический народ и деспотический государь были как бы предназначены именно к тому, чтобы выступить в качестве реакционной силы в международной политике, тем более что от своего отца Филипп II получил, кроме Испании, итальянские владения (Сицилию, Неаполь, Милан), Бургундию, Нидерланды и богатые американские колонии, обширное государство с 20 миллионами жителей в одной Европе, когда во Франции их было лишь около 10 миллионов, а в Англии около 5, — с громадными средствами, с лучшей в то время армией¹, с самыми искусными полководцами, с первым в мире флотом (нанесшим при Филиппе II в 1571 г. поражение туркам при Лепанто): все это само по себе без той помощи, какую оказывали испанской политике папы, орден иезуитов, католики разных стран, давало перевес Испании над всеми ее политическими противниками и позволяло ее королю, присоединившему впоследствии к своим владениям и Португалию (1580), мечтать о гегемонии в Европе. С такими средствами Филипп II, унаследовавший государственную идею своего отца, мог действительно помышлять и о полном объединении своих владений, и о подчинении своей политике остальной Европы, и о том, чтобы, истребив ересь в своем государстве, утвердить господство католицизма и в других странах.

В Испании подавление ереси не представляло больших затруднений, ибо ее и мало было в Испании, и народ сочувствовал казням (*auto da fe*) еретиков, да и инквизиция действовала так, что захватывала для допросов гораздо более людей, чем то требовалось для охраны чистоты католической веры. Инквизиционный трибунал находился в полной зависимости от короля и действовал в королевских интересах: его члены назначались монархом, имения осужденных конфисковывались. Кроме ереси, был еще другой

---

¹ Brix. Geschichte der spanischen Armee.

грех, за который можно было попасть в руки инквизиторов: это была тайная склонность к мусульманству, и тот, кого в этом заподозрили, должен был, например, доказывать, что четыре поколения его предков были чистыми испанцами, т. е. никто из них не вступал в браки с маврами или морисками, насильно обращенными в христианство при Фердинанде Католике и Изабелле Кастильской, но остававшимися всегда в сильном подозрении у правительства и инквизиции. Факт гонений на морисков и вызванного ими восстания, за которым последовало усмирение и изгнание целого народца, свидетельствует о том, на что был способен испанский фанатический деспотизм¹.

Что касается до протестантизма, то среди образованных классов испанского общества он нашел некоторое количество приверженцев, ибо та связь, какая с избранием Карла в императоры установилась между Испанией и Германией, содействовала тому, что сочинения Лютера рано стали распространяться в Испании; в середине XVI в. существовали уже тайные протестантские общины в Севилье, Вальядолиде и некоторых других местах. В 1558 г. случайно было открыто одно из таких протестантских сообществ. Инквизиция тотчас же произвела массу арестов, и бывший тогда еще в живых Карл V потребовал самого строгого наказания виновным. Сожжение еретиков происходило в присутствии Филиппа II, его побочного брата Дона Жуана Австрийского и сына Дона Карлоса, причем король вынул меч и поклялся защищать инквизицию, ее слуг и ее решения, прибавив, что «если бы и его сын впал в ересь, он сам принес бы дров на костер, чтобы его сжечь». Даже примас испанский, архиепископ Толедский Варфоломей Карранза, на руках которого скончался Карл V, был арестован (1559) за склонность к лютеранству, и только папское заступничество спасло его от костра. Такими мерами в самом начале своего царствования Филипп II очистил свое государство от «еретиков», хотя отдельные жертвы протестантизма были и в следующие годы.

Филипп II, настоящий испанец по своему мрачному фанатизму, и по чисто личным своим свойствам как нельзя более годился для той роли, какую ему пришлось играть по своим национальным и политическим традициям. Холодный, сосредоточенный в самом себе, сдержанный, неспособный к непосредственным порывам, недоступный никакому мягкому чувству, нелюдимый, надменный и напыщенный, он никому не внушал к себе расположения: когда в 1548 г. он предпринял по желанию отца путешествие, то «весьма мало понравился итальянцам, возбудил отвращение к себе во фламандцах и ненависть в немцах», как сказано было в одном дипломатическом донесении. Холодная его жестокость особенно высказалась в трагической судьбе его сына Дона Карлоса, которого так неосновательно идеализировал Шиллер. Болез-

---

¹ *Circourt. Histoire des morisques.*

ненный, взбалмошный, малоспособный, обнаруживавший задатки жестокости, инфант жил с отцом не в ладах и однажды признался духовнику в злоумышлении на жизнь своего отца, что было на руку Филиппу, давно уже думавшему о том, что его сын окажется неспособным продолжать исполнение его политических и церковных планов: в ночь на 20 января 1568 г. он лично арестовал сына и холодно отвечал на его дикие ругательства, что теперь будет обращаться с ним не как отец, а как король, а через полгода Дон Карлос умер в тюрьме, доведенный до полного отчаяния своим отцом, который не сдавался ни на какие мольбы несчастного. Известно, что принц решил себя уморить сначала голодом, потом неумеренностью в пище, наконец, ледяным питьем, и бывшим, кажется, причиной его предсмертной болезни¹. Филипп II был лишен выдающихся способностей, умственной живости и любви к знанию, но отличался большим трудолюбием, входил сам во все мелочи управления, прекрасно знал, что где делается, насквозь видел каждого своего сановника или генерала. Поэтому он был весьма добросовестным исполнителем, но лишенным творческой мысли, т. к. его политика была, в сущности, политикой Карла V и вытекала из требований, которые ему, как католическому государю, предъявляла тогдашняя реакция. Весьма добросовестно исполняя предписания Церкви насчет молитв, посещения мессы, постов, исповеди, он не менее аккуратно следил за тем, чтобы во всей Испании господствовало строгое отношение к религии, прибегая для поддержки ее и своего деспотизма к шпионству, интригам, тайным убийствам и казням. На свою роль в европейской политике он смотрел как на выполнение миссии свыше и не жалел средств для осуществления своих планов, между прочим широко пользуясь церковными доходами в своем государстве совершенно произвольно к неудовольствию пап и клира, которые, однако, опасались слишком идти с ним вразрез, т. к. Испания была главной политической силой реакции. Можно положительно сказать, что Филипп II не только духовно убил, но и материально разорил Испанию своими предприятиями, направленными к подавлению протестантизма и утверждению испанского владычества.

Деспотизм и фанатизм Филиппа II лишили его одной из самых доходных провинций, и борьба с восставшими Нидерландами стоила ему немало средств, равно как его войны во Франции и с Англией. О Нидерландской революции речь будет идти особо, а о французской политике Филиппа II лучше будет дать понятие в связи с историей религиозных войн

---

¹ Дон Карлос вовсе не был предан инквизиции и отравлен или умерщвлен каким-либо другим образом. Об этом эпизоде см.: *Ranke. Don Karlos. — Gachard. Don Carlos et Philippe II. — De Mony. Don Carlos et Philippe II. — Maurenbrecher. Don Carlos. — M. Büdinger. Don Carlos' Haft und Tod.* — О новой литературе по этому вопросу писал еще *Philippson* в *Hist. Zeitschr.* (N. F. II, 149 sq.).

во Франции, здесь же мы остановимся лишь на его отношении в Англии. Отношения Филиппа II к этой стране начались, еще когда он был наследником испанского престола. Карл V, мечтавший одно время о передаче своему сыну императорской короны, думал вознаградить себя за постигшую его здесь неудачу насчет Англии, женив Филиппа на Марии Тюдор, искавшей себе опоры в той реакции, какую она начала в Англии. Брак этот был бездетен, да и сам Филипп недолго оставался в Лондоне, а в 1558 г. Мария умерла, вступила на престол Елизавета и в Англии произошла реставрация англиканизма как раз в то время, когда в Испании подавлялась ересь страшными *auto da fe*. В царствование Елизаветы Англия пришла во враждебное столкновение с Испанией. Во-первых, как мы видели, политические обстоятельства принудили Елизавету сделаться защитницей протестантизма не только у себя, но и в других государствах, а это, конечно, должно было особенно возбудить против нее всех вождей католической реакции. Во-вторых, между Испанией, сильной своим флотом, и Англией, которая при Елизавете начинала морскую политику, возникло соперничество и на этом поприще. Наконец, Елизавета отвергла руку Филиппа II, не желавшего выпускать Англию из своей политической комбинации, и гордый испанец не мог этого забыть. Сначала Елизавета держала себя весьма примирительно по отношению к курии, к Испании и к своим собственным католическим подданным. Она нередко высказывалась в католическом смысле, манила надеждой на свой брак с одним из габсбургских принцев, сама вовсе не думая накладывать на себя брачные узы, защищала англичан-католиков от нетерпимости англиканских прелатов и, во всяком случае, относилась терпимее к ним, нежели к пуританам, в которых ее пугал демократический дух. Политика требовала именно такого отношения к Испании и к католицизму: Филипп II был единственным союзником Англии против Франции и Шотландии, где еще только что начиналась известная нам уже революция, а в северных и западных графствах Англии, в Уэльсе и Ирландии было очень много католиков, с которыми тоже приходилось считаться. Поэтому Елизавета с большим искусством лавировала в начале своего царствования между противоположными направлениями, остановившись внутри страны на англиканском компромиссе между католицизмом и протестантизмом и избегая резкостей во внешней политике. Главный советник Елизаветы Вильям Сесиль, впоследствии лорд Берлей (Burghley), которому некоторые новейшие историки склонны приписывать все главные деяния царствования Елизаветы во внешней политике, склонял королеву к более решительному протестантизму, желая сделать из Англии его оплот и руководящее государство во всей Европе, а еще ближе стоял к протестантизму любимец королевы граф Лейчестер, мечтавший сделаться даже ее супругом. Шотландские дела заставили Елизавету ока-

зять помощь соседним протестантам, когда Мария Стюарт объявила себя королевой Англии и Ирландии, присоединив этот титул к своему и своего мужа Франциска II титулу королей Франции и Шотландии: благодаря поддержке Елизаветы одновременно были в Шотландии ослаблена королевская власть, расторгнут союз с Францией и введен протестантизм (1560). Но и после этого Мария Стюарт была постоянной угрозой для Елизаветы, т. к. шотландская королева, строгая католичка, после своего второго брака вступила в весьма деятельные сношения с Филиппом II (около 1565), стала стремиться к реставрации католицизма в Шотландии и Англии, и ей уже представлялась будущая католическая Великобритания под ее абсолютной властью. Агент папы и французских дядей Марии, герцогов Гизов, врагов протестантизма, пьемонтец Давид Риччио сделался в качестве ее секретаря главным ее посредником в сношениях с курией, с Францией, где уже разгорелась религиозная борьба, и с Испанией. Между тем ей самой не удалось удержаться на престоле и пришлось искать спасения от возмущившихся подданных бегством к Елизавете (1568), которая ее задержала на веки у себя, стеснив ее свободу настолько, чтобы вызвать к себе страстную ненависть пленницы, но не настолько, чтобы у последней не было возможности составлять против Елизаветы заговоры, длинный ряд которых начался с заговора герцога Норфолка, желавшего освободить Марию, жениться на ней и сделаться королем Шотландии, а потом и Англии, и кончая тем заговором, вследствие которого Мария сложила голову на плахе. Шотландская королева с самого начала обращалась за помощью к Филиппу II и Карлу IX Французскому, но один был занят войной с маврами и подавлением нидерландского восстания, другой вел войну со своими протестантскими подданными. Испания и Франция дали, однако, свое согласие на предприятие Норфолка, надеявшегося на более деятельную их помощь и соединившего свой честолюбивый план с недовольством английских католиков. Между тем отношения Англии и Испании сделались весьма натянутыми: испанские корабли, везшие деньги в Нидерланды и зашедшие в английские порты от пиратов, были задержаны по приказанию Елизаветы, Испания же поступила так же с английскими кораблями. Как раз в это время заговор был открыт и оказалось, что в числе его участников были даже некоторые ближайшие советники Елизаветы, склонявшие ее к мирным переговорам с Испанией. Одновременно с этим на севере Англии началось католическое восстание, в котором участвовали местные аристократы и народ; толпы под знаменем распятого Христа истребляли признаки протестантизма в церквях и восстанавливали католический культ (1569). Это восстание было уже подавлено, когда папа объявил, что он освобождает подданных Елизаветы от присяги, данной ими еретичке. Вместе с этим и Норфолк, помилованный королевой, продолжал, однако, строить новые планы, вступив в переговоры с курией и Испанией и дав обещание принять католицизм. Филипп II, опа-

савшийся в это время брака Елизаветы с французским принцем, — что грозило соединением Франции и Англии против Испании, — обещал военную помощь заговору; особенно нравилась тогда католикам мысль о том, чтобы взять в плен или даже убить Елизавету: испанский король сам видел, что это было бы самое простое средство, и подвергал вопрос о нем на обсуждение своих советников. Новый заговор был открыт, и Норфолк теперь поплатился головою (1572). С этих годов, когда во Франции свирепствовало междоусобие и вскоре произошла Варфоломеевская ночь, а в Нидерландах терроризировал протестантов и инсургентов герцог Альба, прежние сносные отношения между Елизаветой и католическим миром сделались невозможными. После подавления первого восстания парламент объявил государственной изменой нападение на законность королевы и государственным преступлением всякую попытку ниспровергнуть Англиканскую Церковь (1571); католиков, продолжавших свои заговоры, стали преследовать весьма строго, что еще более их раздражало против Елизаветы и протестантизма и заставляло возлагать все свои надежды на Марию Стюарт, казни которой, наоборот, начинали громко требовать протестантские богословы, юристы и обе палаты парламента; но особенно важно было изменение в международном положении Англии. Известие об избиении французских протестантов в ночь св. Варфоломея возбудило страшное негодование в Англии и Шотландии. Принимая французского посла, Елизавета явилась на аудиенцию в трауре и объявила послу, что в этом деле видит со стороны Франции измену и что она, иностранная королева, не может полагаться на людей, подвинувших французского короля на убийство собственных подданных. Потребность в самообороне подсказывала Елизавете необходимость оказывать помощь континентальным протестантам, боровшимся против католических государей, тем более что папа и испанский король против нее возбуждали ее католических подданных, между прочим, в Ирландии, в которой то и дело поднимались восстания против английского владычества и в защиту католицизма. В середине семидесятых годов был даже план основания самостоятельного ирландского королевства с побочным братом Филиппа II, Доном Жуаном Австрийским во главе, и ему, сделанному около этого времени испанским наместником в Нидерландах, Мария Стюарт, которую он также хотел освободить, предлагала руку и даже обещала шотландский престол в том случае, если бы ее тогда еще малолетний сын (Иаков VI) не был достаточно ревностным католиком. Филипп II в то время (1572) еще не решался на исполнение такого плана, требовавшего открытой войны с Англией, но его лондонский посланник (Мендоза) был *au courant* всех католических заговоров против Елизаветы и Англии, в которых стали участвовать и иезуиты, особенно после того, как в Дуэ, Реймсе и Риме были основаны католические училища для подготовки насадителей католицизма в Англии. Для большинства англичан в эту эпоху королева Елиза-

вета и установленная Церковь сделались символами национальной независимости, а протестантская политика королевы до известной степени примиряла с ней даже гонимых ею пуритан. Чем далее, тем все более и более разгоралась борьба, в которой Испания и Англия защищали стремления и интересы двух враждебных вероисповеданий. Елизавета стала помогать во Франции гугенотам, в Нидерландах — гезам, как назывались защитники национальной, политической и религиозной свободы страны против деспотизма и фанатизма Филиппа II, католики же продолжали строить планы относительно вторжения в Англию. Между прочим, они обратили снова свои взоры на Шотландию, где Иаков VI, достигший совершеннолетия (13 лет в 1581), отстранил регентство и приблизил к себе тайного католика Обиньи, который действовал в интересах папы и католического союза, стремясь привлечь на его сторону и Шотландию: здесь должна была образоваться армия под начальством одного из Гизов, главных деятелей католической реакции во Франции, для вторжения в Англию, и Мария Стюарт одобрила этот план. Заговор был, однако, открыт, благодаря бдительности одного из ревностных представителей протестантской политики в Англии, Вольсингэма (Walsingham), главного раскрывателя заговоров этой эпохи в Англии, державшего на службе у себя массу агентов и шпионов: Елизавета известила кальвинистических лордов Шотландии о грозящей опасности, и те захватили молодого короля, заставив Обиньи (графа Леннокса) бежать во Францию (1582). В следующем году молодому шотландскому королю удалось освободиться от своих пресвитерианских опекунов; он окружил себя католическими лордами, друзьями своей матери, вошел в сношение с Гизами и даже написал папе письмо, в котором просил у «его святейшества» помощи против врагов, уверяя его в преданности; виновники нападения, сделанного на него в предыдущем году, были казнены, имущества их конфискованы. Английские католики опять стали питать надежду на появление герцога Гиза с испанскими и французскими войсками на кораблях кастильского флота. Филипп II все-таки еще не решался действовать энергичным образом, и новый план нападения был открыт, испанский посланник, посвященный во все его подробности и сносившийся с Марией Стюарт, был выслан из Лондона, и дипломатические сношения между Англией и Испанией прервались. Для англичан это было как бы новым доказательством того, что дело протестантизма должно быть их национальным делом, и парламент объявил, что в случае насильственной смерти Елизаветы Мария Стюарт и ее потомство будут лишены прав престолонаследия в Англии. Со своей стороны Елизавета помогла пресвитерианским лордам в Шотландии взять верх, а в 1586 г. Иаков VI вынужден был даже заключить оборонительный союз с Англией. Незадолго перед этим (1585) Елизавета оказала вооруженную помощь восставшим нидерландцам под предводительством графа Лейчестера, потом послала флот под начальством Дрейка (Drake) в Вест-Индию.

Решительная политика Елизаветы в середине восьмидесятых годов нашла сильную поддержку в нации, особенно в средних ее классах и в парламенте, с которыми вообще Елизавета умела ладить. Новый план убийства королевы, в составлении которого участвовали некто Севедж, видевший в этом убийстве по внушению реймской католической семинарии богоугодное дело, и дворянин Бабингтон, и о котором знала Мария Стюарт, был открыт в 1586 г. Вольсингемом, сумевшим перехватывать переписку Марии Стюарт с Бабингтоном: тогда в силу парламентского акта 1585 г., по которому подлежали казни не одни заговорщики на жизнь королевы, но и те, в пользу кого с их ведома составлялся заговор, Мария Стюарт сложила голову на плахе (1587). Это были годы наибольшего ожесточения в борьбе между католицизмом и протестантизмом: в Нидерландах после формального отложения одной их части от испанской монархии (1581) и после убийства (1584) главного защитника их свободы, Вильгельма Оранского, продолжалась ранее начавшаяся там война, во Франции свирепствовало междоусобие, превратившееся в так называемую «войну трех Генрихов» (1588–1589), и это-то междоусобие во враждебной Филиппу II Франции, где притом торжествовала находившаяся с ним в союзе католическая лига, развязывало ему руки для того, чтобы, не боясь союза Англии с Францией, отомстить Елизавете за все, что только мог ей он поставить в вину, особенно за помощь, оказываемую ею Нидерландам, и за смерть Марии Стюарт, главной надежды английских и шотландских католиков. Мы видели, что давно уже составлялись планы вторжения в Англию для завоевания и обращения в католицизм этой страны: теперь Филипп II счел время удобным для того, чтобы привести их в исполнение, несмотря на то что нидерландское восстание не было подавлено и армия, которая сражалась против мятежников, не могла быть употреблена в дело, и что многие советовали ему подождать, по крайней мере, до того времени, когда его войско и флот лучше утвердятся в некоторых прибрежных пунктах восставшей страны. К лету 1588 г. был готов громадный флот из 130 кораблей с 30 тысячами людей, чтобы двинуться на Англию и соединиться с таким же войском из Нидерландов: успеху этой Непобедимой армады должно было, по-видимому, содействовать и общее положение дел в Европе, ибо во Франции торжествовали Гизы и католическая лига, послушные союзники Филиппа II; Нидерланды за исключением трех-четырех прибрежных провинций были тогда под его властью; в Германии усиливалась католическая реакция, поддерживаемая габсбургским императором Рудольфом II; папа Сикст V, объявивший Елизавету лишенной покровительства законов и поручивший Филиппу II приведение в исполнение этого приговора, вынужден был оказать испанскому королю денежную помощь, а успех в Португалии, которую Филипп II подчинил себе незадолго перед тем (1580), еще более окрылял его надежды. Казалось, что Англия была на краю гибели, тем более что испанский ко-

роль сумел отклонить подозрения Елизаветы переговорами, но здесь, как и в Нидерландах, он встретил сопротивление со стороны народа, решившегося защищать свою свободу до последней крайности, и со стороны королевы, проявившей в эту трудную годину настоящее величие духа. Наскоро англичане составили ополчение, укрепили берега, вооружили на частные и общественные пожертвования около 160 небольших, но более подвижных, чем испанские колоссы, кораблей, и они при помощи бурь сокрушили Непобедимую армаду: последней лишь 30 кораблей вернулись под начальством герцога Медины-Сидонии в Испанию. В этой экспедиции Филипп II поставил на карту все свое военное могущество, и, действительно, *это был решительный момент в истории Западной Европы, т. к. гибель Непобедимой армады была ударом для папской политики, стремившейся к национальному, политическому и религиозному порабощению Западной Европы*, и событием благоприятным не только для английской свободы, которой суждено было впоследствии получить мировое значение, но и для независимых Нидерландов, равным образом сыгравших немалую роль в истории Европы, и для Франции, где неудача Филиппа II имела значение поражения, нанесенного представителям крайней реакции и в этой стране. Последние годы царствования Филиппа II были годами постоянных неудач, которым соответствовало и уменьшение его материальных средств: в Нидерландах северные (отложившиеся в 1581) провинции расширили свои владения на счет южных, где удерживалось испанское владычество; во Франции католическая партия понесла поражение, и в последнем году жизни Филиппа II Испании пришлось заключить с Францией мир; в 1596 г. англичане напали у Кадикса на испанский флот и одержали над ним победу, а испанская экспедиция к берегам Ирландии окончилась без всяких результатов; само папство в лице Климента VIII склонилось в поддержке французской политики.

С конца царствования Филиппа II начинается и внутренний упадок Испании, который с особой силой обнаруживается после его смерти. Продолжительные войны и тяжелые налоги разорили страну; Англия и Голландия отняли у нее преобладание на морях; промышленность и торговля упали; деспотизм и инквизиция подавили всякую свободу и умственную жизнь. Выиграла только одна Католическая Церковь, которая имела в стране до 60 архиепископств, чуть не семьсот епископств, более 11 тыс. монастырей с 60 тыс. монахов (46 тыс.) и монахинь (14 тыс.) и около 300 тыс. белого духовенства, громадную поземельную собственность, массу учреждений разного рода и безусловное влияние над духовною жизнью нации¹.

---

¹ Weisz Ch. L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement der Bourbons.

XXV. Нидерландская революция¹

Историческое значение нидерландской революции. — Состояние Нидерландов до начала царствования Филиппа II. — Первые действия Филиппа II. — Вильгельм Оранский. — Народное недовольство в Нидерландах. — Начало протестов. — Компромисс. — Гезы. — Реформационное движение и реакция. — Восстание. — Гентская пацификация, Утрехтская уния и низложение Филиппа II. — Роль Вильгельма Оранского. — Голландская республика.

Нам уже известно, что религиозная Реформация в отдельных странах сопровождалась нередко важными политическими переворотами, и что эпоха Реформации с следовавшей за ней католической реакцией была в то же время эпохой развития абсолютной монархии, падения сословно-представительных учреждений. В длинной истории взаимных отношений между государственной властью и подданными в Западной Европе реформационному периоду принадлежит особое место, благодаря тому обстоятельству, что попытки католических государей стеснить веру своих подданных обостряли политический антагонизм, а это именно и случилось во второй половине XVI в., когда кальвинизм распространился по Шотландии, Франции и Нидерландам, где протестантам пришлось вступить в борьбу с католическими государствами и где во время этой борьбы развилась политическая литература, заключавшая в себе проповедь идеи народовластия. Во Франции, как мы увидим, политические стремления протестантов потерпели поражение, и с новой династией Бурбонов (с 1589) утвердился абсолютизм; в Шотландии политический вопрос оставался нерешенным, когда Иаков VI по смерти Елизаветы (1603) сделался под именем Иакова I королем Англии, вследствие чего дальнейшая шотландская история тесно сплелась с историей Англии, а в этой последней стране в XVI в. не возникало еще вопроса о взаимных правах королевской власти и подданных, т. к. в силу особых причин этому вопросу суждено было стать на очередь лишь в XVII столетии, когда и произошли одновременно шотландская и английская революции. Во второй полови-

---

¹ Соч. *Шиллера* (Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Monarchie) имеет только литературные достоинства. Научному изучению начало положено трудом *Мотли* «История нидерландской революции» (Motley. The rise of the Dutch republic) и History of the united Netherlands. Знаменитые труды *Мотли* страдают, однако, некоторыми недостатками, восполняемыми *Juste*’ом в Histoire de la révolution des Pays-Bas sous Philippe II (1555—1572) и Histoire de Soulèvement des Pays-Bas contre la domination espagnole (1574—1576). Кроме того, см. соч. *Holzwarth*’а (Der Abfall der Niederlande), *Borgnet* (Philippe II et la Belgique, résumé politique de l’histoire de la révolution), *Kervyn de Lettenhove* (Les Huguenots et les Gueux), *Kloses-Wuttke* (Wilhelm I von Oranien), *Juste* (Guillaume le Taciturne), *Rahlenbeck*’а (L’inquisition et la réforme en Belgique) и др. По-русски к этой эпохе относится соч. *Н.Н. Любовича* о Марникке де Сент-Альдегонде, в котором есть краткий обзор литературы вопроса.

не XVI в. *отложившиеся от Испании Нидерланды были единственной страной, где восторжествовали свободные политические начала протестантизма*, а с ними впоследствии и большая религиозная свобода. Если борьба Англии с Испанией имеет важное значение в истории попытки Филиппа II утвердить в Западной Европе испанскую гегемонию, то в борьбе с Испанией Нидерландов мы видим главным образом *применение к государственной жизни принципов, диаметрально противоположных политической идее Филиппа II*, первую в новой истории революцию под лозунгом политической свободы, имевшую своим результатом образование свободного государства, которое сделалось в XVII в. оплотом не только протестантизма, но и религиозной и гражданской свободы. В XVI в., благодаря католической политике, дело протестантизма в Англии отождествилось с вопросом о ее национальной независимости, и только в XVII столетии здесь произошло слияние протестантской религии и политической свободы: в Нидерландах одновременно и национальная независимость, и политическая свобода, и протестантская религия объединились в сознании населения, поднявшегося на защиту всего того, что считалось в нем элементарными правами свободы индивидуальной. В борьбе Нидерландов с Испанией столкнулись не две враждебные державы, которых, как Испанию и Францию, разъединяли противоположные политические интересы, или, как Испанию и Англию, разделяла принадлежность к двум повсюду борющимся между собою вероисповеданиям, но два разных политических принципа — принцип абсолютизма и принцип народовластия в той его форме, какую он только и мог получить в тогдашнем обществе. Мы увидим, что те же принципы пришли в столкновение во Франции в эпоху религиозных войн, и в Англии в эпоху революции XVII в. В этом и заключается общеевропейское значение нидерландского восстания против Филиппа II.

Нидерландами¹ назывались 17 отдельных маленьких областей, в конце Средних веков принадлежавших в качестве ленных владений частью Франции и бургундским герцогам из дома Валуа, частью Германии. Филипп Смелый, герцог Бургундский (1363—1404), сын короля Иоанна, приобрел Фландрию, Артуа и Франшконте, его внук Филипп Добрый (ум. 1467) — Намюр (1428), Брабант, Лимбург (1430), Геннегау, Голландию, Зеландию, часть Фрисландии и Люксембург (1433). Через сына Филиппа Доброго, Карла Смелого (ум. 1467), его дочь Марию Бургундскую, жену императора Максимилиана, и их сына Филиппа Красивого, отца Карла V, эти земли достались последнему, а он присоединил к ним еще другую часть Фрисландии, Обер-Иссель, Утрехт, Гельдерн и Цютфен. Карл V² составил из этих земель, совпадающих главным образом с теперешними Бельгией,

¹ *Wenzelburger. Geschichte der Niederlanden* (в *Gesch. der eur. St. Teerena, Уккерта и Гизе-брехта*). См. также *Freeman. History of the federal government*.

² См.: *Henne. Histoire du règne de Charles Quint en Belgique*. — *Juste. Les Pays-Bas sous Charles Quint*. — *Frederic. De Nederlande onder Keizer Karel*.

Голландией и Люксембургом, самостоятельную имперскую землю, пользовавшуюся полной автономией по отношению к империи, но не тронул их внутреннего устройства. А устройство это было весьма своеобразное, т. к. каждая провинция была маленьким самостоятельным целым, соединявшимся с другими подобными же провинциями скорее посредством личной унии и во всяком случае более федеративной, чем государственной связью. Страна была богатая, и этим она была обязана своему счастливому географическому положению, делавшему ее одной из самых торговых стран, и предприимчивости своих жителей, причем последние и по роду занятий, и по экономическому быту, и по социальному устройству своих областей значительно разнились между собой. Здесь были и землепашцы, и скотоводы, и рыболовы, и мореходы, и ремесленники; здесь процветала также фабричная деятельность и торговля, — все это смотря по местным условиям, и Карл V получал отсюда немало доходов. Богатству страны и зажиточности населения соответствовала и довольно высокая духовная культура, поддерживавшаяся многочисленными высшими и низшими школами, в которых рано возобладало гуманистическое направление. В социальном отношении на западе, особенно во Фландрии и Брабанте, преобладала могущественная феодальная аристократия, владевшая громадными поместьями; в других частях, благодаря развитию промышленности и торговли, большое значение имели города, в которых образовалась богатая буржуазия, особенно в северных приморских городах, но внутри страны на севере (во Фрисландии) строй жизни был чисто демократический, крестьянский. Сообразно с различиями в социальном быту отдельных местностей и политическое их устройство было различное: где власть была в руках поземельной или денежной аристократии, где, наоборот, правление получало более демократический характер, но везде оно было основано на началах свободы, хотя и с преобладанием форм средневекового феодального, муниципального и даже старонародного быта. Жители Нидерландов были весьма привязаны к этим учреждениям и дорожили своим самоуправлением, своими привилегиями, в числе которых была, например, брабантская *joyeuse entrée*, присяга владельца страны в том, что без согласия дворян и горожан он не станет расширять власти духовенства, не будет судить своих подданных иначе, как в законном суде и по закону страны, не вздумает раздавать должностей иностранцам и т. д., в случае же нарушения этих привилегий подданные могли протестовать и считать себя свободными от принесенной ими присяги. Особенно была важна законодательная власть с правом вотивирования налогов, находившаяся в руках отдельных «штатов», которые не отказывали Карлу V в его «просьбах», как назывались правительственные предложения; нужно заметить, что хотя Карл V в общем оставлял неприкосновенными эти привилегии, держал Нидерланды строго, особенно по отношению к Вормскому эдикту, который из всех имперских земель только здесь главным

образом и исполнялся в его царствование. Местные штаты ревниво оберегали свои права и от «генеральных штатов», или общего Нидерландского сейма с конгрессивным характером¹. В царствование Карла V произошло лишь одно серьезное столкновение политического характера, когда жители Гента отказались платить большой налог, установленный фландрскими штатами, но восстание, к которому они прибегли, было подавлено с тем большей жестокостью, что Карл хотел на Генте показать пример для других городов, роптавших на тяжелые жертвы, приносимые ими для того, чтобы Карл V мог вести совсем для них ненужные войны. Пример, действительно, оказал свое действие, а Карл между тем без нарушения *областных* привилегий устраивал понемногу *общее* управление страной, опираясь на партикуляризм отдельных провинций и на противоположность интересов аристократии, буржуазии и демократии. Сами нидерландцы видели в Карле V своего земляка, гордились тем, что он считает себя фламандцем, и многое ему прощали из-за тех выгод, какие вытекали для них из соединения с его обширной империей, бывшей громадным рынком для их промышленности и торговли и взявшей на себя военную защиту Нидерландов. В отношении к протестантизму Карл был неумолим, а между тем новое религиозное учение еще при нем проникло в Нидерланды, но последователи его, уstraшенные казнями нескольких проповедников, должны были таиться, не могли организоваться, не могли устроить публичного отправления богослужения, а анабаптистская пропаганда давала правительству повод оправдывать преследования и казни политическими соображениями. Карл V подумывал даже ввести в Нидерланды испанскую инквизицию, но его удалось отговорить от этого тем легче, что обыкновенные епископские суды делали свое дело весьма исправно. Особенно много было сожжений еретиков в последние десять лет царствования Карла V, который, наконец, в 1550 г. велел предавать казни всех распространителей «ереси» и всех присутствовавших в протестантских богослужебных собраниях, с отдачей донощикам половины конфискованного у казнимых имущества, и лишь по чужому совету он назвал «духовными судьями», а не инквизиторами четырех особых сановников, которым предписано было заведовать процессами еретиков. Было так много казней, совершенных в это время, такое количество людей было сожжено, потоплено, живьем зарыто в землю, обезглавлено, что протестантские историки говорили даже о целых пятидесяти тысячах погибших.

В 1555 г. в Брюсселе Карл V передал Филиппу II власть над Нидерландами, и одним из первых распоряжений нового государя было возобновление эдикта 1550 г., так что, собственно говоря, *религиозная политика Филиппа II в Нидерландах была предначертана еще его отцом*. Покидая Нидерланды,

¹ Генеральные штаты в этом отношении имеют сходство с польским сеймом, о чем см. в моем «Историческом очерке польского сейма».

чтобы навсегда остаться в Испании, Филипп сделал их правительницей свою побочную сестру Маргариту Пармскую, усердную католичку, духовником которой одно время был сам Лойола, но при правительнице был учрежден государственный совет, постоянными членами которого были назначены граф Эгмонт, наместник Фландрии и Артуа, принц Вильгельм Оранский, наместник Голландии, Зеландии и Утрехта, владетель маленького нассауского княжества в Германии, и адмирал нидерландского флота граф Горн с некоторыми другими местными вельможами, между прочим, и с наместниками областей, когда они приезжали в Брюссель. Для Филиппа II названные лица были люди подозрительные, и этим объясняется, что ни одного из них он не сделал правителем государства, как того ожидали, тем более что Маргарита Пармская со своей стороны, чтобы самой занять выдающийся пост правительницы, поселяла в Филиппе II недоверие к нидерландской знати. Рядом с этим советом были два другие, один — для судебной части и финансов, другой — так называвшаяся консульта — для всех важнейших дел; во главе последнего стоял кардинал Гранвелла, в сущности, и бывший фактическим правителем, ученый, умный, энергичный, но вместе с этим раболепный и жадный человек, готовый исполнять все приказания своего повелителя и дававший понять всякому, что собственно он, а не другой кто поставлен править Нидерландами. Филипп II присягнул соблюдать все законы страны и привилегии отдельных провинций и городов и лишь после этого ему принесли присягу нидерландцы, но еще до его отъезда в Испании у него уже произошло столкновение с подданными. Перед удалением из Нидерландов он собрал генеральные штаты, которые дали ему деньги, но выразили желание, чтобы испанские войска по заключении мира с Францией (в Шато-Камбрези в 1559) были выведены из Нидерландов, и это требование поддержали гр. Эгмонт, Вильгельм Оранский и другие вельможи. Филипп II был раздосадован, сослался на то, что ведь и сам он испанец, так и его, что ли, хотят выгнать, и предложил Эгмонту и Вильгельму принять начальство над испанскими отрядами, но те отказались, так что королю осталось лишь обещать, что испанцы будут удалены, как только получат недоданное жалованье. В этом первом столкновении наметились вожди оппозиции, между которыми главную роль суждено было играть Вильгельму Оранскому. В 1559 г., когда Филипп II покинул Брюссель, Вильгельму было всего 26 лет, но он уже был одним из самых видных представителей нидерландской аристократии. Происходя из нассауского княжеского рода, давшего Германии одного императора, он унаследовал родовое княжество в Германии, владел в Нидерландах большими землями и, между прочим, получил еще княжество Оранжское, что делало его одним из самых богатых вельмож в стране. Его предки давно уже служили в Нидерландах — сначала бургундским, потом габсбургским их государям; самого Вильгельма особенно любил Карл V, взяв его к себе, поручив своей сестре Марии

Венгерской, правительнице Нидерландов, обучить его католической вере¹, и впоследствии не раз отличая его ответственными и почетными поручениями: например, он был послан Карлом V известить немецких князей об отречении его от престола и убедить их выбрать в императоры Фердинанда. Своему сыну Карл V особенно рекомендовал пользоваться услугами Вильгельма, и Филипп II, по заключении мира с Францией, дал ему поручение в Париж, исполняя которое, он узнал от французского короля (Генриха II), видевшего в Вильгельме вполне доверенное лицо своего государя, что у него с Филиппом II состоялось соглашение общими силами истребить ересь. Уже тогда Вильгельм разгадал намерения Филиппа II. Человек обширного ума, не лишенный значительных научных сведений в области истории и политики, предусмотрительный, осторожный, но энергичный, «спокойный среди свирепых волн» (*saavis tranquillus in undis*), как гласил выбранный им самим девиз, и вместе с тем честолюбивый, ставя себе, впрочем, благородные цели, блестящий рыцарь, красноречивый, несмотря на полученное прозвание Молчаливого, общественный деятель, приветливый в обращении, Вильгельм Оранский и по личным качествам был призван играть политическую роль в стране, где свободные учреждения вошли в нравы населения. По первоначальному воспитанию он должен был сочувствовать протестантизму; впоследствии он отличался веротерпимостью; притом, рано овдовев после первого брака, он женился на дочери Морица Саксонского, следовательно, на внучке Филиппа Гессенского. жившей при дворе своего дяди Августа, курфюрста Саксонского: новая его родня была протестантская, антигабсбургская. Сначала он старался ладить с Гранвеллой, но вскоре рассорился. Но и вообще вся нидерландская аристократия, при Карле V игравшая роль, теперь отодвинутая на задний план, была недовольна новыми порядками.

Испанские войска были удалены из Нидерландов только в 1561 г. правительницей и Гранвеллой, боявшимися народного раздражения, т. к. постоя иностранного войска противоречил старинным привилегиям, дорого обходился населению, потерпевшему к тому же от голода, да и сопровождался буйствами полуголодных наемников. Филипп II этим распоряжением был недоволен и даже писал, что раздражение можно было бы и уничтожить, хотя бы пришлось для этого отрубить несколько голов. Не успели спровадить испанцев, как пришло известие, что король уговорил папу Пия IV учредить в Нидерландах десять новых епископств, тогда как прежде их было только четыре, что в каждой епархии будет два инквизитора и что старшим архиепископом (Мехельнским), а вместе с тем и «великим инквизитором» назначался иноземец Гранвелла (что противоречило законам страны и, между прочим, брабантской «*joyeuse entrée*»). При этом духовенство теряло часть доходов, которыми должно было поделиться

¹ Вильгельм, как сын князя, бывшего членом Шмалькальденского союза, был воспитан в протестантизме.

с новыми товарищами; аристократия и буржуазия боялись, что новые епископы, большей частью иноземцы, дадут перевес в штатах испанским стремлениям среди духовенства и что введение инквизиторов было только предисловием к установлению в стране испанской инквизиции. Вильгельм Оранский, Эгмонт и Горн, как члены государственного совета, решились послать Филиппу II протест, поставив вопрос так, что или Гранвелла, нарушающий законы страны, должен был быть удален, или они, верноподданные короля и ответственные члены государственного совета, должны были быть освобождены от этой своей должности. Гранвелла однако писал Филиппу II, что в стране правительством недовольны лишь немногие честолюбцы. Но и это новое церковное устройство, план которого напрасно приписывали Гранвелле, в существенных чертах было задумано еще Карлом V, и Филипп II не обратил внимания на протест вельмож. Новые церковные суды начали делать свое дело, тем более что реформационное движение уже усиливалось, особенно среди городских жителей французской (валлонской) части Нидерландов, во Фландрии и Брабанте под влиянием религиозного движения во Франции и вспыхнувшей там войны (1562) между протестантами и католическим правительством. Когда в Валансьене приговорили к сожжению двух кальвинистических проповедников (Фаво и Мальяра), и их уже привязали к столбу, народ их, однако, освободил; после этого Фаво продолжал свою проповедь, но был вторично схвачен и сожжен. «Начало» религиозного движения, получившего в соседней Франции политический характер, заставило Филиппа II и Гранвеллу усилить строгости и внушило им вместе с этим мысль послать нидерландские войска во Францию на помощь против гугенотов, но сделать это без генеральных штатов было мудрено, созвать же их правительница не решилась, да и Филипп II был против этого, так что ограничились денежной помощью французским католикам, несмотря на возражение штатов отдельных провинций. Вожди аристократической оппозиции отправили к Филиппу II посла, еще раз напрасно писали ему и заключили, наконец, между собой тайный союз, ибо до них дошли слова Гранвеллы о необходимости снять с плеч несколько голов, в то самое время как кардинал приглашал короля явиться лично в Нидерланды с сильным войском для подавления мятежных правителей провинций и других магнатов. Филипп II отвечал недовольным, что придет сам и разберет дело, но и Маргарита, оскорблявшаяся самовластием Гранвеллы, писала брату, что дела так дальше идти не могут, так что наконец под благовидным предлогом Филипп II его удалил (1564), сделав его впоследствии вице-королем неаполитанским и председателем кастильского совета. Устраняя Гранвеллу, Филипп II, однако, не уступал по существу дела, требуя новых казней еретиков и приняв тридентские постановления, многие из которых противоречили нидерландским вольностям. В 1565 г. в Мадрид был отправлен Эгмонт с просьбой дать настоящую

власть государственному совету, состоящему из национальных членов, подчинив ему тайный совет правительницы, и отменить инквизиционные суды. Филипп отвечал уклончиво, обманув ласковым приемом доверчивого Эгмонта, а правительнице написал, что ни на то, ни особенно на другое согласиться не может, хотя бы ему и пришлось положить сто тысяч жизней. Только от публичных казней стали теперь воздерживаться в Нидерландах, попросту топя жертвы инквизиторов в бочках с водой.

Приближался взрыв и, как выразился Вильгельм Оранский, нидерландцам предстояло «увидеть начало прекрасной трагедии», узнав ответ короля. Брожение было всеобщее; многие, особенно иностранцы, покидали страну; в народе распространялись летучие листки революционного содержания; брабантские штаты предъявили протест. Самым важным фактом, вызванным новыми строгостями, было (1566) составление многими дворянами лиги для сопротивления инквизиции с взаимным обещанием или «компромиссом», акт которого был составлен кальвинистом Филиппом Марниксом де Сент-Альдегондом, списан в большом числе экземпляров и покрыт массой подписей и дворян, и горожан, и католиков, и кальвинистов.

В этом документе говорилось, что кучка (*tas*) честолюбивых и жадных иностранцев сумела под видом рвения к католической религии и необходимости сохранения народного единства убедить всемилостивейшего короля не ослаблять эдиктов против ереси и ввести противную божеским и человеческим законам инквизицию, которая варварством своим превосходит всякую тиранию и должна разорить страну, т. к. может повести к умалению королевской власти и народным возмущениям. «Принимая во внимание свое призвание и долг, лежащий на всех верноподданных его величества, а в особенности на дворянах, — которые, как сказано в компромиссе, служат его помощниками с целью содействовать ему своими скорыми и добровольными услугами в поддержке его власти и величия, заботясь о благе страны, — подписавшиеся под документом нашли нужным и для личной безопасности своей и для безопасности своих имуществ составить законную и святую конфедерацию и союз (*confédération et alliance*), обещая и взаимно обязуясь торжественной клятвой препятствовать всеми своими силами, чтобы эта инквизиция не была принята и не была введена ни под каким видом, ни открыто, ни под какой-либо другою формой...», напротив, «искоренять ее, как мать и причину всякого беспорядка и несправедливости». Конфедераты клялись далее, что в их союзе нет посягательства ни на славу Божию, ни на королевскую власть, утверждали при этом, что намерение их — сохранить короля в его государстве, удерживать порядок и сопротивляться всякому народному восстанию, заговорам и мятежам, и обещались жертвовать жизнью и имуществом, чтобы гарантировать безопасность конфедератов от гонений и преследований Составитель этого замечательного документа воспитывался в Женеве, куда он с братом был послан учиться своими родителями,

склонными к кальвинизму, и где он приобрел основательное богословское образование и воспринял впервые известные нам политические воззрения; с ними впоследствии он знакомился и из чтения сочинений в духе этих идей, сам сделавшись писателем, который защищал и восстание Нидерландов, и низложение Филиппа, с презрением отзываясь при этом о «политической грамматике Макиавелли». Таким образом, *хотя оппозиция против Филиппа II в Нидерландах и была по существу своему политического происхождения*, т. к. протест поднимался против нарушения законов страны и в защиту индивидуальной свободы против тирании, тем не менее *главным пунктом протеста была религиозная реакция, а первым выразителем народного недовольства кальвинист женеvской школы*, весьма последовательно и в дальнейшей своей деятельности в качестве одного из вождей восстания и литературного его защитника применявший к жизни выработавшиеся у кальвинистов политические принципы. К компромиссу не примкнули ни Вильгельм Оранский, ни Эгмонт: последний был верный королю католик и только желал примирительных мер, о чем еще раз настоял написать Филиппу II, опасаясь, как бы конфедерация патриотов не зашла слишком далеко. Между тем патриоты остановились на проекте подать коллективное прошение правительнице об уничтожении инквизиции, устроив при этом торжественную демонстрацию. В начале апреля 1566 г. триста съехавшихся в Брюссель дворян отправились целой процессией во дворец Маргариты и подали ей заявление, составление которого приписывается разным лицам, между иными Людовику Нассаускому, брату Вильгельма Оранского, и Марниксу де Сент-Альдегонду. «Никогда, — говорилось в этом прошении, — не отрешались мы от верности своему королю, да и теперь весьма далеки от этого, однако мы предпочитаем подвергнуться опасности навлечь на себя немилость своего государя, нежели оставить его в неведении относительно дурных последствий, угрожающих нашему отечеству вследствие насильственного введения инквизиции и настоятельной поддержки эдиктов». Так как ни вельможи, ни генеральные штаты не взяли на себя труда предупредить ее высочество правительницу, то они, дворяне, решились сделать это, опасаясь, с одной стороны, народных волнений, с другой — того, что, пожалуй, в Нидерландах не останется ни одного человека, у которого не конфискуют имущества. «Если же, — сказано было в конце документа, — на смиренное прошение наше не будет обращено внимания, то мы берем Бога, короля, правительницу и всех ее советников в свидетели того, что мы сделали с нашей стороны все возможное, какие бы несчастные последствия ни произошли от этого». Маргарита была смущена демонстрацией, но один из ее советников сказал, что она не должна бояться толпы нищих (*gueux*), и это название «гезы» было усвоено участниками подачи прошения: они даже стали ходить по улицам в одежде нищенствующих монахов, и выбили для ношения на шее медаль с портретом короля на одной стороне и изображением

на другой — нишенской сумы и двух вложенных одна в другую рук и с надписью: «Во всем верные королю (*en tout fidèles au roy*) до нишенской сумы (*jusque à porter la besace*)». Правительница обещала смягчение (*modération*), проект которого с новыми представлениями был послан в Испанию, но народ эту «модерацию» называл «мордерацией». Лица, занимавшие высокие правительственные места, разделяя воззрения конфедератов, были, однако, недовольны сделанным ими шагом, находя его мятежным, но народ везде приветствовал конфедератов криками: «*Vivent les gueux!*»¹ Движение перешло в народные массы и приняло, как мы сейчас увидим, религиозный характер; конфедераты сделались смелее и потребовали у правительницы, чтобы она дала полномочие Вильгельму Оранскому, Эгмонт и Горну уладить их дела с королем и чтобы были созваны генеральные штаты, и в то же время они успокаивали народ, убеждая его вести себя смирно и ждать созыва генеральных штатов.

Народным движением воспользовались главным образом протестантские проповедники. Религиозные собрания протестантов стали совершаться открыто в полях, и на них являлись конфедераты, приходили тысячные толпы народа, среди которых были конные вооруженные люди, продавцы протестантских книг и т. п.; собрание обыкновенно баррикадировалось опрокинутыми повозками, срубленными деревьями и досками; пелись псалмы, произносились проповеди, и массы горожан и поселян делались кальвинистами, так что реформированная религия прямо становилась выражением национальной и политической оппозиции. Правительство не решалось разгонять сборища вооруженной силой, но скоро движение приняло уже совсем грозный характер: как буря, пронеслось над страной иконоборство, начавшееся в окрестностях Ипра (во Фландрии) и поразившее современников своей быстротой и трудностью открыть виновных. Дворяне оказались бессильными утишить народное волнение, и многие тогда даже отпали от союза гезов, тем более что правительница сделала некоторые уступки. Начиналась революция, но на первых порах правительнице удалось подавить движение.

Филипп II в это время послал в Нидерланды своего полководца герцога Альбу. Вильгельм Оранский эмигрировал в свои германские владения и убеждал Эгмонта тоже уехать, но последний остался, не желая, чтобы его имения были конфискованы, и не думая, что с ним случится что-либо дурное, т. к. был преданный королю слуга, католик и даже наказывал кальвинистов: он не верил предположению Вильгельма Оранского, что Филипп решился уничтожить вождей народа, отрубить у тела голову, чтобы оно не могло двигаться. Начавшаяся реакция и известие о назначении Альбы заставили выслиться массу народа; в числе уехавших был и Марникс де Сент-Альдегонд, начавший за границей свою литературную полемику против религиозного

---

¹ Нагой разбой не боится (*фр.*). — *Прим. ред.*

фанатизма и политического деспотизма, водворившихся в стране при герцоге Альбе, который вскоре после своего приезда в Нидерланды с испанским войском сменил Маргариту. В стране, действительно, началось господство террора. Совершены были казни, причем погибли Эгмонт, Горн и другие влиятельные магнаты; был учрежден вместо законных судов «совет о мятежах», прозванный кровавым советом, и в него назначены некоторые испанские члены: совет этот всегда находил виновным того, кого Альбе хотелось погубить, иногда просто для того, чтобы взять в казну имение приговоренного к смерти, или для собственного обогащения. Политический символ веры нового правителя был прост — в духе самого Филиппа II. «Лучше, — говорил он, — страна разоренная, но верная Богу и королю, чем богатая, но еретическая и преданная дьяволу; юристы осуждают только за доказанные преступления, а государственные дела так вестись не могут; нужно, чтобы каждый постоянно трепетал, как бы его собственный дом сегодня же на него не обрушился, ибо только этим можно заставить человека заплатить деньги за прощение его преступлений». Палачам и тюремщикам было много дела при таком правителе: происходили коллективные юридические убийства; тела казнимых оставлялись на виселицах, деревьях, кострах, колесах; тюрьмы наполнялись дворянами, горожанами, поселянами; имущества казнимых и эмигрировавших конфисковывались; сама эмиграция была, однако, запрещена, и попытка к выселению наказывалась смертью. Местные вспышки против испанцев, отдельные партизанские попытки сурово подавлялись; кончилась неудачей и попытка, сделанная Вильгельмом Оранским, которому оказали помощь гугеноты и который просил еще содействия у немецких протестантских князей (сам он перешел в протестантизм). Герцог Альба поставил своей задачей ввести в Нидерландах абсолютизм и, не обращая внимания на законы страны, стал устанавливать косвенные налоги. Купцы прекращали торговлю и закрывали лавки, но Альба грозил вешать тех, которые не откроют лавок. Этот террор, начавшись в 1567 г., продолжался несколько лет, и даже ходатайство императора Максимилиана II за Нидерланды по просьбе немецких курфюрстов ни к чему не привело: на совет его по восстановлении спокойствия в стране дать ей религиозный мир, которым она, как часть империи, имеет право пользоваться, Филипп II отвечал, что никто не может вмешиваться в его дела и что все католики должны были бы скорее благодарить его за усмирение подданных, оскорбляющих религию. В нидерландском деле начинали уже интересоваться правительства Франции и Англии с их подданными обоих исповеданий, а сам Филипп II смотрел на Нидерланды как на страну, из которой удобнее всего было бы нанести удар Англии, тем более что Елизавета позволяла скрываться в английских гаванях судам «морских гезов», нападавших на испанские корабли и грабивших их.

Международные отношения вообще сильно усложняли ход нидерландских дел, но мы не будем на этом долго останавливаться, чтобы лишь

в общих чертах указать на то, как началось освобождение Нидерландов. Вильгельм Оранский, как владетельный князь немецкий, имел право содержать войско и флот, и он воспользовался этим правом, чтобы на свои и нидерландских патриотов средства и на гугенотскую помощь снарядить флот «морских гезов»; последние в апреле 1572 г. овладели крепостью Брилем, жители которой присягнули на верность Вильгельму, как королевскому наместнику в Голландии. Это было началом нового восстания, распространившегося затем по многим северным провинциям; инсургенты восставали только против Альбы, присягая на верность королю и его наместнику (штатгальтеру) Вильгельму Оранскому, и это же самое было принято дордрехтским съездом голландских дворян и горожан. Так началась война нидерландцев с Испанией в том самом году, когда во Франции произошла, несколько месяцев спустя, Варфоломеевская ночь, что только внесло еще более ожесточения в войну нидерландских патриотов и испанских войск. В следующем году Филипп II, недовольный действиями Альбы, прислал на его место правителем Дона Луиса Реквезенс-и-Цунига, остававшегося в Нидерландах до 1576 г. Вскоре новый правитель писал королю следующее: «До прибытия своего сюда я не понимал, каким образом мятежники могут содержать такие значительные флотилии, но теперь я вижу, что люди, сражающиеся за свою жизнь, семейства, имущества, за свою ложную религию, одним словом за дело, которое считают своим, довольствуются одним скудным продовольствием, не требуя никакого жалования».

Начавшаяся в 1572 г. война продолжалась более тридцати пяти лет (до 1609 г.), окончившись уже по смерти Филиппа II перемирием на 12 лет, за которым последовало возобновление войны опять более чем на двадцать пять лет (1621–1648), так что в общей сложности Нидерланды отстаивали свою независимость от Испании около шестидесяти пяти лет, а если включить сюда и перемирие, во время которого нужно было готовиться к продолжению борьбы, то последняя тянулась целые три четверти века (1572–1648), не считая первых попыток восстания. Но не всем Нидерландам удалось сделаться независимыми от Испании, и только освободившаяся часть сделалась протестантской: *в религиозном отношении с федерацией самостоятельных провинций произошло то же самое, что с немецкой федерацией княжеств и вольных городов и швейцарской федерацией кантонов*. Вильгельм Оранский боролся против духа нетерпимости, обуявшего в эту эпоху нидерландских кальвинистов и католиков, и т. к. протестантизм был силен на севере, где и испанские войска терпели поражения от «морских гезов», а на юге, где в открытом поле и испанцы держались крепче, «ересь» проявлялась только спорадически, то новому после Альбы правителю удалось более мягкой политикой приобрести доверие южных провинций и положить начало розни между двумя половинами страны, которая коренилась и в разном составе их населения, романского на юге, германского на севе-

ре, и в том, что северные провинции были большей частью новыми приобретениями габсбургского дома. Только по смерти Цуниги, вследствие возмущения испанских наемников, фландрское и брабантское дворянство обратилось за помощью к Голландии и Зеландии, освободившимся от испанского владычества: результатом этого была гентская пацификация или договор южных провинций с северными, по которому устанавливался тесный союз между договаривающимися, требовалось удаление испанцев и создание генеральных штатов, отменялись эдикты против ереси, объявлялась неприкосновенность католицизма, где его продолжали исповедовать, а Вильгельм Оранский признавался штатгальтером Голландии и Зеландии. Но союз этот не был прочен и главным образом потому, что католики видели в северных кальвинистах и лютеранах еретиков, а фландрская и брабантская знать с завистью смотрела на увеличивавшееся значение Вильгельма. Следующие два испанские правителя, Дон Жуан Австрийский (1576—1578) и Александр Пармский, сын Маргариты (1578—1589), ловкой политикой и уступчивостью содействовали расторжению этого союза, и северные провинции, видя ненадежность унии с южными, их нерешительность и колебания, особенно же нетвердое поведение фландрской и брабантской знати, в январе 1579 г. заключили между собой Утрехтскую унию, благодаря которой семь провинций (Голландия, Зеландия, Гельдерн, Цютфен, Утрехт, и фризские области, Овер-Иссель и Гронинген) положили начало особому федеративному государству. Акт унии был еще составлен во имя короля, но в 1581 г. соединенные провинции формально отложились от Испании. Утрехтская уния по внешним делам образовывала из семи провинций одно государство, но по делам внутренним каждая область, каждый город пользовались полной автономией, чем и разграничивалась компетенция генеральных и местных штатов, в частности же религиозные дела были оставлены на усмотрение отдельных провинций и городов, но каждому предоставлялось открыто исповедовать свою веру и иметь свое богослужение без малейшего стеснения своей совести. Что касается до низложения Филиппа II в отделившихся от Испанской монархии провинций, то *совершилось оно в силу принципа, развивавшегося политическими писателями из кальвинистов* и, в частности, в брошюрах Марникса де Сент-Альдегонда, который одно время вместе с Вильгельмом Оранским даже хлопотал о передаче суверенитета герцогу Франциску Анжуйскому (ранее Алансанскому), брату французского короля Генриха III, и по этому поводу вел с ним переговоры, на что даже последовало согласие Генриха III. Хотя французский принц и не оправдал возлагавшихся на него надежд, замена им Филиппа II облегчила дело низложения, на которое долго не решались соединенные провинции. 23 января 1581 г. был скреплен в Бордо акт, дававший Нидерландам (собственно Брабанту и Фландрии) нового суверена, а 26 июля генеральные штаты опубликовали документ низложения старого государя. «Не народ, — гласил этот документ, — создан для государя, а государь для

народа, ибо без народа не было бы государя. Государь существует для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости и любить их, как отец детей, охранять их, как пастух стадо. Если же он поступает с нами не так, а как с рабами, то перестает быть государем, но становится тираном, подданные же, когда не остается другого средства, когда никакими представлениями о своих страданиях не могут получить от тирана никакого обеспечения свободы, жизни и собственности для себя и своих семейств, имеют право по законному решению своих представителей на генеральных штатах его покинуть». За этим теоретическим вступлением, как бы выхваченным из кальвинистической политической литературы, перечисляются факты, доказывающие, что в Нидерландах Филипп II вел себя как тиран, в силу чего генеральные штаты и постановили, «лишив его всякого права на власть в Нидерландах, перестать признавать его государем и освободить этим своим актом всех должностных лиц, начальников, господ, вассалов и жителей от присяги повиновения и верности, данной ими Филиппу II, королю испанскому». На севере власть была передана Вильгельму Оранскому, а во Фландрии и Брабанте явился и принял власть Генрих Анжуйский, признать которую Вильгельм убеждал и Голландию с Зеландией, но в 1584 г. французский принц умер, вскоре после чего был убит (Бальтазаром Жераром) и сам Вильгельм, еще ранее (1580) объявленный вне закона и подвергавшийся неоднократным покушениям вследствие наград, которые были публично обещаны Филиппом II убийце (25 тыс. крон, потомственное дворянство и прощение за самые тяжкие преступления, буде такие были им совершены).

Вильгельм Оранский был истинным основателем республики нидерландских Соединенных Штатов. Между отдельными провинциями было мало единодушия, и Вильгельму стоило больших трудов примирять разные интересы и стремления и религиозные разногласия католиков и протестантов, а также преодолевать противодействие не доверявших и завидовавших ему магнатов, которые призывали одного из австрийских Габсбургов (Матфия) и герцога Анжуйского и вступали в переговоры с Александром Пармским. Австрийский эрцгерцог, приезжавший в Нидерланды, и особенно французский принц, задумавший занять французскими гарнизонами крепости Фландрии и Брабанта, вовсе не думали о свободе Нидерландов, между тем как Вильгельм, пользуясь неограниченным доверием в Голландии и Зеландии и диктатурой по военным делам в унии, держал себя с величайшей умеренностью и, не желая, чтобы его заподозрили в стремлении к личному господству, признавал себя лишь наместником сначала Матфия (как прежде Филиппа II), а потом убеждал все провинции признать герцога Анжуйского. В 1582 г. генеральные штаты убедили Вильгельма принять на себя главное начальство на все время войны и сделали его наследственным графом голландским с правом на наследственное же управление войском и флотом союза и внешними сношениями страны, но с предоставлением всей законода-

тельной власти, права войны и мира, установления налогов и т. д. генеральным штатам и с условием, по которому последние и местные штаты могли низложить штатгальтера в случае нарушения им законов страны. Конституция эта, заключавшая в себе сочетание монархических и республиканских начал и зародыш позднейшей борьбы двух партий, была утверждена в 1583 г., но в 1584 г. рука убийцы положила конец жизни Вильгельма: попытка подкупить его, сделанная раньше испанским королем, окончилась неудачей, и тогда-то Филипп II объявил награду за его убийство, что и вызвало покушения на его жизнь, из которых одно окончилось тяжелой раной (1582), другое — смертью. Политическое убийство было то самое средство, к которому Филипп II думал прибегнуть и по отношению к Елизавете Английской. До самой смерти герцога Анжуйского Вильгельм поддерживал с ним хорошие отношения, звал его вернуться в Нидерланды, долго не соглашался на принятие титула графа голландского и сам участвовал в составлении статей, которыми конституция 1583 г. ограничивала права, соединенные с этим званием после. Последние после его смерти были переданы его сыну Морицу, как штатгальтеру (или статгоудеру) основанной его отцом республики. Мориц, как замечательный полководец, вполне заместил своего отца в деле обороны страны от испанцев, да и политические обстоятельства во второй половине восьмидесятых годов сложились так, что Филипп II потом до самой своей смерти должен был заниматься больше отношениями своими к Франции и Англии, что было очень благоприятно для нидерландской независимости. В 1609 г. на что уже было указано, голландцы, как стали называться жители свободных Нидерландов, заключили с Испанией перемирие на 12 лет.

Несмотря на то что в новой республике происходила сильная внутренняя борьба политических партий и религиозных сект, она в XVII в. сделалась значительной политической силой, весьма богатой, благодаря своей промышленности и торговле, страной, овладевшей, благодаря развитию своего флота, многими колониями своих бывших притеснителей, убежищем гонимых на родине за религиозные и политические убеждения, куда уходили, например, польские социниане, английские пуритане, французские гугеноты, т. к. здесь установилась политическая и духовная свобода, содействовавшая и культурному преуспеянию самих голландцев, в то самое время, как другая часть Нидерландов (Бельгия), наоборот, испытывала на себе последствия католической реакции.

XXVI. Религиозные войны во Франции и Нантский эдикт¹

Общее значение религиозных войн во Франции. — Причины долговременной смуты. — Протестантизм во Франции. — События начала шестидесятых годов и генеральные штаты. — Религиозный вопрос по законам 1560, 1561 и 1562 гг. — Религиозные войны и эдикты о терпимости. — Сен-Жерменский мир. — Колиньи и Екатерина Медичи. — Варфоломеевская ночь. — Генрих III. — Лига и штаты 1576 г. — Феодално-муниципальная реакция и учение о народовластии. — Вопрос о престолонаследии и война трех Генрихов. — Генрих IV король. — Заговоры на жизнь Генриха IV и его отношение к католицизму. — Генрих IV и гугеноты. — Нантский эдикт. — Судьба Нантского эдикта.

История религиозных войн во Франции, как и история нидерландской революции, входит в общую историю борьбы католицизма с протестантизмом во времена Филиппа II, который, как известно, вмешался и во французскую смуту. Но смута эта имеет и другое значение. В общей политической истории эпохи мы имеем здесь один из случаев борьбы подданных против королевского абсолютизма, в которой — что делает этот случай особенно любопытным — оппозиция шла под знаменем идеи народовластия, провозглашавшийся не одними кальвинистами, но и католическими фанатиками, но со стремлением к политической свободе в духе новых идей соединялась феодальная и муниципальная реакция. Как реакцию эту, так и политическую оппозицию постигла неудача, и во Франции утвердился абсолютизм, но победа католицизма в этой стране не сопровождалась католической реакцией, ибо французский абсолютизм, по крайней мере в большей части XVII в., отличался от испанского более светским характером. Что касается до утверждения абсолютизма, то, подготовленный предыдущей историей Франции, он сделался своего рода политической необходимостью ввиду анархии, в какую повергла Францию феодальная и муниципальная реакция. Внутреннее умиротворение Франции дарованием протестантам свободы вероиспове-

---

¹ Кроме указанной литературы по истории Реформации во Франции и др. сочинений, относящихся к эпохе, *Lacretelle*. Hist. de France pendant les guerres civiles. — *Bouillé*. Hist. des ducs des Guises. — *De Croze*. Les Guises, les Valois et Philippe II. — *Forneron*. Les ducs des Guises et leur époque. — *Jules Tessier*. L'amiral Coligny. — *Jules de Laborde*. Gaspard de Coligny. — *E. Bersier*. Coligny avant les guerres civiles. — *Taillandier*. Recherches historiques sur L'Hospital. — *Dupré-Lasal*. Michel de l'Hospital. — *Geuer*. Die Kirchenpolitik L'Hospitals. — *Klüpfel*. Le colloque de Poissy. — *Schaeffer*. Les huguenots du XVI siècle. — *Baumgarten*. Vor der Bartholomaeusnacht. — *Rémusat*. La Sainte-Barthélemy. — *H. While*. Massacre of St. Bartholomew preceded by a narrative of the religious wars. — *Labitte*. De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue. — *A. de Ruble*. Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret. — *Challe*. Le calvinisme et la Ligue. — *Vitet*. La Ligue. — *Stähelin*. Der Uebertritt Heinrichs zur römischen Kirche.

дания и установление в стране сильной государственной власти — без реакционных стремлений в религиозном вопросе — имели весьма большое значение в первой половине XVII в., когда была сделана новая попытка общеевропейской католической реакции.

В своем месте было уже указано на то, что первые серьезные успехи кальвинизм сделал во Франции во второй половине пятидесятих годов, в конце царствования Генриха II, умершего в 1559 г. От брака своего с Екатериной Медичи, большой поклонницы сочинения Макиавелли, написанного для ее отца, он имел четверых сыновей, из которых трое царствовали один за другим: это были именно Франциск II (1559—1565), муж Марии Стюарт, потом Карл IX (1560—1574), наконец, Генрих III (1574—1589), при жизни брата избранный в польские короли, но впоследствии бежавший из Польши во Францию¹, тогда как четвертый сын, Франциск, сначала носивший титул герцога Алансонского, а потом Анжуйского, умер, как нам известно, в 1584 г., не достигнув короны. Франциск II, царствовавший лишь около года, и Карл IX, оба по своей молодости не могли управлять государством, и власть сделалась предметом спора для королевы-матери, властолюбивой интриганки, герцогов Гизов, Франциска и Карла, дядей (по матери) Марии Стюарт, сделавшейся королевой Франции при Франциске II, и для родственников королевского дома Бурбонов, именно Антуана, женатого на наследнице Беарна и Наварры Иоанне Д'Альбре и его брата Людовика Конде. Возникшее между Гизами и Бурбонами соперничество осложнилось еще тем, что первые были католиками, вторые — кальвинистами. Правление братьев Гизов, сделавшихся при Франциске II, женатом на их племяннице, всемогущими временщиками, сильно оскорбляло французское дворянство, которое около этого времени стало переходить в кальвинизм и думало воспользоваться молодостью королей для того, чтобы начать феодальную реакцию против усилившегося при Франциске I и Генрихе II абсолютизма, а за дворянами пошли и некоторые города, недовольные утратой муниципальных вольностей, и начавшаяся политическая оппозиция выразилась, между прочим, в стремлении (при Карле IX и Генрихе III) ограничить королевскую власть генеральными штатами², для чего подходящие идеи давались как тогдашними политическими идеями, которые проповедовались как кальвинистами, так и иезуитами. Борьба Гизов и Бурбонов за власть, перешедшая в восьмидесятых годах XVI в. в борьбу за престолонаследие, вследствие прекращения династии Валуа, таким образом осложнялась не только борьбой двух враждебных религий, но и политической оппозицией против королевской власти с характером феодально-муниципальной реакции, с которой притом соединялись новые

¹ Литература об этом указана в «Очерке реформационного движения в Польше».

² О генеральных штатах во Франции см. соч. *Picot*; о штатах есть еще соч. *Thibaudeau*, *Rathéry*, *Boullée*, а также см. у *Aug. Thierry* в *Essai sur l'histoire du tiers état*, где есть главы и о политическом движении XVI в.

идеи народовластия. Внутренняя французская смута, имевшая таким образом *своими причинами, кроме вражды двух религий, стремление аристократии и буржуазии уничтожить устанавливавшийся абсолютизм и борьбу Гизов и Бурбонов сначала за влияние на правительство, а потом и за самую корону*, не могла, конечно, остаться в стороне от путей, по которым шла политика Филиппа II, ибо при существовавшей между Францией и Испанией вражде королю испанскому было выгодно ослабление Франции междоусобиями, а общая его политика, конечно, требовала от него вмешательства во французские дела и в интересах католицизма, тем более еще, что *победа протестантизма во Франции грозила католицизму и власти Филиппа II в Нидерландах*: и с этой стороны для Филиппа II было безразлично, что делалось в соседней стране. Таковы были причины религиозных войн во Франции, которых было четыре при Карле IX и четыре при Генрихе III, пока Франция и внутри, и извне не была умиротворена Генрихом IV Бурбоном. Нужно еще прибавить, что религиозному ожесточению во Франции весьма сильно содействовали иезуиты, принимавшие очень деятельное участие в полемике с протестантами, в придворных интригах, в междоусобных войнах, во время которых прямо проповедовали цареубийство, а кроме иезуитов, имели значение принятые французским правительством тридентские постановления, сильно мешавшие сторонникам религиозной свободы.

При Франциске I и Генрихе II, как мы видели, протестантизм преследовался во Франции, и еретиков уже сжигали, ибо против них была и королевская власть, и легисты, и Сорбонна, и народная масса, видевшая в кальвинистах гугенотов (Guguenots — Eidgenossen), т. е. иностранцев и не доверявшая новому учению по его связи с дворянскими стремлениями. Мы постоянно указывали на то, что протестантизм принял во Франции аристократический характер, т. к., кроме лиц разных сословий, переходивших на сторону нового учения по убеждению, его приняла большая часть дворянства, думавшего, между прочим, поживиться насчет секуляризации церковной собственности во Франции по примеру своих немецких и английских собратьев. Переход дворян в протестантизм давал последнему значение политической силы, которая могла вести вооруженную борьбу: уже на первых порах умножившиеся протестанты силой освобождали из тюрем своих единоверцев, иногда вырывали их из рук солдат, ведших их на казнь и т. п. В 1560 г. протестантская партия задумала даже захватить молодого короля, чтобы передать его под опеку Антуану Бурбону, но заговор («амбуазский») был открыт, и Гизы чуть было не погубили Людовика Конде, преданного ими обыкновенному суду, вопреки его праву, как принца крови, судиться лишь в парламенте, что было своего рода угрозой и для других дворян. Только смерть Франциска II и переход власти при Екатерине Медичи спасли принца Конде: он был немедленно выпущен на волю, т. к. хитрая итальянка хотела держаться у власти, не давая перевеса ни Гизам, ни Бурбонам, вследствие чего и первые были ею оставлены при своих

должностях. Малолетний король на престоле, королева-иностранка во главе правления, занимающаяся интригами, заискивающая у всех партий, неспособная заставить одних не делать нападений на установленную религию, а других — уважать свободу совести своих сограждан, все это было на руку феодальной реакции, формулировавшей так свои идеи: какой такой король? мы сами — короли, а этого короленка еще розгами можно сечь. Между прочим, такое время было благоприятно и для возрождения давно уже не собиравшихся генеральных штатов. Первое их собрание происходило по мысли умного и честного, ученого и веротерпимого канцлера Лопиталья (L'Hospital или L'Hôpital) в Орлеане в 1560 г., а в 1561 г. в Понтуазе было еще собрание депутатов светских сословий, т. к. духовенство собралось отдельно в Цуасси, где Лопиталь устроил религиозный диспут католиков с протестантами. Канцлер действовал вообще в примирительном духе и убеждал орлеанские штаты «оставить дьявольские клички (*ces mots diaboliques*) лютеран, гугенотов, папистов, не менять христианского имени на другие». В собрании штатов духовенством требовалось преследование еретиков; в том же смысле высказалась часть дворян, тогда как другая была, однако, за терпимость, и в этом отношении с ней были за одно тогда и горожане, выразившие желание, чтобы преследования были прекращены до решения религиозных споров Вселенским собором. Понтуазское собрание 1561 г., в котором не участвовало духовенство, еще решительнее выставило необходимость терпимости и даже поставило вопрос о продаже церковных имуществ для удовлетворения государственных нужд. Что касается до диспута в Цуасси, где выступили друг против друга Беза и кардинал Лотарингский (Карл Гиз), то на нем, конечно, соглашения не состоялось. Единственным результатом штатов 1560 г. был орлеанский ордонанс, которым Лопиталь осуществлял некоторые желания, высказанные в обширном «*cahier de doléances*», заключавшем целый проект реформ, составленный штатами. И в 1560 г. представители сословий высказали, и в 1561 г. еще раз повторили желание, чтобы штаты были учреждением постоянным, собирающимся в определенные сроки; в 1561 г. даже очень решительно говорилось о том, что с ними король должен делить свою власть. После этого, однако, штаты не собирались 15 лет, но *в семидесятых и восьмидесятых годах мысль о периодических штатах с прямым участием их в верховной власти сделалась во Франции еще популярнее.*

В начале шестидесятых годов Лопиталь целым рядом мер думал уладить религиозный вопрос. Эдикт 1560 г. (*édit de Romorantin*) устанавливал епископскую юрисдикцию по делам ереси, дабы помешать введению инквизиции, но только одни парламенты могли изрекать смертные приговоры. Другим эдиктом (1561) смертная казнь за ересь заменялась изгнанием, за исключением случаев нарушения общественного спокойствия. Кроме того, Лопиталь в частных случаях останавливал чрезмерно усердствовавших преследователей и смягчал участь обвиненных. Наконец, в 1562 г. правительство нашло нужным сделать уступку протестантам, легализиро-

вав их существование в государстве под известными условиями. Именно по Сен-Жерменскому эдикту этого года кальвинисты получили право отправлять свое богослужение, но не иначе, как вне городов, и без права собирать синоды своей Церкви. Гугеноты были недовольны ограничениями своей религиозной свободы, католики — уступкой ереси. Но эдикт этот не мог быть приведен в исполнение, ибо в том же самом году произошла первая религиозная война во Франции.

В 1562 г. герцог Франциск Гиз с большой свитой проезжал через местечко Васси, где он и его приближенные услышали пение протестантских гимнов гугенотами, собравшимися в сарае для богослужения; лица, сопровождавшие герцога, попробовали разогнать собрание, но, встретив сопротивление, напали на безоружных гугенотов и перебили многих из них, тяжело ранив других. После этого в Париже Гиза приняли с восторгом; он завладел королем и регентшей, а принц Конде собрал гугенотов в Ла-Рошели, откуда они обратились за помощью к Елизавете Английской. Началась война, несколько раз прерывавшаяся и возобновлявшаяся. Силы противников были равные, перевес не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, но тем ожесточеннее они боролись, не останавливаясь перед избиениями невинных жертв и тайными убийствами, истребляя католические и протестантские церкви; все, что у кого-либо было против других людей, теперь, при господстве анархии, могло беспрепятственно проявиться в кровавом сведении счетов, и например, в то время как дворяне боролись с государственной властью, крестьяне поднимались против своих сеньоров. В борьбе этой погибли один за другим Антуан Бурбон, Франциск Гиз, убитый одним гугенотом, принц Конде, но этих вождей сменили новые: Генрих Гиз (сын Франциска) и адмирал Колиньи из протестантской фамилии Шатильонов, честный и убежденный кальвинист, подобно Вильгельму Оранскому сражавшийся не против короля, а против овладевших королем лиц и сделавшийся руководителем молодого Генриха Наваррского, сына Антуана Бурбона, поставленного теперь во главе протестантов. В это французское междоусобие самими же враждующими сторонами были впутаны впоследствии иностранцы, Елизавета Английская и Филипп II Испанский, нидерландские гезы и немецкие ландскнехты, швейцарские (католические), итальянские и испанские наемники. Сила протестантов была настолько значительна, что правительство должно было делать уступки, но само оно было бессильно поддерживать мир, вследствие чего гугеноты стали требовать у короля передачи им нескольких крепостей, где они были бы безопасны: гугеноты договаривались с королем как самостоятельная воюющая сторона. Первая война окончилась миром в Амбуазе в 1563 г. По Амбуазскому эдикту допущена была *свобода протестантского богослужения, но с сословными ограничениями*, — весьма характерная черта, — ибо высшее дворянство, имевшее право уголовного суда в своих имениях (*hauts justiciers*), могло строить в них протестантские церкви не только для себя

и своей домашней челяди, но и для всех подвластных их суду (*justiciables*), тогда как богослужение у низшего дворянства могли посещать лишь их домашние, а для всех остальных гугенотов назначался в каждом округе город, в окрестностях которого допускалось протестантское богослужение. Эдикт этот был подтвержден после второй войны (1567—1568) по миру в Лонжюмо. Третья война (1569—1570), бывшая особенно удачной для гугенотов (Колиньи шел прямо на Париж), кончилась миром в Сен-Жермене (*Saint-Germain en Laye*), по которому кальвинистам давалась свобода совести и право домашнего богослужения во всем государстве, право публичного культа в имениях высшего и низшего дворянства, с запрещением, однако, всякого богослужения, кроме католического, в Париже и его окрестностях, а также и в каком бы то ни было местопребывании короля; предоставлялось, далее, право занимать всякие должности и поступать в университеты и низшие школы; позволялось протестантам при тяжбах с католиками отводить известное число (4, 6, 8) судей в той палате парламента, которая решала дело; но вместе с тем они должны были уплачивать на старых основаниях десятину католическому клиру, в обеспечение же своих прав получали на два года четыре крепости (Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите). Это было дальнейшее развитие Амбуазского эдикта, и позднейшие переговоры о мире в следующие войны велись на основах этого договора, да и Нантский эдикт, которым заключалась эпоха религиозных войн через 28 лет после этого, был в существенных своих чертах составлен по образцу прежних эдиктов. Но и с Сен-Жерменским договором случилось то же самое, что и с более ранними: католики не хотели подчиняться условиям мира, и потому как только гугеноты клали оружие, то немедленно подвергались нападениям со стороны фанатиков, подстрекаемых извне, само же правительство с Екатериной Медичи во главе становилось то на одну, то на другую сторону.

За «вечным и неотменимым» Сен-Жерменским эдиктом последовала новая война, вызванная знаменитой Варфоломеевской ночью. Гугеноты одержали победу, между прочим, благодаря немецким солдатам и английским деньгам. Сен-Жерменский мир крайне раздражил папу Пия V и Филиппа II, последнего тем более, что успех французских протестантов поощрял к сопротивлению его нидерландских подданных, поднявших около этого времени знамя восстания и в 1572 г. имевших уже значительный успех. Франция опять переходила, кроме того, в противный Габсбургам лагерь, начав сближаться с немецкими князьями, с Англией, с недовольными нидерландцами. Внутри страны Гизы потеряли силу при дворе, и двадцатилетний Карл IX приблизил к себе адмирала Колиньи (1571), сделав его своим советником. Католики вне и внутри Франции были недовольны оборотом, принятым политикой двора, а в фанатизированных массах городского населения раздражение против гугенотов было весьма сильно; местами уже происходили вспышки фанатизма, хотя насилия против реформатов строго наказыва-

лись и уже была значительная партия из католиков же, желавшая веротерпимости и получившая за это от фанатиков прозвище «политиков»: она старалась противодействовать возобновлению религиозных войн. Карл IX, не отличавшийся устойчивостью характера, между тем совсем подпал под влияние Колиньи, советовавшего ему держаться национальной, антииспанской политики и даже оказать вооруженную помощь Нидерландам, а сам носился с мыслью отнять у Испании Милан и Наварру на юг от Пиренеев, чтобы возвратить эту страну титулярному ее королю Генриху Бурбону, за которого он прочил выдать замуж свою сестру Маргариту. Католики, во главе которых стоял брат короля Генрих Анжуйский, вместе с послами Испании и папы старались противодействовать этим планам, но напрасно. Внешние обстоятельства для их проведения были, однако, неблагоприятны: хотя брату Вильгельма Оранского, Людовику Нассаускому, овладевшему Монсом в Бельгии, была оказана небольшая военная помощь, но испанцы взяли верх; немецкие лютеране и думать не хотели о союзе с нидерландскими и французскими кальвинистами, Елизавета Английская не желала усиления Франции со стороны Бельгии; турки, прежние союзники Франции, после поражения при Лепанто (1561), не могли уже вступить с ней в союз. Все это обескураживало Карла IX, а его мать, видевшая, что протестанты всегда будут составлять лишь партию в государстве, что народ останется не только католическим, но и враждебным протестантизму, — прямо опасаясь войны с Испанией без надежных союзников, недовольная, кроме того, потерей влияния своего на сына, стала противодействовать Колиньи: в нем она видела своего личного врага, который сам притом не скрывал своих неприязненных чувств к королеве, он даже советовал Карлу IX устранить ее от дел, равно как и Генриха Анжуйского, т. к., по его мнению, нужно было выбирать между внешней или внутренней войной; первая была предпочтительнее, а Генрих Анжуйский, любимец матери, легко мог бы возбудить вторую. Карлу IX приходилось выбирать между еретиком и матерью. 9 августа 1572 г. король объявил, что мира с Испанией он не нарушит, а адмирал воскликнул: «Дай Бог, чтобы не возникла другая война, которой король не будет в состоянии избежать!» Эти слова были истолкованы в смысле угрозы, тем более опасной, что на свадьбу Маргариты с Генрихом Бурбоном собралось несколько тысяч протестантского дворянства. Екатерина задумала тогда отделаться от адмирала посредством убийства, но выстрел из-за угла его только ранил (22 августа), и это заставило королеву-мать бояться его мести, тем более что собравшиеся в Париже гугеноты приняли по отношению к королеве угрожающее положение. Тогда Екатерина, которой раньше еще испанские дипломаты советовали покончить с гугенотами одним ударом, решила сразу истребить опасных для нее людей, зная, что парижское население, преданное католицизму, доставит ей достаточное количество помощников. Таково было происхождение Варфоломеевской ночи: старое представление всего дела, будто оно было задумано заранее и притом по тайному

соглашению с Испанией, приходится оставить в виду новых исторических работ по этому предмету¹. Слабохарактерного Карла IX убедили в необходимости задуманного дела, наскоро поручили парижскому купеческому старшине организовать шайки убийц, и в ночь с 23 на 24 августа произошло в Париже избиение двух тысяч гугенотов, не окончившееся и в ближайшие дни; оно сделалось примером для подобной же расправы в провинции, где по тайным приказам обезумевшего Карла IX, который также стрелял из дворцового окна в ночь на 24 августа, было перебито до 30 тыс. гугенотов; Генрих Бурбон и его кузен, принц Конде, спаслись только принятием католицизма. Затем протестантизм был запрещен во Франции. В память события была выбита медаль с надписями: «Virtus in rebelles» и «Pietas excitavit justitiam». В Мадриде и Риме известие было встречено дикой радостью и торжественно отпраздновано. Папа Григорий XIII также выбил медаль со своим портретом на одной стороне и с изображением на другой — ангела, держащего в руке крест и поражающего гугенотов, вокруг чего была надпись: «Ugonottorum strages, 1572».

За Варфоломеевской ночью последовала новая (четвертая в царствование Карла IX) религиозная война. Знамя восстания подняли на этот раз горожане Ла-Рошели и других городов, с которыми соединились остатки не истребленного в конце кальвинистического дворянства, и манифестом этого восстания сделался памфлет Готмана «De furoribus gallicis».

Новая война была непродолжительна (1572—1573). Генрих Анжуйский, стоявший во главе католиков, уехал в Польшу, которая избрала его в короли; его младший брат, герцог Алансонский, ненавидевший его и мечтавший о браке с Елизаветой Английской, примкнул к «политикам»; само правительство должно было принять меры против испанских притязаний на европейскую гегемонию. Среди таких обстоятельств Карл IX умер (1574), и ему наследовал Генрих Анжуйский, тайком покинувший Польшу, чтобы занять французский престол под именем Генриха III, имея в то время лишь 23 года от роду. Изнеженный и легкомысленный молодой человек не напрасно прошел школу своей матери: католики думали, что герой Варфоломеевской ночи будет королем их партии, но он хотел удержать во всей неприкосновенности права своей короны, тогда как истреблением гугенотов он только усилил бы Гизов, а принятый им образ действия в том и состоял, чтобы, подобно своей матери, не давать перевеса ни Гизам с католиками, ни Бурбонам с кальвинистами. В это время происходило даже сближение между гугенотами и «политиками»: одни видели, что им не навязать своего вероисповедания всей Франции, другие сознавали, что тем не менее протестантизма не уничтожишь, и, сходясь между собой относительно необходимости религиозного

¹ См.: *Philippon*. Westeuropa, II, 255—259. — *Kervyn de Lettenhove*. Documents relatifs à l'hist. du XVI siècle (I, 157 и сл.) и второй том *Huguenots et gueux*, а также *Baumgarten* в *Hist. Zeitschr.* (N. F., XIV: Nachtrag zur Geschichte der Bartholomaeusnacht). *Полениц* думает, что план был задуман максимум за десять дней до исполнения.

мира, обе партии желали созвания генеральных штатов. Вступление Генриха III на престол совершилось при новом междоусобии, когда во главе восстания стоял младший брат короля, в союзе с Бурбонами и при немецкой (пфальцграфа Реймского) военной и английской денежной помощи. Новый мир был выгоден для протестантов: утвердив прежние уступки, правительство согласилось на то, чтобы в парламентах были смешанные палаты для разбора тяжб между католиками и реформатами и чтобы последние могли съезжаться на синоды, хотя лишь в присутствии правительственного делегата, а в обеспечение соблюдения договора оно отдало гугенотам 12 крепостей. Оппозиционные принцы получили вознаграждение, Франциск Алансонский — Берри, Туррен и Анжу в свое управление и пенсию в 100 тысяч экю; принц Конде — Пикардию в управление и т. д.: после этого, как мы увидим еще, *королевская власть во Франции не раз откупалась от аристократической оппозиции раздачей денег, доходных мест, целых провинций в управление*, что свидетельствовало не только о слабости правительства, но и о корыстном характере оппозиции, которая, действительно, пользовалась религиозными смутами или народным недовольством лишь для того, чтобы начинать мятеж и потом дорого продавать свою покорность.

Гугеноты и «политики», добившись от правительства уступок и между прочим обещания созвать генеральные штаты, показали католикам, как следует действовать, тем более что уже кардинал Лотарингский в конце своей жизни (†1574) указывал необходимость более прочной организации католиков. Уступки Генриха III еретикам заставили папистов заключить между собою лигу, во главе которой стоял долгое время Генрих Гиз. Генрих III нашел нужным сблизиться с лигой в надежде на то, что она поможет ему выйти победителем из борьбы, которая неминуемо должна была возникнуть между ним и генеральными штатами, где «политики» и гугеноты стали бы проводить неприятные для него меры. Лига, начавшая снова фанатизировать народ, победила на выборах в штаты, — они в 1576 г. и были собраны в Блуа, — но исход выборов заставил «политиков» и гугенотов воздержаться от участия в их заседаниях. Действительно, штаты 1576 г. были настроены крайне фанатически, требовали полного уничтожения протестантизма во Франции и отмены всех льгот, данных гугенотам по последнему миру. Правительство готово было действовать в их духе по этому пункту, но *в политическом отношении рьяные католики желали того же самого, к чему стремились и кальвинистические писатели, т. е. ограничения королевской власти*. Например, штаты стали делать различие между законами короля и законами королевства, между временными распоряжениями государственной власти и постановлениями штатов, которые не могли бы никем быть отменяемы, кроме самих штатов, и не требовали бы королевского утверждения в случае единогласия сословий; были даже голоса, требовавшие участия штатов в назначении членов тайного совета, т. е. министров короля, а третье сословие

потребовало восстановления муниципальных вольностей, пришедших в упадок с усилением королевской администрации. Правительство особым ордонансом (ord. de Blois) удовлетворило требования сословий за исключением тех желаний, которые имели политический характер, ибо политические идеи лигистов отталкивали от лиги и Генриха III, и Екатерину Медичи. События указывали на то, что во Франции *вслед за аристократической оппозицией, принявшей характер феодальной реакции, началась оппозиция демократическая, представлявшая из себя реакцию муниципальную* против королевского абсолютизма. Подобно тому как дворяне делались кальвинистами, и в их лагере получали все большую популярность кальвинистические политические идеи, так в городах усиливался католицизм: ими-то с Парижем во главе главным образом и держалась «святая» лига, к которой примкнули многие дворяне и герцоги Гизы; среди лигистов вообще и в частности среди городского населения на севере Франции было в большом ходу учение иезуитов о праве народов низлагать королей и убивать тиранов, что породило (главным образом в восьмидесятых годах) и литературную защиту политической свободы против абсолютизма, так что *одновременно с кальвинистическими трактатами в духе народовластия ту же идею в целом ряде памфлетов защищали и крайние католики*¹, т. е. католическая демократия не хотела признавать иного истинного суверена, кроме Бога и его наместника на земле, папы, вследствие чего отказывала в повиновении непослушным Церкви монархам, которых проповедники лиги объявляли поэтому достойными убийства, как тиранов. Это относилось, конечно, к Генриху III, оттолкнувшему от себя лигу и действительно павшему от руки фанатика-убийцы, а после его смерти — к Генриху Бурбону, сделавшемуся королем Франции и все-таки остававшимся сначала кальвинистом (обращение в католицизм в 1572 г. было временное). Под знаменем идеи народовластия, которую усвоили и штаты 1588 г., в эпоху религиозных войн, опять возобновившихся, *возрождался феодальный и муниципальный быт Средних веков с обычной своей анархией*: губернаторы делались независимыми от центральной власти и мечтали о княжеской самостоятельности; сеньоры восстанавливали свои старые права над населением и присваивали себе право войны; муниципальные власти брали на себя начальство над милицией, отказывались в судебном отношении повиноваться парламентам, не хотели никому отдавать отчета по городским финансам; грабимые и притесняемые крестьяне бунтовали и требовали, чтобы им показали в Библии, где это сказано, чтобы с ними так дурно поступали.

¹ Анонимное (иезуита *Райнальда*, писавшего под псевдонимом *Россейса*?) соч. *De justa reipublicae christinae in reges impios autoritate*. Памфлеты *Буше*: *De justa Henrici tertii abdicatione a Francorum regno* и *Sermons de la simulée conversion et nullité de l'absolution de Henri de Bourbon*. О соч. кальвинистических публицистов см. выше.

Возрождению средневековой анархии и усилению ярости религиозной войны много содействовало то, что со смертью младшего брата короля (1584) при бездетности его самого корона Франции должна была перейти к гугеноту Генриху Бурбону. Католическая лига, поддерживаемая Испанией, никак, конечно, не могла допустить этого; и ее глава, Генрих Гиз, считавший себя потомком Карла Великого, стремился сам возложить на свою голову французскую корону и, чтобы получить поддержку нации, обещал восстановление всего, что было в политическом быту Франции разрушено усилением королевской власти. Собственно говоря, лига окончательно организовалась лишь в 1585 г., когда в замке Жуанвиле был заключен союз между Гизами и Филиппом II для подавления ереси в Нидерландах и Франции: после этого настоящим главой католической Франции сделался Генрих Гиз, т. к. король потерял всякое значение между двумя враждебными партиями, которые вели между собой войну, (получившую название войны трех Генрихов). В 1588 г. в самом Париже произошло восстание. Его население организовалось в боевую силу под начальством революционного правительства, состоявшего из 16 членов по числу городских кварталов (*ligue des seize*) и действовавшего по инструкциям Генриха Гиза. В городе шла агитация против «политиков» и короля, «оскорблявших Бога» уступчивостью еретикам, а в тайных совещаниях лиги поговаривали даже о низложении последнего Валуа. Генрих III счел нужным принять некоторые меры для ограждения личной своей безопасности, но лигисты приняли их за угрозу и пригласили в Париж Генриха Гиза, который и приехал, несмотря на королевское запрещение. Попытка Генриха III окружить свою резиденцию — Лувр — верными войсками вызвала знаменитый «день баррикад» (12 мая): дело прямо могло бы кончиться низложением короля, если бы только захотел этого Генрих Гиз, потребовавший только, чтобы его назначили наместником королевства (*lieutenant général du royaume*), созвали генеральные штаты для утверждения его в этом сане и чтобы Генрих Бурбон был объявлен лишенным прав на престол. Во время вызванных этим переговоров Генрих III бежал из Парижа, и столица государства осталась в руках Гиза, хотя король тогда и не довел еще дела до разрыва. В октябре 1588 г. в Блуа открылись заседания генеральных штатов, где господствовали католики, разделявшие политические воззрения католической демократии, т. е. требовали передачи штатам суверенитета и полного господства католицизма во Франции, а с католиками господствовал и Генрих Гиз, которому штаты не прочь были передать власть в государстве. Король решился тогда отделаться от опасного главы лиги посредством убийства (в дек. 1588), но исполнением этого намерения возбудил против себя новое восстание под предводительством парижской «лиги шестнадцати», успевшей сделаться для городов северной Франции настоящим правительством. Со своей стороны, Сорбонна объявила, что, вследствие вероломного поступка Генриха III во вред Католической Церкви, французский народ

освобождается от своей присяги на верность и получает право восстать против короля: через восемь лет после того, как Филипп II был низложен нидерландскими протестантами в силу учения о праве народов лишать власти правителей, то же учение применялось теперь и ко Франции крайними католиками, но мотив у Сорбонны был иной — не тираническое поведение по отношению к гражданской свободе, а измена интересам католицизма. Это право доказывал и лигист Буше в трактате «О справедливом низложении Генриха III», как бы повторяя доводы кальвинистов в пользу того, что государь получает власть от народа, что между ним и народом существует договор, что в случае нарушения последнего королем народ освобождается от присяги, что генеральные штаты могут судить короля, что народу над королем даже принадлежит право жизни и смерти, что тирана, незаконно захватившего власть, имеет право убить всякий, что такое же право имеет, наконец, всякий, если законного государя, тиранически пользующегося властью, народные представители объявят врагом общества. Трактат этот еще только что писался, когда автор получил известие об убийстве самого Генриха III, и Буше прославил тогда в своем сочинении «вдохновенного Христом и движимого любовью» монаха (Жака Клемана), ибо он возобновил дело Юдифи над Олоферном и Давида над Голиафом.

Генрих III, почти всеми покинутый и отвергнутый после убийства Гиза, — и штатами, не желавшими больше заседать, и послами Филиппа II и Сикста V, оставившими его двор, — решился на мир с Генрихом Бурбоном и в Плесси-Ле-Туре заключил с ним договор, имевший тот результат, что оставшиеся верными королю католики соединились с гугенотами против мятежных папистов. Последние назначили главнокомандующим лиги герцога Майенского, а в то же время папа грозил королю отлучением, если он не оправдается, Сорбонна же объявила, что всякий может убить тирана, вредящего религии. Оба Генриха подошли к Парижу и осадили его, но тогда же Генрих III и был убит Жаком Клеманом, подосланным, кажется, герцогиней Монпансье, сестрой Генриха Гиза: молодому доминиканцу дали письмо к королю; со спрятанным под рясой отравленным ножом он пришел в неприятельский лагерь, попросил свидания с Генрихом III, вообще доверявшим монахам, и нанес ему смертельную рану в живот. Через несколько часов Генрих Валуа скончался, назначив своим преемником Генриха Бурбона (1589).

В католическом лагере радость по поводу убийства «тирана» была большая, а в церквях поминали как мученика, преданного казни царевубийцу. Сторонники Беарнца (как звали Генриха Бурбона) поспешили провозгласить его королем под именем Генриха IV, но Сикст V объявил, что не допустит его царствовать, если бы он даже отказался от ереси; Филипп II даже двинул во Францию целое войско под начальством Александра Пармского; лига тоже продолжала бороться и в 1593 г. собрала в Париже генеральные штаты, которым испанский посланник предлагал отдать французский пре-

стол дочери Филиппа II от его брака с Елизаветой Валуа с тем, чтобы будущая королева вышла замуж за одного из австрийских эрцгерцогов или за одного из Гизов, но это предложение не было принято.

Генрих IV продолжал мужественно бороться за свое королевское право, поддерживаемый Англией. Кроме энергии гугенотов, ему помогали всеобщее утомление и голод в осажденном Париже, боязнь испанских стремлений и раздробления Франции между вожжами лигистов, усиление партии «политиков» и памфлетная пропаганда, раскрывшая глаза нации на истинное положение дел, но только переход его в католицизм (1593) отворил ему ворота столицы (1594) и снял (1595) с него папское отлучение. Мы еще вернемся к тому, как Генрих IV восстановил королевскую власть во Франции, подавив в ней феодально-муниципальную реакцию, а о том, что Филипп II вынужден был (1598) заключить мир с Генрихом IV, сказано было прежде. Здесь мы ограничимся лишь отношениями нового короля Франции к вероисповедному вопросу и Нантским эдиктом, которым Генрих IV установил в своем государстве свободу протестантского вероисповедания.

Переход Генриха IV в католицизм был чисто политическим актом, т. к. «Париж стоил того, чтобы пойти на мессу» (*Paris vaut une messe*); рьяные католики поэтому не доверяли его обращению¹ и составляли заговоры на его жизнь. Первый из них относится к 1593 г., но он был своевременно открыт. В 1594 г. 19-летний воспитанник иезуитов Жан Шатель сделал покушение на жизнь Генриха IV, но только ранил его в верхнюю губу, и т. к. следствие показало, что в деле были замешаны иезуиты, то они и подверглись изгнанию (1594). Впоследствии (1604), впрочем, они были возвращены, т. к. Генрих IV считал более удобным удерживать иезуитов даже при дворе, чем подвергаться опасности тайного убийства. Вообще на жизнь Генриха IV составлялось несколько заговоров, и пал он наконец, как известно, от руки католика-фанатика Равальяка: он убил Генриха IV, когда тот собирался начать новую войну (1610), и убил, как были убеждены французы, по внушению испанского правительства. Дело в том, что Генрих IV возвратил Францию к антигабсбургской политике, и для его планов было весьма важно, что сам папа Климент VIII стал склоняться на сторону Франции, ища у нее поддержки против испанских притязаний, согласившись даже на развод Генриха IV с Маргаритой Валуа и выдав за него замуж свою племянницу Марию Медичи. У Испании с Францией и при Филиппе III продолжались натянутые отношения, весьма понятные, между прочим, при той помощи, какую французский король оказывал Голландии. Ею, между прочим, он вынудил испанского короля заключить известное перемирие 1609 г., как раз в то время, как готовилась новая борьба, и в Германии уже возникали протестантская уния и католическая лига. Дело в том, что в конце своей жизни Генрих IV хотел соединить

---

¹ См. соч. *Буше*, автора книги, написанной против Генриха III.

в одну большую антигабсбургскую коалицию — немецких, нидерландских, скандинавских и итальянских противников испанско-австрийского владычества. Сюлли, сподвижник Генриха IV, его первый помощник в управлении государством, в своих мемуарах сообщает даже целый выработанный план реорганизации Европы, будто бы имевшийся в виду королем, план разделить Западную Европу на 15 государств (шесть наследственных монархий, пять избирательных и четыре республики) с установлением религиозной равноправности и вечного мира посредством решения международных споров на общеевропейском конгрессе, но в настоящее время достоверность сообщения опровергается историками, исследовавшими этот вопрос¹. Несомненно только то, что в 1810 г. Франция была накануне войны против главной представительницы католической реакции и притом в союзе с протестантами. Кинжал Равальяка нанес удар Генриху IV как раз в наиболее удобную для реакции минуту: рьяные католики не могли простить Генриху IV его веротерпимости.

Генрих Бурбон, основатель новой династии во Франции и восстановитель королевской власти, которая при его преемниках сделалась вполне абсолютной, действительно упрочивал в государстве веротерпимость своим Нантским эдиктом, и внешняя политика его не могла быть иной, как антиреакционной. Это был *первый государь Нового времени, ставивший государственную идею выше вероисповедной исключительности и ограниченности*, пытавшийся устроить мирное сожительство граждан разных исповеданий в одном и том же государстве, хотя бы в этом деле он и имел предшественников в лице канцлера Лопиталья и «политиков», а знаменитый Нантский эдикт лишь повторял многие статьи прежних эдиктов о терпимости. В этом деле он имел против себя одинаково и католическую, и протестантскую нетерпимость, а за себя — лучших граждан обоих исповеданий, не делая между этими гражданами никакого различия при назначении на важные должности, так что современники даже удивлялись, видя кальвиниста Сюлли в качестве главного помощника католического короля. Переход самого Генриха IV в католицизм естественно должен был встревожить протестантов, в руках которых было, однако, около 200 укрепленных мест, и в 1594 г. они даже создали свою особую организацию, как бы гугенотскую республику во французском королевстве, а некоторые из них мечтали о том, чтобы иметь особого «протектора», хотя бы его пришлось искать в Англии или Голландии. Между вождями гугенотов и королем начались переговоры, во время которых первые требовали допущения ко всем должностям наравне с католиками, содержания их духовенства и школ на государственный счет, разрешения публично отправлять свой культ повсюду, равного числа католических и реформированных членов в парламентах и других судах и предоставления себе двухсот укрепленных мест с гарнизонами, содержимыми, однако, на государственный счет. Согла-

¹ См.: *Philippon. Westeuropa*, II, 482 и сл. — *Moritz Ritter. Die Memoiren Sullys und der grosse Plan Heinrichs IV.* — *Rott. Henri IV, les Suisses et l'Italie.*

шаясь на два первые требования, Генрих указывал на то, что в некоторых городах публичный протестантский культ положительно невозможен, т. к. вызвал бы немедленно католические восстания, что кальвинисты, составляя десятую часть населения, не могут претендовать на половину мест в парламентах и что прежние эдикты никогда не давали протестантам требуемого ими теперь количества крепостей. Недовольные гугеноты готовы были прибегнуть к посредничеству Англии и Голландии, но среди самих их не было единодушия, ибо кальвинистическое духовенство не хотело подчиниться дворянам, которые, в качестве сеньоров, играли роль в церковном управлении, и т. к. между гугенотской аристократией и буржуазией равным образом не было солидарности.

Наконец, только в 1598 г. издан был Нантский эдикт, почти целое столетие после этого (1598—1685) регулировавший положение французских кальвинистов. Он разрешал свободное отправление протестантского богослужения в дворянских замках (числом 3500) с прежними ограничениями, в двух городах каждого сенешальства или бальяжа, а также во всех городах и деревнях, где оно уже установилось раньше (до 1597). Он брал, далее, на казенный счет содержание кальвинистического духовенства и школ. За протестантами признавались все те же права, что и за католиками: из-за веры, например, родители не могли лишать детей наследства, насилуя тем их совесть. В каждом парламенте учреждалась особая смешанная палата (*chambre mi-partie, chambre de l'édit*) для рассмотрения спорных дел. Кальвинисты допускались к занятию всех должностей. Им разрешалось созывать религиозные собрания (консистории, синоды) и даже допускать на них иностранных единоверцев, которые, однако, не могли появляться на политических собраниях, равным образом разрешавшихся кальвинистам. Двести крепостей, бывшие в их руках, оставались временно (на 8 лет, потом еще на 4 года) в их распоряжении, как *places de sûreté*, и король обязывался содержать на свой счет их гарнизоны и ставить во главе их только кальвинистов, пока не найдет других средств для обеспечения свободы вероисповедания протестантов. *По Нантскому эдикту во Франции законным образом устанавливалась полная равноправность католиков и протестантов* — впервые в ту пору, когда в католических государствах преследовали протестантов, а в протестантских — католиков и других несогласно мыслящих, но эта религиозная свобода имела сословный оттенок в согласии с социальным строем государства и с сословным характером французской Реформации. Этот эдикт устанавливался властью абсолютного монарха в стране, где господствовала нетерпимость. Большая часть парламентов долго отказывалась вносить в свои реестры¹ Нантский эдикт. Население Парижа так-таки и не допустило протестантского храма в стенах своего города. В целых бальяжах, во множе-

---

¹ Droit d'enregistrement.

стве городов протестанты подвергли бы себя большой опасности, если бы только вздумали публично отправлять богослужение. Эта терпимость французского государства к гугенотам сохранилась даже тогда, когда они в двадцатых годах следующего века, при министре, бывшем в то же время католическим кардиналом (Ришелье), дважды восставали, обращались даже к иностранной (английской) помощи, были побеждены и затем лишены своей республиканской организации, своих политических собраний, своих крепостей: так называемым «эдиктом милости» (*édit de grâce*, 1629) высокий сановник Католической Церкви, как всесильный министр французского короля (Людовика XIII), тем не менее оставлял за протестантами их религиозные права и их равноправность в том размере, в каком их устанавливал Нантский эдикт, и это делал католический прелат относительно побежденных протестантов в том самом году, когда в Германии свирепствовала религиозная война и католическая реакция одерживала полную победу¹, — делал министр католического государства, вместе с тем державший на важных постах государственной службы кальвинистов. После двадцатых годов XVII в. гугеноты были уже совершенно мирными гражданами, и мало-помалу знатные фамилии, составлявшие прежде силу протестантизма, стали переходить в католицизм, так что реформированная религия сделалась религией мелких дворян и горожан, «мещанской верой». С самого же начала самостоятельного правления своего внук Генриха IV (Людовик XIV) начал стеснять права своих реформированных подданных (1665), а через двадцать лет после этого (1685), по истечении 87 лет после издания Нантского эдикта и 56 лет после его вторичного подтверждения он формально был уничтожен. В данном случае торжествовала не только католическая реакция, отнюдь не желавшая признавать во Франции существования протестантов, торжествовал и политический принцип: *cujus regio, ejus religio*. Веротерпимость устанавливалась во Франции абсолютной властью, видевшей, однако, в утверждавшейся ею свободе веры не естественное право личности, а дарование королевской милости (*édit de grâce*): потому власть считала себя вправе взять назад эту милость при общем сочувствии подданных — и это после того, как Тридцатилетняя война заставила Германию отказаться от этого права государей над совестью их подданных (по Вестфальскому миру 1648), а в Англии индипендентское движение середины того же XVII в. положило начало свободе совести на более прочной основе, чем согласие государства, именно на учении о том, что государство не должно и не может вмешиваться в дела веры. Впрочем, мы увидим, что и индипендентам пришлось искать гарантии свободы совести в военной организации.

---

¹ В 1629 г. вышел в свет так называемый Реституционный эдикт.

XXVII. Реакция в Германии и происхождение Тридцатилетней войны¹

Борьба католицизма с протестантизмом в первой половине XVII в. — Общий взгляд на историю Германии с 1555 по 1648 г. — Протестантская Германия во второй половине XVI в. — Раздоры католиков и протестантов из-за духовных владений. — Габсбурги и протестантизм в их владениях. — Иезуиты в Германии и начало реакции. — Фердинанд Штирийский и Максимилиан Баварский. — События в габсбургской монархии при Рудольфе II и Матфии и сравнение их с событиями в других странах. — Начало чешского восстания. — Бавария при Максимилиане I. — Нападение на Донауверт. — Уния и лига в Германии.

Эпохой издания Нантского эдикта в один год со смертью главного вождя католической политики в почти полувековое его царствование, за которой скоро последовали: кончина главной его соперницы, освободившая английский престол для шотландской династии Стюартов, признание преемником Филиппа II самостоятельности части восставших против него Нидерландов и убийство французского короля, который начал свою политическую карьеру в качестве главы протестантской партии, — этой эпохой можно окончить второй отдел реформационного периода, начавшегося с Аугсбургского религиозного мира, вообще с той поры, когда произошло быстрое распространение кальвинизма и параллельно с этим возникла и организовалась католическая реакция. Папство, Филипп II, Гизы потерпели неудачу в своих стремлениях, направленных против протестантизма в Шотландии, Франции, Нидерландах и Англии, несмотря на иезуитские интриги, на террор Альбы, на Варфоломеевскую ночь, на Непобедимую армаду. В первой половине XVII в. реакция делает новую попытку подавить протестантизм, но на этот раз главной сценой борьбы делается Германия, главными представителями католицизма — австрийские Габсбурги, а на защиту протестантизма выступает Швеция, т. е. в первой половине XVII в. на новой сцене и с новыми действующими силами

---

¹ Специальная литература по истории Германии во второй половине XVI в. указана в главе XXIII, а также в следующей главе. Для истории последних годов XVI и начала XVII в. см.: *Muffat*. Die Verhandlungen der protestantischen Fürsten in den Jahren 1590 und 1591 zur Gründung einer Union. — *M. Ritter*. Geschichte der deutschen Union von den Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaisers Rudolfs II. — *Hurter*. Geschichte Kaisers Ferdinands II und seiner Eltern. — *A. Gindely*. Geschichte der Ertheilung des böhmischen Majestätsbriefes. — *Stieve*. Die Politik Bayerns. — Die Reichsstadt Kaufbeuren und die bayerische Restaurationspolitik. — *M. Lossen*. Die Reichsstadt Donauwörth und Herzog Maximilian. — *Stieve*. Der Kampf um Donauwörth. — *Egloffstein*. Der Reichsstadt zu Regensburg im Jahre 1608. — *Ritter*. Sachsen und der Jülicher Erbfolgestreit. — Литература по истории Тридцатилетней войны весьма обширна. Не считая старого (1793)

повторяется все та же борьба католицизма и протестантизма, которая во второй половине XVI в. происходила в странах более отдаленного Запада, конечно, с отличиями, вытекавшими из местных причин и особых обстоятельств исторического момента. О связи между обеими эпохами религиозных войн сказано было выше, и мы не будем возвращаться к этому предмету.

История Тридцатилетней войны, как международной борьбы, в которой участвовала почти вся Западная Европа и выступали не только религиозные противоположности, но и политические интересы разных стран, и вместе с тем как история происходившего в Германии междоусобия, в котором играли роль не одна распря между католиками и протестантами, а и столкновение князей с императором, и своекорыстные стремления отдельных княжеств, отличается крайней сложностью, тем большей еще, что эта последняя борьба двух враждебных вероисповеданий, втянувшая в войну многие страны с их особыми интересами и сделавшая ее театром Германии, подготавливалась издавна и притом не только в связи со сложными и без того отношениями между разными европейскими государствами, но и в связи с довольно запутанными отношениями, существовавшими в самой Германии. Одно это должно было бы заставить нас ограничиться лишь общим очерком этой войны, т. к. малейшая попытка войти в большие подробности неминуемо повлекла бы за собою необходимость слишком расширить рамки нашего изложения. Но есть и другие причины, которые позволяют нам предпочесть общий обзор более подробному рассказу. Судьба религиозной Реформации и вместе с этим политического устройства Германии была решена уже в первой половине XVI в., так что вся дальнейшая история Германии заключалась уже в постановлениях Аугсбургского мира 1555 г., узаконившего разделение и Германии на католическую и протестантскую, и преобладание в ней княжеской власти: в сущности, ни события второй половины XVI в., ни Тридцатилетняя война не изменили этого положения, хотя католической реакции и тут удалось одержать немало побед над протестантизмом. К середине XVI в. выяснился и характер немецкой Реформации, когда в других странах только что начиналось кальвинистическое движение, благодаря чему в истории реформационного движения до пятидесятих

сочинения Шиллера, имеющегося и по-русски (*Schiller. Geschichte des dreiszigjährigen Krieges*), укажем на соч. Richter'a, Barthold'a (*Gesch. des grossen deutsch. Krieges*), M. Ritter'a (*Deutsche Gesch. im Zeitalt. der Gegenreform. und des dreiszigjähr. Kr.*), Droysen'a (*Das Zeitalt. des dr. Kr. in Weltgeschichte Onkena*), Gardiner'a (*The thirty years war*), Charvériat (*Histoire de la guerre de Trente ans*), Droysen'a (*Gesch. der preusz. Politik*, соответственные отделы), но самая подробная история Тридцатилетней войны начата Gindely (*Gesch. des dr. Kr.*, первые три тома которой посвящены чешскому восстанию), написавшим и более краткую историю всей войны. Кроме того, существует масса сочинений биографического и монографического характера, и один так называемый «валленштейновский вопрос» имеет целую специальную литературу, о чем см. обширное примечание проф. В.П. Бузескула в III т. «Лекций по всемирной истории» Петрова. Эти биографии и монографии указываются ниже.

годов XVI в. главный интерес сосредотачивается на Германии, после этого времени — на государствах более отдаленного Запада. Политические и социальные движения под знаменем религиозных идей равным образом распределяются так, что в Германии они относятся преимущественно к двадцатым годам XVI в., в других государствах — лишь ко второй половине этого столетия. В Германии оставался нерешенным только один вопрос — об отношении между императором и князьями, но ему суждено было, по условиям немецкой политической жизни, решаться не общественными силами, а самими правительствами, а это-то именно и произошло во времена Тридцатилетней войны, почему в немецкой усобице первой половины XVII в. почти не было *того* политического элемента, который отразился на кальвинистической политической литературе в Шотландии, Франции и Нидерландах, т. к. политическая оппозиция возникла главным образом только в Австрии, да в не немецких Венгрии и Чехии. Если уже указывать на страну, представляющую наибольший интерес в этом последнем отделе реформационного периода, то такой страной будет Англия, где только в первой половине XVII в. происходит религиозно-политическое движение, аналогичное тем, какие были в Германии в первой половине XVI в., в Шотландии, Франции и Нидерландах — во второй половине того же столетия: здесь именно получает развитие новая форма протестантизма (индепендентство) и совершается борьба в его собственных недрах (Англиканская Церковь, пресвитерианство и индепендентство), перед которой бледнеют богословские споры в Германии и Нидерландах и раздоры лютеран с кальвинистами в первой стране или двух фракций кальвинизма в другой¹, а одновременно с этим происходит и такое столкновение нации с королевской властью, в сравнении с которым не могут идти ни события немецкой политической истории в первой половине XVI в., ни политическая борьба в Шотландии и Франции и даже в Нидерландах. Вот почему главный интерес реформационного движения, сосредоточенный в первой половине XVI столетия на истории Германии, во второй — на истории Шотландии, Франции и Нидерландов, в XVII веке сосредотачивается на истории Англии. Затем у Тридцатилетней войны остается ее значение в общеевропейской международной политике, но решительное преобладание, даваемое нами внутренней истории перед внешней, заставляет нас останавливаться на последней главным образом лишь по ее отношению к внутреннему культурно-социальному развитию, бывшему в занимающую нас эпоху преимущественно развитием религиозно-политическим. Наконец, самый план, положенный в основу нашего изложения, не позволяет останавливать-

---

¹ В Голландии Арминий, проф. Лейденского университета, начал смягчать суровое учение Кальвина (догмат о предопределении, теократические стремления, религиозную нетерпимость), но встретил отпор в другом профессоре того же университета Гомаре, рьяном кальвинисте. В Голландии образовались партии арминиян и гомаристов, разделявшие и в политическом отношении и ведущие между собой ожесточенную борьбу.

ся особенно подробно на том, что в целом исторической эволюции не имеет первостепенного значения. Важно в немецкой истории особенно только то, что имеет отношение к истории веротерпимости, и лишь это заставляет нас предположить истории Тридцатилетней войны очерк событий в Германии от Аугсбургского мира до ее начала.

Протестантизм продолжал усиливаться и распространяться в Германии и после названного религиозного мира, но вместе с этим стала, между прочим, усиливаться и католическая реакция, преимущественно благодаря иезуитам, о которых император Фердинанд I (1556—1564) говорил, что лишь они одни были бы в состоянии спасти «жалкие остатки» (*reliquia miserabilia*) католицизма. Успеху этой реакции, которая довела и Германию до страшной религиозной войны, весьма много содействовало то, что происходило в самом немецком протестантском мире. *Главные явления в истории немецкого протестантизма во второй половине XVI в. сводятся к деспотическому вмешательству князей в церковные дела, к утверждению в лютеранизме сухого формализма и нетерпимости и к мелочным богословским спорам и религиозным раздорам.* «*Cuius regio, ejus religio*» открывало широко дверь княжескому произволу: пфальцские курфюрсты не один раз меняли религию, переходя из лютеранства в кальвинизм и обратно и заставляли своих подданных следовать за ними; князья вводили у себя несколько отличные одна от другой формулы веры, переходя от одной к другой, принуждая население принимать эти формулы и запрещая у себя полемику против установленного церковного порядка, который, однако, ничем не гарантировался от новых изменений; если князья входили в соглашения между собой, то на подданных это отражалось новыми религиозными притеснениями. Рядом с княжеским произволом действовала теологическая нетерпимость. Гуманистическое направление, какое принимала духовная культура немецкой нации, еще ранее начинало уже уступать место направлению схоластическому, которое проникло в лютеранскую теологию, но теперь мертвый формализм все более и более начинал господствовать над умами, направлявшими свою деятельность на разрешение религиозных вопросов, суживая последние, внося в их разработку схоластицизм, выдвигая на первый план мелочи; помимо же теологических вопросов, мало чем интересовались в это время, так что уже тогда и в самом протестантском мире начиналось то понижение культуры, которое окончательно было произведено католической реакцией и тридцатилетним междоусобием. При таком направлении церковная кафедра служила не столько делу религиозно-нравственного просвещения народа, сколько теологической полемике с противномыслящими, да и вообще споры между теологами разных оттенков овладевали общественным вниманием, благодаря развитию богословско-полемической литературы, приучая, конечно, и светское общество к формализму, мелочности и нетерпимости. Последняя была особенно велика в лютеранском лагере. Вражда, какой еще Лютер встретил

цвинглианство, была теперь перенесена на кальвинизм, который стал распространяться также и в Германии, несмотря на то что Аугсбургский мир давал равноправность с католиками лишь одним лютеранам, прямо исключив из нее реформатов. По смерти Лютера Меланхтон¹ сделался главным представителем лютеранизма, но его уступчивость кальвинистам не только в безразличных формальностях, но и в толковании евхаристии вызвала против него и «филиппистов» (т. е. его последователей, т. к. его имя было Филипп) оппозицию правоверных лютеран. Центром последней сделался Иенский университет, во главе фанатиков которого стал некий Флаций²: эта полемика иенских и виттенбергских богословов, вполне соответствовавшая вражде эрнестинской, альбертинской саксонских княжеских линий, подданными которых были противники, еще более усилилась, когда Меланхтон отступил от учения Лютера о благодати, допустив, что собственное влечение человеческой воли содействует ее получению (синергизм). В этой и других подобных распрях принимали участие и князья, и имперские города: например, с Бременом за склонность его к кальвинизму, который и был там введен, некоторые города разорвали свои торговые договоры. Когда курфюрст пфальцкий Фридрих III принял кальвинизм («Гейдельбергский катехизис», 1563), лютеране на Имперском сейме потребовали исключения его из числа государей, которым миром 1555 г. гарантирована была защита от религиозных врагов, а ортодоксальные богословы стали особенно неистовствовать против «филиппизма», или «скрытого кальвинизма» (криптокальвинизма), продолжавшего существовать и по смерти Меланхтона (1560) и даже утвердившегося в курфюршестве Саксонском (*Corpus doctrinae Philippicum sive Misnicum*, т. е. Мейсенский). Эти богословы разъяснили ничего не понимавшему в теологии курфюрсту Августу, что он губит душу свою ересью, и вот началась в Саксонии страшная лютеранская реакция против яда кальвинизма с изгнаниями, тюремными заключениями, пытками и т. п., ибо курфюрст «хотел, как сам он объявил, держать лишь таких слуг, которые исповедуют ту же веру, что и он». Лютеранским раздорам соответствовали кальвинистические в Пфальце, где суровый женеvский режим вызвал против себя оппозицию, встретившую сочувствие в Англии и Шотландии³, и где фанатики обвиняли своих противников в социнианизме. После того как умер курфюрст Пфальцкий Фридрих III, введший у себя кальвинизм, а его преемник, Людвиг, возвратил свое княжество лютеранизму, главные богословские представители последнего составили «формулу согласия» (*Concordienformel*) в духе строгой ортодоксальности и предложили ее принять князьям и городам, но на нее не соглашались отдельные свя-

¹ *Hartfelder K.* Philipp Melanchton.

² *Preger.* Mathias Flacius Illiricus und seine Zeit.

³ Фанатики и там называли менее суровых кальвинистов эрастианцами, по имени гейдельбергского профессора и врача Эраста.

шенники и богословы в княжествах и городах, ее подписавших, как и некоторые князья и города. Это не помешало обнародовать формулу в Дрездене (1580) с подписями 86 государей и городских правительств, а введению ее сопровождаться новыми преследованиями несогласно мыслящих. Вскоре Людвиг Пфальцкий умер, и опекун малолетнего его преемника снова перевел его княжество из лютеранства в кальвинизм; затем и саксонский курфюрст, женившись на дочери князя Ангальтского, который отверг формулу, стал менее ревностно ее поддерживать, за что лютеранские фанатики стали осыпать его бранью. Таковы были отношения в протестантском мире в первые же десятилетия после религиозного мира. *Для католической реакции было как нельзя более на руку такое состояние протестантизма*, и если тем не менее последний продолжал распространяться, то, с одной стороны, это указывало на еще большее разложение, господствовавшее в католицизме, а с другой — объяснялось существованием некоторых выгод, сопряженных с переходом в протестантизм. Кроме того, *раздоры в протестантском лагере объясняют нам недружное его действие в начале Тридцатилетней войны, новые же переходы в протестантизм были одной из причин особого ожесточения католиков*. С самого религиозного мира между католическими и протестантскими чинами империи происходили именно пререкания из-за секуляризации. Дело в том, что Аугсбургский мир утвердил лишь те ее случаи, которые были совершены до Пассауского договора (1552), но относительно других определенного постановления не было, и только император личным своим распоряжением объявил, что духовный князь, переходящий в протестантизм, утрачивает вместе с саном и соединенные с ним владения: вот католики и настаивали на этом правиле, утверждая, что протестант не может быть епископом или аббатом, а протестанты говорили, что епископы и аббаты владеют землями не как духовные сановники, а как имперские князья, которым никто не может помешать переход в протестантизм. Отсюда возникала масса споров, т. к. церковные земли то и дело переходили в руки протестантов. Но распри до войны еще не доходили; только неудовольствие накапливалось среди одних на существование статьи, мешавшей, хотя чисто теоретически, распространению протестантизма, среди других — на частые нарушения этой статьи.

Брат Карла V, выбранный после него в императоры, и сын последнего Максимилиан II (1564—1576) были миролюбивы и веротерпимы, первый, наученный опытом старшего брата, второй, возбудив даже предположение о возможности своего перехода в аугсбургское исповедание. По всей вероятности, от этого шага Максимилиана II воздерживали не религиозные причины: Священная Римская империя немецкой нации была связана с Католической Церковью; сам Максимилиан, как Габсбург, как двоюродный брат Филиппа II, женатый на дочери Карла V и выдавший свою дочь Анну за испанского короля, подчинялся шедшему из Мадрида политиче-

скому влиянию; далее, католики указывали ему на то, что отступление от Св. Церкви ведет за собой раздоры, ссылаясь на религиозные войны, на распри лютеран с кальвинистами; наконец, и та политическая борьба, какую в его время вели протестанты вне Германии против своих государей, не могла, конечно, располагать императора в пользу разрыва с Церковью. Тем не менее он отличался веротерпимостью и даже ходатайствовал перед Филиппом II за более мягкую политику в Нидерландах, а курфюрсту Саксонскому советовал быть снисходительнее по отношению к криптокальвинистам. Благодаря такому отношению габсбургских государей к религиозному вопросу, протестантизм распространялся в собственных их владениях, и *продолжай преемники Фердинанда I и Максимилиана II действовать в их духе, габсбургская политика раздвоилась бы и одной из побед католической реакции было то, что она перетянула австрийских Габсбургов на сторону испанских*. Но и другие германские государи этого времени отличались веротерпимостью, и даже в Баварии герцог Альбрехт, зять Фердинанда, позволял протестантское богослужение и сам слушал проповеди одного лютеранского пастора, долго жившего при дворе Максимилиана II, — в той самой Баварии, которая раньше была против Реформации, а позднее сделалась главой католической лиги. *Вообще католики до усиления иезуитской реакции отличались в Германии меньшей нетерпимостью, чем сами протестанты*: и на первых Габсбургах младшей линии это положительно сказывалось, и везде строгий католицизм держался так плохо, что всей Германии пророчили со временем переход в протестантизм, — отвращавший теперь многих своей нетерпимостью и своими раздорами.

Распространение нововерия в габсбургских владениях — факт вдвойне интересный: он свидетельствует о терпимости государей, а с другой стороны, имеет близкое отношение к возникновению Тридцатилетней войны¹. В Чехии, выбравшей в свои короли (1526) Фердинанда, уже раньше существовало близкое к протестантизму иноверие (гуситство), даже сильно поднявшее голову во время Шмалькальденской войны, а при Максимилиане II большинство дворян и горожан уже не были католиками. И в Венгрии, тоже принявшей габсбургского короля в лице Фердинанда, при нем и при его сыне большие успехи сделали лютеранство — среди немецких колонистов — и кальвинизм — среди самих мадьяр, среди магнатов, мелкого дворянства и городов. Ко времени вступления на престол Рудольфа II (1576) почти все дворянство и почти все города Нижней и Верхней Австрии также исповедовали протестантскую веру. В Штирии, Каринтии, Крайне равным образом было много протестантов. Максимилиан II положительно удостоверял ненарушимость свободы аугсбургского богослуже-

¹ По истории Австрии есть, конечно, отдельные сочинения, между которыми см. нем. ист. Krones'a, A. Huber'a и др., на французском языке Leger. Сочинения по истории Реформации в Чехии и Венгрии указаны выше.

ния в эрцгерцогстве Австрии и утраквистского в землях чешской короны, а в Штирии, Каринтии и Крайне сделал то же самое его брат Карл, которому достались эти земли¹, отец Фердинанда Штрийского, одного из героев Тридцатилетней войны.

Со вступлением на престол Рудольфа II (1576) отношение императорской власти к иноверию изменилось. При этом вялом и апатичном государе, занимавшемся только астрологией и алхимией, католическая реакция была уже в полном ходу, подготовленная предшествовавшей деятельностью иезуитов, которые перед этим имели в своем распоряжении целую четверть века, пользуясь всеми средствами для борьбы с протестантами и для воспитания будущих борцов за интерес католицизма. Сначала Бавария, где они овладели Ингольштадским университетом, потом Австрия, в которой они захватили столичный университет, под их влиянием пошли по дороге реакции. В Баварии началось гонение на все протестантское, и дозволенная для мирян чаша была опять отнята у народа², а протестантские депутаты не были более допускаемы на заседания ландтага (1563). В Ингольштадтском университете воспитались и два главные деятеля Тридцатилетней войны, двоюродный брат Рудольфа II Фердинанд Штирийский (впоследствии император) и Максимилиан Баварский (впоследствии глава католической лиги), еще в молодых годах поклявшиеся истреблять протестантизм. В 1596 г. 18-летний Фердинанд сделался Штирийским князем, съездил в скором времени после этого в Италию, посетил Лоретто, где перед знаменитой иконой Богородицы дал клятву в вечной ненависти к еретикам и, приехав в Грац, запретил протестантское богослужение, прогнал проповедников, отнял должности у лютеран, заставил своих подданных или переходить в католицизм, или выселяться, говоря, что свобода вероисповедания, данная его отцом местному дворянству, была личной уступкой покойного, отнюдь для него самого необязательной. Так смотрел на дело и Рудольф II, еще ранее начавший искоренение протестантизма в Австрии, Чехии и Венгрии. В Австрии протестантские члены ландтагов (верхнеавстрийского и нижнеавстрийского) даже заключили между собой союз (1603) для защиты своей свободы, на что католики ответили своим союзом (1605). В Чехии, кроме католицизма, допускался только утраквизм, согласный с базельскими компактами. В Венгрии произошло даже национальное восстание, и мадьяры обратились с просьбой о защите к туркам. Сами габсбургские принцы нашли нужным отнять у Рудольфа правление в пользу его брата Матфея, и т. к. сословные чины отдельных частей

¹ Фердинанд I отдал Максимилиану II Венгрию, Богемию и Австрию, которые не должны были одно от другого отделяться, второму сыну — Тироль с юго-западными владениями в Германии, а третьему сыну (Карлу) — Штирию, Каринтию, Крайну Герц. Рудольф II и Матфей, царствовавшие после Максимилиана II, были его сыновья, а Фердинанд II — сын Карла Штирийского от брака с Изабеллой Баварской, теткой Максимилиана Баварского. Это примечание необходимо для понимания последующего.

² Об этом эпизоде: *Knöpfler A. Die Kelchbewegung in Bayern unter Herzog Albrecht V.*

монархии становились также на сторону последнего, то, чтобы удержать за собой хоть Чехию, Матфий дал ей знаменитую грамоту величества.

Таким образом, в самом габсбургском доме в Австрии произошел разлад, и католическая реакция от этого проигрывала. Рудольф II вынужден был (1608) формально уступить Матфию все свои владения, кроме Чехии, и объявить его своим наследником в последней, а Матфий, со своей стороны, должен был подтвердить религиозные и политические права венгерского дворянства и дать (1609) австрийским протестантам грамоту («резолюцию»), по которой все жители эрцгерцогства Австрии получали свободу вероисповедания, а дворяне, сверх того, и свободу богослужения в своих имениях. Чехов Рудольф II удержал за собой только обещанием отдать на рассмотрение их сейма религиозный вопрос; сначала он не соглашался было на сделанные ими предложения, но чехи приготовились к восстанию, и Рудольф II уступил, подписав составленный сеймом акт, получивший название «грамоты величества» (1609). Этим законом католики, утратившие (под которыми разумелись в Чехии и протестанты других вероисповеданий) и чешские братья сравнивались в правах с католиками без различия сословий, в обеспечение же этого акта чехи-протестанты получили право выбрать комитет из 24 дефенсоров (по 8 от трех сословий), которые не только управляли бы их религиозными делами (и Пражским университетом), но и могли бы созывать представительное собрание своих едиоверцев, собирать войско и взимать налоги для его содержания. В этих событиях, происходивших в габсбургских владениях в самом начале XVII в., нельзя не видеть аналогии с тем, что совершалось в других государствах во второй половине XVI в., где католические правительства толкали протестантских подданных на путь политической оппозиции и где реформационное движение сопровождалось сопротивлением сословно-представительных учреждений королевскому абсолютизму. В частности, религиозная свобода и тут, как и во Франции, получала сословный характер, для обеспечения же прав, данных чешским протестантам грамотой величества, Рудольф II вынужден был им дать особую гарантию, признав целую политическую их организацию, согласившись на учреждение сословного комитета дефенсоров. Чешское движение приняло особенно оппозиционный характер. В конце концов чехи отложились и от Рудольфа II, сделав королем своим Матфия (1611), хотя и ошиблись в расчете, думая, что он передаст правление протестантам. Рудольф II, всеми покинутый, умер в 1612 г. Курфюрсты избрали в императоры Матфия, царствование которого собственно в габсбургских землях прошло в пререканиях с областными чинами, стремившимися отстоять свободу от абсолютизма, т. к. Матфий думал утвердить его в своей монархии, предпринимая и меры, направленные к стеснению религиозной свободы. Для спасения владений габсбургского дома от грозившего монархии распада австрийские эрцгерцоги назначили Матфию опекуна в лице Фердинанда

Штирийского, как наиболее способного из всех габсбургских принцев, но он начал применять и в Чехии те меры, которые уже с успехом проводились им в Штирии. Известно, что в 1618 г. он приказывал в Чехии разрушить одну протестантскую Церковь, а другую закрыть после ряда других мер, указывавших на крайне реакционные намерения правительства. Это заставило дефенсоров созвать представителей чешских протестантов на совещание о средствах, к каким нужно было бы прибегнуть для защиты религии. Решили сначала жаловаться правительственному совету, оставленному Матфием в Праге, после отказа с его стороны послали жалобу самому королю, но ответ его заключал в себе порицание протестантскому съезду за его поведение и запрещение его повторять с угрозой принять строгие меры против повторения незаконных поступков. Дефенсоры тем не менее созвали второй съезд, и тогда произошла знаменитая «дефенестрация» двух членов совета, Мартиница и Славаты, которых подозревали в том, что ими были внушены королевские распоряжения и ответ на жалобу съезда. После этого протестантский съезд принял на себя права чешского сейма и, уверяя в своих верноподданнических чувствах, послал Матфию оправдание своих поступков тем, что действовал он таким образом не против него, а против нарушителей их религиозных прав. Во главе этой оппозиции стояли магнаты и дворяне, — причем от протестантов не отставали и католики, — а затем к восстанию, начатому аристократией, примкнули и горожане. В самом начале чешской революции, сделавшейся, как известно, началом Тридцатилетней войны, умер (1619) Матфий, и почти одновременно курфюрсты выбрали в императоры Фердинанда Штирийского (28 августа 1619), а чешский сейм низложил его с престола Чехии и передал королевскую власть (сильно ограниченную в пользу сейма) курфюрсту Пфальцскому Фридриху V. Таким образом, *в начале XVII в. австрийские Габсбурги своим католическим фанатизмом и стремлением к абсолютизму довели часть своих подданных до открытого восстания и даже до отложения от их власти*, и если чешские события, приведшие при Рудольфе II к грамоте величества, были как бы повторением того, что происходило во Франции в эпоху религиозных войн, то в восстании 1618 г. Чехия шла уже по стопам Нидерландов, низложив австрийского Габсбурга и выбрав на его место другого государя совершенно так же, как четырем десятилетиями раньше поступили нидерландские генеральные штаты, когда объявили испанского Габсбурга лишенным власти и призвали для своей защиты Вильгельма Оранского, сильно ограничив власть нового правителя. Но чехи, боровшиеся за религиозную и политическую свободу, не были так счастливы, как голландцы: союзников и помощников у них не было, тогда как Фердинанд II мог рассчитывать на помощь Испании¹ и Польши, на нейтралитет Франции, правительство которой

¹ Испанскими Нидерландами в это время правил эрцгерцог Австрийский Альбрехт (ум. 1621), младший брат Рудольфа II и Матфия, следовательно, кузен Фердинанда II.

(Людовик XIII) не хотело воспользоваться затруднительным положением Габсбургов, ибо видело в чехах мятежных подданных и врагов Католической Церкви; сверх того, Фердинанд был выбран в императоры, что заинтересовало в чешском деле Германию, а здесь тогда уже существовала грозная католическая сила в виде лиги князей под главенством Максимилиана Баварского. Начавшаяся война не могла быть локализована в одной Чехии: она должна была сделаться сначала общегерманской, потом общеевропейской.

Пока происходило подавление протестантизма при Рудольфе II и Фердинанде Штирийском в габсбургских владениях, в католической Германии также усиливалась реакция, пример которой, как мы видели, был подан Баварией. Выше был уже назван¹ двоюродный брат Фердинанда II Максимилиан Баварский, учившийся у иезуитов в Ингольштадтском университете. Еще очень молодым человеком (20 лет) он побывал в Риме, чтобы представиться папе и поговорить с ним о делах Церкви, а когда ему исполнилось 24 года (1597), отец его Вильгельм V, уже начавший реставрацию католицизма в Баварии, передал ему управление этим герцогством. Молодой князь Максимилиан I оказался искусным правителем, улучшив администрацию, поправив финансы, набрав войско из своих подданных, а не из наемников, что было удобнее, но вместе с этим подчинил всю жизнь страны как полицейскому надзору своим правительственным уставом (*Landrecht-, Polizei-, Gerichts- und Malefiz-Ordnung* 1616), так и иезуитской опеке; при нем быстро гегемония в католической Германии перешла к Баварии от Австрии. Скоро он стал внушать опасения протестантам. Лютеранский город Донауверт, некогда принадлежавший Баварии, но давно уже (с императора Альбрехта I) сделавшийся имперским, имел в своих стенах независимый от местной власти католический монастырь, подчинявшийся епископу Аугсбургскому. Аббат этого монастыря возобновил крестные ходы по улицам, отмененные его предшественником во избежание неприятностей, венский *Reichshofrath*, конкурировавший с имперским судом, без всякого права предписал городским властям не мешать этим процессиям под страхом наказания, но однажды (1606) между католиками, пришедшими из окрестностей, и протестантскими жителями города во время подобного хода произошла драка, вследствие чего Максимилиан захватил (1607) город и поставил в нем свой гарнизон. Это дело послужило предметом раздора между протестантскими и католическими чинами на собравшемся в 1608 г. Имперском сейме. В том же году протестантские князья заключили между собой унию, сделав ее директором и главнокомандующим ее войсками курфюрста Пфальцкого Фридриха IV (14 мая), а через два месяца (10 июля) в Мюнхене была заключена Максимилианом с соседними духовными князьями католическая лига, к которой, спустя шесть недель присоединились духовные курфюр-

---

¹ См.: *Aretin*. Geschichte des Kurfürsten Maximilians I.

сты, потом и Фердинанд Штирийский, в следующем же году лига признала протектором своим испанского короля, который обязался давать ей денежную субсидию, хотя фактическим распорядителем ее сил был по-прежнему Максимилиан Баварский, положивший начало союзу. Таким образом, *в начале XVII в. Германия возвращалась к политике, которая привела ее к Шмалькальденской войне*, и между обеими враждебными силами, т. е. между унией и лигой, чуть было не вспыхнула общая война тогда же по следующему поводу. В 1609 г. умер бездетным владеец территории, состоявшей из трех герцогств (Юлихского, Клевского и Бергского) и двух графств (Маркского и Равенсбергского). Из-за наследства начались споры, но младший брат Фердинанда (тогда еще герцога Штирийского) Леопольд захватил Юлих и стал просить помощи у духовных курфюрстов и Испании, но уния, увеличившаяся присоединением новых членов, решила этому воспрепятствовать, точно так же, как и Генрих IV, не желавший допустить усиления Габсбургов; поэтому уния и Генрих IV соединились вместе, а у французского короля союзниками были голландцы и герцог Савойский, да Иаков I Английский обещал еще свою помощь. Война уже началась нападением трех князей (Ансбахского, Пфальцкого, Баденского) на соседних духовных владетелей, и французская армия двинулась уже на Юлих, но не на этот раз суждено было разгореться пожару. Перед самым отъездом Генриха IV в Германию кинжал Равальяка положил конец его жизни, а Мария Медичи, правительница Франции в малолетство Людовика XIII, изменила направление политики мужа; Иаков I помощи не оказал; глава унии скончался, и враждующие стороны заключили перемирие, а юлихские владения достались курфюрсту Брандербургскому и пфальцграфу Нейбургскому, рассорившимися между собой и начавшими новую войну, в которую вмешались было Испания и Голландия, но она скоро прекратилась (1614)¹. В 1613 г. был последний Имперский сейм перед Тридцатилетней войной. Избрание чехами в 1619 г. в короли молодого Фридриха V Пфальцкого, главы унии, и обращение Фердинанда II за помощью к главе лиги, Максимилиану Баварскому, которому за содействие в борьбе с чехами и с курфюрстом Пфальцским обещались всякие блага и между ними курфюршество Пфальцское, — были ближайшими поводами того, что чешская революция 1618 г. сделалась началом Тридцатилетней войны.

---

¹ Это факт довольно важный в истории Брандербурга, будущей Пруссии. *Ritter. Sachsen und der Jülicher Erbfolgestreit.*

XXVIII. Тридцатилетняя война

Деление Тридцатилетней войны на периоды. — Чешская война. — Причины поражения чехов. — Реакция в Пфальце. — Датская война и Валленштейн. — Реституционный эдикт. — Отставка Валленштейна и выступление Швеции. — Густав Адольф в Германии. — Вторичное появление Валленштейна. — Гейльброннский союз. — Катастрофа Валленштейна. — Французское вмешательство. — Вестфальский мир. — Результаты Тридцатилетней войны. — Заключение к оконченному отделу.

Тридцатилетняя война была порождением католической реакции. Восстание чехов было вызвано начавшимися религиозными притеснениями, шедшими рука об руку с попытками уничтожения политической свободы. Если Чешская война сделалась началом борьбы во всей Германии, то лишь потому, что там давно готовилось вооруженное столкновение католиков с протестантами, подготовленное иезуитской реакцией. Наконец, вмешательство других государств в германскую распрю объясняется, кроме причин чисто политических, и тем, что в тогдашней Западной Европе продолжалось еще разделение всех государств на два лагеря, из которых агрессивным характером отличался лагерь католический. Обыкновенно историю Тридцатилетней войны делят на периоды, которых можно установить четыре. Первым нужно считать чешско-пфальцский: он окончился победой императора и католиков над Чехией и курфюрстом Пфальцским, принявшим чешскую корону, что вызвало иностранное вмешательство, и тогда начался датский период, т. к. во главе протестантских сил в Германии стал датский король Христиан IV. За новой победой Габсбургов и католицизма последовало шведское вмешательство, и третий период называется поэтому шведским, последний же — французским, по участию в войне и Франции. В самом начале войны возобновилась и прерванная перемирием 1609 г. борьба Голландии с Испанией.

Чешское восстание 1618 г. сперва имело успех, тем более что к чехам присоединились моравские, силезские и лужицкие земские чины, сами чехи набрали войско, а Фердинанд II не был готов к нападению. Глава восстания, граф Турн, сделанный главным начальником чешского ополчения, и граф Эрнст Мансфельд, присланный чехам с войском от курфюрста Пфальцского, вели войну так, что первый из них подступил в самой Вене, где, кроме того, и австрийские подданные Фердинанда II сильно волновались, но одно поражение войска Мансфельда, открывшее армии Фердинанда II путь к Праге, заставило гр. Турна отойти из-под Вены. Для Фердинанда II было настоящим спасением, что среди таких обстоятельств его выбрали в императоры. В то время другого серьезного кандидата на престол не было после того, как Максимилиан Баварский отказался от кандидатуры, а он еще все-таки мог быть опасным соперником: Германия по привычке не покидала

Габсбургского дома в трудном положении, хотя это влекло за собой войну для самой Германии. Чехи между тем низложили Фердинанда II и выбрали Фридриха Пфальцкого. За двести лет перед этим в подобных же обстоятельствах, когда в их стране происходила Гуситская революция, они обращались за помощью и с предложением короны к королю родственной польской нации, но теперь на польском престоле сидел фанатик Сигизмунд III, лишившийся шведского престола, мечтавший возвратить его, чтобы ввести в Швеции католицизм, и бывший в союзе с Габсбургами, которым он охотно отдал бы самое Польшу, если бы только они помогли ему возложить на свою голову шведскую корону. Выбор чехов остановился на главе протестантской унии в Германии именно потому, что они рассчитывали на помощь унии, но выбор этот был неудачен, и новые подданные Фридриха Пфальцкого должны были разочароваться в нем. Курфюрст был человек легкомысленный и думавший больше о блеске торжеств, ожидавших его в Праге, чем о серьезности политического положения. Он принял чешскую корону, но скоро сумел новых подданных вооружить против себя, оскорбив чешских панов своим обращением и предпочтением, оказывавшимся немцам, и возбудив неудовольствие народа кальвинистической резкостью в отношении к чешскому культу. Он согласился сделаться королем вопреки советам многих членов унии, других курфюрстов и Иакова I Английского, на дочери которого был женат. Уния помощи Фридриху не оказала: в ней не было настоящего единодушия; в чехах ее члены видели мятежных подданных; сам Фридрих Пфальцкий делался в их глазах мятежником против императора. Англия также не могла оказать помощи, на которую рассчитывали, тем более что Иаков I, сам не ладивший с подданными, не очень-то мог хотеть поощрять восстание чехов против законного своего короля. Фердинанд II имел на своей стороне Максимилиана Баварского с лигой и Испанию, которая могла оказать ему помощь из своих Нидерландов. Курфюрст Саксонский не поддержал Фридриха V: как лютеранин, он относился враждебно к кальвинисту, сделавшемуся чешским королем, да и император пообещал ему за нейтралитет Лузацию. Почти одновременно двинулись испанский полководец Спинола на Пфальц, а полководец Максимилиана Баварского Тилли — на Прагу. В 1620 г. при Белой горе произошла битва, в которой чехи были разбиты, и государственной самостоятельности этого народа был нанесен смертельный удар¹; «зимний король» бежал, а месть Фердинанда II была беспощадна². Государь, говоривший, что лучше царствовать в пустыне, чем в стране, населенной еретиками, начал и здесь

¹ Krebs. Die Schlacht am Weissehl Berge. — *Zwiedenek-Südenhorst*. Venetianische Gesandtschaftsberichte über die böhmische Rebellion, 1618—1620. По истории Чехии см.: *Palacky Fr. Dějiny národu českého* (есть нем. пер.). — *Томек*. История королевства чешского (*Tomek. Děje království českého*). — *Gajsler*. Rys dziejów narodu czeskiego. На рус. яз. есть краткий «Очерк истории чешского народа» *Н. Задепацкого*.

² Peschek. Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.

реставрацию католицизма, прибегнув к самым крутым мерам: грамота величества была им уничтожена собственноручно; главные предводители восстания казнены, а их имения конфискованы; в страну отправили целые партии иезуитов; протестантские проповедники были изгнаны; иноверные подданные, не желавшие выселяться, насильно обращались в католицизм, и одним из средств были солдатские постои «душеспасителей» (*die Seligmacher*), напоминающие позднейшие драгонады, посредством которых Людовик XIV обращал гугенотов. С ударом веротерпимости и политической свободе в Чехии был нанесен удар и чешской национальности, возрождение которой произошло лишь через два столетия. Население страны пало с 4 миллионов до 700—800 тысяч (цифра Гиндели); изгнано было из страны 30 тысяч семейств, в их числе 5 тысяч дворянских фамилий; земли мятежных панов с их титулами сделались достоянием немцев; на чешские книги было поднято гонение. Моравию постигла такая же судьба, и лишь в Силезии и Лузании, благодаря вмешательству курфюрста Саксонского, взявшего на себя экзекуцию против мятежников, дело обошлось мягче. Так *католическая реакция наносила удар западному славянству*, разъединив силы чехов и поляков, уничтожив политическую самостоятельность, культурное развитие и материальное благосостояние Чехии, открыв путь для германизации в эту страну и сопредельные с ней земли со славянским же населением, а позднее направив внутреннюю и внешнюю политику Польши по дороге которая вела это государство к гибели.

За Чехией очередь дошла до Пфальца, куда с самого начала войны, вопреки закону, запрещавшему императору призывать иноземные войска, двинулся из испанских Нидерландов Спинола, и ему уния не оказала сопротивления совершенно так же, как и движению Максимилиана Баварского и его полководца Тилли¹ в Чехию. После покорения последней театр войны был перенесен в Пфальц: началось завоевание этого княжества, отданного Фердинандом II Максимилиану вместе с курфюршеским саном, но хотя уния в это время уже распалась, сражаться против католиков явились сюда Мансфельд и маркграф Баден-Дурлахский и Христиан Брауншвейгский, что, однако, и Пфальц не спасло от католической реакции. За неистовства, совершенные во владениях католических церковных сановников «другом Бога, врагом попов», как величал себя Христиан Брауншвейгский, выбивший даже талер с этим девизом (*Gottes Freund, der Pfaffen Feind*), сторицей заплатили пфальцским протестантам. В 1523 г. передача курфюршества Максимилиану была оформлена Регенсбургским княжеским съездом, состоявшим из одних католиков².

¹ Соч. о Тилли *de Villermont*'а (франц.) и *Klopp*'а (нем.) имеют характер панегириков.

² О Мансфельде есть сочинения *de Villermont* (франц.) и *Uetterodt zu Scharffenberg* (нем.), о Хр. Брауншвейгском — *Westkamp*'а и *Mittendorf*'а. См. еще книгу *Zwiedinek-Südenhorst*'а о князе Эггенберге, тогдашнем министре Фердинанда II.

Такой исход Пфальцской войны встревожил протестантских князей, которым могла грозить от императора и католиков судьба Фердинанда V, а также обратила на Германию внимание и иностранных держав. Курфюрсты Саксонский и Бранденбургский нашли нужным возобновить протестантский союз, а Христиан IV Датский, владевший в Германии Шлезвигом и Гольштейном, имея и особые политические планы, с денежной поддержкой со стороны Англии, решившейся заступиться за протестантов и королевского зятя, и со стороны Голландии, принял на себя ведение войны¹. Но тогда выступил на сцену знаменитый авантюрист XVII в. Альбрехт Валленштейн².

Валленштейн (род. в 1583) получил иезуитское воспитание, несмотря на свое протестантское происхождение, и сделал из службы интересам католицизма средство к личному возвышению. Женившись на одной наследнице больших поместий в Моравии, он рано овдовел и, став владельцем имений покойной жены, женился вторично на дочери одного из влиятельных советников императора, родственнице фон Эггенберга, впоследствии министра Фердинанда II. Уже до начала чешского восстания он имел случай обратить на себя внимание Фердинанда личной храбростью и военными способностями, с начала же войны в Чехии оказывал ему постоянные услуги, и не подумав примкнуть к чешско-моравскому дворянству, в 1619 г. он начальствовал отрядом войск Моравского сейма, но когда последний примкнул к чехам, Валленштейн увел свой отряд к Фердинанду II и захватил военную кассу. Инсургенты конфисковали тогда его имения, но впоследствии император его щедро вознаградил. За участие в подавлении революции он получил в подарок огромные имения из конфискованных владений чешских панов, да накопил еще сам на выгодных условиях много земли, так что сделался страшно богатым человеком. Фердинанд II дал ему по одному из его владений (Фридланд) герцогский титул с княжескими правами. Когда против императора составила коалиция европейских держав, он вызвался образовать для него армию, т. е. выступил на путь прибыльного кондотьерства, тем более что Мансфельд уже показал в начале войны, как можно содержать армию лишь контрибуциями да грабежами. Дело в том, что чешские

¹ *Opel J.O.* Der niedersächsisch-dänische Krieg.

² По поводу литературы о нем см. в первом примечании к предыдущей главе. Главные биографии Валленштейна и др. соч. о нем принадлежат *Ranke, Förster'y, Aretin'y, Dudik'y, Hurter'y, Hunziker'y, Gädeke, Hallwig'y, Gindely, Schebeck'y, Bilek'y, Hildebrandt'y, Дворскому, Irmer'y*. Вопрос о том, были ли у него лишь одни честолюбивые стремления или же он ставил своей деятельности более широкие цели, а также и о том, он ли впоследствии изменил императору или, наоборот, император поступил с ним, как человек неблагодарный, до сих пор разделяет ученых на два лагеря, из которых в одном решают вопрос во втором смысле (*Ranke*), в другом — в первом (*Gindely*). Знаток эпохи Гиндели сравнивает работу над этим вопросом с работой мифического Сизифа. К сожалению, историки часто предпочитают решение головоломных задач (например, и о «виновности» Марии Стюарт) исследованиям более важных вопросов, еще ждущих работников, когда уже исписаны целые тома, решающие одно какое-либо уравнение со многими неизвестными.

эмигранты и низложенный курфюрст хлопотали об устройстве коалиции против Габсбургов, и о том же самом хлопотал кардинал Ришелье, взявший в то время политику Франции в свои руки и давший ей антигабсбургское направление. Уже в то время была мысль о шведском вмешательстве, но Густава Адольфа предупредил датский король. В 1625 г. сначала Англия (уже при Карле I) и Голландия заключили союз между собой, а потом и с Данией, короля которой еще раньше выбрали своим главнокомандующим немецкие князья Нижнесаксонского округа. Протестанты соединялись, а в католическом лагере шел разлад между Максимилианом Баварским и австро-испанским габсбургским союзом: Максимилиану были подозрительны намерения императора и испанского короля; Фердинанд был недоволен военной зависимостью от лиги, т. к. до той поры главное католическое войско было то, которое находилось под начальством Максимилиана. Предложение Валленштейна было поэтому охотно принято императором (1625), и весьма быстро составила императорская армия в 50 тыс. из разного сброда, искавшего добычи. В соединении с Тилли Валленштейн скоро нанес поражение протестантам и датскому королю, заставив последнего искать мира. Фердинанд отдал новому полководцу герцогство Мекленбургское и назначил его генералиссимусом Балтийского и Океанийского морей. Перед Габсбургами открывались широкие горизонты: в перспективе были образование австро-испанского флота, поражение Англии и Голландии, передача Дании Швеции с введением в обеих странах католицизма. В Германии Фердинанд II был в положении Карла V после победы над шмалькальденцами, и как последний воспользовался победой для издания Аугсбургского интерима, так Фердинанд II издал теперь (1629) «реституционный эдикт»¹. Мы уже знаем, что перед началом войны главным предметом пререканий между католиками и протестантами были секуляризованные после пятидесятих годов XVI в. земли, каковых было два архиепископства, двенадцать епископств и бесчисленное множество монастырских владений с протестантским населением и под управлением протестантов. Католики задумали воспользоваться победой для того, чтобы возвратить себе все это. Валленштейн, стремившийся к целям чисто политическим, был против эдикта, но Фердинанд II подчинился настояниям Максимилиана Баварского. Реституционный эдикт отнимал у протестантов все церковные земли, перешедшие в их руки после Пассауского договора 1552 г., объявлял религиозный мир существующим только для приверженцев аугсбургского исповедания и разрешал католическим имперским князьям подавлять протестантизм в их княжествах. В столь опасную для протестантизма в Германии минуту в католическом лагере произошел новый разлад, а у протестантов явился новый защитник.

---

¹ *Tupetz Th. Der Streit um die geistlichen Güter und das Restitutionsedikt von 1629.*

Образование императорской армии было неприятно Максимилиану Баварскому, тем более Валленштейн заботился не столько о церковных, сколько о политических и личных интересах. Валленштейн внушал опасение и другим католическим князьям. Фердинанд II распоряжался самовольно, без сейма; поговаривали, что Валленштейн внушал ему мысль отделаться от всех этих курфюрстов да князей, чтобы быть единственным повелителем в Германии. Княжескую оппозицию поддерживала французская политика. Дело кончилось тем, что Регенсбургский княжеский съезд 1630 г. потребовал у императора отставки Валленштейна, и Фердинанд II, сам побаивавшийся генералиссимуса, уступил, хотя и не без колебаний. С равнодушным видом, но затаив в душе месть, принял Валленштейн известие об отставке, дал богатые подарки и задатки своим офицерам и солдатам, которые были распущены, и удалился в Чехию, где стал вести княжеский образ жизни. Но в том же самом 1630 г. у Габсбургов явился новый враг, шведский король Густав Адольф¹, военные успехи которого через несколько времени заставили Фердинанда II снова призвать Валленштейна.

Вмешательство Швеции в войну предвиделось раньше. Причины этого вмешательства были следующие. Швеция при преемниках Густава Вазы все более и более утверждалась на берегах Балтийского моря, и уже одно намерение Габсбургов устроить флот на этом море грозило Швеции опасностью; когда Валленштейн во время походов по северной Германии осадил Штральзунд, этому городу с моря была оказана шведская помощь; потом шведам, пользуясь немецкой усобицей, легко было утвердиться на южном берегу Балтийского моря. Густаву Адольфу, а раньше его отцу Карлу IX пришлось воевать с польским королем Сигизмундом III, потерявшим шведскую корону, но стремившимся получить ее для введения в Швеции католицизма, за что он и лишился престола, отданного шведами его дяде Карлу Зюдерманландскому, отцу Густава Адольфа². Война Густава Адольфа с его польским двоюродным братом была успешна в смысле расширения шведских владений, но кардинал Ришелье, агенты которого действовали на Регенсбургском княжеском съезде, содействовал заключению мира между Швецией и Польшей, чтобы силы первой могли быть направлены в Германию. Сигизмунд III был в союзе с Габсбургами, их соединял общий католический фанатизм, и для Швеции было бы крайне невыгодно, если бы Фердинанд II получил перевес, ибо это обозначало бы помощь Польше против Швеции. С этими причинами

¹ *Droysen. Gustav Adolf. — Cronholm. Gustav Adolf in Deutschland* (переведено *Helms*’ом из *ero Sveriges historia under Gustav II Adolf reger*). — *Gfrörer. Gesch. Gustav Adolfs. — Helbig. Gustav Adolt. — Heising. Die Politik Gustav Adolfs in Deutschland*.

² Указания на литературу по шведско-польским отношениям см. в соответственном месте «Польской истории» *Бобржинского*. Все это имеет отношение к католической реакции в Швеции при дяде Густава Адольфа Иоанне III, отце Сигизмунда III. Об этом см.: *Theiner A. Schweden und seine Stellung zum heiligen Stuhl unter Iohann III, Sigismund III und Karl IX*. См. также: *Schiemann. Russland, Polen und Livland bis zum XVII Jahrhundert* (в коллекции *Онкена*).

соединялось у Густава Адольфа при его религиозности стремление помочь единоверцам в Германии. Сделав своим подданным уступки и заставив их присягнуть своей дочери Христине, он с небольшим, но хорошо организованным национально-шведским войском высадился в Померании летом 1630 г. Это не была армия Мансфельда или Валленштейна — из разного сброда, с жадными инстинктами: это было войско, в котором господствовало религиозное убеждение в святости предпринятого дела. Во главе этого войска стоял один из величайших полководцев, каким был сам король. Протестантский народ в Германии смотрел на него как на избавителя, но, кроме бездетного померанского герцога, заключившего с ним договор, который обеспечивал за Швецией обладание его страной, другие северные князья даже не пропускали Густава Адольфа через свои владения. Тщетно взывал к нему о помощи Магдебург, осажденный Тилли, суровым исполнителем Реституционного эдикта: прошло около года после того, как шведы стали твердой ногой в Померании (24 июня 1630 г.), а двинуться далее не могли, и Магдебург пал (10 мая 1631 г.), взятый штурмом, был разграблен, сожжен и лишился 30 тыс. населения¹. Курфюрст Саксонский, думавший все время о нейтралитете, должен был выбирать между Тилли, угрожавшим силой принудить его к союзу, и Густавом Адольфом, и он соединился с последним. Началась борьба католического полководца и шведского короля за Саксонию. Тилли при Лейпциге потерпел от Густава Адольфа такое решительное поражение, что саксонцам был после этого открыт путь в Чехию, а самим шведам к Рейну². В это время у шведского короля явились планы относительно Германии, которую он сравнивал со старым зданием, годным только для крыс и мышей. В Майнце, где он основал свою зимнюю квартиру (1631–1632), его, как в старое время германского императора, окружали протестантские князья; народ протестантских земель относился к нему с энтузиазмом. Из Майнца он объявил, на каких условиях он согласен мириться: это были — отмена Реституционного эдикта, общая веротерпимость по отношению к протестантам, возвращение Чехии, Моравии и Силезии в прежнее их состояние, реставрация Фридриха Пфальцкого в его владениях и курфюршеском сане, который должен был быть снят у Баварии, изгнание иезуитов, а по одному известию, шведский король требовал даже, чтобы его выбрали в римские короли. Другими источниками последнее известие не подтверждается, но нет сомнения в том, что Густав Адольф стремился сделать главой и протектором протестантского союза в Германии, а то, что он не возвращал Фридриха в завоеванный Пфальц, принимал присягу от франконских городов и в Вюрцбурге ввел шведское управление, поселяло недоверие к нему в самих протестан-

¹ *Helbig*. Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg. — *Wittig*. Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly. — *Его же*: Zur Katastrophe des 10/20 Mai 1631. — *Droysen*. Studien über die Belagerung Magdeburgs.

² *Von Soden*. Gustav Adolf und sein Heer in Süddeutschland.

стантских князьях, хотя другие были с ним в тесном союзе, а Бернгард Веймарский¹ поступил к нему на службу. Так как «майнцские» условия не могли привести к миру, то весной 1632 г. Густав Адольф двинулся на Баварию, разбил Тилли (павшего в этой битве) на Лехе, занял Аугсбург и вступил в столицу Максимилиана Баварского — Мюнхен, откуда открыта была дорога в габсбургские наследственные владения. Шведскому королю советовали отомстить на Мюнхене за Магдебург, но он не только запретил какие бы то ни было насилия, но даже весьма милостиво отнесся к местным католикам.

Фердинанд II среди таких обстоятельств снова решился просить Валленштейна набрать войско. В настоящее время не подлежит сомнению, что во время своей отставки бывший полководец императора вступил в переговоры со шведским королем, имея в виду в качестве герцога Мекленбургского в союзе с ним вести собственную политику, враждебную императорской, которой он не одобрял с самого Реституционного эдикта, но успехи Густава Адольфа были так велики, что Валленштейн охладел к мысли делиться с кем-либо добычей, а когда император обратился к нему со своей просьбой, он уже отстранялся от плана совокупного действия со шведским королем². Валленштейн, что называется, сначала поломался, образовал войско, но отказался сначала им предводительствовать и согласился лишь после того, как император дал согласие на выставленные им условия, которые в том виде, как они были приняты, остались неизвестными. По-видимому, ему отдавалось безграничное и бесконтрольное ведение войны вместе с ведением и политических дел на всю жизнь с правом непосредственно сноситься с императором, казнить и миловать в завоеванных провинциях, предлагать князьям условия мира, за генералиссимусом утверждалось обладание Мекленбургом и обещались другие земли. Только отчаянное положение, в каком находился император, могло его склонить к принятию условий («зноемские» или «цнаймские пунктуации»), делавших призрачной его власть, и в них уже лежал зародыш известной катастрофы могущественного полководца.

С вторичным выступлением Валленштейна дела католиков стали поправляться, и его пестрое войско, состоявшее из авантюристов и любителей легкой наживы из разных стран, различных вероисповеданий и национальностей, начало наступательную войну против протестантов. При Люцене произошла битва, в которой пал шведский король, но поле осталось, однако, за шведами под начальством Бернгарда Веймарского (1632). Смерть Гус-

¹ *Droysen*. Bernhard von Weimar.

² *Hildebrand* (Wallenstein und seine Verhandlungen mit den Schweden) открыл в стокгольмском архиве данные, свидетельствующие о переговорах Валленштейна с Густавом Адольфом, а затем то же своими разысканиями подтвердили *Gädeke* (Wallenstein und seine Verhandlungen mit Schweden und Sachsen) и *Irmner* (Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser).

тава Адольфа лишила немецких протестантов победоносного вождя, но вместе с этим освободила Германию от укрепления в ней чуждой власти. Канцлер Оксеншерна (Oxenstierna), которому шведский государственный совет в малолетство королевы Христины поручил ведение военных и политических дел Швеции в Германии, не имел уже планов Густава Адольфа, но решился продолжать войну для получения какого-либо вознаграждения за принесенные жертвы и с этой целью образовал из верхнегерманских и прирейнских князей (1633) Гейльброннский союз под «директорией» Швеции, оставив за собой и главное в нем распорядительство¹. Шведское войско под начальством Бернгарда Веймарского и шведского генерала Горна было уже не то, что привел с собой Густав Адольф: его пришлось увеличить; стали набирать жадных до добычи наемников, авантюристов, которые составляли собственные отряды; давали офицерские места и награды из завоеваний, так что и последний солдат, думавший о грабеже, и Оксеншерна, мечтавший о земельных приобретениях на южном берегу Балтийского моря, стремились только к одному — к добыче, каждый соответственно своему положению. Шведские стремления вносили раздвоение в протестантский лагерь: шведы и их союзники были сами по себе, немецкие протестантские князья сами по себе, и для некоторых из них, — тех самых, которые раньше уже косо смотрели на высадку Густава Адольфа в Померании, — эти стремления были неприятны и опасны. Этим раздвоением, с одной стороны, дела немецких князей, а с другой — шведских интересов характеризуется вторая половина войны. Но раздвоение существовало и в католическом лагере: сначала оно выражалось в антагонизме между лигой и императором, позднее в том, что католическая Франция вмешалась в войну против католического императора и стремилась отторгнуть от союза с ним католическую Баварию, но особенно любопытно раздвоение интересов императора и Валленштейна.

Герцог Фридландский уже раньше обнаружил, именно во время издания Реституционного эдикта, что у него был свой взгляд на вещи, не сходящийся со взглядами Фердинанда II. Данная ему отставка чуть было не сблизила его с главным врагом императора. Когда ему снова пришлось выступить в роли главнокомандующего императорской армией, он особенно настаивал во время переговоров, предшествовавших принятию им главного начальства над войском, на заключении мира с Саксонией и на отмене Реституционного эдикта. Между императорскими и саксонскими уполномоченными начались переговоры о мире, но параллельно с ними начал Валленштейн и сам вести таковые же, обнаруживая гораздо больше уступчивости: Фердинанд II, соглашаясь на религиозную свободу в империи, не хотел ее допустить в габсбургских землях, а Валленштейн в своих переговорах на это соглашался и даже поддерживал сношения с чешскими эмигрантами, между прочим,

---

¹ *Küsel Alb.* Der Heilbronner Konvent.

с графом Турном, через которого снова начал сноситься и со шведами, т. е. с Оксеншерной. Среди чешских эмигрантов возникла даже мысль о том, чтобы возложить на голову Валленштейна чешскую корону, и Франция, с которой у него также установились связи, эту мысль поддерживала. Вместе с этим он носился с планами о вознаграждении себя за потерю Мекленбурга, желая, между прочим, получить Нижний Пфальц с курфюршеским достоинством. Что бы ни замышлял Валленштейн, верно, что он вел тайные от императора переговоры с саксонцами, шведами и Францией, что у него были свои политические виды, которые он даже готов был проводить с ущербом для интересов императора, и что он вообще был гораздо уступчивее, чем Фердинанд, по отношению к протестантам. Медлительное поведение Валленштейна, перемирия, которые он заключал, некоторые необъяснимые поступки делали его подозрительным в глазах императора, который мог бояться измены со стороны генералиссимуса, находившегося во главе на этот раз уже чуть не стотысячной армии наемников. При венском дворе были у Валленштейна враги, начавшие под него подкапываться: тут был и Максимилиан Баварский, недовольный Валленштейном за то, что он не пошел на помощь Баварии, и президент придворного военного совета, и папский нунций, и испанский посланник, и духовник императора, и все они указывали на то, что нельзя в интересах Церкви позволять Валленштейну заключать мир по собственному усмотрению. Говорилось даже, что честолюбец стремится к императорству. Происки врагов были известны Валленштейну, и он взял с офицеров, которым передал о том, что под него подкапываются, подписку в верности, но двору удалось найти завистников и недовольных среди лиц, окружавших самого Валленштейна: они составили заговор на его жизнь и убили его в крепости Эгере (1634). Убийцы были награждены, приверженцы его, оставшиеся верными до последней минуты, наказаны, но армия осталась спокойной, т. к. с вождем ее связывали деньги и добыча, которые можно было получить и под новым начальством. Эта армия даже в том же самом году и без вождя нанесла при Нердлингене страшное поражение шведскому войску, бывшему под начальством Бернгарда Веймарского, что повело к распадению Гейльброннского союза. В 1635 г. император и Саксония заключили наконец сепаратный мир в Праге, к которому примкнули и другие князья, за исключением немногих, оставшихся на стороне шведов. По вопросу о церковных землях император делал большие уступки и давал амнистию, но только не по отношению к чешским, австрийским и пфальцским делам. Саксония получила при этом Лузанию.

Новая победа императора и его мир с Саксонией заставили Францию, давно уже своей дипломатией и деньгами действовавшую в Германии во вред Габсбургам, принять открытое участие в войне. Заключив договор (1635) с Бернгардом Веймарским, который должен был вести войну на французские деньги и в пользу Франции, Ришелье отправил в Германию и собствен-

ный корпус, вступив в сношения с некоторыми князьями. Последние тринадцать лет войны были самыми гибельными для Германии (где с 1637 г. царствовал Фердинанд III¹, т. к. именно в эту вторую половину войны (1635—1648) еще сильнее, чем в первую, крупная и мелкая погоня за наживой руководила действиями людей: теперь совершенно отступили на задний план интересы религии, как их понимали обе стороны, и политические комбинации более широкого характера. Шведы и французы вели войну в Германии, не обращая внимания на то, что немцы давно уже желали мира, но мира не могло быть, кроме того, и вследствие упорства, обнаруженного и императором Фердинандом III. В 1640 г. собрался в Регенсбурге первый после 1613 г. Имперский сейм, и тут было решено назначить для переговоров о мире вестфальские города Мюнстер и Оснабрюк, но совещания этого конгресса (императора, шведов, католиков и протестантов в Оснабрюке, Германии и Франции в Мюнстере) начались нескоро, а начавшись, затянулись на долгое время (с апреля 1645 по октябрь 1648). Заключению мира сильно мешали иезуиты, когда же мирные договоры были подписаны и ратифицированы (1649), папа Иннокентий X обнародовал буллу (1651), которой осуждал Вестфальский мир, т. к. на нем решались религиозные вопросы без его согласия и гарантировалась свобода вероисповедания.

Вестфальский мир², в котором участвовали все западные державы, кроме Англии, положил начало тому международному порядку, который в существенных сторонах своих держался как законный до французской революции, т. е. в течение полутора веков (1648—1789). Для Германии с него начинается эпоха внутреннего разложения, подготовленного тридцатилетним междоусобием. Международное значение империи пало, и отдельные ее части сделались добычей Швеции и Франции: первая получила почти всю Померанию со Штетинем и Рюгеном, мекленбургский город Висмар, а также епископства Бременское (кроме вольного города Бремена) и Верденское и сделалась членом Римско-Германской империи, а Франция утвердила за собой три епископства (Мец, Тул и Верден) и Эльзас на весьма, впрочем, сложных условиях и без Страсбурга. Внутри Германии увеличены были Бранденбург (присоединением части Померании, архиепископства Магдебургского, епископств Гальберштадтского, Минденского и Каминского), Бавария (сохранившая курфюршество и часть Пфальца, другая часть которого была возвращена с восьмым курфюршеским титулом сыну Фридриха V), Саксония (присоединением Лузании еще по Пражскому миру 1635) и т. п. Империя признала давно уже фактически существовавшую независимость Швейцарии (как Испания особым договором — независимость Ни-

¹ О нем см. соч. Koch'a.

² Вестфальский мир рассматривается подробно, между прочим, в сочинениях по международному праву. См. еще соч. (старое 1806) *Вольмана* (Gesh. des westfäl. Friedens) и *Stöckert'a* (Die Admission der deutschen Reichsstände zum Westfälischen Friedenskongresse).

дердандов). Особенно для Германии было важно то, что *Вестфальский мир признал полную самостоятельность князей, которые могли теперь, как независимые государи, заключать союзы даже с иностранными державами*. Вековая борьба, которая шла между князьями и императором, заключилась формальным признанием победы князей, и это случилось как раз в то время, когда в Англии наступал период окончательного разрешения тоже векового спора между королевской властью и парламентом, а во Франции утверждался абсолютизм. *Извне это ослабляло Германию, внутри вело к установлению княжеского деспотизма*.

Тридцатилетняя война началась из-за религиозной нетерпимости католиков под влиянием иезуитской реакции, папа протестовал против Вестфальского мира. Конец войны совпадает с эпохой, когда *церковные интересы отходят на задний план перед государственными*, и папский протест не имел никакого значения. Вестфальский мир наносил удар не только средневековой империи, но и папству, первой — окончательно разлагая ее в федерацию князей и городов, второму — санкционируя преобладание политического интереса над церковным и прямо вводя оговорку о недействительности каких бы то ни было протестов со стороны духовной власти. Подтверждая в существенных чертах постановления 1552 и 1555 гг. по религиозному вопросу, мир 1648 г. расширял их, объявив законом равноправность (*aequalitatem exactam mutuamque*) между курфюрстами, князьями, чинами и отдельными лицами обоих исповеданий с распространением прав, принадлежавших прежде только лютеранам, и на реформатов. Правило «*cujus regio, ejus religio*» отменялось, причем сроком отмены считалось 1 января 1624 г.: католические князья должны были оставить своим протестантским подданным свободу богослужения, раз последние имели ее 1 января 1624 г. (и наоборот, протестантские князья — католическим подданным), но за то князь имел право изгонять тех подданных, которые приняли неодинаковое с ним исповедание после этого срока, хотя он и не мог их стеснять и лишать гражданских прав, если не изгонял. Протестанты требовали, чтобы срок был назначен на 1618 г., как на наиболее для них выгодный, а католики настаивали на 1630 г., как для них более выгодном, ибо тогда действовал Реституционный эдикт: 1624 г. был выбран как средний между 1618 и 1630 гг. Тот же срок был принят и в вопросе о секуляризованных имениях, но дальнейшая секуляризация запрещалась. Наконец, в Имперском Верховном суде и других центральных учреждениях должно было существовать равное число католических и протестантских членов, а по отношению к Имперскому сейму, где подавляющее большинство было католическое, было принято, что религиозные дела будут решаться лишь по полюбовному соглашению.

Кроме политического ослабления и раздробления, Тридцатилетняя война имела своими следствиями материальное разорение и культурное одичание

немецкого народа. Население в некоторых местностях Германии до сих пор не сравнялось с тем, каким было до войны, а вообще оно уменьшилось за 30 лет на целую половину, местами даже на четыре пятых, на девять десятых. Целые населенные места исчезали с лица земли, а в уцелевших городах и селах стояло без жителей иногда до двух третей домов. Покинутые пашни зарастали кустарником, и лес являлся там, где прежде велось полевое хозяйство. Крестьянство, положение которого стало ухудшаться еще раньше, не могло поправиться после Тридцатилетней войны. Промышленность и торговля были разорены и перешли к Англии и Голландии, с которыми потом Германии соперничать было уже трудно. Война не только уносила народное благосостояние, но и деморализовала население: содержавшие себя грабежом войска состояли из наемников, любителей легкой наживы, из бродяг, пропойц, мошенников самых разнообразных наций, начиная с ирландцев и кончая казаками, и совершали страшные зверства над пленными и мирными жителями. Дичали нравы, падала и умственная жизнь. Догматизм ортодоксального лютеранства, безвкусное подражание чужим образцам в литературе, суеверия с верой в колдовство и процессами ведьм включительно — вот что характеризует эту эпоху в истории Германии. Неудовлетворительный исход немецкой Реформации, католическая реакция и Тридцатилетняя война были тремя актами той исторической драмы, которая имела своим финалом печальное прозябание старой Священной Римской империи во второй половине XVII в. и в XVIII столетии до начала новых культурного и политического движений¹. Не одна, впрочем, Германия пострадала от религиозных войн; они в свое время наделали много зла, например, и Франции, но последняя быстрее оправилась от того разорения, какое постигло и ее во второй половине XVI в.

Вестфальским миром, заключившим Тридцатилетнюю войну на материке Западной Европы (а для Англии первой революцией, т. е. сороковыми и пятидесятыми годами XVII в.), оканчивается реформационный период новой истории. Нам остается рассмотреть еще в этом периоде именно английскую историю в первой половине XVII в., но, помимо своего интереса для религиозной истории реформационного периода на западе Европы, она представляет еще высокий интерес политический, а потому мы и рассмотрим ее в другой связи, переходя теперь к эпохе, когда церковные дела отступили на задний план перед государственными как бы в ожидании того, чтобы и в духовной культуре, в которой Реформация и реакция восстановили теологическое направление, произошло соответственное же изменение — в данном случае в смысле возвращения к тому, что было начато светским Ренессансом.

¹ *Hanser K.F. Deutschland nach dem dreissigjährigen Kriege. Biedermann K. Deutschlands trübste Zeit, oder der dreissigjährige Krieg in seinen Folgen für das deutsche Kulturleben. — Freytag G. Bilder aus der deutschen Vergangenheit (третий том).*

Франция и Англия в XVII в.

XXIX. Политические противоположности XVI и XVII вв.¹

Характер государственной власти в эпоху Реформации и католической реакции. — Религиозная и политическая борьба против абсолютизма. — Взаимные отношения королевской власти и сословно-представительных учреждений в эпоху Реформации и реакции. — Значение французской и английской истории в XVII в. — Сословность в религиозной и политической оппозиции. — Сущность французского абсолютизма. — Роль Голландии в XVII в. — Противоположность между Францией и Англией в XVII в. — Политические формы XVII–XVIII вв. — Личность и государство.

Одним из главных политических вопросов в Средние века был вопрос об отношениях между Церковью и государством. В общем, это была эпоха преобладания Церкви над государством, но в Новое время начинается освобождение государства из-под церковной опеки. Стремлениям государственной власти в этом отношении много помогало в конце Средних веков, с одной стороны, новое культурное направление, рельефнее всего выразившееся в гуманизме и в зарождении светской политической мысли, с другой — общее недовольство Католической Церковью как по причинам чисто светского характера, так и вследствие ее порчи. Но светскому гуманистическому направлению, возникшему в XIV в., пришлось уступить место направлению религиозному, реформационному, возникающему в конце того же столетия в проекте соборной реформы и в религиозном протесте Викилифа, но особенно возобладавшему в XVI в., когда оно почти совсем и затерло гуманистическое направление. Первые попытки реформы Церкви не привели к желанной цели: великие соборы первой половины XV в. (Пизанский, Констанцский и Базельский) оставили церковные дела почти в том же положении, в каком их нашли, уничтожив только — да и то с большим трудом — раскол, а первое очень сильное реформационное движение, — гуситское в Чехии, — было подавлено. Неспособность самой Церкви исцелить свои недуги была причиной того, что в дело реформы вмешались внецерковные силы и между ними государственная власть. То, что в Чехии начала XV в. окончилось неудачей, возобновилось через сто лет с большим успехом в Германии, откуда Реформация распространилась и по другим странам. Государственной власти пришлось везде решать вопрос, как отнестись к этому движению, и мы знаем, что вопрос этот решался двояко, но *становилась ли государственная власть на сторону реформы или противодействовала ей, она получала от реформы вы-*

---

¹ Для общей характеристики абсолютной монархии см.: *Laurent. La politique royale* (XI том *Études sur l'histoire de l'humanité*).

году, которая, конечно, была различная в протестантских и католических странах: в первых, как мы не раз уже видели, *государство само становилось на место Церкви, во вторых между обеими силами заключался союз для взаимной поддержки*, союз, благодаря которому государство выигрывало от содействия, какое ему оказывал католицизм. Вместе с тем, однако, государственная власть приобретала вместе с другими сторонами жизни конфессиональный — католический или протестантский — характер, и то политическое отношение к церковной реформе, которое преобладало у королей первой половины XVI в. под влиянием общего духа эпохи, в частности под влиянием католической реакции, заменилось религиозным фанатизмом, характерными представителями которого во второй половине XVI и в первой половине XVII в. были испанские и австрийские Габсбурги (особенно Филипп II и Фердинанд II), Максимилиан Баварский и Сигизмунд III Польский. Благодаря этому абсолютизм, развивавшийся в эту эпоху в некоторых государствах, получил вероисповедный характер: *к тому светскому политическому направлению, которое выразилось в теории и практике макиавеллизма, присоединился религиозный фанатизм в духе иезуитской реакции*. В сравнении с фанатическим абсолютизмом главных его представителей в эпоху религиозных войн, т. е. испанских и австрийских Габсбургов особое значение получает политика таких деятелей абсолютизма, как Генрих IV и кардинал Ришелье во Франции, поддерживавшие силою государственной власти веротерпимость в этой стране, в ту эпоху, когда в других государствах происходили религиозные преследования, причем исключения из общего правила не составляла и протестантская Англия. На тот же путь вступала уже и габсбургская политика в двадцатилетие, занятое царствованием Фердинанда I и Максимилиана II, и к тому же вынуждали реакционного Рудольфа II обстоятельства, когда он подтверждал свободу вероисповедания своих подданных, но католическая реакция взяла свое, и в наследственных габсбургских землях утвердился нетерпимый католицизм, шедший рука об руку с абсолютизмом. Да и Франция в конце XVII в., когда Людовик XIV уничтожил Нантский эдикт (1685), находилась в том же лагере. Отмена Нантского эдикта была крупным торжеством принципа конфессионального абсолютизма, водворить который стремились в Англии и Стюарты.

Но в Реформации и католической реакции была еще и другая сторона, которой они соприкасались не с государственной властью, а с индивидуальной свободой: Реформация провозгласила принцип свободы совести, хотя и не провела его в жизнь протестантских государств, реакция, наоборот, вооружилась против какой бы то ни было веротерпимости. *На почве великого вопроса о праве человека свободно исповедовать свою веру и произошли на Западе главные столкновения государственной власти с подданными в XVI и XVII вв.* С конца Средних веков почти повсеместно происходит усиление королевской власти и падение сословно-представительных учре-

ждений и реформационная эпоха занимает особое место в истории их взаимных отношений. Противоположные принципы абсолютной и ограниченной монархии, из которых один был происхождения римского, другой — германского и феодального, в политической жизни Европы вели долговременную борьбу. К концу Средних веков победа склонялась в сторону абсолютизма даже в Англии, где со вступлением династии Тюдоров начинается период личного правления. *Реформационное движение вдохнуло новую жизнь в сословно-представительные учреждения*, а политическая литература кальвинистов создала целую теорию сословно-представительной монархии. Стеснение религиозной свободы протестантов католическими государями заставляло первых защищать права своей совести, и с оппозицией религиозной, поддерживая ее и ею усиливаясь, получая от нее высшую санкцию и принципиальный характер, соединялась оппозиция политическая, оппозиция сословно-представительных учреждений против стремления королевской власти к абсолютизму. Мы наблюдаем это явление в XVI в. в Шотландии, во Франции, где и католики становятся на точку зрения народовластия, в Нидерландах, потом в начале XVII в. во владениях австрийских Габсбургов, особенно в несчастной Чехии, одновременно с этим и в Англии, где в последние годы происходившей на материке Тридцатилетней войны дело дошло (как и в Шотландии сначала, в 1637 г.) до революции, и с этой *эпохой протестантской главным образом борьбы сословно-представительных учреждений с королевской властью можно сравнить лишь эпоху конституционных движений на Западе в первой половине XIX в.*, происходивших уже под влиянием идей французской революции.

Церковная Реформация и католическая реакция, содействовавшие усилению королевской власти, и протестантизм, вносящий в историческую жизнь начало религиозной свободы, как одного из видов свободы индивидуальной, таким образом, содействовали постановке на очередь одного из главных политических вопросов Нового времени. В разных местах он решается в это время различным образом, в зависимости от местных условий и исторических обстоятельств. В борьбе с габсбургским абсолютизмом нидерландские государственные чины (да и то лишь в одной части страны) одерживают победу, чешские (а с ними моравские и силезские) терпят страшное поражение. И вообще в Западной Европе XVI и XVII вв. *развивается противоположность между двумя типами государств*, самыми рельефными представителями которых с XVII в. и для всего XVIII столетия вплоть до 1789 г. являются Франция и Англия: в XVII в. абсолютизм первой сделался таким же предметом подражания для других государств («век Людовика XIV»), каким стали английские конституционные учреждения с эпохи французской революции. В то самое время, как Англия в борьбе со Стюартами отстаивала свою парламентскую свободу, во Франции консолидировался абсолютизм, благодаря Генриху IV и Ришелье, современни-

кам двух первых Стюартов, и Людовику XIV, современнику двух последних Стюартов: французской политической системе в это время начинали подражать не только на континенте, но и в самой Англии. Последняя, сказали мы, отстояла политическую свободу, но на континенте утвердилась абсолютная монархия, именем которой и обозначают второй большой отдел новой истории — от Вестфальского мира до французской революции (1648—1789), следующий за реформационным периодом (1517—1648). Исключив Тридцатилетнюю войну, составляющую главное явление немецкой истории в XVII в., все внимание в истории этого столетия вообще мы должны сосредоточить на Франции, занявшей господствующее положение в Европе и начинавшей уже давать тон культурной и политической жизни других стран, и на Англии, где в эпоху первой революции завершилось религиозное движение реформационного периода и откуда Европа века стала заимствовать религиозные и политические идеи.

Рассматривая с самой общей точки зрения судьбы протестантизма и представительных учреждений, а вместе с ними религиозной и политической свободы, мы можем сказать, что *чем более протестантизм имел народный характер и чем менее представительные учреждения отличались сословной замкнутостью, тем вернее была их победа*. Поражение протестантизма в Польше, во Франции, во владениях австрийских Габсбургов объясняется главным образом тем, что он был здесь преимущественно (хоть и не везде в одинаковой мере) исповеданием дворян и горожан, которых не поддерживала или мало поддерживала народная масса. Замечательно, что и политическая оппозиция имела в ту эпоху преимущественно аристократический, дворянский характер, и в этом заключалась одна из причин ее подавления, хотя бы временно протестантскому дворянству и удавалось добиться таких прав, какие во Франции давались ему Нантским эдиктом, а в Чехии — грамотой величества, делавших из союзов протестантских дворян в обеих странах вооруженные политические силы. Самая свобода совести приобретала вид (особенно в Польше) дворянской привилегии. В Нидерландах религиозно-политическую оппозицию, начатую дворянами же, вынесли потом на своих плечах главным образом горожане и народ северных частей страны, тогда как южная, где особенно сильна была аристократия, так-таки и не могла освободиться от Испании. Вся история французских генеральных штатов в сравнении с английским парламентом показывает, что одна из причин их неуспеха заключалась в сословных раздорах, а в эпоху религиозных войн дворяне-кальвинисты получали большие религиозные права, чем их единоверцы из горожан; притом масса этого последнего сословия оставалась верной католицизму, составив главную силу лиги. После 1560, 1561, 1576, 1588 и 1593 гг. штаты во Франции собирались только один раз еще (1614—1615), но это были последние штаты (если не считать созванных через 175 лет, т. е. в 1789 г.), и это-то последнее собрание сословных представителей в начале XVII в. озна-

меновалось страшным между ними раздором. В социальном отношении эта дворянская оппозиция и Реформация соединились или с феодальной реакцией (как было во Франции), или с захватом всей власти над народом (как было в Польше), и *дальнейшая политика абсолютизма в том и заключалась, чтобы отклонять политическую оппозицию аристократического происхождения, поддерживая силой государственной власти социальные права дворянства*. Одним словом, западноевропейский абсолютизм, зародившийся в борьбе государства с католицизмом и феодализмом, заключил потом союз с Церковью и аристократией, подавив в пользу первой религиозную свободу и уступив второй свободу народа, на котором оставались старые феодальные пути. Типическим представителем такой клерикальной и аристократической политики сделался Людовик XIV, которому подражала почти вся Европа. Дело, начатое Возрождением и Реформацией, приостановилось, как приостановилось и разрушение феодализма, социальная сторона которого оставалась неприкосновенной до середины XVIII в. Только через сто лет после вступления Людовика XIV на престол, *абсолютизм изменил свой характер, порвав свои связи с католической реакцией и приступив к общественным реформам под влиянием нового просвещения* (просвещенный абсолютизм).

Направление, противоположное системе Людовика XIV, развивалось в протестантских Голландии и Англии. Людовик XIV возобновил притязания на европейскую гегемонию, которые заявлялись раньше Габсбургами. Его абсолютизм был враждебен национальной независимости, а душой всех коалиций, которые составлялись против французского короля, делалась Голландия. В этой же стране нашли приют гонимые гугеноты и впервые стали появляться французские оппозиционные сочинения. Отсюда же была подана помощь Англии, протестантизму и свободе которой грозил союз короля-католика Иакова II с Людовиком XIV и которую Голландии было выгодно иметь на стороне своей в решительной борьбе с Францией. Но особенно развилась в XVII в. политическая противоположность между Францией и Англией, противоположность, коренившаяся в первоначальных условиях их истории. Еще в XIII в. наметилась будущая история обеих стран — возвышение королевской власти в одной и ее ограничение в другой. В XVI в. Тюдоры были сильнее последних Валуа, но в XVII в. отношения при Стюартах в Англии и при Бурбонах во Франции изменились. В то время как французские генеральные штаты в 1614—1615 гг. обнаружили полную свою несостоятельность, английский парламент, наоборот, доказывал свою жизненность. Стюарты, подражая французским королям, начали вести себя в духе абсолютизма, забывая, что политические условия в Англии были не те, что во Франции, и соединяя с политическим абсолютизмом — религиозный, — чего в ту эпоху (первая половина XVII в.) во Франции не было, — и этим вызвали против себя политическую и религиозную оппозицию. Парламент, бывший более национальным представительством, чем

штаты с их сословным устройством, и пуританизм, отличавшийся более демократическим духом, чем аристократический кальвинизм во Франции, одержали победу над королевским абсолютизмом, что повело за собою даже образование в Англии демократической республики сектантов, не могшей, однако, получить твердой основы в стране, когда же возвратившиеся Стюарты возобновили политику своих предшественников, англичане повторили над ними в лице Иакова II то, что за сто лет перед тем сделали нидерландские генеральные штаты с Филиппом II и за семьдесят лет Чешский сейм с Фердинандом II. Замечательно, что одновременно с первой английской революцией, т. е. в сороковых и пятидесятых годах XVII в., и во Франции происходила политическая смута, но здесь своим безыдейным, легкомысленным характером она лишний раз доказывала неспособность тогдашнего французского общества со своей аристократией во главе к политическому самоуправлению, и название «фронда», полученное этим движением по имени одной детской игры (*la fronde*), как нельзя более подошло к сделанной в это время попытке ограничить королевскую власть. Одним словом, *в XVII в. у абсолютизма было столь же мало шансов в Англии, как во Франции — у политической свободы*, и политическое развитие обеих стран пошло по разным дорогам. В дальнейшем изложении истории XVII в. мы сосредоточим все внимание на развитии этой противоположности, причем главное внимание обратим на Англию, у которой сама Франция в XVIII в. заимствовала идеи и хотела заимствовать учреждения. Здесь же мы должны будем познакомиться и с новым фазисом реформационного движения, составляющего главный предмет настоящего тома. Более подробное изложение французской истории по принятому плану должно быть отнесено к истории XVIII в., которой посвящен следующий том.

Называя период с 1648 по 1789 г. периодом абсолютной монархии, мы не должны представлять себе дело таким образом, чтобы на континенте Европы это была единственная политическая форма в ту эпоху. Наоборот, до французской революции существовали весьма разнообразные формы политического устройства. Немецкая империя была чем-то средним между единым государством и международным союзом государств, чем-то таким, что не поддавалось политико-юридическому определению: даже представители государственных наук совершенно напрасно ломали голову, определяя, чем же была империя, лишь склоняясь к тому результату, что это не была ни монархия, ни аристократия, ни демократия, а было какое-то чудовище (*monstrum*), как выразился знаменитый государствовед Пуфендорф в своем «*De statu imperii Germanici liber*» (1667), действительно характеризующем хаос имперского устройства¹, и только в отдельных частях империи развивался княже-

---

¹ *Jastrow. Pufendorfs Lehre von der Monstrosität der Reichsverfassung.* Это соч. Пуфендорфа вышло в свет под псевдонимом Severinus de Monzambano.

ский абсолютизм насчет земских чинов. Не менее странно было устройство и светлейшей польской республики (Речи Посполитой), о котором сами поляки говорили как о безнарядье, которым, по их мнению, стояла Польша (*Polska nierządem stoi*)¹. Весьма своеобразна была и конституция Голландии, которая, подобно Швейцарии, сохранившей средневековое устройство, была федерацией с сильным развитием остатков средневековой муниципальной старины. Но эти федеративные формы отживали свой век, чтобы не возрождаться (кроме Швейцарии) после ударов, нанесенных им в эпоху французской революции. Абсолютизм утвердился в Испании, в Португалии, в самостоятельных итальянских княжествах (кроме республик Венецианской и Генуэзской) с папской областью, во Франции, в княжествах Германии, в габсбургских наследственных владениях, не исключая Венгрии, где, однако, велась борьба, в новом королевстве Пруссии, в Дании и временно утверждался в Швеции, где, впрочем, брала верх и дворянская олигархия. Но и в тех государствах, где утвердился абсолютизм, сохранялось много средневековых отношений. Во-первых, это можно сказать вообще о средневековых сословных привилегиях, так что эпоху эту следует характеризовать как *время господства политического абсолютизма в союзе с социальными привилегиями*. Во-вторых, не везде «чины» так погибли, как во Франции, хотя, сохраняясь, они уже не играли прежней роли, но и в самой Франции рядом с королевской властью вплоть до революции продолжали существовать парижский и провинциальные парламенты, притязания которых противоречили королевскому полновластию. Средневековые учреждения в абсолютных монархиях были большей частью феодального происхождения и доживали до французской революции, общий же тон политической жизни задавался не ими, а абсолютной королевской властью. Абсолютные же монархии, а не уродливая немецкая «империя» и не беспорядочная польская «республика» играют главную роль в международной политике эпохи. Кроме нидерландской федерации, усвоившей с протестантизмом и новые начала политической жизни, приспособленные к старому устройству, такие отжившие свой век федерации, как немецкая «империя» и польская «республика», не могли состязаться с большими унитарными государствами, какие окончательно сформировались к этому времени, а сами монархии эти были результатом сплочения областей, тянувших в разные стороны, но так, что *государственное единство покупалось за счет местной свободы*. Одна Англия из больших наций еще в Средние века сумела сочетать государственное единство, которым так гордились монархии вроде французской, с местной свободой, бывшей предметом гордости немцев (*die deutsche Libertät*) и поляков (*złota wolność*). История Западной Европы решительно шла по дороге от федеративных начал средневекового быта к государственному сплочению Нового

---

¹ См. мой «Исторический очерк Польского сейма».

времени, так сказать, выразившемуся вполне в монархии Бурбонов, причем средством такого сплочения была политическая централизация, уничтожавшая местные привилегии и вольности, за которые держались областные чины и сеймы. В эпоху «просвещенного абсолютизма» и французской революции централизованное стремление нового государства проявилось с особой силою, но с того же времени начался и поворот к английским началам политической жизни, которые, благодаря двум революциям XVII в., получили в следующем за тем столетии дальнейшее развитие.

Как реформационный период был эпохой господства церковности (протестантской и католической), так *период абсолютной монархии был временем развития государственного начала*. Индивидуализм Нового времени, религиозные проявления которого стеснялись требованиями государственной церковности реформационного периода, продолжал и в следующий период отстаивать свое право на существование, встречая нередко отпор со стороны государства, которое, опираясь на свое всемогущество, отрицало за индивидуумом какие бы то ни было естественные права¹; и в этом отношении между Францией и Англией выработался контраст. Отмена Нантского эдикта во Франции стоит в тесной связи с тем правительственным произволом, который лишал личную свободу всяких гарантий: полную противоположность французским «lettres de cachet»² или приказам об аресте без следствия и суда представляет собой английский «habeas corpus act», утвердивший законную гарантию личной свободы, истинный источник всех других вольностей английских граждан, каковы свобода слова, свобода печати, собраний и т. п.³ В Англии это была одна из политических традиций, которая шла еще со времен Великой хартии 1215 г.⁴, но особенно оживилось в ее населении чувство личной свободы благодаря протестантскому движению, лозунгом которого был индивидуализм и из которого вышел трактат Локка, написанный в защиту политической и индивидуальной свободы, вышло даже целое направление «свободных мыслителей». *В XVIII в. вопрос о правах личности и пределах власти государства стал на очередь*. Конечно, он существовал и раньше в форме вопроса о свободе совести и о принудительной власти в делах веры, принадлежала ли эта власть Церкви или государству, но лишь тогда он обобщился и распространился на все сферы индивидуальной жизни. Протестантские государственные церкви и тем более католическая реакция не признавали свободы совести; государство или по нужде, или отнесясь от конфессиональных стремлений, «терпело» иноверие, допуская

¹ Крайним выражением этого направления было учение Гоббса, о чем ниже.

² Письмо с печатью (*фр.*). — *Прим. ред.*

³ Мысль о законном ограждении индивидуальной свободы как об источнике всех специальных свобод в Англии хорошо аргументирует Дайси в «Основах государственного права Англии» (рус. пер. под ред. П.Г. Виноградова).

⁴ 39-я статья «Magna chartae libertatum».

его как милостивую со своей стороны уступку, которую могло взять и назад, но впервые в Англии в очень широких размерах и с прочными гарантиями нашел применение принцип свободы совести, как неотъемлемого права личности. Гарант религиозной свободы, которую французское или чешское дворянство видело в военной организации своих союзов, сделавшихся государствами в государстве, создавалась в Англии общим строем жизни и тем специальным законом, который обеспечивал индивидуальную свободу.

XXX. Утверждение абсолютизма во Франции¹

Политические идеи во Франции и государственная теория Бодена. — Идеал монарха у Бодена и Генрих IV. — Победа Генриха IV над феодальной реакцией. — Нотабли 1596 г. — Характер власти Генриха IV. — Смуты в малолетство Людовика XIII и генеральные штаты 1614–1615 гг. — Общий характер внутренней политики Ришелье. — Политическая литература при Ришелье и его «политическое завещание». — Мазарини и Фронда. — Отсутствие политической идеи в движении Фронды.

Религиозные войны во Франции прервали на время развитие королевского абсолютизма, достигшего при Франциске I и Генрихе II, т. е. в первой половине XVI в., перед усилением религиозного движения весьма значительных результатов. Генеральные штаты 1439 г. отказались от своего права вотируют субсидии, и с этого времени учреждение, никогда не достигавшее прочного влияния во Франции, приходит в упадок. Их созвал один раз Людовик XI, один раз — Карл VIII, один раз — Людовик XII, ни разу не созывал Франциск I и опять-таки — лишь один раз созвал Генрих II, да и в период религиозных войн они собирались только пять раз, если даже считать собрание депутатов от дворянства и третьего сословия в 1561 г. за полные штаты. Несмотря на всю популярность, какой пользовалась во Франции теория народовластия в кальвинистической и иезуитской обработке, действительность соответствовала не этой теории, а дру-

---

¹ Для эпохи Генриха IV, кроме сочинений, указанных выше: *Michelet*. Henri IV et Richelieu. — *Philippson*. Heinrich IV und Philipp III. Begründung der französischen Uebergewicht in Europa. — *Guadet*. Henri IV, sa vie, ses oeuvres, ses écrits. — *Jung E.* Henri IV considéré comme écrivain. — *Mercier de la Combe*. La politique de Henri IV. — *Lavisse*. Sully. — *Faignier*. L'industrie en France sous Henri IV. — Эпоха Ришелье представлена в исторической литературе многими сочинениями, из которых на первом месте нужно поставить одно из новейших, принадлежащее *d'Avenel* и озаглавленное: Richelieu et la monarchie absolue. Кроме того, *Bazin*. Histoire de France sous Louis XIII. — *Caillet*. Histoire de l'administration sous le ministère de Richelieu. — *Dussieux*. Le cardinal de Richelieu. — *Martineau*. Le cardinal de Richelieu. — *Marius Topin*. Louis XIII et Richelieu. — *Zeller B.* Richelieu et les ministres de Louis XIII. — *De la Garde*. Le duc de Rohan et les protestants sous Louis XIII. — По эпохе Мазарини и фронды: *Bazin*. Histoire de France sous le cardinal de Mazarin. — *Cheruel*. Histoire de la France pendant la minorité de Louis XIV. — *Ego же* Histoire de l'administration de Mazarin. — *Freer*. The regency of Anne of Austria. — *Saint-Aulaire*. Histoire des guerres de la Fronde (устарело, 1827). — *Debidour*. La fronde angevine. — *Caffarel*. La Fronde en Provence. — *Feillet*. La misère au temps de la Fronde et Saint Vincent de Paul. — Кроме того, к эпохе и предмету имеют отношение: *Zeller B.* Leconnétable de Luynes. — *Due d'Aumale*. Hist. des princes de Condé aux XVI et XVII siècles. — *Chantelauze*. Le cardinal Retz (пр. Конде и кард. Рец были деятели Фронды). Для истории французских учреждений см.: *Cheruel* (Hist. de l'administration) и *Dareste* (то же). — *Hanotaux*. Origine de l'institution des intendants. — *De Luçay*. Les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV.

гой, которая в XVI в. нашла своего выразителя в Жане Бодене¹. Кроме фанатических католиков, сочетавших в своих воззрениях демократические начала с теократическими, и кроме кальвинистов, у которых идея народовластия получала аристократический или сословный оттенок, во Франции, как мы видели, в эпоху религиозных войн существовала еще партия «политиков», к которой принадлежал Лопиталь и которая, наконец, увидела осуществление своих стремлений с воцарением Генриха IV. К числу представителей веротерпимости и к числу писателей, проводивших светские идеи в эту эпоху, когда на религиозную почву ставились и политические вопросы, принадлежал один из основателей науки государственного права в Новое время Жан Боден (Jean Bodin, латинизированный в Bodinus), книга которого «О государстве» (*De la république*) играет важную роль в истории политических учений. Боден, подобно Макиавелли, к своему предшественнику в качестве светского политического писателя относится — не в хронологическом, конечно, смысле — к эпохе классического Возрождения, а не к эпохе религиозной Реформации, и вот этот писатель выступает в своем сочинении как убежденный монархист. По его теории, государства произошли не от добровольного соглашения людей, а путем насильственного покорения одних людей другими, в силу чего существенный признак гражданина есть подчинение верховной власти, а не участие в совете и суде, как определял гражданина Аристотель, под верховной же властью Боден разумел постоянную и неограниченную власть государства: она постоянна лишь тогда, когда перенесена на известное лицо всецело, на неопределенный срок, — и именно лишь в том случае может быть названа верховной, когда передается без всяких условий, так что по существу своему власть эта есть право издавать и отменять законы, в силу которого ее носитель не может связывать себя какими бы то ни было обещаниями. Если бы, между прочим, говорит Боден, государь был связан соблюдать законы государства, которые исходят от народа, а не от него самого, то верховная власть принадлежала бы народу. Генеральные штаты равным образом не могут ограничивать власти короля, раз она ему принадлежит: все их значение в совете, в принесении жалоб и раскрытии злоупотреблений. В этом законодательном праве без чьего бы то ни было согласия Боден видел основу всех других прав верховной власти. С точки зрения единства и нераздельности суверенитета он отрицал смешанные формы правления и, признавая лишь чистые монархии, аристократии и демократии, отдавал предпочтение первой из названных форм. На народ он, подобно некоторым кальвинистам, смотрел как на многоголового и неразумного зверя, но он находил недостатки и в аристократии, указывая, между прочим, на раздоры между вельможами, которые, не имея над собою высшего судьи, должны решать свои разногласия

---

¹ *Baudrillard. Jean Baudin et son temps.*

оружием, не говоря уже о том, что аристократам и против народа трудно держаться вследствие его к ним ненависти. Самое важное преимущество монархии Боден усматривал в том, что лишь в ней может существовать единая верховная власть. Опровергая мнение тех, которые доказывали, что Франция была избирательной монархией, он особенно настаивал на том, что, наоборот, здесь королевская власть была всегда наследственной, а наследственная монархия у него является вообще единственным порядком, основанным на законах природы. Боден различает, однако, между законной монархией и тиранией, приглашая, впрочем, с осторожностью применять это различие, ибо государь часто бывает вынужден действовать так, что его поступки имеют вид тиранических: строгость не есть тирания, без строгости же нельзя восстановить нарушенное спокойствие в государстве, нельзя остановить насилия вельмож. Само собой разумеется, что Боден отрицал право сопротивления властям: если они у подданного требуют чего-либо противного закону Божьему или естественному, он не обязан повиноваться, но скорее должен претерпеть смерть, чем прибегнуть к самоуправству. Боден желал вместе с тем, чтобы правители стояли выше партий: это удобнее бывает именно для монархов, т. к. в аристократиях и демократиях сами правители делятся на партии. С точки зрения интересов государства Боден требовал и веротерпимости: нередко междоусобия производятся религиозными сектами; но прения о религии должны быть запрещены, т. к. они-то и ведут к распрям и колеблют истину в умах, без религии же государство существовать не может. Раз существуют в государстве секты, против них не должно действовать насилием, ибо оно своим следствием имеет лишь большее упорство и недовольство подданных своим государем. Правитель должен, по Бодену, стоять не только выше партии и вероисповедных различий, но и выше сословий: в монархии происходит сочетание правды уравнивающей, сильной в демократии, и правды распределяющей, сильной в аристократии, ибо монарх в управлении может давать место и демократическому и аристократическому элементам. Наконец, монарх, как представитель государственного единства, имеет под собою три сословия, умеряющие, но не ограничивающие его власть. По представлению Бодена, такое государственное устройство отражает на себе и мировой порядок, устанавливаемый единым, над всем возвышающимся и все приводящим к единству Богом.

Генрих IV довольно близко подходил к этому идеалу монарха, изображенному в сочинении Бодена о государстве. Ставя государя выше всякого человеческого закона, Боден подчинял его, однако, закону Божьему и естественному, от которых никто не имеет права отступать: Генрих IV, восстановивший во Франции абсолютную королевскую власть, также полагал, что «король не должен делать всего, что мог бы делать». Боден находил весьма полезными совещания монарха с подданными, но хотя Генрих IV и ни разу не созывал генеральные штаты, тем не менее он все-таки обра-

щался к нотаблям (1596), правда, «слушая их со шпагой у бока»; равным образом он выслушивал ремонстрации парламентов, хотя и не обратил на них внимания, когда захотел издать Нантский эдикт. Боден хотел, чтобы монарх был верховным миротворцем, между прочим, в делах веры, и Генрих IV выполнил эту свою задачу — в религиозном вопросе Нантским эдиктом, стремясь к установлению правильного общежития между приверженцами разных вероисповеданий в одном и том же государстве. Но в книге Бодена есть и другая черта, обращающая на себя внимание: это желание иметь в государстве такую власть, которая стояла бы выше разрозненных социальных элементов и подчиняла бы их высшему государственному единству. Боден не теоретически только указывал на недостатки аристократии: перед его глазами происходили раздоры аристократических партий, совершались насилия вельмож, нарушалось спокойствие государства.

Теории народовластия во Франции XVI в. были только знаменем для феодальной реакции, поднявшей голову при первом ослаблении власти. Политическая оппозиция против королевской власти во Франции только в требовании религиозной свободы происходила во имя более высокой политической идеи, но в остальных отношениях это было стремление вернуться к старому быту, именно к феодализму. Генриху IV приходилось прямо совершать ту же работу, над которой трудились его предшественники в течение нескольких веков, работу собирания земли, ибо политический феодализм положительно оживал: *абсолютная монархия оправдывалась во Франции тем, что только она могла поддержать государственное единство народа и страны и умиротворить ее внутри.* Генрих IV застал при своем вступлении на престол такой порядок вещей: в отдельных провинциях королевские губернаторы из католической знати, в том числе шесть Гизов, сделались независимыми правителями, не желавшими признавать Генриха IV королем, опираясь на местные парламенты и на лигу, а протестантские вельможи тоже по своему усмотрению устанавливали налоги, начальствовали войсками. Воскресали феодальные понятия, и один из вельмож откровенно выражал желание, чтобы губернаторства были отданы в собственность их заместителям под условием простой феодальной присяги, «как это некогда делалось». Губернаторам провинции, не повиновавшимся королю, не хотели в свою очередь подчиняться коменданты отдельных крепостей и местные сеньоры, возрождавшие времена феодальной анархии с нападениями на деревни, грабежами крестьян, неистовствами над мирными жителями. Это восстановление феодализма заставляло население искать защиты у короля: даже католическая буржуазия начинала видеть в Генрихе IV спасителя от анархии. Лион, принадлежавший к лиге, восстал против намерения герцога Немурского устроить себе княжество в его области. Гренобльский парламент, тоже лигистский, воспротивился плану герцога Савойского восстановить древнее Арелатское королевство. Сеньор Баланьи, отнявший Камбрэ у герцога Анжуйского, предпочел под-

чиниться королю под условием сохранения губернаторства, чем отдать город герцогу. Генриху IV стоило тем не менее большого труда и много денег возвратить короне отдельные замки, города, провинции. Многие пришлось покупать за деньги и выгодные должности: Виллар за передачу нормандских крепостей получил около 4 миллионов ливров, Гиз — столько же за Шампань, герцог Майенский (из Гизов) — немного менее за Бургундию и т. д., а последней поддалась Бретань, губернатор которой Меркер (тоже один из Гизов) взял 4 миллиона ливров и выговорил условие, чтобы его дочь вышла замуж за одного из незаконных сыновей короля, герцога Вандома. Всего было заплачено таким образом тридцать два миллиона. Весьма естественно, что аристократические оппоненты, тиранически относившиеся к населению и оказавшиеся продажными, не могли пользоваться сочувствием народной массы, и последняя обратилась к королевской власти. Но и после подчинения вельмож у Генриха IV было с ними немало хлопот, т. к. они продолжали действовать по-старому. Бирон, получивший от короля герцогский титул, маршальство и губернаторство в Бургундии, задумал сделаться независимым князем и заключил договор с испанским королем и савойским герцогом, а герцог Бульонский хотел передать испанцам Седан. Многие города подчинились Генриху IV лишь под известными условиями — не иметь в своих стенах королевского гарнизона, не допускать у себя возведения цитадели и т. п., и Амьен, например, выразивший желание быть охраняемым лишь собственными гражданами, поплатился за это, врасплох захваченный испанцами (1597). После этого нечего удивляться, что и гугеноты равным образом стремились к тому, чтобы сделать из своей организации государство в государстве. Все это обнаруживает истинный характер борьбы против королевской власти в XVI в.: тут было не стремление изменить государственный строй во имя высшей идеи, а стремление расхитить государство. Стоило только Генриху IV сомкнуть навеки глаза, как феодальная реакция снова подняла голову, но собранные тогда *генеральные штаты показали, что их время прошло и что тогдашнее французское общество было неспособно к политическому самоуправлению*. Сам Генрих IV лишь один раз созвал собрание нотаблей, указания которых сделались исходным пунктом его крупных реформ, ибо, как мы еще увидим, *французская абсолютная монархия тотчас после своего возрождения начала совершать органическую работу в виде целого ряда реформ*. Нотабли вотировали налоги лишь на три года, выразив желание быть снова созванными по истечении этого срока, а для контроля за употреблением части казенных денег назначили особый счетный комитет (*conseil de raison*), но члены этого совета весьма скоро между собою перессорились и, отказавшись от ведения возложенного на них дела, просили короля взять его в свои руки.

Генрих IV, один из наиболее замечательных королей Франции, уже по одному тому не делавший всего для него возможного, что многое было возможно

лишь в теории, а на практике встречало массу препятствий, совершенно, как идеальный монарх Бодена, умел возвышаться над противоположными интересами партий, вероисповеданий, сословий и отдельных местностей, соединяя всех и вся в высшем государственном единстве. Старые провинциальные, феодальные, муниципальные вольности не ограничивали, как того хотел и Боден, а только умеряли его власть, которой он и не мог бы, если бы даже захотел, пользоваться на всей своей воле, т. к. ему приходилось сообразовываться с очень многим. Это еще не была вполне абсолютная монархия, какую создал Ришелье, ибо Генриху IV нельзя было еще не считаться с сильными политическими традициями отдельных местностей и сословий. Только его ловкая рука направляла все к одной цели, и он уже думал воспользоваться плодами своей мудрой внутренней политики, когда кинжал Равальяка пресек его дни.

Генриху IV наследовал его малолетний сын Людовик XIII (1610—1643), регентство же досталось матери маленького короля, Марии Медичи. Для феодальной реакции опять наступило удобное время, и только когда кардинал Ришелье взял в свои крепкие руки ведение дел (1624), работа, столь успешно начатая Генрихом IV, стала продолжаться. Рассказ о смутах в начале царствования Людовика XIII потребовал бы слишком много места: коротко сказать, вельможи (принц Конде и др.) снова подняли восстание под предлогами дурного ведения дел фаворитом регентши Кончини и обременения народа, но, увидев, что последний не поднимается, что лига умерла, что протестанты не думают к ним присоединиться, они примирились с двором, получив за это по сотням тысяч ливров (1614). Им удалось настоять на созвании генеральных штатов, а когда они были распущены, Конде снова поднимает восстание под тем предлогом, что желания штатов остаются неудовлетворенными, но весьма скоро удовлетворяется сам новой подачкой в полтора миллиона ливров (1616). Через несколько времени, когда Конде задумал снова приняться за старое, он был арестован, и особый королевский манифест объявил, что принцы Конде, Майенский, Неверский, Лонгвильский, Вандомский и Бульонский стремились создать по отдельной тирании в каждой провинции. Затем к 1617 г. молодой король отделался от Кончини и изгнал свою мать, что было причиной новой смуты, во время которой фаворит короля Люин действовал так же, как прежде Кончини, а королева-мать потребовала себе губернаторство в Анжу и три крепости в обеспечение своей безопасности. Богатые сеньоры, державшие массу домочадцев и слуг, не знавшие никакой сдержки и находившиеся в вечных ссорах между собой, составляли опасную силу для слабого правительства. Собственно говоря, на них держалось все былое могущество протестантской партии, но в царствование Людовика XIII начался их обратный переход в католицизм: уже в смутах второго десятилетия XVII в. протестанты из горожан не участвуют, хотя Конде и приглашал их к нему присоединиться, ибо они были довольны своим положением.

ем и восстали в двадцатых годах уже по иному поводу. *У феодальной реакции начала царствования Людовика XIII не было никакой идеи, и то же можно сказать о смутах в малолетство Людовика XIV*, о знаменитой Фронде, в которой главную роль играли те же принцы и магнаты, думавшие после смерти Генриха IV, что «время королей прошло и что наступило время вельмож и князей», или как сказал один дворянин-кальвинист: «Le roi est mineur, soyons majeurs».

Генеральные штаты, собранные в 1614 г. и распущенные в 1615 г., показали и нации, и самой королевской власти, что *никакая солидарность не была возможна между тремя сословиями государства, вследствие чего третье сословие предпочло королевский абсолютизм крайней неуступчивости и заносчивости привилегированных сословий*. Сословный антагонизм, сделавший и в Германии в XVI в. невозможным союз общественных элементов, недовольных князьями, — которые благодаря этому и вышли победителями из всех смут, — во Франции был одной из причин установления королевского абсолютизма: именно окружающая действительность приводила еще раньше Бодена к мысли о короле как верховном умиротворителе противоположных общественных элементов. История генеральных штатов 1614—1615 гг. весьма печальна¹. В своей речи перед открытием заседаний король указал на задачу штатов — представить ему жалобы и желания отдельных сословий, и вот в том, что изложили три государственных чина, нашлось место только для страшного антагонизма, существовавшего в междусословных отношениях французской нации; лишь одно третье сословие, имевшее против себя два высших, в своих желаниях обнаружило больше политического смысла. Духовенство отказывалось что бы то ни было платить государству, требовало обнародования тридентских постановлений при соблюдении, однако, и галликанских вольностей, но третье сословие высказалось против этого и даже решительно заявило, что французская корона независима от какой бы то ни было власти на земле и что никто не может освободить подданных от присяги, данной королю, и таким образом протестовало против учения о подчинении государства Церкви. Оно требовало далее, чтобы впредь монастырские имущества не увеличивались, чтобы духовные, владеющие недвижимой собственностью в городах, платили городские налоги, чтобы иезуиты подчинялись одним и тем же государственным постановлениям, как и другие ордена. Еще сильнее был разлад между дворянством и третьим сословием. Двор был солидарен с аристократией, а третье сословие подвергалось унижениям: в то время как члены высших сословий сидели в присутствии короля с покрытыми головами, третье сословие представлялось ему, стоя на коленях и без шляп, когда же один депутат послед-

---

¹ См. в разных трудах по истории états généraux, у Ог. Тьерри (Essai sur la formation et les progrès du tiers état) и в др. сочинениях.

него сравнил короля с отцом семейства, у которого три сына: духовенство, дворянство и tiers état, дворяне протестовали против такого оскорбления, заявив, что они не желают быть братьями сыновей сапожников и шорников и что между ними и третьим сословием такая же разница, какая существует между господами и лакеями. Один депутат третьего сословия подвергся однажды палочным ударам, нанесенным ему дворянином, и не мог добиться суда. Таким отношениям соответствовали и требования дворян. Они желали, чтобы третье сословие было лишено права занимать известные должности, чтобы жены горожан не смели одеваться как дворянские дамы, чтобы ходить на охоту могли только одни благородные и т. д. Третье сословие со своей стороны жаловалось на обиды, чинимые ему дворянством, на то, что последнее грабит государство, что своими вымогательствами благородные довели страну до полного разорения, что народу придется, как скотине, питаться травой, и это заявление вызвало в собрании целую бурю. В cahier de doléances третьего сословия мы находим, далее, целую программу реформ и, между прочим, просьбу об отмене феодальных привилегий сеньоров и о том, чтобы последние обязаны были освободить своих крепостных за известный выкуп. Замечательна была также речь парижского купеческого старшины Роберта Мирона, бывшего председателем третьего сословия: в ней он изобразил бедственное положение народа и просил короля спасти этот «бедный народ, у которого остаются только кости да кожи», а для этого королю нужно только употребить свою власть, нужен лишь «un coup de majesté». Тем не менее третье сословие присоединялось к двум высшим в желании, чтобы генеральные штаты созывались, по крайней мере, один раз в десять лет. Но штаты более не созывались вплоть до 1789 г., а после собрания нотаблей 1617 и 1626 г. Франция совершенно была лишена какого бы то ни было народного представительства, хотя на значение такового и заявил притязание парижский парламент с другими высшими государственными учреждениями, как мы это видим в эпоху Фронды и как это было потом в XVIII в.

В числе депутатов от духовенства на генеральных штатах 1614–1615 гг. был епископ Люсонский (Luçon) Ришелье (род. 1585), который вскоре вступил в королевский совет и через несколько лет, совершенно овладев бесхарактерным королем, стал во главе управления Францией, занимая это место в сане кардинала в течение девятнадцати лет (1624–1642). Время, когда Ришелье был первым министром, и было эпохой окончательного утверждения абсолютистской монархии во Франции на месте той, как выражается Авенель, автор лучшего сочинения об этом предмете¹, традиционной монархии (monarchie traditionnelle), которая основывалась на своего рода обычном государственном праве и в которой королевская власть если не ограничивалась, то все-таки умерялась генеральными штатами и парламентом, провинциальными,

---

¹ D'Avenel. Richelieu et la monarchie absolue.

муниципальными, сословными и корпоративными привилегиями, а также известными преданиями и обычаями. Королевская власть уже раньше развивалась в направлении полного абсолютизма, и Ришелье своей деятельностью завершил этот процесс. Человек властный по самой своей природе, он *по воззрениям своим был, прежде всего, государственный, смотревший на все исключительно с государственной точки зрения, стремившийся подчинить все государственному началу*¹. В области фактических отношений он шел по стопам тех французских королей, которые во имя государственной идеи нарушали права Церкви, сословий, провинций, городов, корпорации, частных лиц, шел той же дорогой, по которой в Новое время в других государствах шли итальянские князья, Карл V и Филипп II, австрийские Габсбурги, Максимилиан Баварский, в области теории принадлежал к направлению, заимствовавшему у античного мира идею всемогущего государства с полным отрицанием каких бы то ни было индивидуальных прав и выставившему таких государственных, какими в XVI в. был Макиавелли, а в середине XVII столетия английский философ Гоббс. От испанских и австрийских Габсбургов, от Максимилиана Баварского, также «подтягивавшего» свое княжество, Ришелье отличался тем, что его абсолютизм не имел вероисповедного характера, что его концепция государства была светская, и, быть может, в этом отношении с Ришелье из его современников можно было бы сравнить Валленштейна, такую же притом властную натуру, такой же организаторский талант. От Генриха IV Ришелье также весьма сильно отличался: этот король был вроде идеального монарха Бодена, сдерживающего себя божеским и естественным законом, ибо он сам находил, что он не должен был делать всего, что только мог, а своей власти хотел придать характер отеческого управления, заботливого по отношению к народу, примирительного по отношению к дворянству, во всяком случае, милостивого, чем его поведение не совсем соответствовало Боденовой строгости. Другое дело — первый министр Людовика XIII: это был деятель во вкусе Макиавелли, знавший только то, что получило название *raison d'état*, вместо всяких божеских и естественных законов, оберегающих личность; он считал себя вправе делать все, что фактически было в его власти, когда этого требовала «государственная польза», истолкователем которой он признавал только себя как лицо, облеченное властью; его правление далеко было от отеческой строгости, рекомендовавшейся Боденом, ибо это было правление, которое и по определению этого писателя подошло бы под категорию тиранического. Деспотизм Ришелье, несомненно, был гораздо суровее того, который отличает и Людовика XIV, но между Ришелье и Людовиком XIV была та разница, что у великого министра на первом плане стояла идея

¹ Для истории государственного начала как политического принципа, см. соч. *Ferrari. Histoire de la raison d'état.*

государства, каким бы односторонним характером она ни отличалась, тогда как у короля, которого тоже называли великим (Louis le Grand) эта идея заменялась представлением о королевском Я (*l'état c'est moi*), не говоря уже о том, что кардинал был веротерпим, а Людовик XIV гнал гугенотов и отменил Нантский эдикт. *Политическая идея французских правителей постепенно суживалась*: Генрих IV был представителем идеи народного блага, которому должно служить государство; Ришелье отделил принцип государственной пользы от идеи общественного благосостояния; Людовик XIV и интересы государства, как их понимал Ришелье, приносил в жертву личным и династическим выгодам. Вот почему вполне можно согласиться с теми историками, которые утверждают, что лучшим временем в истории старой Франции было короткое царствование Генриха IV.

Ришелье был не только практическим государственным деятелем, но и теоретиком государственного начала и королевского абсолютизма. В качестве министра он поощрял развитие публицистики в этом направлении: в ней уже звучит нота того обожествления королевской власти, которое потом вполне проявилось в политических воззрениях Людовика XIV. Сам Ришелье утверждал, что короли суть живые изображения Божества, а по поводу предсмертного причащения Людовика XIII было сказано, что в этом моменте произошла встреча их величеств — небесного и земного! Один из государственных советников при Ришелье Лебре (Lebret) написал книгу «*Traité de la souveraineté du roy*» (1632), заключающую в себе теорию, которая сделалась впоследствии теорией Людовика XIV. Сам Ришелье высказал свои воззрения на государственную деятельность в своих «Мемуарах», в своих «*Maximes d'état*», в своем знаменитом «Политическом завещании» (*Testament politique*). Некоторые места из его сочинений могут быть прямо лучшей характеристикой его системы. «Для правительства, — писал, например, Ришелье, — прежде всего, необходимо безусловное повиновение всех. Для этого правительство само должно иметь твердую волю в исполнении того, что оно считает справедливым, никогда не должно колебаться при исполнении своих намерений и строго наказывать тех, которые являются ослушниками. Правление государством требует мужской силы и непоколебимой твердости. Необходимо, чтобы государственная цель всегда, во всяком случае, стояла впереди всех других соображений. Относительно государственных преступлений надобно отложить всякое сострадание, пренебречь жалобами участников и ропотом невежественной толпы, которая не знает, что ей полезно и необходимо. Обязанность христианина забывать личные оскорбления, обязанность правительства никогда не забывать оскорблений, наносимых государству. Государи обязаны в духовных делах подчиняться папам, но не должны позволять им вмешиваться в светские дела». Эти взгляды Ришелье на верховенство, всемогущество и непогрешимость государства дополняются его взглядом на значение отдельных сословий: «Дворянство нужно защищать от чинов-

ников, которые поднялись в ущерб ему; но должно положить предел насилиям дворянства относительно простого народа. Надобно охранять имения дворянства и облегчать приобретение новых, чтобы оно могло служить государству на войне: это его главная обязанность, ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживает тех прав и преимуществ, которые отличают его от горожан. Судьи должны судить и только: нельзя позволять им вмешиваться в законодательство государственное. Народ должен быть содержим в покорности; подати служат к тому, чтобы ему не было слишком хорошо, дабы он не перешел границы своих обязанностей. Но подати не должны быть слишком тяжелы; государи обязаны не брать у своих подданных более нужного, а в случай нужды прежде обращаться к излишку богатых». Интересен не менее и взгляд на науку, на которую Ришелье смотрит с исключительно государственной точки зрения. «Науки служат одним из величайших украшений государства, и обойтись без них нельзя; но понятно, что их не должно и преподавать всем без различия, иначе государство будет похоже на безобразное тело, которое во всех частях своих будет иметь глаза. Усиленное занятие науками повредит торговле, обогащающей государства, и земледелию, питающему народы, произведет опустошение в рядах солдат, которым приличнее грубое невежество, чем тонкость знания».

Мы еще увидим, какими мерами устанавливал Ришелье во Франции государственные порядки, а здесь остановимся на последней реакции против королевского абсолютизма, бывшей во Франции после смерти Ришелье.

Кардинал умер в 1642 г., и скоро за ним последовал в могилу и Людовик XIII (1643), оставив малолетнего сына Людовика XIV и вдову Анну Австрийскую, которая, сделавшись регентшей, приблизила к себе, как доверенное лицо, и первого министра, итальянца кардинала Мазарини. До самой своей смерти (в 1661) ловкий и хитрый министр держал в своих руках бразды правления, хотя ему и приходилось даже удалиться в изгнание. Мазарини продолжал войну, начатую его предшественником в Германии, и при нем был заключен выгодный для Франции Вестфальский мир, а Пиренейским миром 1659 г. была окончена война с Испанией, происходившая во время смут Фронды (последний мир был скреплен браком Людовика XIV, достигшего тогда двадцатиоднолетнего возраста, с испанской инфантой Марией-Терезией). Мазарини вышел с успехом и из тех затруднений, какие создала ему Фронда, но тут ему, кроме его изворотливости, большую помощь оказала слабость, разрозненность и, можно даже сказать, полная беспомощность оппозиционного движения, снова происшедшего во Франции при малолетнем короле и женщине во главе правления. Началась старая история, осложнившаяся только новыми явлениями. Знать с принципами крови во главе, *importans*, как их называли за их заносчивость (Конде, Конти, Бофор, герцог Бульонский), требовали, чтобы им передали управление

государством, стремились к получению губернаторств, вымогали у правительства деньги в виде пенсий, ссорились между собой, то переходили на сторону двора, то опять против него восставали, интриговали при дворе с помощью дам, соединялись и разъединялись с другими силами, участвовавшими в движении, вступали в договоры с Испанией и переходили к ней на службу, так что путаница была страшная, но толку никакого в ней не было. Но кроме дворянства, в эти годы против правительства восставали и демократические элементы, население Парижа и других городов: сам двор должен был обращаться в бегство, переселяться в Сен-Жермен, так что ранние впечатления, полученные Людовиком XIV, должны были сделать его крайним врагом общественных движений. Парижской милиции пришлось даже вести формальную войну с королевскими войсками, во главе которых стоял принц Конде, впрочем, союзник ненадежный, т. к. впоследствии он сам сражался против королевских войск, имея против себя Тюренна, бывшего сначала на противной же стороне, и даже становился во главе испанских отрядов. Но и буржуазия могла бояться движения среди низших классов общества; все тот же Конде однажды возбудил в Париже простонародное движение, результатом которого была резня в ратуше (*Hôtel de ville*) представителей городского самоуправления и именитых граждан. Сельское население, в котором раньше происходили бунты, во Фронде участия не принимало, но оно страшно страдало от междоусобия и от анархии, от произвола сеньоров, от грабительства наемных солдат самых разнообразных национальностей, переносивших во Францию такие же способы ведения войны, какие практиковались в Германии в оканчивавшейся тогда Тридцатилетней войне. Вместе со знатью и с некоторыми городами, особенно с Бордо, одно время сделавшимся как бы столицей Фронды, в этом движении приняла участие и высшая магистратура. Парижский парламент, за которым Ришелье не признавал никаких политических прав, выступает в эти годы в роли защитника народных интересов, то становясь на сторону знати, то ссорясь с нею, то поддерживаемый демократическим движением, то отставая от него. Королева-испанка, первый министр-итальянец, итальянец же и министр финансов (*Particelli d'Emeri, surintendant des finances*) сорили деньгами, между прочим, раздавая большие суммы знати, чтобы та смирно сидела, устанавливали новые налоги, не выплачивали долгов кредиторам и задавали интересы самой магистратуры следующим образом. По старому закону о продажности должностей, член парламента мог перепродать свою должность другому лицу, уплатив королю треть цены, но продажа считалась действительной лишь тогда, когда совершалась более чем за сорок дней до смерти продавца, в противном же случае должность возвращалась королю. Генрихом IV это ограничение было в 1604 г. уничтожено по совету финансиста Поле (*Paulet*) под условием уплаты ежегодной пошлины, получившей название полетты (*la paulette*) и равнявшейся одной шестиде-

сятой дохода с должности. Правительство теперь нарушало эту привилегию, требуя от членов парламента за ее подтверждение их жалованья за целые четыре года. По так называемому *arrêt d'union* (13 мая 1648 г.) четыре «верховные курии» (*cours souveraines*), пользовавшиеся тем же положением, какое имел парламент, т. е. сам парламент, счетная палата (*cour des comptes*), финансовая палата (*cour des aides*) и большой совет, вздумали заменить собой генеральные штаты, т. е. другими словами, наследственное чиновничество (*noblesse de robe*), королевские слуги (*gens du roi*) хотели играть роль сословного представительства. Как бы там ни было, только в этом предприятии и была еще политическая идея, т. к. собрание членов верховных курий, к которому примкнула такая же *noblesse de robe* в провинциях, составило целый конституционный проект. Так как правительство прибегло к насильственным мерам против магистратуры, то среди парижского населения и вспыхнуло восстание (день баррикад, 26 авг. 1648 г.) в защиту парламента, нашедшего поддержку и в аристократии. Но парламент скоро отстал от Фронды: хотя он сначала и ссылся на происходившую тогда в Англии революцию, но казнь Карла I (30 января 1649 г.), союз с Испанией, заключенный мятежными принцами, и бурный характер городского движения заставили членов парламента сблизиться с двором (весна 1649 г.), удовольствоваться несколькими уступками и не настаивать более на своем проекте, который в конце 1648 г. (24 окт.) был принят королевой как закон государства. После этого Фронда лишилась какой бы то ни было руководящей идеи и превратилась в аристократическую усобицу и простой народный бунт, продолжавшиеся еще несколько лет. Конституция, придуманная верховными куриями, заключала в себе такие две статьи (всех было 27): налоги и пошлины должны устанавливаться только с согласия верховных курий (3); никто не может быть арестован без того, чтобы в течение суток не быть допрошенным и переданным его естественному судье (6). Другими словами, парламент стремился ограничить королевскую власть и уничтожить произвол администрации, оградив от него личную свободу, но вместо того, чтобы сделать первое в пользу представителей народа, он задумал создать во Франции чиновничью олигархию. А это была единственная еще серьезная мысль во всем движении, хотя в речах и политических памфлетах этой эпохи было много громких фраз о свободе, о республике, о правах народа, много ссылок на древних римлян и англичан, которые тогда тоже вели борьбу со своим королем. Последние ссылки менее всего подходили к обстоятельствам, ибо в Англии борьба велась народным представительством при известной солидарности представленных классов, во имя определенных идеалов, в защиту утвердившихся в общественном сознании принципов, во французском же движении конца сороковых годов ничего этого не было. Когда верховные курии устранились из борьбы, в ней участвовали только придворные дамы, ветреные кавалеры, мятежные принцы, хитрые интриганы (вроде коадью-

тора, архиепископа Парижского, Гонди, впоследствии кардинала Реца), что и доставило торжество Мазарини (1652). В политической литературе от этой смутной эпохи остались только тысячи «мазаринад», летучих листов со стихами и прозой против Мазарини, который дурно говорил по-французски, произносил «union» (в *arrêt d'union*), почти как *oignon* и т. п.¹ Это как бы доказывало и *отсутствие серьезной политической идеи в движении Фронды*, идеи, которая могла бы соединить разрозненные специальные элементы в одном общем деле. Каждый из участников Фронды потерпел поражение, и восстановленный Мазарини абсолютизм уже не встречал сопротивления. Анархия, как это часто бывает в истории, только подготавливала усиление деспотизма, и нация, уставшая от смут, готова была жертвовать свободой — внутреннему спокойствию и порядку. Но абсолютизм приносил Франции не одно внутреннее спокойствие: *французская монархия приняла на себя реформаторскую деятельность, к сожалению, скоро оставленную или исказившуюся вследствие одностороннего своего направления.*

---

¹ Moreau. Bibliographie des mazarinades.

XXXI. Организационная работа французской монархии

Внутренние преобразования и органическая работа государства в XVI и XVII вв. — Генрих IV и Сюлли. — Заботы о сельском хозяйстве и крестьянском благосостоянии. — Заботы о промышленности и торговле. — Улучшение финансов. — Ришелье и гугеноты. — Установление внутреннего порядка. — Бюрократизм нового государства. — Учреждения Ришелье. — Государство Нового времени. — Умственная жизнь. — Происхождение меркантилизма.

В XVI в. на первом плане стояла церковная реформа, которой с конца XIV в. требовало просвещенное общественное мнение и в которой, кроме самой Церкви, нуждались и государство, и общество. Но последние и сами по себе нуждались во внутренних преобразованиях; в некоторых странах потребность в политической и социальной реформе чувствовалась даже с особой силой, особенно ясно сознавалась. Такой страной была в XVI в. главным образом Германия, где со второй половины предыдущего столетия создавались многочисленные планы Реформации в тогдашнем значении слова, где делались попытки преобразований на сеймах, где под знаменем религиозного движения совершилось и движение общественное с более или менее широкими программами внутренних преобразований. Мы видели, что политическая и социальная реформы потерпели в Германии крушение: им не удалось расположить императора в свою пользу, а князья были против них, так что общее положение дел, каким оно было при начале религиозной Реформации, не только не улучшилось, но даже ухудшилось благодаря ходу последующих событий, в особенности вследствие Тридцатилетней войны. Весь вопрос в Германии заключался в том, чтобы осуществить преобразование, опираясь на крепкую государственную власть. Такая власть существовала в других государствах, но она увлекалась широкими планами внешней политики, вероисповедной борьбой, расширением своих прав и добыванием денег всякими правдами и неправдами, мало заботясь об экономическом развитии и еще менее об умственной культуре. Типической страной, где государство беспечно относилось и к материальному благосостоянию, и к духовному просвещению подданных, была в XVII в. Испания, за то и падавшая все ниже и ниже. Да и другие страны были не лучше, например Австрия, или лишь позднее являлись в них государственные люди с более широкими планами внутреннего переустройства (великий курфюрст в Пруссии во второй половине XVII в.). Франция в XVIII в., когда в других государствах действовала политика «просвещенного деспотизма», была тоже примером подобного законодательного застоя, но зато в *первой половине XVII в., при Генрихе II и Ришелье и позднее, при Людовике XIV, когда действовал еще Кольбер, она,*

наоборот, была страной, в которой шла деятельная органическая работа государства. Имена Генриха IV и его не только первого, но и всеобщего министра Сюлли тесно связаны с начальным периодом этой органической работы, оканчивающимся в 1610 г.

После религиозных войн, продолжавшихся с перерывами более тридцати лет, Франция находилась в весьма печальном состоянии. Генрих IV серьезно занялся уврачеванием ран, нанесенных Франции этой анархией, и с особенной заботой отнесся он к положению народной массы. Знаменитая курица в горшке крестьянина по воскресным дням, о которой говорил король, была чем-то новым и чем-то скоро после Генриха IV позабытым, когда Ришелье проповедовал, что народ не нужно содержать слишком хорошо. Пусть у Генриха IV было и то соображение, что «если разорят народ, то кто же станет содержать короля и нести на себе бремя государственных расходов», но и это соображение приходило тогда далеко не всем в голову. Поднять экономическое благосостояние народной массы — такова была одна из задач, поставленных Генрихом IV для своей деятельности как правителя, и он нашел хорошего исполнителя своих мыслей на этот счет в маркизе де Рони (Rosny), позднее носившем титул и имя герцога Сюлли. Генрих IV и Сюлли были друзья с молодых лет, вместе делили труды, опасности и невзгоды военного времени, а советам своего друга король был даже очень многим обязан, хотя подчас Сюлли читал не особенно приятные нотации слишком подвижному и зарывавшемуся королю. Суровый гугенот, хотя и не безупречный, как человек, бережный хозяин, верный слуга короля, он был во внутреннем управлении всем, сосредоточив в своих руках разные ведомства, но главным образом его специальностью было народное и государственное хозяйство. Относительно первого он держался той идеи, что двумя сосцами, питающими государство, являются земледелие и скотоводство: таким образом, он был предшественником физиократов, державшихся той же мысли. Генрих IV с ним расходился в этом отношении, придавая значение обрабатывающей промышленности и торговле и оказывая им покровительство. В государственном хозяйстве Франции Сюлли принадлежит та несомненная заслуга, что он в сравнительно короткое время исправил финансовое положение Франции, расплатившись со многими долгами, возвысив доходы государства, собрав большой запасный капитал, который после него, однако, стал расхищаться, так что без Сюлли Генриху IV было бы трудно выкупить Францию у поделивших между собой ее провинции вельмож.

Участливое отношение Генриха IV к народной массе выразилось, между прочим, в том, что, когда дворянские насилия в 1594 г. вызвали в некоторых местностях крестьянский бунт «кроканов» (croquants), в котором приняли участие до 50 тыс. человек, он старался успокоить волнение мягкими мерами и обещаниями улучшить судьбу сельского населения, заметив, что, пожалуй, и сам он сделался бы кроканом. В его время (1600) один протестантский дво-

рянин Оливье де Серр написал книгу, выдержавшую в короткое время несколько изданий и обратившую на себя большое внимание короля: это был «Театр земледелия» (Théâtre d'agriculture), где делается одна из первых попыток поставить сельское хозяйство на научную почву. Книга так заинтересовала Генриха IV, что он прочитал ее целиком, несмотря на крайне специальные предметы, о которых в ней трактовалось: король ежедневно отводил полчаса времени на чтение «Театра земледелия». Вот главные меры, которыми Генрих IV думал облегчить положения крестьян: уменьшение налогов, запрещение продавать скот, домашнюю утварь и земледельческие орудия за казенные недоимки и частные долги, разрешение приходам выкупать отчужденные общинные земли (les communaux) и т. д. Идеалом Генриха IV, Сюлли и Оливье де Серра был добрый помещик, живущий в своем замке и вследствие разумного расчета благодетельствующий своим крестьянам. Это было, конечно, довольно наивно, и их, как выражается Мишле, «роман не осуществился», ибо «они полагали, что волк делается пастухом, а вышло наоборот». В хозяйственной жизни страны это была эпоха, когда зарождалось во Франции фермерство, заставлявшее землевладельцев уничтожать наследственные цензивы крестьян для отдачи их в краткосрочную аренду с повышением платы при каждом возобновлении контракта.

Промышленность и торговля, равно как и буржуазия, ими занимавшаяся, нашли в Генрихе IV покровителя, решительно предпочитавшего промышленный тип общества военному. Он лично принимал большое участие в том, чтобы во Франции развить шелковое, ковровое, стеклянное, стальное и др. производства. Государство занялось деятельной постройкой дорог, мостов, каналов, заводило почтовые сообщения, осушало болота, заключало торговые трактаты с иностранными державами, учреждало компании для заморской торговли, заводило колонии. В короткое время стал обнаруживаться подъем благосостояния, отразившийся и на финансах, в которые Сюлли внес порядок и бережливость, позволив ему сделать одно из значительных облегчений для народа — произвести понижение главного налога (талии) с двадцати миллионов ливров на четырнадцать.

Эта плодотворная работа, в которой с современных точек зрения, конечно, можно найти немало промахов и даже вредных сторон, но которую нужно оценивать, принимая в расчет то, куда были направлены интересы других современных правительств, была прервана по смерти Генриха IV и устранения Сюлли от дел расточительностью регентства и новой смутой. К хозяйственному направлению внутренней политики Франция вернулась только через полстолетия, в начале царствования Людовика XIV, благодаря Кольберу, которому, однако, мешала крайняя расточительность этого короля. Но кроме экономической задачи, у французского правительства была другая — создать новую систему внутреннего управления, и эта-то работа была совершена Ришелье.

Ришелье вступил в отправление должности первого министра в 1624 г., в то время когда в Германии уже происходила Тридцатилетняя война и католическая реакция уже свирепствовала в Чехии и Пфальце. В начале своего правления он ведет две войны с гугенотами, побеждает их, отнимает у них политические права, которые делали из них государство в государстве, но, как было уже сказано, оставляет за ними права религиозные. Войну с гугенотами Ришелье наследовал от предыдущего периода, ибо еще в 1620 г. у Людовика XIII произошло столкновение с протестантами. Дело в том, что Генрих IV обещал папе восстановить свободу католического богослужения в протестантском Беарне, но против этого были местные штаты и местный парламент, равно как и все население. Людовик XIII задумал силой заставить беарнцев допустить у себя религиозную свободу, но протестанты всполошились и даже провозгласили особый закон «республики реформированных церквей Франции и Беарна», обратившись за помощью к иностранным протестантам. Людовик XIII торжественно подтвердил эдикт, но это не остановило восстания, которое было, однако, подавлено (1623), после чего у гугенотов оставлено было лишь две крепости (Ла-Рошель и Монтобан), но все другие постановления Нантского эдикта были подтверждены. Двумя своими войнами против гугенотов (1625 и 1628—1629). Ришелье сокрушил их как политическую силу, ибо в его политический план входило не допускать никакого государства в государстве и стояло в связи со всей его борьбой против аристократии, бывшей, как известно, одним из любимых предметов известного рода исторических произведений, и вообще относилось к установлению того внутреннего порядка, ради которого предприняты были и административные реформы. Ришелье лично был верующий и набожный католик, он занимал, как кардинал, выдающееся положение в Римской Церкви, но это не мешало его веротерпимости, ибо он находил, что религиозные различия могут иметь значение для судьбы человека в будущей жизни и отнюдь не должны отражаться на нем в земных делах, что политические интересы не должны быть приносимы в жертву интересам вероисповедным. Отсюда и его возвращение к политической системе Генриха IV в международных отношениях, его участие в Тридцатилетней войне в союзе с протестантами, отсюда и то, что внутри Франции он поручал протестантам важные должности и поощрял предприятия промышленной части гугенотского населения. Он сам заявил монтобанскому протестантскому духовенству, что король не делает никакого различия между ними и католическими подданными. Весьма естественно, что враги Ришелье, которых у него было немало, величали его лапой гугенотов и патриархом атеистов.

Любопытно, что, будучи католиком и высоким сановником Римской Церкви, Ришелье оберегал французское государство от вероисповедной политики и от вмешательства курии в светские дела, а будучи по происхождению дворянином и разделяя предрассудки своего сословия, даже стараясь

поддержать его привилегии и принижая перед ним буржуазию, он главным образом вел борьбу против дворянства, которое в свою очередь делало несколько попыток низвергнуть кардинала, не остановившись даже перед мыслью заменить Людовика XIII его братом Гастоном Орлеанским: известно несколько заговоров дворян против Ришелье и даже два случая, когда вельможи (лангедокский губернатор Монморанси и граф Суассон в 1641 г.) брались за оружие, но Ришелье с беспощадной суровостью карал своих врагов, которых считал и врагами государства (когда у Ришелье уже на смертном одре духовник спросил, прощает ли он врагам, он ответил, что у него не было личных врагов и что его враги были враги государства). Поддерживая социальные привилегии дворянства, как это и вообще делала королевская политика в эпоху абсолютизма, министр Людовика XIII боролся с этим сословием, поскольку оно хотело играть политическую роль и поскольку оно вносило элементы беспорядка в государственную жизнь. Отсюда его приказания насчет уничтожения феодальных замков, за исключением пограничных (1626 и 1629), насчет непрерывных дуэлей, насчет ограждения сельских жителей от дворянского самоуправства, и, смотря на дворянские привилегии с той точки зрения, что они должны быть лишь вознаграждением за службу государству, он хотел даже сделать последнюю обязательной, основываясь на старинном праве королей требовать хоть и временной военной службы у владельцев феодалов, но эта попытка превратить дворянство в служилое сословие окончилась неудачей, т. к. встретила отпор со стороны всего сословия. Ришелье смирял неповиновение государству самыми суровыми мерами, благодаря которым не было существенной разницы между его внутренней политикой и деспотизмом испанских и австрийских Габсбургов: выше был приведен взгляд Ришелье на государственные преступления, под которые подводилось весьма многое, а в тех случаях, когда дело получало такой характер, нарушались самые элементарные требования правильного суда, ибо имелось только в виду, чтобы другим неповадно было. Ришелье находил, что в случаях оскорбления величества и бунта, — а под эти понятия подводились всякие без разбора проявления политической оппозиции, — должны наказываться самые мысли, недонесение — в такой же мере, как и преступления, должно наказываться по мере надобности без следствия¹: чрезвычайные судебные комиссии устраивались в доме самого Ришелье, в королевском кабинете и заседали в присутствии кардинала и даже под председательством самого Людовика XIII. В этом не было ничего необыкновенного по тем временам, и хотя бы, например, герцог Альба за полвека перед Ришелье действовал в Нидерландах так же, как и последний, но в других местах подобный произвол встречал отпор, тогда как во Франции масса населения примирялась с таким деспотизмом власти, потому что видела в нем средство избавления от аристократиче-

---

¹ «Il y a des crimes où il faut punir et puis informer», — слова самого Ришелье.

ской тирании. Подавляя беспорядки, Ришелье не делал никакого различия между знатными и незнатными, и когда в Нормандии вспыхнуло при нем крестьянское восстание босоножек (*les nus pieds*), он поступил и с ними по тому же принципу: чтобы другим не было повадно.

Обсуждая систему Ришелье, нужно принимать в расчет состояние общества, к жизни которого она могла привиться. Народная масса давно привыкла к феодальной тирании, и замена одного произвола другим не могла произвести в ней какого бы то ни было движения; более свободным духом отличалась буржуазия, но во Франции она в громадном большинстве случаев становилась на сторону государства в его борьбе с аристократией, последняя же понимала свободу в старом смысле феодального самоуправления, вследствие чего сельское население тоже лишь с сочувствием могло относиться к подавлению подобной свободы. Весьма естественно, что при таком состоянии общества *организационная работа французского правительства должна была получить характер развития бюрократического управления*. Во Франции чиновничество стало играть роль еще в очень отдаленное время, но оно само проникалось феодальными воззрениями, как это явствует из истории парижского парламента, а продажность должностей создавала неестественное положение чиновника, т. е. агента власти, который являлся вместе с тем собственником своей должности и потому был несменяем. Одинаковые причины порождают и одинаковые следствия: чиновничество являлось везде, где падало старое феодальное или муниципальное самоуправление, но не вырабатывалось такого самоуправления земского, какое мы наблюдаем в Англии; не один Ришелье поэтому был организатором бюрократического управления, ибо оно вводилось и в Испанской монархии, особенно при Филиппе II, при котором значительно развилось даже бумажное судопроизводство, или в немецких княжествах, где бюрократический принцип был проведен в церковное управление в протестантских землях, а Максимилиан Баварский еще раньше создавал в своем герцогстве настоящее полицейское государство (*Polizeistaat*) позднейшего времени, так что Ришелье действовал только в направлении, какое ранее его приняла уже внутренняя французская политика, и в том же духе, в каком действовали представители того же самого принципа абсолютной монархии в других странах до него, при нем и после него. Весьма естественно, что Ришелье вооружился против независимости органов власти, против самостоятельности исполнителей воли правительства, объявив парламентам, что у них нет иной власти, кроме той, какая им дана королем, отняв у них право сопротивляться королевским ордонамтам¹ и делать ремонстранции (с исключением для финансовых дел), выкупив должности коннетабля Франции и великого адмирала и заняв сам их места, устранив из государственного совета

---

¹ Droit d'enregistrement.

(conseil d'État) знать и магистратуру, лишив губернаторов того значения, какое они имели и благодаря которому могли делаться опасными самой центральной власти, и т. д. *Основывая управление государством на бюрократическом начале, Ришелье с особенным искусством вводил в это управление и централизацию.* Сам он был первым министром, имея под собой несколько министров статс-секретарей (ministres secrétaires d'état), в числе которых был один по военным делам, другой — для иностранных дел, третий — по финансам (surintendant des finances), четвертый — для юстиции (chancelier). Из государственного совета он исключил сановников, которые могли быть независимы по своему общественному положению, наполнив это учреждение настоящими чиновниками и сосредоточив в нем заведование всеми внутренними делами. За губернаторами, по-прежнему назначавшимися из знати, оставлено было только право блестящего представительства центральной власти в провинциях¹, действительная же власть была поручена назначавшимся из мелкого дворянства и буржуазии «интендантам полиции, юстиции финансов», которые, впрочем, были сначала скорее временными комиссарами правительства и лишь впоследствии сделались постоянными. Во времена Фронды и знать, и магистратура требовали их уничтожения, т. к. эта новая должность с самыми широкими полномочиями была противна старым провинциальным и сословным административным традициям; в XVIII в. интендантов сравнивали с персидскими сатрапами и с турецкими пашами, и в этом не было преувеличения, т. к. интенданты, в сущности, были местными, ничем не ограниченными представителями государственного всемогущества.

Государство Нового времени, весьма характерно олицетворявшееся французской монархией XVII в., несмотря на все остатки средневековой старины, стремясь к всемогуществу, *обнаруживало и тенденцию подчинить себе все проявления общественной жизни, не исключая и духовных.* Реформация, как мы не раз имели случай видеть, отдала в протестантских странах в государственное ведение самую религию, но помимо религии были и другие проявления умственной жизни, которые государство подчиняло своей опеке. Ришелье в этом отношении показывал пример. Созданная им «французская академия» должна была сделаться государственным учреждением для литературы, которой Ришелье не прочь был заниматься и сам: официальные представители литературы должны были служить в качестве установителей правил грамматики и правописания, установителей литературного вкуса². С другой стороны, Ришелье начал проводить в жизнь ту систему покровительства наукам, литературе и искусствам, которую с большим успехом продолжал Людовик XIV: они тоже должны были не только служить государству, но и руководствоваться его указаниями, что особенно выразилось в возникновении при Ришелье официальной прессы, вдохновлявшей-

¹ Чем были губернаторы раньше.

² По истории франц. академии соч. Pelisson'a, Fontenelle и др.

ся видами правительства. То моральное воздействие на общество, которое в Средние века принадлежало Церкви, а затем стало переходить к независимым выразителям общественного мнения в литературе, по мысли Ришелье, должно было перейти к государству. Если последнее, по его мнению, могло быть вполне индифферентно к религиозным разномыслиям, т. к. они имеют значение лишь по отношению к загробной жизни, а не к жизни в этом мире, то для правительства, наоборот, не безразлично было, как думают и что говорят люди о земных делах: литература, возникавшая периодическая пресса (*Gazette de France*¹), наука должны были безусловно подчиняться той силе, какую начинало представлять собой государство Нового времени. *Покровительство государства просвещению, начавшееся еще в меценатстве гуманистической эпохи, получало односторонний характер*, т. к. при этом имелись в виду либо цели чисто утилитарные, либо тот внешний блеск, за которым впоследствии гнался Людовик XIV, но во всяком случае такой режим не благоприятствовал ни свободе философской и научной мысли, особенно в вопросах общественных, ни независимости литературы как выразительницы неподдельного общественного мнения.

Всепоглощающее государство Нового времени, нуждавшееся притом в деньгах для достижения своих целей в международных отношениях и для успешного выполнения своих внутренних задач, не могло оставить *вне своего ведения и вне правительственного вмешательства экономическую жизнь народов*. Но подобно тому, как в вопросах духовного просвещения оно имело в виду не потребности индивидуального развития, а исключительные интересы государства, односторонне понятые, так и в своей хозяйственной политике оно руководилось соображениями не столько о благосостоянии самого населения, сколько о безразличном по отношению к индивидуальному благу национальном богатстве как основе государственного могущества и источнике для наполнения государственного казначейства деньгами. Такая экономическая политика особенно развилась во Франции же при Кольбере, т. е. в первую половину царствования Людовика XIV (и при Кромвеле в Англии), но то, что называется колбертизмом, протекционизмом, меркантилизмом, имеет происхождение в общем характере эпохи². Ришелье прямо находил, что народу не должно быть слишком хорошо, но что государство должно обогащаться, и это было лишь очень резкое выражение главной идеи меркантилизма как экономической доктрины эпохи. Историки экономических отношений и учений, говоря о меркантилизме, обращают главное внимание на его хозяйственное значение³, но в нем проявилась

¹ *Hatin*. Histoire de la presse.

² О Кольбере см. ниже в главе о Людовике XIV. Там же см. литературу по истории экономических отношений и учений в Новое время.

³ Замена натурального хозяйства денежным, мелкого производства крупным, поощрение обрабатывающей промышленности и торговли в ущерб сельскому хозяйству, мелочная регла-

вообще государственность Нового времени с односторонней заботливостью об одних интересах казны, сообразно с которыми государство всеми зависящими от него средствами направляло в ту или другую сторону хозяйственную деятельность народа, заботясь о его благосостоянии, насколько он был лишь платежной силой страны, а также выразилось и стремление государства прибрать к своим рукам все сферы социальной жизни, предоставляя как можно менее места индивидуальному почину и общественной самодеятельности¹. Экономические, коммерческие, колониальные, финансовые соображения и стремления начинают руководить внешней политикой государств, отодвигая на задний план вероисповедные различия эпохи реформационного движения и католической реакции. Но было бы ошибочно думать, что лишь в середине XVII в. возникла эта система: она создана была многими факторами более раннего происхождения, каковы возникновение в конце Средних веков крупной торговли, развитие промышленности, денежного капитала и буржуазии как представителей этих сил, обогащение целых стран (Португалии, Испании), благодаря внешней торговле, особенно развившейся после открытия Америки и морского пути в Индию, наконец, интересы правительств, которые, сильно нуждаясь в деньгах, видели воочию, что промышленность, торговля, мореплавание, колонии представляют из себя источник национального богатства, а это при развитии международного соперничества в политическом отношении должно было вести за собой и конкуренцию промышленную и торговую. Еще Карл V выступил на тот путь, который сделался впоследствии общим для экономической политики всех государств, и у него были уже подражатели среди современных государей, но настоящее господство экономической политики, создававшей богатство и благосостояние народов посредством обогащения их деньгами, добываемыми внешней торговлей, начинается только с середины XVII в. Система эта установилась не без борьбы, ибо существовало в том же XVI в., когда впервые стала определяться меркантильная политика, и другое направление, представители которого смотрели на торговлю как на опасную и разорительную деятельность, скорее подлежащую стеснениям, чем поощрению, и также относились к промышленности, создающей продукты для вывозной торговли. Последним видным представителем такого взгляда, например, был Сюлли, по словам которого земледелие и скотоводство должны были заменить для Франции все рудники и сокровища Перу, обогащавшие Испанию, промышленность же есть только паразит, вредный для сельского хозяйства, но Генрих IV держался иных взглядов и покровительствовал промышленности. Впрочем, от всех начинаний этого короля и его министра при следовавших за ними пра-

ментация производства, запрещение иностранного ввоза, взгляд на деньги как на главное богатство.

¹ Об установлении и характере меркантилизма см. прибавления проф. *И.В. Лучицкого* к рус. пер. «Истории Нового времени» *Э. Зеворта*, с. 165–173, 530 и сл.

вительствах ничего не осталось. Ришелье не был ни экономистом, ни финансистом, и только Кольбер снова обратил внимание на хозяйственную жизнь, но уже возводя в систему существовавшие до него меркантилистические воззрения (оказавшие сильное влияние и на экономическую политику Англии при Кромвеле). *При всем различии, которое образовалось между Францией и Англией в государственном отношении, их экономическая политика все более и более подчинялась одним и тем же принципам*, отразившим на себе историческую жизнь целого периода, когда начинало господствовать и в этой жизни государственное начало, выросшее на развалинах средневековых сил католицизма и феодализма. Государству Нового времени, разрушившему средневековые формы, предстояло взять на себя работу организации новых отношений, а между ними его особенное внимание стали обращать на себя именно формы хозяйственного быта и разные виды хозяйственной деятельности. Французская монархия XVII в., благодаря лучшим своим деятелям этой эпохи, опережала совершавшейся в ней организационной работой другие страны.

Но государственное начало способно воплощаться в разных формах. Познакомившись с той формой, которую оно приняло во Франции, задававшей со второй половины XVII в. тон почти всему континенту, мы перейдем теперь к государству другого типа, которому суждено было своими принципами оказать влияние на политическую жизнь самой Франции и других стран Западной Европы в более позднее время.

XXXII. Тюдоры и парламент¹

Абсолютизм во Франции и его шансы в Англии. — Необходимость познакомиться с внутренней историей Англии XVI в. в политическом отношении. — Потеря парламентом своего значения в конце Средних веков и причины этого явления. — Влияние Реформации на историю парламента. — Значение секуляризации монастырской собственности. — Правительство, народ и имущие классы. — Политика Генриха VIII по отношению к парламенту. — Парламент в эпоху Марии Кровавой. — Королевская власть и парламент при Елизавете. — Английская нация в XVII в. — Новые общественные классы и пуританизм. — Изменения, происшедшие в английском парламенте.

В то время когда во Франции царствовали два первые Бурбона, Англия управляли первые два Стюарта — Иаков I (1603—1625) и Карл (1625—1649), а в том самом 1642 г., когда умер кардинал Ришелье, окончательно превративший Францию в абсолютную монархию, в Англии началось междоусобие между королевской властью и парламентом, имевшее гораздо более важное значение для этой страны, чем смуты Фронды для Франции в малолетство Людовика XIV: причиной этого междоусобия было стремление Карла I к абсолютизму, встретившее отпор со стороны парламента.

---

¹ Для истории Англии в конце Средних веков в XVI в. отсылаем к главам VII—IX (история парламента) и XVI (социальный строй Англии) тома «Переход от Средних веков к Новому времени» и к с. 378—391 настоящего тома, где говорится о царствованиях Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии Кровавой и Елизаветы. Там же указана и литература по истории английской конституции и Реформации в Англии. По истории английской конституции в Новое время см.: *Hallam*. Constitutional history of England from the accession of Henri VII to the death of George II. — Соч. *Гнейста* (кроме ранее указанной ист. госуд. учрежд. Англии). Die englische Parlament. — *Фишел*. Государственный строй Англии (Fischel. Die Verfassung Englands). — *Чичерин Б.* О народном представительстве. — По истории Стюартов и революции литература весьма обширна. Кроме трудов, охватывающих всю историю Англии (*Грин*, том III), см.: *Маколей*. История Англии от восшествия на престол Иакова II (*Macaulay*. History of England from the accession of James II, в первом томе которого краткий очерк XVI и XVII вв.). — *Лузо*. История английской революции (*Guizot*. Histoire de la révolution d'Angleterre и *его же* брошюра: Pourquoi la révolution d'Angleterre a-t-elle réussi, переведенная в виде предисловия к русскому переводу). — *Ranke*. Engl. Gesch. vornehmlich im XVII Jahrhundert. — *Gardiner*. Hist. Of England from the accession of James I and *его же* The first two Stuarts and the puritan revolution. — *A. Stern*. Gesch. Der Revolution in England. — *Forster*. Statesmen of the Commonwealth. Сюда же относятся биографии выдающихся деятелей эпохи, указанные в соответственных местах, и сочинения по религиозной истории Англии в эту эпоху. Кроме старой (1732 и сл. гг.) History of the puritans *Нилы* (*Neal*), по истории пуритан см.: *Fletcher*. The history of the revival and progress of independency in England. — *Barclay*. Inner life of the religious societies of the Commonwealth. — *Weingarten*. Die Revolutionskirchen Englands. — *Waddington*. Congregational history. В книге *С.Ф. Фортунатова* «Представитель независимцев Генри Вен» есть небольшой обзор главных сочинений по эпохе (до 1875). Наконец, укажем на целый ряд статей по английской истории в XVI и XVII вв. *М.М. Ковалевского*, напечатанных в последние годы в разных наших периодических изданиях.

У абсолютизма в Англии в XVII в. вообще не было таких благоприятных шансов, какие существовали для абсолютизма во Франции. Начать с того, что политические традиции обеих стран в этом отношении были совершенно различные. В самом деле, власть французских королей, имевшая свое начало в правах, которые унаследовали от Римской империи над населением Галлии короли франков, в теории всегда оставалась абсолютной, по крайней мере, в глазах народной массы, Церкви и легистов, так что здесь существовала почва для развития абсолютистических стремлений королевской власти, тогда как английский король был наследником королей англосаксонских, никогда не бывших неограниченными повелителями своих подданных, и уже с самого начала английской истории, таким образом, взгляд на королевскую власть был здесь иной, чем во Франции. Установление во Франции феодализма и завоевание Англии норманнами, первое — ослабив власть короля, второе ее, наоборот, усилив, лишь временно задержали развитие тех политических начал, с какими обе страны начинают жить самостоятельной политической жизнью. В то самое время, как во Франции королевская власть усиливается во второй половине Средних веков, в Англии происходит ее ограничение, и к середине XV в. вырабатывается тот взгляд на отношения короны и подданных, который все более и более утверждается в сознании нации в последующие века, — взгляд, выраженный Фортестью в его теории ограниченной монархии. Судьба сословно-представительных учреждений в обеих странах была разная: генеральные штаты, возникшие почти одновременно с парламентом, пришли в упадок, как раз в то время, когда парламент, напротив, добился наиболее важных прав, и между тем, как попытки воскресить французское сословно-представительное учреждение, сделанные во второй половине XVI в., совершенно были неудачны, английского парламента в это время не уничтожила даже деспотическая политика Тюдоров, — факт, заслуживающий особого рассмотрения. Главной причиной того, что генеральные штаты не могли добиться такого положения в государстве, какое занимал английский парламент, была, как известно, сословная рознь, до такой степени обостренная, что нация обнаружила полную неспособность к самоуправлению при посредстве сословного представительства и к солидарному действию против захватов абсолютизма, между тем как, наоборот, в Англии выработался правящий класс, имевший большую силу и в местной, и в общегосударственной жизни. Во Франции окончательному утверждению абсолютизма предшествовала феодальная реакция, каждый раз поднимавшая голову, как только власть попадала в слабые руки, и каждый раз эта реакция сопровождалась анархией, требовавшей усмирения и заставлявшей народ содействовать укреплению королевского авторитета. В истории Англии после великой феодально-династической уособицы, известной под названием Войны Алой и Белой розы, до «великого мятежа» середины XVII в., вызванного нападением короля на старую конституцию, не было ничего похожего на французские смуты XVI и XVII вв., ничего, что

могло бы оправдать необходимость диктатуры: не было ничего похожего ни на религиозные войны, ни на смуту в малолетство Людовика XIII, ни на Фронду. Мало того, политическая оппозиция во Франции все более и более теряла идейный характер, тогда как в Англии было наоборот. Еще в эпоху религиозных войн французская оппозиция одушевляется идеей свободы совести, но впоследствии, в начале трех царствований конца XVI и XVII вв., т. е. по вступлении на престол Генриха IV и в регентство Марии Медичи и Анны Австрийской, на первый план выступают личные страсти и стремление к наживе, и полная беспринципность Фронды особенно указывает на то, что французское общество не выработало идей, которые могло бы противопоставить идее абсолютизма. Последняя идея в Англии XVI и XVII вв. была заносного происхождения, сначала итальянского, потом французского, тогда как большинство нации было воодушевлено идеей политической свободы, сделавшейся одной из ее наиболее дорогих традиций, а тут еще весьма значительная и притом очень энергичная часть нации проникалась еще суровым религиозным настроением. Абсолютизм во Франции в эпоху своего окончательного установления при Генрихе IV и Ришелье был совершенно светского характера: в политику французского правительства входило успокоение религиозных страстей посредством веротерпимости, да и Людовик XIV решился в конце XVII в. нанести удар протестантизму лишь после того, как последний уже не имел прежней духовной и материальной силы, утратив оппозиционный характер и лишившись поддержки со стороны аристократии. Другое дело — Англия: если во Франции даже кардинал, бывший министром, умел отделить интересы государства от интересов Церкви, то в Англии, благодаря монархической Реформации, сделавшей короля главой религии, а церковь превратившей в чисто государственное учреждение, стремления светской и духовной власти, бывшей таким образом в одних и тех же руках, не отделялись один от других, и абсолютизм политический был необходимо вместе с тем и абсолютизмом религиозным. Тогда как во Франции лишь полное торжество первого дало возможность только впоследствии беспрепятственно проявиться и второму, в Англии Стюарты сразу хотели достигнуть безусловного господства в государстве и Церкви и встретились с двойной оппозицией — политической и религиозной, опиравшейся на старые национальные традиции, на привычку общества к самоуправлению, на более развитое чувство законности, т. к. все это не могло примириться с новыми политическими началами, которые проповедовались Стюартами, с бюрократическими порядками и с административным произволом, к которым они тяготели. *Вот почему Стюартам в Англии и не удалось то дело, которое с успехом совершено было Бурбонами во Франции, но им не удалось удержаться и на той позиции, которую занимали Тюдоры:* Англия XVII в. была не похожа не только на современную ей Францию, но и на то, чем она сама была в XVI столетии. Прежде чем говорить о разнице в положении двух английских династий, сменивших одна другую

в начале XVII в., нужно познакомиться с историей взаимных отношений между королевской властью и парламентом в ту эпоху, истории которой мы до сих пор касались лишь с точки зрения главных событий XVI в., волновавших всю Европу, — религиозной Реформации и борьбы протестантизма с католицизмом. Мы нарочно не входили в подробности парламентской истории в царствование Тюдоров, чтобы предпослать ее краткий очерк истории политической борьбы при Стюартах.

В истории английского парламента два столетия, протекшие от Войны Алой и Белой розы до первой революции, были временем упадка: с тех пор как существует это учреждение, т. е. в течение шестисот лет — ни разу королевская власть не была так могущественна, а потому сам он никогда, ни раньше, ни позже не был так бессилен, как в эти 200 лет. Если от этого периода отнять царствование Йоркского дома, когда началось падение, и время первых двух Стюартов, озаменованное уже борьбой парламента с королевской властью ради возвращения себе прежнего положения в государстве, то эпоха наибольшего унижения парламента будет совпадать с царствованием Тюдоров, т. е. с тем XVI в., когда совершалась религиозная Реформация и происходила борьба протестантизма с католицизмом. Мы знаем, что и та, и другая в истории Англии, как и в истории других стран, имели отношение не только к той области, которой непосредственно касались, т. е. к области религии, Церкви, духовенства, но и к политическому и социальному быту. История английского парламента в XVI в. довольно тесно связана с историей Реформации, и эта связь продолжается в XVII в. благодаря тому, что столкновение королевской прерогативы с парламентскими привилегиями было в то же время столкновением между Англиканской Церковью и пуританизмом. Поэтому время Тюдоров в истории английского парламента представляет большой интерес.

Позднее сами англичане определяли характер той власти, какую пользовались Тюдоры, называя ее деспотизмом, абсолютизмом, личным правлением и прилагая те же самые определения к отдельным царствованиям, из которых самыми замечательными были царствования Генриха VIII и Елизаветы. Поведение королей из этой династии дает полное основание делать такую квалификацию, но этот деспотизм был фактом, а не правом, ибо в теории Англия продолжала оставаться ограниченной монархией, и парламенты по-прежнему продолжали собираться, тогда как во Франции, например, генеральные штаты совсем не созывались в течение целых царствований. Сравнивая далее то, чем был парламент при вступлении Тюдоров на престол, т. е. в восьмидесятих годах XV в., с тем, чем он стал к концу этой династии, т. е. к началу XVII столетия, мы наблюдаем следующие два явления: *какие-то причины в середине XV в. ослабили парламент и какие-то причины возвратили ему силу к первой половине XVII столетия.*

Главные причины ослабления парламента в конце Средних веков заключались в следующем. Во-первых, Война Алой и Белой розы, сопровож-

дававшаяся насилиями победителей над побежденными, не могла вообще содействовать развитию внутренней свободы: собрания парламента в эту смутную эпоху были главным образом собраниями победившей партии, только узаконивающими насилие, которым подвергались побежденные. Самое вступление на престол йоркского дома, вместо Ланкастеров, царствовавших в силу парламентского акта, было нарушением права, созданного парламентом. Конфискации имущества, контрибуции с мятежников, принудительные займы и другие незаконные поборы, развившиеся в ту эпоху, когда право должно было склоняться перед силой, дозволили королевской власти обходиться без частого созыва палаты общин для вотиrowания субсидий. Как можно реже созывать парламент входило даже в правительственную систему, и в этом отношении Стюарты только продолжали политику королей из йоркского дома и Тюдоров. Если в течение 105 лет, занятых царствованием трех Эдуардов (1272—1377), в эпоху, когда парламент только что организовался, он собирался 119 раз, если при Ланкастерах происходили почти ежегодные его собрания, то уже в двадцать два года царствования Эдуарда IV он созывался только шесть раз, а в последние тринадцать лет Генриха VII — лишь два раза. Вообще все Тюдоры редко прибегали к созыву палат: на 118 лет, в течение которых династия эта была на английском престоле, лишь 58 раз были собрания парламента и еще сравнительно чаще в царствование самого деспотического Тюдора, Генриха VIII, чем при его дочери Елизавете: при первом в 37 лет был 21 парламент, при второй в 45 лет — только тринадцать. Если Генрих VIII относительно часто созывал палаты, особенно во вторую половину своего царствования, то их сессии, вместе взятые, составляют лишь около сорока месяцев. Ослаблению парламента много содействовало, далее, и то, что во внутренних его отношениях также произошли перемены. Главные общественные силы, которые были представлены в парламенте, при слабости в средневековой Англии городского элемента, заключались в землевладельческих классах, а таковыми были Церковь, сама по себе бывшая могущественной организацией, и феодальная аристократия, имевшая большой вес в местной жизни. Средоточием аристократических влияний была палата лордов, у которой лишь в Новое время отняла первенство палата общин, и всякое ослабление значения этого аристократического учреждения должно было вести за собой и ослабление всего парламента. В конце Средних веков в верхней палате число духовных пэров значительно перевешивало число светских, весьма уменьшившееся во время феодальной усобицы двух роз, но прелаты, заседавшие в парламенте, стали в это время в довольно зависимые отношения к королю по двум причинам. Сначала именно антагонизм с баронами, делавшими нападения на земли духовенства, и особенно антиклерикальная оппозиция лоллардов заставляли высшее духовенство, епископов и аббатов больших монастырей, — а те, и другие были духовными пэрами, — искать

поддержки у короны против своих врагов. Лишь при новых отношениях, установившихся между королевской властью и церковными сановниками, и возможно было признание со стороны последних королевского главенства в Церкви при Генрихе VIII. Секуляризация монастырской собственности и уничтожение монастырей, совершившиеся при этом короле, имели своим следствием уменьшение числа духовных пэров, т. к. таковыми остались лишь одни епископы, сан которых был удержан Англиканской Церковью, но та власть, какую король получил над этой Церковью, еще более увеличила зависимость от него епископата, притом еще весьма богато датированного. Англиканская Церковь, как государственное учреждение с характером монархическо-аристократическим, привязывала епископат к королевской власти, делала из него защитника королевской супрематии в делах веры, на которую Тюдоры смотрели как на одну из прерогатив короны, но по связи Церкви с государством эта защита должна была получить характер и политический: «высокая Церковь» (high church) прониклась монархическим принципом и в политике. До назначения Тюдорами новых светских лордов и до исключения из верхней палаты аббатов и приоров эта палата состояла главным образом из духовных пэров. Светская аристократия к концу Средних веков стала приходить в упадок, благодаря тому, что ее цвет погиб во время феодального междоусобия двух роз, а местное ее значение несколько ослаблялось вследствие замены феодальных способов держания земли новыми, начинавшими выдвигать на сцену и новые социальные классы, уже не находившиеся в прежней связи с лендлордами. Когда Генрих VIII созвал первый свой парламент, в верхней его палате заседали лишь 29 светских лордов. Если, однако, число их стало впоследствии превышать число лордов духовных, то не по одному тому только, что последнее уменьшилось, благодаря исключению из палаты аббатов и приоров: Тюдоры создали около полутора-ста новых пэров преимущественно из представителей старинных рыцарских родов, составлявших придворную знать, и в эпоху Реформации щедро наградили их бывшими монастырскими имениями. Уже Генрих VII назначил 20 новых лордов, но Генрих VIII и Эдуард VI создали их 89 (первый 66, второй 23), да Мария с Елизаветой 38 (одна 9, другая 29). Новая аристократия, обязанная своим возвышением придворной службе, королевскому пожалованию и секуляризации церковной собственности, на первых особенно порах была тесно связана с престолом и имела особенный интерес поддерживать Англиканскую Церковь, не желая восстановления католицизма, грозившего отобранием тех земель, которыми завладели светские люди. Таким образом, Реформация в Англии вообще, как известно, послужившая усилению королевского могущества, *особенным образом содействовала еще тому, чтобы привязать к интересам короны духовную и светскую аристократию.*

Секуляризация монастырской собственности и уничтожение монастырей с отобранием в казну и всей их движимости имели также громад-

ные последствия и экономического, и политического свойства¹. Старые владения короны были большей частью расхищены, теперь она сделалась обладательницей громадного имущества, доходами с которого королевская власть могла бы существовать, не созывая парламентов для вотирувания субсидий. Королевская власть, однако, не удержала всей этой массы бывших монастырских имений в своих руках. Секуляризационные стремления в Англии, как и везде, существовали еще в исходе Средних веков, и английское землевладельческое сословие в XV столетии не скрывало, что, становясь на сторону учения, по которому духовенству не приличествует владеть землями, оно имеет в виду пособить самому себе, получив при дележе добычи львиную долю. Как и в других странах, так и в Англии, отбирая у Церкви ее земли, королевская власть делилась ими с землевладельческим сословием, причем множество имений было роздано в надел новой аристократии, а также и в дотацию послушным епископам. Раздача земель, начавшаяся еще при Генрихе VIII, особенно усилилась при несовершеннолетнем Эдуарде VI, остановилась на время при Марии Католической, но возобновилась при Елизавете, так что в XVII в. уже опять повторялись жалобы на обеднение короны. *Переход церковной собственности в новые руки создавал целый общественный класс, имевший интерес защищать государственную Церковь под главенством короля*, и весьма естественно, что пока от короны можно было получать новые земли, у нее было особенно много защитников. Что касается до экономического значения секуляризации монастырей, то прежде историки не всегда верно понимали всю ее важность, порицая ее, например, за то, что она уничтожила монастырскую благотворительность (Галлам), или наоборот, восхваляя за то, что она возвратила труду праздные прежде руки монахов (Маколей). Дело, однако, в том, что новые владельцы заводили на бывших монастырских землях новые порядки, применяя луговое хозяйство и разводя овец там, где раньше пахали землю крестьяне, ограничивая право местного населения пользоваться пустошью и лесом, сосредоточивая в руках более крупных фермеров прежние мелкие земельные «держания», так что в истории переворота, совершавшегося в формах землевладения и в быту землевладельческих классов Англии, секуляризации монастырской собственности принадлежало важное значение². XVI в. в экономической истории Англии был эпохой, когда вследствие большого заграничного спроса на шерсть и малого спроса на хлеб, вследствие дороговизны первой и дешевизны второго земледелие заменялось скотоводством, что сопровождало

¹ Ковалевский М.М. Секуляризация монастырской собственности в Англии и ее ближайшие последствия (Русская Мысль, 1888, кн. I и II).

² Кроме указанной статьи проф. Ковалевского, см. другую, служащую ей дополнением и напечатанную в III т. «Исторического обозрения» под заглавием «Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии».

лось обращением пахотей в луга. С другой стороны, развивается фермерское хозяйство, и помещики отдают в аренду не только те земли, которые были в непосредственном их хозяйстве, но и те, которыми пользовались прежде крестьяне: иногда для образования одной фермы нужно было снести двадцать-тридцать крестьянских дворов. Обе эти перемены вели к тому, что крестьянство отрывалось от земли, для расширения же земель, отводившихся под пастбища и под фермы, стали выгораживаться участки из общинных земель, и хотя последнее происходило повсеместно, нигде, однако, явление это не было так развито, как в Англии в XVI в., несмотря на то что Тюдоры и боролись с ним. Какое важное значение имело все это, свидетельствует масса дошедших до нас жалоб относительно обезземеления крестьянства в тогдашней публицистике. Секуляризация помогла указанному процессу, и с этой точки зрения нам сделаются понятными многие факты английской истории XVI в. Во-первых, в защиту католицизма происходили крестьянские восстания, в которых особую роль играли требования, касавшиеся уничтожения изгородей; да и вообще аграрными беспорядками полна эта эпоха. Во-вторых, страшное развитие пауперизма заставило правительство обратить внимание на это зло, и результатом было издание закона о бедных. Пока в Англии (уже к концу царствования Елизаветы) не началось развитие обрабатывающей промышленности, мало-помалу поглотившей впоследствии рабочие руки, оторванные от земледелия экономическим переворотом в деревнях, в Англии была масса праздного, бродячего люда, жившего нищенством, примыкавшего ко всем волнениям, какие происходили в стране, даже составлявшего грабительские шайки. Правительство действовало по отношению к нищим, бродягам, разбойникам, весьма легко переходившим от одной профессии к другой, исключительно репрессивными мерами, но в самом начале своего царствования Елизавета, опасаясь смут, для которых бродяги были весьма подходящим элементом, издала указ (1561) о необходимости исследовать средства к тому, чтобы прекратить пауперизм. Законодательными мерами 1562 и 1572 гг. местные власти должны были устраивать быт бедняков на средства, которые составлялись бы из особого налога в пользу бедных с зажиточного населения городов и отдельных приходов в графствах, а также доставлять им заработок. Эти меры были дополнены другими (устройство рабочих домов для неисправных бродяг, передача сборов налога в руки надсмотрщиков над пауперами, предоставление им права отдавать в учение детей, родители которых не в состоянии были их содержать и т. п.), и законодательство Елизаветы о бедных, завершенное актом 43 года ее царствования, сделалось основой английской системы призрения бедных¹. Меры эти имели успех в том смысле, что достигли цели, ради которой были изданы, но борьба правительства с бродяжничеством и возведение в систему обязан-

¹ Nicholls. History of the english poor law. — Aschrott. Das englische Armenwesen in seiner historischen Entwicklung.

ности местных союзов прокармливать своих бедняков, свидетельствуя о том, каких размеров достигло обезземеление народной массы, указывает еще и на то, как правительство было озабочено и опасностью, вытекавшей отсюда для общественного спокойствия. Но не менее власти были озабочены и имущие классы аграрными беспорядками, развитием разбойничества, народными восстаниями, и *одной из причин того, что общество не препятствовало усилению королевской власти, было его стремление поддержать общественный порядок*, которому грозило народное недовольство, возбуждавшееся экономическими причинами, т. е., между прочим, действиями самих же имущих классов в свою пользу и во вред народу.

Все это, вместе взятое, объясняет нам, почему при Тюдорах королевская власть получила такой перевес над парламентом. Но парламент не был отменен. Напротив того, наиболее деспотический король из Тюдоров, правивший Англией совершенно тиранически, в конце своего царствования возведший даже террор в систему, особенно содействовал тому, чтобы парламент почувствовал себя впоследствии в праве вмешиваться и в те дела, которые корона считала своею прерогативой. В первую половину своего царствования, находясь еще в единении с Католической Церковью и в союзе с папством, Генрих VIII избегал созыва парламента, что было и системой его главного советника, кардинала Вольсея, лишившегося потом королевской милости вследствие своего несогласия на брак Генриха VIII с Анной Болейн и умершего по дороге в Тауэр. Новым временщиком сделался тогда Фома Кромвель, известный «молот монахов», главный помощник короля-реформатора в церковных делах, организатор террора, державшего в трепете всю страну, сам, однако, также сложивший голову на плахе (1540). Кромвель изменил королевскую политику по отношению к парламенту, *задумав сделать из последнего лишь орудие тирании, послушное во всех тех случаях, когда власти нужно было легализировать свои произвольные действия и придать им вид мер, принимаемых с народного согласия*. Церковная революция, которую начали Генрих VIII и Кромвель, едва ли могла бы быть проведена без помощи парламента, ибо вопрос шел о таких вещах, как уничтожение папской юрисдикции в Англии, подчинение национальной Церкви королю, секуляризация монастырской собственности и т. п., а между тем из бессильного парламента можно было сделать такое же покорное орудие королевского произвола в делах государственных, каким Церковь должна была сделаться в делах религиозных, для чего стоило лишь создать послушную палату лордов и наполнить нижнюю палату креатурами правительства. Парламент был, действительно, вполне покорным орудием власти, раболепно соглашался на все, что ни требовалось королем, утверждал все его церковные новшества, издавал билли of attainder¹, чтобы посылать на эшафот неприятных

¹ Bill of attainder — парламентский закон о конфискации имущества и лишении прав состояния (в отношении конкретного лица). — *Прим. ред.*

правительству людей, освобождал короля от долгов, заключенных у подданных, не протестовал, когда обходились или прямо нарушались старые парламентские статуты, когда администрация действовала произвольно, когда на суды оказывалось давление, а в 1540 г. согласился даже признать, что в известных случаях королевские прокламации имеют силу законов (что было отменено в первый год Эдуарда VI). Такой парламент можно было созывать часто, делать его сессии более продолжительными, расширять его компетенцию, и все это делалось во вторую половину царствования Генриха VIII, когда через парламент проводились все церковные новшества и парламенту же король отдавал на рассмотрение дела, которые его предшественниками ревниво оберегались от вмешательства палат, именно дела семейные (законность брака, виновность жены) и отношения к советникам (вопрос о государственной измене министров). Само собой разумеется, что *такое расширение компетенции парламента самым деспотическим королем могло служить прецедентом на будущие времена и должно было внушать палатам сознание важности их значения в государстве.*

Результаты такой политики заставили себя ждать не особенно долго. Восшествие на престол Марии Кровавой по праву, основанному на парламентском статуте, и вопреки завещанию короля (Эдуарда VI), отдавшего корону Англии несчастной Дженни Грей, было победой закона над произволом, но Мария напрасно думала, что парламент будет во всем послушен ее воле. К великому ее неудовольствию парламент протестовал против ее намерения вступить в брак с Филиппом Испанским; ей не удалось лишить прав престолонаследования Елизавету; ее предложение восстановить старые статуты против еретиков было отвергнуто в первом парламенте; особенно жестокое поражение потерпела королева в вопросе о возвращении Церкви секуляризованных земель, и лорды даже говорили, что пока они носят мечи, они не позволят лишить себя законной собственности. Таким образом, уже в пятидесятых годах XVI в. парламент начинал возвращать себе свою самостоятельность, так что властолюбивая Елизавета должна была вернуться к прежней политике Тюдоров, к политике редких созывов парламента, и это ей позволяли ее бережливость и заведенный ею порядок. Но вместе с этим *она должна была и уметь ладить с палатами, которые все более и более возвращаются во второй половине XVI в. к старым традициям.*

Королева Елизавета отличалась несомненно властолюбивым характером: это дало повод известному английскому историку XVIII в. Юму говорить о ее чисто турецком деспотизме, да и современным историкам отмечать тот факт, что Елизавета пользовалась своей властью в очень широких размерах. Королева не терпела ослушания ее воле, которой должны были беспрекословно повиноваться фавориты-министры, сановники и епископы; она не остановилась перед судом и казнью своего любимца графа Эссекса; преданного ей советника своего Сесия (лорда Берлея) однажды

она назвала в глаза дураком; епископы получали от нее выговоры, а архиепископ Гриндаль за противоречие был даже отставлен. Понятное дело, что такая королева не могла быть особенно расположенной к тому, чтобы ее власть ограничивалась парламентом, а потому она сравнительно редко собирает палаты и не раз дает почувствовать свое неудовольствие, если они, как она думает, вмешиваются не в свое дело. Когда в парламенте возникали вопросы, ей почему-либо неприятные, она обращалась к нему с выговорами и приказывала не продолжать обсуждения внесенных биллей или вовсе их не читать, а в случае ослушания или слишком свободных речей подвергала членов парламента аресту, даже тюремному заключению. Но уже одно то, что королеве приходилось прибегать к таким крайним мерам, указывает на совершившуюся перемену: парламент уже не был безгласным орудием королевской власти, в нем появлялись члены, которые не довольствовались предоставлявшимся им со стороны королевы правом говорить «да» или «нет», а ставили даже прямо вопросы о привилегиях парламента. Английская нация удивительно выросла в полвека, занятые царствованием Елизаветы, и если королева вполне не отдавала себе отчета в важности происходивших вокруг нее перемен, то в силу политического такта, обнаруженного вообще всем ее поведением, она по возможности смягчала и ограничивала пользование своими прерогативами, не ставя ребром конституционных вопросов сколько-нибудь спорного характера, в случае надобности даже делая уступки. Она не могла не видеть оживления парламентской деятельности. Наполнение нижней палаты угодными правительству членами, широко практиковавшееся раньше при помощи официальных кандидатов, уже не совсем удавалось. При Эдуарде VI и Марии множество новых местечек (boroughs) получило право посылать депутатов в парламент, которые там были бы в полном распоряжении короны; сама Елизавета создала таким образом новых 62 места, рассчитывая на их зависимость от короны, но и это не всегда помогало, т. к. выборы делались все независимее и независимее. Совсем устранить парламент королева, однако, не думала: ее собственное право на занятие престола опиралось на парламентском акте, и самой ей в начале же царствования пришлось регулировать церковные отношения при помощи парламента. Считая, однако, что вопросы престолонаследия и религии подлежат ее исключительному ведению, она вопреки прецедентам делала парламенту выговоры, когда он начинал заниматься или тем или другим. В 1566 г. она прямо взглянула, как на бунт, на желание парламента вопреки ее воле рассуждать об ее преемнике и об ее замужестве: дело дошло до столкновения, но Елизавета воздержалась от того, чтобы довести его до разрыва. Планы церковных реформ, возникавшие в парламенте, равным образом раздражали королеву, считавшую, что и тут палаты вмешиваются не в свое дело. С другой стороны, притязания Марии Стюарт, козни католиков, заговоры и восстания, внешние опасности заставляли Елизавету искать в на-

роде поддержки и популярности, и, действительно, она пользовалась и той, и другой. Самая казнь Марии Стюарт была применением парламентского акта, изданного в ограждение личной безопасности королевы. Наиболее замечательным случаем, в котором выразилась вся тактичность поведения Елизаветы, был следующий. Королевской власти в Англии принадлежало верховное управление торговой полицией, т. е. все, что касалось монеты, веса, мер, ярмарок, рынков, портов и т. п., и, пользуясь этим правом, правительство создавало монополии, патенты на которые в XVI в. раздавались десятками. Парламенты 1571 и 1591 гг. жаловались на развитие монополий, но Елизавета смотрела на их заявления как на вмешательство в ее право. В парламенте 1601 г. возник даже билль об уничтожении монополий, чему напрасно старались помешать советники королевы. Когда Елизавета увидела, что дело принимает серьезный оборот, она уступила, объявила парламенту, будто ей раньше не было известно существование зла, и даже поблагодарила парламент за то, что он печется об общественном благе, а затем она, действительно, уничтожила все выданные ею монопольные патенты. Благодаря такой политике, Елизавета была весьма популярна и ее столкновения с парламентом не доходили до разрыва.

Все это указывает и на то, что английская нация вышла в царствование Елизаветы из прежнего пассивного состояния. Вторая половина XVI в. в истории Англии была временем сильного роста материальных и духовных сил страны. В управлении были заведены порядок и экономия. Сельское хозяйство делало успехи и давало больше дохода, чем прежде. Начиная развиваться промышленность, и, например, вместо того, чтобы отправлять свою шерсть на материк, англичане начали выделывать сукно дома. Торговля равным образом процветала, особенно после того, как Англия пошла по стопам Португалии и Испании в мореплавании и колонизации, главным образом после уничтожения Непобедимой армады: в Америке основана была первая колония (Виргиния в честь королевы-девственницы), устроена была Ост-Индская компания (1600), в Лондоне открыта биржа. Великие события эпохи, роль Англии как защитницы протестантизма на материке Европы, опасная борьба с могущественной Испанской монархией способствовали подъему национального духа англичан. Нравственному возбуждению соответствовали успехи в области знания и поэтического творчества: Бэкон и Шекспир¹ принадлежат веку Елизаветы. Понятное дело, что все эти шаги вперед на поприще хозяйственной, промышленной, торговой, колонизационной деятельнос-

¹ Куно Фишер. Бэкон Веруламский (пер. с нем.). — *Spedding. Letters and life of Lord Bacon.* — О Шекспире на рус. яз. переводные соч. *Гервинуса, Дюдена, Жене, Коха* и книга г. Чуйко; о его предшественниках работы проф. *Н.И. Стороженко*. По истории литературы в этот период, кроме *Тэна (Taine. Hist. de la littérature anglaise, перев. по-русски под заглавием «Развитие политич. и гражд. свободы в Англии»)*, см. английские книги *Ellen Crofts* (период 1509–1603 гг.) и *Saintsbury* (век Елизаветы).

ти, все это культурное движение в области духа не могли не отразиться на сознании обществом того, что законами страны оно призвано к свободе. Развитие материального благосостояния особенно подняло провинциальное дворянство (джентри) и купечество, которые по своему богатству могли теперь поспорить с лордами: в XVII в. сделалось уже общепризнанной истиной, что палата общин гораздо богаче палаты лордов. Члены первого из названных социальных классов в конце царствования Елизаветы с особой силой стремятся попасть в палату общин, отказываясь от того вознаграждения, которое избиратели давали своему депутату: они овладевают даже представительством от мелких местечек, высылавших прежде местных купцов, и, опираясь на свой материальный достаток, на свои местные связи, вносят в парламентскую деятельность дух независимости. Общие интересы сближают их с зажиточными горожанами, обогатившимися торговлей. Таким образом в Англии *формируется могущественное среднее сословие*, и в нем главным образом *вербует приверженцев суровый пуританизм, который отвергает установленную Церковь и подчинение велениям государственной власти ставить в зависимость от их согласия с волей Божьей*: пуритане верили в божественное происхождение королевской власти, но эта власть была законной в их глазах только при ее согласии со старыми законами страны, ибо, по их представлению, Бог просветляет и советников короны, собравшихся в парламенте.

Если Генрих VIII приучил парламент заниматься церковными делами, семейными отношениями короля, судом над его советниками, если Елизавета сочла себя вынужденной уступить палатам в деле верховного надзора за торговлей, то не в этом одном заключались *перемены, которые произошли в жизни английского парламента*. Выше уже был отмечен тот факт, что для наполнения нижней палаты преданными людьми, Эдуард VI, Мария Кровавая и Елизавета раздавали право представительства разным местечкам, которые его раньше не имели, чтобы депутатами из городских торговцев ослабить оппозицию, вождями которой были старые рыцари от графств. Последние, однако, овладевали и представительством от «боругов». Прежде существовало правило, по которому каждый избирательный округ должен был высылать в парламент лишь местных жителей, но оно нарушалось, несмотря на постоянные напоминания, пока наконец не было совсем уничтожено (1571). Последствия этого были весьма важны, ибо теперь явилась возможность для землевладельческого дворянства ставить свою кандидатуру и добиваться избрания в депутаты, где кому было угодно, а члены этого сословия и вносили дух независимости в палату общин. Далее, не без борьбы с королевой нижняя палата добилась права (1586) решать собственной властью вопросы, касавшиеся выборов: с этого момента право проверки правильности выборов, принадлежавшее дотоле агентам власти, которые, пользуясь им, могли устранять неприятных правительству членов, перешло к самому парламенту. Важно было и то, что аресты членов парламента могли делаться

теперь только с разрешения палаты, которой одной стало принадлежать право исключать и наказывать своих членов за все, что ими делалось противозаконного в стенах парламента, хотя о безусловной свободе речи и прений палаты в то время еще не думали.

XXXIII. Политика Стюартов и столкновения Иакова I с парламентами¹

Положение и политика Тюдоров и Стюартов. — Союз королевской власти с «высокой Церковью» и новые политические теории. — Династические традиции Стюартов. — Иностранные влияния на политику Стюартов. — Тайный совет, Звездная палата и верховная комиссия при Тюдорах и Стюартах. — Предметы борьбы Стюартов с парламентом. — Личный характер и политические идеи Иакова I. — Его отношение к католикам и пуританам. — Столкновения с первым парламентом. — Фавориты Иакова I. — Парламенты 1614 и 1621 гг. — Последние годы царствования Иакова I.

Со смертью Елизаветы в 1603 г. прекратилась на английском престоле династия Тюдоров, и осиротелый трон достался шотландской династии Стюартов в лице тогдашнего короля Шотландии Иакова VI, сына Марии Стюарт, который стал царствовать в Англии под именем Иакова I. Перед смертью Елизаветы в Англии ожидали борьбы за корону в виду того, что существовали разные партии, имевшие каждая своего кандидата или кандидатку, но самые значительные и наиболее влиятельные партии сходились на шотландском короле, тем более что его вступление на престол влекло за собой соединение двух королевств. Елизавета не хотела, чтобы притязания Иакова были формально признаны парламентом, но вместе с этим дала обязательство, что не допустит, чтобы парламент каким-либо образом повредил его правам, и едва лишь она скончалась, как тайный совет признал Иакова королем Англии, т. к. по женской линии он происходил от Тюдоров, будучи правнуком сестры Генриха VIII. Сделавшись преемниками Тюдоров, Иаков I, равно как сын его Карл I, наследовали уже совсем не ту Англию, какую оставил после себя Генрих VIII и какая досталась Елизавете, да и сами они притом не нашли нужным идти по стопам своей знаменитой предшественницы. Англия первой половины XVII в. была уже далеко не та, что при переходе короны к Елизавете, в царствование которой особенно вырос парламент, Стюарты же не хотели и не умели с ним ладить так, как это удавалось Елизавете, ибо там, где она считала нужным уступать, чтобы не обострять отношений до последней крайности, Стюарты шли, наоборот, напролом и заявлением своих абсолютических теорий раздражали парламент, все более и более утверждавшийся в сознании своих прав и своего значения в государстве. С другой стороны, к концу царствования Елизаветы в Англии усилился

---

¹ Ниже указаны в соответственных местах отдельные части труда Гардинера, относящиеся к эпохе.

пуританизм, представители которого многое еще прощали Елизавете как покровительнице кальвинизма во Франции и Нидерландах, но она умерла как раз в промежутки времени между дарованием французским протестантам свободы вероисповедания по Нантскому эдикту в 1598 г. и перемирием 1609 г., которое Испания вынуждена была заключить с отпавшими от нее и перешедшими в протестантизм Нидерландами: английским кальвинистам нечего было бояться в начале царствования Иакова I за судьбу своих континентальных единоверцев. Между тем Иаков I заменил протестантскую политику своей предшественницы, доставившую английской нации выдающееся и почетное положение в Европе, сближением с той самой Испанией, которая была главным врагом протестантизма и Англии в царствование Елизаветы. Таким образом, отношения, какие существовали в Англии XVI в., не перешли в неизменном виде в XVII столетие, и самое поведение Стюартов было иное, чем поведение Тюдоров, главная же перемена заключалась в том, что *в то самое время, когда парламент начал возвращать себе прежнюю силу, королевская власть, наоборот, самым неосторожным образом выступила с заявлениями, противоречившими политическим традициям нации*, на которые даже Тюдоры не решались и не считали нужным делать нападений. Если уж при Тюдорах в Англии не установился королевский абсолютизм, когда, по-видимому, для этого существовали наиболее благоприятные условия, то Стюартам было и совсем невозможно осуществить свои стремления.

Правда, у Стюартов в Англии нашлись помощники. Главную опору в своем стремлении к неограниченной власти они находили в Англиканской Церкви или, говоря точнее, в высшем духовенстве, которое само нуждалось в опоре против пуританизма, отрицавшего епископат. Уже в XVI столетии некоторые публицисты, под влиянием иностранных (итальянских) политических воззрений, высказывали мысль о превосходстве абсолютной монархии над другими государственными формами и даже пытались доказать, что английским королям принадлежит неограниченная власть, но это были или итальянцы (например, Alberico Gentile), или «италианаты», как назвал один современник Елизаветы молодых англичан, зараженных италоманией и поклонявшихся Макиавелли. Подобные воззрения, находившиеся в противоречии с национальными традициями англичан, нашли удобную почву для своего развития главным образом в «высокой Церкви» (high church), между богословами, из среды которых выходили в XVII в. политические писатели, защищавшие божественное право королей ссылками на Св. Писание, доказывавшие, что королевская власть есть продолжение власти ветхозаветных патриархов, и приводившие мнения об этом авторитетных протестантских проповедников или выдержки из постановлений протестантских синодов. Таким идеям соответствовали и собственные воззрения Иакова I, излагавшего их письменно. Между Стюартами и «высокой Церковью» был заключен союз, направленный одинаково против политических прав английской

нации и против пуританизма, ибо со своей стороны Иаков I перед всеми церковными формами отдавал предпочтение англиканизму: в католицизме приходилось признавать над собой высшую власть — папы, в пресвитерианизме король не пользовался никакой исключительной властью, епископальная же Церковь казалась Иакову лучшей опорой той формы монархии, которая была его политическим идеалом. «Нет епископа — нет короля», — говорил он и грозил сделать насильно всех нонконформистов «конформистами». Главенство в Церкви должно было дополняться и соответственным положением в государстве. Католики, питавшие тайные надежды на то, что король по личному своему почину установит для них свободу, равным образом благоприятствовали подобным стремлениям: защитники народных прав даже прямо обвиняли папистов в том, что они научили Иакова I смотреть на свою власть несогласно с преданиями, обычаями и законами страны. Весьма естественно, что союз королей, стремившихся к абсолютизму, «высокой Церкви», поддерживавшей это стремление, рано или поздно должен был привести к *союзу парламента с пуританизмом*, а все это влекло за собой образование двух партий, которым предстояло столкнуться и на почве политики, и на почве религии.

Стюарты явились в Англию из Шотландии. Ту политику, которой они держались на родине, они перенесли с собой и в новое отечество. Вся история этой династии в Шотландии была историей неустанной борьбы королевской власти с непокорной феодальной аристократией, борьбы, кончавшейся для большей части королей насильственной смертью. Реформация, благодаря которой шотландское дворянство завладело громадными имениями Церкви, содействовала еще большему усилению аристократии, а пресвитерианская организация Церкви, введенная Реформацией, благодаря своему республиканскому и демократическому характеру, призывала и простой народ к участию в общественной жизни. Аристократия и пресвитериане низвергли мать Иакова с престола; аристократия возмущалась против него самого, а пресвитериане «в королевстве Христа», т. е. в Церкви, считали его не королем, не повелителем, не господином, а таким же членом, каким был и последний крестьянин, делали ему выговоры, бранили его с кафедр и т. п. Мятежные вельможи и непокорные проповедники были ему одинаково ненавистны, и всю свою жизнь до вступления на английский престол ему пришлось провести в борьбе с теми и другими, потому *он и понимал политическую деятельность только в смысле борьбы за права короны*, борьбы против аристократии и народа, всеми дозволенными и недозволенными средствами, такой, какую вели его предки. Его воспитывали в кальвинизме, его учителем был республиканец Бьюкенен, но из богословских уроков и политического образования, которое ему было дано, он вынес совсем не то, что ему внушали: *политические стремления Иакова сложились под влиянием династической традиции и тех впечатлений, какие он получал с ранних лет от*

окружавшей его действительности, и то, что внушено было новому английскому королю прошлым и настоящим Шотландии, должно было быть перенесено им на будущее Англии.

Пример того, что совершалось в это время в великих монархиях материка, также не мог быть бесследным для Стюартов. В XVI в. Шотландия находилась под сильным французским влиянием. Дед Иакова I был женат на французке Марии Гиз; мать его воспитывалась во Франции и была в первом браке за французским принцем. Шотландские традиции Иакова I были отчасти и традициями французскими. Кроме того, он ищет союза с Испанией, а его сын даже весьма значительно подчиняется испанским традициям, между тем как самый видный советник последнего (Вентворт, гр. Страффорд) стремится вести Англию по той дороге, на которую Францию вывел Ришелье. Наконец, два последние Стюарта, современники Людовика XIV, также сильно подчинялись французскому влиянию. Одним только не могли или не хотели проникнуться Стюарты — национальными традициями Англии, духом ее учреждений, настроением общества и народа. Новая династия со своими шотландскими, испанскими и французскими идеями должна была вооружить против себя и самую английскую нацию, которая, пережив две революции, сохранила свою привязанность к старой форме монархии, но совершенно отеклась от династии, не сумевшей сделаться национальной...

Стюарты оттолкнули от себя еще одну силу, на которую опирались Тюдоры: это был так называемый Тайный совет (*privy council*), признание которым за самим Иаковом его права на престол было первой санкцией его воцарения¹. Старинное учреждение, состоявшее не только из советников короля (министров), но и из членов высшей аристократии и государственных сановников, играло весьма видную роль в эпоху упадка парламента, и по отношению к Тюдорам оно было не только опорой, но и известного рода сдержкой, с которой приходилось считаться даже деспотическому Генриху VIII, не говоря уже о том, что в административных делах Тайный совет был главным органом управления. Стюартам было крайне несимпатично это учреждение вследствие аристократического своего состава и большого влияния, каким они и *постарались отнять фактически у Тайного совета всякое участие в правлении, сосредоточив последнее в своих руках или, вернее, в руках своих фаворитов*, которые часто были люди совершенно недостойные. Такое поведение отталкивало от Стюартов и те аристократические элементы, союз с которыми тоже помогал Тюдорам обходиться без частых созывов парламента. Ослабляя значение Тайного совета, Стюарты, наоборот, усиливали деятельность двух других учреждений, которые, возникнув при Тюдорах, совершенно не были согласованы с общим духом английских учреждений, могли еще существовать в эпоху наибольшего королевского мо-

¹ Об этом учреждении см. русское сочинение г. *Александренко* «Английский Тайный совет и его история», где есть и указания на литературу.

гущества, да и то лишь при известных условиях, когда нужно было подавлять действительные преступления, смуты, заговоры, восстания, но должны были сделаться ненавистными при большем развитии духа свободы в нации и при том употреблении, какое делали из этих учреждений Стюарты. Это были Звездная палата (*star chamber*) и верховная комиссия. Звездная палата была чрезвычайным судом в делах политических, нарушавшим основные законы английского судопроизводства, поскольку оно оградяло личную свободу¹, верховная комиссия из временного комитета, возникшего вместе с установлением королевской супрематии в Церкви, превратилась (1583) в постоянное судилище по религиозным делам, не стеснявшееся никакими законами, налагавшее штрафы и назначавшее в виде наказания тюрьму, а при Стюартах сделалась настоящим инквизиционным трибуналом Англиканской Церкви. В руках представителей политического абсолютизма и религиозного фанатизма эти два чрезвычайные судилища должны были превратиться в главные орудия тирании, к которым особенно охотно Стюарты и прибегали. Звездная палата и верховная комиссия были наследием, которое новой династии оставила старая, как два орудия, которыми Стюарты действовали в ущерб свободе политической и для подавления неконформизма в Церкви. Между прочим, еще при Елизавете эти учреждения стали действовать против свободы печати, ибо в 1585 г. Звездная палата организовала в Англии цензурное дело.

Предметами политической борьбы в Англии при Стюартах сделались следующие отношения. Во-первых, переход руководящей роли в государственных делах от Тайного совета к королевским фаворитам вызвал оппозицию, которая выразилась в стремлении парламента призывать к своему суду королевских советников, дающих дурные советы государю: еще в Средние века парламент добивался этого права, а прецеденты царствования Генриха VIII только утверждали парламенты XVII в. в сознании за собой такого права. Во-вторых, произвольные действия Звездной палаты и верховной комиссии, нарушавшие элементарные гарантии личной свободы, равным образом вызывали недовольство. В-третьих, одним из условий, благодаря которым правительственный произвол не мог одержать окончательной победы над законностью в Англии, была независимость судей, достигавшаяся их несменяемостью, но Стюарты предпочитали систему временных поручений (*durante bene placito*), дабы держать суд в зависимости от себя и в случае надобности утверждать свои права путем решений обыкновенных судов; а это тоже должно было вызывать протест. В-четвертых, несомненным правом парламента было вотировать субсидии, Стюарты же сделали нападение и на это право, чем вызвали в парламенте не только раздражение, но и желание точнее определить свою финансовую власть в назначении субсидий

---

¹ Это учреждение возникло при Генрихе VII.

и контроле над их расходованием. В-пятых, в английской конституции существовало множество нерешенных вопросов, и для некоторых из них при том значении, какое получили в конституционной жизни прецеденты, можно было ссылаться на весьма несходные решения в прежней практике парламента; Тюдоры обходили такие пункты, по крайней мере, не возбуждая теоретических споров, но Стюарты не только ставили подобные вопросы ребром, но прямо провозглашали принципы, которые были не согласны с самыми несомненными правами нации; между прочим, они постоянно издавали «прокламации», устанавливавшие новые законы. Наконец, эта борьба осложнялась еще и борьбой религиозной, т. к., с одной стороны, сами Стюарты нисколько не думали ослаблять строгостей Елизаветы против нонконформизма, а с другой стороны, усиливалось протестантское движение, делавшееся все более и более агрессивным по отношению к Англиканской Церкви. Но если в религиозной сфере именно установленная церковь сделалась предметом нападения, в политической жизни, наоборот, это была *сама королевская власть, которая произвела нападение на законное государственное устройство*, так что если парламент выступил на путь систематической оппозиции, приведшей «к великому мятежу», как называли англичане свою первую революцию, то именно лишь защищая старую конституцию королевства, хотя конечным результатом борьбы парламента с сыном Иакова I и было установление республики.

Разъяснив общие отношения внутренней истории Англии при первых двух Стюартах, мы можем не останавливаться на подробностях царствования Иакова I, чтобы иметь возможность посвятить более места рассмотрению политики Карла I и вызванной ею борьбы. Иаков I по личным своим качествам был совершенно неспособен к той роли, которую он хотел играть на троне Англии: неуклюжий и вульгарный, хотя и не лишенный остроумия, — преданный грубым удовольствиям и трусливый, что вовсе не гармонировало с его смелой болтовней о характере той власти, какую он имел в Англии, — обладая основательным богословским образованием и вообще большой начитанностью, которая проявлялась в его разнообразных писаниях, но будучи в то же время педантом, неспособным понимать как следует действительность, — прекрасный знаток иностранных отношений, плохо понимавший, однако, условия английской жизни, — окружив себя, наконец, любимцами, которые не пользовались ничьим уважением, и оттолкнув от себя все, что было в Англии выдающегося по уму и таланту, Иаков I далеко не подходил к типу тех внушающих к себе уважение и властных натур, тех знатоков людей и обстоятельств, тех государственных умов, умеющих ставить цели своей деятельности, находить наиболее пригодные средства и выбирать способных помощников, одним словом — к типу тех деятелей, которые являются разрушителями старых политических отношений и организаторами новых. Иаков I не походил на современника своего Генриха IV, и этот французский король

весьма зло характеризовал своего английского современника как самого мудрого дурака во всем христианском мире. В разговорах, в своих ученых трактатах (например, «Истинный закон свободной монархии»), в посланиях парламенту он постоянно проводил ту теорию, что король выше законов, что если он руководствуется законами, то лишь по своей доброй воле и для примера, которому должны следовать подданные, и что все привилегии парламента суть дар короля, который может и отнять их. Теоретический абсолютизм Иакова I основывался, однако, не на той государственной идее, какую проводил Макиавелли в своем «Государе» (а позднее Гоббс в своих политических трактатах, в которых, как и в знаменитом сочинении Макиавелли, основная идея была не богословская): Иаков I стоял именно на теологической почве, ссылаясь на тексты Св. Писания, или утверждая, что королевская власть ведет начало от ветхозаветных патриархов, что короли суть наместники Бога на земле и т. п., т. е. аргументируя совершенно так же, как впоследствии аргументировали в Англии Фильмер, во Франции Боссюэ и, наконец, сам Людовик XIV¹. В лице Иакова I абсолютная монархия *основывала свои притязания на божественном праве королей*, как это делали и названные писатели, и названный французский король, а не на той государственной необходимости, о которой учили Макиавелли в XVI в., Гоббс в XVII или Фридрих II Прусский в XVIII столетии. Теологическому пониманию абсолютизма была в эпоху английской революции противопоставлена и теологическая идея народовластия: от светской культуры Возрождения XVI в., давшей стране Шекспира и Бэкона, Англия перешла к теологическому направлению пуританизма, выставившего такого поэта и мыслителя, как Мильтон.

В самом начале царствования Иакова I религиозные отношения, которым суждено было дать окраску всей политической борьбе эпохи, сильно занимали короля, бывшего и богословом, и главой государственной Церкви. Католики при его восшествии на престол возлагали на него большие надежды, и это отразилось даже на том, как подействовало известие о его воцарении на папу Климента VIII: он именно отслужил по этому случаю молебен, т. к. Иаков уже раньше заигрывал с курией. Сначала действительно католикам в Англии стали делаться послабления, но когда они увидели, что преемник Елизаветы в сущности не отступает от ее системы, и когда Иаков нашел нужным даже усилить строгости, чтобы тем самым опровергнуть слух, порожденный его переговорами с курией, будто он перешел в католицизм, католики устроили известный «пороховой заговор» с целью взорвать на воздух короля и парламент и произвести общее восстание (1605). Опасность, грозившая одинаково и королю, и парламенту, сблизила их на короткое время и вызвала взрыв негодования в народе про-

---

¹ О политических идеях Гоббса, Фильмера, Боссюэ и Людовика XIV см. ниже.

тив католиков, у которых тогда отняты были многие гражданские права. Но врагами установленной Церкви были не одни католики. Пуританизм, сделавший большие успехи в народе, коснулся и низшего духовенства, которое было недовольно высокомерной гордостью и властолюбивой тиранией епископов. При первом появлении Иакова I в Англии ему была подана «петиция тысячи» (*millenary petition*), подписанная, впрочем, лишь 827 священниками, т. е. приблизительно десятой частью духовенства и заключающая в себе кое-какие требования в пуританском смысле, хотя и не касавшаяся организации и управления Церковью (1603). Иаков принял петицию, созвал конференцию (1604) для ее обсуждения и сам возражал на выраженные в прошении желания, указывая на то, что петиционеры хотят шотландского пресвитерианства с его нападками на короля и на королевский совет (чего на деле не было), и заявив, что он этого не допустит ни в каком случае, т. к. где нет епископа — нет короля. «Я, — сказал он при этом, — сделаю их конформистами или, если они не хотят, выгоню их из Англии, а не то пусть их вешают». Преследования, которым продолжали подвергать после этого диссидентов, заставили многих выселиться из Англии в Америку, чем в течение XVII в. и было положено начало будущим Североамериканским штатам. Оксфордский университет еще раньше королевского ответа также объявил, что пуританские требования суть предвестники пресвитерианизма, не признающего королевской власти, а епископы после провозгласили, что ответ Иакова I внушен ему самим Св. Духом. Иначе отнесся к делу первый парламент, созданный в царствование Иакова (1604), ибо в нем прямо было выражено желание церковных реформ и заявлено, что совершенно ложно мнение, будто бы король может издавать церковные законы без согласия парламента: прецеденты XVI в. были за парламент, с которым Иаков I, навязавший, между прочим, своей собственной властью епископат Шотландии (1610), уж никак не хотел делиться своей супрематией. Вообще столкновения Иакова I с парламентами его царствования стали происходить с самого начала. В 1604 г. одной из причин было вмешательство палаты общин в религиозные дела, и, делая в адрес королю заявление о своих правах на такое вмешательство, палата предлагала ему принять общественное извещение от общин королевства о злоупотреблениях как в Церкви, так и в правительстве. Пороховой заговор лишь временно сблизил короля и парламент, ибо в 1606 г. парламент уже протестовал против наложения без его согласия пошлин на ввозимые и вывозимые товары: на этой почве происходила борьба между властью и представительством еще при Эдуардах, которые были вынуждены отказаться от своих притязаний, но Тюдоры возобновили старую практику, хотя пользовались ею в редких случаях и в незначительных размерах; Иаков I не довольствовался вотируемыми ему субсидиями и хотел показать свою власть, стал произвольно устанавливать пошлины и не обратил внимания на протест парламента. К этому присоединились

еще многочисленные «прокламации» короля, создававшие новые законы, вопреки законодательному праву парламента, а политическая теория Иакова, которую он заявлял при каждом удобном случае и которую, кроме того, проповедовали епископы со своих кафедр, усвоили университетские богословы, стали преподавать в школах, внушала нации сильное недоверие к новой политике, тем более что король был вдобавок расточителен и держался несимпатичного англичанам направления в международных делах.

При жизни Роберта Сесилия (сына Вильяма Берлея, помощника Елизаветы), который был советником Иакова, поддерживавшим значение Тайного совета и смягчавшим политику короля, дело до открытой вражды не доходило, но в 1512 г. Сесиль умер и настало время королевских фаворитов и самых острых столкновений. Правда, и Сесиль был представитель уже отживших традиций века Елизаветы и вообще политики Тюдоров, которая казалась теперь парламенту деспотической, не удовлетворяя в то же время и Иакова I, находившего ее, наоборот, слишком уступчивой. Приближенными и доверенными лицами Иакова сделались теперь новые люди, между ними особенно легкомысленный Джордж Вильерс, получивший титул герцога Бекингэма¹, не имея 25 лет от роду, знаменитый философ Бэкон Веруламский, запятнавший себя взяточничеством, стоя во главе юстиции, лорд-казначей Мидльсекс и др.; главной целью внутренней деятельности правительства сделалось в это время добывание денег всякими законными и незаконными средствами. А оппозиция между тем росла. В парламенте 1614 г. нижняя палата на две трети состояла из пуритан и оппозиционно настроенных членов, хотя королю было обещано подстроить выборы в его пользу; и в числе трехсот новых членов, усиливших собой старую оппозицию, находились будущие вожди парламентской борьбы Джон Элиот, Джон Пим, Томас Вентворт. Эта палата прямо объявила, что не приступит к вотированию субсидий, пока не будут уничтожены правительственные злоупотребления, но у нее вышла редкая в летописях парламента ссора с верхней палатой, чем воспользовался Иаков, чтобы распустить парламент, который так-таки и ничего не решил, и ничего не дал; четверо его членов были заключены в тюрьму. Иаков I решился после этого управлять без парламента² и, действительно, не созывал его семь лет, издавая «прокламации», налагая произвольные сборы, между прочим, под видом беневоленций или займов, нарушая права судов и частных лиц и т. п., задумав, кроме того, женить своего сына на католичке, испанской принцессе, что противоречило всем национальным традициям и интересам Англии³. В этот семилетний промежуток, когда главным советником короля был Бекингэм со своими приспешниками Бэконом и Мидльсексом, случилось событие, заставившее Иакова снова

¹ Gardiner. England under the Duke of Buckingham.

² Gardiner. The personal government of Charles the First.

³ Gardiner. History of the spanish marriages.

собрать парламент для получения большой субсидии, т. к. незаконными поборами нельзя было составить суммы, требовавшейся новыми. В 1618 г. в Германии началась война, которой суждено было продолжаться потом тридцать лет: чехи низложили своего государя и, хотя выбрали в свои короли зятя английского короля, последний не мог отнестись к этому иначе как с сильнейшим негодованием и даже требовал удаления Фридриха из Праги, думая вмешаться в это дело в союзе с Испанией, хотя в Англии, наоборот, всеобщим желанием было, чтобы протестантам была оказана помощь. Общественное мнение даже требовало войны, которой нельзя было начать без больших денежных средств, и Иаков I на этот раз должен был сделать уступку. Когда (1620) испанский полководец захватил Пфальц, а Тилли одержал белогорскую победу, собравшийся в Вестминстере в январе 1621 г. парламент был, однако, крайне разочарован, узнав, что Иаков I вовсе не думает стать во главе угрожаемого на континенте протестантизма, а только просит субсидий, намереваясь уладить распрю в Германии дипломатическими средствами. Все вызванное таким поведением короля недовольство нижней палаты, вотировавшей поэтому лишь незначительные субсидии, выразилось в резких нападках на внутреннюю политику. Иакову I пришлось уступать перед сделанным на его правительство натиском, тем более что полной солидарности не было в самом правительстве, т. к. Бекингэм, не всегда довольный Бэконом, решил пожертвовать им парламенту, чтобы отвести удар от самого себя. Известно, что нижняя палата обвинила лорда-канцлера, — каковую должность Бэкон занимал с 1618 г., — во взяточничестве. Он прямо сознался, отказавшись от защиты и лишь умоляя о пощаде «к сломанной тростинке», а палата лордов присудила его к большому денежному штрафу, который был, впрочем, сложен с него королем. Кроме того, Иаков должен был отказаться от монополий, лишь за двадцать лет перед этим уничтоженных Елизаветой, но снова им введенных. Мало того, палаты потребовали от Иакова I объявления войны Испании и женитьбы наследника престола непременно на протестантке. На составленную в этом смысле петицию король отвечал угрозами, но его ответ вызвал резкий протест парламента, в котором значилось, что «свобода, привилегии и юрисдикция парламента суть прирожденное и наследственное достояние английского народа», что парламент имеет несомненное право обсуждать «все трудные и не терпящие отлагательства дела, касающиеся короля, государства и Церкви Англии», и что каждый член парламента при обсуждении этих дел «имеет и по праву имеет должен свободу речи». Король, узнав об этом протесте, велел принести себе книгу протоколов палаты общин и вырвал из нее листы с таким заявлением, вслед за тем парламент был отсрочен и, наконец, распущен.

Между тем Испания, союза с которой добивался Иаков I, делалась все требовательнее и требовательнее по отношению к условиям, на каких ее

правительство соглашалось на брак дочери Филиппа III с наследником английского престола. Поездка самого жениха с Бекингэмом в Мадрид (1623) не помогла делу, и проект брака расстроился к великому удовольствию нации, но к крайней обиде принца и фаворита, которые стали думать после этого уже о войне с Испанией. Им удалось уговорить Иакова I созвать новый парламент, передать ему на рассмотрение дело об испанских переговорах и просить субсидий на войну с Испанией, причем на сей раз Бекингэм пожертвовал парламенту Мидльсексом, обвиненным в подкупности и принужденным выйти в отставку. Но ввиду слухов о новом проекте брака принца Карла с французской принцессой Генриеттой-Марией палата вотировала субсидии только под условием, чтобы Англия не давала Франции никаких обязательств относительно терпимости к католицизму, которые могли бы быть поводом для соседней державы вмешиваться во внутренние дела самой Англии. Иаков I выразил на это свое согласие, но принц и фаворит вынудили у него нарушение данного обещания, и брачный договор был подписан как раз со статьями, которых опасался парламент. Наконец, парламент согласился на субсидии под условием, чтобы война велась исключительно морская и с одной Испанией, но правительство стало выполнять отвергнутый парламентом план Бекингэма войны на материке и не против одной Испании. Вскоре затем (1625) Иаков I умер с сознанием, что не достиг своей цели: внешняя политика и давление фаворита, имевшего свои планы, которые, впрочем, легко менялись, заставили его под конец жизни сойти с того пути, по которому он шел с середины своего царствования. Но и помимо того, он не только не достиг своей цели и остался совершенно одинок, но видел еще, как усиливался пуританизм, как расширял парламент свою компетенцию даже по отношению к внешней политике, как колебалось уважение к трону, и как его собственный фаворит подчинял королевскую волю своим личным планам.

XXXIV. Карл I, Страффорд и Лоуд

Политическое положение, характер, поведение и периоды царствования Карла I. — История парламентов 1625, 1626 и 1628—1629 гг. — Петиция о правах. — Разрыв Карла I с парламентом. — 1629 г. в Германии, Франции и Англии. — Настроение оппозиции и короля в 1629 г. — Карл I, Страффорд и Лоуд в 1629—1640 гг. — Различие их стремлений. — Личный характер Страффорда. — Его управление Ирландией. — Правительственная тирания. — Корабельная подать и дело Гемпдена. — Шотландское восстание и «короткий» парламент.

Между царствованием Карла I и той эпохой, когда парламент находился в наибольшем унижении, прошло сто лет. Этот период, как мы видели, был, однако, временем постепенного возвращения парламентом прежнего своего значения, причем нижняя палата даже начинала играть небывалую прежде роль. Несмотря на деспотизм Генриха VIII, на самовластие Елизаветы, на стремление Иакова I к абсолютизму, каждое из этих царствований фактически расширяло компетенции парламента, хотя названные государи и неодинаково относились к этому учреждению. С другой стороны, последний сам усилился, благодаря развитию материального благосостояния представленных в палате общин классов общества, благодаря развитию образования и чувства свободы. Карл I вступил на престол в такой момент, когда парламент вполне осознал свое значение в жизни английского народа, а между тем новый король был, как и отец его, наследником династической традиции Стюартов, разделяя политические воззрения Иакова I, тяготел к испанской политической системе, находился под влиянием своей жены, француженки и католички, отличавшейся высокомерным и властным характером, толкавшей его на борьбу против политических учреждений Англии, а начал свое царствование с того, что подчинился вполне фавориту своего отца Бекингэму, человеку вздорному, обнаружившему совершенную неспособность к толковому ведению государственных дел, в делах же церковных стал следовать советам епископа Лоуда, которого подозревали в склонности к католицизму. Лично Карл I во многих отношениях стоял выше своего отца: соединяя счастливую наружность с обходительным характером, он поведением своим не навлекал на себя тех нареканий, которые вызывались безнравственными поступками его отца; в нем не было ни педантизма, ни болтливости Иакова I; он был и осторожнее, и вместе с тем упорнее в проведении своих идей, хотя и не обладал достаточной решительностью поступать так, как ему советовали более решительные сторонники абсолютизма, при всем его подчинении влиянию последних, какое заметно во всех важных случаях этого царствования. Но каковы бы ни были свойст-

ва его ума и характера, его главное несчастье заключалось в том, во-первых, что он усвоил идеи, которые отвергались громадным большинством англичан, и в том, во-вторых, что, будучи человеком довольно нравственно щепетильным в личных отношениях, он считал вполне для себя дозволительным политическое вероломство, т. е. давал обещания, которых не исполнял, исходя из той идеи, что между ним и нацией нет договора и что королевское слово, данное по нужде, не может связывать на вечные времена, раз благо государства не требует исполнения обещаний. Понятно, что между парламентом и королем при таких отношениях не могло быть ладу и вся масса спорных и нерешенных вопросов конституции должна была всплыть наружу, тем более что даже в простом желании палат отменить то, в чем они справедливо видели злоупотребления, король усматривал как бы прямое посягательство на его власть. *Обе стороны полагали, что защищают свое право, хотя, как мы увидим, каждая стала идти далее того, что ей давалось ее правом*, но инициатива в отступлении от законного пути принадлежала королю, который своим нападением на конституцию заставил ее защитников, действительно, желать уменьшения королевских prerogatives. Царствование Карла I естественно распадается на три части: в 1625—1629 гг. происходит борьба с парламентами и главным советником короны является Бекингэм, затем наступает одиннадцатилетний период (1629—1640) беспарламентского правления, когда помощником Карла в проведении новой системы делается Страффорд; наконец, в 1640 г. собирается долгий парламент, и начавшееся между ним и королем столкновение приводит к междоусобной войне, оканчивающейся полным поражением Карла I.

Тронная речь, которой этот король открыл заседания первого своего парламента (1625), должна была бы произвести очень хорошее впечатление на палаты, т. к. он говорил о защите протестантизма на материке, но последние действия прежнего правительства не внушали палатам особенного доверия; они вотировали поэтому субсидию в гораздо меньшем размере, чем было нужно королю, а кроме того, обидели его тем, что отдали ему главные таможенные пошлины, т. е. так называемые грузовые и весовые сборы (tonnage und poundage) не на всю жизнь, как это делалось раньше, а лишь на один год, чтобы успеть в течение этого времени рассмотреть вопрос о добавочных пошлинах, незаконно собиравшихся Иаковом I. Вместе с этим палаты просили короля отменить вкравшиеся в управление злоупотребления и выразили желание, чтобы он окружил себя хорошими советниками, хотя и поясняли, что вовсе не думают следовать мятежным парламентам Эдуарда II и Ричарда II, хотевшим от себя навязывать королю советников. В этом желании был намек на Бекингэма. Парламент был распущен; правительство прибегло к принудительным займам, надеясь будущими успехами на войне сделать палату общин сговорчивее, но как раз внешняя политика Бекингэма потерпела поражение, особенно вследствие неудачи английского

флота под Кадиксом, и опять пришлось созывать парламент (1626), в котором вождем оппозиции сделался Джон Элиот¹, потребовавший расследования причин неудачи морской экспедиции к берегам Испании. Хотя Бекингэм и пожертвовал неудовольствию общин лордом-казначеем Кранфильдом, но именно он сам и имелся в виду при возбуждении упомянутого вопроса, что отлично понял и сам Карл I, заявивший, что он не потерпит требования ответственности королевских слуг перед парламентом (хотя прецеденты были против короля). Несмотря на это, Элиот продолжал настаивать на обвинении Бекингэма в неспособности и подкупности, а палата общин заявила, что рассмотрит вопрос о субсидиях, когда изложит свои жалобы королю и получит от него ответ. Карл I призвал палату во дворец и, со своей стороны, объявил ей, что ее созвание, отсрочка и распускание всецело зависят от королевской власти и что парламент будет существовать или нет, смотря по тому, какими найдены будут результаты его деятельности — полезными или, наоборот, вредными. Тем не менее палата общин предала Бекингэма суду палаты лордов, где Элиот в страстных речах обвинял этого королевского советника как причину всех бедствий и болезней королевства. Палаты обратились к Карлу I с прямой просьбой дать отставку Бекингэму, видя в таком обращении свое конституционное право, но король лично объявил в палате лордов, что все сделанное Бекингэмом приказано было им, самим королем; посадил в тюрьму Элиота и другого члена парламента, поддерживавшего обвинение, отверг просьбу Тайного совета не распускать парламент, а по распусчении его велел под формой benevolencies, бывших, в сущности, принудительными займами, собирать субсидии. На этот раз со стороны плательщиков правительство встретило отпор, и тогда (1627) было приказано прямо начать принудительный заем без всякой маскировки, причем правительству помогали священники своими проповедями, а военная сила прямо действиями — забором сопротивлявшихся в солдаты и в матросы, сажанием в тюрьму и т. п. Был тогда отставлен от должности верховный судья, протестовавший против этой меры, отстранен временно от исполнения своих обязанностей архиепископ Кентерберийский и т. п. Везде, однако, оказывалось сопротивление насилию, и один молодой сквайр (помещик), столь знаменитый впоследствии Джон Гемпден, подвергшийся суровому тюремному заключению, объяснил тем свой отказ от уплаты незаконного сбора, что у него нет никакого желания подвергаться проклятию за нарушение *magna chartae*², которая должна была бы дважды в год прочитываться народу. Между тем Бекингэм еще более запутал внешнюю политику Англии, навязав ей, кроме войны с Австрией и Испанией, новую войну — с Францией, и опять потерпел неудачу под Ла-Рошелью, где гугеноты отбились тогда от войск кардинала Ришелье при помощи посланного к ним

¹ Forster. Sir John Eliot.

² Великая хартия вольностей (лат.). — Прим. ред.

английского флота. Делать было нечего, и весной 1628 г. обремененный долгами, покрытый бесславием, возбудивший против себя общественное неодобрение Карл I созвал третий парламент своего царствования.

Парламент, собравшийся в 1628 г. и распущенный в 1629 г., принадлежит к наиболее замечательным в истории английской конституции. Правительственные кандидаты на выборах не прошли, везде успех имели люди, пострадавшие в 1627 г. от принудительного займа, военных постоев, тюремного заключения, и многие деятели долгого парламента уже встречаются в этом собрании (Пим, Гемпден, Кромвель, а Элиот не дожил до 1640 г.). С самого же начала проявился оппозиционный дух палаты общин, и одним из самых резких противников Бекингэма оказался Томас Вентворт, который вскоре после того сделался, однако, главным сторонником королевского абсолютизма. Раздражение с обеих сторон было сильное. Тронная речь Карла I заключала в себе предостережение: если парламент, сохрани Боже, не исполнит обязанности своей помочь нуждам королевства, то он, король, обратится к другим средствам, которые дал ему Бог, но пусть парламент не принимает этого заявления за угрозу, т. к. король унизил бы свое достоинство, если бы стал грозить людям, которые ему неравны, а лорд-канцлер пояснил со своей стороны, что если король обратился к парламенту, то не из нужды, а по милости своей. *Главным делом парламента 1628 г. было составление петиции о правах (petition of rights)*, от принятия которой королем было поставлено в зависимость окончательное решение о щедро вотируемых в принципе субсидиях. В революционных речах, говорившихся уже в этом парламенте, однако, указывалось на то, что он добивался не каких-либо нововведений, а только закрепления старых прав, дабы они не подвергались более нарушениям. Карл I пытался было мешать обсуждению петиции, но новая неудача под Ла-Рошелю и расчет на то, что истолкователями петиции будут судьи, зависимые от короны, склонили его к тому, чтобы принять петицию и таким образом получить субсидии, которые были нужны Бекингэму для новой экспедиции. Многие лица, отказывавшиеся платить по принудительному займу, подвергались произвольному аресту, и в числе членов палаты 1628 г., как мы видели, было немало таких депутатов, которые потерпели от произвола власти. Эти лица жаловались в суды на незаконные аресты, ссылаясь на право личной свободы (*habeas corpus*, т. е. *habeas corpus liberum*), но суды, опасаясь правильно решать дела такого рода, затягивали их рассмотрение, и по этому поводу пришлось высказаться уже парламенту, который ополчился в защиту личной неприкосновенности, гарантированной еще знаменитой 39-й статьей Великой хартии, приняв за принцип, что судьи имеют право принимать жалобы на аресты и в случае незаконности последних освобождать арестованных. Петиция о правах, бывшая как бы второй великой хартией, и взяла под свою защиту личную неприкосновенность английских подданных. Этот замечательный акт, заключавший пере-

числение недавних злоупотреблений и ссылки на статьи *magnaе chartae*, равно как на старые статуты еще времен Эдуардов, был по форме просьбой к королю о том, чтобы впредь законы страны не нарушались и чтобы это утверждено было королевской подписью. По существу дела содержание петиции сводилось к следующим пунктам: 1) без разрешения парламента не существует никаких налогов, принудительных займов и других платежей; 2) никто не может быть подвергнем аресту или наказанию по незаконному суду и без предоставления обвиняемому возможности оправдаться; 3) чрезвычайные суды и экзекуционные военные команды не должны существовать. Король утвердил петицию, получившую значение законного толкования Великой хартии спустя слишком четыреста лет после ее издания, но, когда по требованию парламента петиция была напечатана в громадном количестве экземпляров для распространения в народе, палаты увидели, что в утверждении были оговорки. Когда, далее, палата приняла ремонстранцию, требовавшую удаления Бекингэма, Карл I поспешил отсрочить заседания парламента. Вскоре после этого фаворит был убит неким Фельтоном, и известие об этом было принято всей Англией с нескрываемой радостью. Народное возбуждение усиливалось еще тем, что на материке дела протестантов шли плохо, Валленштейн нанес удар немецким лютеранам и кальвинистам, во Франции пала гугенотская Ла-Рошель, и все это было в то самое время, как английская высокая Церковь, руководимая лондонским епископом Лоудом, стремилась к обособлению среди других протестантских исповеданий и как бы хотела приблизиться к католическим доктринам и церемониям, т. е. к тому, что с протестантской точки зрения было суеверием и идолослужением, а ее выдающиеся личности проповедовали известные теории о ничтожности прав парламента. Уже раньше придворный священник Монтэгу публично поносил континентальный протестантизм и защищал Римскую Церковь, за что парламент 1625 г. отправил его в тюрьму; Карл I, однако, не только освободил этого духовного, учившего еще о божественном происхождении его прав, но даже сделал его в 1628 г. епископом, а другое духовное лицо, говорившее, что парламенты суть простые нули в государственной жизни Англии, получило весьма богатый приход. Политические деятели не могли не замечать, что число духовных лиц такого направления, сравнительно небольшое при Иакове I, увеличилось при Карле I, а потому весьма естественно, что, вновь собравшись в январе 1629 г. после отсрочки, парламент обратил внимание на религиозные дела. Действительно, в палате общин, по почину Элиота сделано было заявление о праве парламента участвовать в решении религиозных вопросов, — *заявление, не оставлявшее никакого сомнения в том, что парламент был настроен в пуританском духе*. С другой стороны, палата постановила протестовать против незаконного взимания грузовых и весовых сборов, вопрос о которых все еще не был решен, но Карл I поспешил распустить парламент.

1629 г. имеет важное значение в истории трех главных стран Европы, которые уже четыреста лет шли по разным дорогам: одна — к политическому раздроблению, другая — к абсолютизму, третья — к упрочению свободных учреждений: в Германии это был год Реституционного эдикта, во Франции — год эдикта Милости, в Англии год, когда Карл I решился не созывать более парламентов, но все эти три факта не имели долговечного значения, ибо Реституционный эдикт, бывший выражением победы императора, пришлось отменить, эдикт Милости не обеспечивал прочно за французскими протестантами свободы вероисповедания, намерение же Карла I обходиться без парламента оказалось неисполнимым, т. е. победа императора не остановила раздробления Германии, эдикт Милости оказался бессильным перед произволом власти, утвердившимся во Франции, а попытка Карла I в Англии не уничтожила политической свободы. Кроме того, три названных факта стоят в тесной связи с религиозной борьбой того времени — один как результат победы католицизма, другой как результат временного торжества веротерпимости, а третий — потому что в 1629 г. *в Англии самым ясным образом объединились оппозиции политическая и религиозная*. После того как Карл I решился не созывать более парламента, о войне на материке нечего было и думать, и Англия после этого более не играет роли в событиях Тридцатилетней войны.

В каком настроении расходился парламент 1628—1629 гг., можно видеть из того, что перед его роспуском Карл I велел отложить заседание, но королевского приказа не послушались. Элиот напал на нового лорда-казначея за то, что он присоветовал королю незаконный сбор пошлин, и высказал такую мысль, что всякий, кто пытался нарушать права парламента, в конце концов, парламентом и поражался, и палата провозгласила, что кто изменяет религию и собирает субсидии без согласия парламента, тот есть враг отечества и общества, а кто добровольно подчиняется произвольным распоряжениям, тот изменник английской свободе. Можно себе представить, как все это должно было подействовать на Карла, который со своей стороны заявил в особой прокламации, что, т. к. с парламентами ладить ему невозможно, то он будет «считать дерзким вызовом, если кому-либо придет в голову предписывать ему обязанность относительно созвания парламента в известные сроки». Вожди оппозиции были заключены в тюрьму, в которой Элиот и кончил свои дни (1632).

Началось одиннадцатилетнее правление без парламента. Это было время, когда в соседней Франции великий министр, только что справившийся с гугенотами, устанавливал королевский абсолютизм. Как у Людовика XIII был Ришелье, как в Германии в пользу абсолютизма действовал, впрочем, не забывавший и самого себя, современник кардинала-министра, военный вождь Валленштейн, так и в Англии у Карла I в то же самое время явился советник, имевший в виду целую политическую систему, ко-

торая напоминает систему Ришелье, и собиравшийся вводить ее при помощи военной силы, которая составляла главную опору и Валленштейна, притом человек, бывший и по способностям своим, и по властолюбию сродни им обоим. Это был именно Томас Вентворт, один из вождей оппозиции в парламенте 1628 г., но еще в том же году перешедший на королевскую службу, возведенный впоследствии в сан графа Страффорда и назначенный королевским наместником в Ирландии¹. Другим советником был лондонский епископ, впоследствии архиепископ Кентерберийский Лоуд: подобно тому как Страффорд представлял собой одну тенденцию эпохи — политический абсолютизм, Лоуд был выразителем другой ее тенденции — религиозной реакции, которая была возможна не в одном католицизме, ибо под управлением Лоуда Англиканская Церковь заразилась всеми стремлениями реакционного католицизма. И Карл I, и Страффорд, и Лоуд стремились к одной цели, но различным образом представляли себе средства, которыми она могла бы осуществиться. Уже при Тюдорах некоторые государственные люди Англии называли монархию, в которой жили, абсолютной, понимая под этим термином независимость английской короны от папской опеки или какого бы то ни было иностранного суверенитета, и только Иаков I стал придавать этому выражению тот смысл, что король свободен от контроля и ответственности и перед парламентом. Карл I, «ненавидевший самое имя парламента», сам понимал старую английскую конституцию таким образом, будто она ни малейшим образом не уменьшала его прав как абсолютного монарха, и видел в парламентской оппозиции простое неповиновение подданных своему государю. Он — по крайней мере, сначала — надеялся на то, что рано или поздно его подданные образумятся, и тогда, конечно, опять можно было бы собирать парламенты, а пока нужно было править лично и главным образом заботиться о том, чтобы во всех случаях, где будет оспариваться королевское право, судьи становились на его сторону и разъясняли англичанам своими приговорами обязанность повиновения королевской воле и, таким образом, действовали в смысле переубеждения тех его подданных, которые в ложном виде представляли себе законные отношения, какие должны существовать между королем и страной. На континенте главной опорой абсолютизма сделались постоянные войска, но Карл более надеялся на свое право, ложно им понимавшееся, чем на вооруженную силу, да и для содержания последней у него и не было достаточных средств. Между тем Страффорд держался именно того взгляда, что королю нужно иметь хорошую армию, и сам набирал войско, самовластно распоряжаясь в Ирландии в предвидении той борьбы, какую нужно было выдержать в Англии при установлении новой системы, представлявшейся ему не иначе как в виде сурового режима Ришелье. Страффорд хотел

---

¹ Forster: Thomas Wentworth, earl of Strafford (в *ero Statesmen of the Commonwealth*).

идти напролом («thorough», было его девизом), но при дворе не понимали его системы, не любили его самого за высокомерие, интриговали против него, — как при французском дворе интриговали против Ришелье, — и вооружали против него короля, в особенности ненавидевшая его королева. С другой стороны, Страффорд в религиозных делах держался, как и Ришелье, чисто политического взгляда, и его политика не имела вероисповедной окраски, ибо к ирландским католикам он относился с терпимостью, даже раздражавшей протестантов, хотя его план колонизации Ирландии англичанами возбуждал против него и католиков. Страффорд не думал, однако, о примирении враждующих исповеданий: напротив, на их взаимном отчуждении, на их раздорах, делавших для обеих сторон необходимой нравственную поддержку власти, он думал основать свое господство в Ирландии, бывшее необходимым для составления армии. Во всяком случае, *абсолютизм Страффорда не имел строго вероисповедной окраски, тогда как именно система Лоуда в том и состояла, чтобы доставить торжество известным церковным принципам.* Человек узкого и ограниченного ума, но такого же властного характера, как и Страффорд, Лоуд не мог похвалиться тем пониманием действительности, которое составляло силу Страффорда. Оба они отличались бескорыстием, трудолюбием, упорством в стремлении к раз намеченной цели, оба обладали даром организации и административными способностями, но у Лоуда не было именно политической проницательности Страффорда. Подобно королю и еще в большей степени, нежели он, Лоуд был доктринером, видевшим действительность в свете теории, которая мало имела с ней общего. Как Карл I превратно представлял себе английскую конституцию, не понимая истинного ее характера, не укрывшегося, однако, от Страффорда, который сам раньше был парламентским бойцом, так Лоуд составил себе совершенно особенный взгляд на Англиканскую Церковь, обязанную, как бы то ни было, своим происхождением великому реформационному движению XVI в., что ставило ее в связь с протестантскими церквями материка, отрицавшуюся Лоудом. У него составила такая на этот счет теория. Англиканская Церковь, как часть Церкви Вселенской, благодаря Реформации, восстановила в себе истинную веру и жизнь первых веков христианства, искаженную новшествами Рима, Лютера и Кальвина. Тем не менее Англиканская Церковь все-таки ближе к римской, которая по-прежнему остается частью Вселенской Церкви, сохраняя епископское преемство, тогда как Лютеранство и Кальвинизм не могут даже считаться церквями, ибо они отвергли божественное установление епископата. Симпатии Лоуда были на стороне католицизма, и его мечтой было достигнуть воссоединения с ним, когда Рим отречется от своих заблуждений, а Англиканская Церковь приблизится к римской и по общему своему характеру, и по своему культу. Общая политика Лоуда и тогда, когда он был еще епископом Лондонским, и тогда, когда сделался архиепископом Кентерберийским (в 1633),

была такова, что, например, курия тайно предлагала ему кардинальство, которое было им, впрочем, отвергнуто; одна дама поспешила даже принять католицизм, чтобы не затеряться в толпе, которая должна будет пойти за Лоудом, когда он возвратится под папскую власть, о чем архиепископ, однако, совсем не думал, при всем своем католическом настроении. К протестантам Лоуд относился вообще нетерпимо. Английский посланник в Париже получил предписание не посещать более кальвинистического богослужения, отправлявшегося неподалеку от этого города. Такое же запрещение последовало и для англичан вообще, находившихся на материке. Иностранные выходцы в Англии также должны были отказаться от кальвинистического богослужения, и многие из них предпочли выселиться в Голландию. Пуританизм преследовался строжайшим образом, хотя им была заражена большая часть нации, и Англиканская Церковь под управлением примаса Лоуда стала действительно приближаться и по своим доктринам, и по обрядности к Римской Церкви.

Таким образом, политика короля и политика двух его советников *были непохожи одна на другую: Карл I полагался на силу времени, которое должно было приучить англичан к повиновению, Страффорд думал идти «напролом», опираясь на военную силу, и далек был от вероисповедного фанатизма, тогда как Лоуд был сторонником именно церковной репрессии.* Но прежде нежели говорить о характере того правления, которое установилось в Англии после 1629 г., нужно сказать еще несколько слов о самом Страффорде. Обращение одного из наиболее видных членов оппозиции в той палате, которая вырабатывала петицию о правах, в ярого защитника абсолютизма представляет большой психологический интерес, и для объяснения перехода Вентворта с одной стороны на другую историки прибегали к разным предположениям. По одному, например, мнению, он был просто «куплен» королем: такое представление дела даже дополнялось тем соображением, что самая его оппозиция в парламенте 1628—1629 гг. была напускная, именно ему хотелось-де выставить свои таланты, чтобы потом подороже себя продать. Этому противоречит, однако, не только личное бескорыстие Страффорда, но и все его независимое поведение по отношению ко двору и королевскому совету, где его ненавидели. Другое предположение исходит из того, что человек властолюбивого нрава мог удовлетвориться или резкой оппозицией, раз сам он не стоял у власти, или крайней тиранией, раз власть была в его руках; и такое объяснение ближе к истине, но оно неполно, т. к. в нем не заключается указания на политическую идею данного лица. Дело в том, что со стороны Вентворта не было никакой измены каким-либо старым взглядам: он еще раньше, в конце царствования Иакова I, стремился попасть на коронную службу, но его постоянно оттирал Бекингэм, по отношению к которому у будущего графа Страффорда должно было поэтому возникнуть смешанное чувство личной ненависти и политического негодования на неспособного коро-

левского фаворита, роняющего престиж власти и достоинство страны. Отсюда — его страстная оппозиция в парламенте против Бекингэма, его речи, в которых, нападая на министра, он, так сказать, выгораживал короля, не потому, чтобы это подсказывалось ему чутьем интригана, думающего спихнуть человека и сесть на его место, а потому, что, в сущности, Вентворт не был таким сторонником парламента, как Элиот; если даже до некоторой степени он и заражался общим духом палаты, выработавшей петицию о правах, то тут могло быть временное увлечение, которое скоро и прошло. По смерти Бекингэма он вступил в королевский совет, дав обещание защищать права монарха от всех посягательств на них со стороны подданных, и вскоре после того подчинил Карла I своему влиянию. В качестве королевского наместника в Ирландии (1633) он правил совершенно деспотически, попирая право и закон, но вместе с тем защищая простой народ от тирании дворянства, устраняя злоупотребления администрации и судов, содействуя экономическому благосостоянию, увеличивая общественную безопасность преследованием морского разбойничества у берегов, одним словом, вводя ту систему управления, которая принесла свои плоды во Франции при кардинале Ришелье. Но Ирландия для него была только средством: здесь он составлял армию, которую при надобности можно было бы перевести в Англию для того, чтобы и там идти «напролом», упорядочить силой власти все внутренние отношения Англии и сделать из нее такую же политическую силу в европейском мире, какой была Франция. С 1633 г. Страффорд большей частью отсутствовал в Англии и переписывался с Лоудом: в одном, как показывает их корреспонденция, они были солидарны, именно в том, что нужно идти «напролом». Система Страффорда, по-видимому, приводила к желанной цели, но дело было, как увидим, испорчено Лоудом.

Одиннадцатилетнее правление без парламента было в Англии временем настоящей тирании, как будто воскресли через сто лет снова годы правительственного терроризма, возведенного в систему при Генрихе VIII канцлером Кромвелем. В это именно время действовали с особой жестокостью звездная палата и верховная комиссия, как бы сделавшиеся для Англии тем, чем были кровавый совет Альбы в Нидерландах или инквизиция в Испании: без соблюдения законных форм судили за государственные преступления, подводя под это понятие все, что было угодно; сажали в тюрьмы, публично секли, обрезали уши, привязывали к столбу за слова или политические памфлеты; гнали священников и мирян, зараженных пуританизмом и т. п. Все это было прямым нарушением законности, но дело не ограничивалось еще уничтожением гарантий личной свободы, установленных Великой хартией и подтвержденных петицией о правах, ибо и деньги брались с англичан незаконно под разными благовидными предложениями, лишь бы дело не имело вида установления новых налогов: Звездная палата посредством денежных штрафов и конфискаций напол-

няла королевскую казну, так что самое главное дело этого суда состояло в том, чтобы изобретать случаи для имущественных наказаний; восстановлены были продававшиеся за деньги монополии; продолжали взиматься грузовые и весовые сборы; прибегали к беневоленциям, выманивая деньги всеми правдами и неправдами, и т. п. Особенно охотно копались в старине, отыскивая прецеденты для новых способов добывания денег. Одним из таких способов явилась корабельная подать. В старые времена в случае войны портовые города должны были давать королю корабли, а приморские графства доставлять для них провиант, теперь же решились заменить и то, и другое корабельной податью, но уже как постоянным налогом, распространенным на всю Англию, что уже не имело за себя никаких прецедентов и было даже отступлением от первоначального намерения правительства не налагать прямо податей без парламента; притом и не флот имелся уже в виду, а сухопутная армия, создать которую Страффорд убеждал Карла I, дабы он мог быть абсолютным господином Англии и сильным монархом в Европе. Известно столкновение по этому поводу с Джоном Гемпденом, который уже раз, за несколько лет перед этим, не хотел платить по принудительному займу и за это был посажен в Тауэр: Гемпден и теперь отказался внести причитавшуюся с него долю подати (1636), а когда Карл I объявил, что судьи признают право короля на взимание этой подати, Гемпден пожелал суда над собой, но судьи, утратившие всякую независимость, большинством семи голосов против пяти высказались против смелого сквайра, и корона вышла победительницей из этого спора (1637). Страффорд думал в это время, что пора было бы розгами научить Гемпдена и ему подобных господ, как следует быть благоразумными. И вот в том же самом году, когда дело Гемпдена внушало не одному королю надежду на то, что его власть восторжествует, но и порождало опасения среди сторонников парламента, заставившие многих (в том числе и Гемпдена, а по преданию и его двоюродного брата по матери Оливера Кромвеля) задумать переселение в Америку, которое для многих уже сделалось единственным средством спастись от преследований на родине, особенно за свою веру, — в Шотландии вспыхнуло восстание, вызванное попыткой Лоуда водворить в этой стране строгий англиканизм со всеми новшествами в католическом духе, которые им были введены в официальное вероисповедание Англии: это было завершение дела, начатого еще при Иакове I, но новая литургия, сближенная с католической мессой, вызвала в Эдинбургском соборе горячий протест молящихся (1637). В Лондон полетели просьбы об отмене нововведения, но король не уступал. Тогда шотландцы заключили между собой ковенант (союз) на защиту своей религии, самовольно создали парламент, собрали денег, составили войско, которое впоследствии стало одерживать победы над незначительными военными силами Карла I в то самое время, как и в Англии далеко уже не было спокойствия, царившего в ней раньше и обманывавшего

короля относительно общего настроения нации. Карл I обращался за денежной помощью к Испании, предлагая ей начать за это войну с Голландией (это было еще время Тридцатилетней войны), а пока пользовался контрибуциями, которые ему были предложены английскими католиками, но Испания денег не дала, католические же приношения были незначительны, между тем как сочувствие большинства англичан было на стороне шотландцев, которые, кроме того, вступили в переговоры с Ришелье, желавшим создать Англии затруднение при обнаруженном ею стремлении вмешаться снова в континентальную войну (Тридцатилетнюю). Страффорд и Лоуд стояли за решительное подавление шотландского мятежа. Карл I, у которого была в руках переписка ковенантеров с Францией, задумал воспользоваться ею, чтобы натравить на Шотландию англичан и заставить их дать большие субсидии. В апреле 1640 г. был собран парламент, но расчет Карла I и Страффорда¹ оказался неверным, ибо члены парламента, руководимые Пимом и Гемпденом, понимали, что дело шотландцев есть вместе с тем и дело всех англичан, и объявили, что согласятся на субсидии лишь под условием прекращения злоупотреблений, которые и были ими прямо указаны правительству. Парламент был распущен через три недели после своего открытия и получил название «короткого»; в это-то время правительственные войска и стали терпеть поражения, а в самой Англии начались беспорядки. Карл I сделал было попытку обратиться к одной верхней палате, которую в качестве «великого совета» созвал в Йорке, но лорды, которым не принадлежало право вотировать судсии, наотрез отказались дать денег. Королю после этого не оставалось ничего более, как созвать новый парламент. Это и был знаменитый долгий парламент 1640 г.

---

¹ Вентворт лишь незадолго перед этим получил титул графа Страффорда.

XXXV. Долгий парламент, кавалеры и круглоголовые¹

Поражение политики Страффорда. — Значение истории 1640–1660-х гг. в Англии. — Характер английской революции. — Брожение в английском обществе в 1637–1640 гг. — Pamфлетная публицистика и ее политические идеи. — Джон Пим и его политическая теория. — Первые действия долгого парламента. — Процесс Страффорда. — Взаимное недоверие Карла I и парламента. — Ирландское восстание. — Образование в парламенте партий. — «Великая ремонстрация». — Попытка ареста пяти членов. — Разрыв короля с парламентом и парламентские требования 1642 г. — Междоусобная война.

События, быстро следовавшие одно за другим с конца тридцатых годов XVII в., доказывали, как незначительны были шансы установления в Англии абсолютизма: действуя «напролом» в Шотландии, встретились с оппозицией, перешедшей в открытое возмущение, которое и в Англии заставило отказаться от этой системы. Один Страффорд оставался непоколебим. В 1637 г. он думал, что настала пора вразумлять розгами непокорных людей вроде Гемпдена. Когда начались шотландские волнения, он стоял за подавление их силой и говорил, что нужно бичами прогнать шотландцев за их границы. Перед созванием «короткого» парламента он, предвидя возможность отказа в субсидиях, советовал прибегнуть в таком случае к чрезвычайным мерам, а в Ирландии прямо добился от местного парламента, бывшего лишь орудием его власти, большой субсидии, на которую снарядил войско. Убедив Карла собирать деньги самовольно ввиду поведения палат, он лично стал во главе ирландской армии, чтобы подавить шотландцев. Несмотря на неудачу, постигшую армию из разного сброда, он и тут не падал духом. Когда два пера подали королю петицию о необходимости мира с шотландцами, Страффорд арестовал этих лордов и предложил Тайному совету расстрелять их как бунтовщиков, на что последний, однако, не согласился. Когда открылись заседания долгого парламента, он хотел предупредить своих врагов, которые готовились на него напасть: у него уже готово было обвинение вождей парламентской оппозиции в преступной переписке с шотландцами, когда он сам был арестован по приказанию палаты лордов. Уже созвание первого парламента 1640 г., получившего название короткого было признаком того, что

---

¹ Для истории междоусобной войны в Англии см. сочинения, касающиеся Рупрехта Пфальцского, сына Фридриха V (зимнего короля) и племянника Карла I как начальника в армии последнего: Warburton. Memoirs of Prince Rupert and the Cavaliers. — Spruner. Rupert the Cavalier. О королеве Генриетте Марии, которая проявила большую энергию в междоусобии, сама приняв участие в добывании денежных средств и формировании войска на материке, см. соч. Baillon'a (Henriette Marie de France).

политика, внушавшаяся Карлу I Страффордом, потерпела поражение: королю в 11 лет правления без парламента не удалось переубедить англичан, как он об этом думал, а Страффорд не успел создать значительной военной силы, которая должна была бы утвердить королевский абсолютизм, ибо религиозная политика Лоуда создала такие затруднения правительству, которых не предвиделось при введении в жизнь страны новой системы. Если вообще малы были шансы английского абсолютизма, то тем меньшими делало их то обстоятельство, что лица, проводившие его в жизнь Англии, далеко не соответствовали своей задаче, ни Иаков I, ни Бекингэм, ни Лоуд, ни сам Карл I, за исключением лишь одного Страффорда, с самого начала новой политики видевшего неизбежность борьбы, не ошибавшегося в настроении общества, сознававшего необходимость иметь в распоряжении военную силу и готового продолжать свое «напролом», когда последнее было уже крайне трудно! Страффорду не удалось то, что во Франции составило славу кардинала Ришелье, а если он был единственной крупной личностью в лагере абсолютизма, то из защитников старых прав нации выдвинулся, наоборот, целый ряд крупных исторических деятелей, с именами которых неразрывно связана бурная эпоха английской истории, охватывающая собой два десятилетия — сороковые и пятидесятые годы XVII в.: назовем только Пима, Гемпдена, Кромвеля, Мильтона.

Два указанных десятилетия (1640—1660) в истории Англии действительно имеют громадное значение: в то время как во Франции упрочивался абсолютизм, а в Германии — княжеское мелкодержавие, — две политические формы, к которым вела история обе страны в течение четырех столетий, — в Англии упрочивалась политическая свобода, зародившаяся равным образом за четыреста лет перед тем. Но, сопоставляя английскую историю с немецкой и французской, мы невольно обращаем мысль при воспоминании о первой английской революции к аналогичным эпохам в жизни Германии и Франции: *в истории Англии сороковые и пятидесятые годы XVII в. были тем же самым, чем в Германии были двадцатые и следующие за ними годы XVI в., чем во Франции эпоха, наступившая в 1789 г., т. е. временем крайнего национального возбуждения, наибольшего напряжения общественных сил, временем расчетов со стариной, решения спорных вопросов настоящего, стремлений к новому будущему, временем культурной, религиозной, социальной и политической борьбы. Находясь в хронологическом отношении как раз на одинаковом почти расстоянии от немецкой Реформации и французской революции¹, и в смысле историческом «великий мятеж» в Англии был чем-то средним между Реформацией в Германии и революцией во Франции: в первой религиозная сторона доминировала над политической, во второй политическая — над религиозной, тогда как англий-*

¹ Между 1520 и 1650 гг. прошло 130 лет, между 1650 и 1790 гг. — 140 лет.

ская революция, если можно так выразиться, *была наполовину политической, наполовину религиозной*. С другой стороны, несомненна ее глубокая историческая связь с религиозным переворотом в Германии и политическим переворотом во Франции. В двадцатых годах XVI в. в немецком народе произошло реформационное движение, бывшее лишь началом целого ряда движений в других европейских странах, а в этом ряду последним событием является английская революция со своим пуританским характером, со своими церковными реформами, со своим сектантством: многие религиозные вопросы, поставленные немецкой Реформацией, разрешаются английской, не той, которая была в XVI в., а той, которой суждено было произойти в XVI столетии. И в то же время в Англии ставятся и решаются как практически, так и теоретически политические вопросы, наполняющие собой и историю французской революции, а та политическая форма, которая восторжествовала в Англии, те политические идеи особенно, развитие которых совершалось в Англии XVII в., играли весьма важную роль в указанной истории. Дело в том, что борьба между королевской властью и парламентом, образование двух политических партий, предъявление новых требований к политической жизни, т. е. зарождение рядом с идеями абсолютизма демократических стремлений¹, — все это должно было отразиться и на тогдашней литературе, и Англия действительно выставила целый ряд политических писателей, развивавших идеи, которые потом оказали большое влияние на политическую мысль континентальных стран. Отличие английской революции от аналогичных движений в Германии и во Франции заключалось в том, что и немцы в двадцатых годах XVI в., и французы в конце прошлого столетия стремились к коренному изменению государственных и общественных форм, которые существовали в обеих странах, тогда как англичане думали сначала главным образом не о перевороте, а о том, чтобы отстоять существующие отношения, подвергшиеся опасности со стороны королевской власти: в Германии, во Франции предстояло еще завоевать свободу, тогда как в Англии последняя была старым достоянием, и *это придавало английской революции оттенок некоторого консерватизма*. Во всех трех случаях, наконец, одновременно с религиозными и политическими вопросами, из которых первые были резко поставлены в XVI в., а вторые в XVIII в., а в XVII в., как было сказано, играли одинаково важную роль, — происходили и социальные движения, обусловленные борьбой классов. Резче всего проявилось это во французской революции, весьма резко и в немецкой Реформации, особенно благодаря тому, что в обоих случаях происходили крестьянские восстания весьма грозного характера, не менее грозные волнения городского пролетариата, тогда как в Англии не было ничего такого, что

¹ Из статей проф. М. М. Ковалевского, которые отмечены выше, назовем здесь «Кавалеры и круглоголовые. Опыт изучения их политических воззрений» (Северный Вестник, 1892, кн. VII и VIII) и «Родоначальники английского радикализма» (Русская Мысль, 1892, кн. I—III).

приняло бы размеры и характер великой крестьянской войны или мюнстерского анабаптистского восстания в Германии, крестьянских бунтов, сопровождавшихся пожарами замков, в начале французской революции или якобинского режима, опиравшегося на городской пролетариат. Тем не менее и у английской революции была своя социальная сторона, что, между прочим, отразилось и на составе политических партий в это время.

Настроение английской нации, бывшее, по-видимому, спокойным после 1629 г., стало быстро изменяться с 1637 г., когда разыгралось дело Гемпдена и начались шотландские волнения. До этого времени все шло хоть и не особенно гладко, но так, что при дворе были уверены в успехе новой системы, тем более что Англия, благодаря внешнему миру в те годы, как на материке велась война, и благодаря именно этой войне отчасти, в материальном отношении благоденствовала, развивала свое сельское хозяйство, промышленность и торговлю. На самом деле англичане или терпеливо ожидали перемены обстоятельств, или эмигрировали в Америку, эмигрировали массами (более 20 тысяч в десять лет), в которых были и священники, и ученые, и адвокаты, и купцы, и фермеры, а их примеру собирались следовать и сквайры, и лорды. Впервые дело Гемпдена произвело сильное впечатление. Когда в том же году Звездная палата приговорила нескольких памфлетистов, напавших на епископат, к отсечению ушей, выставке у позорного столба и пожизненному тюремному заключению, сто тысяч лондонцев, собравшихся на их пути от места наказания в тюрьму, устроили им овации как мученикам за свободу. Во время шотландской войны лондонское простонародье сделало нападение на архиепископскую резиденцию и помешало произведенными им беспорядками заседанию верховной комиссии. Миллионеры, неохотно шедшие на «епископскую войну» (т. е. войну с Шотландией), убивали офицеров, которых заподозривали в папизме, разбивали решетки у алтарей в храмах, встречавшихся по дороге, и нередко разбегались по домам. В весенний парламент 1540 г. поступала масса петиций от разных графств и городов относительно прекращения злоупотреблений. В палату второго парламента того же года, — которому суждено было сделаться «долгим», — каждый депутат привез с собой петицию об устранении каких-либо злоупотреблений, и независимо от этого поступило еще так много петиций, что целая неделя прошла лишь в их приеме, разборе и назначении сорока комиссий для их подробного рассмотрения и составления по ним отчетов. Как будто сразу тогда же остановилась пуританская эмиграция в Америку, а пуританская проповедь стала раздаваться особенно смело, и началось развитие той брошюрной литературы, которая в течение двадцати лет дошла до громадной цифры — тридцати тысяч памфлетов.

В этой литературе обращают на себя внимание те политические идеи, в которых формулировались стремления начинавшегося столкновения: впоследствии они получили систематическую обработку в целых тракта-

тах. Программа той партии, которая впоследствии вела борьбу с королем, в то время была весьма ясна. Тогда еще никто не думал о республике и общим лозунгом было сохранение королевской прерогативы, что явствует и из прений в парламенте, и из упомянутой публицистики, и даже самые крайние лишь ограничивали королевскую прерогативу во имя свободы, считая, однако, оба элемента — и прерогативу, и свободу — одинаково необходимыми, хотя и доходя в ограничении первой до требований, напоминающих современный парламентаризм. Несколько позднее возникла в Англии республиканская партия, но пока вся оппозиция думала защищать старые принципы смешанного образа правления с равновесием короля, палаты лордов и палаты общин. Однако, ближе знакомясь с политическими воззрениями членов долгого парламента и тогдашних литературных защитников свободы против прерогативы, мы можем сказать, что идеалом этих деятелей и писателей *была скорее республика с наследственным президентством, именуемым королевской властью, чем той монархией, ограниченной законами и парламентами*, о которой говорили прежние писатели вроде Фортескую. Дело в том, что, признавая в теории равновесие и разделение властей, сторонники парламента урезывали прерогативу, доказывая, например, что король не имеет права отклонять билли, прошедшие через обе палаты, что парламент должен непосредственно выбирать королевских советников, а король — лишь утверждать представленных ему кандидатов, что парламенту принадлежит заведование военной обороной страны и т. п. В одном анонимном памфлете 1642 г. под заглавием «Некоторые соображения о взаимных обязанностях короля и народа» отдается предпочтение перед всеми формами правления смешанной форме как самой прочной и непоколебимой, ибо лишь при ней монарх, аристократ и народ имеют каждый столько власти, сколько необходимо для их самостоятельности, так что стоит лишь одному элементу получить перевес над двумя другими, как смешанная форма превратится в тиранию. В другом памфлете того же 1642 г. о «Привилегиях палаты общин» доказывается, что общины были призваны к власти вследствие того, что аристократия узурпировала королевские права, а это в свою очередь было вызвано превращением монархии в тиранию. Другие речи и брошюры восхваляют английскую конституцию за то, что она удачно примиряет монархию, аристократию и демократию или прерогативу и свободу и т. п. Между тем недоверие к Карлу I заставляет людей, считающих необходимым оставить самостоятельность за всеми тремя чинами государства, всячески ограничивать королевскую прерогативу, — явление, которое поражает нас и в истории составления французской конституции 1791 г., которая лишь по форме была монархической, по существу же республиканской. Мало того, и теоретически высказывалась мысль, что права обеих палат парламента важнее прав короля и что права одной палаты общин важнее прав короля и палаты лордов, вместе взятых. Во всяком случае,

произошло то, что одну и ту же конституцию король и парламентские вожди понимали совершенно различно, причем обе стороны думали, что остаются на конституционной почве: Карл I, включая в конституцию абсолютную власть короля, сам этим заставил парламентскую оппозицию увидеть в прерогативе опасность для свободы и пожелать ее ограничения путем расширения прав нижней палаты, которые защитникам парламентских привилегий представлялись как самые основные во всей конституции.

Выразителем такой политической теории и главным вождем парламентской оппозиции сделался уже раньше упоминавшийся нами Пим, соммерсетширский сквайр, имевший тогда уже под шестьдесят лет¹, один из наиболее выдающихся деятелей первой английской революции, энергичный организатор, политический вождь, умевший внушить к себе доверие и потому сразу занявший в парламенте первое место как старый притом боец за свободу, посаженный даже в тюрьму за свое поведение в парламенте 1614 г. Он уже раньше пользовался большой популярностью в стране: перед собранием долгого парламента он объехал всю Англию, всюду возбуждая избирателей к энергичному протесту, так что вновь избранные члены, большая часть которых впервые попала в парламент, уже заранее привыкала видеть в нем своего вождя. Еще более придавало ему веса и то обстоятельство, что у него была ясная идея относительно неизбежного, как он предвидел, столкновения конституционных элементов, которое ставило других деятелей в тупик, т. к. для таких случаев не было ни подходящих законов, ни прецедентов. Стоя теоретически на той точке зрения, что королевская прерогатива и народная свобода определяются законом, что одна является поддержкой другой, пока каждая не выходит из своей сферы, и даже доказывая (в обвинительной речи против Страффорда), что в противном случае или победа прерогативы повлечет за собой тиранию, или, наоборот, установится анархия, раз свобода подкопается под прерогативу, Пим на практике держался того мнения, что в английской конституции парламенту принадлежит более важное значение, чем короне, и что самую важную часть парламента представляет собой именно палата общин; в этой его идее, нашедшей многочисленных сторонников, заключалась в общих очертаниях не конституция прежней Англии, а конституция Англии будущей, Англии XVIII и XIX вв. В таком именно смысле на старых своих основах и развивалось действительно английское государственное устройство путем постепенных переходов, но конечная цель их была, таким образом, уже намечена в сороковых годах XVII в., и хотя идея Пима не соответствовала тому, что представляла собой современная ему английская конституция, тем не менее идея эта все-таки была к ней ближе и абсолютистических толкований конституции Стюартами, и республиканского режима, который думали установить в Англии индипенденты:

---

¹ Пим родился в 1584 г. Биография его в соч. *Фортесера* «Statesmen of the commonwealth».

в стране не было элементов ни для абсолютизма, ни для республики, а те элементы, из которых созидался государственный строй Англии, развивались именно в направлении, уже намеченном в идее о том, что самую существенную часть конституции составляла палата общин. Долгий парламент прямо на фактах стал доказывать это положение, да и самое установление в Англии республики, как мы еще увидим, было не столько делом принципа, сколько политической необходимости, созданной тем, что после победы над королем и лордами нижняя палата долгого парламента фактически сделалась единственной властью в государстве.

Что победа должна была склониться на сторону парламента, это было весьма естественно ввиду всеобщего раздражения на систему Страффорда и нравственного авторитета, которым пользовался парламент у населения. Карл I в 1640 г. совсем упал духом, тогда как парламент был особенно крепок тем, что в нем совсем еще не существовало тогда партий, и его единодушие, поддерживаемое народным сочувствием, было такой силой, какой не было в распоряжении короля. Вот почему с самого же начала *долгий парламент действует так смело и энергично, а Карл I ему, наоборот, уступает и ничего решительного против него не предпринимает*, правда, с затаенной мыслью взять назад свои уступки, раз обстоятельства позволят действовать более твердо. Одним из первых актов долгого парламента было потребовать во всех графствах составления списков чиновников, приводивших в исполнение незаконные предписания правительства, и начать процесс против Страффорда по обвинению в государственной измене: парламент открылся 3 ноября, а 11-го Страффорд был уже посажен в Тауэр. Двое министров поспешили спастись бегством, а Лоуд был тоже арестован (в декабре), за ним — еще один из судей, доказывавших законность корабельной подати (в феврале 1641 г.). Кроме того, парламент освободил из тюрьмы упомянутых раньше «мучеников», и народ усыпал их путь лаврами, когда они торжественно вступали в Лондон. Решение суда по делу Гемпдена было кассировано, а корабельная подать объявлена незаконной. Особым статутom самым точным образом определялось, что без согласия парламента корона не имеет права ни на какие сборы. По трехгодичному акту (triennial act) парламенты должны были собираться, по крайней мере, три раза в год и не распускаться ранее пятидесяти дней после открытия заседаний. Были уничтожены Звездная палата и верховная комиссия. В марте 1641 г. почти единогласно прошел в нижней палате билль об удалении епископов из верхней палаты. Карл I на все давал согласие, как не мешал и процессу против Страффорда, решившись, однако, спасти его жизнь и даже дав ему обещание, что ни один волос не падет с его головы.

Процесс Страффорда (конец марта и начало апреля 1641 г.) был возбужден против него по обвинению в государственной измене. Стоя на конституционной точке зрения, с которой король не может делать неправды

(the king cannot wrong), Пим во всех злоупотреблениях правительства обвинял Страффорда, подававшего дурные советы, но подсудимый очень искусно защищался, указывая на то, что действия, вменяемые ему в вину, не подходят ни под один парламентский статут, ибо, действительно, не было ни одного закона, который прилагал бы название измены к нападению на учреждения государства. Тогда парламент осудил его на основании билля of attainder, т. е. законодательным порядком, пополнив пробел в законах и подведя представившийся случай под новое определение. Страффорд был приговорен к смертной казни. Карл I, сначала отказавший в утверждении билля, через несколько же дней после этого дал свое согласие на казнь, уступая настойчивым представлениям королевы, которая говорила, что было бы безрассудно губить себя, спасая Страффорда. Незадолго перед этим она также убеждала мужа прибегнуть к насильственным мерам против парламента, и уже составлялся с его ведома военный заговор, но это сделалось известным Пиму и только удвоило энергию парламента. Казнь Страффорда (май 1641 г.) вызвала ликование во всей Англии. До этого момента еще была надежда на примирение: шли даже переговоры о том, чтобы парламентские вожди были назначены на главные государственные должности, т. е. сделаны советниками короны, и если бы эта идея осуществилась, *в Англии 80 годами ранее образовалось бы парламентарное министерство*, возникшее только в двадцатых годах XVII в. и сделавшееся столь характерной принадлежностью государственного ее строя в наше время; в министерстве предполагалось участие Пима, так что его политическая идея осуществилась бы, если бы ответственными советниками короны, — ответственными за все случаи пользования своей прерогативой, — сделались вожди парламентского большинства. Переговоры, впрочем, ни к чему не привели; только, не доверяя королю, парламент добился его соизволения на билль, по которому парламент, созданный в 1640 г., не мог быть распущен иначе, как с собственного его на это согласия. Отказываясь в данном случае от пользования своей несомненной прерогативой, Карл I сделал эту уступку, считая, что она и другие уступки, как вынужденные, ни к чему его не обязывают, но понятно, что поведение, вытекавшее из такого взгляда на свои обязательства, не могло не внушать подозрений в искренности короля. Недоверие к нему проявилось и в том, как отнеслись парламентские вожди к Карлу I, когда по прекращении военных действий против Шотландии он поехал в Эдинбург, чтобы уладить лично шотландские дела. Хотя парламент, недовольный этой поездкой, и согласился отсрочить свои заседания на время королевского отсутствия, но тут же были образованы две комиссии: одна с Пимом во главе для ведения дел в Лондоне, другая с Гемпденом для сопровождения Карла I и, в сущности, для наблюдения за ним. Карл I быстро примирился с шотландцами, сделал им всевозможные уступки, но под условием отказа с их стороны от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела Англии. Как раз в это

время Ирландия, не чувствуя на себе более тяжелой руки Страффорда, раздраженная его деспотизмом и отобранием в одной провинции половины земель для английской колонизации, возмутилась против Англии; восстание приняло католический характер и сопровождалось истреблением протестантов, которых, как говорят, погибло тогда до 50 тыс. человек. Уже это одно должно было произвести впечатление на парламент, но инсургенты объявляли вдобавок, будто они действуют по поручению короля, называли себя королевской армией (хотя войско Страффорда раньше уже было распущено) и говорили, что будут нападать на всех, кто осмелится наносить ущерб прерогативе короны. Нет никаких оснований думать, чтобы восстание было действительно возбуждено Карлом I, хотя он ошибочно и считал его счастливым для себя событием. Подавить ирландский мятеж можно было только военной силой, которая по конституции должна была находиться под верховным начальством короля, а это немало значило в его борьбе с парламентом. Весьма естественно, что в парламенте этого опасались: верили в участие короля в этом деле, думали, что совпадение мира с шотландцами и восстания ирландцев произошло неспроста, ожидали новых событий в том же направлении, грозившем парламенту, и потому боялись доверить королю военную силу, которая могла бы соединиться с ирландскими инсургентами, вместо того чтобы идти против них сражаться. Гемпден извещал Пима обо всем, что узнавал относительно Карла I, его намерений и действий, и парламентский вождь уже тогда стал формировать милицию для защиты парламента под начальством графа Эссекса — будущее парламентское войско.

К этому моменту относится образование в долгом парламенте партий. Сначала, когда дело шло о прекращении злоупотреблений, в нем господствовало замечательное единодушие, и даже предложение о том, чтобы настоящий парламент не мог быть распущен без собственного на то согласия, было сделано будущими защитниками королевской прерогативы, несмотря на прямо революционный характер этого предложения, ограничивавшая корону в одном из самых существенных ее прав — созывать, отсрочивать и распускать парламент, который теперь делался постоянной политической силой. Но в конце 1641 г. *произошло образование в парламенте особой королевской партии*, что было началом реакции в самом парламенте против дальнейшего развития требований, предъявлявшихся королю со стороны парламента в смысле все большего и большего ограничения прерогативы, хотя, желая остановиться на сделанных приобретениях и на сохранении старых законов о взаимных отношениях властей, эти роялисты, консерваторы и легитимисты не были вовсе сторонниками того абсолютизма, к которому стремились сами Стюарты. С другой стороны, были люди, которым казались, наоборот, недостаточными данные Карлом гарантии, и, зная характер короля, они были правы; но, требуя еще больших гарантий, они уже сходили с почвы традиционных отношений между тре-

мя главными конституционными силами и выводили английское государственное устройство на новую дорогу. *Это разделение политических людей Англии на консерваторов и либералов*, выражаясь политическими терминами нашего времени, *не прекратилось с исчезновением повода, который дал ему начало*: через сорок лет оно возобновилось по иному случаю, партии получили название ториев и вигов, и после этого, — особенно благодаря образованию в XVIII в. парламентарного министерства из вождей большинства в нижней палате, — Англия всегда управлялась одной из этих партий, сохранивших свои названия и до сих пор, хотя последние теперь уже уступают место более современным названиям консерваторов и либералов. В истории Англии вообще поражает нас непрерывность ее учреждений с древнейших времен до вчерашнего дня, и вот уже два с половиной века существуют в этой стране две великие политические партии, из которых одна в сороковых годах XVII в. получила название «кавалеров», другая — «круглоголовых». Но уже тогда дело усложнялось, однако, тем, что, защищая прерогативу, роялисты должны были сблизиться с другими сторонниками королевской власти, учившими о ее всемогуществе, а среди круглоголовых произошло, в свою очередь, позднее новое разделение — на конституционалистов и республиканцев.

Событием, которое впервые повело к разделению парламента на партии, было внесение Пимом в нижнюю палату «великой ремонстранции»¹: в форме петиции к королю был составлен документ, в котором перечислялись старые злоупотребления, устраненные парламентом, и указывались новые затруднения, встречающиеся на его пути, в сущности же это было нечто вроде апелляции на короля к народу. Те, которые были против подачи ремонстранции, доказывали совершенную ненадобность подобного акта после того, как злоупотребления были отменены, но Пим именно считал нужным придать делу наибольшую гласность. По поводу его предложения произошла в парламенте страстная борьба между двумя противоположными мнениями, причем на сторону, противную Пиму, стали Гайд (впоследствии лорд Кларендон) и Фалькланд, из которых один считал достаточными данные королем обеспечения, а другой боялся узкого догматизма пуритан, находившихся в рядах оппозиции. Ремонстранция была все-таки принята большинством в 11 голосов (159 против 148) и представлена (1 декабря 1641 г.) королю, вернувшемуся из Шотландии, но принята им холодно. К этому времени общественное возбуждение достигло уже значительной силы. В защиту палат составлялись в графствах особые общества. На улицах Лондона происходили волнения. Лондонское простонародье взялось защищать парламент, и когда однажды собравшуюся толпу обозвали «круглоголовыми» (roundheads, по тогдашней привычке коротко стричь волосы, тогда как

---

¹ Forster. The great remonstrance.

джентльмены отпускали волосы почти до плеч), а круглоголовые стали бранить «кавалерами» разных авантюристов и солдат, стоявших на стороне короля, то клички эти мало-помалу сделались названиями обеих партий, хотя последние состояли одинаково из джентльменов. Особенно несогласие верхней палаты на билль об исключении епископов вызвало сильные беспорядки в городе.

Скоро дело дошло до окончательного разрыва парламента с королем¹. Карл I задумал нанести удар вождям оппозиции, Пиму, Гемпдену и еще трем членам палаты общин, а также одному лорду, обвинив их перед верхней палатой в государственной измене за сношения с шотландцами и потребовав их выдачи. Так как королевское требование, нарушавшее привилегию членов парламента, последним не было уважено, Карл I на другой день (4 янв. 1642 г.) лично явился их арестовать, подбиваемый к тому особенно своей женой, которой он обещал вернуться неограниченным господином королевства. При известии о его прибытии в палату, пять членов, выдачи которых он требовал, заблаговременно удалились. Не видя Пима на его обычном месте, король несколько раз спрашивал, где находится он и его товарищи, но палата хранила глубокое молчание. Тогда он обратился с вопросом своим лично к спикеру палаты, но тот пал перед ним на колени и отвечал, что здесь у него нет ни глаз, ни ушей, и что он может видеть и слышать лишь то, что прикажет ему палата. Разгневанный король заметил, что у него самого глаза не хуже, чем у других, стал вглядываться в лица членов палаты и, вполне убедившись, что между ними не было ни одного из пятерых, сказал, что хотя «птицы и улетели», тем не менее он надеется, что их ему доставят, а не то он и сам может их достать. Случись так, что пять членов находились бы тогда на своих местах, замечает один современник, и позови король солдат для произведения ареста, тут же могло бы произойти кровопролитие. Пим и Гемпден с товарищами нашли убежище в Сити, их королю не выдали, и, когда Карл I возвращался домой, в народе кричали вслед: «Привилегия!» Когда вскоре он узнал о том, что пять членов с торжеством должны были вернуться в палату, он поспешил покинуть Лондон (начало января 1642 г.). Обе стороны уже готовились к войне, на которую Карл I теперь решился окончательно и перед которой не отступала и палата общин. Хотя билль об исключении епископов из палаты лордов и прошел в этой последней и получил королевскую санкцию, но какой оборот приняло дело, можно видеть из того, что палата особым биллем (*militia bill*) хотела отдать военную команду в каждом графстве преданным парламенту лицам, на что Карл I уже не дал своего согласия. Готовясь к борьбе, каждая сторона должна была собственной властью без участия другой составлять свое войско, и обе, таким образом, сошли с легальной почвы конституции.

---

¹ *Forster*. Arrest of the five members by Charles I.

Когда король явился в Гулль и пожелал, чтобы его пустили в тамошний арсенал, губернатор, в почтительных выражениях и стоя на коленях, отказался исполнить это желание, за что получил похвалу парламента, но это последнее обстоятельство вызвало удаление из парламента роялистической партии (32 пэра и 60 коммонеров), приверженцы которой думали, однако, отклонить Карла I от его воинственных намерений, действуя в этом отношении солидарно со всей Англией. Роялисты присоединились к Карлу I в Йорке, но их удаление из парламента только усилило последний, возвратив ему однородность состава. В то время у короля не было ни денег, ни оружия, тогда как парламент, наоборот, имел и то, и другое. Впрочем, парламент сделал попытку примирения, предложив свои условия в 19 параграфах. *Эти парламентские требования 1642 г. замечательны тем, что главнейшие из них осуществились в XVIII столетии*, но не путем законодательных актов, а путем, так сказать, возникновения обычного государственного права, которое и до сих пор сохраняет всю свою силу и все свое значение: эти требования, вытекавшие из крайнего недоверия, с каким парламент относился к Карлу I, были, кроме того, естественным выводом из новых политических идей, развивавшихся в парламентских речах и памфлетной публицистике, так что немудрено, если король, уже решившийся на войну, отвечал на предложенные ему условия отказом, мотивируя его тем, что, приняв условия, он превратился бы в простой призрак монарха. Хотя парламентские требования 1642 г. и были отвергнуты, тем не менее они заслуживают внимания, как характеризующие тогдашние стремления долгого парламента и как политические начала, которым суждено было осуществиться в государственной жизни Англии, хотя и не в то время, не тем путем и не в том виде, как об этом думали парламентские вожди 1642 г. Самое главное их желание заключалось в том, чтобы король брал себе советников по указанию парламента и ничего не предпринимал без их согласия, а также назначение на другие важные государственные должности и возведение в пэры должны были совершаться лишь с одобрения парламента; далее, под контроль палат должны были быть поставлены браки в королевской семье и воспитание королевских детей; созвание милиции также должно было зависеть от парламента; требовались и церковные реформы в пуританском духе. Когда стало ясно, что примирение невозможно, парламент выбрал особый комитет общественной безопасности, в состав которого вошли Пим и Гемпден, а 12 июля 1642 г. было сделано постановление о собрании армии «для защиты короля и парламента»¹ под начальством графа Эссекса, которому было поручено посредством сражения или каким-либо иным способом освободить короля от злокозненных советников, чтобы возвратить его парламенту, а в октябре того же года произошла первая битва.

---

¹ Сравни аналогичную фикцию во время нидерландской революции.

В междоусобной войне короля с парламентом, в вооруженной борьбе кавалеров и круглоголовых, так сказать, столкнулись две разные Англии, отличавшиеся одна от другой и в территориальном, и в социальном отношениях. На стороне короля стояла северо-восточная часть королевства, сильно отставшая в культурном и экономическом отношении от более просвещенного и зажиточного юго-востока, ставшего на сторону парламента: на северо-западе были именно сильны те социальные элементы, которые примкнули к кавалерам, тогда как на юго-востоке, наоборот, они были слабее, но зато здесь более находилось таких элементов, какие были реже и незначительнее в другой части. К партии кавалеров присоединились католики, которых было много в Валисе, высшее англиканское духовенство, сторонники епископальной Церкви, Оксфордский университет, но главным образом феодальная знать, особенно сильная в северных графствах, где она еще жила и старыми традициями, и старыми отношениями. Парламентская Англия, где находились самые значительные города и порты, заводы и арсеналы, была и населеннее, и богаче, и преобладающий социальный элемент здесь составляли именно те классы, в которых заключалась вся сила нижней палаты, джентри и купечество, а в религиозном отношении это была именно та часть Англии, где особенно был силен пуританизм. Любопытно, что в виду нерасположения пуритан к зрелищам драматические писатели, актеры, даже балаганные увеселители стали на сторону королевской партии. Основным чувством, соединявшим роялистов под знаменами короля, была своего рода лояльность, заставлявшая их видеть в круглоголовых бунтовщиков, но была разница, например, между епископалами, защищавшими идею королевского абсолютизма, и такими джентльменами, которые считали себя как бы связанными с королем узами лишь вассальной верности: это была старая Англия, Англия прошлого, та, которую создавали средневековые силы католицизма и феодализма, и недаром настоящие католики примкнули к этой партии. Против этого лагеря боролась другая Англия, Англия будущего, та, в которой сильны были начала Нового времени — протестантизм и государственная идея, отрицавшая феодализм. У обеих партий были свои политические и религиозные принципы, и борьба между представителями противоположных начал породила, как мы упоминали, целую брошюрную литературу. Первое время междоусобие отличалось даже некоторой сдержанностью обеих сторон: многое казалось одинаково непозволительным и джентльменам, считавшим своим долгом сражаться за короля, и суровым пуританам, также по чувству долга взявшимся за оружие в защиту свободы и жертвовавшим жизнью и достоянием своим в этой борьбе за принципы. Но с течением времени обе стороны вынуждены были прибегать к тем средствам, какие вообще бывают в ходу при всяких междоусобиях, хотя во главе обеих сторон стояли джентльмены. Что касается до народной массы, особенно сельской, то она не была глубоко затронута этой политической борьбой: «великий мятеж» не сопровождался кровавыми народными

бунтами, а когда война затянулась, население во многих местностях устраивало нечто вроде вооруженного нейтралитета, чтобы не пускать к себе военных отрядов, чьи бы интересы они ни защищали, начало громко выражать желание, чтобы война поскорее прекратилась.

Во время междоусобия умерли один за другим Гемпден, тяжело раненый в одной стычке, и Пим (последний в декабре 1643 г.), успевший, однако, организовать защиту парламента и союз с шотландцами, и на их место выдвигается Оливер Кромвель, имя которого отмечает новый фазис в развитии событий, называемых первой английской революцией. Ему, главным образом, был обязан парламент окончанием войны с королем. Сначала перевес в этой вооруженной борьбе был на стороне роялистов (битва при Эджилле, первая в войне в 1642 г. и другие военные успехи лучше обученной королевской армии), но потом победа стала склоняться и совсем перешла на сторону парламента (битвы при Мэрстон-Муре в июле 1644 г., при Ньюбери в октябре того же года и при Нэзби в июле 1645 г.), благодаря преимущественно новой силе — индипендентам. Но *окончание войны с Карлом I, вынужденным после битвы при Нэзби удалиться к шотландцам, совпало по времени с возникновением разлада среди самих круглоголовых.*

XXXVI. Выступление индепендентов¹

Пресвитериане и индепенденты. — Религиозные отношения в Англии в эпоху Долгого парламента. — Союз с шотландцами и победа пресвитерианизма в парламенте. — Причины неудачи пресвитериан. — Характер пресвитерианизма и отношение к нему Мильтона. — Индепенденты, анабаптисты, квакеры. — Историческое значение индепендентства. — Оливер Кромвель и «железнодорожники». — Билль о самоотречении. — Индепендентская армия. — Ее политические стремления. — Начало разлада парламента с армией.

В истории английской революции мы вообще наблюдаем соединение партий политических с партиями религиозными, и самая революция была не только столкновением между королевской прерогативой, стремившейся к абсолютизму, и парламентскими привилегиями, отстаивавшими свое существование, но и между Англиканской Церковью, созданной королевской Реформацией, и пуританизмом, который сделался Реформацией народной. Но среди самих круглоголовых произошел разрыв, имевший и политическое, и религиозное значение: между ними возникли в свою очередь две партии, из которых одна желала сохранить в Англии конституционную монархию, а другая установить республику, а вместе с этим и в пуританизме проявилось два течения — пресвитерианское и индепендентское. Это новое разделение на партии было как бы продолжением старого, ибо и тут известным традициям, с одной стороны, были противопоставлены совершенно новые принципы, с другой — традицией пресвитериан была старая монархия, хотя бы и измененная новыми постановлениями, и прежнее церковное единовластие, хотя бы и в пресвитерианской, а не в епископальной форме, индепенденты же стояли за республику и религиозную свободу.

Религиозные отношения в Англии были в эту эпоху весьма сложны. Известно, что в этой стране, еще в царствование Генриха VIII были единичные протестанты, не подчинявшиеся королевской Реформации, но особенно усилился такой непризнанный протестантизм в царствование Елизаветы. Англиканская Церковь и правительство одинаково преследовали и католиков, и протестантов, не желавших подчиниться акту об унификации, не делая никаких различий между разными оттенками пуританизма, хотя в восьмидесятых годах XVI в. рядом с направлением, более

---

¹ Об Оливере Кромвеле существует значительная литература: *Carlyle*. Oliver Cromwells letters and speeches with elucidations. — *Brosch*. Oliver Cromwell und die puritanische Revolution. — *Picton*. Oliver Cromwell. — *Hoenig*. Oliver Cromwell. — *Осокин Н.А.* Личный и исторический характер Оливера Кромвеля. — *Ковалевский М.М.* Кромвель и свобода совести в Англии (Киевский Сборник, 1892). О Мильтоне см.: *Masson*. The life of John Milton. — *A. Stern*. John Milton mid seine Zeit. О Генри Вене вышеуказанная книга *С.О. Фортунатова*.

или менее кальвинистическим, зарождалось другое, из которого выросло позднейшее сектантство. Преследования не дали развиваться тем противоположностям, которые образовались в пуританизме, и наиболее крайние его оттенки даже совсем не могли развиваться в Англии, т. к. представители религиозных мнений, особенно сильно шедших в разрез с установленной Церковью, предпочитали выселяться из родины в соседнюю Голландию, позднее в Америку, т. к. на чужбине, особенно за океаном, им легче было осуществить свои стремления. Другая фракция пуритан желала реформы установленной Церкви в более протестантском и демократическом смысле, не нарушая принципа государственного единоверия, а в этом отношении для них примером могла служить Шотландская Протестантская Церковь, которая, как и епископальная в Англии, была государственной, отличаясь такою же исключительностью и нетерпимостью. Когда Лоуд начал приближать англиканизм к католицизму, на сторону пуританской оппозиции стали и многие приверженцы самой Англиканской Церкви, но в том виде, в каком она существовала до новшеств, введенных Лоудом. Таким образом, *пуританизм заключал в себе весьма различные оттенки, начиная от более умеренного англиканизма и кончая наиболее крайним сектантством*. Петиция тысячи, которая почти за сорок лет до начала междоусобной войны, требовала у Иакова I церковных преобразований, исходила от сторонников пуританизма, наиболее мирившегося с учреждениями установленной Церкви. Позднее многие вооружались против епископального устройства лишь потому, что прелаты поддерживали королевский абсолютизм, и этим объясняется, как чисто политическая мера, исключение епископов из верхней палаты. Между тем в парламенте существовали люди, которые желали уничтожения самого епископата и реорганизации Церкви на началах пресвитерианских, подобных шотландским, но, например, Пим, который вместе с другими вождями палаты общин был умеренным епископалом, долго этому сопротивлялся, хотя на стороне пресвитериан был другой видный деятель парламента — Гемпден. Рано или поздно, однако, *пресвитерианизм должен был одержать победу в долгом парламенте*, и причины этого были следующие. Во-первых, епископы и большинство духовных лиц, преданных епископализму, были на стороне короля, когда началось междоусобие, и это было на руку парламентским пресвитерианам. Во-вторых, в войне с Карлом I, который спешил мириться с голландцами, чтобы воспользоваться их силами для борьбы с английским парламентом, последнему выгодно было иметь на своей стороне шотландцев, снова ставших в резкие отношения к королю и в свою очередь сознававших, что для независимости их родины нужна победа парламента в Англии. Последним делом Пима и было заключение союза с Шотландией, переговоры о котором велись Генри Веном, одним из наиболее видных политических деятелей и писателей этой эпохи, шотландцы же первым условием поставили единство веры, т. е. принятое Англией

пресвитерианство, что опять усиливало пресвитерианскую партию в парламенте. По заключенному с Шотландией ковенанту (сентябрь 1643) английский парламент между прочим обязался самым торжественным образом привести Церкви трех королевств (Англии, Шотландии и Ирландии) к полному единообразию в вере, в устройстве, в культе и обучении верующих и истреблять папизм, прелатство, суеверие и расколы. Парламент после этого с особой комиссией из богословов занялся реформой государственной Церкви в новом направлении. *Победа пресвитериан не могла быть, однако, прочной.* Английский парламент принял шотландскую церковную систему главным образом по соображениям политическим, тогда как шотландцы на первый план выдвигали именно вопрос церковный. Во-вторых, если в Англии и было много пуритан, то из этого еще не следовало, чтобы все они были сторонниками шотландского пресвитерианизма, а многим даже казалось обидным для национальной гордости подчиняться чужой церковной системе. В-третьих, многие в Англии не могли примириться с той суровой дисциплиной, с тем полицейским вмешательством, которые введены были в Шотландии реформаторами женеvской школы и стали переноситься в Англию. Вообще английский пуританизм к середине XVII в. становился все более суровым, мрачным, нетерпимым, особенно нетерпимым к светскому образу жизни, к театральным представлениям, к литературе английского Ренессанса, и лишь наиболее выдающиеся умы из диссидентского лагеря не подчинялись узкому фанатизму, развившемуся среди пуритан под влиянием гонений и преследований, которым они подвергались. Понятно, что шотландская система, бывшая сколком с женеvской во времена Кальвина, пришлась по душе английским пресвитерианам, но она была несносна тем англичанам, которые не принадлежали к строгим пуританам, стремление же подчинить всех пресвитерианскому единоверию должно было встретить отпор со стороны сектантов, стоявших за свободу совести. Наконец, ведение политических дел пресвитерианами не было особенно удачно, отчасти благодаря непоследовательности, ими оказанной в этом отношении. Они держались упорно фикции, что ведут войну «за короля, королевство и парламент», а их генералы, среди которых были представители аристократии, думали не столько о том, чтобы нанести Карлу I окончательное поражение, сколько о том, чтобы довести его до крайности и тем принудить вступить с парламентом в переговоры о мире. Но главной причиной неудачи пресвитерианского господства было развитие в Англии более свободного направления, представителями которого делаются индепенденты. Но прежде чем говорить о них, нужно сделать еще несколько замечаний о пуританизме вообще.

В XVI в. Англия подчинялась влиянию итальянского Ренессанса. Установление Англиканской Церкви правительством и принятие ее обществом вытекали главным образом из политических мотивов, и общий характер английской культуры и литературы в XVI столетии был светский: достаточно

указать на Шекспира и Бэкона, изучавших внутренний мир человека и внешнюю природу с чисто светских точек зрения, без всякой теологической окраски. *Развитие в Англии пуританизма в XVII в. было победой протестантизма над гуманизмом, Реформации над Ренессансом*, что представляет собой лишь частный случай того общего явления, которое мы наблюдаем в других европейских странах. Пуританский фанатизм пугал многих людей, живших традициями старой Англии и идеями того более широкого понимания религии, которое получило название латитудинаризма, мирившегося с более умеренным и менее нетерпимым англиканизмом. К числу таких людей, например, принадлежал Фалькланд, даже потому и порвавший с парламентом, где усиливалось пуританское направление. Но и в самом пуританизме зарождалось направление более широкое, более свободное, чем шотландское пресвитерианство, и оно выставило несколько замечательных людей. Одним из них был Джон Мильтон. Родившись (в 1608) в пуританской семье, он рано поступил в Кембриджский университет, долго в нем учился, совершенствуясь в разных отраслях знания, и в молодых годах обнаружил большой поэтический талант. Он готовился в занятие духовного звания, но предпочел от него отказаться, т. к. по совести не мог дать присягу на верность Англиканской Церкви с ее духовным рабством. В молодости он увлекался светской поэзией и стремился в Италию, куда и поехал по достижении тридцатилетнего возраста, превосходно зная итальянский язык и даже пользуясь им для своих поэтических произведений: как поэт он уже был известен на материке, и в Париже, где он был проездом, но особенно во Флоренции — он вращался в кругу ученых (в Париже подружился с Гуго Гроцием, во Флоренции — с Галилеем), поэтов и художников, которые относились к нему с большим уважением. Из Италии он думал ехать в Афины, но известия из Англии заставили его вернуться на родину и выступить с рядом сочинений по вопросам, волновавшим Англию около 1640 г., особенно же против епископальной Церкви, т. к. Мильтон уже давно был ее противником. Некоторое время он был сторонником пресвитерианства, но принцип религиозной свободы, вытекавший из всего его миросозерцания, заставил его перейти на другую точку зрения. В 1644 г. парламентские пресвитериане задумали установить в Англии строгую цензуру, и Мильтон ополчился против них в своей замечательной апологии свободы печати (*Areopagitica*), которая представляет из себя одно из самых сильных сочинений, какие когда-либо были написаны в защиту свободы печати¹. Он оставил свою пресвитерианскую точку зрения, найдя, что слово «пресвитер» значит то же, что и поп, только иначе написано. Понятно, что узкий пресвитерианизм не мог быть по душе таким образованным людям, как Мильтон, но в этом отношении они сходились и с простолюдными, среди которых стало с особой силой развиваться сектантство.

¹ «Ареопагитика» была переведена по-русски и помещена в «Современном Обозрении» 1868 г.

Сектантство в Англии, как известно, было явлением старым, которое в сороковых годах XVII в. могло уже насчитывать около шести десятков лет существования, но только во время долгого парламента оно сразу сделало быстрые успехи, между прочим, благодаря возвращению многих эмигрантов-индипендентов на родину. К этому времени они успели вполне выработать свою систему независимых одна от другой церковных общин или конгрегаций, откуда их название конгрегационистов или индипендентов. В то время как другие протестантские исповедания признавали те или другие церковные организации, распространявшиеся на целые государства и стоявшие под властью королей и князей, епископов, консисторий и пресвитерианских синодов, *индипенденты были представителями принципа полной общинной автономии*. Весьма последовательно развивая далее свои принципы, они отвергали существование определенного клира, установленного ритуала, так что в их молитвенных собраниях всякий, кто чувствовал вдохновение, проповедовал, да и молитвенное настроение выражалось равным образом вне каких бы то ни было заранее определенных форм. Как и в немецком анабаптизме XVI в., в этом сектантстве *проявлялся с особой силой религиозный индивидуализм*, и мистическое внутреннее откровение с сопровождавшими его пророчеством, апостольской проповедью и т. п. создавало особого рода отношение к откровению внешнему. Что индипендентство относилось к тому же роду явлений, как и немецкий анабаптизм, это не подлежит никакому сомнению, и даже среди английских сектантов XVII в. были люди, прямо отделявшиеся от господствующей Церкви по вопросу о крещении взрослых: это были так называемые баптисты, поддерживавшие связи с Голландией. В самом начале сороковых годов они еще не давали чувствовать обществу своего значения, но возвращение эмигрантов, общее возбуждение, вызванное борьбой с королем, падение англиканизма, все это способствовало тому, что сразу и с необыкновенной быстротой новое религиозное движение увлекло множество народа. Парламентские деятели стояли на точке зрения государственной Церкви: если они боролись с королем и на религиозной почве, то главным образом потому, что и за парламентом признавали право устанавливать религию страны, которая не должна допускать никакого нонконформизма, но в то время, как парламент перестраивал церковные учреждения на пресвитерианских началах, все, что было в Англии наиболее проникнуто внутренней, задушевной религиозностью, далеко уходило от принципов и традиций государственной Церкви, епископальной или пресвитерианской — все равно. В середине сороковых годов один испуганный движением памфлетист насчитывал 16 сект, отрицавших всякую установленную Церковь, а один епископ говорил о существовании в одном Лондоне восьмидесяти конгрегаций, руководимых башмачниками, портными, суконщиками и «тому подобной сволочью». В графствах также было множество «благочестивых» фермеров, приставших к новому религи-

озному движению, и особенно важно было то, что в политическом отношении люди, примкнувшие к сектантству, были главной опорой парламента, который в религиозном отношении держался как раз совсем иной системы¹. Подобно тому как крайние гуситы в XV в. или анабаптисты в XVI, индипенденты вдохновлялись ветхозаветными идеями, смотрели на себя как на избранный народ Божий, как на святых. Мало-помалу индипендентское движение *приняло в социально-политическом отношении характер демократический*, о чем речь будет идти впереди, когда придется говорить о так называемых «левеллерах», т. е. уравнителях, но, кроме того, на почве индипендентства развились и другие *движения, оставившие глубокий след на духовной жизни английского народа*. Между сектантами особенно «пророчеством» отличались баптисты, «люди пятой монархии», верившие в близкое наступление царства Христова на земле, антиномисты и перфекционисты, утверждавшие, что после искупительной смерти Христовой в Церкви святых Божьих, к которым они себя причисляли, нет уже более греха, и т. п., и в этом же брожении разнообразнейших религиозных идей, мистических чаяний, моральных стремлений, зародилось квакерство, которое временно, именно в пятидесятых годах выступало на арену политической борьбы, но и по первоначальному духу своему, и по окончательно выработавшемуся своему характеру представляло собой чисто морально-религиозное учение. Вообще нужно заметить, что *лишь временно английское сектантство отличалось бурным, агрессивным, революционным характером*, войдя во второй половине XVII в. в колею мирной гражданской жизни, а квакеры даже, подобно и позднейшим немецким анабаптистам, сделались прямо представителями мирного и трудового существования, отрицающего всякое противление злу, войну и самое военное звание. Основатель секты Джордж Фокс, родившийся в 1621 г., был зажиточным кожевником из пуританской семьи, рано углубившимся в изучение Св. Писания и в религиозные думы, тревожившие его чуткую совесть. Убедившись в том, что истина не в книгах, а в сердцах людей, он сделался странствующим проповедником, подвергавшимся за свою экзальтацию насмешкам, брани, побоям, заключению в тюрьме, но ничто его не останавливало, и в конце концов своей пламенной проповедью он приобрел немало сторонников. Он имел видения, которые ставил выше Св. Писания, и когда на него находил дух Божий, он в судорогах падал на землю (откуда кличка quaker, т. е. дрыгун, последователи же Фокса называли себя обществом друзей). Квакерство особенно усилилось в пятидесятых годах, когда бессвязные проповеди Фокса приведены были в систему и само «общество друзей» получило организацию, а также выступило на политическую сцену в качестве прямо революционной силы. Систематизатором квакерского учения сделался Роберт Бэркли (Barclay): оно состояло в том, что

---

¹ Кстати заметим, что в 1645 г. парламент биллем of attainder отправил и Лоуда на эшафот.

догматы и обряды имеют мало значения в сравнении с благочестивой жизнью, что, кто искренне ищет Господа, тот получает внутреннее откровение, имеющее авторитет, равный Св. Писанию и даже более высокий, что богословская ученость есть не что иное, как суетумудрие, что присяга и военная служба греховны и т. п.

Одним словом, в английской религиозной истории середины XVII в. *проявились те великие противоположности реформационного периода*, с которыми мы уже раньше познакомились на истории континентальных стран и отчасти самой Англии в XVI в.: англиканизм был монархическим церковным устройством, пресвитерианизм — республиканским; однообразная государственная религия, на точке зрения которой стояли и кавалеры, защитники Епископальной Церкви, и круглоголовые-пуритане, отрицалась индепендентами, сторонниками того принципа, что религия есть внутреннее дело индивидуума, до которого государству нечего касаться; наконец, и тут принцип индивидуализма в религии, — в его мистических, а позднее и рационалистических проявлениях, — столкнулся с противоположным принципом ограничения личной веры и мысли рамками внешнего авторитета и традиционной ортодоксии. Как и на материке, сектантское движение в Англии по существу своему было демократическим, но и в Англии сторонниками некоторых его принципов сделались люди, принадлежавшие к культурным классам общества. Индепендентство увлекло многих религиозно настроенных людей из образованного общества и правящих классов, благодаря чему его принципы проникли в литературу и политику, а через это оказали более положительное влияние как на духовное развитие, так и на государственную и общественную жизнь, чем немецкий анабаптизм XVI в. Мильтон, ученейший англичанин своего времени, величайший притом поэт и публицист эпохи, сделался одним из верных представителей индепендентства, пером своим служа разъяснению и защите его культурных и политических принципов, но если индепендентство играло в течение нескольких лет и видную политическую роль, то этим оно обязано преимущественно своему организатору Оливеру Кромвелю.

Оливер Кромвель происходил по прямой линии от Фомы Кромвеля, который при Генрихе VIII был государственным канцлером и главным советником и помощником этого короля, как и в проведении церковных преобразований, так и в организации той тирании, с какой Генрих VIII правил Англией во вторую половину своего царствования. Родившись в 1599 г., Оливер Кромвель впервые выступил на политическое поприще в 1628 г., благодаря своим связям с лицами, которые принимали близкое участие в государственной жизни: его отец и трое дядей заседали в парламентах конца царствования Елизаветы, а Гемпден, бывший в родстве или приятельских отношениях со многими влиятельными фамилиями, приходился ему двоюродным братом. По своему общественному положению Кромвель был помещиком (сквайром), учился недолгое время в Кембридже, но рано был оторван от научных

занятий смертью отца, которая заставила его самого заняться сельским хозяйством. Политика сначала его интересовала мало, и только главным образом с 1640 г. он предпочел тревоги общественной деятельности мирным сельскохозяйственным хлопотам. Впрочем, если до 1640 г. он не играл политической роли, то весьма сильно увлекался религиозными вопросами, принадлежа к пуританской семье и сам будучи пуританского образа мыслей. Его выбирали (в Кембридже) и в короткий, и в долгий парламент, где на первых порах он обращал на себя внимание преимущественно своим видом: высокий, с красным лицом, с резким голосом, он был и одет плохо и неряшливо, но речь его звучала страстью, и на вопрос о том, что это за человек, Гемпден отозвался о нем, как о таком человеке, которому, может быть, суждено сделаться первым лицом в Англии. Когда началась междоусобная война, Кромвель со старшим сыном своим принял в ней деятельное участие, пожертвовал на ее ведение значительную по своему состоянию сумму денег и с самого же ее начала понял, что люди, составлявшие парламентскую армию, большей частью слуги и ремесленники, не в состоянии бороться с кавалерами, а потому находил нужным набрать в войско побольше людей, проникнутых религиозным энтузиазмом. Весьма скоро Кромвель составил кавалерийский полк в тысячу человек по своему вкусу и в этом отряде, получившем название «железнобоких» (ironsides), установил строжайшую дисциплину, не допуская в нем ни пьянства, ни каких-либо других безобразий до обыкновенных ругательств включительно, и это тем более легко было сделать, что в свой полк он выбирал людей религиозных и дорожил «прекрасными людьми» из простолюдинов, давая им, чего раньше никогда не делалось, и офицерские места, раз находил их способными их занимать, хотя по всем своим симпатиям оставался всегда сквайром. Кромвель особенно искал для своего отряда подходящих людей среди благочестивых фермеров, не обращая внимания на то, насколько их религиозные верования совпадали с его собственными, и в этом отношении для него было столь же неважно, какого толка придерживался человек, как и то, на какой ступени общественной лестницы он стоял, лишь бы они были честными людьми и хорошими солдатами, хотя он сам и не разделял воззрений разных сектантов-интерпендентов, баптистов и левеллеров, шедших в его отряд. Парламентерские деятели были очень недовольны таким составом полка Кромвеля, но «железнобокие» стали одерживать победы, и при Ньюбери их вождь мог бы окончательно нанести удар Карлу I, если бы пресвитерианский генерал, под начальством которого он находился, именно граф Манчестер, согласился позволить ему преследовать короля: дело в том, что этот генерал не желал полной победы над Карлом I, все еще стоя на пресвитерианской точке зрения, будто война ведется «за короля и парламент», тогда как Кромвель отверг эту фикцию с самого начала. Он должен был, однако, подчиниться своему начальнику, но воспользовался первым удобным случаем, чтобы в парламенте провести свой собственный

план относительно военных дел. Последние были, конечно, нередко предметом, обсуждавшимся в парламенте, что однажды дало Кромвелю случай произнести речь, в которой он доказывал непригодность прежнего способа ведения войны: между прочим, он указывал на недовольство народа, который объясняет себе продолжительность войны желанием важных господ в парламенте подольше сохранить за собой свои места; по его мнению, успешно вести войну можно было, только преобразовав армию; особенно же он напал на генералов, «боявшихся победы», опасавшихся оказаться изменниками в глазах короля, и потому настаивал, что начальство в армии нужно переменить. Эта речь Кромвеля не была простой критикой поведения начальников, подобных графу Манчестеру: практически вывод из нее заключался в «билле о самоотречении», внесенном в парламент Кромвелем и Генри Веном, одним из видных деятелей возникавшей индепендентской партии. Дело заключалось в том, что члены парламента, занимавшие какие-либо военные или гражданские должности, должны были от них отказаться. Вен даже сам сложил с себя должность по заведованию финансами, которую занимал по поручению парламента. Исполнить требование Кромвеля по отношению к войску обе палаты долго не решались, ибо отнять военную команду у своих членов значило порвать тесные связи, существовавшие между народным представительством и армией, но в конце концов в апреле 1645 г. парламентские генералы должны были уступить свое место главнокомандующему, взятому вне парламента, именно Ферфаксу, который, впрочем, при реорганизации войска, требовавшейся всеми обстоятельствами минуты, действовал не иначе, как по указаниям Кромвеля. Для последнего настала теперь пора распространить на все парламентское войско порядки, существовавшие в его отряде «железнобоких», благодаря чему *английское индепендентство получило военную организацию*, и рядом с парламентом, в котором преобладали пресвитериане-конституционалисты, явилась новая сила — индепендентская армия, мало-помалу в политическом отношении перешедшая на ту точку зрения, что единственной законной формой правления должна была быть республика. *Возникновение индепендентской армии и опиравшейся на нее республиканской партии* составляет поворотный пункт в истории английской революции, тем более что в том же году, как началась реорганизация парламентского войска, в котором Кромвель с разрешения парламента сохранил свою команду, была одержана над королем победа при Нэзби (1645), заставившая его, как известно, после нескольких новых неудач, бежать к шотландцам (1646).

Индепендентское войско было одним из наиболее любопытных явлений этой бурной эпохи. Сравнивая его с войском Валленштейна, впервые составившимся лишь за двадцать лет перед этим, мы не только находим между ними значительную разницу, но во многих отношениях полную противоположность. Офицеры и солдаты католического кондотьера, как и сам он, были большей частью авантюристы, сражавшиеся ради наживы

или честолюбивых целей, не связанные никакими узами высоких принципов, и эту армию составлял всякий сброд, грабивший и убивавший мирных жителей, жадный до добычи, развращенный и лишенный всякого понимания тех событий, в которых ему пришлось участвовать. Английская армия «нового образца» (new model), как она стала называться, была, напротив того, одушевлена сознанием, что сражается за дело политической и религиозной свободы, и, несмотря на различие общественных положений, занимавшихся ее офицерами, среди которых были и джентльмены и простолюдины, всех их связывало одно общее дело, ради которого люди бросали свои семьи, насиженные места, прибыльные занятия, жертвовали своим имуществом, даже содержали себя на войне на собственный счет. Лондонское пресвитерианское духовенство и сам парламент, как было сказано, весьма косо смотрели на то, что Кромвель принимал в свой отряд диссидентов, но после того, как этот отряд доказал свою пригодность на войне, в которой пресвитерианские солдаты, наоборот, терпели поражения, ему удалось настоять, чтобы Ферфаксу было позволено принимать в военную службу и таких благочестивых людей, которые не стали бы подписывать пресвитерианского ковенанта. Сектанство, делавшее в это время большие успехи в городах и графствах, поднимало под влиянием совершавшихся событий дух мирных торговцев и фермеров, и последние составляли большинство армии «нового образца»: их гнала в войско не нужда и не страсть к легкой наживе, как солдат Валленштейна; это были не так называемые подонки общества, составлявшие главную силу в армии немецкого кондотьера, а степенные люди, у которых с религиозным одушевлением соединялась большая нравственная выдержка, пуританская шепетильность и серьезная важность, люди, для которых молитвенные собрания, проповеди, пение священных гимнов и т. п. заменяли всякие развлечения, вследствие чего индипендентская армия была чужда пороков, делавших из войска Валленштейна сборище самых развращенных людей во всей Германии. Мало-помалу вся парламентская армия сделалась индипендентской, включив в себя всевозможных сектантов, какие только были в Англии, и образцами для них, при их склонности руководиться указаниями Ветхого Завета, сделались бойцы избранного народа Божьего за веру, что напоминает нам воинов Жижки или даже Фомы Мюнцера. Религиозный дух и сектантский ригоризм были основой той удивительной дисциплины, которой отличалась эта армия, и, например, Маколей, давший весьма известную блестящую характеристику индипендентского войска, хотя и с несколько сгущенными красками, справедливо замечает, что эта армия «могла без вреда для самой себя пользоваться такими вольностями, которые, будучи предоставлены иным войскам, подействовали бы разрушительно на всю дисциплину, но, продолжает названный историк, таковы были разум, серьезность и самообладание воинов, дисциплинированных Кромвелем, что в их лагере по-

литическая и религиозная организация могла существовать, не разрушая организации военной. Те самые люди, которые вне службы были известны как демагоги и полевые проповедники, отличались стойкостью, духом порядка и беспрекословным повиновением на страже, на учении и на поле битвы. В одном лишь лагере Кромвеля строжайшая дисциплина встречалась рядом с самым крайним энтузиазмом. Его войска ходили с точностью машин, пылая в то же время необузданнейшим фанатизмом крестоносцев». Вообще нужно заметить, что крайние пуритане, бывшие религиозными энтузиастами, молившиеся со слезами и рыданиями, проповедовавшие до обмороков и конвульсий, отличались большим самообладанием, когда им приходилось вести военные или политические дела, где они проявляли и способность к холодным соображениям и к неуклонному достижению своих целей. Суровые, гордые, часто честолюбивые, они самое честолюбие свое видели в исполнении заветов Божьих, тех заветов гнева и мести, с которыми знакомились в истории избранного народа: они сами были «святые», сами были избранным народом Божиим, и агрессивный характер, какой получила их деятельность, вытекала и у них, как у крайних гуситов XV в. или у анабаптистов XVI столетия, из представления, что им дано посланничество свыше. Само красноречие их, бурное и вдохновленное, имело чисто библейский характер.

Армия, составленная из таких людей, не могла не сделаться политической партией с особыми принципами, далекими от политических стремлений пресвитериан. Соединяя в своем мирозерцании библейское представление об избранном народе с кальвинистическим догматом о предопределении, считая себя как раз таким народом и веря именно в свое предизбрание к спасению, «святые» в политической сфере явились демократическими радикалами, переносившими на государство те воззрения, которые выработались у них относительно наилучшего устройства церковной жизни именно идею самоуправляющейся народной общины с полным равенством всех ее членов.

Конечно, не сразу сложилась такая армия, не сразу вполне обнаружился ее характер, не сразу выработались политические стремления организовавшегося в ней индепендентства, но уже в 1645 г. пресвитерианское большинство парламента и шотландские комиссары были встревожены энергией, какую проявила партия, желавшая настойчивого ведения войны и добивавшаяся религиозной свободы: желая предупредить полный переворот в государственных и церковных учреждениях страны, они вступили было в переговоры с Карлом I за полгода до битвы при Нэзби, но король прервал их, надеясь, что начавшаяся реорганизация армии поможет ему справиться с парламентом. Битва, которую он дал Ферфаксу, была, однако, настоящим поражением его войска, и то обстоятельство, что победой при Нэзби парламент был обязан Кромвелю, еще более усилило значение последнего и в парламенте, и в армии. После этой победы Кромвель еще решительнее стал тре-

бовать, чтобы люди, рискующие жизнью за свободу родины, пользовались сами свободой совести, указывая на то, что было бы крайне несправедливо, если бы в иных местах не существовало той равноправности между пресвитерианами и индепендентами, которая установилась в военном лагере. Как Мильтон в 1644 г. добивался для печатного выражения мысли полной свободы от стеснений, создававшихся пресвитерианами, так в 1645 г. Кромвель особенно энергично отстаивал свободу совести от тех же пресвитериан, которые, стоя на точке зрения единообразия, готовы были прибегнуть к суровым мерам против диссидентов и опасались обратиться к этим мерам лишь в виду настроения, господствовавшего в армии. Другим бойцом за религиозную свободу сделался тогда в парламенте Генри Вен, а его поддерживали еще многие новые члены палаты, занявшие места удалившихся роялистов. Известия о том, что между пресвитерианами и индепендентами, между парламентом и армией начались несогласия, конечно, доходили до Карла I, который на всем этом основывал свои надежды относительно будущего, и хотя после битвы при Нэзби переговоры опять возобновились, он не особенно охотно шел на встречу делавшимся ему предложениям, полагая, что сумеет поправить свои дела без особых уступок, какие от него требовались в это время (право парламента заведовать армией и флотом в течение двадцати лет, исключение роялистов, принимавших участие в войне, из государственной службы и введение Пресвитерианской Церкви), хотя шотландцы, к которым Карл I бежал весной 1646 г. из Оксфорда, умоляли его согласиться на условия английского парламента. Расчеты побежденного короля, однако, оказались неверными, хотя он и не ошибся в том, что *между пресвитерианским парламентом и индепендентской армией должна была произойти борьба*, с тем только различием от надежд, возлагавшихся Карлом I на эту борьбу, что ее конечным результатом было не восстановление его власти, а введение в Англии республики. Прежде всего он ошибся относительно шотландцев, думая, что они всегда будут на его стороне, как их земляки, ибо они-то и выдали его англичанам: пресвитерианский парламент хотел теперь иметь короля в своих руках, чтобы можно было распустить армию, а шотландцы не желали признавать его своим королем, т. к. он не присягнул ковенанту, и потому-то в январе 1647 г. Карл I был выдан англичанам за 400 000 фунтов стерлингов военных издержек. Теперь пресвитериане считали себя господами положения, но они ошиблись в расчете, т. к. настоящими победителями оказались не они, а индепенденты.

XXXVII. Установление республики в Англии

Общий взгляд на историю республики в Англии. — Религиозные, политические и социальные противоположности в истории Английской республики. — Значение предварительного анализа внутренней истории республики. — План последующего изложения. — Первый конфликт армии с парламентом в 1647 г. — «Смирненное представление» и «акт об устройении». — Взаимные отношения армии, парламента и короля в 1647–1648 гг. — Прайдова очистка. — Парламентское постановление 4 января 1649 г. — Процесс и казнь Карла I. — Английская республика.

Когда в 1642 г. вспыхнула в Англии междоусобная война, ни в парламенте, ни в стране еще не существовало республиканской партии. Мы видели, что круглоголовые хотели сначала только отстоять старые учреждения, правда, создав новые гарантии, которые должны были содействовать их упрочению. Они взялись и за оружие и начали войну с королем, вовсе не имея в виду уничтожить монархическую власть: долгое время даже господствовала фикция, по которой война велась парламентом якобы «за короля, королевство и парламент». И до открытия военных действий, и после того как Карл I попал в плен, парламентские деятели не покидали надежды на то, что посредством переговоров можно будет прийти к какому-либо соглашению, которому мешало только упорство самого короля, рассчитывавшего на то, что несогласия между его врагами позволят ему вернуть себе всю полноту власти, как он ее понимал. Затруднения, с какими пришлось встретиться республике, оказавшейся бессильной для того, чтобы их преодолеть, кратковременность ее существования без всякого прочного и определенного внутреннего порядка, легкость, с которой совершилась реставрация Стюартов на одиннадцатом году после провозглашения республики, все это показывает, что новый политический строй и в стране не имел под собою почвы, что было весьма ясно понято и самим Кромвелем, и частью его приверженцев, начавших, как мы увидим, восстановление старой конституции еще задолго до возвращения Стюартов. *Учреждение в Англии республиканского правления было делом индипендентской армии*, но сама эта сила стала формироваться лишь в 1645 г. Можно сказать, что республика была навязана Англии ее вооруженной силой, хотя та государственная форма, сторонниками которой явилось сектантское войско, именно наименее может быть навязываема насильно, ибо лежащая в основе этой формы идея народовластия требует, чтобы правительство опиралось главным образом, если не исключительно даже, на добровольном согласии, а не на принуждении. Энергическое меньшинство, сплоченное общими религиозными и политическими стрем-

лениями, сумевшее организовать для достижения определенной цели, доставило победу парламенту в его распри с королем, но за то само стало диктовать свою волю парламенту, что *открывало путь для установления в стране военного деспотизма*, бывшего в противоречии с республиканской идеей самих индепендентов и совершенно не соответствовавшая нравам, преданиям и учреждениям английской нации. Таким образом, республика не только не имела прочных корней в стране, но вместе с тем должна была опираться на вооруженную силу, которая именно только в качестве материальной силы могла диктовать свою волю. Вся история республики в Англии, как и время, ей непосредственно предшествующее, проходит *в постоянных столкновениях между парламентами и армией*: уже долгий парламент, стремившийся к всемогуществу в государстве, встретил против себя другое всемогущество, каким фактически сделалось и хотело остаться индепендентское войско, и этот же самый антагонизм проходит через всю ту эпоху, вплоть до реставрации Стюартов. Мало того: как установление республики в 1649 г., так и ее низвержение в 1660 г. одинаково были подготовлены разногласиями, которые происходили между парламентами и армией, причем *в основе разлада первоначально лежал религиозный вопрос*. Дело в том, что пресвитерианский парламент стоял за церковное единообразие, индепендентская армия — за религиозную свободу; после победы над Карлом I парламент хотел отделаться от армии и, примирившись с королем, утвердить в Англии пресвитерианизм, тогда как армия считала, что ее задача будет исполнена лишь тогда, когда вполне будет обеспечена религиозная свобода, ради чего и не останавливалась даже перед установлением чисто военного режима. Уже на почве этого религиозного антагонизма развился и антагонизм политический: пресвитерианский монархизм встретился с индепендентским республиканизмом и т. к. сила была на стороне второго, то Англия и получила республиканскую форму. Последняя, однако, не могла быть прочна, не имея под собой никаких устоев в жизни нации, а то обстоятельство, что фактически республика перешла в военный деспотизм, должно было оттолкнуть от нее прежние правящие классы, и все, что дорожило старыми вольностями, обеспечивавшимися традиционной конституцией.

Кроме религиозного и политического антагонизма, обнаруживавшегося между пресвитерианством и индепендентством, между парламентом и войском, между принципами государственной Церкви и конституционной монархии, с одной стороны, и религиозной свободы и республики — с другой, *в истории Английской республики мы наблюдаем еще ряд явлений, позволяющих нам говорить и о социальном антагонизме*, также игравшем роль в ее событиях, хотя вообще социальная сторона этой эпохи весьма мало наследована сравнительно со сторонами религиозной и политической¹. Победа нижней

¹ См. об этом, между прочим, в статье М. М. Ковалевского об «Общественном строе Англии в эпоху республики» (Юр. Вестн., 1891, кн. XII).

палаты, не только над королем, но и над верхней палатой, которая была уничтожена при установлении республики, была победа нового дворянства и городской буржуазии, так сказать, среднего сословия над старыми аристократическими элементами. Нижняя палата долгого парламента состояла преимущественно из «сквайров», представителей земледельческого класса, к которому принадлежал и сам Кромвель: они жили традициями ограниченной монархии, и для большинства этого класса война была лишь крайним средством принудить короля возвратиться на путь законности. Иное дело армия: она состояла уже из иных общественных элементов, правда, из таких, которые все еще возвышались над общим уровнем народной массы, но составляли из себя социальные слои, занимавшие положение низшее сравнительно со сквайрами. Весьма естественно поэтому, что *индепендентское движение получило демократический характер*, испугавшее представителей землевладельческих классов в палате и особенно заставлявшее искать их соглашения с королем, которое потом армия ставила парламенту в вину. Подобно тому как в Германии в ее революционный период двадцатых годов XVI в. образовалось радикально-демократическое течение, так и в Англии уже до установления республики возник политический радикализм, требовавший введения в государственную жизнь демократического начала: вожди и последователи такого политического направления получили название левеллеров (levellers), т. е. «уравнителей», от которых мы должны отличать направления с социальным характером, представителей коммунизма (диггеров) и анархизма (анабаптистскую секту «людей пятой монархии»), и подобно тому как и в Германии двадцатых годов XVI в., и здесь нужно отличать сторонников государственного преобразования от сторонников социального переворота, хотя бы и те и другие действовали революционными средствами. Коммунистическое и анархическое движения не получили в Англии большого развития, несмотря на то что увлекли некоторую часть наиболее бедных или прямо неимущих жителей, столь незначительную, впрочем, что в Англии не повторились ни немецкая Крестьянская война, ни мюнстерская коммуна, и что правительству не стоило большого труда подавить это брожение. Неудача постигла и чисто политическое движение левеллеров, так что *демократические элементы Англии ничего не выиграли от установления нового режима*, и, как мы еще увидим, вся выгода, какая могла быть извлечена из переворота, выпала на долю землевладельческого класса. Демократическим принципам левеллеров, с которыми мы познакомимся подробнее ниже, не суждено было осуществиться в Англии, и только в американских ее колониях, т. е. в будущих Соединенных Штатах, принципы эти легли непосредственно в основу политического быта, в самой же Англии левеллеры (равно как диггеры и «люди пятой монархии») сделали своими трактатами, памфлетами, прокламациями и манифестами лишь вклад в тогдашнюю политическую литературу, в которой их идеи занимают совершенно особое место рядом с идеями круглого-

ловых. В общем, Английская республика, сама при помощи военной силы подавившая демократическое движение левеллеров, является, таким образом, в истории революции не столько логическим выводом из предыдущей истории Англии, сколько преходящим результатом временного стечения обстоятельств, которые, можно сказать, навязывали ее даже людям, в глубине души хранившим идею о том, что наилучшей политической формой является форма, смешанная из монархии, аристократии и демократии, — людям, принадлежавшим по своему рождению и своим симпатиям к землевладельческому классам, а не к низшим слоям населения.

Такова в общих чертах внутренняя история английской республики. Этот анализ нужно было предпослать изложению событий, чтобы легче было ориентироваться в последних, особенно среди той путаницы отношений, которая возникала благодаря тому, что между религиозными сектами, политическими партиями и социальными классами не было всегда такого совпадения, чтобы историк получал право говорить исключительно только о двух направлениях, в которых развивались бы две резко обозначенные религиозные, политические и социальные противоположности: напротив того, основные явления эпохи складываются в весьма сложную систему отношений, сильно затрудняющую изложение происходивших тогда событий. В самом деле, мы, во-первых, постоянно присутствуем здесь при развитии противоположностей, каковыми являются сначала кавалеры и круглоголовые, потом — пресвитериане и индепенденты, далее среди самих индепендентов разные религиозные, политические и социальные партии. Во-вторых, принципы этих партий комбинируются весьма различным образом: например, можно было, разделяя с другими стремление к установлению религиозной свободы, вовсе не разделять их политических идей или общественных интересов, и, лишь имея предварительный анализ главных линий эпохи, мы можем облегчить себе задачу не только распутать сложную и запутанную борьбу, происходившую тогда в Англии, но и понять роль в ней отдельных личностей. Последнее особенно важно по отношению к Кромвелю, о котором в исторической литературе высказывалось столько противоречивых суждений. Руководимые общими взглядами, изложенными в начале настоящей главы, мы перейдем теперь к изложению событий, приведших к установлению республики в Англии, чтобы сделать потом очерк самой ее истории, остановившись подробнее на личности и деятельности человека, управлявшего Англией в эту эпоху, и на тех движениях, которые имеют наиболее важное значение в эти годы религиозных, политических и социальных столкновений.

То, на что мы должны, прежде всего, обратить внимание, есть именно раздор между пресвитерианами и индепендентами, перешедший в острое столкновение парламента и армии. Выше было уже достаточно сказано о том, как начался антагонизм двух религиозных партий, образовавшихся среди победителей в борьбе с Карлом I. Дальнейшим фазисом в развитии

этого антагонизма были отношения, возникшие между обеими сторонами после того, как в январе 1647 г. шотландцы выдали бежавшего к ним короля англичанам: война была окончена; Карл I находился в руках парламента; армия окончила свое дело; она была нужна разве только для того, чтобы подавить ирландское восстание, — вот почему пресвитериане могли теперь решиться на такой шаг, как распускание армии «святых» в самой Англии, удаление лучшей ее части в Ирландию, но под начальством пресвитерианских генералов, — и вместе с тем заняться подготовлением безусловного торжества для своих церковных принципов, потребовав от офицеров присоединения к ковенанту и пресвитерианскому устройству Церкви. Но армия не хотела повиноваться: фермеры и мелкие торговцы, составлявшие настоящую ее силу, содержавшие притом себя большей частью на собственный счет (подобно Кромвелю, который пожертвовал на ее организацию всем почти своим состоянием), говорили, что они не янычары, не наемники, которых можно отправить на все четыре стороны, как только надобность в них миновала, что, сделавшись солдатами, они не перестали быть гражданами, поставившими себе известную цель, когда брались за оружие, что не ранее они могут разойтись по домам и возвратиться к своим занятиям, как лишь по исполнении своей миссии, данной им самим Господом, что без измены своему обету они не могут оставить необеспеченным то дело, из-за которого они, по воле Божьей, проливали свою кровь, из-за которого погибло столько их друзей. Свое дело при этом они понимали *в смысле завоевания свободы совести*, которой все еще угрожала тирания, *и в смысле улучшения государственного устройства*. В обоих отношениях армия стала делать представления парламенту, но т. к. последний упорно стоял на своем и даже заявил, что всякий, принимающий участие в агитации по всему этому делу, есть враг государства и нарушитель общественного спокойствия, то армия вышла из повиновения. Солдаты каждого полка выбрали по два офицера в особый совет адъютантов или ассистентов; последний созвал общее войсковое собрание, и на нем было отвергнуто предложение парламента получить жалованье и разойтись по домам. Затем военный отряд в 500 человек овладел королем, сменив парламентскую стражу в замке Гольмби, где проживал пленник (июнь 1647), и, наконец, армия двинулась к Лондону. В ее рядах был и Кромвель. Перед этим он выступил было в роли посредника между обеими сторонами, но в парламенте его стали обвинять в том, что он подстрекает армию к мятежу, и самые энергичные его протесты против такого рода обвинения остались бессильными: тогда он покинул парламент, уехал к армии и решительно перешел на ее сторону, между тем как его зять Эйртон (Ireton) сделался самым влиятельным лицом между офицерами и солдатами по политическим вопросам. Последние действительно стали теперь не только предметом обсуждения в военных кругах, но и прямо предметом переговоров, которые от имени армии велись и с парламентом, и с пленным коро-

лем. Именно парламенту было послано «смирненное представление» (*humble representation*), в котором офицеры и солдаты просили главным образом двух вещей — веротерпимости, обещая, однако, не вмешиваться в устройство парламентом Пресвитерианской Церкви, и удаления из палаты общин одиннадцати членов с вождем пресвитериан Голльсом во главе, как людей, ссорящих парламент с войском и тем работающих над вызовом новой гражданской войны. Парламент должен был уступить: армия стояла под Лондоном, одиннадцать членов удалились, и назначена была особая комиссия для рассмотрения «смирненного представления». С другой стороны, сделаны были Эйртоном некоторые предложения от имени армии и Карлу I, находившемуся у нее в плену, — предложения, изложенные в «акте об устройении» (*act of settlement*). Это был целый проект новой конституции, подлежавшей введению в стране после ее замирения и после почти всеобщей амнистии, которая ставилась армией в число условий: предполагались трехгодичные парламенты, контроль палат в течение десяти лет над армией и флотом, замещение по их указанию важнейших должностей в государстве, реформа избирательной системы, более равномерное распределение налогов, уничтожение всех актов о церковном единообразии, освобождение даже католиков от обязанности посещать общественное богослужение, хотя бы и при сохранении ограничения их прав в других отношениях, общая свобода совести и культа. Карл I, ранее отвергавший более умеренные требования парламента, понятное дело, отверг и эти предложения, заявив Эйртону, что не он нуждается в армии, а она в нем, при ее враждебных отношениях к парламенту, на что, впрочем, Эйртон возразил ему таким образом: «Вы, государь, желаете сделаться посредником между нами и парламентом, но мы сами хотим быть посредниками между вами и парламентом». В этих словах заключалось истинное понимание тогдашнего положения дел. В парламенте скоро обнаружилось стремление войти в соглашение с королем, который, однако, в конфликте представителей нации с ее вооруженной силой видел обстоятельство для себя весьма благоприятное и не обнаруживал склонности к уступкам, но даже если бы обе стороны и пришли к заключению между собой окончательного мира, последний мог бы быть отвергнут армией, раз бы он был достигнут без исполнения тех желаний, которые армия предъявляла и парламенту, и королю, чувствуя свою силу и имея определенные стремления в области религиозных и политических вопросов.

Войско и парламент продолжали между тем свои переговоры, но вмешательство в дело посторонней силы — лондонских граждан, настроенных в пресвитерианском смысле, довело и без того натянутые отношения до весьма резкого поступка армии. Население столицы было против индипендентов, требуя от парламента примирения с королем и решительного введения пресвитерианизма, и произвело беспорядки, заставившие парламент отсрочить свои заседания на несколько дней (конец июля 1647), в течение которых сто-

ронники религиозной свободы в палате общин с Генри Веном во главе покинули Лондон, чтобы найти убежище в армии, после чего в парламенте, наоборот, заняли свои места одиннадцать ранее удалившихся членов. Результатом этого было вступление армии в Лондон, водворение в парламенте бежавших из Лондона членов и новое изгнание 11 видных пресвитериан (август 1647). Между тем как продолжались переговоры военных вождей с королем и парламентом, по-прежнему не соглашавшихся на их предложения, в армии началась агитация уже прямо в пользу отмены палаты пэров (в которой тогда оставалось лишь 12 человек) и самой королевской власти, а также в пользу избрания нового парламента, и Кромвелю, влияние которого в войске в это время все более и более возрастало, не без хлопот удалось воспрепятствовать тому, чтобы вопрос о королевской власти был сделан тотчас же предметом обсуждения в совете офицеров: будущий лорд-протектор все еще рассчитывал на то, что с Карлом I можно будет прийти к соглашению, и те же надежды разделялись и Ферфаксом, и Эйртоном. Король, однако, по-старому затягивал переговоры со всеми партиями, рассчитывая теперь и на то еще, что между Англией и Шотландией вспыхнет война из-за несоблюдения кovenанта, а т. к. его плохо стерегли, то он рискнул вдобавок бежать на остров Уайт, где был, однако, задержан и снова подвергнут заточению. Известие о бегстве Карла I произвело сильное брожение в армии, и ее вождям, в том числе и Кромвелю, стоило немалого труда теперь поддерживать в ней порядок, предупредить ее восстание. В войске только усилилось республиканское и демократическое движение, которое встревожило Ферфакса и Кромвеля и в котором мы встречаемся уже с именем Лильберна (Lilburne), будущего главы радикальной партии, получившей название уравнилелей, и движение это было подавлено мерами строгости. В это время Кромвель, однако, убедился и в том, что с королем едва ли придется устроить какое-либо соглашение, что доверяться ему нельзя, что он замышляет совсем не то, о чем говорил во время всех попыток прийти к прекращению политической распри, терзавшей страну столько лет. Действительно, Карл I вел по-прежнему переговоры со всеми и с обеими палатами парламента, и с шотландцами, согласившись даже на то, чтобы у них был восстановлен пресвитерианизм. Он ожидал только одного хорошего для себя от разногласий, возникших среди его противников, и только радовался, когда узнал, что шотландцы начали враждебные действия против Англии, что в ней самой снова зашевелились роялисты, что они опять взялись за оружие (1648). Впрочем, такой оборот дел был на руку и самому парламенту, тяготившемуся присутствием армии в Лондоне: ей снова теперь нужно было выступить в поход. а без нее могли беспрепятственно вернуться в парламент исключенные члены, т. е. теперь уже ничто не мешало палате общин принять громадным большинством законы о ереси и кощунстве, назначавшие смертную казнь за эти преступления, равно как закон, грозивший тюремным заключением за обнаружение католических и инде-

пендентских воззрений. Настроение парламентского большинства к армии и к ее вождям было враждебное, и индипендентское меньшинство было совершенно бессильно противиться тому, что делали пресвитериане. Между прочим в парламенте обсуждался вопрос о государственной измене Кромвеля: хотя он по своему социальному положению и политическим взглядам стоял гораздо ближе к членам парламента, враждебным демократии и народовластию, чем к армии, но он решительнейшим образом сходиллся с последней во взгляде на религиозный вопрос, и его неудачное посредничество, возбуждавшее в парламенте лишь подозрения и прямые обвинения, заставило его стать окончательно на сторону армии, хотя в ней он и содействовал предупреждению и подавлению демократического и республиканского взрыва. Возможность последнего тревожила и палату общин. Еще перед своим выступлением в поход войско на общем своем собрании торжественно обещалось в случае победы над защитниками «Карла Стюарта» призвать к ответу этого «кровавого человека» за всю пролитую им кровь, за все содеянное им зло, а Ферфакс и Кромвель как раз весьма успешно подавляли восстание в Англии и отражали шотландское нашествие. Весьма естественно, что парламент спешил покончить переговоры с Карлом I, прийти к соглашению путем уступок из более ранних своих требований: он готов был скорее на то, чтобы потерять все приобретения, сделанные за последние годы, чем подчиниться тому политическому порядку, который думали установить новые общественные элементы, составлявшие силу индипендентской армии. В войске все более и более усиливалось движение, имевшее в виду роспуск старого парламента и созыв нового, замену наследственной королевской власти выборной без права отвергать парламентские билли. Одним словом, приходилось выбирать между восстановлением старой конституции и государственной Церкви, которая могла быть и пресвитерианской, с одной стороны, и новым политическим порядком даже с отделением Церкви от государства, причем еще в перспективе были не только новые выборы, но и вступление в политическую жизнь новых социальных элементов. Только ослепление Карла I, все еще думавшего восстановить свою власть, пользуясь междоусобием врагов, мешало тому, чтобы, по крайней мере, произошло примирение между королевской властью и законным представительством страны: парламент ограничивал свои требования почти только тем, чтобы ему на двадцать лет было передано начальство над войском и введено было на три года пресвитерианское устройство Церкви, но Карл I затягивал дело к великому неудовольствию пресвитериан, тем более что палатам была представлена от армии петиция (составленная при участии Лильберна), крайне враждебная Карлу I и королевской власти вообще и заключающая в себе религиозные и политические требования индипендентов (сентябрь 1648 г.). Вторая гражданская война против восставших роялистов была непродолжительна; армия победила и чувствовала свою силу; вожди не удерживали более ее рево-

люиционных порывов, и Кромвель уже прямо советовал в письме к спикеру общин принять во внимание желания «народа Божьего», ибо Кромвель в это время окончательно изверился в возможности соглашения с королем, который вероломно нарушал обещания, какие делал во время переговоров.

Между тем в главной квартире, находившейся в С. Альбансе, состоялся под председательством Ферфакса «великий совет» офицеров, подавший парламенту (16 ноября) новую ремонстранцию, составленный Эйртоном документ, бывший чем-то вроде апелляции к народу: требуя уничтожения монархии и передачи верховной власти «представителям народа», этот акт добивался в религиозном вопросе свободы индивидуальной совести от какой бы то ни было власти самих представителей народа. Вместе с этим армия выражала желание, чтобы виновники второй гражданской войны, а в их числе и король — подверглись судебному преследованию, и в то же время армия снова овладела Карлом I. Парламент, однако, не сдавался и, заявив протест против армии, захватившей короля, постановил большинством 140 голосов против 104, что прежние ответы Карла I на его предложения могут быть признаны удовлетворительными для дальнейшего ведения дела о заключении мира. Тогда (6 дек. 1648 г.) произошла знаменитая «прайдова чистка» парламента, военное насилие над палатой общин: в согласии со многими членами индипендентского меньшинства полковник Прайд (Pride) исключил из парламента целую партию — главнейших пресвитериан, предъявив ему «предложения и желания лорда Ферфакса и совета офицеров», после чего долгий парламент, лишенный множества своих членов, получил, как известно, название «охвостья» (rump-parliament). На другой день после очистки Кромвель занял свое место в нижней палате среди оставшихся в ней индипендентов и сторонников армии. Поступок Прайда показывал, в каком направлении армия будет вести политические дела: это был удар, нанесенный не одним пресвитерианам, но и всему законному представительству страны. Другими словами, сторонники религиозной свободы попирали свободу политическую, защитники которой вызвали против себя возмездие за то, что сами они не хотели признать свободы религиозной. Через две-три недели после этого (23 дек. 1648 г.) и монархии был нанесен удар: состоялось назначение особого комитета для решения вопроса о суде над королем и другими главными виновниками второй гражданской войны, а затем (1 января 1649 г.) палата общин назначила чрезвычайный суд из 150 членов обеих палат, юристов, офицеров и ольдерменов над «Карлом Стюартом, бывшим королем». Двенадцать лордов, остававшихся в верхней палате, решительнейшим образом протестовали против этого, но общины не обратили внимания на протест и 4 января 1649 г. в духе требований армии провозгласили следующие принципы нового английского государственного права: источник всякой власти после Бога есть народ; верховная власть в нации принадлежит общинам, как избранным народным представителям; то, что общины объявляют законом, и есть за-

кон, хотя бы на то не было согласия короля или пэров. Вскоре после этого нижняя палата заказала сделать новую государственную печать со словами: «В первый год вновь милостью Божией восстановленной свободы».

Заседания суда над королем происходили под председательством Джона Брадшо, весьма крупного юриста и человека с сильным характером, бывшего двоюродным братом Мильтона, а в числе судей были Кромвель, Эйртон, Лильберн, Прайд и др., но многие из назначенных в судьи воздержались, и между ними был Ферфакс, а также и Генри Вен. В сущности, это был не судебный процесс, а нечто иное: допрос Карла I превратился в спор его с председателем трибунала, ибо король не хотел признавать компетенции учрежденного над ним суда, а Брадшо доказывал право общин на то, чтобы от их имени производился суд; судебные формальности были оставлены в стороне, и Карл I напрасно на это указывал; потому и казнь, к которой он был приговорен, как «тиран, изменник, убийца и враг государства» и которая совершена была над ним 30 января 1649 г., была не чем иным, как юридическим убийством. (Известно, что Карл I с большим достоинством держал себя во время процесса и на самом эшафоте.) Впрочем, не юридические основания, а политические мотивы руководили членами трибунала, приговорившего Карла I к смерти. Судьи думали — как и в процессе Людовика XVI через полтора столетия — нанести удар самому принципу монархии, но их расчеты не оправдались: обвинение, постановленное вопреки общему праву чрезвычайным судом, мужество, обнаруженное Карлом I во все это время, вызывали к нему народное сочувствие, которое стало обнаруживаться к побежденному королю уже в самом начале процесса; особенно же после того, как в Англии за его казнью вскоре наступили времена военного деспотизма, казненный король, когда-то покушавшийся на права нации, казался мучеником за свободу Англии. Как страстотерпца, каковым Карл I далеко, конечно, не был, выставляла его с большим искусством сделавшаяся весьма популярной книга богослова Гаудена «Царский образ» (*Eikon basilike*), приписывавшаяся самому королю, написанная им будто бы перед смертью¹. Впечатление, ею произведенное, было так сильно, что в виде опровержения Милтон написал своего «Иконоклста» (икноборец), сделав вообще, как мы еще увидим, защиту английского народа главным предметом своей публицистической деятельности в период республики. Нужно еще заметить, что палата общин не тотчас же после казни Карла I установила республику: некоторое время прошло в какой-то нерешительности, как будто «охвостье» долгого парламента еще останавливалось перед чем-то, и действительно *новой республике с самого же начала пришлось встретиться с массой затруднений*, из которых она не смогла и не сумела выйти победительницей. Вместе с королевской властью была отменена и верхняя палата. Долгий парламент остался

¹ Эту мысль поддерживали в последнее время *Wordsworth*, а за ним недавно (1880) еще *Scott* (в новом издании этого сочинения).

у власти до 1653 г., когда был насильственно распущен Кромвелем; затем наступил пятилетний период протектората, в течение которого правителем Англии, опиравшимся на армию, был человек, нанесший указанный удар долгому парламенту. Имя Кромвеля вообще тесно связано с историей республики в Англии.

XXXVIII. Историческая роль Оливера Кромвеля

Кромвелевский вопрос. — Валленштейн, Ришелье и Кромвель. — Причины разногласий в суждениях историков о Кромвеле. — Взгляды на его личный характер и политическое поведение. — Вопрос об идеях Кромвеля. — Свобода совести при Кромвеле. — Политическое его мировоззрение. — Общий взгляд на его поведение. — Кромвель как представитель землевладельческого класса. — Место Кромвеля в английской истории.

Остановимся теперь на личности вождя индепендентов, которому суждено было сделаться главой основанной ими республики.

Личность и поведение Кромвеля всегда привлекали к себе внимание историков, но до сих пор задача выяснения его характера и исторической роли остается одной из наиболее трудных между другими вопросами подобного рода. В данном случае, впрочем, причина трудности лежит не в свойствах материала, на основании которого приходится делать заключения, как это можно сказать о вопросах, касающихся, например, Марии Стюарт или Валленштейна, а в противоречиях, представляемых самой личностью Кромвеля его поведением, в двойственности той роли, которую он играл, сначала как революционер, потом как консерватор, в возможности разной оценки этой роли, смотря по той точке зрения, которую нужно выбрать, решая поставленный вопрос. Но из сказанного можно видеть, что «кромвелевский вопрос», взятый не со стороны психологического, а исторического интереса, имеет и несравненно более важное значение, чем вопрос, например, о том же Валленштейне: в последнем загадкой могут оставаться только личные намерения знаменитого кондотьера, которые, однако, начинают теперь разоблачаться, благодаря новым архивным материалам, между тем как, наоборот, когда дело идет о вожде индепендентов, установивших в Англии республику, о революционном деятеле, ставшем главой этой республики, о лорде-протекторе, распоряжавшемся судьбами государства, как редкий из законных его королей, спорным предметом делаются не тайные замыслы и двусмысленные поступки, объяснения которых ждут из архивов, а явные деяния резко очерченного характера, влиявшие на ход событий и на развитие внутренних отношений в одну из любопытнейших эпох английской истории. Другими словами, вопрос о Валленштейне сводится к тому, чего он лично добивался и что могло бы быть, если бы его планы осуществились, тогда как вопрос о Кромвеле есть вопрос о том, что совершил в действительности этот государственный человек Англии, что вытекало для страны из его поведения.

Конечно, не могло бы быть никакого вопроса о Кромвеле, если бы сам он представлял собой такую же цельную и несложную натуру, какой явля-

ется перед нами, например, Ришелье, и если бы дело, которое он делал, было бы и столь же ясно и просто и столь же успешно и прочно по своим результатам, как и дело великого министра Франции, но в обоих отношениях существует полнейшая противоположность между тем и другим политическими деятелями. Ришелье сам — человек цельный; положение его было весьма определенное; задача, им себе поставленная, отличалась ясностью; результаты его деятельности очевидны, и потому о последней не может быть двух различных мнений: и личное честолюбие, и политическая идея сливались в его поведении в одно целое, не возбуждающее недоумений. То же можно сказать и о Валленштейне: в нем равным образом не было внутренних противоречий; и начал он, и кончил свою политическую карьеру в качестве обыкновенного кондотьера, ставившего на первый план своекорыстные интересы; все поведение его обличает в нем авантюриста, которому лишь желание историков найти идейную подкладку и к его деятельности — приписывает широкие политические стремления; наконец, приговор о его исторической роли может быть лишь один: что бы он там ни замышлял и что бы там еще ни могло выйти, если бы ему удалось довести свое дело до конца, его деятельность оставила только один отрицательный след в истории немецкого народа. Пусть французский кардинал-министр не был, — что понятно само собой, — исключительно человеком государственной идеи, пусть даже и немецкий кондотьер-генералиссимус не был всецело только честолюбивым искателем приключений, в обоих, однако, личные стремления вполне совпадают с тем делом, которому служил каждый из них, и оба они, раз став на известную дорогу, так-таки до конца своего ее и не покидали. Отношение личных стремлений Кромвеля к делу, им защищавшемуся, отличается, наоборот, крайней сложностью, да и самое дело, по-видимому, им менялось, раз революционер сороковых годов превратился в пятидесятых в консерватора. Ища место Ришелье в истории современной ему Франции и место Валленштейна в истории тогдашней Германии, мы не затрудняемся видеть в той роли, какую играл первый, — служение государственного человека издавна развивавшемуся и особенно в данную минуту наиболее благоприятствуемому обстоятельствами абсолютизму, и не затрудняемся также рассматривать самую возможность появления Валленштейна и его успеха как один из результатов государственного разложения Германии, только и делавшего, конечно, мыслимой такую странную карьеру, какова была карьера герцога Фридрих-Вильгельма. В самом деле, если в середине XVII в. во Франции завершился вековой процесс развития королевской власти, а в Германии — политического раздробления и если в этом заключается главная характеристика рассматриваемого момента в истории обеих стран, то мы без особого труда ставим в связь деятельность Ришелье и Валленштейна с соответственными политическими явлениями в исторической жизни их отечеств. Но в то время, когда во Фран-

ции торжествовал абсолютизм, в Германии же окончательно рушилось государственное единство, Англии пришлось отстаивать свою политическую свободу, стражем которой был парламент, а самым крупным человеком эпохи был здесь Кромвель: спрашивается, однако, можно ли столь же просто определить взаимоотношение, существующее между личным поведением Кромвеля и историческим моментом, который переживался Англией, сколь просто мы определяем связь, открываемую нами без каких бы то ни было усилий между политическим поведением Ришелье и развитием абсолютизма во Франции или между кондотьерством Валленштейна и государственным разложением Германии? Ответ на этот вопрос приходится дать отрицательный: и с этой стороны Кромвель не укладывается в готовую схему, требует приложения к себе особой мерки, т. к. здесь дело не так просто, как в случае Ришелье и даже Валленштейна, загадочный элемент в биографии которого может, конечно, иметь значение пробела для характеристики его личности, но является совершенно безразличным для понимания сущности того исторического момента, какой переживался Германией в эпоху Тридцатилетней войны. Вот последнего-то и нельзя сказать относительно загадочного в личности Кромвеля: революционер сороковых годов и консерватор пятидесятых был *представителем известных религиозных стремлений, политических идей, социальных интересов*, выразителем известных течений, существовавших в английском обществе, имел за собою и против себя целые культурные и социальные группы и партии, предъявлявшие новые требования и Церкви, и государству, и обществу, тогда как Валленштейн стоял одиноко среди окружавшего его общества, если только не иметь в виду мотива личной наживы, который соединял в одном стремлении и его самого, и его пеструю армию.

Противоречия в самой личности Кромвеля, двойственность его роли в начале и конце карьеры, сложность тех отношений, среди которых ему пришлось действовать, и сложность его собственного отношения к тому, что совершалось вокруг него и при его участии, вот что само по себе затрудняет историка, ищущего ответа на вопрос об исторической роли Кромвеля. Но независимо от этого историки сами создают себе затруднения, подходя, так сказать, не с того конца к решению задачи. Главным образом тут нужно иметь в виду, что, вместо исторической оценки, на первый план нередко выдвигается оценка моральная или политическая, т. е. ставится, прежде всего, вопрос не о том, почему Кромвель действовал именно таким-то и таким-то образом, а о том, как он действовал, т. е. дурно ли или хорошо с моральной или политической точек зрения, причем вдобавок, то вторая точка зрения подчиняется первой, то, наоборот, первая — второй, противоречия же в личных свойствах подсудимого и двойственность его роли позволяют историкам высказывать о нем с обеих точек зрения диаметрально противоположные взгляды.

О Кромвеле как о человеке, рассматриваемом с моральной стороны, составились, действительно, самые разноречивые суждения, до такой степени противоположные, что иногда одни из них совершенно исключаются другими и среднее представление немислимо. Долгое время господствовало мнение, что это был честолюбивый интриган, посредством самого гнусного лицемерия пользовавшийся в своих целях легковерием фанатических сектантов, именно чтобы захватить власть в свои руки и пользоваться ею самым тираническим образом: такая точка зрения нашла, например, выражение в известной «Истории Англии» Юма, одного из наиболее видных английских писателей прошлого века, но и те авторы, которые не разделяют такого взгляда на Кромвеля, тем не менее находят, что он прибегал в известных случаях к лицемерию и вероломству, хотя сами же иногда считают нужным это оправдывать политической необходимостью. С другой стороны, иными историками подчеркивается, наоборот, то, что Кромвель имел несомненно твердые убеждения, которым готов был жертвовать имуществом и самой жизнью, — ставил себе широкие политические планы, осуществление которых должно было составить благо его родины, как он его понимал, — и чувствовал всю тяжесть той ответственности перед народом, которую взял на себя, как распорядитель его судеб. И вот на почве такого отношения к Кромвелю, возникающего из внимательного изучения мотивов, которые им руководили, возникает его идеализация как личности в нравственном отношении высокой, безукоризненной, как деятеля вполне бескорыстного, преданного идее долга: таким является Кромвель у Карлейля, издавшего его письма и речи со своим предисловием и примечаниями: этот историк-поэт прямо причисляет его к «героям» в том условном смысле, в котором у него вообще употребляется термин, когда он проповедует о поклонении героям и о героическом в истории. Известно, что в книжке, посвященной этому предмету¹, в числе немногих, какого-нибудь десятка лиц, долженствующих иллюстрировать героическое в истории, Карлейль помещает и Кромвеля, «героя в качестве вождя», как «единственного человека на протяжении пятнадцати веков английской истории», как избранника Божьего, поражающего нас своей искренностью, а последнюю Карлейль как раз и считает характерным признаком великого человека, провиденциального героя. Весьма естественно, что между диаметрально противоположными взглядами Юма и Карлейля не может быть примирения: один пишет обвинительный акт против величайшего лицемера, другой в панегирическом тоне прославляет воплощенную искренность. Само собой разумеется, что и Юм, и Карлейль неправы, хотя нельзя отрицать того, что оба они лишь преувеличивали действительные свойства человека, уживавшиеся в одной и той же душе. Исходить, однако, в оценке исторической роли Кромвеля из психологического анализа его личности, конечно, не следует, ибо

¹ *Carlyle. On heroes, heroworship and the heroic in history* (есть нем., франц. и русский переводы).

у историка на первом плане должны стоять не сокровенные, часто даже совсем недоступные наблюдению мотивы деятельности того или другого лица, а сама эта деятельность, т. е. отдельные поступки, из которых она складывается, общее направление, в каком она совершается. Но и тут не следует подходить к деятелю с предвзятой меркой и оценивать его роль на основании, например, политических сочувствий и несочувствий, но нужно ставить вопросы о том, какие идеи могут рассматриваться как руководящие во всей его деятельности и какие результаты имела последняя по отношению к обществу, в котором историческое лицо родилось, жило и действовало. Кромвель выступил в роли революционера и кончил как узурпатор: уже одного этого было достаточно для консервативно настроенного Юма, чтобы отнестись отрицательно к такому человеку, которому он с чисто партийной точки зрения и противопоставляет Карла I, украшенного, наоборот, всеми добродетелями. Напротив того, как тирана, подавлявшего свободу, тоже весьма строго осуждает Кромвеля Форстер, один из наиболее видных его биографов и историков английской революции¹, давший свой особенный портрет лорда-протектора, не похожий на изображение, сделанное Юмом, но столь же далекое и от карлейлевской идеализации. Конечно, и тут двойственность роли, какую играл Кромвель в истории революции, была причиной того, что осуждалась она и с консервативной, и с либеральной точек зрения, как опять-таки с обеих же точек зрения эта роль вызывала к себе равным образом и сочувствие и — что особенно замечательно — в одном и том же человеке, два раза высказавшемся о Кромвеле, но в две разные поры своей жизни, как это случилось с Маколеем, который в двадцатых годах (в *essay* о «Конституционной истории Англии» Галлама) сочувствовал Кромвелю, как радикал, а в конце сороковых годов (в «Истории Англии») высказывал к нему симпатию, уже как к человеку, спасшему общественный порядок от грозившей ему анархии.

Мы выбрали лишь несколько наиболее резких примеров разногласия в оценке Кромвеля как человека и политического деятеля, вовсе не имея возможности — да и надобности — разбирать здесь все взгляды на него, высказанные хотя бы и наиболее крупными историками. Во всяком случае, исходным пунктом исторического взгляда на того или другого деятеля должен быть не психологический анализ его характера и не произнесение над ним приговора с точки зрения того или другого политического миросозерцания, а должно быть исследование вопроса о том, какие идеи он проводил в жизнь, служа ли этим идеям или эксплуатируя их в свою личную пользу, как бы мы субъективно ни относились сами к этим идеям, — а затем уже можно поставить вопрос о том, как сам деятель — искренне или неискренне, с полным убеждением или без неизменной преданности — относился к этим идеям и соответствовали ли они тому, что в данную минуту вызыва-

---

¹ Биография Кромвеля занимает два тома в соч. *Форстера*.

лось потребностями данного общества. Если мы приложим такое требование к личности Кромвеля, то наше представление о нем много выиграет в ясности, и как его личный характер, так и историческая роль покажутся менее противоречивыми и двойственными, по крайней мере, в том отношении, что мы получим здесь хоть некоторое объяснение тому, что при употреблении других приемов должно оставаться странным и загадочным.

Одним из главнейших вопросов, решавшихся в бурную эпоху сороковых и пятидесятых годов английской истории, был вопрос религиозный. Кромвель сошелся вполне с индепендентами по этому вопросу, *выступив защитником свободы совести*, в которой он видел один из основных (fundamental) законов государственного общежития. Каковы были собственные верования Кромвеля, это предмет посторонний, но несомненно, что сам он был человек глубоко религиозный, ценил в других религиозность и уважал свободу чужой совести. В этом отношении он никогда не сходил с той дороги, на которую вступил в самом начале революции. Первые его столкновения с пресвитерианами произошли именно по поводу того, что он допускал сектантов в свой кавалерийский полк, да и потом, когда он был уже лордом-протектором, он не делал никакого различия между индепендентами и пресвитерианами при назначении на должности придворных проповедников или полковых священников, чем вызывал неудовольствие среди нетерпимой части сектантства. Распространяя принцип свободы совести, как мы еще увидим, лишь на известную категорию верований, Кромвель относился в высшей степени терпимо к католикам, англиканцам и даже евреям. Предубеждение английского общества против первых было особенно сильно, ибо в папистах видели не только последователей «суеверия» и «идолослужения», но и людей, опасных в политическом отношении, как сторонников абсолютизма. Тем не менее по отношению к католикам Кромвель держал себя таким образом, что имел право указывать в переговорах своих с кардиналом Мазарини на то, что никогда католики не имели так мало оснований жаловаться на притеснение их совести, как в его правление: он даже писал кардиналу, что считает лишь несвоевременным издать публичную декларацию в пользу терпимости по отношению к католикам, хотя лично, в уме своем и держит мысль о необходимости для них свободы. Англиканцы равным образом были предметом недоверия и нерасположения со стороны пуритан, мстивших им еще за старые обиды, но Кромвель фактически смягчал и даже прямо не соблюдал изданные против англиканского духовенства строгие постановления. Евреям Кромвель оказывал настоящее покровительство, дозволив им селиться в Англии и даже разрешив выстроить в Лондоне синагогу; среди последователей Моисеева закона возникла даже мысль, не происходит ли английский лорд-протектор от племени Давидова. Весьма естественно, что Кромвель сделался защитником свободы совести и на материке Европы. Но в данном отношении Кромвель не во всем сходил с другими индепендентами. Во-первых, среди послед-

них были сторонники полного отделения Церкви от государства (впоследствии осуществившегося в Североамериканских Штатах), но Кромвель был противником такой идеи и сходиллся с той фракцией индепендентства, которая ограничивала принцип свободы совести лишь простой терпимостью к христианским сектам, не отнесенным к числу ересей и не противоречащим добрым нравам и общественному порядку. Разное понимание одного и того же принципа приводило, конечно, к столкновениям между отдельными фракциями индепендентства и этих последних с Кромвелем. Стоя на той точке зрения, что верховной власти принадлежит право придать тому или другому исповеданию значение государственной Церкви, он между прочим разошелся и по этому вопросу с одним из республиканских парламентов (бербонским), желавшим полного невмешательства государства в религиозные дела. Но Кромвель из своего принципа государственного исповедания не делал вывода в смысле единообразия, полагая, что свобода совести есть одно из естественных прав человека, и, находя, что желающий сам пользоваться такой свободой обязан предоставлять ее и другим, т. е. свобода совести может быть основана лишь на начале взаимной терпимости между отдельными сектами. Однако и тут он встречался с противниками, делавшими исключение из общего правила для католиков и англиканцев. Правда, и сам Кромвель признавал право на религиозную свободу лишь за последователями христианского вероучения, отрицая таковое право не только за сторонниками безнравственных и анархических доктрин, но и за атеистами, и за сектами, не верившими в святость Писания и допускавшими внутреннее откровение (вследствие чего он, например, отказывал квакерам в праве публичного культа и пропаганды, хотя и не преследовал за простую принадлежность к секте), но если таким образом у Кромделя религиозная свобода была обставлена известными условиями, то в этом отношении с ним заодно думали и весьма многие индепенденты, среди которых было, например, распространено убеждение, что лишь христиане, верующие в триединого Бога, в Христа и в Библию, имеют во всем остальном право свободной совести, что последнее не может быть распространено на евреев, язычников, рационалистов (отождествляющих Бога с разумом) и атеистов, и даже левеллеры, которых их противники обвиняли в обожествлении разума, в отрицании божественности Христа и в неверии относительно бессмертия души, признавали право свободы совести лишь за верующими в Бога, исключая из пользования этим правом атеистов. Таким образом, являясь защитником религиозной свободы, Кромвель выступал в этой области как представитель индепендентства, не разделяя, впрочем, воззрения тех сектантов, которые желали полного отделения Церкви от государства, с одной стороны, и тех, которые не распространяли терпимости на папистов, епископалов и нехристиан, верующих в Библию.

Иначе представляется вопрос об отношении Кромделя к индепендентским политическим идеям. Кромвель унаследовал политическую тео-

рию круглоголовых, по которой лучшая форма государственного устройства есть смешанное правление, что законные интересы личности и общества обеспечиваются наилучшим образом лишь при надлежащем сочетании свободы и власти, разделенной, в свою очередь, между правительством и нацией таким образом, чтобы между ними существовало известное равновесие. Такое *политическое мирозерцание шло, однако, вразрез с принципом народовластия*, провозглашенным индипендентской партией в долгом парламенте 4 января 1649 г.: республиканский парламент, т. е. палата общин «без короля и лордов», рассматривая себя как собрание представителей суверенного народа, желал сосредоточить в себе всю полноту верховной власти, тогда как Кромвель был сторонником самостоятельной и независимой исполнительной власти, попавшей притом в его руки. Поэтому он не допускал, чтобы парламенты делались вечными, и хотел, чтобы распоряжение военной силой было совместно у обеих, одна от другой независимых властей, без чего либо одна, либо другая получила бы перевес и тем нарушился бы основной принцип их обоюдной независимости. Эта идея осуществилась в конституции 1653 г., поставившей рядом единоличного главу исполнительной власти (лорда-протектора) и законодательное собрание народных представителей (парламент), причем лорд-протектор мог всегда своим правом роспуска парламента парализовать враждебные действия последнего, а последний, наоборот, всегда мог воспользоваться своим правом отказа в субсидиях, сделав прямо невозможной всю административную деятельность лорда-протектора. Такая конституция была рассчитана на дружное содействие взаимно ограничивающихся властей, но на самом деле у протектора и парламента происходили постоянные конфликты. Чем более встречал Кромвель оппозицию, исходившую со стороны партии, которая стояла за всемогущество парламента, чем более приходилось ему наталкиваться на разного рода препятствия, тем более *он убеждался в превосходных качествах старой конституции* и тем сильнее должен был желать если уж и не полного ее восстановления, то, по крайней мере, внесения ее принципов в республиканское устройство, введенное в Англии индипендентами. Его практический смысл подсказывал ему необходимость этого, но ему приходилось считаться не только с республиканской партией в парламенте, но и с республиканским настроением в армии, той самой армии, которая была его опорой. Таким образом, разделяя религиозные стремления индипендентов и пользуясь вообще поддержкой состоявшей из сектантов армии, Кромвель не разделял всех политических воззрений этой партии и сам не находил в ней сочувствия к своим планам восстановить старые принципы государственного устройства. Самое установление республики в Англии не было личным делом Кромвеля, как это казалось историкам, представлявшим события английской революции таким образом, будто все это было весьма последовательным выполнением хитрого плана, заранее составленного Кромвелем,

чтобы погубить короля, учредить республику, захватить в ней власть в свои руки и в конце концов самому сделаться королем. Такой взгляд на дело, конечно, неправда, но если Кромвель в последние годы своей жизни и мечтал о короне, то мечты эти объясняются не только личным его честолюбием, но и той политической теорией, которая проходит через всю его деятельность: лишь корона могла быть настоящей основой для исполнительной власти, для ее самостоятельности и независимости от парламента.

Здесь уместно будет бросить беглый взгляд на поведение Кромвеля до основания республики. В долгом парламенте он выступает горячим бойцом за религиозную и политическую свободу, тратит на дело защиты этой свободы свое состояние и обнаруживает громадный организаторский талант, непреодолимую энергию в войне с Карлом I. Король побежден, но между победителями происходит борьба из-за религиозного вопроса, и Кромвель, как сторонник свободы совести, расходится с пресвитерианским парламентом, соединяется с индипендентской армией. Последняя стремится посредничать между парламентом и побежденным королем, а Кромвель сам ведет с ним переговоры, вызывающие неудовольствие армии, но, только убедившись в том, что Карлу I совсем нельзя доверять, он оставил все надежды на примирение и дал совершиться тому, чего требовал политический фанатизм армии. Если, однако, и прежде с точки зрения теории о равновесии властей ему приходилось отстаивать права парламента, то та же самая идея в эпоху республики заставляла его восставать против всемогущества самого парламента, защищать независимость исполнительной власти, тем более еще, что последняя была в его руках, благодаря поддержке армии. Но вот эта-то последняя поддержка, сделавшаяся даже прямо материальной основой его власти, и получила значение одной из причин того полного противоречий положения, в какое попал Кромвель: не лишаясь поддержки армии, он не мог осуществить ту политическую теорию, которая казалась ему наиболее правильной теоретически и наиболее соответствовавшей преданиям, нравам и законам Англии. Эта армия даже прямо толкала его на путь военного деспотизма. И тем не менее Кромвель и перед самой еще своей смертью не отказывается от мысли править, опираясь на парламент.

Кромвель весьма часто оправдывал противоречия, какие находили между его заявлениями и поступками, — ссылками на необходимость. Человек, действительно, прибегавший к хитростям и уловкам, он нередко, пожалуй, и сам искусственно создавал такие необходимости, которыми потом объяснял те или другие свои меры, но, в общем и целом, и взаправду необходимость нередко заставляла его идти сегодня на то, против чего он протестовал еще вчера. Имея свой идеал государственного устройства, он считал тем не менее, что лучше уже иметь дурное правительство, чем не иметь никакого (*misrule is better than no rule*). Правительство Карла I ему, конечно, казалось дурным, но он сам предпочитал создать такое дурное правительство, чем

позволить водвориться в стране безначалию. Сторонник смешанной формы правления, он был противником не только абсолютизма, но и чистой демократии, которая, по его мнению, — да и по мнению многих круглоголовых, — необходимо приводила к анархии. Если он в армии не делал различия между джентльменами и простолюдинами, то из этого еще не следует, чтобы в государственной жизни он хотел провести демократическое начало. Между тем идея республики несомненно приводила к идее народовластия, а состав индипендентской армии прямо был демократический: нет ничего удивительного, что в этой армии возникло и «уравнительное» движение как политического, так и социального характера. Такому движению вообще не могли сочувствовать представители землевладельческих классов, которым принадлежали и все места в нижней палате, а потому весьма естественно, что именно в духе этих классов писались и издавались памфлеты, предостерегавшие общество от демократических увлечений, причем делались ссылки на ужасы, например, крестьянского восстания под начальством Вата Тэйлера («Идол клоунов, или Бунт Вата Тэйлера») или мюнстерского царства анабаптистов с Иоанном Лейденским во главе. Кромвелю до установления республики приходилось самому сдерживать демократическое движение в армии, а в начале республики такое движение потребовало прямо подавления, получив характер военного бунта. Чистая демократия совершенно не соответствовала политическим воззрениям Кромвеля, но, кроме того, *он был представителем землевладельческого сословия*, которое в государственной жизни Англии делалось все более и более настоящим правящим классом. Принадлежа по рождению, воспитанию, первоначальному роду своих занятий к этому классу, он не скрывал того, что защита землевладельческих интересов весьма ему дорога, и что в этом отношении его роль уподобляется роли приходского блюстителя порядка, т. е. констебля. Политических радикалов своего времени, «уравнителей», он упрекает в том, что они хотят арендатора (tenant) сделать равным землевладельцу (land-lord), и, приписывая всем левеллерам коммунистические стремления, возражал им тем, что установи они равенство, к которому стремятся, последнее долго не продержалось бы, ибо, добившись наделения землей, «уравнители» немедленно начали бы затем сами доказывать необходимость охранять собственность в землевладельческие интересы. Так как в радикальном движении эпохи действительно были и коммунистическое, и анархическое направления, то Кромвель с особенным недоверием стал относиться к народной толпе и ссылаться на Соломона, говорившего, что когда начинается угнетение со стороны бедных, оно уподобляется ливню, который смывает все с лица земли.

В указанных религиозных, политических и социальных воззрениях Кромвеля мы и должны искать объяснения его исторической роли. В религиозном отношении он искренне примыкал к индипендентству, но стал расходиться с ним, когда последнее в политическом и социальном отно-

шениях начало вырабатывать направления, несогласные с его собственными взглядами на государство и общество. Он сам создал силу, которая помогла ему победить короля, и сам содействовал развитию в ней республиканского духа и демократических стремлений, не предвидя, что все это пойдет в разрез с его собственными идеями и что сила, доставившая ему победу, сделается и помехой на пути к осуществлению его политических планов. Он хотел сделать из армии орудие, но последнее ускользало из его рук: ему же самому пришлось противодействовать дальнейшему развитию движения, зарождению которого он невольно содействовал. Только при таком объяснении мы можем понять превращение революционера в консерватора: Кромвель выступил на политическое поприще, имея более сорока лет от роду, следовательно, уже со сложившимися убеждениями и установившимися стремлениями, и не он им изменял, а изменялись окружающие обстоятельства, заставлявшие его быть революционером, когда стране грозил деспотизм, и стать консерватором, когда перед ним открывалась опасность анархии, — изменялись, конечно, и сами эти убеждения и стремления, поскольку Кромвель не был человеком, не умеющим ничего забывать и ничему не научиться, т. е. изменялись в зависимости от указаний опыта, а не потому, что ценой измены можно было достигнуть власти или удержать ее в руках. С другой стороны, обстоятельства, управлять которыми стремился Кромвель, оказывались сильнее его: правда, он не останавливался перед лицемерием и вероломством, но в то же время он бывал действительно и вполне искренним, и необходимость управлять страной, не имея легальной, общепризнанной власти, лишая нацию ее законных прав, опираясь исключительно на военную силу, была настоящей мукой последних лет его жизни. Интересуясь, впрочем, не столько внутренним миром Кромвеля, сколько его внешней ролью, нельзя не сказать, что эта роль была диктатурой, т. е. тем же абсолютизмом, к которому ведь стремился и Страффорд. Но в Англии, как мы видели, у абсолютизма совсем не было благоприятных шансов, и это-то именно сама жизнь дважды доказала на протяжении двадцати лет: то, чего так хотел, но не мог достигнуть Страффорд, поплатившись головой за свою попытку, почти само собой доставалось Кромвелю, но он сам тяготился необходимостью тирании и искал восстановления того равновесия между политическими властями страны, нарушение которого началось с абсолютистской попытки Страффорда. В этом заключается главный политический смысл борьбы, так сильно потрясшей Англию, и один и тот же Кромвель, революционер сороковых годов XVII в. и консерватор пятидесятых, является перед нами как человек, на личной судьбе которого можно убедиться, как прочно утвердился в жизни Англии государственный строй, сделавшийся главной характеристикой ее политической истории. Но Кромвель связан не с ней одной, а и с тем великим культурным движением, которое под именем Реформации охватило почти всю Западную Европу: как представитель индипендентов,

Кромвель выступил в качестве защитника свободы совести, которую он понимал шире, чем кто-либо другой из государственных людей эпохи. То, что за двадцать лет перед тем Ришелье давал французским протестантам как милость со стороны государства¹, — лорд-протектор Англии рассматривал как право самой личности, основное и неотъемлемое право индивидуальной совести. Таким образом, в общем, его деятельность, так сказать, совпадала с историческим развитием политических и религиозных отношений Англии, и принятию такого вывода не могут помешать ни разногласия в характеристике Кромвеля как человека, ни разногласия в оценке его деятельности как революционера в одну пору жизни и консерватора в другую.

---

¹ Edit de grâce.

XXXIX. Политическая и социальная история Английской республики¹

Английская революция и Западная Европа. — Международное положение Англии в эпоху республики и роль Кромвеля. — Покорение Ирландии и Шотландии. — Война с Голландией. — Союз с Францией и война с Испанией. — Защита протестантизма. — Консервативная оппозиция республике внутри страны. — Политическая программа левеллеров. — Джон Лилльберн. — Долгий парламент, армия и Кромвель. — Бербонский парламент и конституция 1653 г. — Военный деспотизм. — Вопрос о восстановлении старой конституции. — Последний год Кромвеля. — Смуты по его смерти и реставрация Стюартов. — Социальная история Английской республики. — Сектантский коммунизм и анархизм. — Новая секуляризация церковной собственности. — Отмена феодальной собственности.

История английской революции может рассматриваться с двух точек зрения: по отношению к самой Англии это был один из эпизодов в истории той вековой борьбы, которая велась здесь между королевской властью и парламентом, а по отношению ко всей Западной Европе — эпизодом в истории религиозной Реформации, соединявшейся, как известно, с решением местных политических и социальных вопросов. Новым государственным и религиозным идеям английской революции не суждено было осуществиться на родине: падение республики и реставрация Стюартов возвратили Англию на старый исторический путь, с которого она было сошла, но в далеких североамериканских колониях, превратившихся через полтора века в первую настоящую демократическую республику с широким развитием политической и индивидуальной свободы и с полным отделением Церкви от государства, английские эмигранты положили начало осуществлению на новой исторической почве тех принципов, которые индипендентам не удалось провести в жизнь в метрополии. На остальную Западную Европу английская революция не оказала непосредственного влияния: с этой стороны она не похожа ни на немецкую Реформацию, бывшую как бы первым сигналом для начала аналогичных движений во всех почти странах католической культуры, ни на французскую революцию, равным образом получившую общеевропейское

---

¹ Кроме указанных сочинений, см.: *Bisset A.* History of the Commonwealth in England from the death of Charles I to the expulsion of the long parliament by Cromwell (написано на основании протоколов государственного совета, изданных после появления книги на свет). — *Murphy.* Cromwell in Ireland. — *Prendergast.* The Cromwellian settlement of Ireland. — *Bourelly I.* Cromwell et Masarin. — *Vaughan Rob.* The protectorats of Oliver Cromwell and the state of Europe during the early part of the reign Louis XIV. Под общим заглавием истории английской революции *Лизо* мы разумели также и его *Histoire de la republique d'Angleterre et de Cromwell*, но кроме того, нужно указать написанную им же *Hist. du protectorat de Richard Cromwell et de rétablissement de la monarchie en Angleterre*.

значение. Мало того: политическая история континента развилась в направлении, как раз противоположном тому, которое возобладаало в Англии, т. е. если немецкая Реформация XVI в. и французская революция XVIII столетия не стоят одиноко среди того, что происходило и в других странах, то об английской революции XVII в. этого уже никак нельзя сказать, по крайней мере, в том смысле, что борьба нации с абсолютизмом и успех этой борьбы в Англии представляют собою исключительное явление в ту эпоху, когда повсюду на материке такой борьбы или не велось, или она не принимала больших размеров и не достигла своих целей. Несмотря на все связи, существующие между английской революцией и событиями на континенте, она все-таки явление местное, если не считать ее следствий более отдаленных, не непосредственных. Мы видели, что в хронологическом отношении она почти на одинаковые периоды времени удалена от религиозной Реформации XVI в. и от политической революции XVIII в.: действительно, по отношению к первой она была явлением запоздалым, по отношению ко второй — слишком опережавшим свое время, т. к. середина XVII в. на материке была эпохой прекращения религиозной борьбы, вызванной Реформацией, и вместе с тем эпохой утверждения абсолютной монархии, с которой англичане боролись у себя дома. Другое дело — отдаленные, не непосредственные следствия английской революции для остальной Западной Европы, но об этом речь еще впереди.

Если, однако, английская революция *не оказала никакого действия на внутреннюю жизнь континентальных стран*, не считая весьма и весьма слабого ее отголоска в смутах Фронды, то в международной политике ей суждено было сыграть видную роль. Междоусобная война сороковых годов совпала с последним периодом Тридцатилетней войны; учреждение республики по тогдашнему английскому календарю, начинавшему новый год с марта, произошло в том же году, когда заключен был Вестфальский мир, а во Франции происходили смуты Фронды, в которые вмешалась Испания; пиренейский мир, окончивший войну Франции с Испанией, был заключен в 1659 г., т. е. вскоре после смерти Кромвеля (1658) и незадолго до реставрации Стюартов в Англии (1660), всего за два года до начала «века Людовика XIV» (1661). Таким образом, если история международной политики в первой половине XVII в. есть главным образом история Тридцатилетней войны, а вторая половина XVII в. (с началом XVIII в.) характеризуется преобладанием Франции при Людовике XIV и коалициями, составлявшимися против этого короля, то небольшой промежуток между окончанием Тридцатилетней войны и началом единодержавия Людовика XIV (1648—1661) был как раз временем английской республики (1649—1660), *которая играла весьма видную роль в международных отношениях эпохи*, благодаря не только благоприятным внешним обстоятельствам, но и весьма искусной политике Кромвеля. Английской республике пришлось встретиться и с внешними, и с внутренними затруднениями: если последние ей не удалось преодолеть, то, наобо-

рот, во внешней политике *Кромвель сумел доставить Англии такое блестящее положение, какого она раньше никогда почти не занимала*. Гемпден когда-то предсказывал, что Кромвель сделается первым человеком в Англии, но он сделался первым человеком и в Европе и притом по отзыву короля, который сам готовился в то время играть первенствующую роль в международной политике: однажды молодой Людовик XIV, которому как бы и неловко было называть «цареубийцу», правившего Англией, своим кузеном, сказал одному из своих министров, что если бы последнему пришлось величать Кромвеля, назвав его «mon règne», то и на это нужно было бы идти, ибо «он — самый сильный человек в Европе».

Очерк политической истории английской республики мы и начнем с самого краткого обзора внешней политики Кромвеля, чтобы перейти потом к внутренним отношениям.

Английской республике, прежде всего, пришлось считаться с восстаниями в Ирландии и в Шотландии. Первое было почти уже совсем подавлено Кромвелем со страшной жестокостью, так что Эйртону легко было довершить это дело, когда сам Кромвель был отозван в Шотландию, которая признала королем Карла II, сына казненного короля, согласившегося на сильное ограничение своей власти и на заявление своего несочувствия «идолопоклонству» своих родителей, и собрало строго пресвитерианское войско. В 1651 г. и Шотландия должна была смириться после того, как Кромвель при Ворчестере разбил Карла II, решившегося было на вторжение в Англию. Все три королевства были теперь соединены под одной властью, как части единого целого. Уже эти победы Кромвеля сильно льстили национальному самолюбию англичан и способствовали упрочению его положения во главе армии. Иностранная политика вообще была слабым местом царствования Стюартов: Кромвель возвращал ее к традициям лучших времен королевы Елизаветы, когда Англия являлась независимой и могущественной, когда ее правительство брало под свою защиту дело континентального протестантизма. Он мечтал, между прочим, о союзе с другим протестантским и республиканским государством, с Голландией, но вместо союза ему пришлось иметь войну с этим государством. Английские посланники при иностранных дворах встречались за границей не особенно дружелюбно, но никто так неприязненно не отнесся к республике, как именно голландский штатгальтер, да и сама страна не была расположена к союзу с новой республикой, т. к. опасалась развития морского могущества Англии. Кромвель отомстил соседней республике своим навигационным актом (1651), имеющим большое значение в истории меркантилизма: запрещение привозить в Англию товары иначе, как на английских кораблях или на кораблях тех стран, которые эти товары производят, нанесло сильный удар голландской торговле. Последовавшая затем война между Англией и Голландией, имевшей первый для того времени флот в мире, окончилась неудачно для старшей республики: после нескольких поражений на море

Голландия должна была подчиниться навигационному акту, отказаться от оказания поддержки Стюартам и присоединиться в делах международных к английской политике (1654). Когда уже в звании лорда-протектора Кромвель созвал первый свой парламент (осенью 1654), он мог с гордостью указывать в своей тронной речи на результаты своей политики, к которым нужно еще присоединить выгодные договоры с другими государствами (с Данией, Швецией и Португалией) и ожидавшийся тогда трактат с Францией, и имел право сказать, что в Европе не было ни одной нации, которая не желала бы жить в мире с Англией. С Францией вскоре был действительно заключен оборонительный союз против Испании, которому суждено было в 1657 г. перейти в союз наступательный. Война с Испанией также кончилась для Кромвеля весьма успешно: Англия завоевала Дюнкирхен и Ямайку. Благодаря всему этому, Англии боялись, преклонялись перед ее правителем, который проявил и необычайные дипломатические способности, доставившие республике выдающееся положение в Европе¹. Немудрено, что Кромвелю приписывались самые грандиозные планы — образование протестантского союза для борьбы с Габсбургами, помощь венецианцам против турок, завоевание обеих Индий, и в нем видели уже «самого непобедимого из государей». Англия заняла такое место в европейском мире, какого ранее ей не удавалось занимать, и в одном отношении для нее вернулись времена Елизаветы, ибо Кромвель сделался, как совершенно верно говорили венецианские послы, «главой и покровителем» (*capo e protettore*) протестантов на материке. К нему, между прочим, обратились за защитой савойские вальденсы, прислав ему свои символические книги, и он вступился в Турине за их религиозную свободу. Переписка Кромвеля с Мазарини касалась вопроса о веротерпимости, и это не могло пройти бесследно для французских гугенотов, раз кардинал нуждался в английской помощи для войны с Испанией. Само папство, незадолго перед этим протестовавшее против веротерпимости, принятой Вестфальским миром, должно было считаться с таким направлением английской политики. Принципиальная сторона последней в международных отношениях была та же, что и в отношениях внутренних — поддержка веротерпимости. Но если таковы были успехи Кромвеля во внешней политике, — успехи, которыми, как думают некоторые историки, он хотел отвлечь внимание общества от внутренних дел, — то именно в этих делах внутренних ему не удавалось достигнуть ничего прочного.

Причина такой неудачи заключалась в том, что республика была встречена враждебно общественными элементами, которые занимали влиятельное положение при монархии, а теперь с самого начала стали оказывать пассивное сопротивление несимпатичному для них политическому порядку, а что касается до новых общественных элементов, составлявших

¹ Морские победы одерживал Блек. О нем соч. *Hepworth Dixon*. Robert Blake, admiral and general at Sea.

республиканскую партию, то они были еще слишком слабы, слишком недостаточно организованы вне армии, слишком непривычны к политической деятельности, чтобы сразу и притом с успехом взять на себя трудное дело управления государством. Мы уже знаем, что сам вождь республиканской армии был противником чистой демократии и потому не только не поддерживал ее стремлений, но даже оказывал им сопротивление, тогда как, наоборот, социальные элементы, с которыми он охотно пошел бы рука об руку в политическом отношении, сами устранились от публичной деятельности, предпочитая пассивную оппозицию какому бы то ни было участию в государственной жизни республики. Таким образом, Кромвель не приставал вполне к людям, его поддерживавшим, и, наоборот, не находил поддержки в людях, в которых наиболее нуждался. Аристократия, игравшая всегда такую роль в истории Англии, не могла найти для себя места в новом государственном строе. Палата пэров, состоявшая к 1649 г. из какой-нибудь дюжины членов и оказавшая сопротивление суду над королем, вскоре после совершения над ним казни была уничтожена как бесполезное и опасное учреждение (6 февраля 1649 г.), и это случилось даже днем раньше того, как произошла формальная отмена монархии (7 февраля).

Сначала исполнительная власть в республике была вручена назначенному парламентом государственному совету, рядом с которым были организованы разные специальные комитеты; этому учреждению, составленному из 41 члена, выбиравшихся на год, вручены были такие полномочия, какими никогда не обладал сам Карл I. В состав государственного совета вошли все выдающиеся члены победившей партии, военные вожди (Ферфакс и Кромвель), парламентские деятели (Генри Вен), юристы (Брадшо), ученые (Мильтон), даже некоторые члены высшей знати, признавшие республику, но многие члены этого совета отказались принести присягу в первоначальной ее редакции, заключавшей одобрение казни короля и уничтожение монархии и верхней палаты: пришлось придумать новую формулу, заключавшую только обещание относительно будущего. Если уже среди новых правителей были люди, не вполне сочувствовавшие всему совершившемуся, то побежденные прямо отнеслись враждебно к новому порядку: и кавалеры, и пресвитериане теперь соединялись вместе в отказе присягнуть на верность «республике без короля и палаты лордов», что было потребовано осенью 1649 г. от всех занимавших какие-либо должности. Во многих местах не были приведены в исполнение предписания относительно торжественного объявления республики или уничтожения монархических эмблем на публичных зданиях. На «цареубийц» сыпались еще вдобавок памфлеты, пользовавшиеся часто большой популярностью. Положение государственного совета было крайне затруднительное, а тут еще *рядом с консервативной оппозицией роялистов и пресвитериан возникла оппозиция, радикальная среди самих индепендентов*. Порядок, установленный в начале 1649 г., не удовлетворял многих

деятелей республиканской армии, и они решились на активное сопротивление во имя более решительного проведения в жизнь республиканских начал. Это были «левеллеры», которые видели в отмене королевской власти и палаты лордов лишь первый шаг к переустройству государства на совершенно новых принципах. В их стремлениях сочетались две идеи, с применением которых к политической жизни мы встречаемся впоследствии в Североамериканских штатах и во Франции в эпоху Великой революции. Левеллеры *были именно защитниками самой широкой индивидуальной свободы и самыми последовательными сторонниками народовластия*: по их учению, такие права граждан, как свобода совести и равенство всех перед законом с гарантиями личной неприкосновенности вроде суда присяжных, суть права неотъемлемые, т. е. такие, отнять которые не может у граждан сама верховная власть народа, что же касается до последней, то она либо осуществляется представителями народа в парламенте, либо передается в форме судебного права избираемым гражданами присяжным, причем левеллеры желали, чтобы правом выбирать представителей пользовался весь народ без различия классов и состояний. Таким образом, они требовали демократического устройства государства с обеспечением личной свободы от посягательства на нее со стороны законодательства и суда. В вопросе о взаимных отношениях между законодательной и исполнительной властями левеллеры отступали от старых английских традиций, высказывая ту мысль, что администрация должна была быть подчинена парламенту, и требуя, чтобы особая парламентская комиссия между двумя сессиями надзидала за действиями исполнительной власти. Наконец, они решительнейшим образом отделяли от этой последней власть судебную, вручавшуюся одним присяжным без всякого содействия со стороны государственных судей, и мотивировали это свое требование тем, что в интересах свободы не следует поручать одним и тем же лицам составление, применение и приведение в исполнение законов. Рядом с этой политической программой левеллеры выработали и программу социальных преобразований с сохранением, однако, исторических основ семейного быта и частной собственности: в этой области они *выдвигали на первый план уничтожение всех остатков социального феодализма*, добивались прекращения отношений, коренившихся в средневековом крепостничестве, главным же образом желали установления свободной и полной поземельной собственности, вместо феодальных форм условного землевладения, а вместе с тем и введения полного гражданского равенства, откуда они и получили свое название «уравнителей»; поэтому в их программу входила борьба с какими бы то ни было привилегиями и монополиями (торговых компаний), свобода выбора занятий для всех граждан, равномерное по возможности обложение на основе пропорциональности налога с доходом каждого отдельного лица. Наконец, они желали, чтобы духовенство содержалось не государством, а отдельными общинами, что равносильно было

отделению Церкви от государства. Все эти требования были, так сказать, навеяны всем ходом событий и всеми явлениями внутренней жизни, приведшими английскую нацию к междоусобию и учреждению республики, равно как вызывались и обстоятельствами, наступившими после казни Карла I. Главным выразителем стремлений левеллеров сделался Джон Лильберн, оставивший потомству свою автобиографию. Лильберн был один из пострадавших в период самовластия Карла I: как противник епископата, он судился в Звездной палате, подверглся наказанию розгами и трехлетнему тюремному заключению. Во время междоусобной войны он сражался под начальством Кромвеля, в котором особенно ценил «дорогую сердцу своему веротерпимость и с которым даже вступил в весьма тесную дружбу. Так как у Лильберна вышло столкновение с гр. Манчестером, начальником самого Кромвеля, то палата общин за якобы оскорбление своего члена приговорила Лильберна к тюремному заключению, и т. к. он протестовал против этого особым памфлетом, то подвергся еще новому преследованию: только Кромвелю удалось впоследствии настоять на его освобождении из тюрьмы. Уже в это время по чисто личным поводам будущий агитатор в своих памфлетах высказывает политические взгляды, вошедшие в состав программы левеллеров. Армия уже раньше участвовала в решении политических вопросов, и в ней не прекращалась агитация, против которой, как было раньше сказано, принимались меры высшим военным начальством и в том числе Кромвелем. Это было вообще время сильного развития брошюрной публицистики, самых преувеличенных ожиданий от совершившегося переворота, борьбы между отдельными деятелями за разные политические программы и за власть, необходимую для их осуществления, а власть фактически давалась армией. В последней-то главным образом и велась агитация левеллеров с Лильберном во главе, хотя выходила и за пределы военных кругов, вербуя сторонников совершенно нового политического порядка среди низших слоев лондонского населения, отчасти и в соседних графствах. Агитация привела, наконец, прямо к военному бунту. В армии было значительное недовольство тем, что «место одного тирана занял другой» (парламент), ничего не делающий для народа: лозунгом восстания сделалась радикальная программа Лильберна, который как раз в это время развивал ее в ряде памфлетов, особенно в самом замечательном из них, носившем название «Разоблачение новых целей Англии» («*Englands new chains discovered*»). Около того же времени обнаружилось в Англии движение и с характером чисто социальным, которое нужно отличать от политического радикализма левеллеров, но их тогда смешивали, и тем опаснее казался последний, особенно в соединении с военным бунтом. Поэтому против агитации своевременно были приняты меры, и вспышка была подавлена (май 1649). Лильберн подвергся судебному преследованию как подстрекатель, но вследствие недостаточности улик был отпущен, после чего удалился в Голландию и оттуда преследовал «узурпатора, тирана и лицемера» Кромвеля сво-

ими памфлетами, уже в 1651 г. обвиняя его в стремлении к королевской власти¹. Прежде нежели партия левеллеров сошла со сцены, она успела создать целую систематическую программу политического радикализма, которая полнее всего была изложена в трактате под заглавием «Основные законы и вольности Англии» (*The fundamental laws and liberties of England*).

Пассивное сопротивление республике со стороны приверженцев старого политического строя и зарождение радикальной оппозиции не составляли еще всей трудности положения. Во главе государства стоял Долгий парламент, в котором многие видели лишь «хвост» настоящего парламента: жаловались на то, что все дела решаются небольшой кучкой людей; указывали на того или другого члена, который пользовался своим положением самым своекорыстным образом; обвиняли многих в том, что они обогащались при распродаже коронных и церковных имуществ, при наложении секвестров на роялистов и т. п.; давно уже считали нужным, чтобы были произведены новые выборы, и этого хотели даже такие люди, которые вовсе не разделяли стремления левеллеров к тому, чтобы изменить избирательные порядки; тяготились, наконец, произволом парламентских комитетов. Ко всему этому присоединялось сильное недовольство тем, что оставалось много нерешенных дел и между ними не был еще регулирован церковно-политический вопрос, да и внешняя политика начала пятидесятых годов — война с протестантской Голландией — не одобрялась. Весьма естественно, что *rump-parliament* подвергался постоянным нападкам в тогдашней прессе. Между тем республиканская партия боялась новых выборов, и например, Генри Вен, хорошо понимая всю справедливость требования относительно новых выборов, в то же время находил нужным, чтобы члены «охвостья» сохранили свои места; в этом смысле он составил билль о реформе (1650), в котором вводились и улучшения избирательной системы: многие незначительные местечки должны были лишиться своего права; города, его не имевшие, наоборот, должны были его получить, и при лучшем распределении округов должно было явиться большее количество избирателей, хотя Вен не был сторонником требования левеллеров о полной демократии и удерживал избирательный ценз. Между тем армия давно уже требовала роспуска парламента, а победы ее вождя делали его самым могущественным человеком в государстве. Сам Кромвель был в принципе против всемогущества парламента, ясно сознавал всю ненормальность положения, благодаря которому лишь меньшинство Долгого парламента управляло страной, и вместе с тем считал себя призванным свыше спасти государство от внутренней неурядицы. Уже из шотландского похода писал он наставления спикеру общин, а вернувшись в Лондон, немедленно начал домогаться того,

¹ Лильберн вернулся в Англию в 1653 г., просил у Кромвеля заступничества и обещал жить мирно. Его обвиняли в сношениях с роялистами, но оправдали, хотя и посадили в тюрьму. В конце своей жизни он перешел в квакерство, а умер за год до кончины Кромвеля.

чтобы были назначены новые выборы: через два месяца (ноябрь 1651 г.) и было решено, что крайним сроком старого парламента будет 3 ноября 1654 г., но что прежние члены сохранят свои места и в новом парламенте. Кромвель был не совсем доволен таким решением вопроса, а тут еще в армии продолжалось политическое брожение. После подавления ирландского и шотландского восстаний численность войска была уменьшена и парламент намеревался идти далее в этом направлении. В августе 1652 г. армией была поэтому подана парламенту петиция, в которой выражалось желание относительно разных реформ и заявлялось, что в будущий парламент должны быть выбраны лишь известные своим благочестием люди. Хотя эта петиция и была принята благосклонно, но между парламентом и армией началась скрытая вражда. Правда, палата возобновила занятия своим вопросом об избирательной реформе и даже сократила срок своих заседаний до 3 ноября 1653 г., но Кромвель и армия были недовольны ходом этих занятий, т. к. *rump-parliament*, по-видимому, стремился лишь к тому, чтобы во что бы то ни стало продолжить себя в новом представительстве. Морские победы, которые одерживала Англия, позволяли парламенту искать теперь опоры во флоте против сухопутной армии, и в последней неудовольствие усилилось. Сам Кромвель видел в адмирале Блеке опасного соперника, а его еще подбивали действовать против парламента генерал Джон Ламберт, ставивший выше всего интересы армии, и Томас Гаррисон, религиозно-политический энтузиаст, видевший в Долгом парламенте помеху его планам относительно преобразования государства. Дело дошло до переговоров между влиятельными лицами палаты и армии, но соглашения состояться не могло, и вожди парламента даже стали спешить с обсуждением своего билля о реформе к крайнему неудовольствию офицеров. Тогда (20 апреля 1653 г.) произошло знаменитое распушение Долгого парламента Кромвелем. Узнав, что палата приступила к решительным прениям, он явился в Вестминстер и занял свое место, поставив у дверей здания солдат. Через несколько времени он попросил позволения говорить и произнес целую обвинительную речь против парламента, заявив, что Бог избрал более достойные орудия для своей воли. Его перебили указанием на оскорбительность такого тона, но он еще с большей силой и страстностью продолжал свои обличения, прямо начав обвинять отдельных членов в разных пороках. «Вы не парламент, — воскликнул он, — и я положу конец вашим заседаниям». Когда спикер отказался по его требованию покинуть свое кресло, Гаррисон по знаку Кромвеля открыл двери и в залу вошли солдаты. «Вы сами меня к тому принудили, — кричал Кромвель вслед удалявшимся членам, — но я день и ночь молил Господа, чтобы он скорее лишил меня жизни, чем подвинул на такое дело». Так был разогнан Долгий парламент. В тот же день Кромвель дал отчет в своих поступках собранию офицеров и отправился с Ламбертом и Гаррисоном в Государственный совет. Председательствовал Брадшо: он заявил

Кромвелю, что случившееся ему известно, но что никакая сила в мире не может распустить парламент, кроме самого парламента. Протестовали и другие члены Государственного совета, но должны были подчиниться силе. Исполнительная власть была теперь в руках комитета из 13 лиц, большей частью высших офицеров, с Кромвелем во главе. Генри Вен, которому было предложено место в новом совете, отказался от этого назначения. Офицеры армии издали затем прокламацию, в которой объявляли, что их намерением вовсе не было захватить власть в свои руки.

Разогнанный парламент, который обвиняли в стремлении к узурпации власти, был до такой степени непопулярен, что никто не поднялся на его защиту. Однако нужно было созвать новую палату. Произвести выборы в нее по старой системе совет не хотел, а новая система не была еще утверждена: Кромвель остановился тогда на мысли об учредительном собрании, «конвенте», бывшем, в сущности, собранием нотаблей индипендентской партии, назначенных государственным советом, с тем чтобы конвент через пятнадцать месяцев передал свою власть правильно созданному парламенту. Это собрание получило в истории насмешливое название бербонского парламента по имени одного из своих членов Бербона, что значит «голая кость». У некоторых историков (у Маколея и у Гизо) мы встречаемся с крайне несочувственным и презрительным отношением к этому парламенту, но в настоящее время (между прочим, после Ранке) взгляд на него изменился, и теперь указывают на то, что сектантский парламент *задумал целый ряд реформ, которых Англии пришлось ждать потом до XIX в.* Но эти реформы оказались слишком радикальными для своего времени, ибо, между прочим, он проектировал введение гражданского брака, замену церковной десятины духовенству добровольными взносами конгрегации, что вело к отделению Церкви от государства, и т. п. Действия и планы бербонского парламента встревожили юристов и духовенство; Кромвель равным образом был недоволен радикализмом, проявившимся в поступках и намерениях Конвента: воспользовавшись несогласиями, возникшими среди его членов, он поспешил закрыть его заседания. Этот парламент еще ранее учредил новый Государственный совет, который теперь составил принятый впоследствии и офицерами «инструмент управления», т. е. целую новую конституцию. Сущность ее была такова. В палате должно было быть 460 представителей от Англии (400), Шотландии (30) и Ирландии (30). Избирательная система изменялась в том самом смысле, в каком этого желал бербонский парламент: мелкие местечки лишались права представительства в пользу больших округов, и разные старые постановления относительно избирательного права заменялись одним общим законом, по которому этим правом пользовались все жители, имевшие недвижимое или движимое имущество в 200 фунтов. Если бы эта реформа упрочилась, Англия 180 годами ранее получила бы первую парламентскую реформу, которой ей пришлось ждать до 1832 г. На таких основах

должен был быть собран парламент, которому и предоставлялось устроить все внутреннее управление, а пока Кромвелю было предложено во избежание могущих произойти смут звание протектора с ограниченной, правда, властью: назначавшиеся протектором члены Государственного совета могли быть смещаемы лишь с согласия этого последнего, и без его же согласия протектор не мог делать ничего важного ни во внутренних, ни во внешних делах, причем совет же получал право избрания всех будущих протекторов. Кроме того, парламенты должны были собираться, по крайней мере, каждые три года, и раз созванная палата не могла быть распускаема и даже отсрочиваема ранее пяти месяцев. Парламенту предоставлялось издавать законы, не нуждавшиеся ни в чем утверждении, ибо через двадцать дней после вотирования они получали силу даже в том случае, если бы со стороны протектора не было согласия; парламент же должен был вотировать налоги. Конституция 1653 г. имела характер временного правительства, нуждавшаяся еще в парламентской санкции. В 1654 г. был созван парламент. Несмотря на то что избирательного права были лишены католики и «малиньянты» (роялисты) и устранены из числа избранных немногие радикалы, парламент этот заслуживает того, чтобы считаться вполне свободным: в нем даже появилось немало пресвитериан, появились многие члены разогнанного долгого парламента, появились люди, протестовавшие против поступка Кромвеля, например Брадшо, Вен и др. Конституция 1653 г. была утверждена, и Кромвель оставлен в своей должности по единогласному решению палаты, санкционировавшему не только совершившийся факт, но и отношение к нему большинства нации, которая признала новую власть. Тем не менее между протектором и народным представительством возникли пререкания: в палате стали обсуждаться вопросы о взаимных отношениях между исполнительной и законодательной властью, тогда как Кромвель настаивал на проведении практических реформ, начатых им в девятимесячный промежуток между принятием протектората и созывом парламента на основании полученного им права делать временные распоряжения; притом же парламент хотел сосредоточить в своих руках законодательную и исполнительную власть, против чего сильно восставал Кромвель; с вотированием субсидий произошла также затяжка, и этим весьма была раздражена армия, вследствие этого не получавшая своего жалованья. В январе 1655 г. Кромвель распустил парламент, считая, что последний настроен по отношению к нему враждебно, опасаясь, что у него хотят отнять право, данное ему самим Богом и признанное народом.

Со стороны Кромвеля было большой ошибкой, что он это сделал. Устраняя парламент, на который нация возлагала все свои надежды, протектор не мог устранить другой силы, давно уже находившейся в антагонизме с парламентом: если он был против всемогущих парламентов во имя разделения власти между «единой личностью» и парламентом, то в стране была еще армия, тоже смотревшая на себя как на всемогущую силу в государстве. Кром-

вель хотел разделить власть с парламентом, но, распуская последний, он вынуждался тем самым делиться ею не с ним, а с генералами армии. В последней также были честолюбивые и властолюбивые элементы: высшие ее офицеры играли видную роль и в первом, и во втором Государственном совете; они были и в бербонском парламенте; с ними и теперь пришлось лорду-протектору делиться властью. В стране начиналось брожение; выражалось сожаление о гибели монархии; высказывалась мысль о необходимости реставрации короля; поднимались роялисты, и Кромвель вынуждался подавлять восстания. Тогда вся Англия была разделена на десять округов, и во главе каждого из них поставлен генерал-майор армии с широкими полномочиями, и такой генерал-майор тиранически правил своею областью. Роялисты должны были уплачивать десятую часть своих доходов, шедших на содержание армии; налоги взимались на основании самовластных приказов протектора. Одним словом, *Кромвель вполне осуществлял в это время правительственный идеал Страффорда*, и, подобно тому как французский абсолютизм предыдущей эпохи был соединен с широкой организационной работой, так и теперь Кромвель пользовался своей властью, чтобы устраивать и преобразовывать внутренние отношения страны. Многое настоятельно требовало реформы: в этом отношении сходились между собой и бербонский парламент 1653 г., и сам лорд-протектор, правивший как абсолютный государь в 1655 г. Между прочим, собственною властью он реорганизовал государственную Церковь, в которой после падения епископальной системы и неудачи пресвитерианства не было никакого порядка, но, создавая в ней порядок, он лишал ее права преследовать диссидентов.

Когда в 1656 г. вынужденный отчасти внешними делами Кромвель снова решил созвать парламент, свобода выборов была на этот раз уже стеснена и многие избранные члены были самовольно устранены Государственным советом: лорд-протектор, как в былые времена Тюдоры и Стюарты, хотел править с парламентом, но не желал иметь оппозиционной палаты, боясь повторения того, что случилось в 1654 г. Несмотря на принятые меры, в палате было, однако, достаточно независимости, чтобы осудить систему генерал-майоров, и Кромвель, защищавший ее, должен был подчиниться решению общин. Парламент 1656 г. поставил своей задачей восстановление в Англии законности. Влиятельная в нем партия юристов держалась того взгляда, что законы страны знают лишь прерогативу короны и ничего не ведают о правах протектора, которых притом пока ничто не ограничивает, да и сам Кромвель приходил к той мысли, что лишь восстановление старой конституция может упрочить его власть и вернуть Англии свободу. Когда, однако, в марте 1657 г. в палате зашла речь о восстановлении королевского сана, армия стала выражать свое негодование и Кромвель вынужден был отказаться от предлагавшейся ему короны, чтобы «не наложить на плечи войска таких трудностей, которых они не в состоянии были бы вынести».

Это не помешало, однако, видоизменить конституцию 1653 г. в более монархическом духе: в июле 1657 г. парламент торжественно провозгласил Кромвеля лордом-протектором, согласие на что со стороны последнего было как бы признанием незаконности прежнего правления, и при этом была устроена церемония инаугурации, подобная коронованию; он получил право назначить себе преемника (но потом звание протектора снова должно было сделаться избирательным); учреждалась «другая палата», куда лорд-протектор имел право назначить 70 членов. Вместе с тем подтверждались старые права палаты общин и давалась свобода богослужения всем, кроме католиков, епископалов и сектантов, отрицавших божественность Христа и боговдохновенность Св. Писания, свобода же совести признавалась за всеми. Но все это восстановление старой конституции было призрачным: Кромвелю приходилось по-прежнему иметь дело с двоякой оппозицией, видевшей в его власти одинаково узурпацию не принадлежащих ему прав. С одними «святыми» он все еще стоял на одной и той же почве, желая не только свободы совести, но и повсеместного водворения того морального ригоризма, которым отличалась созданная им армия, но то, что могло удасться Кальвину в республике, состоявшей из одного города, трудно было распространить на целую большую страну. Кромвель и в государстве думал водворить дух благочестия, господствовавший в армии «святых», но народная масса тяготилась этим и начинала видеть простое ханжество и лицемерие там, где при помощи святости многие стали обделывать выгодные дела и получать хорошие должности. Приверженцы старой монархии, сторонники Епископальной Церкви составляли консервативную оппозицию против протектората, но действовала и республиканская оппозиция, которая проявилась в парламенте, когда он после шестимесячной отсрочки был снова созван в январе 1658 г. В палате общин заняли места на основании ее, утвержденной в предыдущем году, привилегии самой почитать правильность избраний, все те члены, которых раньше исключил совет, и эта палата стала оспаривать права «другой палаты», членов которой Кромвель неосторожно назвал лордами. Новый конфликт кончился тем, что в начале февраля протектор, бывший в это время крайне раздражительным вследствие болезни (которая через семь месяцев и свела его в могилу), призвал к себе обе палаты и распустил парламент, осыпав его упреками и призвав Бога в судьи между собою и им. Армия была довольна этой ссорой, но Кромвель все еще думал о созвании нового парламента, несмотря на оппозицию Государственного совета, когда смерть прекратила его дни.

Протектор назначил преемником старшего сына своего Ричарда (а другой сын, Генрих, был наместником в Ирландии). У нового правителя не было ни способностей, ни заслуг, ни авторитета его отца, а положение оставалось трудным по-прежнему. Нужда в деньгах заставила его созвать в январе 1659 г. парламент, но между палатой и армией произошло опять

столкновение. Дело для Ричарда кончилось тем, что по желанию военного совета спикер Долгого парламента снова созвал его членов, заседавших в нем после 1648 г., как того желала армия; Ричард был теперь отставлен от своей должности, но военные вожди ошиблись, думая, что Долгий парламент будет с ними заодно. В то время как представители, изгнанные из парламента в 1648 г. и снова не допущенные в палату в 1659 г., возбуждали к сопротивлению свои графства, а роялисты начинали снова поднимать голову, армия и парламент опять поссорились. Генерал Ламберт овладел зданием парламента и не допустил продолжения заседаний. Генерал Флитвуд был провозглашен главнокомандующим; высшие офицеры готовились снова организовать военное управление, но у нового вождя не было такого превосходства над остальными генералами, которое заставило бы последних подчиниться ему, как подчинялись они Кромвелю. Почти неизбежной была теперь усобица между генералами, когда один из них, именно Монк, стоявший в Шотландии, не желая подчиняться Флитвуду, но и не чувствуя в себе достаточно силы, чтобы занять место Кромвеля, решил служить делу реставрации Стюартов, которой желало теперь громадное большинство нации. Объявив себя «защитником старых законов и свободы», он с войском двинулся к Лондону, где начиналась настоящая анархия, вступил в этот город и при помощи остатков Долгого парламента созвал «свободный парламент», которого требовала вся страна. Генерал Ламберт, оказавший было сопротивление, был разбит, а другие полки были бессильны что-либо предпринять, т. к. Монк весьма искусно разместил их по всей стране. Новая палата, получившая название Конвента, собралась 25 апреля 1660 г. с лордами, снова получившими доступ в верхнюю палату, и прежде нежели сам Конвент вступил в переговоры с Карлом II, они уже велись с ним Монком, даже известившим его, чтобы он переехал из Испании в Голландию. После того как Карл II обещал общую амнистию, веротерпимость и удовлетворение армии, Конвентом была восстановлена старая конституция Англии. 25 мая король высадился в Дувре при ликовании народа, заставившего армию поклониться совершившемуся факту. *Политическая роль пуританизма окончилась*, но он оставил неизгладимые следы на характере английской нации и на развитии ее духовной культуры.

Пуританизм был связан в Англии середины XVII в. и с социальным движением, которое, однако, не получило здесь большого развития. Социальная история английской революции еще ждет своих исследователей, но и то, что уже известно, дает нам право наметить главную ее сущность. Уже Гизо, например, заметил, что между общими причинами всего движения была одна, которая заключалась в сильном росте общественных классов, представленных палатой общин, и с этой точки зрения революция представляется нам торжеством сельского дворянства и городской буржуазии над аристократическими элементами, сосредоточенными в верхней

палате. Светская и духовная знать составляла остатки средневековых феодальных и католических начал, последних — поскольку Англиканская Церковь сохранила епископат и духовное землевладение (за исключением монастырского). Между этой аристократией и средним сословием, в котором главную роль играли помещики (сквайры), существовал некоторый антагонизм, хотя и не обострившийся до такой степени, как то было во Франции в эпоху Реставрации, когда роялистическая партия опиралась на феодальные стремления дворянства, а к либералам примыкала буржуазия. Но не этот класс, представители которого обыкновенно наполняли палату общин, установил республику в Англии: между ним и простонародьем в тесном смысле слова был еще, так сказать, другой средний класс, фермеры и лавочники, из которых образовалась индипендентская армия, и отсюда-то вышло демократическое движение, получившее название левеллеровского, поставившее своей задачей осуществление гражданского равенства, между прочим, и в виде расширения избирательных прав населения. В протесте против социального феодализма, отмены которого, как увидим, по особым соображениям желал и землевладельческий класс, сходились между собой и левеллеры, и люди, не разделявшие их демократических стремлений, но главные требования левеллеров были политические, а не социальные, хотя бы, например, они и высказывались против огораживания общинных земель, от которого страдали интересы массы, но на которое жаловались не одни демократы. Так как одновременно с «уравнительным» политическим движением происходило другое «уравнительное» движение, но уже с характером социальным, то противникам демократии, не особенно вникавшим в различия между отдельными несимпатичными им направлениями, весьма легко было смешать оба, хотя левеллеры не только не разделяли воззрений социальных реформаторов, а даже отказывались от союза с лицами, желавшими уравнивать состояния. Стремления подобного рода могли проявиться главным образом среди безземельного или обезземелившегося крестьянства, в котором продолжались местные и частные вспышки неудовольствия главным образом против огораживания полей, но вспышки эти не объединились в одно большое движение, подобное немецкой Крестьянской войне. Между тем и в английском сектантстве XVII в. повторилось то, что было в немецком анабаптизме XVI в. или в крайнем гуситстве в Чехии XV в., т. е. *религиозный мистицизм соединялся с коммунистическими или анархическими стремлениями к полному социальному перевороту*. Если политическая программа левеллеров была продуктом, возникшим на почве английских отношений, хотя как бы логическим выводом из основных начал Великой хартии, на которую охотно ссылались левеллеры, то социальные стремления эпохи были, по-видимому, главным образом происхождения заносного, анабаптистского. Постоянные протесты населения против «огораживания» полей были, впрочем, удобной почвой для анабаптистской проповеди, так что

социальные агитаторы прямо заявляли, что их цель — возратить народу его землю (folkland), будто бы отнятую у него норманнским завоеванием, с которого они вели начало также и низвергнутой монархии. Все дело ограничилось только такой проповедью да незначительными попытками неимущих, диггеров (копальщиков) овладеть посредством обработки общиной пустошью, в чем они встретили сопротивление со стороны крестьян же (1649): диггеры, по-видимому, не думали о насильственном перевороте, стоя на точке зрения «непротivления злу», хотя и веря в наступление новых времен. В своих манифестах и прокламациях, между прочим, на имя Ферфакса и Кромвеля, или в своей просьбе Государственному совету (1653), коммунисты даже понизили свои требования, начав добиваться лишь того, чтобы одни государственные земли (домены) пошли в надел неимущим, доказывая, что победа над потомком Вильгельма Завоевателя должна завершиться восстановлением имущественного равенства, которое, по их представлению, было нарушено норманнским завоеванием. Главным литературным памятником этой агитации остался памфлет некоего Вистанле «Закон свободы, выраженный в форме прокламации, или Реставрация настоящего правительства, скромно рекомендуемая Кромвелю». На этом произведении сказалось знакомство его автора с «Утопией» Томаса Моруса¹.

Другое параллельное движение с социальным характером было анархическое, представителями которого явились «люди пятой монархии», верившие в наступление царства Христова на земле: это были анабаптистические хилиасты², в принципе отрицавшие всякую власть на земле, кроме Христовой, и, между прочим, они проникли было в бербонский парламент, но Кромвель нашел нужным принять меры против этого движения. В середине пятидесятых годов «люди пятой монархии» устроили даже заговор против Кромвеля, войдя в сношение с недовольными им республиканцами и с голландскими анабаптистами, но заговор был открыт (1657) и его вожаки посажены в тюрьму. И от этого движения, кроме других памятников, осталось подробное изложение учения под заглавием «Поднятое знамя, под которое должны собраться все святые, объявившие себя за агнца Божия против зверя и лжепророка» (1657), где под именем зверя (в апокалиптическом смысле) следует разуметь Кромвеля.

Социальное движение, которое могло бы вербовать сторонников в низших классах общества, не пустило глубоких корней и скоро прекратилось: в эпоху Реставрации, сектантство утратило свой агрессивный характер, перестало стремиться к социальному перевороту. Независимо от того, что *процесс постепенного обезземеления народной массы не был остановлен республикой*, сам религиозно-политический переворот послужил лишь на пользу

¹ В духе утопии было еще написано сочинение *Джемса Гаррингтона* «Осеапа» (1656), посвященное Кромвелю.

² К числу сторонников царства святых нужно отнести Гаррисона.

землевладельческому сословию. В эпоху Реформации в Англии была секуляризована лишь монастырская собственность, но епископам, деканам и капитулам их земли были оставлены. Уничтожение Епископальной Церкви *сопровождалось новой секуляризацией церковной собственности*. Об этом даже велись переговоры с Карлом I, когда он находился на острове Уайте, но король отверг это предложение как святотатственное, хотя соглашался на то, чтобы временно епископские земли были обращены на удовлетворение светских нужд. Впоследствии Долгий парламент назначил особый комитет для заведования распродажей конфискованных церковных имений, но т. к. раскупали их плохо, очевидно, не очень-то доверяя прочности приобретения, то было решено удовлетворять из этого фонда армию, которая подолгу не получала жалованья и содержала себя на свой счет: офицеры и солдаты могли получать за половинную цену и взамен жалованья земельные участки из той части секуляризованной церковной собственности, которую государство не оставляло за собой. Кроме церковного землевладения как наследия средневекового католицизма, в Англии Реформация удержала и церковную десятину как налог на содержание духовенства, но *в эпоху республики происходила сильная агитация и против церковной десятины*, ложившейся довольно тяжелым бременем на землевладельцев, хотя большинство их далеко не разделяло стремления части индипендентов — отделить Церковь от государства и тем самым уничтожить общий налог на содержание духовенства. Попытка бербонского парламента отменить десятину ни к чему не привела¹, сторонники же государственной Церкви не находили другого способа обеспечить духовенство, как сохранив старый церковный налог, хотя бы и уменьшавший земельную ренту.

Наибольшую выгоду получил *землевладельческий класс в эпоху республики от уничтожения феодальных стеснений собственности*. Большая часть земли в Англии рассматривалась как ленная собственность, налагавшая на владельца известные обязанности по отношению к королю: при вступлении во владение собственник должен был платить большую пошлину: для отчуждения хотя бы одного акра нужно было купить разрешение; малолетние наследники попадали под королевскую опеку и лишались значительной части доходов, а наследницы стеснялись в своем праве выходить замуж за кого хотели. Тюдоры и Стюарты охотно вспоминали о своих средневековых правах, которые, однако, как-то начинали выходить из употребления, и, например, Карл I в год своей коронации обложил владельцев большим выкупом ввиду уклонения большинства от принесения феодальной присяги (*hommagium*). Агитация в пользу уравнивания имений на ленном праве с именными свободными началась еще при Иакове I, а в сороковых годах палата общин сделала из этого вопроса один из пунктов, о которых велись тогда

¹ Подробнее о значении отмены десятины будет идти речь в томе «Восемнадцатый век и Французская революция» (по поводу уничтожения десятины во Франции в 1789 г.).

переговоры с Карлом I. Землевладельцы стремились покончить с феодальными отношениями, стеснявшими их и с иной еще стороны. В Англии давно начался процесс замены старых крестьянских «держаний» феодальной эпохи, т. е. наследственных аренд арендой временной, в чем помещикам помогали юристы, учившие, что крестьянские «держания» основаны на обоюдном договоре, зависящем от доброй воли сторон, но старая форма землевладения была как бы помехой в этом процессе, и землевладельцы весьма желали полного уничтожения всяких стеснений, лежавших на поземельной собственности, были ли то права короля, как всеобщего сюзерена, или права населения на наследственные держания. Кромвель, сам принадлежавший к классу сквайров, в 1556 г. объявил уравнивание рыцарских и свободных имений, вследствие чего вся поземельная собственность превращалась в *free and common soccage*, но зато этим распоряжением не обеспечивались ни права населения на наделы, ни интересы фермеров, делавших улучшения на арендуемых участках и рисковавших не возратить соединенных с этим затрат в случае невозобновления контракта. Последний парламент Кромвеля санкционировал это распоряжение, и оно не погибло в эпоху Реставрации. Если Карл II оставил в полной силе только те акты Долгого парламента, которые были утверждены его отцом, и никаких других нововведений не признал, то лишь для акта 1556 г. было сделано исключение: новым законом (1660), в издании которого одинаково были заинтересованы и кавалеры, и круглоголовые, он отменил феодальные права короны, уничтожив и ту палату (*court of wards*), которая ими заведовала. Таким образом, из всего законодательства республики был удержан лишь один акт, изданный в исключительных интересах землевладельческого класса.

XL. «Век Людовика XIV»¹

Общий взгляд на характер второй половины XVII в. — «Век Людовика XIV». — Эпоха королевского абсолютизма. — Внешняя политика этого периода. — Развитие меркантилизма в «век Людовика XIV». — Навигационный акт Кромвеля. — Меркантилизм и международные отношения. — Кольбертизм. — Историческое значение Кольбера. — Меркантилизм, новое государство и буржуазия. — Культурно-социальное развитие Нового времени и Людовик XIV. — Людовик XIV и «старый порядок».

Середина XVII в., эпоха Вестфальского мира и первой английской революции — крайняя грань реформационного периода западноевропейской истории в Новое время, периода, открывающегося и заключающегося религиозными движениями в Германии и Англии, с которыми были соединены бурные политические и социальные перевороты. Времена церковной Реформации окончились, а времена Реформации политической и социальной были еще далеко впереди. Начался новый период в истории Западной Европы, период между окончанием одного сильного исторического движения и началом другого столь же сильного исторического движения, вышедшего из французской революции 1789 г.: подобно тому как в международных делах порядок, установленный Вестфальским миром, продержался — с не особенно важными изменениями — до французской революции, так и во внутренних отношениях западных государств это было время, когда не происходило, в общем, ни такой борьбы, какая характеризует XVI и первую половину XVII в., ни таких крупных перемен, которые совершились в только что указанные полтора столетия. Нужно дойти до самого конца XVIII в., чтобы снова наблюдать в исторической жизни Запада крупные политические перевороты, бурные общественные движения, какими ознаменованы в истории полтора века реформационного периода, когда и внешняя политика была теснейшим образом связана с внутренней борьбой, происходившей в отдельных государствах. Нам предстоит теперь перейти к рассмотрению главных явлений этого нового периода европейской истории, наступившего после окончания реформационных бурь. Если в смысле истории политических

---

¹ По эпохе Людовика XIV, кроме общих сочинений по истории Франции и «Французской истории в XVI и XVII веках» Ранке, в исторической литературе есть труды *Capefigue*'а (далеко не из лучших, чтобы не сказать больше), *Bonnet*'а (автора «Истории французских крестьян»), *Gaillardin*'а (с католической точки зрения), *Philippon*'а (*Weltgeschichte* Онкена, с очерком истории Франции в первой половине XVII в. и обзором истории других стран в веке Людовика XIV), но ни одно из этих сочинений не может быть названо капитальным. Зато отдельные стороны этого царствования рассмотрены в целом ряде сочинений, на которые сделаны ссылки в соответствующих местах. «Значение царствования Людовика XIV и его личности» Я. Г. Гуревича представлял из себя вступительную лекцию. См. также II том «Лекций по новой истории» В. В. Байера.

и общественных движений период этот по своей важности уступает одинаково и тому, который ему предшествовал, и тому, который за ним последовал, то, с одной стороны, в нем все-таки происходили значительные изменения в экономической жизни, а с другой — совершались перемены и в идеях, сами по себе представляющие большой интерес, но еще больший интерес получающие ввиду новых общественных движений, которые пошли впоследствии под их знаменем. Развитие этих идей принадлежит главным образом уже XVIII в. и Франции, хотя основа такому развитию была положена раньше и преимущественно в Англии. Вторая половина XVII столетия и в этом отношении может не останавливать на себе большого внимания, ибо если в это время умственная жизнь и делает громадные успехи, то все-таки главным образом в области чисто философского и научного знания, а не в сфере тех идей, которые по самому существу своему могут называться идеями общественными, т. е. теоретическая мысль и практическая жизнь в эту эпоху более или менее разъединяются, и развитие первой, совершаясь как бы вне влияний со стороны второй, в то же время и в свою очередь мало влияет на последнюю. Исключение нужно сделать лишь для Англии, где долго не могло улечься брожение, вызванное первой революцией, и где возобновление политической борьбы, приведшей ко второй революции (1688), должно было поддерживать развитие идейной публицистики. Политическая литература, играющая столь видную роль в истории реформационного периода и снова начинающая играть роль в «просвещении» XVIII в., во второй половине XVII в. на материке Европы получает характер ученого государственоведения, стоящего довольно далеко от жизни. Вместе с этим и литература в более тесном смысле утрачивает общественный характер: вторая половина XVII в. — блестящая пора в истории нового классицизма, или ложноклассицизма, индифферентного к окружающей жизни, рассчитанного на то, чтобы быть одним из украшений царствования короля, который дал свое имя всей этой поре. Если таким образом от середины XVII в. прошло около полутора столетия до политического переворота, послужившего началом новейшему историческому движению, и около полувека до расцвета замечательной литературы с общественным характером в XVIII столетии и — прибавим еще — около века до наступления того периода, когда представители государственной власти стали проникаться новыми идеями относительно государства и общества, то вторая половина XVII столетия вообще представится нам временем, когда в истории Западной Европы, взятой с самой общей точки зрения, наименее пришлось бы отмечать новых явлений, — представится временем какого-то отдыха после напряженной деятельности предыдущих полутора столетий, эпохой, в которой наименее всего можно искать сколько-нибудь заметного общего движения вперед, но часто, наоборот, бывает нужным отмечать факты, свидетельствующие о застое и даже о возвращении вспять. Вот почему и нам можно ограничиться лишь беглым

очерком этого времени, не останавливаясь на подробностях, тем более что многое, относящееся к эпохе, будет нами рассмотрено в связи с однородными явлениями XVIII в. для характеристики так называемого «старого порядка» (*ancien régime*), унесенного бурей французской революции.

В исторической литературе принято называть указанное время «веком Людовика XIV». Король этот вступил на престол (1643) ребенком в то время, когда в Англии только что началась междоусобная война, за три года до Вестфальского мира, а самостоятельно стал править (1661) государством около года спустя после того, как в Англии пала индипендентская республика; после этого его царствование продолжалось целые 54 года, захватив часть XVIII в., в начале которого, вскоре после смерти (1715) Людовика XIV уже обнаружилось новое культурное движение, подготавливавшее собой будущие движения общественные и политические. Недаром, в самом деле, называются «веком Людовика XIV» эти полстолетия. Внутри Франции это была пора наибольшего развития королевского абсолютизма, когда, казалось, вся страна жила жизнью своего монарха, вся нация сосредоточивалась в его особе¹ и государство воплощалось в личности короля (знаменитое «l'état c'est moi»²). Извне Франция в это время занимала такое же доминирующее положение, какое в XVI столетии принадлежало Испании Карла V и Филиппа II. Последнее государство все более и более падало и в середине XVII в. уже не могло соперничать с Францией. Австрийские Габсбурги были обессилены Тридцатилетней войной, которая и всей Германии нанесла страшный удар, разорив ее материально, убив в ней духовную культуру, окончательно уничтожив в ней всякое подобие государственного единства. Англия, при Кромвеле игравшая столь видную политическую роль, в эпоху Реставрации снова была ослаблена внутренней политической борьбой, да и сами два последние Стюарта искали поддержки Людовика XIV. Оставались Голландия да едва только зарождавшаяся Пруссия³. Первая из них сделалась душой коалиций против завоевательных стремлений Людовика XIV, но только в конце его царствования Франция стала терпеть серьезные поражения. Во всяком случае, во всей Западной Европе ни одно государство не могло сравниться с Францией Людовика XIV, и подобно тому, как это постоянно бывает в истории, первенствующее государство, каким оно сделалось, стало служить примером для других правительств. Французский король, в котором трудно найти черту, отделяю-

¹ Ниже об этом приводятся слова самого Людовика XIV.

² Государство — это я (*фр.*). — *Прим. ред.*

³ Для государств, история которых во второй половине XVIII в. нами не излагается, см., кроме указывающихся ранее, между прочим: *Ch. Weisz. L'Espagne depuis Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons. — Joh. Mailath. Gesch. des österreichischen Kaiserstaates. — W. Coxе. History of the house of Austria. — L. v. Ranke. Genesis der preussischen Staates. — L. v. Orlich. Geschichte des preussischen Staates im XVII Jahrhundert. — Lefèvre Pontalis. Vingt années de république parlementaire au XVII siècle. Jean de Witt, grand pensionnaire de Hollande.* Соч. по истории Англии указаны ниже.

щую европейского монарха от азиатского деспота, сделался предметом подражания для своих коронованных современников, и в числе государей, воспринимавших его идеи и следовавших примеру его поступков, были и немецкие имперские князья, только что получившие полный земский суверенитет (Landeshoheit). То была вообще эпоха установления и развития королевского абсолютизма: последний утверждался в немецких княжествах, в Пруссии «великого курфюрста», в Дании, где в 1660 г. его ввел Фридрих III, в Швеции, где аналогичная попытка не без успеха сделана была Карлом XI (1660—1697), не говоря уже о странах, где он был введен ранее, так что нередко эпоху, начавшуюся после Вестфальского мира, вообще обозначают как период абсолютной монархии. Мы знаем, что однородные явления в исторической жизни разных западноевропейских народов получают неодинаковое развитие в отдельных странах, и если действительно вторая половина XVII в. характеризуется развитием абсолютизма, то нигде оно именно не выразилось так рельефно, как во Франции Людовика XIV, где указываемое политическое явление сделалось господствующим фактором исторической жизни. Если мы примем все это в расчет — и первенствующую роль Франции во второй половине XVII в., и особенное развитие во Франции той государственной формы, которая в это время устанавливалась более или менее повсеместно, и то, что Людовик XIV находил повсюду подражание, мы должны будем согласиться, что эту эпоху можно назвать «веком Людовика XIV». Довольно характерно вообще, что целую эпоху приходится обозначать только именем одного лица: для нее нет таких названий, как Возрождение, Реформация, католическая реакция, «просвещение», «просвещенный абсолютизм», которыми мы с удобством заменяем такие обозначения, как, например, «век Фридриха Великого», ибо эпоха не создала нового принципа, который дал бы ей имя: ей нельзя дать название периода абсолютизма, ибо последний и начинается задолго до середины XVII в., и кончается много спустя после начала XVIII столетия. Отсутствие какого-либо принципа, который давал бы внутренний смысл эпохе, выразилось и в области внешней политики: в самом деле, если в период Реформации и католической реакции международные отношения определялись не одними интересами, но и принципами, то в период, наступивший после Вестфальского мира и смерти Кромвеля, союзы и войны государств утратили какое бы то ни было принципиальное отношение к внутренним вопросам: война и мир были более или менее личным делом королей, и внешняя история утрачивает поэтому тот интерес, какой она имела раньше, в эпоху борьбы католицизма с протестантизмом или получила позднее, с начала французской революции. Конечно, внешняя политика Людовика XIV весьма характеристична для его царствования, но ее подробности могут быть опущены без ущерба для понимания той внутренней истории, которой посвящена настоящая книга. Только вторая английская революция стоит еще в связи с историей международных отношений в «век Людовика XIV». Рассуждая

так, мы, впрочем, не имели в виду коммерческих интересов, которым суждено было играть видную роль в вопросах войны и мира.

Здесь вообще будет уместно указать на то, что «век Людовика XIV» *был эпохой наибольшего развития меркантилизма*. К середине XVII столетия экономическая политика, носящая это название, сделалась господствующей, именно стала влиять не только на внутреннюю хозяйственную жизнь, но и на международные отношения, не только проводилась на практике, но и нашла теоретических проповедников¹, а главным ее представителем в шестидесятых и семидесятых годах явился министр Людовика XIV Кольбер², система которого нашла многочисленных подражателей и в других государствах. Не нужно, однако, думать, что исключительно Франция влияла своим примером на развитие меркантилизма: одинаковые причины порождали одинаковые следствия, и подобно тому, как абсолютизм утверждался повсеместно, не потому, что Людовик XIV показывал пример, и его система была лишь наиболее ярким проявлением того, что совершалось в политической жизни почти всех западноевропейских стран, так и меркантилизм вытекал из однородных причин, действовавших в разных государствах, а пример Кольбера, которому действительно сильно подражали, был равным образом опять-таки лишь особенно рельефным проявлением того, что делалось или начинало делаться в экономической жизни и иных народов. Между прочим, на развитие меркантилизма повлияла и Англия XVII в. В этой стране началась торговая деятельность³, и уже с конца XVI столетия стали появляться трактаты, написанные в меркантилистическом духе («Краткое изложение жалоб наших соотечественников» Стаффорда в 1581 г.), но особенно важное значение имел здесь навигационный акт Кромвеля, о котором уже пришлось говорить выше. Содержание этого акта, силою навязанного Кромвелем Голландии, заключалось в следующем: лишь англичане на судах метрополии или колонии имели право привозить в колонии или вывозить оттуда какие бы то ни было товары; занятие промышленностью и торговлей было запрещено в колониях лицам, не состоявшим в английском подданстве; в Англии все товары должны были ввозиться лишь на кораблях тех стран, где товары эти производились; из английских колоний все вывозимые оттуда продукты не могли быть отправляемы куда-либо, помимо метрополии.

¹ Например, Thomas Mun в первой половине XVII в., о котором см. в книге проф. И. И. Янжула «Английская свободная торговля».

² Главные работы о Кольбере (а также и вообще об управлении при Людовике XIV) принадлежат *Clément*, издавшему его *Lettres, mémoires et instructions*. Работы эти следующие: *Histoire de Colbert et de son administration*. — *Le gouvernement de Louis XIV*. — *La police sous Louis XIV*. — См. также: *Neymarck*. Colbert et son temps. — *Monnier*. Lamoignon et Colbert. — *Gougeard*. La marine de guerre, Richelieu et Colbert. *Клеману* же принадлежит *Hist. du système protecteur en France depuis Colbert*.

³ Ср. сочинения по истории торговли в Англии, а также: *Schanz*. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters.

Это было постановление, наносившее сильный удар торговле Голландии, которая имела большой коммерческий флот и занималась преимущественно посредничеством между разными странами, обменивавшимися между собой продуктами, и Голландия должна была еще сильнее почувствовать это, когда в начале царствования Карла II навигационный акт был дополнен новым распоряжением, по которому и в английские колонии чужие товары могли ввозиться лишь через Англию и на судах, выстроенных в Англии. Навигационный акт Кромвеля открывает собою новую эпоху в истории международного соперничества. Цели экономической политики остаются по-прежнему меркантилистические — добывание денег и привлечение их в страну из-за границы, но старая политика Испании, смотревшей на свои заморские колонии как на места, откуда привозится лишь много золота и серебра, заменяется теперь другой системой, состоявшей в том, чтобы привозить из колоний как можно более товаров по возможно самой дешевой цене и на условиях, наиболее выгодных сравнительно с другими странами. На материке Европы еще в первую половину XVII столетия держались правила привлекать деньги в страну, но отнюдь не вывозить их из страны: Англия отступила от этого правила одной из первых, и ее практика доказала, что есть известная выгода прямо вывозить из страны деньги для закупки заморских товаров, которые потом с барышом перепродавались бы в других европейских государствах. Весьма естественно, что после этого все заботы правительств в деле обогащения внешней торговлей были направлены к тому, чтобы монополизировать коммерческие сношения с колониями посредством запрещения вывоза из них продуктов в чужие страны и запрещения ввоза товаров вообще не из метрополии. Таково было и значение *Кромвелева навигационного акта в истории меркантилистической политики*. Из указанной перемены мало-помалу выработалась система торгового баланса, по которой наибольшую выгоду страна могла извлекать из торговли, лишь увеличивая как можно более вывоз своих произведений и сокращая по мере возможности ввоз чужих, причем государство весьма естественно должно было особенно поощрять производство таких изделий, как мануфактурные, вследствие их сравнительной с продуктами сельского хозяйства дороговизны и вместе с тем более легкой перевозки. Отсюда развитие таких правительственных мероприятий, каковы запрещение вывоза и ввоза определенных товаров, введение высоких пошлин на ввозимые товары, поощрение премиями вывоза из страны ее продуктов и т. п., и все подобные мероприятия равным образом получали характер боевых средств в той промышленной борьбе между отдельными государствами, которая начинает сильно усложнять международные отношения. Уже во второй половине XVI столетия Англия, например, и Ганзейский союз находились в борьбе, устанавливая друг против друга высокие пошлины, но с особой силой возгорелась таможенная война между отдельными государствами только с середины XVII столетия. Между

прочим, та самая Голландия, которая пострадала от навигационного акта Кромвеля, вскоре испытала на себе и результаты враждебной политики Франции, когда Кольбер установил против ввоза голландских товаров высокий тариф.

Запретительная политика меркантилизма по отношению к промышленности чужих стран дополнялась покровительственной по отношению к собственной промышленности. Переманивали, например, из-за границы искусных мастеров, и уничтожение Людовиком XIV Нантского эдикта, заставлявшее массу промышленного люда выселиться из Франции, весьма сильно содействовало основанию новых мануфактур в Голландии, Англии и Германии. Правительства заботились также о создании дешевого труда, что достигалось мерами двоякого рода: запрещали вывозить хлеб или совсем, или при известной на него цене, дабы поддерживать его дешевизну и тем способствовать понижению рабочей платы, и кроме того, регламентировали в пользу предпринимателей и другие условия труда, например устанавливая нормальные таксы или крайне затрудняя оставление рабочими их мест. Все это должно было облегчать капиталистам ведение мануфактурных предприятий, но, кроме того, правительства и иными способами оказывали им поощрения всякого рода, создавая привилегии, монополии, делая беспроцентные ссуды, давая субсидии, учреждая акционерные компании, стараясь заключать повыгоднее торговые трактаты с соседними государствами, заботясь о сбыте продуктов в самой стране, покровительствуя роскоши придворных и т. п., но в то же время устанавливая, однако, самую мелочную опеку над промышленностью, вполне гармонизовавшую с общим характером государства, которое вмешивалось во все отправления народной жизни. Все это практиковалось и раньше середины XVII в. и, между прочим, в Англии, но нигде и никогда отдельные мероприятия подобного рода не были соединены в такую цельную и стройную систему, как во Франции в первый период царствования Людовика XIV, когда во внутреннем управлении первую роль играл Кольбер, заведовавший финансами, морским министерством, путями сообщения, промышленностью, торговлею и колониями, и именно его система, в которой самым рельефным образом выразились основные черты меркантилизма, сделалась предметом для подражания в других странах, уже раньше вступивших на путь меркантилистической политики: недаром и самая система иногда зовется кольбертизмом, хотя неправильно было бы в кольбертизме видеть весь меркантилизм и полагать, что лишь Кольбер и был творцом последнего, как несправедливо было бы отождествлять вообще абсолютизм с системой Людовика XIV и приписывать этому королю самое установление абсолютизма.

Кольбер оказал Франции весьма большие услуги. Между прочим, та роль, какую Франция стала играть в международной политике, сделалась возможной лишь благодаря тому, что этот замечательный министр улучшил

расстроены финансы, увеличив доходы казны, уничтожив много злоупотреблений, на время облегчив для народной массы тяжесть налогов, восстановив равновесие в бюджете. Далее, до Кольбера Франция была исключительно сельскохозяйственной страной: покровительственная политика министра создала в ней мануфактуры, которые мало-помалу из искусственных насаждений правительства превратились в учреждения, пустившие глубокие корни в экономической жизни страны. В духе вообще меркантилистической политики им созданы были компании для заграничной торговли, большой коммерчески флот (и военный для его охраны), заведены новые колонии. Плодами такой деятельности было то, что французское государство обладало громадными ресурсами, благодаря которым Людовик XIV только и мог тратить огромные суммы денег на поддержку своего величия и своей славы. Но у кольбертизма была и сторона отрицательная: от покровительства предпочтительно одной обрабатывающей промышленности страдали интересы земледелия и притом до такой степени, что впоследствии составилось представление, будто Кольбер умышленно давил сельское хозяйство. Это неправда: в числе его распоряжений было немало таких, которые прямо были рассчитаны на поощрение земледелия и скотоводства и на облегчение положения народа, но общая его экономическая политика была, действительно, неблагоприятна для развития сельского хозяйства и народного благосостояния. Запрещение вывоза хлеба, привилегии, дававшиеся всякому, кто принимал участие в мануфактурах, и др. подобные меры делали невыгодным занятие хлебопашеством, отвлекали от него капиталы к промышленности и т. д. В самой промышленности поощрением крупных фабрик наносился удар основным принципам цеховой организации. Ссуды и субсидии, делавшиеся предпринимателям, ложились тяжелым бременем на государственный бюджет и на плательщиков налогов. Хотя Кольбер и уменьшил значительно размер талии, падавшей главным образом на крестьян, но при нем страшно возросли остальные налоги, особенно косвенные, сторонником которых он был, т. к. ими привлекались к платежу и привилегированные. Дорого обходились государству и другие предприятия Кольбера — пути сообщения (каналы, дороги, мосты), морское дело (гавани, верфи и флот), новые колонии, да отнюдь не нужно забывать и того, что у своего министра финансов постоянно требовал денег сам Людовик XIV на свой роскошный двор, на свои предприятия в области внешней политики. Франция должна была напрягать все свои силы, но силы эти истощались, и все величие царствования Людовика XIV, весь внешний блеск куплены были ценой народного обнищания, в котором многие винили Кольбера. Министру финансов славянолюбивого короля приходилось изворачиваться всевозможными способами, и, несмотря на то что он делал все, что только мог, чтобы удовлетворить короля, в последние годы он был все-таки в немилости. Вот как возрастали расходы государства при Кольбере: в 1672 г. — 88 млн ливров, в 1679 г. — 131 млн,

в 1681 г. — 141 млн, в 1682 г. — 200 млн. В год смерти Кольбера (1683) дефицит, однако, снова образовавшийся в бюджете, не превышал 7 млн¹.

Со смертью Кольбера *прекращается органическая работа французской монархии*: столетие, протекшее от этого момента до начала Великой революции, было временем не дальнейшего устройства, а расстройств государства, и то, что в жизни Франции совершалось нового, происходило не только без содействия государства, но даже вопреки ему и против него, как формы, пришедшей в ветхость. Кольбер был великим почитателем Ришелье, что вызывало даже шутки Людовика XIV, да и действительно с великим кардиналом они оба строили новое государство и новое общество, один — в сфере политической, другой — в области экономической. Это была пора, когда *на смену военному обществу Средних веков приходило промышленное общество Нового времени*²: меркантилизм, выдвинувший на первый план заботу об экономических интересах, как бы узко и исключительно он их ни понимал, является полной противоположностью всем феодальным традициям европейского общества. При Кольбере органическая работа французской монархии принимает характер меркантилистический: государство, приобретающее такую силу, какой оно раньше не имело, когда с ним соперничали феодализм и католицизм (последний как политическая система), пользуется теперь своей силой для создания национального богатства, как его тогда понимали, и в этом заключался один из главнейших фактов социальной истории Нового времени. Если средневековый католицизм создал социальную мощь духовенства, если феодализм был опорой социальной силы дворянства, то *новое государство, вступившее на путь меркантилистической политики, содействовало подъему промышленно-торговых классов общества, или, вернее говоря, буржуазии*, социальное значение которой основывается на капитале. В общественном отношении кольбертизм как наиболее рельефное выражение меркантилизма был направлением, весьма благоприятным именно для развития среднего сословия, и совершенно в том же самом смысле действовал и английский меркантилизм, одним из видных представителей которого был Кромвель. Раз старый военный тип общества начинал уступать место типу промышленному (хотя обоим пришлось, так сказать, проникаться друг другом), и раз государство брало под

¹ Указываем здесь на сочинения по истории внутреннего управления вообще в царствование Людовика XIV. *Clément P. Le gouvernement de Louis XIV. Ego же. La police sous Louis XIV. — Chéruel A. De l'administration de Louis XIV. — Ravaissou. Les archives de la Bastille. — Clamageran. Histoire de l'impôt en France. — Depping. Correspondance administrative sous Louis XIV* (документы с введениями). — *Eug. Sue. Histoire de la marine sous Louis XIV. — Pauliat. Louis XIV et la compagnie des Indes.* — Не указываем здесь на биографии некоторых деятелей, каковы (кроме Кольбера) Фуке, Лувуа, Вобан и др. (литература о них ниже), а также монографии по религиозной и церковной истории, которые равным образом отмечаются ниже.

² Употребляем эти термины в смысле, весьма близком к тому, в каком ими пользуются Ог. Конт и Герб. Спенсер.

свою особую защиту индустриальные и коммерческие предприятия, разница политических форм не оказывала влияния на экономическую систему, которой следовали государственные люди Англии и Франции. Только во Франции, нужно заметить, лишь гораздо позднее, чем в Англии, буржуазия достигла того значения, какое она получила в последней стране, благодаря не только экономическим, но и социально-политическим условиям.

Смотря с только что установленной точки зрения на новый период, в который вступила Западная Европа в XVII в., мы можем сказать, что «век Людовика XIV» был как бы задержкой в ее развитии. Людовик XIV был наследником власти, консолидированной Ришелье, но не был преемником его государственной идеи: на место отвлеченного государства, которому служил кардинал, он поставил свое личное я. Органическая работа монархии прекращается со смертью Кольбера, ибо самого Людовика XIV занимают, прежде всего, военная слава и завоевания, — что шло вдобавок вразрез с интересами промышленного развития. Одним словом, Людовик XIV пользуется властью, созданной Ришелье, и средствами, данными ему Кольбером, не разделяя их стремлений. Оба государственных человека стояли на точке зрения веротерпимости, а Людовик XIV уничтожил Нантский эдикт (через два года по смерти Кольбера) и стал преследовать протестантов. Это было уже прямо возвращением к системе Филиппа II Испанского после того, как не только в самой Франции, но и в других местах (вспомним Вестфальский мир и веротерпимость в эпоху английской республики) пришли к сознанию необходимости терпеть иноверие. Если в чем-либо и можно сравнить внешнюю политику этого периода с эпохой борьбы католицизма с протестантизмом, то именно по отношению к указанному вопросу: Людовик XIV возобновил стремления Карла V к всемирной монархии и Филиппа II к реставрации католицизма, а вторая английская революция, совершившаяся как «в защиту протестантизма и свободы», так и в связи с ходом тогдашней международной политики, напомнила старую борьбу двух направлений, разделявших всю Европу. Сама французская монархия выросла в политической борьбе с Католической Церковью (да и самому Людовику XIV пришлось столкнуться с папой), но, уничтожая Нантский эдикт, она прямо отступалась от того, что с таким трудом выработало Новое время, и как бы возвращалась к Средним векам. Другой основой средневековой жизни был феодализм: и с ним боролась французская монархия, но борьба остановилась на том моменте, когда политическая сторона феодального строя была сокрушена. При Людовике XIV феодальная аристократия окончательно превращается в придворную знать, но именно тот самый двор, который сделался центром национальной жизни, и для которого Людовик XIV основал даже новый город, и сделался тем убежищем, где спасалась в союзе с королевской властью социальная сторона феодализма. Понятно, что «век» короля, мечтавшего о военной славе в эпоху промышленных стремлений, уничтожавшего веротер-

пимость после того, как самые крупные государственные люди признали ее за политическую необходимость (Ришелье) и даже за неотъемлемое право личности (Кромвель), наконец, поддерживавшего социальную сторону феодализма после полного крушения стороны политической, *может рассматриваться как «век» задержки в культурно-социальном развитии Западной Европы*. Все другие большие государства, кроме Англии, во всех отношениях были по сравнению с Францией Людовика XIV странами отсталыми, но если Франция была впереди всех, а в ней самой господствовала система, бывшая отрицанием всего выработанного предыдущим историческим развитием, то это только характеризует тогдашнее состояние всей Западной Европы вообще. А между тем «век Людовика XIV» окружен ореолом блеска, кроме военной славы и пышных празднеств Версаля, благодаря еще процветанию изящной литературы, искусства, отчасти и науки. Но умственная и художественная деятельность, лишенная королевским меценатством самостоятельности, перестала быть, как мы сказали раньше, живой общественной силой¹.

Таким был в общих чертах «век Людовика XIV». Двадцать пять лет отделяют его от «века Фридриха Великого», когда абсолютизм снова делается прогрессивной силой и, продолжая работу предыдущих времен, проникается до известной степени идеями века. Этот «просвещенный абсолютизм» начал пробивать первые бреши в том «старом порядке» (*ancien regime*), который был унесен бурным потоком революции 1789 г., но сам «старый порядок», как система, был именно тем, что (для Франции, по крайней мере) можно рассматривать, как результат царствования Людовика XIV².

---

¹ По истории французской литературы в XVII в. есть сочинения (кроме общих историй и специальных трудов) *Paul Albert, Demogeot, Lotheissen* (по-немецки) и др. Важные соображения есть в «Истории цивилизации в Англии» *Бокля*.

² Целое изображение внутренней французской истории от Фронды до революции представляет собой второй том «*Histoire de la civilization française*» *Рамбо*.

ХLI. Характер, идеи и политическое поведение Людовика XIV

Людовик XIV и люди, его окружавшие. — Две разные эпохи в царствование Людовика XIV. — Ришелье и Людовик XIV. — Личный характер Людовика XIV. — Его политические идеи. — Боссюэ и сервиллизм окружавшей Людовика XIV среды. — Обращение Людовика XIV с людьми и придворный быт. — Значение этого быта в политической и социальной истории Франции.

Мы можем говорить о господстве того или другого принципа в исторической жизни, когда, с одной стороны, он или не встречает никакой оппозиции в обществе, или когда оппозиция по своей слабости не имеет практического значения и легко подавляется и когда, с другой стороны, наиболее выдающиеся деятели эпохи¹ служат этому принципу, являясь прямо его представителями или действуя в одном с ним направлении. Людовик XIV был счастлив в обоих отношениях: *оппозиционные элементы как бы совсем исчезли из Франции*, которая, наоборот, скорее увлекалась своим королем, любя в нем, по замечанию венецианских посланников, самое себя, и почти все, что выдвигалось по таланту и энергии над общим уровнем французского общества, содействовало утверждению принципов самого Людовика XIV, особенно в первую, лучшую половину царствования, которая совпадает со временем Кольбера. И вообще в долгом царствовании Людовика XIV нужно различать две разные эпохи: одну — ближе к началу, время успехов системы и во внутренних начинаниях, и во внешних делах, и другую — ближе к концу, период начавшегося разложения и поражений, в эту вторую эпоху уже раздаются оппозиционные ноты, старые деятели, прославившие первую половину царствования, один за другим сходят со сцены, новых людей, которые могли бы их заменить, не является, да и сам король отталкивает от себя все, что было выше посредственности, даже особенно покровительствуя всяким бездарностями. Людовик XIV нашел, так сказать, уже совсем готовыми тех людей, которым суждено было ему помогать или прославлять его царствование: в 1661 г., когда самому королю шел только двадцать третий год, Кольберу было уже сорок два года, Боссюэ — тридцать четыре, принцу Конде — сорок, Тюрен-

---

¹ Во французской исторической литературе существует масса монографий об отдельных выдающихся (или просто известных) личностях эпохи, каковы *Chéruef*'я (о суперинтенданте финансов Фуке, попавшем под суд в самом начале самостоятельного правления Людовика XIV, и о герцоге С. Симоне, оставившем мемуары о царствовании Людовика XIV), *Clément* и *Neymarck* (о Кольбере), *Rousset* (о военном министре Лувуа), *A. Houssae* (о госпожах Ла Вальер и Монтеспан, которым посвящены еще работы *Clément* и *Lair'a*), *Réaume* (о Боссюэ), *duc de Noailles* и *Geffroy* (о госпоже де Ментенон), *Michel*'а и *Ambert*'а (о маршале Вобане), *Valfrey* (о Лионне), *Feugère* (о Бурдалу), *Roy* (о Тюренне), *Baschet* (о Сен-Симоне), *L. Guerrier* (о госпоже Пуйон, представительнице так называемого квиетизма), *de Broglie* (о Фенелоне) и др.

ну — пятьдесят, Вобану — двадцать восемь, из писателей «классического» периода — Корнелю — пятьдесят пять, Мольеру и Лафонтену около сорока и т. п.; другие деятели, как Лувуа, Расин и Буало, были сверстниками Людовика XIV, т. е. выросли и воспитались в предыдущую эпоху; лишь очень немногие деятели, стяжавшие славное имя (например, Фенелон), были детьми в то время, когда Людовик XIV вступил в управление Францией. Достигнув сам семидесятисемилетнего возраста, король пережил всех знаменитых своих современников, лишенный в конце царствования выдающихся советников и помощников, не оставив Франции способных людей, если не считать родившихся в эту эпоху корифеев оппозиционной литературы XVIII в. Монтескье (род. в 1689) и Вольтера (род. в 1694). И в другом отношении две половины царствования Людовика XIV резко отличаются одна от другой. Смуты Фронды заставили Францию искать внутреннего мира и порядка, которые могли быть обеспечены только крепкой властью: страна шла навстречу своему молодому королю, оказавшемуся и энергичным, деятельным и трудолюбивым монархом; лучшие люди нации шли к нему на помощь, и органическая работа государства, прерванная смутами Фронды, возобновилась с новой силой, когда предприняты были устранение разных зол общественной жизни, происходивших от безнаказанности вельмож¹, от произвола и хищения чиновничества и т. п., и введение преобразований в разных частях управления. Все это делалось, однако, не по инициативе короля, который только что вступал в жизнь, все это делалось людьми старше его годами, людьми, вышедшими из школы Ришелье и Мазарини: последний, например, умирая, сказал молодому королю, что оставляет ему в наследство после себя Кольбера, а Кольбер был проникнут благоговейным отношением к Ришелье; у самого же Людовика XIV Кольбер впоследствии впал в немилость, подобно тому как это случилось с Расином, Фенелоном и Вобаном. Людовик XIV даже отталкивал от себя людей, проявлявших самостоятельный характер, и предпочитал угодливых куртизанов, с которыми мудрено было продолжать начатую работу. Впрочем, и не к ней лежало сердце Людовика XIV: его увлекали военная слава, расширение границ государства, первенствующая роль в Европе, а внутри страны он добивался только одного — беспрекословного повиновения королевской воле, подавления всего, что имело хотя бы лишь намек на оппозиционный характер. На смену замечательным деятелям первой половины царствования приходили люди уже прямо по сердцу Людовика XIV, часто настоящие бездарности вроде Шамильера, которому в начале войны за испанское наследство король передал все, чем за двадцать лет перед тем заведовал Кольбер (и даже Лувуа), или вроде Вильруа, одного из неудачных вождей армии в названной войне. Военные предприятия, страшная роскошь двора, дурное управление — материально разоряли страну, а внутренний деспотизм

¹ *Fléchier* (1632–1710). *Les Grands jours d'Auvergne*.

увивал всякую общественную самодеятельность. Старым традициям, которыми жила Франция, уже нанесен был сильный удар кардиналом Ришелье, но он все-таки противопоставлял им известную идею, идею государства, как ни была она односторонняя: Людовик XIV добил старые традиции, но для того, чтобы заменить и их, и государственную идею Ришелье культом собственной власти, «на обоготворение которой он потратил все свое царствование». В самом деле, *по мысли знаменитого кардинала, все должно было склониться перед государством, по мысли Людовика XIV, государством была его собственная особа*: хотя подлинность знаменитого «l'état c'est moi» и подвергается сильному сомнению¹, тем не менее оно вполне соответствует некоторым собственным заявлениям Людовика XIV, особенно же всему его поведению. XVII в. создал своего рода культ государства, наиболее видными представителями которого были в области практики Ришелье, в области теории Гоббс, но у Людовика XIV было слишком много эгоизма, чтобы подчинить себя служению государственной идее: в этом отношении у него было весьма мало общего и с Петром Великим, написавшим известные слова во время прутского похода о своем отношении к России, и с Фридрихом II, который называл себя «первым слугой государства». В политической литературе XVII в. благоприятной для абсолютизма, было, собственно говоря, две идеи: одна ставила впереди всего государственную цель, для достижения которой требовала всемогущества власти, тогда как другая исходила из представления о всемогуществе этой власти, ставя на задний план вопрос о цели, ради которой она должна была существовать, выдвигая, напротив того, вперед теологические объяснения, доказывавшие безусловные права этой власти из ее божественного происхождения. На первой точке зрения стояли Гоббс и отчасти Ришелье, но второй епископ города Мо Боссюэ, написавший «Политику, извлеченную из Св. Писания», и англичанин Фильмер, автор «Патриарха или естественной власти королей»: Людовик XIV примыкал именно ко второму взгляду, и ему казалось, что не он должен служить государству, а, наоборот, государство ему.

Людовику XIV нельзя отказать в качествах, необходимых для правителя государства. Конечно, он не был гением ни на каком поприще государственной жизни, и ни к кому из тех, кого называли Великим (Louis le Grand), так мало не подходит этот титул, как к Людовику XIV, но он не был лишен ни здравого смысла, ни сильной воли, ни умения внушать к себе уважение, ни, наконец, хорошей памяти, хотя, с другой стороны, его ум был не творческий, и во всяком случае в своем политическом поведении он обнаружил гораздо более силу своего характера, чем свои умственные способности, — именно в той прямолинейности, которая вообще отличает людей, у которых воля оказывается гораздо более сильной, чем ум. Людовик XIV был, кроме того,

---

¹ См., между прочим: Janko. Die Fabel in der Geschichte.

человеком деятельным и трудолюбивым, но цели, которые он себе ставил, были крайне себялюбивые. Это была натура, целиком сотканная из властолюбия и гордости со значительной примесью страсти к пышности, льстившей его чванству, когда он был помоложе, и ханжества под старость, когда его существом овладела забота о спасении души, т. е. это был великий эгоист, не умевший и не могший сочетать личное честолюбие со служением какой-либо идее. Людовик XIV был проникнут сознанием своих прав, по в нем слабо было развито сознание своего долга, своей ответственности перед страной, перед потомством: в самом юном возрасте он был свидетелем смут Фронды, унижения королевского достоинства, понимавшегося им весьма высоко, когда еще он был чуть не ребенком, и из этой поры своей жизни он вынес самую глубокую ненависть ко всему, что так или иначе могло бы ограничить его личное право. Английская революция также не прошла бесследно для образования его политических воззрений: он сделался принципиальным противником представительства. Он и вообще не хотел делиться властью с кем бы то ни было: он начинал тяготиться и опекой самого Мазарини, которому был так много обязан, и потому, когда по смерти кардинала Людовика XIV спросили, кому он прикажет докладывать все дела, он объявил, что отныне он сам будет лично заведовать всем. И он, действительно, не допускал впоследствии, чтобы кто-либо играл сколько-нибудь самостоятельную роль. В самом начале своего правления он сменил главноуправляющего финансами Николая Фуке, считая его прямо опасным для своей власти, уничтожил должность первого министра, занимавшуюся прежде Ришелье и Мазарини, и назначил министрами новых людей, которые, в сущности, были лишь его секретарями или приказчиками (*commis du roi*).

Людовик XIV сам помог историкам проникнуть в свой внутренний мир: он оставил записки (*mémoires*), в которых он излагает свое политическое мировоззрение, свой взгляд на прошлое Франции и на современные события, желая оставить наставление своему преемнику¹. Заявления, которые он здесь делал, представляют собой целую теорию абсолютизма, как он его понимал. «Франция, — писал он, — есть монархия; король представляет в ней всю нацию, и перед королем каждый — только отдельная личность. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена в руках короля, и в королевстве не может существовать иной власти, кроме той, которую он устанавливает. Будьте господином, советует он своему сыну, выслушивайте своих советников, но решайте сами. Бог, поставивший вас королем, просветит ваш ум в необходимых случаях, насколько намерения ваши будут хороши»... «В государстве, в котором вы должны после меня царствовать, — писал он еще, — вы не найдете власти, которая бы не гордилась тем, что от вас она истекает и лишь потому

¹ Записки Людовика XIV изданы Dreyss'ом (*Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin*). О них статья *Chéruel*'я в *Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques* (за 1886).

имеет значение». Равным образом в курсе государственного права для герцога Бургундского (своего внука) Людовик XIV велел написать следующее: «Нация во Франции не составляет тела (*ne fait pas corps*), она целиком заключается (*réside tout entière*) в особе короля». Понятно после этого, что Сен-Симон имел полное право в своих мемуарах писать о Людовике XIV, что «абсолютный без возражения, этот король уничтожил и искоренил до последних следов, до самых идей, до остатков воспоминания — всякую другую силу, всякую другую власть во Франции, кроме тех, которые происходили от него: перед Людовиком XIV одно название законов, права было преступлением». Как ревниво оберегал он свою власть, можно видеть еще и из такого рода советов дофину: «Сыны Франции (т. е. короли) для безопасности государства не должны нигде искать прибежища, кроме двора и сердца своего старшего сына...» «В моих видах не было, — признавался он далее, — брать в министры выдающихся людей (*des hommes d'une qualité éminente*). Нужно было первым делом дать понять публике по самому званию, из которого я их брал, что моим намерением не было делиться с ними властью». В национальном представительстве Людовик XIV видел только собрание черни (*une populace assemblée*). «Порабощение, — говорил он, — заставляющее государя подчиняться закону своих подданных, есть самое последнее бедствие, которому может подвергаться человек нашего сана». По его теории, королевская власть заключала в себе нечто прямо божественное. «Тот, — писал он, — кто дал королей людям, желает, чтобы нас почитали как его наместников, себе одному предоставляя судить их поведение. Воля его в том, чтобы тот, кто родился подданным, был в беспрекословном повиновении. В христианстве нет правила прочнее установленного, как смиренное подчинение властям предержащим». Весьма естественно, что такая власть должна была быть обставлена настоящим церемониалом восточных теократий. «Грубо те ошибаются, — читаем мы еще в мемуарах Людовика XIV, — которые воображают, что это простые церемонии. Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят обыкновенно по внешности и большей частью соразмеряют свое уважение и послушание с местом и чином. Так как для общества важно быть управляемым одним, то важно также, чтобы тот, кто исполняет эту должность, был так возвышен над остальными, дабы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному телу, лишить его главу мельчайших признаков его превосходства, отличающего его от других членов». Но особенно любопытно одно место, где Людовик XIV прямо приписывает королевской власти божественные свойства. «Есть некоторые случаи, — рассуждает он, — когда мы (т. е. короли), так сказать, заступая место Бога, как бы разделяем с Ним всеведение и всемогущество, как, например, в распознавании умов, в распределении должностей и в раздаче милостей. Не благие советы, не хорошие советники делают королей мудрыми; напротив, мудрость королей сама создает

министров и производит все хорошие советы, которые ему подаются». Поэтому совершенно верно было сказано в известном анонимном письме к Людовику XIV, приписывавшемся Фенелону: «Вы все себе приписываете, как будто вы — земной Бог», а по словам Сен-Симона, «Людовик XIV почти обоготворял себя в собственных глазах вследствие постоянного пользования самым безграничным деспотизмом, идолопоклонством перед своей властью, на обоготворение которой он потратил все свое царствование». Слава короля — вот цель, которую Людовик XIV ставил государству. «Увеличивать свои владения, — писал он, — самое достойное, самое приятное занятие для государя. Трудно удерживать возвышенное сердце: оно вполне может насытиться только славой. Я вполне пользовался своими удачами и своим благоразумием, чтобы извлекать для себя выгоду из всех представлявшихся мне случаев увеличивать свое государство за счет моих врагов. Я весьма рад, что справедливость открыла мне двери славы и дала мне случай показать всей земле, что на свете есть еще король». Ему казалось, что эти чувства воодушевляют и всех его подданных. «Сколько храбрецов, — говорит он, — которых я видел воодушевленных служением мне, казалось, меня ежечасно только и просили о том, чтобы дать им повод показать свою храбрость». И он не останавливался перед тем, что его личная слава дорого обходилась народу: все достояние последнего он рассматривал как свою собственность, которой он мог распоряжаться по собственному усмотрению. «Короли, — сказано еще в его мемуарах, — суть полновластные господа (*seigneurs absolus*) и, естественно, имеют полное право свободно распоряжаться всеми имуществами, находящимися во владении как духовных, так и светских лиц, чтобы употреблять их во всякое время, как это делают умные хозяева, т. е. сообразно с общими нуждами их государства. Все, что находится в пределах их государств, к какому бы разряду предметов это ни относилось, принадлежит им на этом основании — и деньги, находящиеся в их казне, и те, какие имеются в руках их казначеев, и те, которые они оставляют в обороте своих подданных». Так смотрели и другие: в 1716 г. аббат Дюбуа, ведя переговоры с лордом Стэнгопом, сказал, что «французский король будет всегда богаче английского, потому что по праву может смотреть на себя как на собственника всей территории королевства». «Как, господин аббат! — воскликнул английский министр. — Неужели вы учились государственному праву в Турции?!»

Людовик XIV тем более должен был утверждаться в своей теории, что повсюду встречал только одно раболепство. Уже ранее во Франции появлялись политические трактаты в духе крайнего абсолютизма, но наиболее последовательно развита была абсолютистическая теория Боссюэ, знаменитым проповедником, обратившим на себя внимание Людовика XIV проповедью на текст: «Бога бойтесь, царя чтите». Последний отец Церкви, как его называли поклонники, церковный писатель, оставивший между прочим «*Discours sur l'histoire universelle*» и «*Histoire des variations des églises*

protestantes», в своей «Политике, извлеченной из Св. Писания», как бы прямо обосновывал королевскую власть. Она представлялась ему в форме восточной деспотии с теократическим характером. «Королям, — говорит он, — дан титул Христа, и вот потому мы и видим, что их везде называли христами или помазанниками Господними... О, короли, — восклицает он, — вы — боги! В вашей власти, на челе вашем есть нечто божественное». Дурные отзывы о короле, по Боссюэ, равны богохульству. Богословскому писателю вторили поэты, сомневавшиеся, могут ли быть несчастные при таком короле («l'univers sous ton règne a-t-il des malheureux?» — спрашивает Буало), а художники наперерыв изобретали новые способы изображать славу «короля-солнца». Таким образом, Людовик XIV, можно сказать, дышал воздухом, насыщенным сервилизмом, от самой ранней юности до глубокой старости: еще в детстве, обучаясь чистописанию, он имел пропись, где, между прочим, было сказано, что короли могут делать все, что им угодно, а за пять лет до смерти его духовник и доктора Сорбонны успокоили его совесть насчет того, что он имеет право налагать на своих подданных сколько угодно податей.

Проникнутый сознанием своего величия, повсюду встречая одно раболепство, Людовик XIV в своем обращении с людьми, во всем своем поведении старался быть важным и величественным, когда нужно было, умел выражать высокомерное презрение или проявлять убийственный гнев. Мы видели уже его взгляд на церемонии, и действительно, вся жизнь его была обставлена мелочным церемониалом. Он окружил себя самым блестящим двором и для своей постоянной жизни среди куртизанов создал вне Парижа новую резиденцию — Версаль, стоивший ему баснословных денег. Все времяпровождение короля было размерено, и каждый его шаг, от вставания с постели утром до отхождения ко сну вечером, сопровождался какой-либо церемонией, в которой принимали участие те или другие лица из многочисленного придворного штата: это было какое-то сплошное священнодействие; требования этикета, манер, тона были разработаны до последних мелочей, причем Людовик XIV был высшим, недостижимым образцом для всеобщего подражания. Условность была основным законом этой жизни: она господствовала в обращении, в языке, в увеселениях, господствовала в архитектуре, в живописи и в скульптуре, господствовала, наконец, в литературе, и недаром Буало рекомендовал писателям изучать, прежде всего, вкусы двора. А эти вкусы были вкусы самого Людовика XIV или тех метресс, которые в данную минуту владели его сердцем, была ли то несколько сентиментальная ла Вальер, или разбитная Монтеспан, или, наконец, знаменитая Ментенон, женщина черствая и сухая с сильной склонностью к ханжеству. Людовик XIV сумел сделать из версальского двора вообще центр великосветской жизни: масса придворных должностей, продававшихся за деньги и потом оплачивавшихся хорошим жалованьем, веселая жизнь, близость к королю как источнику милостей, все это влекло ко двору французское дворянство; жить у себя в поместье уже

было или признаком фрондерства, которое не прощалось, или признаком королевской опалы, непременно ронявшей человека во мнении его равных, если только прямо не считали смешным чудачком богатого и знатного дворянина, не являющегося *faire la cour*. Благодаря такому взгляду старая феодальная аристократия превратилась в придворную знать. Ее недавние еще стремления исчезли, особенно после того, как в начале царствования Людовика XIV казнили нескольких провинциальных вельмож. Мало того: король сумел заставить протестантскую знать перейти в католицизм, ибо никто не хотел «оставаться протестантом, боясь сделаться смешным», так что мало-помалу реформированная религия стала простой «мещанской верой». Привлекая дворянство ко двору, Людовик XIV тем самым лишал его местного значения, превращая сеньоров в куртизанов, и отнимал у них всякое политическое влияние, тем более что жизнь в Версале стоила дорого, а король был щедр на денежные выдачи. *С середины XVII в. французское дворянство поэтому страшно измельчало*: уже в конце XVI столетия его покорность покупалась деньгами, но тогда все еще деньги вымогались борьбой, а тут настала пора — и кончилась она лишь с революцией, — когда деньгами оплачивалось раболепство. Можно даже сказать, что *придворный быт при Людовике XIV придал особенный характер французскому абсолютизму*: здесь, при дворе, заключен был союз между государственным абсолютизмом и феодальными привилегиями, ибо когда-то мятежная аристократия признала безусловно королевский авторитет, а абсолютная монархия столь же безусловно признала социальные привилегии дворянства. Абсолютизм Людовика XIV можно было бы назвать придворным с таким же правом, с каким абсолютизм Филиппа II характеризуется как вероисповедный, а Фридриха II — как просвещенный. Король, видевший в себе воплощение целой нации, не отказывался и от старого взгляда, по которому его предки были только первые между равными: глава государства считал себя первым дворянином в королевстве, но т. к. все выдающееся в дворянстве было при дворе, то он сам сделался в сущности первым придворным. Таким образом, если версальский быт изменял прежний характер аристократии, то он же изменял и характер самой монархии: Людовик XIV и оба его преемника в XVIII в. совсем не походят на основателя династии, Генриха IV. Французская монархия все более и более проникалась воззрениями и стремлениями двора, и в XVIII в. король был уже настоящим рабом этикета, у которого уже не оставалось времени для серьезного труда, был даже лишь частью того целого, которое называлось двором. Перед этим учреждением стушевались тогда старые общественные силы — Церковь и дворянство, генеральные штаты и парламенты, но т. к. двор был создан, по-видимому, только для увеселений, то действительная власть перешла в руки чиновничества, которое и заняло в XVIII в. место, освободившееся вследствие того, что сама монархия, так сказать, превратилась из учреждения национального в учреждение придворное.

Между прочим, Людовиком XIV было положено начало и женскому влиянию в политике, хотя сам он и не давал большой воли над собой своим метрессам (кроме Ментенон, сумевшей до известной степени подчинить себе короля). Придворные интриги начинают теперь получать значение государственных событий, что кладет особенный отпечаток на историю XVIII в.: уже Кольберу, например, пришлось ехать уговаривать девицу Ла Вальер, чтобы она вернулась ко двору, когда она удалилась было в монастырь под влиянием угрызений совести¹.

---

¹ Придворный быт французской монархии очень ярко изображен у Тэна в сочинении «Происхождение современной Франции» (*Taine. Les origines de la France contemporaine*).

XLII. Правительственная система Людовика XIV

Система Людовика XIV. — Падение провинциального и муниципального самоуправления. — Централизация и бюрократия. — Интенданты. — Полиция. — Остатки феодализма. — Церковные отношения при Людовике XIV. — Янсенизм и квиетизм. — Преследование протестантизма и отмена Нантского эдикта. — Бедствия в конце царствования Людовика XIV. — Покровительство литературе и науке при Людовике XIV. — Критика его системы и зарождение оппозиционной литературы.

Результаты системы Людовика XIV сказались главным образом уже в XVIII в.: то, что получило во Франции название l'ancien régime, было именно главным результатом этой системы — соединения крайнего абсолютизма со старым общественным строем. Впрочем, уже во вторую половину царствования Людовика XIV, после смерти Кольбера (1683), после уничтожения Нантского эдикта (1685), нанесшего стране большие моральные и материальные убытки, наконец, после второй английской революции (1689), бывшей поражением системы французского короля и в делах международных, все указывало на наступление совсем другой эпохи, не похожей на блеск шестидесятых и семидесятых годов XVII в. Система Людовика XIV заключалась в том, чтобы уничтожить в стране все, что только имело характер самостоятельности, ибо ревнивое отношение короля к власти доходило до того, что даже, по собственному его признанию, ему было обидно, если кто-либо приобретал влияние или славу помимо его.

Мы уже видели, что после 1614—1615 гг. во Франции не собирались более генеральные штаты, но что тем не менее в малолетство Людовика XIV парижский парламент думал играть политическую роль, которая, собственно, должна была принадлежать штатам. Рассказ о появлении Людовика XIV с хлыстом в руках в парламенте принадлежит к числу исторических выдумок, но несомненно, что еще при Мазарини (1655) тогда еще весьма юный король довольно строго заявил членам парламента, что он не потерпит обсуждения ими правительственных мероприятий. В начале шестидесятых годов парламенты с другими центральными учреждениями даже перестали называться верховными (souveraines) куриями, а просто высшими (supérieures). После этого было еще несколько случаев столкновения, но каждый раз парламент терпел новое поражение. В 1665 г. он задумал было протестовать против некоторых королевских распоряжений, собрался с этой целью, но не осмелился что-либо предпринять из опасения арестов и ссылок: члены сошлись, посидели молча, т. к. никто не решался говорить, и когда один член молча же вышел, то и другие последовали его примеру. В 1667 г. несколько членов пар-

ламента было сослано, а в следующем году Людовик XIV собственноручно вырвал из парламентского регистра постановления времен Фронды. В 1673 г. он прямо запретил парламенту делать ремонстрации. Лишь по смерти Людовика XIV это учреждение поднялось из своего унижения.

Провинциальные парламенты равным образом были подчинены губернаторам и интендантам. В некоторых провинциях Франции еще сохранялись местные сословно-представительные учреждения, *états provinciaux*, но они были исключениями из общего правила отсутствия штатов, да и тут старые права стали стесняться. Уже Ришелье уничтожил провинциальные штаты в Дофинэ, временно отменял их в Провансе, отнял у лангедокских штатов право вотирования субсидий. При Мазарини были уничтожены штаты в Нормандии, временно отменявшиеся при Ришелье, да и вообще с 1651 по 1663 г. лишился своих штатов целый десяток провинций¹. Там, где они сохранились, они мало-помалу потеряли (около 1680 г.) право обсуждать вопрос о налогах и должны были только вотировать, а в депутаты на эти собрания попадали очень часто лишь правительственные кандидаты. Представители духовенства и дворянства согласились на всякие налоги, от которых были освобождены оба сословия, а третье сословие было представлено одними горожанами, да и то фиктивно, ибо депутатами от городов были муниципальные власти, а они не были уже выборными. Несговорчивых членов подкупали, а иногда и застрашивали. Вообще к этому жалкому остатку провинциального самоуправления административные лица относились весьма недружелюбно. То же самое можно сказать и о муниципальном самоуправлении, и ранее уже находившемся в упадке. Оно все более и более делалось простой фикцией, и в числе лиц, наносивших удары штатам и коммунальным учреждениям, был сам Кольбер. Мало-помалу к восьмидесятым годам XVII в. над городами установилась полная интендантская опека, и административные власти пользовались весьма широко городскими доходами на негородские нужды. В 1692 г. Людовик XIV прямо отменил все выборные должности в городах, превратив их в продажные: мэры и заседатели должны были покупать свои места.

Если падало областное и городское самоуправление, зато развивались централизация и бюрократия. Но Людовик XIV озаботился, чтобы важные правительственные места не попадали в руки знати: за последней оставлялся почет, оставлялись феодальные права, привилегии, но на влиятельные должности назначались лица из мелких дворян и из третьего сословия. Вся власть в провинциях находилась теперь в руках интендантов, которых было на всю Францию 34, по одному на каждое генеральство (*généralité*): они пользовались безграничным произволом и заведовали всеми местными делами — полицией, юстицией (с правом изымать процессы из ведения судов и судить по

---

¹ Rouergue, Quercy, Périgord, Berry, Maine, Anjou, Touraine, Orléannais, Auvergne (разделявшаяся на верхнюю и нижнюю с отдельными штатами)

своему усмотрению) и финансами, муниципальными, военными и вероисповедными делами, народным просвещением, торговлей, промышленностью, земледелием; этими «пашами» или «сатрапами», как их называли в XVIII в., приводилась в движение вся жизнь страны из единого правительственного центра. Интенданты подавляли всякое проявление местной самостоятельности, подчиняли себе независимые элементы общества, духовенство, дворянство, городское сословие. Они же приводили в исполнение все предначертания центральной власти, касались ли последние насаждения промышленности или преследования протестантов. У интендантов в качестве помощников, ими самими назначаемых и сменяемых, служили субделегаты. Одним из наиболее энергичных интендантов второй половины XVII в. был некий Бавиль (Basville), который обращал в католицизм протестантов посредством драгунских постоев (драгонад) в Лангедоке. Это был юрист, проповедовавший, что король есть собственник всей земли во Франции: он толковал в таком смысле известное изречение «*nulle terre sans seigneur*»¹.

Особое развитие получила при Людовике XIV полицейская власть, которая вмешивалась во все проявления общественной жизни. Полицейскому произволу было подчинено все — до цензуры книг включительно. В это время особенно развились знаменитые *lettres de cachet* такого содержания: «Посылаю вам это письмо, извещающее вас о моей воле, чтобы вы (сделали то-то и то-то). Молю Бога, чтобы он хранил вас своей милостью. Людовик». Посредством такого документа можно было посадить кого угодно в Бастилию или другую подобную тюрьму и держать там заключенного без следствия, без суда, без обозначения срока, без объявления даже вины кому бы то ни было: бывали случаи, что о заключенном забывали, и никто потом не мог припомнить, за что несчастный сидит в заключении. Мало-помалу такие *lettres de cachet* появились в распоряжении интендантов и интендантских чиновников. Полицейским же учреждением был «черный кабинет», где вскрывали частную переписку. Полиция заведовала и делами совести: ее роль была весьма значительная в преследованиях протестантов, янсенистов и т. п.

Эта политическая система, выросшая на развалинах средневекового католико-феодального быта, в социальном и культурном отношениях как раз поддерживала всю свою силой все те стороны феодального и католического наследия Средних веков, которые, не представляя никакого препятствия для развития королевского абсолютизма, отзывались тяжело на обществе и личности. Нам уже приходилось отмечать и придется не раз указывать на то, что, *разрушая политический феодализм, королевская власть не касалась феодализма социального*: в этом отношении система Людовика XIV не только не была исключением из общего правила, но самым блестящим его подтверждением. Оставляя до другого места рассмотрение того

---

¹ «Нет земли без сеньора» (фр.). — Прим. ред.

сочетания политического абсолютизма с социальными привилегиями, которое характеризует вообще дореволюционные порядки во Франции, мы здесь ограничимся лишь указанием на то, что правительство Людовика XIV держалось и по отношению к католицизму такой же двойственной политики, т. е. *всячески стесняло права Церкви по отношению к государству и, наоборот, всячески помогало ей господствовать над обществом*. Другими словами, как «первый дворянин» своего королевства, Людовик XIV не затрагивал социального феодализма, на котором основывались дворянские привилегии, а как «старший сын» Церкви, стал поддерживать безусловное господство католицизма над совестью своих подданных, хотя, как живое воплощение государства, и сокрушал политическую мощь аристократии и клира. Духовенство давно уже было в полной зависимости от королевской власти благодаря Болонскому конкордату 1516 г. С папством монархия Бурбонов жила в полном согласии и мире, но при Людовике XIV эти добрые отношения нарушились, ибо между ним и папой Иннокентием XI произошло весьма резкое столкновение и именно на почве конкордата 1516 г., обострившее взаимное неудовольствие обеих сторон по поводу неодинаковых стремлений и во внешней политике и отчасти связанное с тем, что французское духовенство продолжало сочувствовать доктрине о галликанских вольностях¹. Дело в том, что условиям конкордата 1516 г. подчинялись не все епархии, находившиеся в пределах Франции, но Людовик XIV в семидесятых годах самовольно распространил и на них свое королевское право (*droit de regale*), заключавшееся в том, что король распоряжался замещением вакантных кафедр и пользовался епископскими доходами, когда та или другая кафедра не была занята. Папа Иннокентий XI вмешался в это дело, но Людовик XIV был поддержан французским духовенством, которое, руководимое Боссюэ, на чрезвычайном собрании 1682 г., объявившем себя национальным собором, провозгласило четыре основных положения галликанизма. Первым из них у папы отрицалась всякая власть в делах светских; вторым объявлялось главенство вселенских соборов над папами в делах духовных; третье охраняло неприкосновенность правил, обычаев и статутков, принятых во Франции государством и Церковью; в четвертом говорилось, что в вопросах веры папские постановления получают окончательную силу лишь по принятии их Церковью. Эти тезисы должны были теперь сделаться основой канонического права во Франции и преподаваться в высших школах, но папа их не признал и отказал в инвеституре епископам, только что перед этим назначенным Людовиком XIV и уже заседавшим на соборе. Хотя вскоре после того между французским королем и преемником Иннокентия XI воспо-

¹ Подробное изложение спора Людовика XIV с Иннокентием XI см. в соч. *Philipps' a Das Regalienrecht in Frankreich*. — *Michaud*. Louis XIV et Innocent XI. — *Ch. Gérin*. Recherches historiques sur l'assemblée du clergé de France en 1682. — *Tabaraud*. Hist. critique de l'assemblée générale du clergé de France en 1682.

следовало примирение, и епископам было при этом приказано подписать новое заявление, в котором они по существу дела должны были отказаться от принципов 1682 г., однако декларация о вольностях Галликанской Церкви, внесенная в регистр парижского парламента, продолжала считаться одним из основных законов государства даже среди значительной части духовенства. Людовик XIV не желал поступиться своими королевскими правами по отношению к папе, но если он поддерживал независимость французского клира от курии, то вовсе не для того, чтобы Галликанская Церковь пользовалась какими-либо вольностями по отношению к государству: напротив того, ее освобождение от Рима было только необходимым условием, без которого ее трудно было бы подчинить окончательно королевской власти. Средство оказалось действительным: французский епископат стал в полнейшую зависимость от короля, а если какой-либо епископ оказывался недостаточно послушным, у него отбиралось данное ему имущество (*le temporel*) и он лишался доходов. Мало-помалу прелаты превратились или в придворных вельмож, или в агентов королевской власти в провинциях. Мало того: сами французские иезуиты шли по стопам духовенства. В 1682 г. они желали, чтобы их освободили от власти жившего в Риме генерала, дав им особого викария, который находился бы во Франции, и согласились учить в своих коллегиях и семинариях в духе декларации французского собора; вместе с тем они не только не проповедовали прежних своих доктрин о главенстве папы над монархами и о его праве низлагать их с престола, но даже прямо воспитывали подрастающее поколение в строго монархическом духе. Правда, за это, в свою очередь, они пользовались большим влиянием на всю внутреннюю политику государства, будучи духовниками короля. Таким образом, если придворный быт был самым рельефным проявлением союза абсолютной монархии с социальным феодализмом, то *королевские духовники из иезуитов были главными проводниками католических влияний на эту монархию*. Соединение абсолютизма с католической реакцией, характеризующее систему Людовика XIV, выразилось особенно ярко в преследованиях, которым подверглись янсенисты, квиетисты и гугеноты. Между янсенистами и иезуитами вражда была старая, но чем более члены Общества Иисуса забирали силы при дворе, тем труднее становилось положение янсенистов. Незадолго до начала самостоятельного правления Людовика XIV иезуитам был нанесен сильный удар знаменитыми «Провинциальными письмами» (*Lettres provinciales*, 1656—1657 гг.) Паскаля, но при Людовике XIV какое бы то ни было публичное обсуждение спорных вопросов должно было прекратиться, и открытая борьба перешла в закулисную при помощи средств, не имеющих ничего общего с литературной полемикой. Янсенисты были заподозрены в политической неблагонамеренности, а то обстоятельство, что их сторону держали парламенты, придавало им значение, крайне неприятное для Людовика XIV. У янсенистов был свой центр в монастыре Port-Royal, против которого было

воздвигнуто настоящее гонение: монахинь оттуда выдворили, все здания разрушили и даже выкопали трупы похороненных там янсенистов (1709). Людовика XIV иезуиты уверили, будто их противники составляли республиканскую партию в Церкви и государстве, и король однажды признался, что он скорее готов примириться с атеистом, нежели с янсенистом. Галликанские воззрения янсенистов были неприятны и папству, а потому и оно их осудило своей буллой «Unigenitus» (1713). Подверглось преследованию и мистическое направление, известное под названием квиетизма, главной представительницей которого была некая г-жа Пуйон¹. Это была экзальтированная пиетистка, вполне верная догматам Католической Церкви, проповедовавшая «покой в Боге», дающийся бескорыстной к нему любовью и экстазом. Она успела в этом духе написать несколько сочинений, но особая духовная комиссия их осудила, и г-жа Пуйон после этого попала в Бастилию, откуда ее перевели в один монастырь (1695). За нее заступился было Фенелон, написавший книгу об ее учении, но это имело результатом не только вторичное заточение г-жи Пуйон, но и большие неприятности для самого Фенелона, против которого Боссюэ и Сорбонна вооружили и короля, и папу: первый сослал его в епархию, где он был епископом (Камбрэ), а второй осудил его книгу.

Реакционный в религиозном отношении характер царствования Людовика XIV выразился преимущественно в *преследовании протестантизма и отмене Нантского эдикта*². Главной опорой кальвинизма во Франции была аристократия, но она, во-первых, смирилась, а во-вторых, стала переходить в католицизм, причем одним из первых (1667) перешел Тюренн. Людовик XIV сам объясняет нам свое поведение по отношению к кальвинистам в начале своего царствования. «С самого 1661 г., — говорит он, — я составил себе план всего моего поведения относительно подданных якобы реформированной религии. Я думал, что лучшим средством постепенно их уничтожить было, во-первых, не подчинять их новым строгостям, соблюдать все, что они получили от моих предшественников, но сверх того им ничего не давать и даже исполнение этого заключить в самые тесные пределы, какие только могут быть дозволены справедливостью и приличием. Что касается до милостей, которые зависят от меня одного, я решился не оказывать им никаких, чтобы заставить их самих и без насилия время от времени подумывать о том, благоразумно ли отказывать себе по доброй воле в тех выгодах, которые у них могли бы быть наравне с другими моими подданными». Но Людовик XIV не удержался на такой точке зрения. Уже в шестидесятых го-

¹ Ср.: *Heppé*. Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche.

² Большая литература: кроме сочинения *Пуарсона* и *Поленца* (см. выше), *Lièvre*. Du rôle que le clergé a joué dans la révocation de l'édit de Nantes. — *Schott*. Die Aufhebung des Edicts von Nantes. — *Puauux et Sabatier*. Études sur la révocation de l'édit de Nantes. — *Reuss*. Louis XIV et l'église protestante de Strassbourg au moment de la révocation de l'édit de Nantes. — *Weiss*. Histoire des réfugiés protestants de France и др.

дах он запретил протестантское богослужение в некоторых местностях (1665), не позволил собрать национальный синод (созывавшийся каждые два года), уничтожил в парламентах так называемые *chambres de l'édit* (1669); вскоре он начал разрушать протестантские церкви в городах, где жили католические епископы, освободил обратившихся в католицизм гугенотов от уплаты долгов их бывшим единоверцам и отсрочил на три года уплату их долгов католикам, изъясл обращенных от налогов на два года, стал даже выдавать премии обращенным (*caisse des conversions*, 1677 г.), понизил до семи лет возраст детей, которые могли переходить по собственной воле в католицизм (1681), после чего ревнители католицизма стали отбирать у гугенотов их детей и отдавать в монастыри; наконец, он запретил протестантам занимать общественные должности, быть адвокатами, нотариусами, врачами, фельдшерами, аптекарями, повивальными бабками, вступать в цехи и т. п. Религиозные права протестантов также стеснялись все больше и больше: их духовенство не могло носить знаков своего звания и собираться на провинциальные синоды; хоронить своих покойников кальвинисты должны были только ночью. В 1684 г. начались драгунские постои (*dragonnades*) в протестантских домах: миссионеры в ботфортах (*missions bottées*) как нельзя лучше делали свое дело, насильно даже крестя детей протестантов в католическую веру. Эти драгоннады продолжались и после того, как Людовик XIV в следующем году формально уничтожил Нантский эдикт (22 окт. 1685 г.): последователям «якобы реформированной религии» (*religion prétendue réformée*) запрещалось собираться даже на домашнее богослужение; их духовным лицам предлагалось или сделаться католиками, или в две недели покинуть королевство под страхом каторги; все остальные отнюдь не смели эмигрировать под страхом каторги и конфискации; правда, им разрешалось тайно исповедовать свою веру, но это было только позволение на словах, и во всяком случае, своих детей они должны были крестить не иначе как в католическую веру. За эдиктом последовали гонения: драгунские постои усилились; эмигрантов ловили, ссылали на галеры, сажали в тюрьмы; монастыри наполнялись детьми протестантов; немало погибло в это время гугенотских духовных лиц, пойманных на территории королевства; молитвенные собрания в разных пустынных местах¹ разгонялись ружейными выстрелами, и бывали случаи отправки на галеры пятнадцатилетних, даже двенадцатилетних мальчиков, захваченных на молитве вместе со своими родителями. Людовика XIV от таких преследований отговаривал его сын, но король находил, что спасение души дороже материального благосостояния и что против недовольных у него есть войско. Зато короля прославлял Боссюэ, называя его новым Константином, новым Феодосием, новым Карлом Великим. Преследование иноверия вызвало сильную эмиграцию: несмотря на все строгости и задержки, около четырехсот тысяч трудо-

¹ *Pelletan E.* Jarousseau, le pasteur du désert. — *Coquerel.* Les églises du désert.

любивых и предприимчивых протестантов покинули страну, чтобы найти приют в протестантских Англии, Голландии и Германии (между прочим, в Бранденбурге), куда они принесли свои знания, свои капиталы, свою промышленность. Гугеноты были слишком малочисленны, чтобы оказывать сопротивление, но тем не менее в самом начале XVIII в. в долинах Севенн преследования протестантов вызвали восстание так называемых «камизаров».

Общим результатом системы Людовика XIV было экономическое разорение Франции¹. Особенно тяжело давало себя знать возрастание налогов, вызывавшее местные вспышки народного недовольствия. Разоренная к концу XVII в. Франция не в силах была поправиться вплоть до самой революции. Бедственное положение провинций было засвидетельствовано официально, когда герцог Бургундский (внук Людовика XIV) пожелал знать состояние страны, над которой ему, по-видимому, суждено было царствовать: по его инициативе интенданты составили описания вверенных им провинций, и собрание этих документов, подтвержденных массой других свидетельств, служит лучшим доказательством того, что около 1700 г. Франция была доведена до последней степени нищеты. Особенно сильно было влияние голода 1709 г., в то время, когда и внешняя политика Людовика XIV терпела страшные поражения в войске за испанское наследство.

Конец царствования Людовика XIV был и временем зарождения оппозиционной литературы. В систему этого короля входило подавление всякой независимой мысли и, наоборот, покровительство такой литературе, которая служила его целям и прославляла его правление. Еще слабо в то время развитая литература сама искала меценатства: до середины XVII в. многие аристократические фамилии оказывали покровительство поэтам и художникам. Людовик XIV сделался главным и единственным меценатом в стране, когда в 1663 г. назначил жалованье (*feuille des pensions*) не только всем наиболее выдающимся французским писателям, но и некоторым очень посредственным авторам, причем в список пенсионеров короля попали даже кое-какие иностранные литераторы и ученые. Многочисленные учреждения, возникшие в Париже на пользу наук и искусств, также содействовали процветанию знаний и художественному развитию². Покровительство вело за собою, однако, самую мелочную опеку, и, например, королевские историографы были прямо стеснены в своих работах даже над далеким прошлым Франции, ибо хвалебный тон должен был распространяться и на предков короля; касаться сколько-нибудь свободно политических вопросов, хотя бы

¹ *Moreau de Jonnès*. État économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. — *Mauguin*. Études historiques sur l'administration de l'agriculture en France. Другие указания см. в моих книгах по истории французских крестьян («Крестьяне и крестьянский вопрос» и «Очерк»).

² Реорганизация Французской академии в 1672 г., Академии «надписей и медалей» (1663), возобновление Академии живописи и скульптуры (1664), Академия наук (1666) и т. п.

и по отношению к давно минувшим временам, было при таком режиме невозможно. Людовик XIV хотел быть законодателем литературного и художественного вкуса, а в области отвлеченной мысли не допускал ничего, что сколько-нибудь сталкивалось с установленными авторитетами. В этом отношении король вполне сходил с Сорбонной: последняя, например, запретила во Франции философию Декарта, а сам Людовик XIV не позволил в 1667 г. произнести похвальное слово покойному философу.

К концу царствования Людовика XIV прежний хвалебный тон литературы начинает сменяться оппозиционным, хотя лишь за границей могли издаваться сочинения, в которых система Людовика XIV подвергалась критике и изображалось бедственное положение Франции. И между людьми, преданными монархии, нашлись такие, которые сочли своим долгом раскрыть глаза Людовику XIV, ослепленному постоянной лестью. В числе таких людей был Фенелон, воспитатель внука Людовика XIV, автор известного «Телемака», написанного в назидание будущему королю Франции: т. к. он косвенно не одобрял политики Людовика XIV, то был отставлен от своей должности. Молва ему приписала, между прочим, анонимное письмо, полученное королем. «Вы, — сказано было там, — родились с сердцем правым, но воспитатели ваши, вместо искусства управлять народом, вложили в вас подозрительность, удаление от добродетели, боязнь перед всякой блестящей заслугой, высокомерие и внимание к одному только вашему интересу... Вся Франция представляет громадную больницу, как бы лишенную необходимых припасов. Народ, который прежде так любил вас, начинает терять привязанность, доверие и даже уважение к вам. Народные волнения становятся часты. Вы поставлены в печальную необходимость или оставлять бунты безнаказанными, или избивать приведенный вами в отчаяние народ, ежедневно погибающий от болезней, последствия голода... Вы вовсе не любите Бога, вы его боитесь, но боитесь рабским страхом: вы боитесь ада, а не Бога. Ваша религия состоит в суевериях, в исполнении мелких обрядов. Вы все относите к себе, как будто бы вы были земным богом». В девятидесятых годах Расин осмелился передать г-же де Ментенон свое мнение о состоянии французских финансов и поплатился за это королевской немилостью. Та же судьба постигла знаменитого маршала Вобана, прославившегося на поприще инженерного искусства. Вобан, укреплявший восточные границы Франции, отлично знал положение народа и решился изложить свой взгляд на причины нищеты, господствовавшей во Франции, в сочинении под заглавием «Королевская десятина» (1707). Этот мемуар имеет большое значение как одно из первых литературных произведений, в которых высказываются мысли физиократического характера¹: сторонник сельского хозяйства, на-

¹ О Вобане поэтому упоминается в историях политической экономии и финансового хозяйства. См., например: *Бржецкий Н.* Податная реформа. Французские теории XVIII столетия. Другим предшественником физиократов был Буагильбер.

ходившегося в пренебрежении во Франции, он в то же время советовал реформировать податную систему посредством замены всех прежних налогов одним, а именно «королевской десятиной» (*dime royale*).

Что касается до заграничной оппозиционной литературы в царствование Людовика XIV, то *главными ее деятелями были эмигрировавшие протестанты*, которые напали на нетерпимый католицизм французского короля и духовенства в целом ряде памфлетов, вместе с тем указывая и на деспотизм королевской власти. Вот названия некоторых из этих сочинений: «Жалобы протестантов, жестоко теснимых во французском королевстве» Клода (Claude), «Права государей в делах веры» Жюрье, автора многих других подобных произведений, между которыми особенно важны «Вздохи поработенной Франции, стремящейся к свободе» (1687), далее «Неотменяемость Нантского эдикта» и «Интерес Франции восстановить Нантский эдикт» Давида Ансильона, который вместе с сыном своим Карлом, историком французских эмигрантов (*refugiés*) в Бранденбурге, защищал наравне с веротерпимостью и политическую свободу. В числе выходцев из Франции был и знаменитый Бэйль, скептический философ, один из родоначальников философии XVIII в., столь критически и оппозиционно относившейся вообще к системе Людовика XIV. Мы коснемся ниже зарождения французской оппозиционной литературы XVIII в. еще при старом короле, хотя настоящее ее развитие относится уже к царствованию Людовика XV, когда вполне выяснился ее антиабсолютистический, антикатолический и антифеодальный характер.

XLIII. Внешняя политика Людовика XIV¹

Войны и территориальные присоединения Людовика XIV. — Испанское наследство и противодействие Голландии и Англии видам Франции. — Политическая роль Голландии в эту эпоху. — Вильгельм Оранский и вторая английская революция. — Третья война Людовика XIV. — Империя и Австрия при Людовике XIV и его самовольные поступки. — Неудачи Франции во время войны за испанское наследство. — Общий характер внешней политики Людовика XIV.

Выше было уже обозначено, почему мы не будем долго останавливаться на внешней политике Людовика XIV, которой, однако, все-таки должны коснуться, т. к. она весьма характерна для этого короля и для международного положения Франции во второй половине XVII и начале XVIII в., и т. к. в связи с этой политикой только и может быть понято все значение второй английской революции, совершившейся, заметим кстати, через три года после уничтожения во Франции Нантского эдикта. В царствование Людовика XIV до начала его единодержавия Франция приобрела по Вестфальскому миру чересполосный Эльзас, отделенный от нее Лотарингией с вкрапленными в нее французскими территориями Меца, Туля и Вердена, но без Страсбурга и других местностей, которые остались за империей, а по Пиренейскому миру получила от Испании Руссильон, Аррас и большую часть Артуа, причем и здесь была чересполосица. Кроме того, у Англии Людовик XIV купил в 1662 г. Дюнкирхен. Затем уже с начала самостоятельного своего правления он вел четыре войны в 1667–1668, 1672–1679, 1688–1697 и 1701–1713 гг., что в общей сложности составляет более двадцати лет войны на пятидесятичетырехлетнее царствование. Результатом этих войн и самовольных захватов Людовика XIV в промежуток между второй и третьей войнами было некоторое расширение французской территории с уменьшением чересполосицы, существовавшей раньше. Испания и Священная Римская империя были слишком слабы, чтобы сопротивляться с успехом стремлению Людовика XIV к «округ-

---

¹ О внешней политике Людовика XIV большая литература. *Laurent*. La politique royale. — *Valfrey*. La diplomatie française au XVII siècle. — *Mignet*. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV. — *Scheichl*. Leopold I und die österreichische Politik während des Devolutionskrieges. — *Peter H.* Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich. — *Legrelle*. Louis XIV et Strasbourg. — *Fester F.* Die armierten Stände und die Reichskriegsverfassung. — *De Pié-pape*. Hist. de la réunion de la Franche-Comté à la France. — *Neuhaus*. Der Friede von Ryswyk. — *Reynald*. Louis XIV et Guillaume III. — Главное сочинение по истории войны за испанское наследство *Noorden'a* (Europ. Geschichte im XVIII Jahrhundert). — *Hippeau*. Avènement des Bourbons au trône d'Espagne. — *Gaedeke*. Die Politik Oesterreichs in der spanischen Erbfolgefrage. — *Landau M.* Kaiser Karl VI, als König von Spanien. — *Ego же*. Rom, Wien und Neapel während des spanischen Erbfolgekrieges. — *Courcy*. La coalition de 1701 contre la France. — *Гуревич Л. Г.* Война за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. — *Трачевский А. С.* Международная политика в эпоху Людовика XIV (Ж. М. Н. Пр., 1888, янв. и февр.).

лению» восточных границ Франции, и по всем мирным договорам, которыми оканчивались указанные войны, что-либо прирезывалось к французской территории от одного из этих государств. Ахенский мир (1668) утвердил за Францией со стороны испанских Нидерландов несколько городов (Дуэ, Турнэ, Лилль и др.), Нимвегенский (1679) — еще несколько пунктов с той же стороны (Камбрэ, Валансьен) и целую область — Франш-Конте, после чего Людовик XIV самовольно присоединил несколько эльзасских местностей, остававшихся за империей, и захватил Страсбург (1681), что было подтверждено Рисвикским миром (1697), и, наконец, трактат Утрехтский (1713) дал Франции власть над значительной частью Фландрии и над многими областями, считавшимися дотеле за империей. В общем, та граница, какой Франция достигла на северо-востоке, совпадает с теперешней бельгийско-французской границей, но на востоке присоединение Франш-Конте и Страсбурга далеко не уничтожало чересполосицы, главным образом благодаря тому, что Людовику XIV не удалось приобрести Лотарингию¹. То, что Франция присоединяла к своей территории земли, которые с ней соприкасались и потом сливались, было одною из выгод ее географического положения и исторического роста, особенно по сравнению с Испанской монархией, владения которой были страшно разбросаны и не составляли одного органического целого.

Франция, находившаяся в постоянном соперничестве с Испанией и имевшая виды на ее земли, которые для нее были весьма сподручны, не могла не воспользоваться ослаблением этой монархии для того, чтобы сделать от нее кое-какие приобретения. В 1640 г. от Испании отделилась Португалия, а через восемь лет сделал попытку отложиться и Неаполь (восстание Мазаньелло): монархия Карла V и Филиппа II видимо разлагалась. Людовик XIV был женат на Марии-Терезии, дочери Филиппа IV, отказавшейся от всех прав на испанские владения, но это не помешало Людовику XIV предъявить притязание на испанские Нидерланды по смерти своего тестя: он ссылался на существовавшее в некоторых местностях Бельгии «деволюционное право», по которому дети от второго брака не были наследниками при существовании детей от первого брака, а Мария Терезия была как раз дочерью от первой жены Филиппа IV, тогда как наследовавший ему Карл II (1665—1706) был сыном от второй жены. Отсюда и получила свое название первая война Людовика XIV как «деволюционная». Таким образом, уже в середине шестидесятых годов XVII в. был поставлен Людовиком XIV вопрос об испанском наследстве, который во всем объеме должен был решаться через сорок лет по смерти бездетного Карла II, завещавшего свой престол внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. Притязания французского короля на испанские владения должны были встретить сильный отпор со стороны Голландии и Англии, которые и в отношениях религиозном

¹ Эльзас после присоединения Франш-Конте слился с французской территорией посредством узкой полосы земли, но только приобретение Лотарингии при Людовике XV округлило с этой стороны французскую границу.

и политическом, как страны протестантские и со свободными учреждениями, резко столкнулись с католическими и деспотическими стремлениями Людовика XIV. Уже первое заявление им прав на Бельгию заставило Голландию и Англию соединиться между собою для того, чтобы не допустить Францию захватить страну, из которой эта держава могла угрожать первой из них и вредить торговым интересам второй. К этим двум государствам присоединилась Швеция как блюстительница вестфальских трактатов, и образовавшийся таким образом «тройственный союз» помешал Людовику XIV в его планах. Еще более и Голландия и Англия должны были воспротивиться переходу всей Испанской монархии с ее колониями во французские руки, ибо вся иностранная торговля как европейских, так и внеевропейских частей монархии велась голландцами и англичанами. В 1698—1700 гг. Франция, Голландия и Англия думали было даже разделить наследство между разными на него претендентами, но Людовик XIV в конце концов устроил дело так, что все свои владения Карл II завещал его внуку Филиппу Анжуйскому, и тогда Голландия с Англией стали на сторону Австрии, претендовавшей на Испанскую монархию в пользу одного из своих эрцгерцогов (впоследствии императора Карла VI).

Захват Бельгии и переход всей испанской монархии к внуку Людовика XIV грозили политической независимости и коммерческим интересам Голландии. Людовик XIV был страшно раздражен против этой республики за то, что она помешала его «деволюционным» притязаниям, но тут еще подействовало и другое обстоятельство: в 1667 г. Кольбер издал крайне стеснительный для голландской торговли тариф, на что республика ответила исключением французских товаров из своих рынков. После Ахенского мира Людовику XIV удалось отвлечь от союза с Голландией и Швецию, и Англию, — последнюю потому, что между ней и Голландией существовало старое торговое соперничество, да и восстановленные Стюарты тяготели к Людовику XIV. Началась вторая война этого короля — против Голландии, на сторону которой стал курфюрст Бранденбургский, но Франции пришлось скоро иметь против себя и обе габсбургские державы, от одной из которых Людовик XIV, впрочем, по миру, окончившему эту войну (Нимвегенскому), получил Франш-Конте. Для внутренней истории Голландии война имела то значение, что вызвала политический переворот, низвергнувший аристократическую партию и поставивший во главе республики Вильгельма Оранского. Этот государственный человек и сделался главным политическим противником Людовика XIV. В голландской войне французскому королю пришлось бороться с половиной Европы, но в конце концов он вышел из борьбы победителем и, как было сказано, со значительным приращением территории все на счет той же Испании. В восьмидесятих годах поэтому он начал совершенно бесцеремонно среди глубокого мира присоединять к своим владениям пограничные местности, рассчитывая на безнаказанность при розни, существовавшей между его противниками. Это заставило Вильгельма Оранского заняться организацией тайного оборони-

тельного союза против Людовика XIV: в 1686 г. ему удалось заключить Аугсбургскую лигу, к которой примкнули Австрия, Бавария, Бранденбург, Испания, Швеция, Савойя, кроме, конечно, Голландии, т. е. то была громадная коалиция против завоевательных стремлений Людовика XIV, и душой коалиции был Вильгельм Оранский. Последнему было весьма важно иметь на своей стороне и Англию, но в этой стране царствовал (с 1685) Иаков II, католик и клеврет Людовика XIV: вторая английская революция, совершившаяся при помощи Вильгельма Оранского и возведшая его самого на трон Англии под именем Вильгельма III, решила вопрос о том, на чью сторону должна была стать Англия в готовившейся грандиозной борьбе. Между тем Людовик XIV предъявил притязание на открывшееся наследство в пфальцских землях на том основании, что сестра последнего курфюрста была замужем за братом французского короля, герцогом Орлеанским, и, кроме того, хотел навязать в кельнские архиепископы своего кандидата. Он сделал тогда нападение на Пфальц и завладел почти всем Рейном от Базеля до Голландии, но устроенная Вильгельмом III коалиция заставила его оттуда удалиться, так что французы только успели разорить занятую ими на время страну. По Рисвикскому миру Людовик XIV даже был вынужден вернуть многие сделанные им в этой третьей войне завоевания, дать Голландии некоторые торговые выгоды и признать Вильгельма III английским королем. Он даже вынужден был вступить с ним в переговоры по поводу открывавшегося испанского наследства: планом нового английского короля было разделить это наследство между французским и австрийским претендентами, чтобы целиком оно не досталось ни тому, ни другому, и вместе с тем он думал выговорить торговые выгоды для Голландии и Англии. Мы видели, что Людовик XIV захотел, однако, получить для своего внука все наследство, и Вильгельм III, правда, умерший в самом начале новой войны (1702), опять явился главным противником французского короля.

Таковы были взаимные отношения Франции, Испании, Голландии и Англии при Людовике XIV. Рассмотрим его отношения к империи и к стоявшей во главе ее Австрии.

Только крайнее ослабление Германии, бывшее результатом Тридцатилетней войны, позволило Людовику XIV рассчитывать на безнаказанность захватов на французско-немецкой границе. По Вестфальскому миру немецкие князья получили право заключать союзы с иностранными государствами и некоторые из них воспользовались этим правом, вступив в союз с Людовиком XIV. В план французского короля входило расширение пределов своего государства на счет Германии: отсюда его захваты, о которых мы будем еще говорить, отсюда же нападение его на Пфальц, вызвавшее третью войну. Людовик XIV мечтал еще при благоприятных обстоятельствах приобрести императорскую корону, считая себя истинным наследником Карла Великого. Понятное дело, что такие стремления Франции должны были встретить отпор со стороны Австрии. Она заняла враждебную позицию уже со времени

второй войны, когда и курфюрст Бранденбургский отчасти из неприязни к союзной с Людовиком XIV Швеции, отчасти по религиозным побуждениям также выступил против Франции, но после второй войны самой Австрии угрожали турки, сделавшие, как известно, в 1683 г. нападение на самую Вену. В третьей войне против Людовика XIV Австрия снова принимала участие, но еще более столкнулись интересы обеих сторон, когда открылось испанское наследство. На последнее заявил именно притязание и император Леопольд для своего младшего сына Карла, и таким образом в войне, начавшейся в 1701 г., опять Франция и Австрия принадлежали к противоположным лагерям. Известно, что, когда австрийский претендент сам сделался императором (1711), противники Людовика XIV не захотели допустить прямого соединения Испанской монархии с Австрией, и дело кончилось тем, что по Утрехтскому миру (1713) наследство было поделено таким образом: Филипп Анжуйский, отказавшийся за себя и за свое потомство от прав на французскую корону, получил Испанию с ее колониями, а Бельгия и итальянские владения (Милан, Неаполь и Сардиния, вскоре затем вымененная на Сицилию) отошли к Австрии.

Наибольшего могущества достиг Людовик XIV в период времени между Нимвегенским миром и началом третьей войны. Образование против него аугсбургской коализации (1686) и вторая английская революция (1688—1689) были первым сильным ударом его стремлениям: это совпало и с началом внутреннего упадка страны после смерти Кольбера (1683) и отмены Нантского эдикта (1685). Уже настоящее поражение понес Людовик XIV в войне за испанское наследство, когда и внутри Франция была доведена до крайней степени разорения и уже начиналось в ней оппозиционное направление, играющее столь важную роль в истории XVIII в.

После Нимвегенского мира Людовик XIV, действительно, был на вершине своей славы. Он был теперь объявлен Великим (Louis le Grand), и мог думать, что для исполнения его желаний не должно существовать никаких препятствий. Тогда именно он и стал совершенно самовластно распоряжаться в Европе. Поплатилась Германия, князья которой притом соперничали между собою и заискивали у Франции. Людовик XIV заявил притязания на все местности, которые когда-либо принадлежали землям, приобретенным Францией по мирам Вестфальскому и Нимвегенскому, но вместо того, чтобы решать спорные вопросы путем дипломатическим, он учредил особые воссоединительные палаты (*chambres de réunion*) для разыскания прав французского короля на те или другие местности. Понятно, что эти палаты приговаривали в его пользу все, что сам он считал своим в Эльзасе, в Лотарингии, в Люксембурге и в других пограничных местностях, хотя бы то были самые незначительные клочки земли. У Трирского архиепископа были отняты три местности на том основании, что они были отданы этому архиепископству Пепином Коротким, удержавшим в государственном акте вер-

ховные свои права над ними. Из захватов этого времени особенно важным для Франции приобретением был имперский город Страсбург. Людовик XIV распоряжался и в Италии, где им была приобретена крепость Казале у герцога Мантуанского. Герцог Савойский был женат на племяннице Людовика XIV, и потому последний смотрел на его владение как на зависящее от Франции. Генуя вздумала не подчиняться требованию Людовика XIV, не желавшего, чтобы она увеличивала свой флот, и вот она подверглась за это бомбардировке и для умиловления прогневанного короля должна была отправить в Версаль посольство, во главе которого стоял сам дож.

Совсем иным было международное положение Франции в начале XVIII в. После Рисвикского мира и назначения Филиппа Анжуйского королем Испании Людовик XIV снова вообразил себя хозяином Европы. После того как внук его занял испанский престол под именем Филиппа V, считая себя лишь первым министром деда, последний решился объявить его своим преемником и на французском престоле, если бы прекратилось потомство его старшего сына. По-видимому, не должно было существовать Пиренеев (известное восклицание: «нет больше Пиренеев»), и Людовик XIV снова хотел доказать, что старые границы Франции могут быть расширены, захватив бельгийские города, которые по Рисвикскому миру должны были служить «барьером» против Франции. Вместе с этим он провозгласил сына Иакова II, Иакова III, королем Англии и запретил ввоз во Францию английских и голландских товаров. Начавшаяся после этого война была весьма бедственной для французов, т. к. английский министр герцог Мальборо и принц Евгений Савойский, ненавидевший Людовика XIV, и другие полководцы союзников разбивали их на всех театрах войны — и в Бельгии, и на Рейне, и в Италии, и на Пиренейском полуострове. Уже в начале войны дела Франции были так плохи, что Людовик XIV должен был просить мира, но ему были предложены условия, на которые он никак не мог согласиться, а именно между прочим предложено было ему собственными войсками выгнать из Испании Филиппа V. Только смерть императора Иосифа I и превращение австрийского претендента на испанский престол в римского императора да недовольство англичан, тяготившихся войной, — что вызвало падение министерства Мальборо, — спасли Людовика XIV от продолжения тягостной для Франции борьбы: его противники не желали соединения Испанской монархии с Австрией под скипетром Карла VI, т. к. это возвратило бы Западную Европу к временам Карла V, а новое английское правительство, сменившее Мальборо, было более расположено к Людовику XIV и стало изменять своим союзникам.

Рассматривая внешнюю политику Франции в царствование Людовика XIV, мы имеем право видеть в ней продолжение старой борьбы французской династии с Габсбургами, осложненное стремлением французского короля к округлению восточной границы своего государства (действительно

требовавшей исправления) и влиянием торговых интересов, которые в эту эпоху играли уже очень значительную роль в международных отношениях, но нельзя вместе с тем не принимать в расчет и личного властолюбия Людовика XIV. Как король французский, он считал себя преемником франкского короля Карла Великого, сделавшегося римским императором, и стремился к первенству в Европе. Наемные публицисты доказывали его права на такие страны, которые никогда не были под властью французских королей, — и проводили ту мысль, что он, абсолютный и наследственный король, выше императора, избираемого князьями и ограниченного в своей власти. Людовик XIV не прочь сам был быть избранным в императоры, но, к несчастью своему, был в войне с империей, когда скончался Леопольд I. Членов своей династии он охотно видел бы на престолах Испании и Польши. Одно время, казалось, Англия должна была навеки войти в сферу его влияния, ибо два последние Стюарта, особенно Иаков II, более или менее явно ему симпатизировали и ждали от него поддержки в своих политических замыслах относительно внутренних дел самой Англии. Людовик XIV стремился к первенству даже в мелочах: Англия в первую половину его царствования обязалась, чтобы ее корабли, при встрече с французскими первые салютовали их установленным порядком; Испания должна была уступить равным образом первенство французским послам на разных торжественных собраниях; однажды Людовик XIV протестовал против того, что во время войны с турками император Леопольд I назвал себя главой христианского мира. Одним словом, *Людовик XIV со своею системой внутренней политики, заключавшейся в абсолютизме и в поддержке феодальных привилегий дворянства наряду с властью католического клира над духовной жизнью народа, соединял еще стремление к всемирной монархии в области политики внешней.* Ему поэтому были ненавистны страны, которые не только противодействовали его политическим планам, но и были представительницами принципов, противоположных его идеям, а такими странами были Голландия и Англия, — вторая из этих стран после революции 1688 г., обеспечившей в ней политическую и религиозную свободу. Эти два государства стояли поперек дороги Людовика XIV не только потому, что препятствовали его завоевательным планам и вредили торговым интересам Франции, но и потому, что в них было свободное политическое устройство, господствовал протестантизм, развивалась религиозная свобода и были в упадке феодальные традиции. Голландия притом помогла Англии совершить вторую ее революцию, которая получила значение события общеевропейского не только потому, что после этого Англия присоединилась к большой коализации против Франции, но и потому, что она была торжеством принципов, достигших в XVIII в. большого влияния и на культурно-социальную жизнь материка. Вот почему можно сказать, что 1688 г. был годом, когда системе Людовика XIV нанесен был особенно страшный удар.

XLIV. Реставрация Стюартов¹

Значение английской истории во второй половине XVII в. — Королевская и парламентская партии в эпоху Реставрации. — Реакция в Англии. — Стремления и поведение Карла II и Иакова II. — Реакционное настроение нации и шансы абсолютизма в эпоху Реставрации. — Англиканизм и Реставрация. — Парламентская борьба при Карле II. — Test-act и habeas corpus act. — Вопрос о престолонаследии и возникновение партии ториев и вигов. — Реакция в конце царствования Карла II. — Царствование Иакова II.

Приступая к изложению истории Франции и Англии в XVII в., мы указали на то, что на этих двух странах мы знакомимся с двумя политическими противоположностями исторической жизни Запада в указанную эпоху². К такому заявлению можно еще прибавить, что та же противоположность продолжает существовать и в XVIII в. вплоть до начала французской революции и что даже вполне и с особой силой она проявляется именно в прошлом столетии, потому что лишь уничтожение Людовиком XIV Нантского эдикта, с одной стороны, завершило систему французского абсолютизма, и лишь вторая революция, с другой стороны, окончательно упрочила в Англии политическую и религиозную свободу, а оба эти события, т. е. и отмена Нантского эдикта, и вторая английская революция, совершились в самом конце XVII в. Мы указывали также на то, что переворот 1689 г. наносил сильный удар политике Людовика XIV, сделав из Англии врага Франции в двух последних войнах этого короля, но и в другом отношении вторая революция получила значение важного факта в истории вообще Западной Европы: низложение Иакова II и возведение на английский престол Вильгельма III обеспечило в Англии существование конституционной монархии, окончательно развившей в XVIII в. свои учреждения путем внесения в них новых начал и сделавшейся впоследствии целью политических стремлений в континентальных странах, а вместе с этим установилась в Англии умственная свобода, благодаря которой здесь возникла философская и политическая

¹ По истории Карла II и Иакова II и второй революции в Англии см., кроме общих историй Англии, сочинения, указанные в главе XXXII (*Маколей, Ранке* и др.), а также: *Арман Карпель*. История контрреволюции в Англии (*Carrel Armand. Histoire de la contre-révolution en Angleterre*, 1827). — *Amos*. The english constitution in the reign of Charles II. — *Klopp O.* Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritannien und Irland. В этой и следующей главах внутренняя история Англии доведена до 1689 г., а о последствиях второй революции говорится в томе «Восемнадцатый век и Французская революция» (гл. V: английский парламент в XVIII в., гл. VI: личная и общественная свобода в XVIII в., гл. VII: аристократия и буржуазия в XVIII в.).

² Такое представление положено нами в основу сделанного в указанном томе изображения политического быта Франции и Англии в XVIII в.

литература, которой в XVIII в. суждено было оказать сильное влияние на мысль передовых наций материка и прежде всего самой же Франции, где в конце царствования Людовика XIV уже зародилось оппозиционное направление, представлявшее удобную почву для принятия английских идей. С такой точки зрения мы и рассмотрим теперь все, что представляет наибольший интерес в английской истории во второй половине XVII в., а именно *продолжение борьбы с королевской властью за свободу в эпоху Реставрации Стюартов и торжество свободы, благодаря второй революции*, с одной стороны, а с другой — развитие деизма и свободных политических идей.

Когда в 1640 г. собрался Долгий парламент, в нем не было никаких разногласий относительно той правительственной системы, какой держался Карл I в предыдущие одиннадцать лет: партии кавалеров и круглоголовых образовались несколько позднее, причем главный вопрос, их разделивший, касался новых гарантий для парламента, которых желала одна партия и которые другая, наоборот, находила излишними. Междоусобие, начавшееся в 1642 г., выдвинуло вперед третью политическую силу, доставившую круглоголовым победу над кавалерами, но в то же время установившую в Англии республику: известно, что в период борьбы между пресвитерианским парламентом и индипендентской армией, предшествовавший казни короля и провозглашению республики, круглоголовые готовы были идти на всякие уступки со своей стороны, лишь бы достигнуть примирения с королем и вырвать тем самым из рук индипендентского войска ту власть, находившуюся фактически в его руках, но им не удалось достигнуть своей цели. Если, однако, пресвитериане не сумели или не смогли помешать низвержению монархии, то и республика; бывшая делом весьма незначительного меньшинства нации и вынужденная опираться на военную силу, не имела прочной будущности, т. к. была лишена твердой опоры в стране и вызывала против себя нерасположение одинаково в обеих больших партиях, на которые разделились правящие классы в Англии. Реставрация Стюартов в 1660 г. была не только вообще победой конституционной монархии над республикой, но и победой, в частности, кавалеров над круглоголовыми, ибо *Карл II был восстановлен на престоле Англии без каких бы то ни было гарантий*, каких пресвитериане добивались у его отца. О восстановленных Стюартах позволительно сказать то же самое, что полутора веками позже сказано было о возвратившихся во Францию Бурбонах: в изгнании они ничего не позабыли и ничему не научились. Но и английская нация не желала поступиться теми правами, за сохранение которых боролась с Иаковом I и Карлом I. Поэтому Реставрация в истории Англии была эпохой возобновления борьбы между королевской властью и парламентом. Полная неудача республиканской и демократической попыток и восстановление старого строя заставили индипендентов и левеллеров совершенно ступешаться с арены политической жизни, и взаимные отношения находившихся между собой в борьбе сил

были теперь приблизительно такие же, как в момент начала разлада между кавалерами и круглоголовыми: в царствование Карла II прежний антагонизм возродился именно в образовании двух парламентских партий (ториев и вигов), ставших в неодинаковые отношения к королевской прерогативе. Этим партиям суждено было впоследствии находиться в постоянном антагонизме, но был момент, когда обе они как бы действовали опять за одно, как и в 1640 г., в защиту политической свободы, когда ей снова угрожала серьезная опасность: это было в 1688—1689 гг., когда произошла вторая революция, лишившая Стюартов престола. Но на этот раз осуществились уже стремления парламентской партии, ибо призванный на престол штатгальтер голландский должен был дать новые гарантии того, что впредь на права парламента не будет делаться покушений, хотя этим гарантиям было еще далеко до известных требований 1642 г. Что касается до республиканских и демократических элементов, игравших такую видную роль в истории сороковых и пятидесятих годов XVII в., то в новом перевороте они не принимали участия, и, между прочим, как раз боязнь правящих классов перед новым выступлением этих элементов заставила роялистов не оказывать сопротивления их противникам, когда последние решили отнять власть у царствующего монарха и обставить права его преемника новыми гарантиями неприкосновенности привилегий парламента. Таков был смысл революции 1688 г. во внутренней английской истории.

После междоусобной войны и военного деспотизма, продолжавшихся около двадцати лет, возвращение Стюартов, сопровождавшееся восстановлением старой конституции, казалось громадному большинству англичан началом эпохи мира и свободы, тем более что Карл II обещал всеобщую амнистию, исключив из нее лишь тех, кого найдет нужным изъять сам парламент, обещал и свободу совести, и справедливый разбор в парламенте вопроса об отчужденных и приобретенных в революцию имуществах. Хотя некоторые пресвитериане и указывали в парламенте на необходимость определения меры предоставляемой королю власти, но большинство не желало этого, довольствуясь сделанными Карлом II обещаниями. Парламент исключил вместе с тем из амнистии оставшихся в живых «цареубийц» и вместе с ними, например, Генри Вена, которые и были преданы казни, а также подверг разного рода взысканиям множество других лиц, так или иначе выдвинувшихся в эпоху революции и республики. У людей, приобретавших секуляризованные и конфискованные имения, последние отбирались без всякого вознаграждения. Наконец, королю вотированы были весьма значительные суммы. Это была реакция со стороны партии, понесшей сначала поражение, но в конце концов победившей. Происходила и другая реакция — против сурового пуританского режима, не смогшего окончательно задуть настроение «старой веселой Англии, и во главе этой реакции стал сам король, блестящий весельчак, любитель развлечений и удовольствий, довольно беспечный на-

счет требований морали и каких бы то ни было убеждений, бывший, одним словом, полной противоположностью пуританизма. Но в этой-то самой беспринципности короля, в его нравственной распушенности, в его чрезмерной погоне за наслаждениями и заключалась одна из тех бед, какие он принес с собой в Англию. Другой бедой было то, что, подобно отцу и деду, он был совершенно чужд национальному духу англичан: воспоминания молодости не могли внушить ему привязанности к родине, и жизнь на чужбине, в изгнании, в среде, проникнутой совсем другими идеями и стремлениями, нежели имевшие силу в Англии, еще более делала его чуждым традициям и интересам народа, возвратившего его на престол. Между прочим, в нем возродились притязания его отца и деда на абсолютную власть. Правда, он не решался открыто нападать на привилегии парламента, но он пользовался всеми зависевшими от него средствами, чтобы обратить эти привилегии в ничто. Продолжительность депутатских полномочий зависела, например, исключительно от усмотрения короля, и Карл II не распускал первый свой парламент в течение 18 лет, хотя этот парламент уже и не соответствовал в конце своего существования тогдашнему настроению избирателей, а вместе с тем Карл II всегда мог воспользоваться, когда находил нужным, своим правом, чтобы отсрочить парламентскую сессию, так что палаты иногда собирались лишь для того, чтобы разойтись. Вопреки трехгодичному акту Долгого парламента, утвержденному Карлом I, король с 1681 по 1685 г. совсем не созывал парламента. Создание новых бургов, официальные кандидатуры на выборах, подкуп членов нижней палаты были также средствами, которыми пользовался Карл II, желая поработить национальное представительство. Через парламента он старался, далее, проводить постановления, в частных случаях расширявшие власть и значение правительственных лиц, и широко применял свою диспенсивную и суспендивную власть, в силу которой делал изъятия из законов или приостанавливал их действие. Министров, совершавших противоконституционные проступки, он брал под защиту, прикрывая их своим авторитетом или прибегая, в случае судебного их преследования, к своему праву помилования. В самом же начале своего царствования Карл II стал, кроме того, сближаться с Людовиком XIV, которому продал Дюнкирхен, чтобы растратить затем значительную часть вырученной суммы на свои удовольствия: потом французский и английский короли вошли даже в тайное соглашение, которое было направлено против Англиканской Церкви, парламента и Голландской республики, причем Карл II за свое содействие планам Людовика XIV и ради того, чтобы иметь деньги, не прибегая к созыву парламента, начал получать от французского короля большую денежную пенсию, которая шла туда же, куда тратились и суммы, вотиновавшиеся парламентом, т. е. на любовниц и на разгульную жизнь. С Карлом II приехал в Англию и его младший брат, герцог Йоркский. Он за неимением у короля законного потомства должен был после него царствовать, и вот наследник престола, стоявший, кроме того, во главе

английского флота с титулом генерал-адмирала, открыто переходит в католицизм, который для англичан со времен Марии Кровавой и борьбы с Филиппом II был как бы синонимом измены национальной независимости и политической свободе. Герцог Йоркский еще ближе, чем его брат, входил в планы Людовика XIV, ибо у него со стремлением к абсолютизму соединялся еще католический фанатизм, с желанием подавить политическую свободу — надежда на возможность восстановления в Англии Римской Церкви. В последние годы своего царствования Карл II даже подпал под влияние своего брата, и воцарение его в том самом году, когда Людовик XIV уничтожал Нантский эдикт, должно было казаться особенно опасным английским патриотам, тем более что герцог Йоркский, сделавшись королем под именем Иакова II, вполне унаследовал от своего брата его политику по отношению к парламенту. Тем не менее роялистические чувства были так сильны, — а еще сильнее был страх перед новой революцией, — что большинство в правящих классах не только переносило все, что ни делалось Карлом II, его министрами и братом, но даже *становилось на сторону правительства, чтобы противодействовать такой оппозиции, из которой могли бы выйти новые замешательства, новая революция*, надеясь именно, что по смерти обоих братьев престол перейдет к одной из дочерей второго брата, Марии, жене Вильгельма Оранского, или Анне, бывшей замужем также за протестантским принцем (Георгом Датским): опасности, грозившие свободе и религии англичан, казались этому большинству временными, преходящими, и лишь тогда, когда оно стало опасаться, что ошибется в своих расчетах, оно дало совершиться второму падению Стюартов. В таком настроении большинства проявлялся, впрочем, не один страх перед новой революцией, но и уверенность в жизненной силе старых учреждений, в том, что они благополучно выйдут из переживавшегося кризиса. Для такой надежды основание действительно было, потому что сила вещей все-таки давала себя знать. Уже одно то, что, вместо открытого нападения на самый принцип народного представительства, Карл II в течение своего двадцатипятилетнего царствования вел против него скорее глухую борьбу отдельными и разрозненными мерами, свидетельствовало о перемене к лучшему сравнительно со временами Иакова I и Карла I, хотя реакционное настроение нации, по-видимому, должно было бы благоприятствовать более смелой и принципиальной борьбе. Мало того: Карлу II не раз приходилось подчиняться нехотя тому, чего требовали парламент и общественное мнение, участвовать в борьбе с Людовиком XIV, отказываться от министров, возбуждавших неудовольствие палат, давать свое согласие на статуты, бывшие лично ему крайне антипатичными, каков, например, знаменитый Habeas corpus act, создавший прочные гарантии для личной неприкосновенности английских подданных и т. п. Можно даже сказать, что частные успехи, которые, по-видимому, делал в Англии произвольный режим в царствование Карла II, *совсем не гармонировали с общим характером тех отношений, какие упрочивались между королем*

и палатами, как это доказывается всей парламентской историей Реставрации: открытого нападения на право вотиrowания налогов более не делается; законодательная инициатива членов парламента окончательно упрочивается в эту эпоху; королю приходится считаться с парламентом и в делах внешней политики; происходит не один раз смещение министров по желанию палат; намечается будущий конституционный бюджет, когда субсидии начинают вотиrowаться прямо на определенные цели. Одним словом, *шансы абсолютизма нисколько не возросли в Англии в эту реакционную пору ее истории*, если уже при самых, по-видимому, неблагоприятных для свободы условиях парламент продолжал не только удерживать свою позицию, но даже самой силой вещей приводиться к тому, чтобы расширять свои прежние права. Реакционное настроение, порожденное революционной бурей сороковых и пятидесятих годов, во многом, конечно, способствовало произвольной политике Карла II и Иакова II, но оно, в общем, не заходило так далеко, чтобы сделаться почвой, на которой мог бы вырасти в Англии абсолютизм. Роялисты, выводившие из божественного права королей их безответственность перед подданными и требовавшие со стороны последних беспрекословного повиновения властям, отнюдь не думали выводить отсюда необходимость уничтожения парламента: если крайние теоретики божественного права и становились на точку зрения абсолютизма, то вся партия отстаивала лишь королевскую прерогативу, не думая уничтожать парламент, вооружаясь лишь против его притязаний на ограничение этой прерогативы. Конечно, логические выводы из посылок политической теории кавалеров и сменивших их ториев могли и должны были бы делаться другие, именно в духе притязаний Стюартов; но в данном случае мы лишь имеем дело с такой непоследовательностью, какую обнаруживали раньше в теориях и поведении круглоголовых и индепендентов. Роялисты (и тории) не были абсолютистами, как круглоголовые (виги) не были республиканцами: и те, и другие были сторонники конституционной монархии и только различным образом понимали взаимные отношения королевской прерогативы и парламентских привилегий, заимствуя свои аргументы из противоположных теорий — божественного права королей и народовластия, а потому они умели между собой соединяться, если что-либо прямо грозило именно конституционной монархии, как то было в 1640 г., когда еще не произошло разделение на партии, и в 1660 г., когда под знаменем роялизма республику сменяла конституционная монархия, и в 1688—1689 гг., когда, наоборот, вопреки роялистическим принципам новая революция спасала эту конституционную монархию от превращения в монархию абсолютную. Если для Страффорда могла служить образцом система Ришелье, то для двух последних Стюартов таким образцом была система Людовика XIV, а мы знаем, что между этими двумя образцами была разница. Континентальный абсолютизм в борьбе с аристократическими классами опирался на народные массы; выступление их на сцену политической истории в Англии указывало на то, что если бы они еще раз появились на этой сцене,

чтобы низвергнуть конституционную монархию, то произошло бы это уже никак не в пользу абсолютизма, ибо традиция политической свободы не была совсем чужда и тем общественным классам, которые вообще не играли выдающейся роли к государственной жизни Англии. Главной защитницей парламента была, конечно, джентри, заключающая в себе около 340 тыс. человек; но если из нее преимущественно вербовались члены нижней палаты, то избирательными правами, обусловленными известным цензом¹, пользовалась в Англии целая почти половина ее тогдашнего населения, именно около 2,5 из 5,5 млн.

Столь же безуспешным предприятием, как введение абсолютизма, должен был быть и план обращения Англии в католицизм. Религиозное состояние населения в эту эпоху представляется нам в следующем виде. Во-первых, несмотря на всю ту роль, какую пуританизм играл в истории сороковых и пятидесятих годов, он имел среди своих последователей лишь меньшинство населения страны, хотя весьма зажиточное, наиболее развитое и очень энергичное: можно допустить для всех пуритан цифру в 300 тыс. человек, среди которых лишь около 20 тыс. приходилось на чистых пресвитериан. Что касается до массы населения, то она оставалась верной умеренному англиканизму, давно сделавшемуся национальным вероисповеданием страны. Реставрация Стюартов сопровождалась восстановлением англиканизма как государственной религии со всеми последствиями акта об единообразии, и в англиканском духовенстве Карл II нашел одну из самых надежных опор для своего трона, т. к. именно в клире «высокой Церкви» было особенно много сторонников монархической идеи. Покушаться на англиканизм значило поэтому подрывать одну из основ собственной власти, лишать реставрацию одной из наиболее прочных ее опор. Правда, в Англии существовала горсть папистов, но это, действительно, была только горсть — каких-нибудь 25, много 30 тыс., так что католическая партия, во главе которой стоял Иаков II, еще будучи герцогом Йоркским, могла, конечно, рассчитывать не столько на силы своих приверженцев в стране, по-видимому, самой партией все-таки преувеличивавшихся, сколько на силы правительства, на содействие иезуитов и на помощь Людовика XIV. *Своим сочувствием к католицизму Стюарты оттолкнули от себя самую консервативную силу в стране — англиканское духовенство.* Одним словом, роялизм и англиканизм, побежденные пуританской революцией, видели в Реставрации законной династии торжество своего дела, но Реставрация стала как раз угрожать обоим своим опорам, проявив стремление к абсолютизму и симпатии к католицизму и став в подчиненное положение относительно главного представителя этих двух принципов — Людовика XIV: спасти конституционную монархию, Англиканскую Церковь и национальную независимость оказалось возможным лишь при помощи новой револю-

¹ Годовой доход в 40 шиллингов. Очерк социального строя Англии в это время читатель может найти в статье А. Аммона «Политическая жизнь Англии в эпоху Реставрации Стюартов» (Юрид. Вестн. за 1885 г.).

ции, по при этом роялисты сознали необходимость поступиться кое-чем в пользу партии, унаследовавшей некоторые принципы первой революции.

На то, чтобы Реставрация окончательно порвала свои связи с теми силами, которые ее совершили и потом поддерживали, потребовалось двадцать восемь лет. Вначале реакционное настроение страны, особенно выразившееся в мести деятелям революционного пуританизма, не остановившееся перед повешением трупов «цареубийц» (между прочим, Кромвеля), перед казнями и несправедливыми карами против ненавистных пуритан, было весьма удобной почвой для развития правительственного произвола. Карл II мог похвалиться перед Людовиком XIV, что, против желания страны, начал войну с Голландией, окончившуюся, впрочем, для Англии, как известно, самым позорным образом, т. к. голландский флот входил даже в Темзу. Сначала главным советником короля был граф Кларендон, служивший еще его отцу и разделявший вместе с ним изгнание; но Карл II недолго любил его за суровую серьезность и властолюбивый нрав и охотно принес его в жертву сильному общественному недовольствию, нашедшему поддержку и в парламентской оппозиции: палата общин обвинила Кларендона в государственной измене, и он должен был уехать на континент. Мало того: Карл II вынужден был примкнуть к тройственному союзу против Людовика XIV, хотя вытекавшую отсюда политику он скоро оставил, чтобы по тайному договору (дуврскому) с французским королем обязаться принять католицизм и содействовать видам Людовика XIV на Голландию и Испанию за денежную субсидию и обещание военной помощи в случае надобности против мятежных подданных. Этот договор рязвязывал руки Карлу II. Он подобрал себе министров по вкусу и образовал кабинет, получивший презрительную кличку Кабаль по начальным буквам фамилии его членов (Клиффорд, Арлингтон, Бекингэм, Ашли и Лодердаль). В это-то именно время герцог Йоркский и перешел открыто в католицизм (1669), после чего англиканский парламент, принимавший в первые годы Реставрации суровые меры против пуританизма, особенно вооружился и против католиков. Карл II задумал воспользоваться своей диспенсивной властью и якобы во исполнение своего обещания о веротерпимости, но, в сущности, для исполнения обязательств своих перед Людовиком XIV издал прокламацию об «индальгенции», приостанавливавшую действие репрессивных законов против неконформистов (1672). Характер декларации не обманул протестантских диссидентов, говоривших, что они не желают пользоваться выгодами, которые даются «слугам антихриста», англикан она, разумеется, прямо раздражила, в парламенте же вызвала недовольствие ввиду того, что ею отменялись парламентские статуты. Поэтому недовольный еще внешней политикой Карла II¹, парламент в 1673 г. сделал нападение на Кабаль, настоял на отмене упомянутой декларации и прину-

---

¹ В это время Англия была в войне с Голландией.

дил самого короля согласиться на «акт о присяге» (test act), направленный, главным образом, против католиков: по этому закону никто не мог занимать какой-либо государственной или общественной должности, не принеся присяги королю как главе Церкви и не приняв причащения по англиканскому обряду, а что закон был направлен преимущественно против католиков, так это явствует из требования еще от лиц, желавших занимать ту или другую должность, собственноручно подписанного заявления против догмата о пресуществлении в таинстве евхаристии. В силу test act'a, — просуществовавшего в Англии до 1829 г., — герцог Йоркский должен сложить с себя должность генерал-адмирала, а католик Клиффорд выйти из министерства Кабаль, которое скоро затем и распалось, благодаря тому что самый даровитый из его членов, гр. Шэфтсбери (Ашли), не отличавшийся, однако, постоянством, изменил Карлу II и перешел на сторону оппозиции. Враждебное к католикам настроение англичан выразилось еще в возникновении слуха, которому охотно тогда поверили, будто бы, как официально доносил некий Тит Отс, католики с герцогом Йоркским во главе составили страшный заговор против Англии: под влиянием паники парламент издал самые суровые меры против папистов, и многие из них были даже казнены.

В 1678 г. Карл II распустил свой первый парламент, продолжавшийся 18 лет и заслуживающий потому название второго Долгого парламента: созданный в 1660 г. и выражавший собой реакционное настроение нации, он был распущен уже за оппозиционное свое направление. Палата общин начала именно процесс против тогдашнего главного министра (Дэнби), обвинив его в получении субсидий от Людовика XIV, в тайных изменнических сношениях с иностранной державой, в расточении государственных денег и в приверженности к папизму, причем был выставлен принцип, что министр отвечает не только за законность, но и за «честность, справедливость и полезность» своих действий. После распускания парламента дело, им начатое, продолжал, однако, и новый парламент, хотя Карл II, открывая его заседания, объявил, что он помиловал Дэнби и вместе с этим уволил его от должности. Палата общин со своей стороны не признала за королем права помилования в делах подобного рода, постановив даже считать изменником всякого своего члена, который стал бы поддерживать подобное право. Но особенно этот второй парламент Карла II прославился изданием Habeas-corpus-act'a, этой «третьей великой хартии», считая второй петицию о правах 1628 г.¹ Произвольные аресты были вообще одним из зол, на которые с самого начала реставрации стали жаловаться и нация, и ее представители. Уже раньше существовало у английских судей право требовать, чтобы каждый заключенный в тюрьму был представлен в суд с объяснением причины ареста, после чего суд мог бы или по-

¹ Habeas-corpus-act был издан при министерстве, в котором участвовал Тэмпл и Шэфтсбери. Настоящее значение «habeas corpus» вытекает из подразумеваемого «ad subjiciendum»: этими словами суд приказывает доставить ему «тело» (личность) заключенного.

ступить с ним по закону, т. е. начать против него процесс, или же освободить арестанта в случае отсутствия законных оснований для начатия дела; приказа в таком смысле, который и получил название *habeas-corpus*, могли просить у суда не только сам заключенный или его доверенное лицо, но и всякий другой, считавший арест несправедливым. В числе причин недовольства, возбуждавшегося в Англии политикой Стюартов, было и то, что как сами судьи, так и тюремщики, под разными предлогами, уклонялись от применения *habeas-corpus*'а. Парламентский акт 1679 г. был издан именно ради устранения всех предлогов к тому, чтобы судьи уклонялись от выдачи приказов, ограждавших личную неприкосновенность, а тюремщики — от необходимости им повиноваться: этим актом обеспечивалось право заключенного в случае незаконности ареста требовать освобождения, в случае маловажности проступка — быть выпущенным на поруки, в случае обвинения в тяжком преступлении — не дожидаться долго суда, а письменное объявление о причине ареста, обязанность представить арестованного суду в течение известного срока (три дня) и обязанность не переводить его в тюрьму другого графства, сделались главными условиями, которые действительно стали обеспечивать в Англии индивидуальную свободу: английский *habeas-corpus* и французские *lettres de cachet* — полнейшая противоположность.

Так начал свою деятельность парламент 1679 г. Скоро в нем поставлен был другой вопрос. Герцог Йоркский, предполагаемый наследник престола, был католик, и Англии грозила опасность иметь королем паписта, который должен был бы стать и во главе государственной Церкви: образовалась поэтому партия, задумавшая парламентским актом исключить герцога Йоркского из права престолонаследия, причем кандидатом на престол выдвигался побочный сын Карла II, герцог Монмут. Против такой комбинации образовалась другая партия, которая видела в лишении законного наследника престола принадлежавших ему прав шаг прямо революционного характера, наносящий удар исконным правам монархии и грозящий новыми смутами. В этом разделении партии по вопросу об «исключении» герцога Йоркского — и именно в связи с разным пониманием отношений между нацией и монархом — возродилась старая противоположность между кавалерами и круглоголовыми: лишь повод был другой и явились другие клички — «вигов» для противной герцогу Йоркскому партии, «ториев» — для защитников его прав (виги были крайними пресвитерианскими фанатиками, бунтовавшими в Шотландии, а тори католическими фанатиками, бунтовавшими в Ирландии). Свои аргументы против билля об исключении новая роялистическая партия заимствовала из теории о божественном происхождении королевской власти, тогда как другая партия ссылалась на учение о том, что между королем и народом существует обязывающий обе стороны договор, и что нарушение этого договора королем дает народу право сопротивляться. Карл II воспользовался своим правом отсрочки, чтобы не допустить парламент до принятия билля

об исключении, и переменял министров (Темпля и Шэфтсбери), благоприятствовавших притязаниям парламентского большинства, но это не остановило агитации, продолжавшей волновать всю страну и во время отсрочки парламента. Когда последний снова был созван (осенью 1680), билль об исключении прошел в нижней палате, но верхняя палата его отвергла, и оппозиционное настроение общин заставило Карла II опять отсрочить заседания парламента. Заручившись новым тайным договором с Людовиком XIV и получив от него денег, Карл II созвал отсроченный парламент, но не в Лондоне, а в Оксфорде, боясь вигистского настроения столицы (1681). Новая сессия, однако, не привела ни к какому соглашению, и парламент был распущен. После этого началась репрессия вигов, в которой правительство находило поддержку со стороны населения, боявшегося революции, а виги прибегли к обычному оружию слабых партий — к заговорам. Правительство открыло большой заговор, получивший название Райгаусского, и лишь немногие его участники (Шэфтсбери и Монмут, испросивший себе помилование у короля) спаслись на материк: остальные подверглись казни, и между ними Альджернон Сидней, один из деятелей первой революции и политических писателей эпохи, человек республиканского образа мыслей, заседавший в суде над Карлом I, но подававший голос против его казни, во время Реставрации живший на материке до 1677 г., когда оказалось возможным вернуться на родину вследствие амнистии, и в качестве члена парламента, сделавшийся одним из горячих эксклюзионистов (как называли противников герцога Йоркского). Другим выдающимся членом заговора был лорд Россель, защищавшийся на суде ссылкой на право сопротивления в случае нарушения королем своих обязанностей по отношению к подданным, но как раз в день казни Росселя оксфордские богословы торжественно провозгласили осуждение доктрине о договорном происхождении королевской власти как учения, противного христианской вере (1683). Реакция теперь была в полном разгаре. Парламент более не созывался. Герцог Йоркский получил снова свою прежнюю должность и приобрел большое влияние на брата. Католицизму явно оказывалось покровительство.

Карл II умер в начале 1685 г. У Иакова II, которого виги не хотели признавать наследником престола, когда он был герцогом Йоркским, некоторые из них решились теперь отнять корону посредством восстания, но попытка, сделанная в этом смысле Монмутом (и Аргайлем в Шотландии), окончилась полным поражением: претендент, высадившийся в Англии в июне 1685 г., не нашел поддержки в населении; парламент, созданный еще в мае того же года и в самом начале вотиновавший новому королю большие субсидии, состоял из ториев и при известии о высадке Монмута с приверженцами дал Иакову II значительные средства на подавление мятежа; в июле Монмут уже был разбит королевскими войсками, находившимися под начальством Черчилля (впоследствии герцог Мальборо), взят

в плен и казнен после того, как мстительный дядя заставил его повалиться у себя в ногах с мольбами о пощаде. Восстание Монмута (и еще ранее его потерпевшего также неудачу Аргайля) только усилило консервативные чувства страны, боявшейся повторения революционных смут. При таком настроении населения месть бессердечного Иакова II могла не стесняться ничем. Начались казни, продажа в неволю в колонии и другие тяжкие кары для всех, кого только можно было обвинить как участников в деле Монмута, или лиц, к нему прикосновенных, а главный руководитель «кровавых ассиз», Джеффриз, в награду за ту ревность, какую он проявил в этом деле, получил от короля должность верховного судьи. Руководимый иезуитами, Иаков II как будто стал теперь торопиться, не теряя времени, с подготовкой католической реставрации. В армии, численность которой была увеличена ввиду восстания Монмута, в управлении, в совете, в университетах, при своем дворе, король раздавал места папистам; католики получали от него даже церковные должности; в Лондоне появились иезуиты и монахи и стали основывать свои учреждения. Иаков II делал все это и все это допускал, основываясь на своем диспенсивном праве, и отрешал всех должностных лиц и судей, которые оказывали неповиновение его незаконным распоряжениям. В своем нападении на Англиканскую Церковь он готов был даже соединиться с крайними сектантами, думая, что провозглашение веротерпимости пойдет лишь на пользу католицизму; но нападение на Англиканскую Церковь вызвало оппозицию даже в этом учреждении, представители которого были дотоле главными проповедниками пассивного сопротивления. В 1686 г. Иаков II восстановил — под другим только названием «комиссаров духовных дел» — прежнюю верховную комиссию, чтобы карать духовных, мешавших его католическим планам. Весной 1688 г. дело дошло уже до серьезного столкновения: король издал декларацию об индульгенции (эдикт о веротерпимости), приказав читать ее в церквях, но духовенство не исполнило его требования, а семь епископов подали ему петицию. Иаков II отвечал на нее угрозами, но она распространилась в массе экземпляров среди народа, за что король возбудил против епископов преследование, как против распространителей лживого и злокозненного памфлета; епископы были заключены в тюрьму и преданы суду (т. н. «королевской скамьи»), на котором председательствовал знаменитый Джеффриз. Во время прений адвокаты подсудимых оправдывали их тем, что подача петиций есть исконное право всякого англичанина, и присяжные после долгого совещания оправдали епископов, что вызвало бурю восторга в зале суда, а затем и во всей стране. Замечательно, что адвокаты епископов принадлежали к торийской партии, и что сами судьи приняли сторону подсудимых. В том же самом 1688 г. у Иакова II после долгого бесплодия его второй жены родился сын: хотя и распространился слух, будто королева вовсе не была беременна и ребенок был подложный, и что все было подделано папистами, желавшими, чтобы

у короля-иезуита был католический наследник¹, тем не менее надежда роялистов и англикан на то, что по смерти Иакова II престол перейдет к его дочери-протестантке, Марии Оранской, исчезла, и это решило судьбу Стюартов: в конце 1688 г. произошла вторая революция, которая в 1689 г. была консолидирована возведением на престол Марии и ее мужа, Вильгельма. Мы и перейдем теперь к рассмотрению этого факта, которым заканчивается в истории Англии долговременная борьба между королевской властью и парламентом.

---

¹ В указанной выше книге *А. Карреля* рассказывается еще вся эта история как вполне достоверная.

XLV. Вильгельм Оранский и вторая английская революция

Голландия в XVII в. — Ее роль в культурной и политической истории Европы. — Возвышение Вильгельма Оранского. — Его характер. — Родство Вильгельма Оранского со Стюартами. — Виги и Вильгельм Оранский. — Его планы относительно Англии. — В чем состояла вторая английская революция? — Декларация прав 1689 г. — Протестантский характер революции 1688—1689 гг.

Революция, вторично лишившая Стюартов английского престола, произошла не только в связи с той внутренней борьбой, которая совершалась в самой Англии, но и в связи с борьбой, которую давно уже вели между собой на материке Европы Франция и Голландия, т. е. реакционный католицизм и абсолютизм, с одной стороны, а с другой — протестантизм и политическая свобода. Иакова II низвергли виги при попустительстве ториев, но вигам оказал деятельную помощь голландский штатгальтер, который и занял английский престол, что, в свою очередь, стояло в тесной связи с его международной политикой. Спасение протестантизма и политической свободы принесено было Англии из Голландии, которая сама обязана была своей религиозной и политической свободой также революции, совершившейся за целое столетие перед тем и также имевшей характер расторжения договора между королем и нацией в силу того, что король нарушил права нации, а нация сочла себя в праве отказать в повиновении королю. Благодаря счастливому географическому положению, предприимчивости населения, свободному государственному строю и развитию просвещения, Голландия в XVII в. играла такую роль, которая редко выпадает на долю второстепенных государств. В борьбе своей с Испанией, окончившейся лишь в 1648 г., она не только отстояла свою независимость, но завладела многими колониями, принадлежавшими раньше испанцам или португальцам. Вскоре по окончании этой борьбы республике пришлось выдержать другую — с Англией при Кромвеле, а потом и при Карле II. Наконец, во всех союзах, устраивавшихся против Людовика XIV, Голландии принадлежала даже особенно видная роль: отстаивая свою независимость, республика должна была искать союзников, в числе которых одной из наиболее желанных была Англия, и обстоятельства привели к тому, что привлечение этой страны на сторону Голландии могло совершиться лишь под условием оказания ею помощи партии, замыслившей в Англии государственный переворот. Таким образом, Голландия в течение одного столетия сначала сама освобождается от иноземного ига, потом удачно борется против короля, мечтавшего о европейской гегемонии, и с успехом составляет против него коалиции, а под конец содействует утверждению свободы в дру-

гой стране, которой угрожали абсолютизм и католическая реакция. Кроме того, жертвы фанатизма и деспотизма в разных странах Европы привыкли находить в Голландии вторую родину: первые выселения английских диссидентов на ее территорию начались еще в XVI в. и продолжались в XVII столетии, так что многие английские беглецы вернулись в отечество только с Вильгельмом Оранским; приют польским антитринитариям, изгнанным из родной страны в середине XVII в., дала опять-таки Голландия, где они могли напечатать свои книги и рассказать миру о бедствиях своего вероисповедания в Польше; сюда же направилась позднее масса французских гугенотов, когда их стали насильно обращать в католицизм, и здесь же зародилась оппозиционная французская литература последних лет царствования Людовика XIV. Рука об руку с развитием веротерпимости в республике совершалось, наконец, развитие образования и научной деятельности в области филологии, юриспруденции и философии. Одним словом, в наиболее мрачные времена, когда в XVII в. одерживали победу фанатизм и деспотизм, *Голландия хранила в себе лучшие задатки будущей свободы для других стран Европы*. Правда, республику долго раздирала борьба религиозных и политических партий, начавшаяся еще при штатгальтере Морице Оранском, сыне основателя республики — Вильгельма Оранского. Сочетание в этом федеративном государстве республиканского начала с монархическим (штатгальтерство, поставленное во главе исполнительной власти и получившее в исключительное свое заведование сухопутные и морские силы страны) повело к образованию двух партий, боровшихся за преобладание того или другого начала. Когда в 1650 г. умер четвертый штатгальтер, Вильгельм II, сын Генриха, младшего брата Морица, наследовавшего ему с штатгальтерстве, звание это досталось его малолетнему сыну Вильгельму III, но вскоре было у него отнято, между прочим, по требованию Кромвеля, не желавшего видеть во главе республики родственника бывшей английской династии¹. Правлением завладела тогда республиканская партия, во главе которой стоял великий пенсионарий Иоанн де Витт, энергично и успешно ведший войну с Карлом II и добившийся торжества своей партии вечным эдиктом 1668 г.: по закону, получившему это название, военное начальство на суше и море должно было быть отделено от штатгальтерства и лишь под таким условием последнее могло быть восстановлено. Нападение Людовика XIV на республику через четыре года все это изменило: успехи французов дали повод оранской партии обвинить перед народом Иоанна де Витта в соумышлении с французским королем, с которым он действительно был прежде в союзе, а всю республиканскую партию — в том, что она ослабила оборону страны; произошло народное восстание, де Витт был убит на улицах Гаги, вечный эдикт отменен, и молодой Вильгельм III был восста-

---

¹ Вильгельм III приходился по матери племянником Карла II и Иакова II.

новлен в штатгальтерских правах своего отца, двух дядей и великого деда (1672). Мы уже указывали на то, какую роль он играл как главный политический противник Людовика XIV; теперь мы займемся исключительно им самим и его отношениями к Англии.

Между прадедом и правнуком, из которых один положил основание Голландской республике, а другой содействовал упрочению в Англии конституционной монархии, было некоторое сходство — и в их характерах, и в их политическом положении. Замкнутый в самом себе, сосредоточенный на своих планах, задумчивый и молчаливый, холодный в обращении, Вильгельм III, подобно своему знаменитому предку, отличался честолюбием, которое умел, однако, связывать со служением не одним личным целям, — отличался вместе с тем осторожной предусмотрительностью, делавшей из него недюжинного политика, и, наконец, неутомимой энергией в достижении своих планов. Благодаря перевороту, доставившему ему власть, когда Людовик XIV напал на Голландию, он с самого начала правления своего в этой стране был поставлен в обстоятельства в высшей степени трудные, но зато это позволило ему сразу проявить, несмотря на свои двадцать с небольшим лет, замечательные силы духа. Ходом тогдашних событий Вильгельм III был поставлен приблизительно в такую же оппозицию к Людовику XIV, в какой находился его прадед по отношению к Филиппу II: ему также приходилось защищать протестантизм и свободу против католической реакции и абсолютизма, и в этом заключалась вся его историческая роль. Голландский штатгальтер, сделавшийся душой всех коалиций против Людовика XIV, как бы поставил задачей всей своей жизни унижение этого французского короля. Для него, конечно, было весьма важно, чтобы в борьбе, которую он вел с Францией, Англия была на стороне Голландии, а не во враждебном лагере, ибо географическая близость Англии, ее положение на море и обладание значительным флотом делали из нее весьма опасную соперницу и уже в силу одного этого особенно желательную союзницу. Голландия уже испытала на себе, что значил союз Англии с Францией, начавшей войну с республикой в 1672 г. Правда, Карл II вынужден был вскоре отстать от союза с Людовиком XIV и заключить мир с республикой, но для последней, конечно, не бесследно прошло — в благоприятном на сей раз смысле — и это изменение в их взаимных отношениях. Между тем и в Англии Вильгельм Оранский с самого начала выступления своего на политическое поприще снискал большое сочувствие и уважение: война с Голландией была непопулярна, а тут еще молодой штатгальтер проявил такую энергию и храбрость, защищая свою страну от Людовика XIV. Лично штатгальтер имел притом отдаленные права на английский престол, ибо был внуком Карла I по своей матери; в Англии даже образовалась партия, которая была не прочь идти на то, чтобы посадить принца Оранского на престол, когда герцог Йоркский объявил себя католиком. Карл II, всячески старавшийся

укрепить положение своего брата, обратился в это время к комбинации, которая должна была уничтожить неудовольствие, существовавшее в обществе против герцога Йоркского: старшая дочь последнего Мария, предполагаемая после него наследница, была по приказанию короля конфирмирована как протестантка, а затем выдана замуж за Вильгельма, хотя переговоры об этом браке и не сразу привели к желанной цели (1677). Выход старшей дочери наследника престола за штатгальтера был весьма популярен: в этом союзе видели залог и союза между обеими странами, и гарантию того, что после герцога Йоркского корона перейдет к протестанту. Но зато Людовик XIV, конечно, был этим крайне недоволен. С самой своей женитьбы Вильгельм Оранский, отличавшийся гордым и властным характером, уже считал за собой неоспоримые права на вмешательство во внутренние дела Англии, хотя и продолжал держать себя с большой осторожностью. Когда в парламенте был поднят вопрос об исключении его тестя, некоторые политические деятели имели в виду уже прямо призвать в Англию Вильгельма, но Шэфтсбери, сам в 1674 г. ведший с принцем переговоры насчет признания его наследником престола, на этот раз выставил кандидатуру побочного сына Карла II, герцога Монмута, думая, что «плохое право делает короля хорошим», и опасаясь, что Вильгельм, пожалуй, не согласился бы поступиться чем-либо из королевской прерогативы.

После Нимвегенского мира Людовик был на вершине своего могущества и совершенно произвольно распоряжался в Европе, и Карл II был снова в союзе с французским королем. Вильгельм Оранский, приготовлявшийся к новой борьбе с Францией и замышлявший большой европейский союз против ее монарха, не мог оставаться равнодушным к тому обороту, который приняло дело об исключении его тестя: сначала он ожидал, что парламент прямо объявит его жену наследницей, а потому и не думал что-либо предпринимать со своей стороны, но кандидатура Монмута заставила его выступить в качестве защитника прав своей жены и даже прав своего тестя. В то же время он хлопотал еще и о примирении Карла II с парламентом. Таким образом, *общие политические отношения и семейные связи Вильгельма Оранского со Стюартами давно уже давали ему и повод, и право вмешиваться во внутренние дела Англии*. У него уже давно были сторонники среди английских политических людей, проводившие его взгляды в той борьбе, которая происходила в стране по поводу билля об исключении. Между разными другими комбинациями, возникавшими в это время, одна была такая: по смерти Карла II его брату принадлежал бы лишь титул короля, а регентом («протектором») был бы Вильгельм Оранский (1681). Понятно, что со своей стороны Людовик XIV всячески, наоборот, поддерживал права герцога Йоркского.

В царствование Иакова II, когда в Англии господствовал террор и подготавливалась католическая реакция, взоры всех патриотов весьма естественно обратились на Голландию и ее штатгальтера. В Голландию бежали

многие диссиденты, стали удаляться протестантские офицеры, и с Вильгельмом Оранским все более и более вступали в переговоры наиболее влиятельные лица из партии вигов. Иаков II между тем хотел вовлечь и дочь свою с ее мужем в политику, благоприятную для реставрации католицизма, но встретил с их стороны самый резкий отказ: это еще более сближало принца с вигами и вообще со всеми защитниками протестантизма и свободы в Англии. Рождение у Иакова II сына, страшно обрадовавшее папистов, повергло, наоборот, нацию в полное отчаяние, но событие это было неприятно и Вильгельму Оранскому, а тут еще на материке начиналась война с Людовиком XIV со стороны большой коалиции, составленной принцем, и в этой войне Иаков II собирался быть союзником французского короля. Вильгельм некоторое время колебался прийти ли ему на помощь английским патриотам, т. к. он сомневался, будет ли ему дана правительственная власть в Англии, когда его жена сделается королевой, но сомнения эти были рассеяны самой Марией. Правда, последователи англиканизма долго относились недружелюбно к Вильгельму, как к кальвинисту, однако опасность, грозившая их вере, хлопоты церковной партии (латитударианцев), стремившейся к союзу всех протестантов, и заявление самим принцем, что он будет уважать Англиканскую Церковь, устранили и это препятствие к союзу. Окончательно вопрос был решен все-таки, впрочем, рождением у Иакова II сына, подставного, как тогда думали, ребенка, выданного за рожденного королевой для устранения от престола протестантки Марии: патриоты тогда уже прямо решились на восстание против Иакова II и убеждали Вильгельма помочь им, т. к. без его содействия им трудно было бы чего-либо достигнуть, раз у короля было войско в самой Англии и еще более многочисленное войско в Ирландии, и раз ему мог бы оказать еще военную помощь Людовик XIV.

Вильгельм Оранский бесповоротно решил на вмешательство во внутренние дела Англии, когда вполне удостоверился, что предприятие будет иметь успех и когда самые влиятельные лица из англичан формально пригласили его на помощь: он понял, что в случае промедления с его стороны революция в Англии все равно свершилась бы, но дело могло бы окончиться провозглашением республики. Вильгельму оставалось только еще преодолеть недоверие нидерландских генеральных штатов, т. к. они опасались его властолюбия, и лишь опасность союза Англии с Францией заставила их согласиться на выдачу штатгальтеру большой денежной суммы. Весьма искусно приготовления, делавшиеся Голландией, выставлялись как направленные против Франции, и Людовику XIV, проникшему в замысел Вильгельма, так-таки и не удалось убедить Иакова II в том, что Голландия готовилась сделать нападение на Англию. Когда, однако, английский король понял, к чему клонится дело, он попытался было спасти свою корону необычайной уступчивостью по отношению к подданным; лишь по отношению к своей диспенсивной власти он не хотел делать никаких уступок: ему даже удалось распо-

ложить в свою пользу торийскую партию и даже английское духовенство. Между тем в начале октября 1688 г. Вильгельм получил формальное согласие генеральных штатов на экспедицию в Англию. Тогда голландский штатгальтер послал в Англию манифест, в котором извещал о своем прибытии по приглашению духовных и светских пэров. Кроме голландцев, в войске Вильгельма Оранского было много английских выходцев, значительное количество французских гугенотов, немало немцев, между прочим, присланных курфюрстом Бранденбургским, так что войско это имело характер протестантской без какой-либо более узкой конфессиональной окраски. Враги Людовика XIV сочувствовали предприятию, и даже папа был успокоен обещанием принца содействовать смягчению строгих английских законов против католиков. Вильгельму Оранскому ни на море, ни на суше, когда он высадился в начале ноября¹, не было оказано сопротивления. Напротив того, его везде хорошо принимали, и само войско, которое должно было его остановить, перешло на его сторону. Иаков II поехал было сам к армии, но, опасаясь ее настроения и видя, что отдельные военачальники его оставляют², возвратился в Лондон, откуда вскоре (в ночь с 10 на 11 декабря) бежал, чтобы уехать во Францию, предварительно отправив туда жену и сына. Сначала его поймали и возвратили в Лондон, где в это время уже находился его зять, но ему не помешали бежать вторично и на этот раз уже вполне успешно.

Все эти события дали решительный перевес партии вигов. Постановлено было, прежде всего собрать конвент (т. е. парламент без короля), а пока Вильгельм Оранский временно управлял государством. Палаты собрались 22 января (стар. ст.) 1689 г., вотировали принцу благодарственный адрес и приступили к разрешению вопроса о том, что делать дальше. Виги требовали, чтобы Иаков II был объявлен низложенным с престола, но тори были против этого, хотя и признали трон вакантным, т. к. сочли отъезд короля равносильным отречению. Большинство нации было на стороне вигов, но они, не желая вооружать против себя тори, согласились на формулу, в которой ничего не говорилось о низложении. 28 января было именно объявлено, что «король Иаков II, стремясь уничтожить законное устройство государства, тем самым разорвал договор короля и народа и, руководимый иезуитами и другими зловердными людьми, нарушил основные законы королевства, а своим отъездом из страны отказался от правления, сделав престол вакантным». По вопросу о том, кому же передать власть, голоса разделились: одни думали о сыне Иакова II под регентством Вильгельма Оранского, другие — об одной Марии с переходом от нее короны к Анне и т. д., но Вильгельм Оранский объявил вождям вигов, что от регентства он решительно откажется, что будет рад видеть королевой Англии свою жену, но что в таком случае жить в Англии не останется. Со своей стороны Мария выразила желание,

¹ По старому стилю, тогда еще существовавшему в Англии.

² Его оставила и другая дочь (Анна) со своим мужем, принцем Датским.

чтобы власть была передана ее мужу, и Анна также согласилась на то, чтобы Вильгельм удержал власть и в том случае, если бы пережил свою жену. На стороне Вильгельма было и большинство нации: тори пришлось уступить. На престол были возведены оба супруга, но действительные королевские права предоставлены одному Вильгельму III, и он должен был их сохранить в том случае, если бы (как это и случилось) он пережил жену. После этого конвент (в середине февраля) превратился в парламент, а 11 апреля совершился обряд коронации.

Так окончилась вторая английская революция, которую англичане называли «славной» (*glorious*): *она не стоила ни единой капли крови и не сопровождалась ни малейшим потрясением политических устоев страны*, т. к. все дело заключалось в замене короля Иакова II королем Вильгельмом III, т. е. на этот раз *не было ни религиозного переворота, ни социального движения*, как в первую революцию. В 1688—1689 гг. окончился не только спор между династией Стюартов и английской нацией, но и *прекратилась вообще борьба между королевской властью и парламентом*: вторая революция имела прецедент в низложении Ричарда II и возведении на престол ланкастерской династии в 1399 г., но если за три века до «славной» революции только начиналась борьба между сторонниками королевской прерогативы и парламентской привилегии, то теперь этой борьбе пришел конец. Ближайшим результатом революции было составление, принятие парламентом и утверждение новым королем «билля и декларации прав» (*bill and declaration of rights*), *одного из основных законов английской конституции*. В этом акте перечислялись злоупотребления Стюартов и объявлялось, что король не должен совершать таких правонарушений, перечислялись затем права английской нации и прибавлялось, что король должен присягать в том, что будет их соблюдать. Далее декларацией признавалось, что противно законам:

- 1) «существующее будто бы право приостанавливать действие законов королевской властью без согласия парламента»;
- 2) «существующее будто бы право королевской власти освобождать от действия законов или от исполнения их»;
- 3) учреждение нового духовного или всякого иного суда;
- 4) «всякое взимание денег для надобностей короны под предлогом королевской прерогативы, без разрешения парламента, так же как и на более долгий срок, нежели было указано, и не тем способом, какой был указан»;
- 5) «всякое заключение в тюрьму или другое преследование подданных, представляющих королю прошения»;
- 6) «собрание и содержание армии в королевстве в мирное время без согласия парламента».

Далее провозглашались: 7) право протестантских подданных иметь для самозащиты оружие, 8) свобода выборов в члены парламента, 9) подсудность речей, произносимых в парламенте, лишь ему самому, 10) отмена

чересчур тяжелых наказаний, 11) правильное составление списков присяжных, причем для дел по обвинению в государственном преступлении присяжные должны были браться из общин, 12) запрещение заранее кому-либо отдавать или обещать отдать имущества, конфискованные у обвиняемых, и 13) тот общий принцип, чтобы парламент по возможности был чаще созываем «для изыскания средств к отвращению всех этих зол, для исправления и утверждения законов и для их поддержания». Передавая престол Вильгельму, «которого всемогущий Господь соблаговолил избрать славным орудием для освобождения этого королевства от папизма и деспотизма», и супруге его Марии, парламент исключал из права занимать престол всякое лицо, которое или само исповедует римскую веру, или вступит в брак с таким лицом. Акт единообразия и акт о присяге (test act) были сохранены, но нонконформистам обещана была терпимость.

Вторая английская революция имела протестантский характер, как абсолютизм Людовика XIV — характер реакционного католицизма. Протестантизм породил принцип свободы совести, и принцип этот вышел с торжеством из этой революции, благодаря установившейся в Англии терпимости, которая распространилась впоследствии и на самих католиков. Хотя Реформация и относилась неприязненно к свободе мысли, но сама содействовала ее развитию: вторая революция в Англии обеспечила и умственную свободу в этой стране. Переворот совершился, наконец, в силу того самого политического принципа, который еще в XVI в. защищался кальвинистическими писателями и был впервые применен в эпоху нидерландской революции, когда генеральные штаты низложили Филиппа II с престола. Эти *протестантские начала отразились и на тогдашней английской литературе*, — философской и политической, — хотя литература эта к концу периода покидает уже теологическую почву, чтобы *открыть собой эпоху рационализма в религии и политике*, характеризующей «просвещение» XVIII в. Английская мысль конца XVII столетия была последним словом кончавшегося протестантского движения и первым словом начинавшегося рационалистического, светского «просвещения» следующего столетия. Правда, главным органом новых культурных и политических идей сделалась Франция при преемнике Людовика XIV, но *на нее сильное влияние оказала английская литература конца XVII и начала XVIII в.*: это было тоже победой английских начал над началами, воплотившимися в реакционном абсолютизме Людовика XIV.

XLVI. Английские религиозные и политические идеи¹

Зарождение просветительной литературы XVIII в. — Культурное развитие Англии во второй половине XVII в. — Естествознание и рационализм. — Возникновение и развитие деизма. — Свобода совести и свобода мысли. — Теологическая и рационалистическая точки зрения в политической литературе. — Мильтон, Генри Вен, Фильмер и Альджернон Сидней. — Государство и личность в политических теориях. — Гоббс и Локк. — Влияние английской философской и политической мысли на французскую. — Заключение.

Оканчивая реформационный период новой западноевропейской истории серединой XVII в., мы можем рассматривать совершившиеся в конце этого века уничтожение Нантского эдикта во Франции и вторую революцию в Англии как последние проявления победоносной католической реакции и воинствующего протестантизма, борьба между которыми наполняет столь продолжительный период в истории европейского Запада. XVIII в. отличается уже иным характером, чем два предыдущие столетия: реформа религии и Церкви уступает место реформе общества и государства, и богословские идеи протестантизма и возрожденного католицизма сменяются философскими идеями «Просвещения», разумея под последним чисто светское культурное направление XVIII в. *Зарождение просветительной литературы еще в конце XVII столетия было как бы возвращением к светскому направлению гуманизма, как бы новой секуляризацией духовной культуры* после длинного периода религиозных движений и теологических распрей. Не нужно, однако, думать, что это было лишь простое возвращение к покинутой позиции: «Просвещение» XVIII в. *восприняло в себя конечные результаты и протестантского движения в наиболее передовых его проявлениях, сочетав их с тем, что мы можем рассматривать как главное наследие, оставленное гуманизмом в XIV—XV вв.* Последнее заключалось в светской культуре, сменившей церковную философию и науку Средних веков, заключалось в той эманципации мысли, которая была необходимым следствием гуманистического индивидуализма, и вот в этом-то отношении «Просвещение» XVIII в. было прямым продолжением Ренессанса. Но у гуманизма, играющего такую роль в умственной истории Западной Европы, были крупные недостатки: именно он был лишен моральной силы и политического интереса, и как раз эти два недостатка восполнены были Реформацией, которая — в наиболее верных принципах своим на-

---

¹ Общая литература по истории деизма — по особому отношению последнего к истории XVIII в. — указывается нами в томе «Восемнадцатый век и Французская революция» (соч. Геттнера, Лорана, Лехлера, Стефена и др.). Соч. по истории политических учений указывались раньше.

правлениях — содействовала развитию идей свободы совести и свободы политической, идей, бывших почти неизвестными гуманистам и, наоборот, сделавшихся двумя основными принципами «Просвещения» XVIII в. Новое культурное направление с наибольшей силой развилось во Франции, став там, конечно, в резкую оппозицию к тому, что можно назвать наследием системы Людовика XIV, и здесь направление это питалось традициями Ренессанса, но настоящее идейное свое содержание французская философия XVIII в. получила все-таки из Англии, ибо *в этой стране именно зародилось «Просвещение» XVIII в.* Оно и понятно: в то самое время как в других главных странах европейского Запада культурная жизнь падала или получала одностороннее развитие от соединенных усилий католической реакции и политического деспотизма, в то самое время как гуманизм окончательно погиб в Италии, где курия, иезуиты и испанское правительство искореняли всякую независимость мысли, в то самое время как Германия совсем одичала после ужасов Тридцатилетней войны, а во Франции философия, наука, литература и искусство были взяты под расслабляющую опеку абсолютизма, Англия с успехом боролась за свою религиозную и политическую свободу, развивала в своей духовной культуре наиболее прогрессивные протестантские начала и в своей философской и политической литературе вырабатывала идеи, которым суждено было овладеть в следующем веке историческим движением на самом материке. Здесь же, *в Англии конца XVII и начала XVIII в. совершился переход от теологических начал протестантизма к философским началам «Просвещения».* В истории этого перехода, однако, и вообще важную роль играют *возникновение на Западе в XVII в. самостоятельной философии и развитие естествознания:* к числу недостатков классического Ренессанса, под влиянием которого до того времени главным образом и совершалось чисто интеллектуальное развитие, нужно именно отнести отсутствие в созданном Ренессансом направлении — самостоятельной философии и интереса к научному исследованию природы. В истории философского и научного движения, начавшегося в Западной Европе с XVII в., Англии принадлежит весьма важное место: в начале этого столетия она дала Европе отца индуктивной философии Бэкона Веруламского, в конце — великого Ньютона (1642–1727): «*Novum Organum*» (1620) первого и «*Philosophiae naturalis principia mathematica*» (1687) второго отмечают собой целые эпохи в истории философии и естествознания»¹. Далее, в Англии XVII в. был так силен интерес к естествознанию, что даже в сороковых годах, во время междоусобной войны возникло маленькое ученое общество натуралистов (the invisible college), которое в самом начале реставрации уже имело значительное количество членов и обратилось к Карлу II с просьбой о формальном утверждении и поддержке. Король дал на это свое согласие, и таким образом в 1662 г. открылось «Королевское общество

---

¹ Самая подробная биография Brewster'a.

в Лондоне», посвятившее себя исключительно разработке естественных наук. Пуританская революция нанесла сильный удар классицизму, и прежний интерес к нему более не возродился, но зато естествознание сделалось положительно модной наукой дня в эпоху Реставрации, так что все, что считало себя принадлежащим к хорошему обществу, увлекалось своего рода дилетантизмом в областях механики, астрономии, физики и химии. Конечно, не этот дилетантизм, часто очень поверхностный, делал великие открытия в науке, но он весьма характерен для эпохи. Наконец, в XVII в. впервые и к самой религии стали прилагаться новые научные понятия, вырабатывавшиеся тогдашним естествознанием: именно открытия, сделанные в науках о природе, стали прилагаться к объяснению и критике Библии. В сороковых годах ученый врач Томас Броун написал две книги: «Religio medici» (1642) и «Pseudodoxia epidemica» (1646), в которых мы встречаемся с попыткой подведения библейских чудес под естественные объяснения. Точно так же несколькими десятилетиями позднее геолог Борнет в своих сочинениях «Telluris sacra theoria» (1680) и «Archaeologia philosophica» (1692) вооружался против Моисеевой истории творения, считая ее противной разуму и допуская ее лишь в качестве аллегории, рассчитанной на слабое понимание народа. В эпоху Реставрации в высшем английском обществе было даже очень сильно развито вольнодумство, опиравшееся преимущественно на успехи естествознания. Но гораздо большее значение имел вообще *рационализм, столь характерный для всей философии XVIII в., зародившейся в Англии*. Одним из первых его провозвестников был Герберт из Чербери, ставивший библейское откровение под контроль разума. В своих книгах «Об истине в ее отличии от откровения, от вероятного, от возможного и от ложного» (De veritate etc., 1624) и «О религии язычников и причинах ее возникновения» (De religione gentilium, 1645) он стоит на той точке зрения, что есть некоторая общая всем людям и разумная религия, заключающаяся в нескольких врожденных идеях, которые мы встречаем у всех народов. Такими истинами Герберт считал 1) существование Божества, 2) необходимость богопочтения, 3) благочестие и добродетель, в качестве главной принадлежности последнего, 4) обязанность человека каяться в грехах и оставлять их и 5) справедливое воздаяние человеку за содеянное им добро и зло и в этой жизни, и в будущей: все остальное во всех религиях он признавал за простые выдумки властолюбивых учителей и думал, что нужно от этих прибавок очистить естественную и разумную религию, заключающуюся в указанных пяти истинах. Идеи Герберта были довольно распространенными в английском обществе реставрационной эпохи, и с чисто рационалистической точки зрения толковалась сама откровенная религия. Одним из весьма рельефных выразителей религиозного вольнодумства был еще Чарльз Блонт, автор сочинения «О душе Мира» (1679) и переводчик Филостратовой «Жизни Аполлония Тианского», написанной, как известно, врагом христианства. Блонт уже прямо нападает на божественность еван-

гельских чудес и самого откровения. Одновременно с этим аналогичное движение совершалось и в Голландии, где Спиноза¹ и Бэйль защищали свободу философского и научного исследования. Именно в «Богословско-политическом трактате» Спинозы (1670) проводилась та идея, что нельзя оправдывать насилий над человеческой мыслью, и притом ни с точки зрения религии, ставящей своим исходным пунктом нравственное и полезное, но отнюдь не истинное, ни с точки зрения государства, имеющего дело лишь с человеческими поступками, поскольку они касаются общественного спокойствия. Вместе с тем он вооружился против боговдохновенности Писания. Затем гугенот Бэйль издал по-французски в 1696 г. «Исторический и критический словарь», сделавшийся одной из наиболее влиятельных книг в XVIII в. Бэйль был, прежде всего, скептик, вскрывший все противоречия между знанием и верой, какие только представлялись его беспокойному уму, и Вольтер очень хорошо охарактеризовал его, указав на то, что сам Бэйль не был неверующим, но других приводил к неверию. Автор знаменитого словаря «анатомировал» (собственное его выражение) государство, Церковь, религию, нравственность, науку и искусство, становясь на чисто светскую точку зрения. Одним из его требований была самая широкая терпимость, между прочим, по отношению к евреям, магометанам и открытым атеистам.

С падением Иакова II в Англии все более и более стали распространяться новые философские идеи, и их приверженцы получили название «свободных мыслителей» (freethinkers). Одним из проявлений свободомыслия в области религии и был деизм.

Мы уже видели, что рационалистическое отношение к христианству было одним, хотя и не особенно сильным по своему влиянию проявлением реформационных стремлений, не касаясь уже рационализма гуманистического, с каким мы, например, встречаемся у Эразма. Между прочим, мы знаем, что рядом с библейским направлением в Реформации существовало еще направление мистическое, верившее во внутреннее откровение и ставившее его выше откровения внешнего: таков был анабаптизм, и вот именно среди анабаптистов — и в Германии, и в Швейцарии — зарождаются первые проявления антитринитаризма. Последний в XVI и XVII вв. имеет целую историю: его первым крупным систематизатором был Сервет, а организатором — Фавст Социн, последователи которого в середине XVII в. бежали из Польши в Голландию и здесь оказали свое влияние на зарождение новых теологических идей. *Английский деизм был в сущности новой формой антитринитаризма*: подобно тому как антитринитарии XVI в. считали себя завершителями Реформации, начатой Лютером, так и первые английские деисты, называвшие себя «христианскими», думали, что они лишь очищают откровенную

¹ За последнее время по-русски вышли два перевода «Этики» Спинозы (проф. В. И. Модестова и Н. А. Иванцова), а также перевод его переписки (Л. Я. Гуревич, под ред. А. Л. Волынского; предпослана биография). Об учении Спинозы нем. соч. Th. Camerer'a.

религию от людских прибавлений, а потому само зарождение деизма стоит в тесной связи с английским сектантским движением XVII в. В самом деле, в этом сектантстве было много родственного и с более ранним немецким анабаптизмом, и с более поздним деизмом: левеллеры в религиозном отношении стояли за полный индивидуализм, за автономию личности; квакеры учили о том, что религия каждого в его сердце, а их богослов, Бэркли, в сочинении «Защита истин христианской теологии» (1676) проводил ту идею, что основой религиозной истины является внутреннее озарение. Мистическое настроение, принимавшееся сектантами за внушение свыше, стало мало-помалу заменяться более спокойной деятельностью разума, но сам разум для многих все еще продолжал сохранять значение «божественного озарения», в котором открывается религиозная истина. Отсюда и возник «христианский деизм», который мало-помалу отождествил себя с «естественной и разумной религией» в духе Герберта. Впоследствии деизм порвал свои связи с христианством и уже в новой стадии своего развития перешел в XVIII в. во Францию, где главным его представителем сделался Вольтер, хотя и в прошлом столетии встречаемся еще, особенно в Германии, с родственным английскому христианскому деизму рационалистическим христианством. Нужно еще заметить, что в Англии в эпоху реставрации и второй революции было развито направление, получившее название латитудинаризма: это была весьма «широкая» форма протестантизма, отличавшаяся большой терпимостью, и настроение, ее вызвавшее и ею поддерживавшееся, было наиболее благоприятным для религиозной свободы, окончательно восторжествовавшей с восшествием на престол Вильгельма III.

В числе английских эмигрантов, вернувшихся на родину с Вильгельмом Оранским, был и известный философ Джон Локк¹ (1632–1704), учивший об опытном происхождении человеческого знания и потому отвергавший всякие врожденные идеи (*Essay on human understanding*²). Локк своими философскими, религиозными, моральными, педагогическими³ и политическими воззрениями оказал вообще громадное влияние на все умственное движение XVIII в. Человек, учившийся в диссидентских школах, испытывавший на себе преследования реставрационной эпохи, он еще в Голландии издал первое свое письмо «О терпимости» (1685), которое было потом переиздано в Англии для оправдания объявленной Вильгельмом III веротерпимости; в 1690 и 1692 гг. вышли второе и третье письма. За ними следовало сочинение о «Разумности христианства» (*The reasonableness of Christianity, as delivered in the scriptures*, 1695), написанное в самом латитудинаристиче-

¹ Fowler. Locke. — Bourne. Life of John Locke. — Schärer. John Locke. См. также в разных историях философии и политических учений.

² Ср.: Grimm E. Zur Geschichte des Erkenntnisproblems.

³ Недавно редакцией «Русской Школы» издан перевод (П.И. Вейнберга) «Мыслей о воспитании Локка». Ср.: Fritsche. John Locke's Ansichten über Erziehung.

ском направлении. Сущность христианства, по Локку, заключается в вере в Мессию, связанной с покаянием и добродетелью, а потому Локк не становится на исключительную точку зрения одного какого-либо исповедания; придавая особенно важное значение моральному элементу религии, он признает известные права за евреями, магометанами и язычниками, ибо и они могут быть безукоризненно нравственными людьми, хотя им это и стоит большего труда, чем христианам. Стоя на точке зрения согласия откровения с разумом, Локк думал, что откровение лишь без труда дает истины, которых разум или не мог бы открыть, или открыл бы сам только с величайшим трудом. Из общей веротерпимости философ исключал лишь католиков как людей, образующих государство в государстве, и атеистов за отрицание ими откровения. Своим отношением к христианству Локк оказал весьма сильное влияние на дальнейшее развитие деизма. Если он еще делал различие между тем, что противоречит разуму, и тем, что его превышает, то его последователи уничтожили черту, которая у Локка как бы составляла границу деятельности разума. В 1713 г. Коллинз издал «Рассуждение о свободном мышлении» (*A discourse of free thinking*), в котором прямо требует вполне свободного мышления без всяких ограничений со стороны веры и с одной ответственностью лишь перед самим собой. Основание его требования — то, что границей мысли может служить только мысль, а всякий предмет, сам себя ограничивающий, свободен. Подобные же взгляды одновременно с Коллинзом проводил и Лайонз в сочинении о «Непогрешимости человеческого суждения» (*The infallibility of human judgment*): отрицая внутреннее откровение, он заменяет его суждением разума. Если одни последователи Локка объявляли войну теологии, то другие применяли его принципы к этой самой теологии. В 1696 г. Толанд издал «Христианство без тайн» (*Christianity not mysterious*), где доказывал разумность откровения: по его представлению, однако, откровение истинно не потому, что оно есть откровение, а потому, что оно разумно. Все, что в христианстве не подходило под его теорию, он объявил позднейшими прибавками и искажениями, которых оно не могло-де избежать, возникнув в иудейском народе и распространившись среди язычников: поэтому он, подобно реформаторам XVI в., говорил о необходимости очищения религии от людских прибавок. Через несколько лет Тиндаль в книге «Христианство столь же древне, как мир» (*Christianity as old as the creation*, 1730) отождествил христианство с естественной религией, существующей с создания мира: вся разница между этой естественной религией и христианством не в содержании, а в способе его раскрытия; Иисус Христос пришел не для того, чтобы учить новой религии, а чтобы напомнить исконное богопознание человечества: свою «естественную религию» Тиндаль и назвал христианским деизмом. У него оставался еще открытым вопрос о том, почему первоначальная чистота религии пришла в упадок, и ответом на него занялся Морган, открыто пе-

решедший в арианство: в сочинении «Нравственный философ» (*The moral philosopher*, 1737) он, давая волю своему воображению, рассказывает, что падшие ангелы внушили людям мысль поклоняться им, как богам, откуда и произошли ложные религии, а учителя, думавшие исправить религию, в том числе и реформаторы XVI в., еще более запутали вопрос. В конце концов, деистическая религия сводилась на разумность и нравственность, что выразилось особенно рельефно в сочинении ремесленника Чобба, находившегося под влиянием арианина Уистона: в книге «Истинное Евангелие Иисуса Христа» (*The true Gospel of J. C.*, 1738), в которой подводились итоги под другими его сочинениями, он устранял всю догматическую и чудесную сторону религии, чтобы выдвинуть вперед разум и мораль. Вообще деизм представлял собой выход из исторического христианства, раз его последователи отвергали, подобно антитринитариям XVI в., троичность Божества, но деисты долгое время старались держаться христианства, только толкуя его по-своему, т. е., например, объявляя, как это делал Вульстон (ум. в 1733), что воскресение и чудеса Иисуса Христа нужно понимать аллегорически, именно не в смысле действительно случившегося, а в смысле наглядных представлений о некоторых отвлеченных истинах. С другой стороны, иные свободные мыслители прямо стояли на точке зрения одного рационализма без всякой веры в какое бы то ни было откровение.

Двое из английских представителей этого направления оказали наиболее сильное влияние на развитие религиозного рационализма во Франции XVIII в. Один из них был Шэфтсбери (1670—1713), внук знаменитого политического деятеля реставрационной эпохи¹. В своих сочинениях, отличавшихся легкостью и изяществом изложения и идеалистическим одушевлением (главное сочинение *Characteristics of men, manners, opinions, times*, 1711), он развивал особую этическую систему, основанную на врожденных идеях, но без теологической подкладки, доказывая тождество красоты и добра и требуя от религии прежде всего любви, а потом уже истины. Другим писателем, влиявшим на французских «просветителей» XVIII в., был Болингброк (1672—1751), политический деятель начала XVIII в., проводивший ту идею, что всякая положительная религия была изобретена с политической целью².

Рационализм проник и в область политического мышления. После того как на смену гуманистической политике пришли государственные теории протестантов (особенно кальвинистов) и католиков (главным образом иезуитов), политическая мысль, как и в Средние века, получила теологическую окраску. Весьма естественно, что борьба между народным представительством и королевской властью в Англии вызвала и в этой стране, как это было в Шотландии, Нидерландах и Франции во второй половине XVI в., горячую литературную полемику по вопросу о происхождении и правах государст-

¹ О его философии см. монографии *Spicker'a*, *Gizycki* и др.

² О нем сочинения *M'Knight'a*, *Collins'a*, *Harrop'a*, а также *Brosch'a*.

венной власти, но в этой полемике мы и наблюдаем тот факт, что сначала обсуждение политических вопросов совершается на почве религиозных воззрений англиканства, пресвитерианства и индепендентства, а потом переходит уже прямо на почву философского мышления. Конечно, происходило это не в одной Англии, но нигде, во-первых, так ясно не замечается переход политического мышления от религиозных начал Реформации к светским началам «Просвещения», как именно в Англии, а во-вторых, наибольшее влияние оказали на политическую литературу XVIII в. опять-таки английские политические теории, явившиеся на свет не путем отвлеченного мышления, так сказать, оторванных от общественной жизни ученых, а в самой тесной зависимости от происходившей тогда политической борьбы. Все сочинения, о которых будет далее идти речь, были вызваны этой борьбой, но если индепенденты Мильтон, Вен и Сидней еще примыкают к предыдущему развитию протестантской политической мысли, завершая начатое в XVI в. такими писателями, как, положим, Лангэ или Бьюканан, а защитник королевской власти Фильмер, подобно Боссюэ, на теологических основах строит свою историю абсолютизма, то Гоббс и Локк являются уже родоначальниками совершенно нового направления политической мысли, которое, будучи по существу своему рационалистическим, проявилось с особой силой уже в философии XVIII в. Религиозная Реформация выдвинула снова на первый план так сильно интересовавший Средние века вопрос о взаимных отношениях между Церковью и государством, осложнив его вопросом о правах государственной власти в делах совести: индепендентские писатели в этом последнем вопросе выступили с защитой прав индивидуальной совести, понятие о которой деисты расширили еще, присоединив к нему идею свободы мысли, и все это — уже на почве чисто светской философии — обобщил Локк, выставивший всеобъемлющий идеал индивидуальной свободы, т. е. можно сказать, что этот философ переработал понятие свободы личности, как оно представлялось уму реформационной эпохи, в идею свободы личности, как ее должно было понять «Просвещение» XVIII в. *Индивидуалистические принципы Реформации, таким образом, как мы это увидим на самом деле, нашли в философии Локка чисто светское выражение.* Не нужно, однако, забывать, что XVII в. был веком развития и государственности. Если идея государства на теологической почве приводила к учению о божественном праве королей и этим давала как бы религиозную санкцию абсолютизму, то на иной почве идея эта равным образом могла обобщиться и выразиться в такой теории, которая вполне отвлеченно развивала положения, лежавшие в основе практической деятельности такого государственника, каким был Ришелье: в самом деле, политический философ эпохи, Гоббс, в своих сочинениях *и является главным теоретиком всепоглощающего государства, перед всемогуществом которого исчезает всякое самостоятельное личное право.* Противоположность между Гоббсом и Лок-

ком сводится, таким образом, на противоположность между учением о государственной необходимости и учением о личной свободе, сама же эта противоположность была известна реформационной эпохе как противоположность между государственной Церковью и личной верой. Локк, отстаивавший права последней, продолжал дело индипендентских публицистов, тогда как Гоббс, ставя религию в зависимость от государства, как бы находился под влиянием принципа установленной Церкви. Таковы взаимные отношения тех политических идей, представителями которых являются названные английские публицисты второй половины XVII в. Познакомимся теперь с каждым из них в отдельности, особенно с Гоббсом и Локком.

Нам уже известна в общих чертах деятельность Мильтона и Вена во время первой революции. В эпоху республики Мильтон занимал должность секретаря Государственного совета, ведая иностранные дела. К этому времени относятся главнейшие его политические трактаты. Во-первых, он написал «Защиту английского народа» (*Defensio pro populo anglicano*), чтобы опровергнуть резкие нападки известного ученого Салмазия (Сомеза) на революции. За этой апологией последовала другая — «О державе королей и сановников» (*On tenure of kings and magistrates*), в которой Мильтон становится на точку зрения народовластия и старается этим принципом оправдать казнь Карла I. Далее мы упоминали уже об его «Иконоборце», написанном в опровержение «Королевского образа», в котором современники видели сочинение самого Карла I. Наконец, перед самой Реставрацией он написал еще небольшой трактат «О возможном и легком пути к установлению свободного правления». Известно, что Мильтон ослеп от чрезмерного напряжения своего зрения, а в эпоху Реставрации едва избежал казни. Конец своей жизни он провел в бедности. В это время (1667) он окончил свою поэму «Потерянный рай», проникнутую строгим пуританским духом. После этого Мильтон прожил еще семь лет и умер в 1674 г. Мы можем смотреть на Мильтона как на одного из представителей индипендентских идей. Сторонник индивидуальной свободы, которую он защищал в «Ареопагитике», написанной в доказательство необходимости свободы печати, и в особом «Трактате о вмешательстве государства в церковные дела», доказывающем, что никакая власть не имеет права над религиозной совестью, великий поэт и политический деятель стоял в вопросе о происхождении власти на той же точке зрения, с которой рассматривали этот вопрос и кальвинисты XVI в. Человек, созданный по образу и подобию Божию, родился свободным, призванным к властвованию, а не к повиновению; но грехопадение Адама привело род человеческий к раздорам и несогласиям, выходом из которых было установление правительства. Таким образом, по Мильтону, правители устанавливаются народом, вручающим им власть исполнять требования правосудия, верховенство же принадлежит народу, и оно не может быть у него отнято без того, чтобы не были нарушены тем самым прирожденные права граждан. Нужно,

однако, заметить, что у Мильтона, как и у кальвинистических защитников народовластия, понятие народа далеко не соответствует всей совокупности граждан, вследствие чего Милтон, например, возражал левеллерам, требовавшим неограниченного голосования. В этом отношении и другие республиканские писатели эпохи были противниками настоящей демократии. Для Мильтона лучшей формой правления была аристократия, несменяемый совет лучших и мудрейших людей, хотя и выбранный народом: еврейский синедрион был бы, по его мнению, наиболее подходящим образцом. Право избрания, однако, предоставлялось им не «шумной и крикливой толпе», а людям, имеющим на то законную правоспособность. Другим деятелем первой революции, защищавшим в печати религиозную и политическую свободу, был Генри Вен. Признавая источником верховной власти народ, он находил противным закону природы, чтобы, устанавливая правительство, люди безусловно отказывались от своей свободы в его пользу. Как теоретик народовластия, Вен, однако, требовал, чтобы не только правительство было ограничено в своих правах по отношению к державному народу, но чтобы и у последнего не было безусловной власти в делах совести: между прочим, для обеспечения совести он советовал наложить ограничение на верховную власть, прежде нежели она будет организована, сделав одним из основных пунктов конституции указанное требование. По его словам, «народы приобрели себе право на свободу совести ценой крови Иисуса Христа, который смертью и воскресением своим сделался естественным господином над совестью: Иисус Христос, — развивал Вен свою мысль, — умер и восстал из гроба для того, чтобы быть Господом живых и мертвых и чтобы каждый во всем, касающемся религии, отдавал отчет только Богу и Иисусу Христу, на суде которых будет решена участь каждого; люди же, прибавлял Вен, не должны ни стеснять, ни судить в делах совести».

И Милтон, и Вен основывали право личности на свободу на религиозных соображениях: человек был создан по образу и подобию Божию и тем был призван к свободе; Иисус Христос искупил род человеческий и тем самым освободил совесть каждого отдельного лица от какой бы то ни было земной власти. Но теологическими основаниями пользовались и писатели противного лагеря. Так, например, Салмазий, против которого направлено было одно из сочинений Мильтона, доказывал в своей «*Defensio regia pro Carolo primo*», ссылаясь на Библию, что королевская власть имеет божественное происхождение. Одним из сторонников этого учения в самой Англии был Фильмер, написавший трактат в доказательство той мысли, что короли пользуются верховной властью независимо от воли народа. Опираясь на Св. Писание, Фильмер развивал теорию патриархального происхождения королевской власти, откуда и название его трактата — «Патриарх или естественная власть королей» (*Patriarcha or the natural power of kings*). Бог, говорит этот писатель, дал власть Адаму над женой и детьми,

и от него эта власть переходила по наследству от старшего сына к старшему сыну, а когда возникло много народов, она перешла к старшему в каждом народе; от таких-то патриархов и произошли короли, которым поэтому должны принадлежать все те права, какими отцы пользуются по отношению к своим детям. Фильмер считал избрание королей противным воле Божией, ибо и в Библии Саула выбирает не народ, а пророк Господень Самуил. Вывод из этой теории делался тот, что власть, имеющая такое происхождение, не может подчиняться человеческим законам и, следовательно, не подлежит никакому ограничению, даже в том случае, если бы король дал клятву подчиняться каким-либо условиям. Фильмер не отрицал парламента, но допускал его лишь как уступку, существующую по королевской милости. Сочинение это было написано еще во время республики, но увидело свет в печати лишь в конце царствования Карла II (1680). Оно тогда же вызвало опровержение со стороны Альджернона Сиднея, который изложил свои взгляды на спорный вопрос в «Рассуждении о правительстве» (*Discourses concerning government*). Альджернон Сидней — сторонник народовластия. Не соглашаясь с мыслью о «королевстве Адама», он, однако, обращает аргументы Фильмера против него же самого: если власть патриарха могла разделиться, то только поровну между всеми отцами, т. е. каждый отец был королем, пока все они не сошлись и не договорились между собой подчиняться общему закону. Верховная власть в представлении Сиднея принадлежит народу, который, передавая ее королю, не обязан терпеть от него насилия: нарушая законы, основанные на договоре с народом, король заслуживает наказания. Не нужно, однако, думать, чтобы Сидней был защитником чистой демократии, логически вытекающей из идеи народовластия: он сам признается, что не мог бы ничего сказать в ее пользу, ибо лучшие и разумнейшие люди древности тоже стояли за аристократию.

Одной из идей, общих независимым политическим писателям, была идея о договорном происхождении государства, которую мы находим и у двух важнейших философов эпохи, оставивших политические трактаты, у Гоббса¹ и Локка. Томас Гоббс (Hobbes, 1588—1681) был *первым писателем Нового времени, давшим полное и систематическое учение о государстве*, основанное на чистых началах естественного права без теологической подкладки². В философии он держался воззрений, близких к материализму и сенсуализму, причем объяснял чисто механическим путем не только явления внешней природы, но и то, что происходит во внутреннем мире человека. Политические убеждения и общественные связи сделали из Гоббса сторонника кавалеров, и уже в 1640 г. он изложил свои воззрения в небольшом рукописном трактате «*De corpore politico*». Покинув добровольно Англию в 1641 г., Гоббс стал жить

¹ Robertson Gr. C. Hobbes. — *Rüscheler*. Die Staatstheorie des Thomas Hobbes.

² Почин был сделан голландским ученым и публицистом *Гуго Гроцием* (или *де Гротом*), автором сочинения «*De jure belli ac pacis*» (1625).

в Париже, где нашел себе занятие в качестве преподавателя математики у принца Уэльского, впоследствии Карла II. В следующем году он издал в небольшом количестве экземпляров первое свое систематическое сочинение — «О гражданине» (*De cive*), которое вскоре было им переработано, издано вновь в Голландии и затем самим им переведено на английский язык. В 1651 г. появилось другое, более обширное его сочинение под заглавием «Левиафан, или Материя, форма и власть государства» (*Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth*). Гоббсу не пришлось долго прожить при дворе Карла II, т. к. последний под влиянием духовенства удалил его от себя, и в 1652 г. философ вернулся в Англию. В эпоху Реставрации на него было воздвигнуто сильное гонение: в 1666 г. его «Левиафан» был даже осужден парламентом и сам автор был вынужден оправдываться от обвинения в атеизме. Хотя Гоббс начал свою деятельность с защиты прав королевской власти против мятежных подданных, тем не менее английские роялисты не пользовались его аргументами, и причин на то было две: во-первых, философ в своей политической теории отрешился от каких бы то ни было теологических соображений и даже напал на стремление к самостоятельности со стороны какой бы то ни было церковной власти, а во-вторых, — и это самое главное, — идеи, выраженные им в «Левиафане», были как бы своего рода оправданием возникавшей в Англии диктатуры Кромвеля. Уже в самый год выхода в свет этой книги Фильмер, соглашаясь с идеей Гоббса относительно неограниченности верховной власти, находил все-таки ересь в его учении, что основой последней является воля народа. Во Франции «Левиафан» был запрещен при первом же появлении книги, и ее автор, собственно говоря, уехал в Англию главным образом потому, что не считал себя во Франции безопасным. Сам Гоббс в 1656 г. говорил, что его книга расположила немало англичан к добросовестному повиновению существующему правительству, а таковым тогда была диктатура Кромвеля. На политической философии Гоббса отразились две стороны тогдашнего исторического момента: во-первых, на ней сказалось начало нового освобождения политической мысли от теологической опеки, после того как гуманистическое движение было оттеснено реформационным, а во-вторых, Гоббс явился как теоретик того государственного начала, которое утверждало свое господство в общественной жизни. Гоббс был сторонником идеи государственного абсолютизма, но относился совершенно равнодушно к принципу божественного происхождения королевской власти, защищая ее теми же аргументами, какими можно было защитить, например, и республиканскую диктатуру, и всякое иное фактическое правительство. Одним словом, в его политической теории нашла наиболее полное свое выражение идея светского государства, безусловно господствующего в жизни человека, а такое государство не могло быть симпатично теологическим защитникам королевской власти вроде Фильмера: в 1669 г. Кембриджский университет даже отнял у одного из последователей

Гоббса диплом бакалавра за то, что он разделял учение названного философа о необходимости повиноваться светской власти даже в том случае, если она требует чего-либо противного Закону Божию.

Сущность политического учения Гоббса такова. Исходит он из представления о естественном состоянии, которое (логически, а не исторически) предшествовало образованию человеческих обществ. Человек вовсе не общежительное животное: господствующая его страсть — эгоизм, и «человек для человека есть волк» (*homo homini lupus*), откуда возникает в естественном состоянии «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Так как, однако, это противоречит инстинкту самосохранения (*saecuritas*), то люди вынуждены искать мира (*quaerendam esse pacem*), а достигнуть его они могут, лишь отказавшись от своего права на все путем перенесения его на других. Такое перенесение требует согласия двух волей, или договора (*contractus*). Становясь на точку зрения договорного происхождения государства, Гоббс понимает изначальный договор в смысле единения и (*pao*), создающего как бы одно лицо с единой волей. «Государство, — говорит он, — есть единое лицо (*civitas est persona una*), воля которого в силу обязательств многих лиц должна считаться волей всех, вследствие чего оно может пользоваться силами и способностями отдельных людей для общего мира и защиты». Лицо или собрание, воле которого подчиняются люди, обладает верховной властью, права которой везде одинаковы, какие различия ни существовали бы между самими государствами: по учению Гоббса она выше законов, безответственна и безнаказанна, безгранична или абсолютна. С точки зрения такого понимания он отрицает смешанное правление как противоречащее единству верховной власти и разделение властей как ведущее к анархии, а также отдает предпочтение монархии перед другими формами, особенно же перед демократией. В короле Гоббс видит как бы воплощение народа или самый народ. Все свои права подданные получают только от государства, а потому по отношению к нему лишены каких бы то ни было прав. В естественном состоянии нет собственности, ибо у каждого каждый может все отнять, но раз государство устанавливает собственность, то оно же может ее и отнять. В естественном состоянии люди еще могут иметь собственное суждение о добре и зле, но в государственном быту правила добра и зла определяются законом, и подданный не должен воображать, что он имеет право по-своему рассуждать об этом предмете. Вот почему, думает Гоббс, подданные никогда не совершают греха, действуя по предписаниям власти, ибо считать грехом исполнение велений власти — значит присваивать себе суждение о добре и зле. Государство же у Гоббса является истолкователем естественного закона, в котором открывается воля Божия, а что касается до откровенной религии, то и тут право ее толкования не может быть предоставлено каждому верующему, ибо это повело бы к анархии, а должно быть отдано Церкви; но сама Церковь с независимой верховной властью существовать не может, т. к. тогда в обществе

было бы два государства, т. е. возникла бы анархия, так что, в конце концов, и тут компетентно лишь одно государство. Одним словом, это было *учение о полном поглощении личности государством*, какие бы частные оговорки ни делались самим Гоббсом, когда он не умел или не хотел быть вполне последовательным. Мы знаем, что в Новое время в обществе феодального происхождения, воспитавшемся в принципах католицизма, происходило параллельное развитие начал государственности и личности, нередко сталкивавшихся между собой, например, в реформационную эпоху по вопросу о том, что такое религия, т. е. есть ли она дело государства или дело единичной личности, а кроме того, сталкивавшихся между собой и по другим поводам: в политической теории Гоббса, как было сказано, и нашло свое выражение развитие государственного начала, достигшего к середине XVII в. уже весьма значительной силы. Совершенно так же другое начало, т. е. *начало личности*, нашло *наивысшее свое выражение в политической философии Локка*.

Локк, как сын провинциального адвоката, принадлежал к тому классу общества, который приветствовал с радостью Реставрацию Стюартов. В 1660 г. ему было уже под тридцать лет, и он тогда сам писал, что, достигнув сознательного возраста в эпоху свирепых бурь, он с великой радостью видит наступление внутреннего мира в стране, ибо, прибавлял он, «общая свобода сделалась общим рабством», а те, которые объявляли себя ее защитниками, оказались, наоборот, ее настоящими врагами. В этом заявлении сказалось влияние тогдашней общественной реакции, но Локк оставался верным политическим традициям страны. Вскоре он сблизился с Ашли, будущим Шефтсбери, сделавшись его врачом, и уже тогда он написал недавно лишь изданный¹ «Опыт о терпимости», которую защищал и Ашли. Сближение с этим государственным человеком дало Локку возможность близко познакомиться с политической жизнью эпохи. Неизвестно, знал ли что-либо философ о том заговоре, который устроил Шефтсбери в начале восьмидесятых годов; но к нему после бегства его покровителя стали относиться подозрительно: положение Локка было тяжелое, и ему оставался один выход, к которому тогда прибегали весьма многие англичане, именно эмиграция. В 1683 г. Локк, действительно, переселился в Голландию, где он должен был некоторое время скрываться, т. к. английское правительство потребовало у республики выдачи многих английских выходцев, в числе которых назывался и Локк. Вскоре он сблизился здесь с Вильгельмом Оранским и даже принял участие в тайных переговорах, которые привели ко второй революции. Мы видели, что в 1685 г. им было написано первое письмо о терпимости. Вторая революция вернула Локка на родину. Хорошие отношения, установившиеся между ним и Вильгельмом III еще в Голландии, продолжались до самой смерти нового английского короля, казавшегося философу образцом конституционного монарха.

---

¹ В биографии Локка, написанной *Bourne*’ом.

Вильгельм III, высоко ценивший Локка, предлагал ему даже место посланника в Берлине и в Вене, дипломатический пост в Париже, но он отклонял эти предложения. Поддерживая связи со всеми выдающимися политическими деятелями эпохи, он оказывал сам некоторое влияние на внутреннюю жизнь страны и помимо своих философских сочинений, хотя и был лишь членом комиссии, которая должна была рассматривать петиции, подававшиеся парламенту частными лицами, и членом комитета торговли и плантаций (т. е. колоний); между прочим, ему приписывают, например, участие в деле отмены в Англии (в 1695) книжной цензуры, т. к. предполагают, что он именно был автором доклада, составленного по этому поводу особой комиссией.

Свой «Трактат о правительстве» (*Treatise on government*) Локк начал писать еще до высылки в Голландию в опровержение теории Фильмера, но с составленным тогда рассуждением он соединил другое, написанное уже в оправдание революции 1688 г. Он прямо объявлял, публикуя это сочинение в 1689 г., что поставил своей целью «утвердить престол великого восстановителя английской свободы, короля Вильгельма, вывести его права из воли народа и защитить перед светом английскую нацию за ее новую революцию». Интересно, что исходным пунктом политической теории Локка было то же самое положение, от которого отправлялся и Гоббс, но выводы у него получились совсем иные: люди живут сначала в естественном состоянии, а государство является результатом договора — вот общая исходная мысль обоих философов. Локк, однако, идеальнее понимает, чем Гоббс, человеческую природу и считает возможным сохранить за человеком свободу и в государственном быту. В естественном состоянии все люди свободны и равны, т. е. никто не должен повиноваться чужой воле, но свобода не есть произвол, ибо она подчинена естественному закону, который есть в то же время закон разума, т. е. подчинена повелению природы не посягать на чужую личность и свободу. Поэтому у Локка естественное состояние есть состояние мира, а не войны, как у Гоббса. Нарушители естественного закона должны наказываться, и право наказания в естественном состоянии принадлежит каждому, ибо нарушители этого закона объявляют себя врагами всего человеческого рода, а следовательно, и каждого человека в отдельности. Если в силу этого и возникает состояние войны, то причиной последней является не эгоизм, делающий у Гоббса одного человека «волком» по отношению к другому, а право наказывать нарушителей естественного закона: в сущности, лишь от этого права отказываются у Локка люди, вступая в общественный договор, тогда как Гоббс отнимает у них при этом все права. Мало того: у Локка человек приносит с собою в общество, как прирожденное и неотъемлемое свое право, кроме свободы и равенства, еще и собственность. До Локка право собственности выводили или из первоначального захвата (*jus primi occupantis*) бесхозяйной вещи (*res nullius*), или из передачи этого права лицу государ-

ством. На последней точке зрения стоял Гоббс: он думал, что т. к. в естественном состоянии владение вещью ничем не обеспечено, то собственность является лишь, как дар государства. Локк, однако, не стал и на точку зрения, с которой собственность вытекала из личного произвола первого захватывающего вещь, придумав свое собственное, тоже индивидуалистическое объяснение собственности: уже в естественном состоянии, когда все принадлежит всем, у человека существует исключительное право на его личность, на труд своего тела и на произведение своих рук, хотя бы весь труд заключался в том, чтобы поднять с земли желудь или сорвать с дерева яблоко, не говоря уже об обработке участка земли. Это право каждого в естественном состоянии ограничивается порчей предметов, подлежащих употреблению: человек не может накапливать их более того, что для него необходимо, но возможность их обмена на драгоценные металлы уже создает право накопления. Кроме собственности, Локк считает и семью учреждением, предшествующим возникновению государства: она состоит, между прочим, в родительской власти отца и матери (не одного отца, как у Фильмера) над детьми, ибо последние лишь тогда получают прирожденные им свободу и равенство, когда приходят в разум; кроме того, подчинение детей родителям вытекает у Локка из наследования собственности, оставляемой последними первым. Основу семьи составляет союз мужа и жены, долженствующий продолжаться, по крайней мере, до совершеннолетия детей. Кроме брачного союза, есть еще союз родителей с детьми, и может, наконец, существовать союз господина с рабом. Государство относится Локком к одной категории с этими частными союзами, что весьма характерно для его индивидуалистической концепции: государство — результат договора частных лиц, отказывающихся от права наказывать нарушителей естественного закона. *Такой взгляд на происхождение государства донельзя ограничивает его функции*, тогда как, наоборот, взгляд Гоббса, заставляющего людей отказываться от всех своих прав, *донельзя ограничивает права подданных государства*. Другими словами, оба учения диаметрально противоположны. Если у Гоббса личность передает государству все свои права, то у Локка она почти все естественные права свои сохраняет, в силу чего государство пользуется лишь правом наказывать нарушителей естественного закона, определяя преступления и меру их наказания (власть законодательная), приводя такие законы в исполнение (власть исполнительная) и защищая общество от посягательств на него со стороны других обществ (власть союзная, *federative power*). Если Гоббс настаивал на единстве верховной власти, то Локк, наоборот, считал возможным разделение властей. У Гоббса верховная власть является неограниченной, у Локка, наоборот, не безграничной: раз человек в естественном состоянии не имел абсолютного права на все, он и государству не мог передать такого права. Граница верховной власти определяется ее обязанно-

стью охранять жизнь, свободу и имущество каждого, а власть, делающая нападение на эти блага личности, противоречила бы основе своего собственного бытия. Первенство в государстве принадлежит законодательной власти, и ее установление есть основной закон общества, но эта власть, в силу только что сказанного, не может лишать граждан жизни, свободы и имущества, не может нарушать их естественного равенства путем частных законов (привилегий), или изъятий и т. п. и не может без их согласия брать у них часть их имущества (налоги) на государственные нужды: все это вытекает из естественных законов, существующих всегда, как вечные правила, одинаково обязательные и для подданных, и для правителей. Кроме того, законодательная власть не может передавать своих прав кому бы то ни было. Локк занимается также вопросом о взаимных отношениях законодательной и исполнительной власти (парламента и короля), изложив на этот предмет взгляды, впоследствии повторенные Монтескье; но обе эти власти имеют, по его представлению, над собой высшего судью — народ, который может потребовать к ответу и законодательную и исполнительную власть, если они будут злоупотреблять своими правами. Последнее случается, например, если глава исполнительной власти, участвующий в законодательстве посредством своего «*veto*», захватывает всю законодательную власть, когда он не созывает законодательного собрания или покушается на свободу его заседаний, когда устраняет избирателей или изменяет порядок выборов, и когда народ бывает покинут правителем и подчинен иноземному игу: во всех таких случаях подданные имеют право восстать на защиту своей свободы. Локк был, утверждая это положение, защитником второй английской революции, которая с точки зрения его теории и получила тут свою принципиальную санкцию. Это было, в сущности, повторением того же учения, которое проповедовали за сто лет до Локка кальвинисты. Защищая право сопротивления, он прибавляет, что революции не такое легкое дело, чтобы народ бросался в них очертя голову. Взятая с этой стороны, теория Локка, в частности, была не чем иным, как систематизацией принципов вигизма, и в этом заключается ее связь с политической действительностью, ее породившей. С другой стороны, эта теория отмечена печатью индивидуализма: у человека есть известные природные и неотъемлемые права, существующие в силу естественного закона, которым, далее, вполне определяется и самое пользование этими правами; между прочим, к числу сфер личной жизни, не подлежащих вмешательству со стороны государства, Локк относил религию, как дело индивидуальной совести, опять-таки в противоположность Гоббсу с его принципом государственной религии. Локк не был, однако, вполне последовательным в своем индивидуализме, ибо, с его точки зрения, налоги должны были бы замениться добровольными взносами, а армии — состоять из одних волонтеров, чего он, однако, не требовал. Точно так же он не признавал права выхода из данного общества, раз человек объявлял себя

его членом. Зато весьма последовательно с индивидуалистической точки зрения он суживает задачи государства: последнее у него только охраняет личность и собственность, как будто одни полицейские функции исчерпывают все содержание политической жизни. Т. е. в его государстве нет места для органической работы, создающей многое такое, что выходит за пределы тесной сферы охраны жизни и имущества граждан от убийц и воров. XVIII в., открываемый философией Локка, вообще защищал права человека, в чем была великая заслуга этой эпохи и заслуга Локка, но этот же XVIII в. поставил и новые задачи государству — вести общество к лучшему будущему путем воздействия на культурную и социальную жизнь, на что, впрочем, нет еще и намека ни у Локка, ни у Гоббса. Государство Нового времени унаследовало от средневекового католицизма многие его права и притязания, но стало сознавать свои обязанности только позднее, и именно общее развитие индивидуализма, одним из ярких выражений которого была теория Локка, указало на ту цель, которой должно было служить государство: в XVIII в. она была понята как благо личности и благо народа, как совершенствование культурных и социальных условий индивидуального бытия и народной массы.

Английская философская и политическая литература оказала громадное влияние на культурное и социальное развитие Франции. Мы видели, что в конце царствования Людовика XIV в этой стране зарождается оппозиционная литература. Во французской литературе всегда была известная струя скептицизма¹, но последний весьма мало направлялся на политику. В конце царствования Людовика XIV именно внутренние дела Франции начинают обращать на себя внимание. Уничтожение Нантского эдикта вызвало целую литературу, и вот нетерпимый католицизм возбуждает против себя передовые умы XVIII в.: борьба с ним в первый ее фазис *ведется под знаменем идей английского деизма*. Вместе с этим внутренние порядки Франции пришли в полное расстройство. Уже за десять лет до «Королевской десятины» Вобана² Буагильбер в книге «*Le détail de la France, la cause de la diminution de ses biens etc.*» ставит вопрос, почему бедствует страна, так богато одаренная природой, и за ту же тему он берется в один год с Вобаном и в новом сочинении под заглавием «*Factum de la France*». Ответом служат у Буагильбера, как и у Вобана, ссылки на дурные порядки, требующие реформы. Поэтому оба они рекомендовали административные и финансовые преобразования, а рядом с ними представители средневековых сил католицизма и феодализма, епископ Камбрейский Фенелон и герцог Сен-Симон мечтают об ограничении королевской власти в пользу духовенства и дворянства. И в политическом движении, начинавшемся во Франции, опять *получили перевес английские идеи и над тем, что создано*

¹ Рабле, Монтень, Паскаль, Декарт, Бэйль (конечно, с оговорками).

² Ср.: *Boislisle*. La proscription de la dîme royale.

было Ришелье и Людовиком XIV, и над той реставрацией средневековой католико-феодальной старины, которую думали вернуть Фенелон и герцог Сен-Симон: к Локку примыкают два наиболее влиятельных политических французских писателя XVIII в., Монтескье и Руссо. Таким образом, из двух политических противоположностей, развившихся на Западе в XVII в., победа склонилась в конце концов на сторону принципов, нашедших выражение в английской философской и политической литературе, но сами они самым тесным образом связаны с историей реформационного движения. На этом мы и можем окончить историю XVI и XVII вв., в которой такое важное место принадлежит Реформации. Мы видели, как сложно было само по себе историческое движение, получившее это название, как различны были его причины, его развитие, его следствия в отдельных странах и как многообразно переплеталось оно с главными линиями культурной и социально-политической жизни. С той общей точки зрения, с которой мы смотрим на внутреннюю историю Западной Европы в Новое время, не нужно забывать, что события реформационной эпохи нанесли сильный удар средневековым устоям западноевропейской культурно-социальной жизни — католицизму и феодализму, и что в деле пересоздания этой жизни видная роль принадлежала личному и государственному началам, которые, однако, сами столкнулись между собой на почве религии, бывшей главным культурным интересом эпохи. В XVIII в. произошло новое историческое движение: разрушение средневековых бытовых основ Запада вступило в новый фазис, личность и государство расширили свое самосознание, и окраску всему движению придали культурные и общественные идеи так называемого «Просвещения». Прежде всего признаки наступления нового периода обнаружались в Англии, стране раннего исчезновения феодализма и католицизма, где Гоббс и Локк возвели на степень чистых идей начала государства и личности, и откуда новое культурное направление перенесено было в XVIII в. на материк. Реформационное движение, начавшееся в Германии и потерпевшее здесь неудачу, завершилось таким образом в Англии уже с известным успехом: вот почему из всех стран Западной Европы мы должны были особенно подробно остановиться в истории XVI—XVII вв. на Германии и на Англии. По той же причине в XVIII в. особый интерес возбуждает к себе история Франции: здесь происходило в этом столетии наиболее сильное и наиболее влиятельное историческое движение, новый акт в той драме, которая началась в двадцатых годах XVI в.

Содержание

Вступление	5
I. Изучение реформационного периода	5
Реформационный период	21
II. Политическое состояние Германии в начале XVI в.	23
III. Культурная борьба и Ульрих фон Гуттен	30
IV. Карл V и его общеевропейская политика	40
V. Лютер до отпадения его от Церкви	48
VI. Эпоха Вормского сейма	58
VII. Начало религиозной Реформации	64
VIII. Рыцарское восстание	75
IX. Происхождение Крестьянской войны	84
X. Крестьянская война и ее программы	93
XI. Сектантство и социальные движения	103
XII. Немецкие князья и лютеранская Реформация	115
XIII. Князья и император	126
XIV. Цвинглианская Реформация	139
XV. Происхождение кальвинизма	153
XVI. Характер и историческое значение кальвинизма	164
XVII. Монархические реформации первой половины XVI в.	174
XVIII. Народные реформации второй половины XVI в.	189
XIX. Столкновение двух реформаций в Англии	198
XX. Принципы протестантизма	210
Эпоха католической реакции	227
XXI. Общий взгляд на католическую реакцию	229
XXII. Орден иезуитов	241
XXIII. Культурные следствия реакции	258
XXIV. Католическая политика, Филипп II и Елизавета Английская	272
XXV. Нидерландская революция	287
XXVI. Религиозные войны во Франции и Нантский эдикт	302
XXVII. Реакция в Германии и происхождение Тридцатилетней войны	318
XXVIII. Тридцатилетняя война	330
Франция и англия в XVII в.	343
XXIX. Политические противоположности XVI и XVII вв.	345
XXX. Утверждение абсолютизма во Франции	354
XXXI. Организационная работа французской монархии	368
XXXII. Тюдоры и парламент	378
XXXIII. Политика Стюартов и столкновения Иакова I с парламентами	392
XXXIV. Карл I, Страффорд и Лоуд	403
XXXV. Долгий парламент, кавалеры и круглоголовые	415
XXXVI. Выступление индепендентов	429
XXXVII. Установление республики в Англии	441
XXXVIII. Историческая роль Оливера Кромвеля	452
XXXIX. Политическая и социальная история Английской республики	464
XL. «Век Людовика XIV»	482
XLI. Характер, идеи и политическое поведение Людовика XIV	493
XLII. Правительственная система Людовика XIV	502
XLIII. Внешняя политика Людовика XIV	512
XLIV. Реставрация Стюартов	519
XLV. Вильгельм Оранский и вторая английская революция	532
XLVI. Английские религиозные и политические идеи	540